

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2021. № 470. Сентябрь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2021. № 470. September

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол.
наук, проф.; Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р
ист. наук, проф.; Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц.;
А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-
минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор Издательского
Дома Томского государственного университета; Т.С. Портнова,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потекаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; Л.М. Прокументов, д-р
юрид. наук, проф.; З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слижов, канд. хим. наук, доц.; В.С. Сумарокова, директор
Издательства ТГУ; С.П. Сушенко, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татянин,
канд. геол.-минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук,
проф.; О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р
пед. наук, проф.; Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chair-
man); V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Pro-
fessor (Vice Chairman); N. Glushchenko, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); V. Bertsun, PhD in Physics and Math-
ematics, Associate Professor; Ye. Borisov, Dr. of Philosophy, Pro-
fessor; D. Vorobyov, PhD in Biology, Associate Professor; S. Vo-
robeyov, PhD in Biology, Senior Researcher; A. Glazunov, Dr. of
Engineering, Professor; A. Gortsev, Dr. of Engineering, Professor;
S. Gural, Dr. of Education, Professor; T. Demeshkina, Dr. of Phi-
lology, Professor; Yu. Yershov, Dr. of Philology; V. Zinoviev, Dr.
of History, Professor; D. Katunin, PhD in Philology, Associate
Professor; A. Korotaev, PhD in Physics and Mathematics, Senior
Researcher; I. Malkova, Dr. of Pedagogy, Professor; V. Parnachev,
Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; O. Petrin, Head of Tomsk
State University Publishing House; T. Portnova, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical
Literature Publishing House; A. Potekaev, Dr. of Physics and Mathemat-
ics, Professor; L. Prokumentov, Dr. of Law, Professor; Z. Sakharova,
PhD in Economics, Associate Professor; Yu. Slizhov, PhD in Chemistry,
Associate Professor; V. Sumarokova, Director of TSU Publishing
House; S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor; P. Tarasenko,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; G. Tatianin,
PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; V. Utkin, Dr.
of Law, Professor; O. Chaikovskaya, Dr. of Physics and Mathematics,
Professor; E. Chernyak, Dr. of History, Professor; V. Shilko, Dr.
of Education, Professor; E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –

Н.А. Глушенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Editor-in-Chief

Vasily P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor
Lev M. Prokumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Банкова Л.Л. Три ипостаси китайского нуля: причины, проблемы, решения	5
Демешкина Т.А., Толстова М.А. Локальная самоидентификация жителей сибирского села (на материале автобиографических рассказов)	16
Кузнецова Н.В., Почтарёва О.В. Нерегламентированная пунктуация при вводных словах: тире и двоеточие	23
Савина Т.В. На фоне Пушкина. Лингвистический аспект пушкинского дискурса 1920–1930-х гг.	31
Старикова Г.Н., Лю Си. Графика бытовых старообрядческих рукописей в аспекте конфессионального традиционализма	39
Трофимова Н.А., Щитова О.Г. Новейшие заимствования в русской строительной терминологии XXI в.	50
Юрина Е.А., Полякова А.А., Балдова А.В. Признаковая гастрономическая метафора в русском языке: аспекты типологии	62

ФИЛОСОФИЯ

Асташова Н.Д., Бобкова Т.В. «Неэкономические» модели цифровой экономики	72
Голубинская А.В. Нейроэпистемология как область когнитивной философии и исследований знания	80
Медведев Н.В. Л. Витгенштейн о необозримости грамматики и способе ее постижения	87
Хахалова А.А. Философско-теологическая рецепция Н. Бердяевым идей Симеона Нового Богослова	94

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Arkhipova E.B., Starshinova A.V. Crowd Voting via Online Platforms as a Way of Citizens' Public Participation in the Development of Municipalities (The Active Citizen Case, Moscow)	103
Шарин В.И. Реципрокность в межпоколенной взаимопомощи: мнение студентов	108

ИСТОРИЯ

Беспалько Д.Н. Организация охотничье-промыслового хозяйства на территории Витимо-Олекминского округа в 1930–1938-е гг.	116
Боголюбов Е.А. Добровольные сельскохозяйственные общества в условиях социокультурной трансформации и этатизации правовой и политической системы советского государства	126
Жущиховская И.С., Буравлев И.Ю. Керамические литейные формы из памятника Круглая Долина в Приморье: опыт междисциплинарного исследования	135
Ильина О.В., Конышев Д.Н. Трудовые ресурсы северной деревни в 1939–1959 гг. (на материалах Вологодской и Кировской областей)	147
Кирилова Е.А., Троицкий Е.Ф. Культурное взаимодействие Российской Федерации и Федеративной Республики Германия в период с 2000 по 2020 гг.	154
Колева Г.Ю. История нефтяной и газовой промышленности ХМАО-Югры (1964–2020 гг.): 90-летию Ханты-Мансийского автономного округа посвящается	162
Почекаев Р.Ю. Туркмены Ахал-Теке и Мерва в контексте отношений пограничных администраций Российской империи (1870–1880-е гг.)	171
Розов Н.С. Законы биосоциальной эволюции и главные морфологические новации в антропогенезе	180

CONTENTS

PHILOLOGY

Bankova L.L. Three Hypostases of Chinese Zero: Causes, Problems, Solutions	5
Demeshkina T.A., Tolstova M.A. On Local Self-Identification of Siberian Village Residents (Based on Autobiographical Short Stories)	16
Kuznetsova N.V., Pochtareva O.V. Irregular Punctuation with Parenthetical Words: Dash and Colon	23
Savina T.V. With Pushkin at the Background. The Linguistic Aspect of Pushkin's Discourse of the 1920s–1930s	31
Starikova G.N., Liu Si. Graphics of Old Believers' Domestic Manuscripts in the Aspect of Confessional Traditionalism	39
Trofimova N.A., Shchitova O.G. Latest Borrowings in Russian Construction Terminology of the 21st Century	50
Yurina E.A., Poliakova A.A., Baldova A.V. Attributive Gastronomic Metaphor in Russian: Aspects of Typology	62

PHILOSOPHY

Astashova N.D., Bobkova T.V. "Non-Classical" Models of the Digital Economy	72
Golubinskaya A.V. Neuroepistemology as a Field of Cognitive Philosophy and Knowledge Studies	80
Medvedev N.V. Ludwig Wittgenstein on the Unsurveyability of Grammar and the Way of Its Comprehension	87
Khakhalova A.A. Nikolai Berdyaev Reads Symeon the New Theologian	94

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Arkhipova E.B., Starshinova A.V. Crowd Voting via Online Platforms as a Way of Citizens' Public Participation in the Development of Municipalities (The Active Citizen Case, Moscow)	103
Sharin V.I. Reciprocity in Intergenerational Mutual Aid: Students' Opinion	108

HISTORY

Bespalko D.N. Organization of Hunting and Fishing Economy in Vitim-Olyokminsky District in 1930–1938	116
Bogolyubov E.A. Voluntary Agricultural Societies in the Context of the Sociocultural Transformation and Etatisation of the Legal and Political System of the Soviet State	126
Zhushchikhovskaya I.S., Buravlev I.Yu. Ceramic Casting Molds from the Kruglaya Dolina Site in the Primorye Region: A Case of an Interdisciplinary Study	135
Ilina O.V., Konyshev D.N. Labor Resources of the Northern Village in 1939–1959 (Based on the Materials of Vologda and Kirov Oblasts)	147
Kirilova E.A., Troitsky E.F. The Cultural Interaction between the Russian Federation and the Federal Republic of Germany from 2000 till 2020	154
Koleva G.Yu. The History of the Oil and Gas Industry of the Khanty-Mansy Autonomous Okrug–Yugra (1964–2020)	162
Pochekaev R.Yu. Turkmens of Akhal-Teke and Merv Within the Context or Relations Between Frontier Administrations of the Russian Empire (1870s–1880s)	171
Rozov N.S. The Principles of Biosocial Evolution and the Main Morphological Innovations in Anthropogenesis	180

ПЕДАГОГИКА

Захарова В.А., Безукладников К.Э., Крузе Б.А. Оценка иноязычных коммуникативных умений как составляющей функциональной грамотности младших школьников	189
Сафоненко С.В. Формирование способности к равновесию у девочек 8–9 лет, занимающихся художественной гимнастикой на этапе начальной подготовки	198
Цыренова В.Б., Лумбунова Н.Б. Управление учебной мотивацией студентов в условиях цифровизации	203
Черкасов В.В., Черкасова И.И., Пестряков Н.Н. Анализ двигательной активности и физической подготовленности юных футболистов при дистанционном режиме тренировочных занятий в условиях пандемии	210

ПРАВО

Азарёнок Н.В. Необходимо ли восстановление воспитательно-профилактических задач уголовного судопроизводства в УПК РФ?	217
Гладышева О.В., Ульянов В.Г. Обеспечение имущественных прав участников уголовного процесса при наложении ареста на имущество: проблемы и пути решения	223
Головастова Ю.А. Альтернативно-пенитенциарное право как формирующаяся подотрасль уголовно-исполнительного права	229
Косицин И.А., Майле А.Д., Шевченко Ю.П. Особенности применения мер административно-правового принуждения в отношении лиц, обладающих особым правовым статусом	235
Певцова Е.А., Сапогов В.М. Формирование правовой культуры несовершеннолетних в условиях цифровизации правовой жизни общества	242
Сун Лэй. Вехи становления конституционного законодательства Китая: взгляд через сто лет со дня создания КПК	253
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	263

PEDAGOGICS

Zakharova V.A., Bezukladnikov K.E., Kruze B.A. Assessment of Foreign Language Communication Skills as a Component of Functional Literacy of Primary School Students	189
Safonenko S.V. Formation of the Ability to Balance in 8- and 9-Year-Old Girls Engaged in Rhythmic Gymnastics at the Stage of Initial Training	198
Tsyrenova V.B., Lumbunova N.B. Managing Students' Learning Motivation in the Digitalization Context	203
Cherkasov V.V., Cherkasova I.I., Pestryakov N.N. An Analysis of Young Footballers' Motor Activity and Physical Fitness During Remote Training Sessions During the Pandemic	210

LAW

Azarenok N.V. Is It Necessary to Restore the Educational and Preventive Tasks of Criminal Justice in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation?	217
Gladysheva O.V., Ulyanov V.G. Ensuring Property Rights of Participants in Criminal Proceedings in the Imposition of Arrest on Property: Problems and Solutions	223
Golovastova Yu.A. Alternative Penal Law as an Emerging-Branch of Penal Law	229
Kositsin I.A., Maile A., Shevchenko Yu.P. Features of the Application of Measures of Public Coercion in Relation to Persons With Special Legal Status	235
Pevtsova E.A., Sapogov V.M. Formation of the Legal Culture of Minors in the Digitalization of Society's Legal Life	242
Song Lei. Milestones in the Formation of China's Constitutional Legislation: A Look Through One Hundred Years Since the Creation of the CPC	253
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	263

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.581

Л.Л. Банкова

ТРИ ИПОСТАСИ КИТАЙСКОГО НУЛЯ: ПРИЧИНЫ, ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ

Рассматриваются три формы записи нуля в китайском языке «0 – 〇 – 零»: приводится история их появления в Китае, разграничиваются сферы применения на основании соответствующих государственных стандартов и актов, а также анализируются типичные ошибки в употреблении. Помимо этого рассматриваются способы применения иероглифа 零 для обозначения понятия «нуль». Предложены пути решения вопроса о принадлежности 〇 к иероглифам с помощью структурного, семиотического и концептуального подходов.

Ключевые слова: китайский язык; нуль; запись китайского нуля; числительное; цифра.

Zero makes shadowy appearances only to vanish again almost as if mathematicians were searching for it yet did not recognize its fundamental significance even when they saw it

J.J. O'Connor, E.F. Robertson [1]

Введение

Нуль в Китае называют особенным числительным («零是个特殊数词... [2. С. 67]). Связано это с тем, что в современном китайском языке для его обозначения используются три знака «0 – 〇 – 零», где первый представляет собой арабскую (индийскую) цифру 0, второй является простым круглым символом 〇, а третий – иероглифом сложной графической формы 零. При этом все три ипостаси нуля имеют однокоренное происхождение líng.

В китаеведении с членами триады «0 – 〇 – 零» связано две проблемы: практическая и теоретическая. Первая состоит в разграничении сферы употребления форм обозначения нуля. Ввиду сходства графического облика первых двух символов триады, а также особенностей употребления второго и третьего иногда наблюдается путаница в их записи. Вторая проблема – теоретическая – заключается в определении правомерности причисления символа 〇 к иероглифам. Для решения обозначенных проблем в ходе исследования, во-первых, предполагается рассмотреть исторические предпосылки подобной вариативности при записи нуля. Взгляд с диахронического ракурса позволяет не только объяснить причины существования трех знаков для обозначения одного денотата, но и спрогнозировать тенденции развития записи числительного «нуль» в китайском языке. Во-вторых, на основании соответствующих нормативных документов (государственных стандартов и актов) обозначить регламентированные варианты употребления каждого члена триады «0 – 〇 – 零». В-третьих, провести анализ типичных ошибок в их записи. В-четвертых, определить семиотический статус всех вариантов обозначения нуля, что позволит дать ответ на вопрос о том, является ли 〇 иероглифом. До этого будем условно называть его символом.

Исторический аспект появления нуля в различных древних культурах и цивилизациях довольно подробно разработан [1; 3–7; 8. С. 463–470; 9. С. 114;

10. С. 88–89, 110–112]. Также изучению появления нуля в Китае уделено внимание в трудах как восточных, так и западных ученых [11–14; 15. С. 71–77; 16. С. 10–38].

С лингвистического ракурса нуль привлекал внимание китайских исследователей. Цао Сяньчжо (曹先擢) [17], Ян Лихуа (杨丽华) [18], Юй Лицзюнь (于立君) [19], Вэнь Сю (文修) [20] и Ван Чжэн (王正) [21] рассуждали о возможности причисления символа 〇 к иероглифам. Ли Линь (李琳) рассматривала вопросы чтения и произношения нуля [22], Ли Вэньлянь (李文恋) анализировал различные формы выражения понятия «нуль» в китайском языке, в том числе в диахронии [23]. Ряд работ посвящены тенденции аффиксации иероглифа 零 [2; 24–26]. Статья Юй Сичжи ориентирована прагматически, в ней рассмотрено употребление нуля в рамках библиотечного дела [27].

На наш взгляд, наиболее полными и всеохватывающими являются статьи Го Луншэна (郭龙生) «Различные формы числительного ‘нуль’ (零) и анализ их современного употребления» (《数词“零”不同形式及其应用现状分析》) [28] и Ли Вэньляня (李文恋) «Различные формы и структуры выражения китайского понятия ‘нуль’ (〇)» (《汉语“〇”概念的不同形式和相关结构》) [23]. В них авторы наиболее последовательно подходят к вопросу изучения нуля: обращаются к нормативной базе, истории возникновения форм его обозначения, анализируют особенности их употребления. Однако в этих статьях акцент делается на какой-либо одной форме записи нуля. Ниже в настоящей работе автором проанализированы позиции вышеупомянутых китайских исследователей и высказан свой взгляд на затрагиваемую проблематику.

В целом все известные нам работы решали проблему причисления символа 〇 к иероглифам в структурном ключе. Настоящая статья отличается от них тем, что помимо структурного при рассмотрении всех ипостасей китайского нуля применяются семиотический и скалярный (когнитивное направление) подходы.

Для того чтобы ответить на вопрос, почему в Китае одновременно существуют три знака для обозначения нуля, следует обратиться к истории их возникновения. Диахронический подход позволяет рассмотреть причины появления и функционирование каждого знака триады «0 – 〇 – 零» в соответствии с периодизацией истории китайского языка, предложенной проф. Ван Ли. В ее рамках выделяются такие периоды развития языка, как древнекитайский (上古期) (нижняя граница не определена – до III в. н.э.), охватывающий время правления династий Шан, Чжоу и Цинь; среднекитайский (中古期) (IV–XII вв.), состоящий из периода шести династий, а также династий Тан и Сун; новокитайский период (近代期) (XIII–XIX вв.), включающий династии Юань, Мин, Цин; современный период (现代期) (начало XX в. – наше время) [29. С. 32–35].

В настоящем исследовании мы опираемся на знаковую теорию языка, согласно которой математические и языковые знаки противопоставляются друг другу как цифры и слова соответственно [30. С. 10–19]. Подобный семиотический подход поможет аргументировать принадлежность арабского нуля (0) к математическим знакам (цифрам), а иероглифа 零 – к языковым знакам (словам), а также даст ответ на вопрос о принадлежности символа 〇 к иероглифам.

Помимо этого, для определения семиотического статуса 〇 применен скалярный подход в рамках теории прототипов. Он был предложен Юань Юйлинем для решения проблем выделения частей речи [31, 32] и нашел применение в отечественном китаеведении в [33]. Согласно теории прототипов, у каждой категории имеется центр и периферия, при этом «в каждой категории имеются центральные (прототипичные) элементы, обладающие набором стандартных признаков для данной категории, а также элементы, отдаленные от центра и в той или иной степени отличающиеся от центральных элементов» [33. С. 227]. В рамках этого подхода при сравнении с прототипом других членов категории начисляются баллы на основе их соответствия прототипическим признакам. При этом, чем больше баллов, тем больше соответствие. Несколько изменив методику начисления баллов и опираясь только на их сложение, на основе шкалы соответствия [33. С. 229] определим, на сколько процентов 0 и 〇 обладают прототипическими иероглифическими чертами, если сравнивать их с центральным элементом (прототипом) иероглифом 零.

История появления 0, 〇 и 零

В древнекитайский период развития языка при записи числа отсутствие цифры в каком-либо разряде никак не обозначалось. Так, например, запись числа 一百零六 ‘сто шесть’ принимала форму 百六 [23. С. 8; 34; 35. С. 40].

В период Чуньцю для обозначения отсутствующей цифры в числе появился способ записи, при котором оставлялось пустое место. Это стало возможным благодаря использованию специальных счетных палочек

по принципу расположения их как по вертикали, так и по горизонтали [23. С. 9]. Впервые этот способ получил применение у Хэ Чэнтяня при династии Лю Сун в эпоху Южных и Северных династий (420–479 гг.) [23. С. 9]. Иногда на пустое место ставили медные монеты [36. С. 78].

Примерно в 1300 г. до н.э. в гадательных текстах из иньских руин в записи чисел между разрядами сотен, десятков в сочетании с единицами зафиксирован некий позиционный знак. К сожалению, более конкретные сведения о нем отсутствуют. Этот позиционный знак исчез после эпохи Хань [37. С. 112]. Фу Янь и следом за ним Ли Вэньлянь полагают, что это можно считать самой ранней формой записи нуля [23. С. 9; 37. С. 112].

В период династий Тан и Сун (VII–XIII вв.) с целью избежания ошибок, связанных с наличием пустого места в записи числа, для обозначения отсутствия цифры в разряде появился знак □. Выбор пал на него, поскольку так обычно обозначался пробел в тексте при отсутствии обычного иероглифа [15. С. 77; 23. С. 9]. Именно квадрат использовался для обозначения пробела в числовой записи в произведении Цай Шэня «Новые музыкальные писания» (《律吕新书》) [1].

Судьба символа 〇 складывалась следующим образом. Страной его происхождения считается Индия. В VII в. древнеиндийский брахман Брахмагупта (Brahmagupta) был первым математиком, который предложил использовать нуль при счете [3–6]. Что касается появления символа 〇 в самом Китае, то существуют две основные версии: заимствование «индийского» нуля округлой формы (〇) и взгляд на него как исключительно китайское изобретение, полученное в результате округления знака □ [38. С. 44–45]. Примечательно, что в Поднебесной символ 〇 встречался и раньше среди иероглифов императрицы У Цзэтянь (武则天), изданных в 690 г., однако значение у него было «звезда» [1; 17. С. 55; 28. С. 51].

Точно установлено, что со значением «нуль» 〇 раньше всего встретился в труде «Девять книг по математике» (《数书九章》) знаменитого китайского математика XIII–XIV вв. Цин Цзюшао (秦九韶) [1; 15. С. 77; 16. С. 20; 23. С. 11]. Дж. Нидэм предполагает, что форма 〇 была заимствована в XII в. из философских фигур неоконфуцианцев. Как бы то ни было, в эпоху Сун данный символ уже получил широкое хождение [16. С. 20]. Однако есть мнение, что в качестве нуля он встречался еще раньше, в календаре «Да мин» (《大明历》) (1180 г.), основанным Цзу Чунчжи (祖冲之). В нем число 403 записывается как 四百〇三, а число 309 как 三百〇九 [1; 15. С. 77; 23. С. 11]. По мнению Чэнь Няньгао (陈年高), именно в ту пору, когда символ 〇 стал использоваться для обозначения пустой позиции в записи числа и возникла путаница с 零 (забегая вперед, скажем, что это произошло в среднекитайском языке), то произношение последнего экстраполировалось на 〇¹ [39. С. 59].

После «Девяти книг по математике» 〇 встречается в «Цэ юань хай цзин» (《测圆海镜》) Юань Лие

(元李治) [23. С. 11], в «Яшмовом зеркале четырех начал» (《四元玉鉴》) Чжу Шицзье (Zhu Shijie) (1303 г.) [1], в «И гу янь дуань» (《益古演段》). В последнем, например, в записи числа 二万四千〇五十七 ‘двадцать четыре тысячи пятьдесят семь’ используется 〇 для обозначения отсутствия цифры в разряде сотен. Из последнего труда следует, что 〇 в то время был способен обозначать не только отсутствующий разряд числа, но и понятие нуля в дробях, степенях и т.п. [23. С. 10–11]. В повсеместное употребление символ 〇 вошел в конце периода правления династии Сун (960–1279 гг.) [16. С. 20].

Представляется необходимым отметить интересный факт, что символ 〇 официально вошел в обиход лишь в 1995 г. Именно тогда Технический комитет КНР по стандартизации информационных технологий (中华人民共和国全国信息技术标准化技术委员会) обнародовал нормативный акт «О расширении количества цифр-иероглифов» (《汉字内码扩展规范》), в котором символ 〇 был официально включен в число цифр (...中以“汉字数字”的名分收入了“〇”)[40]. Позже государственный стандарт GB18030-2000 «Используемый при обмене информацией набор китайских кодированных символов. Расширенный базовый набор» (《信息交换用汉字编码字符集 基本集的扩充》) [41] закрепил вхождение символа 〇 в ряды цифр.

Иероглиф 零 встречается еще в период Чуньцю и Воюющих царств (770–221 гг. до н.э.) в стиле дачжунань, однако в ту пору его первоначальное значение («мелкие капли дождя») не имело ничего общего с записью числа [28. С. 51; 32. С. 9–11; 36. С. 78]. Именно в таком значении иероглиф 零 встречается, например, в «Книге песен» (《诗经》) [16. С. 34–38]. Впоследствии значение иероглифа 零 эволюционировало, и он стал обозначать «остатки, маленькая часть» в качестве основного [16. С. 34–38; 43. С. 71], что продлилось до XIV в. [16. С. 34–38].

Иероглиф 零 приобрел функцию обозначения нуля во время правления династии Мин, в XIV–XVII в. [42. С. 9–11; 43. С. 71], которые приходятся на новокитайский период развития китайского языка. Если определять точнее, то 零 ‘нуль’ зафиксирован в произведении конца XVI в. «Суань фа тун цзун» (《算法统宗》), в котором имеется запись числа 1 001 иероглифами 一千零零一, после чего подобное значение 零 получило широкое распространение. Так, оно наблюдается в труде Ло Шилинь (罗士琳) «Арифметические пропорции Хуэйтуна» (《算学比例汇通》) (1818 г.) и подобных ему той же эпохи [16. С. 34–35; 23. С. 10]. Однако Чэнь Няньгао (陈年高) считает, что функцию обозначать пустое место в записи числа 零 получил до периода династии Мин, в эпохи Сун и Юань, в записях Цинь Цзюшао (秦九韶) и Юань Лие (元李冶) [39. С. 58].

Цифра 0 (китайские историки математики называют ее «яйцом Колумба» (数学家把0称作“哥伦布鸡蛋”)[44]) появилась сначала в комплекте арабских (а точнее, индийских) цифр приблизительно в VII в. н.э. в Индии

[28. С. 51]. Несмотря на то, что контакты Китая с этой страной в области математики начались во времена династии Тан (среднекитайский период развития языка), использование цифры 0 зафиксировано при династии Цин (1875 г., новокитайский язык) в «Двадцати пяти династических историях» (《二十五史》) в главе «История династии Цин» (《清史稿》). [23. С. 10]. Таким образом, цифра 0 вместе с остальными арабскими цифрами окончательно вошли в обиход в Китае в начале XX в. [17. С. 3; 23. С. 10].

Итак, в древнекитайском языке отсутствовал способ обозначения нуля. Появление математического символа (〇) для обозначения понятия «нуль» относится к среднекитайскому периоду. Новокитайский период развития языка (конец XVI в.) характеризуется появлением у иероглифа 零 соответствующего значения. Арабскую цифру «нуль» семиотическая система Поднебесной приняла гораздо позже, чем Россия и Запад, в современном периоде развития китайского языка. Также подчеркнем, что 〇 не является упрощенной версией 零, как это иногда ошибочно утверждается, и рассмотренный выше материал подтверждает, что 〇 и 零 представляют собой разные языковые знаки и у них разные исторические пути.

Применение иероглифа 零 для обозначения понятия «нуль»

В предыдущем разделе описывалась история трех знаков для обозначения **отсутствия цифры в одном или нескольких разрядах при записи числа**. Однако у иероглифа 零 по сравнению с остальными функционал в числовой записи гораздо шире, в разные периоды развития китайского языка приобретенное значение «нуль» не ограничивалось рамками обозначения отсутствия цифры в записи числа. Обычно способы его употребления распределяются на три группы:

1) использование иероглифа 零 между разными единицами измерения:

– между денежными единицами:

“通知单”上通知午季必须缴纳的竟是一百八十四元零一分。На уведомлении указано, что в летний сезон следует оплатить сто восемьдесят четыре юаня нуль один фэнь (Китайская перепись сельского населения/《中国农民调查》);

– между лексическими единицами со значением времени:

时八月廿三日申时也,只活了一年零两个月。

В августе месяце двадцать третьего числа прожил только год и (нуль) два месяца (Ланьлинский насмешник «Цветы сливы в золотой вазе», глава 59/明兰陵笑笑生《金瓶梅》第五十九回)

2) использование иероглифа 零 при записи числа без цели обозначения отсутствия в нем цифры.

В таких случаях иероглиф 零 может быть опущен, что не приведет к изменению значения первоначального числа или значения целой фразы:

共使银一千一百十两,除给五百两外,仍欠六百零十两。Всего потрачено серебра тысяча сто десять лянов, кроме отданных пяти сотен лянов, по-

прежнему должен *шестьсот ноль десять* лянвов (Цао Сюэцинь «Сон в красном тереме», глава 64 / 曹雪芹 《红楼梦》第六十四回);

3) использование иероглифа 零 для обозначения отсутствия цифры в одном или нескольких разрядах при записи числа:

赤金四万二千零十二两.....白银五十二万二千一百零三两。 *Червонного золота сорок две тысячи двенадцать* лянвов <...> *белого серебра пятьсот двадцать две тысячи сто три* лянна (Юйлин Лаожэнь «Шэньлоучжи», глава 18/庚领劳人《蜃楼志》第十八回) [23. С. 13; 39. С. 59–60].

Употребление иероглифа 零, описанное в первой и второй группах, где он выполняет роль эпентезы, не характерно для современного китайского языка. Согласно данным, приведенным Сян Си (向熹), использование иероглифа 零 между разными единицами измерения (первая группа) началось в эпоху династии Юань [11. С. 368] и прекратилось к началу современного периода языка.

Описанная во второй группе функция 零 в качестве эпентезы (при записи числа без цели обозначения отсутствия в нем цифры) была свойственна записи числительного аддитивного типа в среднекитайском и новокитайском периодах развития языка. Аналогичное языковое явление наблюдается в современном английском языке, где союз and расположен между сотнями и десятками в аддитивных числительных. Правда, до введения в обиход иероглифа 零 роль эпентезы выполняли иероглифы 又, 出, 又, 有, 单 (丹), 另 (令) [23]. И только после династии Мин иероглиф 零 начал выступать в качестве связки элементов числительных аддитивного типа [11. С. 368–369].

Что касается третьего способа функционирования иероглифа 零, когда он используется для обозначения отсутствия цифры в одном или нескольких разрядах при записи числа, то здесь 零 выступает в привычной современной функции записи как аддитивных, так и мультипликативных числительных для обозначения отсутствующей цифры. Данную функцию он приобрел в период правления династии Мин, о чем подробно было сказано выше.

Нормативная база, применение и типичные ошибки в записи членов триады «0 – 〇 – 零»

Основным документом, регулирующим запись цифр в КНР, является государственный стандарт GB/T 15835 – 2011 «Общие правила записи чисел в публикациях (中华人民共和国国家标准《出版物上数字用法》)» [45]. В данном государственном стандарте пункт 5.2.5 специально посвящен разграничению употребления 〇 и 零. Там сказано, что они являются двумя иероглифическими вариантами арабской цифры 0. Основной принцип их различия заключается в том, что при измерениях, расчетах, вычислениях (作计量) используется 零, а при нумерации, маркировке, присвоении порядкового номера (作编号) уместен 〇.

Другими словами скажем, что количественные числительные требуют 零, а порядковые – 〇. Также приведем примеры записи чисел из данного государственного стандарта: 3 052 三千零五十二 (неверно: 三千〇五十二); 95.06 九十五点零六 (неверно: 九十五点〇六); 2012年 пишется 二〇一二年 ‘две тысячи двенадцатый год’ (неверно: 二零一二).

До принятия данного стандарта в 2011 г. в работах, изданных до этого времени, вопрос о выборе 零 или 〇 в записи дат оставался открытым. В частности, об этом говорится в работе Цао Сяньчжо (曹先擢) «Некоторые замечания касательно нуля» (《关于〇的一点意见》) 1995 г. [17].

Исходя из разграничения сфер употребления «0 – 〇 – 零», на которые указывает государственный стандарт, необходимо обращать внимание на следующие моменты:

– при наличии в числовой записи разрядных цифр 十 ‘десять’, 百 ‘сто’, 千 ‘тысяча’, 万 ‘десять тысяч’ используется 零: 一万三千零七十 ‘тринадцать тысяч семьдесят’, 八千零四十 ‘восемь тысяч сорок’, 五百零九 ‘пятьсот девять’;

– если вышеперечисленные цифры не встречаются, то используется 〇: 七〇三〇号 ‘номер семь ноль три ноль’ или ‘номер семь тысяч тридцать’, 二〇一九年 ‘две тысячи девятнадцатый год’, 三〇二路电车 ‘трамвай номер триста два’.

Несмотря на наличие государственного стандарта, наблюдаются ошибки в употреблении всех трех членов обозначающей ноль триады «0 – 〇 – 零». Именно эта проблематика затронута в работах Юй Сичжи (喻西知) [27] и Го Луншэна (郭龙生). Последним типичные ошибки были сгруппированы [28. С. 54], и могут быть представлены следующим образом:

1. Использование арабской цифры 0 вместо 〇 и 零. Например, вместо записи 1980年 ‘тысяча девятьсот восемьдесятый год’ встречается 198〇年. Также нежелательна запись в виде 一九八零年.

2. Использование арабской цифры 0 или иероглифа 零, а также латинских букв O или o вместо 〇. Например, эталонная форма записи 二〇〇八年 ‘две тысячи восьмой год’ может принимать неправильные формы: 二零零八年 / 二00八年 / 二〇〇八年 / 二oo八年.

3. Вместо 零 запись ошибочно производится посредством 〇 или 0. Например, фразу «сто девять лет» по-китайски следует записывать в виде 一百零九岁 либо 109岁. Нарушением нормы считаются варианты 一百〇九岁 или 一百0九岁.

4. Запись с использованием омофонов 零 (令 ling и 另 ling): 一百令九岁 ‘сто девять лет’ и 一百另九岁 ‘сто девять лет’.

Го Луншэн в разряд ошибок относит отличное от континентального Китая употребление анализируемой триады символов. Так, в Гонконге и на Тайване нормой считается запись года с использованием иероглифа 零 (二零一四年 ‘две тысячи четыр-

надцатый год' и —一九九零年 'тысяча девятьсот девяностый год') [28]. Представляется, что рассматривать подобные формы записи следует как территориально обусловленные, не причисляя их к ошибочным.

Семиотический статус членов триады «0 – 〇 – 零»

Под семиотическим статусом членов триады «0 – 〇 – 零» понимается их знаковая природа, исходя из того, что математический знак является цифрой, а языковой знак – словом (иероглифом) [30. С. 10–19]. Доказав, что арабская цифра 0 не иероглиф, а 零, напротив, иероглиф, и сопоставив эти два знака, можно будет получить ответ на вопрос, является ли иероглифом символ 〇.

Прежде всего рассмотрим, как трактуется 〇 в нормативных документах. В «Списке общепринятых стандартных китайских иероглифов» (《通用规范汉字表》) от 2009 г. 〇 не включен в число иероглифов [46]. В опубликованных Государственным комитетом по языковой политике и реформе и другими ведомствами документах «Стандарт элементов китайского иероглифического письма» (《汉字部件规范》) от 2009 г. [47], «Список часто используемых иероглифов современного китайского языка (2 500 иероглифов)» (《现代汉语常用字表》常用字 (2 500 字)) [48] и подобных им стандартах и нормативах данный знак также отсутствует.

Напротив, Технический комитет КНР по стандартизации информационных технологий (中华人民共和国全国信息技术标准化技术委员会) посредством упомянутого выше нормативного акта «О расширении количества цифр-иероглифов» (《汉字内码扩展规范》) официально включил символ 〇 в число цифр (...中以“汉字数字”的名分收入了“〇”) [40]. Помимо этого, в государственных стандартах КНР GB18030-2000 «Используемый при обмене информацией набор китайских кодированных символов. Расширенный базовый набор» (《信息交换用汉字编码字符集 基本集的扩充》) [41] и GB/T 15835 – 2011 «Общие правила записи чисел в публикациях» (《出版物上数字用法》)² 〇 присутствует и называется иероглифом [45]. Как видно, обращение к нормативной базе не проясняет ситуацию с семиотическим статусом 〇.

В китайских научных языковедческих кругах также наблюдается расхождение мнений по данному вопросу. Большинство языковедов положительно решают вопрос о причислении 〇 к иероглифам. По словам Ли Шучэня (李书晨), «〇 действительно иероглиф. В древних изданиях иероглифических словарей его обычно не было, в них входил иероглиф 零. В современных словарях китайского языка он встречается, однако в каталоге ключей его не найти» («〇确实是个汉字, 在古旧版本的字典中一般都没有选入这个字, 而有“零”字, 在现代汉语字典、词典中又选入了“〇”字, 但在部首目录中却无法检此字») (С. 21, цит. по:

[18. С. 99]). Сторонниками причисления 〇 к числу иероглифов также являются Юй Гуаньюань (于光远) (статья «Начиная с “нуля”» 《从“〇”开始》) (цит. по: [18. С. 99]) и Ван Пэймин (王培明) (статья «Аргументы в пользу того, чтобы считать 〇 иероглифом» 《“〇”是汉字的理由》) (цит. по: [18. С. 99]). Вот что пишет в своей статье «〇 как неотъемлемая часть культуры китайской иероглифической письменности» (《“〇”是汉字文化固有的组成部分》) еще один сторонник данной точки зрения Ван Чжэн (王正): «Раз уж 〇 вошел в состав таких словарей, как «Иероглифический словарь Синьхуа» / 《新华字典》, «Словарь современного китайского языка» / 《现代汉语词典》, «Новый словарь по системе четырех углов» / 《四角号码新词典》, то он может считаться иероглифом» [21. С. 35]. Также с обозначенным мнением солидарен Ян Лихуа [18]. Отметим, что фиксация лексикографическими источниками 〇 произошла недавно. Это следует из того, что символ 〇 отсутствует в таких лексикографических источниках, как словарь «Шовэнь цзецзы» / 《说文解字》 (II в. н.э.), словарь Канси / 《康熙字典》 (первая пол. XVIII в.), «Цыюань» / 《辞源》 (первая пол. XX в.), «Цыхай» / 《辞海》 (первая пол. XX в.), «Чжунхуа да цзыдянь» / 《中华大字典》 (1915 г.) [20].

Противники причисления 〇 к иероглифам, к которым относится первый китайский языковед, поднявший вопрос о статусе данного символа – Вэнь Сю (文修), обосновывают свою позицию тем, что функция анализируемого символа – обозначать отсутствие цифры в каком-либо разряде (数的空位). Кроме того, Вэнь Сю выступает за запрет использования 〇 вместо 零 [20. С. 24].

Некоторые лингвисты видят в рассматриваемом символе как признаки иероглифа, так и черты, не позволяющие относить его к ним. Например, Го Луншэн называет 〇 нетрадиционным иероглифом («它不是传统的汉字») [28. С. 55] и приводит аргументы в пользу его иероглифического статуса: 1) использование наравне с другими цифрами-иероглифами при написании дат (например, 二〇一九年 'две тысячи девятнадцатый год'); 2) наличие своей графической формы (манера написания которой, правда, не в стиле иероглифического письма); 3) наличие произношения (líng)³; 4) обладание значением (пустое место в записи цифр). Эти факторы, по мнению Го Луншэна, сделали возможным появление 〇 во многих словарях [28. С. 55]. Однако мы не признаем вышеперечисленные аргументы (кроме последнего) весомыми, потому что всеми этими характеристиками, за исключением последней, обладают и обычные арабские цифры.

На тему принадлежности 〇 к иероглифам рассуждает Цао Сяньчжо (曹先擢) в своей статье «Некоторые замечания касательно нуля» (《关于〇的一点意见》). Он предлагает рассматривать вопрос причисления 〇 к иероглифам исходя из структуры и из функций. В результате анализа Цао Сяньчжо приходит к выводу о том, что 〇 не удовлетворяет графиче-

ским условиям, потому что не имеет в своем составе ни одну из пяти базовых черт. Соответственно, не удовлетворяет структурному критерию.

Что касается функций, которые проявляются во взаимодействии иероглифа с другими иероглифами, то при совместной записи с комплектом обычных цифр (小写) (一 二 三 四 五 六 七 八 九 十) 〇 обозначает пустой разряд. Для выражения порядковости допустимо использовать как 〇, так и 零 (после 2011 года государственный стандарт предписывает производить запись дат согласно второму варианту с 〇). Например, при записи летоисчисления до 2011 года допускались оба варианта 一九九零 / 一九九〇, 二零零零 / 二〇〇〇, при этом второй вариант с 〇 считался более предпочтительным и впоследствии стал стандартным. По словам Цао Сяньчжо, с точки зрения функционала 〇 может считаться иероглифом. В качестве аргумента против этого он приводит то, что 〇 не может быть свободно используемым иероглифом, как 零 (从零做起 ‘начинать с нуля’; 零位 ‘нулевое положение’; 零形式 ‘нулевая форма’) [17. С. 1].

Если Цао Сяньчжо предлагает применить структурный и функциональный подходы, то мы предлагаем рассматривать проблему 〇 с семиотического ракурса. Будем исходить из того, что для описания строения языкового знака применяется треугольник Фреге, который может считаться мерилототождествления знака и слова, а, значит, и иероглифа в случае китайского языка [51]. Левая вершина треугольника Фреге представляет число (денотат), в нашем случае это «целое число меньше единицы и больше минус единицы». Верхняя вершина представлена знаком, в нашем случае 〇. Правая вершина является смыслом (понятием о денотате). Она, по нашему мнению, является собой некий концепт, включающий культурные особенности, дополнительные элементы знаковой информации, аксиологическое наполнение. Что касается символа 〇, то у него подобное наполнение отсутствует, он аксиологически нейтрален, не задействован во фразеологии. Таким образом, символ 〇 не соответствует прокрустову ложу треугольника Фреге.

Что касается строения знака иероглифа 零, то в рамках теории треугольника Фреге он выглядит следующим образом. У 零 и 〇 общий денотат («целое число меньше единицы и больше минус единицы»). Верхней вершиной является графическая форма 零. А вот содержание правой вершины имеет свою особенность, именно в 零 зашифрована культурологическая информация, однако, не связанная с обозначением числа [43. С. 71].

Теперь рассмотрим семиотический статус каждого из членов триады «0 – 〇 – 零». Применяться будут следующие критерии разграничения математических знаков (цифр) и языковых знаков (слов) в отношении числительных, коими являются: 1) способность вступать в синтаксические отношения с именем существительным и (или) счетными словами; 2) участие в формировании фразеологических единиц китайского языка; 3) наличие культурно значимых смыслов;

4) формирование новых лексических и грамматических значений; 5) фиксация лексикографическими источниками [51. С. 584–586]. Также в результате вышеприведенного анализа относительно принадлежности 〇 к иероглифам к данным пяти критериям представляется целесообразным добавить еще пять: 6) возможность совместного употребления с цифрами-иероглифами; 7) соответствие манеры написания иероглифическому стилю письма; 8) возможность функционировать в качестве свободно используемого иероглифа; 9) наличие лексического значения; 10) соответствие треугольнику Фреге.

Для определения той черты, за которой математический знак становится языковым, предлагаем применить скалярный метод на основе теории прототипов Юань Юйлина. За сто процентов возьмем соответствие всем десяти критериям. Несколько модифицировав принципы начисления баллов, оценим каждый из критериев в десять баллов. В итоге оценочная шкала имеет следующий вид: 100 баллов – типичный иероглиф, 99–80 баллов – сравнительно типичный иероглиф, 79–60 баллов – не очень типичный иероглиф, 59–45 баллов – очень нетипичный иероглиф, меньше 45 баллов – не является иероглифом.

В результате соотнесения «0 – 〇 – 零» со всеми десятью предложенными критериями получились следующая картина, представленная в таблице.

Соответствие членов триады «0 – 〇 – 零» критериям причисления к иероглифам

Критерий	0	零	〇
1. Способность вступать в синтаксические отношения с именем существительным и (или) счетными словами	–	+	–
2. Формирование фразеологических единиц китайского языка	–	+	–
3. Наличие культурно значимых смыслов	–	+	–
4. Способность формировать новые лексические и грамматические значения	–	+	–
5. Фиксация в лексикографических источниках	–	+	+
6. Совместное употребление с цифрами-иероглифами	–	+	+
7. Соответствие манеры написания иероглифическому стилю письма	–	+	–
8. Возможность быть свободно используемым иероглифом	–	+	–
9. Наличие лексического значения	–	+	– / +
10. Соответствие треугольнику Фреге	–	+	–

Как видно из таблицы, арабская цифра 0 не соответствует ни одному критерию причисления к иероглифам, следовательно, с помощью скалярного метода также доказано, что она представляет собой только математический знак и не является языковым знаком.

Что касается 零, то первому критерию он удовлетворяет, функционируя в составе соединений, по-китайски называющихся 数量词 ‘счётное слово и числительное’.

В рамках второго критерия наблюдается широкое использование иероглифа 零 в составе фразеологических единиц (нами зафиксировано 43 единицы): 化零为整 ‘собрать(ся) из отдельных групп в большие части; сосредотачивать(ся)’; 零零星星 ‘разбросанные мелкие кусочки’. Примечательно, что в них всех иероглиф 零 употреблен в своем первоначальном значении «капли, остатки; мелкий, раздробленный». Тем не менее это показатель того, что он все-таки является словом (языковым знаком).

Из второго критерия проистекает третий, согласно которому слово обладает определенными значимыми для китайской нации культурологическими смыслами. Этому критерию иероглиф 零 соответствует. Однако отметим, что в значении «нуль» у него эти смыслы отсутствуют. Это связано с тем, что он не включен в числовой ряд от одного до десяти как «знак пустой позиции» [43. С. 71], в то время как остальные его члены считаются «весомыми и осмысленными не только с точки зрения собственно числовых значений, но и ассоциативных полей» и имеют положительные коннотации [43. С. 71–72].

Что касается четвертого критерия, то в рамках общего процесса грамматикализации китайского языка [52] иероглиф 零 формирует новое грамматическое значение. В современном периоде развития китайского языка наблюдается тенденция превращения его в аффикс (词缀化). Чжоу Жиань пишет о том, что «в настоящее время появление числительного 零 перед существительным и глаголом довольно распространено, намечена тенденция к превращению его в префикс» («目前, 数词“零”出现在名词和动词前的频率非常高, 表现出向前缀发展的倾向») [2. С. 67]. Этот языковед отмечает, что невысокая словообразовательная способность числительного в последнее время возросла. Тенденция аффиксализации иероглифа 零 в современном китайском языке также попадает в поле зрения китайских исследователей Ху Янь (胡妍) [26], Сян Цзюй (项菊) [24], Чжан Ишэна (张谊生) [25]. Ху Янь (胡妍) высказывает мысль о том, что большим потенциалом обладает такая словообразовательная модель, в которой иероглиф 零 вступает в словообразовательные отношения с двусложными существительными и становится в них префиксом. Значение этого префикса отрицательное и сходно по функции с отрицательными частицами 不, 无 и 没: 零收费 ‘отсутствие платежных поступлений’, 零距离 ‘тесный контакт (букв. нулевое расстояние)’, 零志愿 ‘отсутствие стремления’ и т.п. [26. С. 20]. На данный момент нами не зафиксировано фактов формирования новых лексических значений 零⁴.

Как следствие, иероглиф 零 встречается во всех современных авторитетных лексикографических источниках со значением «нуль». Также он употребляется с цифрами-иероглифами, его манера написания соответствует иероглифическому стилю письма, он может употребляться самостоятельно (см. примеры выше), к нему применима теория строения знака по Фреге.

Таким образом, 零 набрал 100 баллов по разработанной нами шкале, подтверждая свой статус иероглифа-прототипа. 零 представляет собой типичный языковой знак, а значит, является словом, относящимся к числительным.

Интерпретируем представленные в таблице результаты, касающиеся 〇. Он не способен вступать в синтаксические отношения с именем существительным и (или) счетными словами, не формирует фразеологические единицы китайского языка, у него отсутствуют культурно значимые смыслы, он не способен формировать новые лексические и грамматические значения, у него отсутствует лексическое значение (обладает лишь знаковым функционалом), он не может быть использован в качестве свободного иероглифа, манера его написания не соответствует иероглифическому стилю письма.

Совместное употребление символа 〇 с цифрами-иероглифами обычного комплекта (小写) представляется самым весомым аргументом при причислении его к иероглифам. Действительно, это ставит его в один ряд с языковыми знаками (числительными). Будучи употреблен наравне с иероглифами, он сам им уподобляется. Вхождение в лексикографические источники означает констатацию факта наличия данного символа в языке, однако само по себе это не делает из этого знака иероглиф. Самым противоречивым является свойство символа 〇 обозначать пустое место в записи цифр: его трактуют и как аргумент за причисление к иероглифам, так и против. Мы придерживаемся последней точки зрения, поскольку 〇 функционирует только как математический знак, и в древнекитайском языке могли обходиться без него. Кроме того, в разные периоды языка эту функцию могли выполнять и другие иероглифы (另 или 令). Таким образом, набрав 25 баллов, 〇 не может считаться иероглифом. Несмотря на это обстоятельство, можно так определить его семиотический статус: де-юре он иероглиф (что следует из нормативной базы), а де-факто иероглифом не является. Можно лишь констатировать процесс его перехода из математического знака в языковой.

Заключение

Понятие «нуль» в Китае раньше всех начал обозначать символ 〇. Затем аналогичное значение приобрел иероглиф 零. К XX в. в обиход вошла арабская цифра 0. При этом никто из членов триады «0 – 〇 – 零» не прекратил своего хождения. Все они, имея одно произношение líng, не являются полностью тождественными друг другу. В прагматическом плане их функционирование и сферы употребления четко регламентированы, и речь не может идти лишь о свободной взаимозаменяемости.

С точки зрения теории знака (семиотический подход) самое главное различие заключается в знаковой природе трех ипостасей нуля: 0 – математический знак (цифра), 零 представляет собой языковой знак (слово, иероглиф), а 〇 не является языковым знаком,

следовательно, его нельзя считать полноценным иероглифом. В связи с этим представляется возможным определить его как знак, находящийся на этапе перехода из одного вида знака в другой. Наблюдать определенную динамику превращения математического знака (цифры) в языковой (слово, иероглиф) позволяет, в частности, появление ○ в современных лексикографических источниках. Каковы перспективы наблюдаемого процесса? Несмотря на курс КНР на упрощение иероглифов [53. С. 247], сложно прогно-

зировать результат этого процесса в будущем, поскольку «язык развивается не по сознательной воле человека, а стихийно-исторически. Люди лишь косвенно, проводя нормализацию и стандартизацию языка, вмешиваются в ход языкового развития» [52. С. 15]. Кроме того, поскольку основное развитие языка происходит в сфере устной языковой стихии, а у всех символов одинаковое произношение, то естественным путем этот процесс может протекать очень долго.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Интересно, что до XIX в. нуль назывался словом «цифра» (в Европе – *sephrae*), и данное наименование существовало параллельно с «nulla» или «nulla figura» в латинских текстах еще с XII века [9. С. 114; 23. С. 89] и *zefirum*→*zefiro*→*zero* в итальянском, французском и английском языках в более позднее время [8. С. 464–466].

² Отметим, что ○ не встречался в более раннем ГОСТе GB2312-80 «Государственный стандарт 6 763 китайских иероглифов» (国家标准《国际汉字6763字》) [49].

³ Наличие фонетического облика, когда ○ произносится как *líng*, не может быть весомым аргументом, поскольку цифры также имеют произношение (например, арабские цифры).

⁴ Формирование нового лексического значения китайского числительного можно проиллюстрировать на примере числительного «два». Являясь математическим знаком (цифрой), иероглиф 二 одновременно представляет собой и языковой знак (слово). Помимо основного лексического значения «число больше единицы и меньше трех» у него сформировалось новое лексическое значение «глупый».

ЛИТЕРАТУРА

- O'Connor J.J., Robertson E.F. A History of Zero. URL: <http://www-history.mcs.st-andrews.ac.uk/PrintHT/Zero.html> (дата обращения: 03.01.2018).
- 周日安. 数词“零”的简化倾向 // 西北师大学报 (社会科学版). 2003. 第40卷第03期. 页码: 73–67. Zhōu Rì'ān. Shùcí “líng” de zhuīhuà qīngxiàng // Xīběishī dàxuébào (shèhuì kēxué bǎn). 2003. Dì 40 juǎn dì 03 qī. Yèmǎ: 73–67.
- A Brief History of Zero and Indian Numerals // The Brussels Journal. 2009. Vol. 29. URL: <https://www.brusselsjournal.com/node/4107> (дата обращения: 20.02.2020).
- A Short History of Zero. Arizona Geographic Alliance. URL: <http://geoalliance.asu.edu/sites/default/files/LessonFiles/Jenkins/Zero/JenkinsZeroS.pdf> (дата обращения: 04.01.2018).
- Matson J. The Origin of Zero. Scientific American, August 21, 2009. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/history-of-zero/> (дата обращения: 04.01.2018).
- Wallin Nils-Bertil. How was the zero discovered? YaleGlobal. (Yale Center for the Study of Globalization). 19 November 2002. URL: <http://yaleglobal.yale.edu/about/zero.jsp> (дата обращения: 03.01.2018).
- Katz V.J. A History of Mathematics. 2nd ed. Addison Wesley. 1998. 880 p.
- Меннингер К. История цифр. Числа, символы, слова / пер. с англ. Е.В. Ломановой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2011. 543 с.
- Александрова Н.В. История математических терминов, понятий, обозначений: Словарь-справочник. 3-е изд., испр. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 248 с.
- Депман И.Я. История арифметики. 2-е изд., испр. М.: Просвещение, 1965. 416 с.
- 向熹. 简明汉语史(下). 北京: 商务印书馆, 2010. 839 页. Xiàng Xī. Jiǎnmíng hànyǔ shǐ (xià). Běijīng: Shāngwù yīnshūguǎn, 2010. 839 yè.
- 郭世荣. 算法统宗导读. 武汉: 湖北教育出版社, 2000. 501页. Guō Shìróng. Suànfǎ tǒng zōng dǎodú. Wǔhàn: Húběi jiàoyù chūbǎnshè, 2000. 501 yè.
- 太田辰夫. 中国语历史文法. 2 版. 北京: 北京大学出版社, 2003. 406 页. Tàitián Chénfū. Zhōngguó yǔ lìshǐ wénfǎ. 2 bǎn. Běijīng: Běijīng dàxué chūbǎnshè, 2003. 406 yè.
- 唐建. 汉语○概念符号的历史来源和系统 // 中国语文. 1994. 第04卷. 页码: 361–367. Táng Jiàn. Hànyǔ líng gàiniàn fúhào de lìshǐ láiyuán hé xìtǒng // Zhōngguó yǔwén. 1994. Dì 04 juǎn. Yèmǎ: 361–367.
- Березкина Э.И. Математика древнего Китая. М.: Наука, 1980. 312 с.
- 李约瑟. 中国科学技术史. 数学. 共14 卷. 北京: 科学出版社, 1978. 第3卷. 467 页. Lǐ Yuēsè. Zhōngguó kēxué jìshù shǐ. Shùxué. Gòng 14 juǎn. Běijīng: Kēxué chūbǎnshè, 1978. Dì 3 juǎn. 467 yè.
- 曹先擢. 关于○的一点意见 // 语言文字应用研究文集. 北京语文出版社. 1995. 页码: 1–3. Cáo Xiānzhuó. Guānyú líng de yī diǎn yìjiàn // Yǔyán wénzì yìngyòng yánjiū wénjí. Běijīng yǔwén chūbǎnshè, 1995. Yèmǎ: 1–3.
- 杨丽华. “○”与“零”辨析 // 绥化师专学报. 2004. 第24卷第01期. 页码: 99–101. Yáng Lìhuá. “Líng” yǔ “líng” biànxī // Suǐhuàshī zhuānxuébào. 2004. Dì 24 juǎn dì 01 qī. Yèmǎ: 99–101.
- 于立君. “○”应当被认定为汉字 // 中国语文. 1999. 第06期. 页码: 436–439. Yú Lìjūn. “Líng” yīngdāng bèi rèndìng wéi hànzì // Zhōngguó yǔwén. 1999. Dì 06 qī. Yèmǎ: 436–439.
- 文修. “○”是个汉字吗? // 汉字文化. 1994. 第04期. 页码: 62. Wén Xiū. “Líng” shì gè hànzì ma? // Hànzì wénhuà. 1994. Dì 04 qī. Yèmǎ: 62.
- 王正. “○”是汉字文化固有的组成部分 // 汉字文化. 1997. 第03期. 页码: 53–54. Wáng Zhèng. “Líng” shì hànzì wénhuà gùyǒu de zùchéng bùfèn // Hànzì wénhuà. 1997. Dì 03 qī. Yèmǎ: 53–54.
- 李琳. 汉语语境下数词“零”的读法 // 语言文字应用. 2006. 第02期. 页码: 26–28. Lǐ Lín. Hànyǔ yǔjīng xià shùcí “líng” de dúfǎ // Yǔyán wénzì yìngyòng. 2006. Dì 02 qī. Yèmǎ: 26–28.
- 李文恋. 汉语“○”概念的不同形式和相关结构 // 现代语言学. 2013. 第01期. 页码: 7–14. Lǐ Wénliàn. Hànyǔ “líng” gàiniàn de bùtóng xíngshì hé xiāngguān jiégòu // Xiàndài yǔyánxué. 2013. Dì 01 qī. Yèmǎ: 7–14.
- 项菊. 谈“零X”结构 // 汉字文化. 2005. 第04期. 页码: 31–34. Xiàng Jú. Tán “líng X” jiégòu // Hànzì wénhuà. 2005. Dì 04 qī. Yèmǎ: 31–34.
- 张谊生. 当代新词“零X”词族探微——兼论当代汉语构词方式演化的动因 // 语言文字应用. 2003. 第01期. 页码: 96–103. Zhāng Yìshēng. Dāngdài xīn cí “líng X” cízú tànwēi——jiān lùn dāngdài hànyǔ gòucí fāngshì yǎnhuà de dòngyīn // Yǔyán wénzì yìngyòng. 2003. Dì 01 qī. Yèmǎ: 96–103.
- 胡妍. 古今汉语数词意义比较 // 广州大学学报(社会科学版). 2005. 第4卷第02期. 页码: 19–23. Hú Yán. Gùjīn hànyǔ shùcí yìyì bǐjiào // Guǎngzhōu dàxué xuébào (shèhuì kēxué bǎn). 2005. Dì 4 juǎn dì 02 qī. Yèmǎ: 19–23.

27. 喻西知. 谈《中图法》分类号中“0”的用法 // 湖北师范学院学报(哲学社会科学). 2013. 第33卷第02期. 页码: 135–137. Yù Xīzhī. Tán “Zhōngtúfǎ” fēnlèi hào zhōng “0” de yòngfǎ // Húběi shīfàn xuéyuán xuébào (zhéxué shèhuì xuébào). 2013. Dì 33 juǎn dì 02 qī. Yèmǎ: 135–137.
28. 郭龙生. 数词“零”不同形式及其应用现状分析 // 语言文字应用. 2015. 第02期. 页码: 50–57. Guō Lóngshēng. Shùcí “líng” bù tóng xíngshì jí qí yīngyòng xiànzhuàng fēnxī // Yǔyán wénzì yīngyòng. 2015. Dì 02 qī. Yèmǎ: 50–57.
29. 王力. 汉语史稿. 上册. 北京: 中华书局, 1980. 714 页. Wáng Lì. Hànyǔ shǐgǎo. Shàngcè. Zhōnghuá shūjú, 1980. 714 yè.
30. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 480 с.
31. 袁毓林. 词类范畴的家族相似性 // 中国社会科学. 1995. 第01期. 页码: 154–170. Yuán Yùlín. Cílèi fānchóu de jiāzú xiāngsìxìng // Zhōngguó shèhuì kēxué. 1995. Dì 01 qī. Yèmǎ: 154–170.
32. 袁毓林等著. 汉语词类划分手册. 北京: 北京语言大学出版社, 2009. 793 页. Yuán Yùlín děng zhù. Hànyǔ cílèi huàfēn shǒucè. Běijīng: Běijīng yǔyán dàxué chūbǎn shè, 2009. 793 yè.
33. Симатова С.А., Дондоков Д.Д. Новый подход Юань Юйлина к выделению частей речи в китайском языке и его практическое применение // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 4. С. 227–238.
34. 姜育荣. 数词的表数方法 // 古代汉语. 语文知识. 2015. Jiāng Yùróng. Shùcí de biǎo shù fāngfǎ // Gǔdài hànyǔ. Yǔwén zhīshì. 2015. URL: <http://www.doc88.com/p-0129356705727.html> (дата обращения: 21. 12. 2019).
35. 吴正芝. 数字表示法在文言文中的应用 // 同步课堂. 功夫译文. 湖北. 2009. 第01期. 页码: 39–42. Wú Zhengzhī. Shùzì biǎoshìfǎ zài wényán wén zhōng de yīngyòng // Tóngbù kètáng. Gōngfū yǐwén. Húběi. 2009. Dì 01 qī. Yèmǎ: 39–42.
36. Банкова Л.Л. Комплект китайских обычных цифр «小写» // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 1. С. 76–81.
37. 富严. 史前时期的数学知识 // 史前研究. 1985. 第02期. 页码: 104–112. Fù Yán. Shìqián shíqí de shùxué zhīshì // Shìqián yánjiū. 1985. Dì 02 qī. Yèmǎ: 104–112.
38. Банкова Л.Л. Комплект сучжоуских цифр в китайском языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2019. Т. 11, вып. 1. С. 40–51.
39. 陈年高. 整零结构中“零”的三种用法 // 江苏广播电视大学学报. 2010. 第21卷第06期. 页码: 58–60. Chén Niángāo. Zhěng líng jiégòu zhōng “líng” de sān zhǒng yòngfǎ // Jiāngsū guǎngbò diànshì dàxué xuébào. 2010. Dì 21 juǎn dì 06 qī. Yèmǎ: 58–60.
40. 汉字内码扩展规范 (Hànzi nèi mǎ kuòzhǎn guīfàn). URL: <http://xh.5156edu.com/html3/22521.html> (дата обращения: 25.06.2019).
41. GB 18030-2000 《信息交换用汉字编码字符集·基本集的扩充》 (GB 18030-2000 “Xīnxiāo jiāohuàn yòng hànzi biānmǎ zīfú jí. Jīběn jí de kuòchōng”). URL: <https://max.book118.com/html/2018/0726/8004000033001116.shtm> (дата обращения: 25.06.2019).
42. 苏金智. 汉语的数目字. 北京: 语文出版社, 2009. 69 页. Sū Jīnzhì. Hànyǔ de shù mù zì. Běijīng: Yǔwén chūbǎnshè, 2009. 69 yè.
43. Тань Аошун. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004. 240 с.
44. 零的历史 (Líng de lìshǐ). URL: doc88.com/p-9149651983316.html (дата обращения: 14.12.2019).
45. GB/T 15835-2011 《出版物上数字用法》 (GB/T 15835-2011 “Chūbǎnwù shàng shùzì yòngfǎ”). URL: <https://wenku.baidu.com/view/038123031611cc7931b765ce0508763230127440.html> (дата обращения: 24.11.2019).
46. 通用规范汉字表 (Tōngyòng guīfàn hànzi biǎo). URL: <https://ywyz.ecjtu.edu.cn/2019/0106/c5760a64565/page.htm> (дата обращения: 25.11.2019).
47. 汉字部件规范 (Hànzi bùjiàn guīfàn). URL: <https://wenku.baidu.com/view/610eb26403d8ce2f006623eb.html> (дата обращения: 24.11.2019).
48. 《现代汉语常用字表》常用字 (2500字) (“Xiàndài hànyǔ chángyòng zì biǎo” chángyòng zì (2500 zì)). URL: <https://wenku.baidu.com/view/ead7e089227916888486d79a.html> (дата обращения: 20.02.2020).
49. GB 2312-80 《国标汉字库6763字》 (GB 2312-80 “Guóbiāo hànzi kù 6763 zì”). URL: <https://wenku.baidu.com/view/8add67ede009581b6bd9eba4.html> (дата обращения: 24.11.2019).
50. 李书晨. “〇”字小议 // 汉字文化. 1994. 第01期. 页码: 20. Lǐ Shūchén. “Líng” zì xiǎo yì // Hànzì wénhuà. 1994. Dì 01 qī. Yèmǎ: 20.
51. Bankova L.L. Looking at the Chinese Numeral through the Lense of Mathematical and Language Signs Equivalence // Proceedings of the 6th International Scientific Interdisciplinary Conference on Research and Methodology. Functional Aspects of Intercultural Communication. Translation and Interpreting Issues. Moscow, Institute of Foreign Languages, RUDN University, November 15, 2019. Peoples’ Friendship University of Russia, 2019. P. 579–587.
52. Солнцев В.М., Солнцева Н.В. Куда идет китайский язык? // Китайское языкознание: Изолирующие языки: материалы IX Междунар. конф. М., 1998. С. 15–22.
53. Алексахин А.Н. Современная политика КНР в отношении иероглифической и буквенной письменности // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 3 (18). С. 243–252.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 31 января 2021 г.

Three Hypostases of Chinese Zero: Causes, Problems, Solutions

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 5–15.

DOI: 10.17223/15617793/470/1

Liudmila L. Bankova, Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: lwittsa@yandex.ru

Keywords: Chinese language; zero; Chinese zero’s written form; numeral; figure.

The article analyses two problems connected with the members of the 0 – 〇 – 零 triad: the practical one and the theoretical one. The former lies in delimiting the spheres of use of the different forms of zero. Due to similarities in the graphic representations of the first two signs of the triad as well as the peculiarities of the use of the second and third signs, occasionally there is confusion in their transcription. The second problem – the theoretical one – is whether it is appropriate to count 〇 as a Chinese character. The problems are solved with consideration of the respective normative regulation (National Standards and Acts) that govern the use of every member of the 0 – 〇 – 零 triad. The triad members are considered not only structurally, like in prior works, but also using the semiotic and cognitive approaches. Within the framework of the cognitive approach, from the perspective of the prototypes theory, a scalar method, which is based on ten criteria the author developed, is used. In order to solve the two problems, the study considers the historical prerequisites of today’s variability in the transcription of the zero. A diachronic perspective has allowed us not only to explain the reasons for the existence of the three signs to denominate a single referent but also to predict the tendencies for further development of the graphic representation of the zero in Chinese. The study also analyses typical mistakes in transcriptions of the 0 – 〇 – 零 triad. Moreover, the semiotic status of every variety of denoting “zero” has been determined thus answering whether 〇 is a Chinese character or not. As a result of the research, the author has come to the conclusion that 〇 was the first to denote “zero” in China. Later, the Chinese character “零” acquired a similar meaning. By the 20th century the Arabic number “0” came into common use. At the same time none of the 0 – 〇 – 零 triad members ceased to be used. None of the three, while having the same

pronunciation – [líng], are fully identical. From the point of view of pragmatics, their functions and spheres of use are clearly regulated, and it is not a question of free interchangeability. According to regulatory acts, the major principle of distinguishing between the use of 〇 and 零 is that 零 is used in measures, calculations, and estimations while 〇 is appropriate in numbering, marking, and assignment of numbers. From the point of view of the language theory (the semiotic approach) and as a result of the scalar approach, it has been proved that the major difference is in the alphanumeric nature of the three variations of “zero”: 0 is a mathematical sign (a digit), 零 is a language sign (a word, a Chinese character), and 〇 is not a language sign, hence, it may not be counted as a proper Chinese character. In this regard, it is possible to define the latter as a sign transitioning from one kind to the other.

REFERENCES

- O'Connor, J.J. & Robertson, E.F. (2000) *A History of Zero*. [Online] Available from: <http://www-history.mcs.st-andrews.ac.uk/PrintHT/Zero.html> (Accessed: 03.01.2018).
- Zhōu, Rì'ān. (2003) Shùcí “líng” de zhùhuà qīngxiàng [Numeral “零” (“zero”) Affixation Tendency]. *Xīběishī dàxuébào (shèhuì kēxué bǎn)*. Dì 40 juǎn dì 03 qī. Yèrmǎ: 73–67. (In Chinese).
- The Brussels Journal*. (2009) A Brief History of Zero and Indian Numerals. [Online] Available from: <https://www.brusselsjournal.com/node/4107> (Accessed: 20.02.2020).
- Arizona Geographic Alliance. (n.d.) *A Short History of Zero*. [Online] Available from: <http://geoalliance.asu.edu/sites/default/files/LessonFiles/Jenkins/Zero/JenkinsZeroS.pdf> (Accessed: 04.01.2018).
- Matson, J. (2009) The Origin of Zero. *Scientific American*. [Online] Available from: <https://www.scientificamerican.com/article/history-of-zero/> (Accessed: 04.01.2018).
- Wallin, Nils-Bertil. (2002) *How was the zero discovered?* YaleGlobal. (Yale Center for the Study of Globalization). [Online] Available from: <http://yaleglobal.yale.edu/about/zero.jsp> (Accessed: 03.01.2018).
- Katz, V.J. (1998) *A History of Mathematics*. 2nd edition. Addison Wesley.
- Menninger, K. (2011) *Istoriya tsifr: Chisla, simvol, slova* [Number Words and Number Symbols: A Cultural History of Numbers]. Translated from English by E.V. Lomanova. Moscow: ZAO Centrpoligraf.
- Aleksandrova, N.V. (2008) *Istoriya matematicheskikh terminov, ponjatij, oznachenij: Slovar'-spravochnik* [The History of Mathematical Terms, Ideas, Denotations: Dictionary Guide]. 3rd ed. Moscow: LKI.
- Depman, I.Ya. (1965) *Istoriya arifmetiki* [The History of Arithmetic]. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie.
- Xiàng, Xī. (2010) *Jiǎnmíng hànyǔ shǐ (xià)* [A Brief History of the Chinese Language]. Běijīng: Shāngwù yīnshūguǎn. (In Chinese).
- Guō, Shīróng. (2000) *Suànfǎ tōng zōng dàodù* [Major Principles of the Number System]. Wúhàn: Húběi jiàoyù chūbǎnshè. (In Chinese).
- Tàitián, Chénfū. (2003) *Zhōngguóyǔ lìshǐ wénfǎ* [The Historical Grammar of the Chinese Language]. 2 bǎn. Běijīng: Běijīng dàxué chūbǎnshè. (In Chinese).
- Táng, Jiàn. (1994) Hànyǔ líng gǎiniàn fūhào de lìshǐ láiyuán hé xitǒng [The Genesis and Use of the Chinese “〇” Sign Conceptualizing “Zero”]. *Zhōngguó yǔwén*. Dì 04 juǎn. Yèrmǎ: 361–367. (In Chinese).
- Berezkina, Je.I. (1980) *Matematika drevnego Kitaya* [Mathematics in Ancient China]. Moscow: Nauka.
- Lǐ, Yuēsè. (1978) *Zhōngguó kēxué jìshù shǐ. Shùxué* [The History of Science and Technology in China. Mathematics]. Gòng 14 juǎn. Dì 03 juǎn. Běijīng: Kēxué chūbǎnshè. (In Chinese).
- Cáo, Xiānzhuó. (1995) Guānyú líng de yī diǎn yìjiàn [A Few Words about “〇” (“Zero”)]. *Yǔyán wénzì yìngyòng yánjiū wénjí*. Běijīng yǔwén chūbǎnshè. Yèrmǎ: 1–3. (In Chinese).
- Yáng, Lihuá. (2004) “Líng” yǔ “líng” biànxī [Differentiating between “〇” (“Zero”) and “零” (“zero”)]. *Suǐhuàshī zhuānxuébào*. Dì 24 juǎn dì 01 qī. Yèrmǎ: 99–101. (In Chinese).
- Yú, Lìjūn. (1999) “Líng” yīngdāng bèi rèndìng wéi hànzì [“〇” (“zero”) Should Be Regarded as a Chinese character]. *Zhōngguó yǔwén*. Dì 06 qī. Yèrmǎ: 436–439. (In Chinese).
- Wén, Xiū. (1994) “Líng” shì gè hànzi ma? [Is “〇” (“Zero”) a Character?] *Hànzi wénhuà*. Dì 04 qī. Yèrmǎ: 62. (In Chinese).
- Wáng, Zhèng. (1997) “Líng” shì hànzi wénhuà gùnyǒu de zǔchéng bùfèn [“〇” (“Zero”) is an Inherent Component of the Chinese Character Culture]. *Hànzi wénhuà*. Dì 03 qī. Yèrmǎ: 53–54. (In Chinese).
- Lǐ, Lín. (2006) Hànyǔ yǐjīng xià shùcí “líng” de dúfǎ [Ways of Reading Numeral “零” (“Zero”) in Chinese]. *Yǔyán wénzì yìngyòng*. Dì 02 qī. Yèrmǎ: 26–28. (In Chinese).
- Lǐ, Wénliàn. (2013) Hànyǔ “líng” gǎiniàn de bùtóng xíngshì hé xiāngguān jiégòu [Different Forms and Structures of the Chinese Concept of “〇” (“Zero”)]. *Xiàndài yǔyánxué*. Dì 01 qī. Yèrmǎ: 7–14. (In Chinese).
- Xiàng, Jú. (2005) Tán “líng X” jiégòu [A Few Words about Structure “零X” (“ZeroX”)]. *Hànzi wénhuà*. Dì 04 qī. Yèrmǎ: 31–34. (In Chinese).
- Zhāng, Yīshēng. (2003) Dāngdài xīn cí “líng X” cízú tànwēi——jiān lùn dāngdài hànyǔ gòucí fāngshì yǎnhuà de dòngyīn [The Analysis of New Words Built According to “零X” (“ZeroX”) Word Building Model and Discussion of Word-Building Models Evolution Causes in Contemporary Chinese]. *Yǔyán wénzì yìngyòng*. Dì 01 qī. Yèrmǎ: 96–103. (In Chinese).
- Hú, Yán. (2005) Gǔjīn hànyǔ shùcí yìyì bǐjiào [Comparison of Meanings of Ancient and Contemporary Chinese Numerals]. *Guǎngzhōu dàxué xuébào (shèhuì kēxué bǎn)*. Dì 4 juǎn dì 02 qī. Yèrmǎ: 19–23. (In Chinese).
- Yù, Xīzhī. (2013) Tán “Zhōngtúfǎ” fēnlèi hào zhōng “0” de yòngfǎ [On the Use of “0” Among Other Numbers in “Chinese Library Classification”]. *Húběi shīfàn xuéyuán xuébào (zhéxué shèhuì xuébào)*. Dì 33 juǎn dì 02 qī. Yèrmǎ: 135–137. (In Chinese).
- Guō, Lóngshēng. (2015) Shùcí “líng” bù tóng xíngshì jí qí yìngyòng xiàngzhuàng fēnxī [Different Forms of Numeral “零” (“Zero”) and Analysis of Its Contemporary Use]. *Yǔyán wénzì yìngyòng*. Dì 02 qī. Yèrmǎ: 50–57. (In Chinese).
- Wang, Li. (1980) *Hànyǔ shǐgǎo* [A Draft about the History of the Chinese Language]. Shàngcè. Běijīng: Zhōnghuà shūjú. (In Chinese).
- Losev, A.F. (1982) *Znak. Simvol. Mif* [Sign. Symbol. Myth]. Moscow: Moscow State University.
- Yuán, Yúlín. (1995) Cílèi fānchóu de jiāzú xiāngsìxíng [Categorical Resemblance Among Parts of Speech]. *Zhōngguó shèhuì kēxué*. Dì 01 qī. Yèrmǎ: 154–170. (In Chinese).
- Yuán, Yúlín dēng zhù. (2009) *Hànyǔ cílèi huàfēn shǒucè* [A Handbook of Chinese Parts of Speech]. Běijīng: Běijīng yǔyán dàxué chūbǎn shè. (In Chinese).
- Simatova, S.A. & Dondokov, D.D. (2016) A New Approach of Yuan Yulin to Parts-Of-Speech Differentiation in Chinese and Its Practical Realization. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 4. pp. 227–238. (In Russian).
- Jiāng, Yùróng. (2015) Shùcí de biǎo shù fāngfǎ [Ways to Express the Category of Number by Means of Numerals]. *Gǔdài hànyǔ. Yǔwén zhīshì*. [Online] Available from: <http://www.doc88.com/p-0129356705727.html> (Accessed: 21.12.2019). (In Chinese).
- Wú, Zhèngzhī. (2009) Shùzì biǎoshífǎ zài wényán wén zhōng de yìngyòng [Number Representation in Classical Chinese Writings]. *Tóngbù kètáng. Gōngfǎ yǐwén*. Húběi. Dì 01 qī. Yèrmǎ: 39–42. (In Chinese).
- Bankova, L.L. (2018) Komplekt kitayskikh obychnykh tsifr “小写” [Rod Numerals in Chinese]. *Vestnik Pjatigorskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Pyatigorsk State University*. 1. pp. 76–81.

37. Fù, Yán. (1985) Shǐqián shíqí de shùxué zhīshi [Prehistoric Mathematical Knowledge]. *Shǐqián yánjiū*. Dì 02 qī. Yèmǎ: 104–112. (In Chinese).
38. Bankova, L.L. (2019) Komplekt suchzhouskih cifr v kitajskom jazyke [Suzhou Set of Characters for Numerals in Chinese]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika – Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 11(1). pp. 40–51.
39. Chén, Niángāo. (2010) Zhěng líng jiégòu zhōng “líng” de sān zhōng yòngfǎ [Three Ways of Using “零” (“Zero”) in Additive Numerical Constructions]. *Jiāngsū guāngbò diànshì dàxué xuébào*. Dì 21 juǎn dì 06 qī. Yèmǎ: 58–60. (In Chinese).
40. Hànzì nèi mǎ kuòzhǎn guīfān [The National Standard on the Expansion of Internal Coding Utilizing Chinese Characters]. (n.d.) [Online] Available from: <http://xh.5156edu.com/html3/22521.html> (Accessed: 25.06.2019). (In Chinese).
41. GB 18030-2000 “Xīnxī jiāohuàn yòng hànzì biānmǎ zǐfú jí. Jīběn jí de kuòchōng [National Standard GB 18030-2000 “Coded Character Set of Chinese Characters Used in Information Interchange. Extended Basic Set”] (2018). [Online] Available from: <https://max.book118.com/html/2018/0726/8004000033001116.shtm> (Accessed: 25.06.2019). (In Chinese).
42. Sū, Jīnzhì. (2009) Hànyǔ de shùmùzì [Chinese Numerals]. Běijīng: Yǔwén chūbǎnshè. (In Chinese).
43. Tan’, Aoshuan. (2004) *Kitayskaya kartina mira: Yazyk, kul’tura, mental’nost’* [Chinese Worldview: Language, Culture, Mentality]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury.
44. Líng de lìshǐ [The History of “零” (“Zero”)]. (2017) [Online] Available from: doc88.com/p-9149651983316.html (Accessed: 14.12.2019). (In Chinese).
45. GB/T 15835-2011 “Chūbǎnwù shàng shùzì yòngfǎ” [National Standard GB/T 15835-2011 “The Use of Numerals in Publications”]. (n.d.) [Online] Available from: <https://wenku.baidu.com/view/038123031611cc7931b765ce0508763230127440.html> (Accessed: 24.11.2019). (In Chinese).
46. Tōngyòng guīfān hànzì biǎo [A Table of Commonly Used Standard Characters]. (2019) [Online] Available from: <https://yywz.ecjtu.edu.cn/2019/0106/c5760a64565/page.htm> (Accessed: 25.11.2019). (In Chinese).
47. Hànzì bùjiàn guīfān [National Standard on Character Elements]. (n.d.). [Online] Available from: <https://wenku.baidu.com/view/610eb26403d8ce2f006623eb.html> (Accessed: 24.11.2019). (In Chinese).
48. “Xiàndài hànyǔ chángyòng zì biǎo” chángyòng zì (2500 zì) [A Table of 2500 Frequently-Used Contemporary Chinese Characters]. (n.d.) [Online] Available from: <https://wenku.baidu.com/view/ead7e089227916888486d79a.html> (Accessed: 20.02.2020).
49. GB 2312-80 “Guóbāo hànzì kù 6763 zì” [National Standard for the Stock of 6763 Chinese Characters]. (n.d.) [Online] Available from: <https://wenku.baidu.com/view/8add67ede009581b6bd9eba4.html> (Accessed: 24.11.2019).
50. Lǐ, Shūchén. (1994) “Líng” zì xiǎo yí [Minor Meanings of Character “零” (“Zero”)]. *Hànzì wénhuà*. Dì 01 qī. Yèmǎ: 20. (In Chinese).
51. Bankova, L.L. (2019) Looking at the Chinese Numeral through the Lense of Mathematical and Language Signs Equivalence. *Functional Aspects of Intercultural Communication. Translation and Interpreting Issues*. Proceedings of the 6th International Scientific Interdisciplinary Conference on Research and Methodology. Moscow: Institute of Foreign Languages, RUDN University. pp. 579–587.
52. Solntsev, V.M. & Solntseva, N.V. (1998) [Where Does the Chinese Language Go?]. *Kitayskoe yazykoznanie: Izoliruyushchie yazyki* [Chinese Linguistics: Isolating Languages]. Proceedings of the IX International Conference. Moscow. pp. 15–22.
53. Aleksahin, A.N. (2011) Sovremennaya politika KNR v otnoshenii ieroglificheskoy i bukvennoy pis’mennosti [China’s Current Policy in Respect of Hieroglyphic and Alphabetic Writings in Chinese Putonghua]. *Vestnik MGIMO Universiteta – MGIMO Review of International Relations*. 3 (18). pp. 243–252.

Received: 31 January 2021

Т.А. Демешкина, М.А. Толстова

ЛОКАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЖИТЕЛЕЙ СИБИРСКОГО СЕЛА (НА МАТЕРИАЛЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Томской области в рамках научного проекта № 19-412-700001p_a «Автобиографические практики как способ отражения социокультурных процессов региона».

Рассматриваются критерии, на основании которых происходит процесс самоидентификации: рождение и постоянное проживание в определенной местности; наличие предков, родившихся и живших в том же локусе, что и говорящий; эмоциональная привязанность к данной местности, владение локальным вариантом языка и другие. Описаны лексические средства выражения локальной самоидентификации. Показана зависимость актуализации выявленных факторов от дискурсивных и жанровых параметров.

Ключевые слова: локальная самоидентификация; автобиографический рассказ, сельский житель, идентичность.

Изучение идентичности является одним из ключевых направлений мировой гуманитарной науки. Лингвистический подход к феномену идентичности и анализу смежных с ней понятий (Я-концепт, Я-концепция, самоидентичность, самоидентификация, самопрезентация, автоимидж и др.) представлен в ряде работ российских ученых (Ю.Н. Караулов, Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, М.А. Лаппо, О.С. Иссерс, З.И. Резанова, Н.А. Мишанкина и др.). Исследователи отмечают, что идентичность носит неустойчивый характер и нуждается в непрерывном подтверждении – самоидентификации – осознанном либо неосознанном вербальном и невербальном маркировании идентичности [1. С. 28].

Лингвистическое моделирование самоидентификации опирается на структуру самоидентификации личности, разработанную психотерапевтом М.А. Щербаковым. Данная структура представлена в виде кластерной модели, включающей семь уровней самоидентификации: социально-профессиональный, семейно-клановый, национально-территориальный, религиозно-идеологический, эволюционно-видовой, половой и духовный. Исследователь отмечает, что границы этих уровней сильно размыты, и существуют другие уровни самоидентификации, находящиеся на пересечении указанных [2]. В каждый конкретный момент человек в зависимости от ситуации и своего целеполагания актуализирует один или несколько уровней самоидентификации, выбрав определенную категорию и номинацию [3. С. 32].

В то же время каждый уровень самоидентификации может включать более частные уровни, выделяемые на разных основаниях, но имеющие между собой точки пересечения. Так, национально-территориальная идентичность и самоидентификация рассматривается на таких уровнях, как национально-государственная [4], региональная [5, 6], локальная [7–11].

Предметом нашего анализа является локальный уровень национально-территориальной самоидентификации. Интерес к данной проблематике обусловлен экстралингвистическими и лингвистическими факторами. Внешние факторы связаны с усилением процессов миграции и глобализации в современном мире, что приводит к «размыванию» территориальной и национальной идентичности. Кроме того, в течение

последних десятилетий село переживает кризис, выражающийся в исчезновении коллективных хозяйств старого типа, в разрушении прежних социальных отношений. Массовый отток населения в город в 1990–2000 гг., в особенности молодого, приводит к депопуляции сельского населения, низкой степени заселенности сельских территорий, усилению социально-демографических проблем и дальнейшему упадку сельского хозяйства [12, 13].

В то же время диалектологи отмечают, что несмотря на перечисленные факторы, русская сельская культура (в первую очередь – в удаленных от города селах) сохранила открытость внутренних коммуникативных пространств, доминирование личностно значимых межсубъектных отношений, в том числе в процессах внутриколлективного взаимодействия, относительную однородность видов повседневной деятельности, что приводит к ее особому единству, ориентации на прошлое, к принципиальной традиционности [14, 15]. Актуальность заявленной проблематики в лингвистическом аспекте обусловлена ее включенностью в парадигму современной лингвистики, изучающей вопросы соотношения языка и мышления, выявляющей языковой потенциал моделирования когнитивных процессов.

Цель настоящей работы состоит в определении факторов, на основе которых осуществляется локальная самоидентификация, представленная в автобиографических рассказах сельских жителей, проживающих на территории Томской области. Локальная самоидентификация понимается нами как осознание своей принадлежности к определенной территории и проживаемому на ней сообществу, истории, событиям, что проявляется в языковой картине мира, в системе ценностей, представлений, стереотипов, норм и отражается в языке.

Основным источником материала являются тексты Томского диалектного корпуса [16], записанные в процессе диалектологических экспедиций, организуемых сотрудниками Томского государственного университета с 1946 г. по настоящее время в районы распространения русских старожильческих говоров Среднего Приобья. В качестве дополнительного источника привлечены воспоминания и устные автобиографические рассказы очевидцев и свидетелей раску-

лечения и ссылки в Нарымский край, изданные в книге «Как мы жили: воспоминания и устные свидетельства томских крестьян» [17], вышедшей в 2014 г. в Издательстве Томского государственного университета, а также автобиографии жителей села Больше-Жирово Асиновского района Томской области, опубликованные в газете «Причулымская правда» за 1946 г. [18].

Таким образом, в статье анализируются тексты, авторами которых являются: а) старожилы – жители среднеобского бассейна; б) добровольные переселенцы в Сибирь, а также ссылки и репрессированные. Дополнительные материалы использованы с целью выявления региональной специфики конструирования локальной самоидентификации в языковом сознании разных социальных групп.

Выбор автобиографического рассказа в качестве объекта исследования обусловлен тем, что в нем наиболее полно выражена самоидентификация автора, заданная в том числе локальными факторами. С.В. Волошина отмечает, что законы жанра автобиографии подразумевают постоянное обращение к двум категориям: времени и пространству, с помощью которых человек определяет свое место в мире [19]. «Повествования о собственной жизни неизбежно включают информацию не только о рассказчике, но и об условиях, определивших его жизненный путь, а также отражают авторскую оценку этих условий и собственного положения в них» [20. С. 100].

Локальная самоидентификация выражается лексическими единицами с семантикой принадлежности к территории, к месту жительства через синтаксическую конструкцию *Я + прилагательное с семантикой свойственности/чуждости: местный, здешний/издешний, привезенный, деревенский, коренной*: Муж у меня не местный, *я местная. Я местная*; Уроженка *зде'шина* я [16]; *Изде'шина*. Дык у меня первый муж на фронте погиб; *Я привезённая* сюда. Я в первом классе *ишио'* была [16]; Она старенькая, конечно, с девяносто шестого года, она в деревне росла тоже, да и *я деревенская*, господи, какая, в городе от, ну чё Колпашево, это большая деревня, а так *я считаю себя деревенской* [16]; *Я коренная житель* [16].

Исследователи выделяют критерии, на основании которых происходит процесс и результат осуществления локальной самоидентификации: 1) рождение и постоянное проживание в определенной местности; 2) наличие предков, родившихся и живших здесь же; 3) эмоциональная привязанность к данной местности [21]. Список критериев может быть дополнен за счет включения в него таких параметров, как владение локальным вариантом языка [22], особенности ландшафта и климата, значимые историко-культурные события, люди, экономическая специализация территорий, уровень социально-экономического развития, особые реальные или приписываемые черты коллективного поведения [8]. Актуализация критериев зависит от дискурсивных и жанровых характеристик текста. В тексте автобиографического рассказа обязательным компонентом является сообщение о своем месте рождения и проживания, а также информация о родителях и других близких родственниках, поэтому наиболее часто в рассказах встречается самоидентификация по месту рождения, проживания и даже

предполагаемой смерти. «Законами жанра» обусловлена информация о трудовой деятельности, на основании которой говорящий идентифицирует свою принадлежность к селу и живущему в нем крестьянству.

В результате анализа автобиографических рассказов выявлена актуализация следующих критериев:

1) рождение и постоянное проживание в определенной местности: *А я здесь родилась и выросла здесь* [16]; *Живу с дочкой. Я здесь родилась, составлялась* [16]; *Всю жизнь свою прожила здесь. У меня прожили бабушка с дедушкой, мама с папой, моих дети и мои дети, и внуки, и правнуки! Всё наше семейство...* [16]; *Родилась я здесь. Отец россе'йской. Вот не помню, то ли тамбовский, то ли смоленский. Мать зде'шина. Она одиннадцать лет сюда из Россеи привезёна. Пермь она* [16];

2) место предполагаемой смерти, желание быть похороненным в месте проживания: *Никуда не выезжала. Как родилась зде'шина, так и помру здесь* [16]; [Тут родились?] *Тут родились, тут и прожила, тут и помирать буду. Никуда. Хотела, в прошлом го'де заболела, меня увезли на Почтовый, я там месяц была – нет, я говорю, везите меня домой: я тут не могу в городе жить, мне надо деревню.* [Все говорят, что в город не хотят ехать.] *Нет-нет-нет* [16];

3) существование предков, родившихся, живших, умерших и похороненных в месте проживания информанта: *А я иас одна живу. А тут вся семья была раньше. Много нас детей было' у роди'телев. И родители тут помёрли, и две сестры. А тоды' я с се'строй жила вдвое* [16]; *Я вот своего деда и то не помню. Здесь родился. Отец тоже здесь родился* [18]. Все три критерия вербализуются с помощью дейктических пространственных показателей тут, здесь, обозначающих свое, освоенное пространство, очерченное границами деревни. По наблюдению Н.В. Куриковой, описавшей феномен пространственного дейксиса в диалектной речи, «значение «тут» реализует указание на место говорящего, находящегося в центре освоения мира, «тут» как бы «очерчивает» границы всего того, что окружает человека в его повседневной жизни – это то, что можно назвать его малой родиной, исхоженной и освоенной территорией – огород, деревня, лес, река и др.» [23. С. 16–17];

4) наличие особых переживаний и эмоциональных состояний, связанных с местом, привязанность к нему: *Да мы привыкли к деревне, нам кажется ши'бко в деревне хорошо. Потому что чё... не знаю, девять лет прожили мы в городе... Нет. Привы'кши, видишь. Родились мы тут и... поэтому нас сюда и тянет* [16];

5) владение локальным вариантом языка: *Погородскому дорожки, а у нас половики* [16]; *Лопух и репей одно и то же. Мы-то всё больше по-деревенски репеем называ'м* [16]; *Мы-то свиней чушка зовём. А боров, ну мужичонка. Вот его и боров зовут и хряк тоже. Кто пограмотней – тот свинья говорит, а кто как мы, так чушка зовём. Мало понимаем. И <всё/все> больше по-деревенски* [16]; *Ши'бко загорела, ой, «сильно» надо говорить, «ши'бко» – это по-деревенски* [16];

6) характер трудовой деятельности, связанный со спецификой сельского существования, что проявляется в наличии таких тематических сфер, как выращивание растений, животных, заготовка сена, обработка льна и т.д.: *Деревенски мы. Своим хозяйством жили, поедут на поля, сено косят, мечут, поспет кошенина, ворохнут, гребут* [16]; *Ну как мы раньше жили? Счас у нас село возобновилось, хороша. Жили крестьянством, имели скот. На этой же улице жила и этом месте. Раньше она называлась Нахимова* [16]; *И сено косили, в детстве, пололи хлеба, на покос гоняли, заготавливали сило'с, корма'* [16]; *Покос мы [дети] не косили, а убирать ходили, копны копнили, убрали. У деревни оставались только старики да детки. Коровы все имели, какой бы житель не были. Также коней. Жизнь такая деревенская* [16];

7) особенность времяпровождения: *Игры* каки' у нас были, *деревенские*. Маленький как был, девки, как соберутся на вечерки в какой избе, и мы туда ныряли. Спали ведь тогда, что там сеток панцирных, кровати не знали [16]; праздников: *Праздники* отмечали взрослые, а мы около них бегали. На улице делали столы длинные, в общем, сколько в деревне жило народу, делали общие столы, и вроде вечера такие были – колхозные. Когда посеют на полях, тогда делали общие столы, и когда уберут весь урожай, вот тогда тоже делали такие столы, *гулянки*, вроде, были *деревенские*. Ну, и мы тут же бегали – туда-сюда [17. С. 103];

8) наличие особой атмосферы, стремление к единению, соборности, что подчеркивается употреблением местоимений с семантикой всеохватности (все, весь) и сравнений, выражающих идею единения (как одна семья): *Поэтому жили-то в деревне очень дружно, все жили как одна семья, если уж проводы, все, поминки – все тут, то есть просто или, разбирали, готовили, потом столы накрывали, потому что только дома, это самое, накрывали столы, поминали* [16]; *Справляли всем селом, все, вся деревня; А, свадьба-то как была... Свадьба была всей деревней как обычно. [Это как – как обычно? Расскажите.] Вся деревня была. [Ну вот с самого начала расскажите, как вот за вами приехали...]* Ну что вот? Они приехали, увезли меня, а тогда ведь чё, ничего не было такого, чтобы что-то... *деревня есть деревня; Вся деревня знают; В деревне народ жил дружно. Сабантуй справляли всей деревней, каждая хозяйка ставила ведро бражки и гуляли: у одного посидят, затем идут к другому. И так по всей деревне. Не помню ни одного пьяного дебоша, песни пели под гармошку, плясали* [17. С. 64];

9) специфика продуктов питания, одежды, предметов быта: *Поешьте деревенского хлеба!* [16]; *И вот она мне купила материал, чтобы е'то... на платье, как оно называлось раньше, Господи. Ну, такое самое, такое хорошее, и шила деревенское платье это* [16]; *И деревенской посуды было много. Половники были деревянные, они типа черпака, только суп наливать* [16];

10) близость к природе: *Родилась в маленькой деревне Нуркай Кривошеинского района. Моё босоное детство прошло в этой деревне. Так как кругом был*

лес, болота, то летом было очень много комаров, мошек, одним словом, всяких кусачих насекомых. Зато везде – на улице, во дворе – летом зеленая трава, в лесу много ягод: малина, смородина, черемуха, клюква. Мы ели всякую зелень, которая росла в лесу, знали все съедобные травы [17. С. 63].

Информанты-переселенцы идентифицируют себя с местом, в котором они проживали до переселения: *В церкви, церковь в посёлке нашем уже не было. А когда вот мы не ссыльные, вот ещё до ссылки были, у нас в деревне очень хорошая была церковь* [16]. Это место обозначается словом *родина*, словосочетанием *родные места, свои места*: *Кожевниково – моя родина, там родилась* [16]; *У нас в деревне не было таких, и в Копыловку я пришла, уже мне восемнадцать лет было. Восемнадцати лет. Вот моя родина* [16]; *Ездили мы в Чажемто, ехали с Чажемто и остановились. Там уже были посторонние, и я, как сказать, вышла, пошла, прошла, посмотрела все свои места, где я, так сказать, выросла и училась, вот. И после этого я там не была* [16].

С.В. Волошина и И.В. Тубалова отмечают, что в рассказах вынужденных переселенцев номинация «дом» на протяжении многих лет сохраняется за территорией прежнего проживания, символизирующей счастливую, гармоничную жизнь [20. С. 123].

В автобиографических рассказах как добровольных, так и вынужденных переселенцев репрезентируется эмоциональное восприятие оторванности от родных мест: *Конвоировали нас с собаками, как каких-то преступников. До самой смерти так и не поняла, какое это преступление мы совершили, что оторвали от родных очагов и погнали как скот на страшные муки и страдания* [17. С. 13–14]. Одной из тем автобиографических рассказов является тема возвращения информанта на свою малую родину: *Работала в горбольнице двадцать два года в прачечной, а потом решили на свою родину обратно, вот эту избушечку покупали вроде как на мичуринский, а потом год здесь продержали мы её, а на зиму уезжали опять в город там, в свою квартиру. А потом у меня в девяностом году умер дед, осталась одна, и вот решила. Там у мне, там был у нас свой дом, квартира там большая была. А чё? Де ремонт, де <вот/воду>, где чё? Надо кого делать? Ну и решила в деревню перебраться, и теперь вот сижу всё время здесь* [16].

Процесс локальной самоидентификации осуществляется через обращение к номинациям «село»/«деревня» и «город», которые наделяются атрибутивными свойствами «своего» (*свой, наш, деревенский, местный, здешний/издешний, коренной*) и «чужого» (*не наш, чужой, приезжий, городской, дачник*): *Значит, я там... наша деревенская в Бак... то есть в Шегарке жила, улицу запомнил, кормить заходил, погреться; Мы один раз чё-то задурили, чё-то нам не угодило... не дали ли чё ли, и мы думали потти за ягодами, так нас... девчонкам-то по тринадцать было, одна вообще не наша деревенская, у бабушки гостила, всех собрали и к следователю, страшились же... [16]; Муж после войны раненый пришёл, покалеченный. Свой, деревенский; Вот и щас, другой раз спать лягу и всё, все дома вот перешибытаю, всё пе-*

реверну, кто где был, кто умер, кто куда девался. *Всё чужси, чужси теперь. Дачники. Шчас свою ровню возьму, тоже почти никого не осталось, кто уехал, кто померли уже. Шчас с моей ровни здесь **коренных** одна только, больше никого нету* [16].

Важную роль играет коммуникативная ситуация, участниками которой являются представители разных культур (сельской и городской). О.Ю. Крючкова считает, что таким образом проявляется внешняя идентичность, в рамках которой осознается принадлежность говорящих к сельской культуре [24].

Противопоставление сельского и городского пространства в рамках категорий «свое» – «чужое» на материале русских старожильческих говоров Среднего Приобья проведено А.Н. Серебrenниковой, которая отмечает, что, рассматривая представителя города сквозь призму шкалы соответствий своей системе ценностей и эксплицируя различия в освоении явлений внешнего мира, носитель народной культуры выстраивает отрицательный образ «чужого» [25. С. 19]. Общим и важным, на наш взгляд, наблюдением диалектологов, анализирующих различные диалектные системы, является вывод о внутреннем единстве сельской культуры, осознаваемым на фоне городской.

Противопоставление села и города происходит на следующих основаниях:

– характер трудовой деятельности, ее интенсивность: *Конечно, в городе мне лучше. Меньше работать, а тут нужно всю жизнь пахать* [16]; *Это раньше, девки, во как. Это учили родители. Было всё своё. Теперь-то нету своего. Вот вы в городе живёте, что у вас есть? Никого. Ну, где учишься, где видишь? И не знаешь, как что делать. Ну. Ты сейчас корову доишь? Ну вот. **Вот не знаешь, как к ей подотти'**. Ну, лук они со'дят. А к корове-то не пойдёшь. А вот мы дома. Я тринадцати год коров доила. Не корову, а коров. Три коровы было, доила у отца – у матери. Я уже это умею. И скотину умела кормить и напоить. И сварить научут. У нас отец, я вот деду рассказывала, шибко был сердиты. У его руках что держит, кем ударит. Ты хоть там сдохни. И вот молотили, ночью молотили. Гумны, понимаете, гумны? Пойдём, высушим, выстилаем, и молотить. А мы в четыре руки молотили. Молотилки были с болтошкой. Ручки, поди, видели? Вы в деревне или в городе? Ну, **в городе не видели** [16];*

– распределение трудовых обязанностей в семье: *А топерь замуж выйдет и мужу сварить не хочет. Пока зыбка туды-сюды ковыля'ется, я корову подою. Чтобы муж постилки полоскал. Скота поить – мужская работа. А топерь все, все таки. **Деревенски старухи не любят это**. Сидит с ребёночком. Он приезжат, всё готово. **Вот каки' городски ваши** [16];*

– внешний вид жителей города или села: *Так от наша **дереве'нска жись**. Конечно, не сравняешь с городской. Мы кода' суда' приехали, мама говорит: «Ой, Лиза, ты в городе всё время **чи'стенка така'** ходила, а я шчас уже халат какой-то надела». Но а как не наденешь халат со скотиной? Ну-ка надо вот её, у них почистить, надо им... ну, сено уж сам даст. Там почистить, напоить, подоить, ведь не наденешь*

хорошее платье, не пойдёшь в стайку. От так от. **Дереве'нска наша деревня, это, жись** [16];

– качество продуктов: **В городе-то жирно молоко не признают**. Я как езжу, так не хочу его пить [16];

– наличие/отсутствие медицинской помощи: *Зуб выдернули, от этого умер. Это было в 1951 году. Зуб ему выдергивали сами, за ниточку и сами дергали, **деревня глухая**. Потом его и в Туган, и в Томск возили, долго мучался. Зубы же не чистили, я не помню, чтоб чистили, ну и не сказали, чтобы после не ел... [16];*

– уровень жизни: *В моём детстве в городах уже лучше жили, а в деревнях плохо жили. Ходили в холщовом. Ткали лён [16];*

– уровень образования, культуры: *Да, там уже более культурнее были, и люди с образованием. А в деревнях еще люди плохо жили. Особенно как война захватила, тогда вообще, не дай Бог никому. «Отсутствие знаний, полученных в результате специального обучения, расценивается как признак отсутствия культуры темных сельских жителей, в отличие от образованных горожан» [26. С. 9];*

– экологическая ситуация: *[А в город боитесь почему?] Мне кажется воздуха мне не хвата'т. Потому что, я. [Вы привыкли уже здесь.] Да. Здесь свежий воздух, а там душно. В городе у одного сына уже не была я пять лет, у младшего, а у среднего, три года не была уж. Всё зовут, я грю нет. «Да мы тебя увезём, привезём!» – «Нет!» Не поеду. **В деревне лучше**. Свободне'е и сам хозяин. **И дышать ле'гше**; Вот мы и зовем ка'жно лето к нам в гости всех внучат, чтоб отдохнули они от городу-то, от пыли городской [16].*

В рассказах сельских жителей чужое пространство города представляется как опасное: **Страшно** было мне, конечно, из **деревни в город** уезжать.

В актуализации локальной самоидентификации отражается региональная специфика, связанная с восприятием Сибири как местом ссылки, что проявляется в наличии оппозиции **деревенский, местный и ссыльный, переселенец**: *Колхоз назывался – имени Буденного. Это был «вольный» колхоз, то есть в нем работали не **ссылные**, а свои, **деревенские** [17. С. 99]; Те колхозы, которые были из **спецпереселенцев**, они были более сильными, а колхозы **местных** жителей были намного слабее; Отец сказывал тут деревня пять дворов было. Большие ста лет. Прие'зжи хохлы. **Ссылных** с Россее'и высылали. За пустыни дела ссылали [18]. В то же время противопоставление сосланных крестьян и старожилов «не оформляется как оценочная оппозиция: “противоположный лагерь” как местные жители, так и переселенцы, в основном, описывают эмоционально-оценочно нейтрально» [20. С. 123].*

Локальная самоидентификация осуществляется посредством обращения к истории деревни: *С приходом Н.С. Хрущева многое изменилось, особенно в деревне. Количество скотины в хозяйствах сельчан резко сократили, то есть не разрешали содержать больше, чем установлено. Огороды уменьшили, и, соответственно, количество овощей, картошки стали производить меньше, хотя земля пустовала. С войны многие мужики не вернулись, так что в основном работали женщины и дети. От зари до зари. Я ра-*

ботала дояркой в колхозе, потом телятницей [17. С. 75]; В начале [Великой Отечественной] войны призывали брата Александра в армию. Мужское население в деревне сократилось. Остались старики и дети [17. С. 78]; Деревня не так большая была. Я пошел на службу – вон того дома не было. В обеих стороны строилась, в тот край и в этот. Тот год пожар тут был: туго все и расстроилось. Вот тут был край, а то туды' повернёт деревня [18]; Деревня была роскошная. Любили здесь и человека ободрать. Сено косить надо, ставишь... землю надо, опять Земли много было, но ни где хочешь, а где у кажут. Поменьше была деревня. Жили хорошо все. Скотины было много. Стары-то здорово притесняли. От села я на германску войну пошел [18].

В анализируемом материале актуализована оппозиция «раньше» – «сейчас», которая отражает изменения, произошедшие в деревенской жизни: Деревня наша упала вся, вся; **раньше** была деревня хорошая. [Какая раньше жизнь была?] Ну здесь **раньше**, чё, здесь много жителей в каждом доме же жили, и старики... вот здесь вот бревно лежало, большу'ишз бревно, как вот от этого угла, так, как гараж вон тот, до угла, такое бревно лежало, вот все старики суда' соберутся и балясы точат, кто чё, а **ицас** всё пусто, всё, никого нету, молодёжи нету, ну, **ицас** нет, **ицас** совсем плохо, плохо, плохо, пустая деревня стала [16].

Маркирование локальной идентичности осуществляется через актуализацию поведенческих норм, принятых в деревенском социуме, частью которого осознаёт себя говорящий. Это подтверждает наблюдение исследователей о том, что в сельской коммуникации преобладает групповая идентичность [5, 28]. «Принятые в традиционной сельской культуре нормы поведения нередко не просто подробно описываются диалектоносителями, оцениваются ими как значимые в процессах социального взаимодействия, но и активно пропагандируются, внушаются слушающим, представляются как константы той культуры, носителем которой является говорящий...» [24. С. 163].

Деревенским жителям, к которым относится и сам говорящий, по его мнению, свойственны такие качества, как честность, порядочность, справедливость:

Да. Чё мы тут, все на виду, деревня... Ну и всё равно, у деревенских – мо'жет, и ума меньше, дак опять как-то, мо'жет, **честности, ли справедливости, может, побольше**... [16]; Они, знаешь, деревенских почему ценили, что они... [Трудолюбивые, наверное?] Не-е. [Всё умеют?] Умеют. И, главное, **не воруют. Надёжны** [16].

Отмечается стремление к чистоте вопреки тяжёлым бытовым условиям жизни в селе: Знашь от, **деревенские**, ага, а такие вот **чистюли** вот были такие вот, всегда это, порядок всегда, чистота, куда', как чё успевали ж как-то? [16].

Негативно оцениваются социальные условия, низкий уровень образования, отсутствие профессиональной квалификации сельских жителей: Я? **Проста работница, крестьянка**, да и всё. В деревне чем работаешь, чё придётся, то и работаешь [16]; Залетели [на самолёте] за облака. <...> Она-то знает, что мы за облака залетели. Вижу, как молочко переливается, а таперь погляди – мы уж, говорит, прилетели. С солнышком прилетели, а буран был, буран. **Дура деревенска**, не видывала, не слыхивала ничего [16]; [Так Вы всё знаете про деревенскую жизнь, сейчас нам всё расскажете.] А чё я про деревенскую жизнь? Выросла там и-и всё дояркой работала. Ну-у... [16].

Таким образом, анализ автобиографических рассказов сельских жителей показывает, что локальная самоидентификация определяется не только проживанием на какой-либо территории, но и образом жизни людей, системой норм, представлений и ценностей. Она неотделима от самопрезентации и характеристики людей, проживающих на той или иной территории. Типичный образ жителя села отражает прежде всего специфику сельского существования, в основе которого лежит труд, близость к природе. Самоидентификация по месту рождения, а не по месту проживания свойственна для вынужденных и добровольных переселенцев.

Проанализированный материал показывает, что самоидентичность сельских жителей осознаётся на фоне сравнения себя по ряду параметров с горожанами, а для коренных сельчан – с переселенцами и ссыльными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лаппо М.А. Самоидентификация: прямое, косвенное эксплицитное и косвенное имплицитное описание идентичности говорящим субъектом // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 28–32.
2. Щербakov М.А. Модель уровней самоидентификации личности. URL: http://www.ipd.ru/articles/ident_article.shtml (дата обращения: 20.05.2021)
3. Лаппо М.А. Когнитивно-дискурсивная сущность самоидентификации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 4 (8). С. 30–37.
4. Седова Н.Н. Национально-государственная идентичность россиян и отношение к государственной символике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2005. № 3 (75). С. 29–35.
5. Демешкина Т.А. Славянский компонент в самоидентификации жителя Сибири // Русин. 2015. № 3 (41). С. 90–107.
6. Лавринов Д.Г. Актуализация региональной самоидентификации в условиях кризиса российской идентичности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 3. С. 47–50.
7. Смирнягин Л.В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М., 1999. С. 108–115.
8. Морозова Е.В., Улько Е.В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы // Политэкс. 2008. № 4. С. 139–151.
9. Крупкин П.Л., Лебедев С.Д. К сакральным основаниям локальных идентичностей в современной России: опыт структурного анализа // Социологический журнал. 2013. № 4. С. 35–48.
10. Дранникова Н.В. Локальная идентификация и самоидентификация жителей севернорусских городов Архангельска и Свердловска (по фольклорно-этнографическим данным) // Studia Rossica Posnaniensia. 2016. Т. 41. С. 57–69.
11. Дранникова Н.В. «Патракеевка – поморское село»: особенности локальной идентичности жителей с. Патракеевки Приморского района Архангельской области // Арктика и Север. 2017. № 28. С. 5–23.
12. Якупова Г.А. Молодая сельская семья в современных условиях : дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2018. 180 с.

13. Блинова Т.В. Демографические угрозы и ограничения развития сельских территорий России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 2 (71). URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskie-ugrozy-i-ogranicheniya-ravzitiya-selskih-territoriy-rossii](https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskie-ugrozy-i-ogranicheniya-razvitiya-selskih-territoriy-rossii) (дата обращения: 24.06.2021).
14. Гольдин В.Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник. М., 2002. С. 58–64.
15. Демешкина Т.А., Тубалова И.В. Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 36–54.
16. Томский диалектный корпус // Лаборатория общей и сибирской лексикографии НИ ТГУ. URL: <http://losl.tsu.ru/corpus> (дата обращения: 15.07.2021).
17. Как мы жили: воспоминания и устные свидетельства томских крестьян / публ. Н.М. Дмитриенко, Г.В. Шипиловой ; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 199 с.
18. Причулымская правда. Асино [Томская область]. № 51. 1946. 18 октября.
19. Волошина С.В. Хронотоп жизненного пути в диалектной коммуникации (на материале автобиографических рассказов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 1 (13). С. 14–21.
20. Волошина С.В., Тубалова И.В. Сибирь и сибиряки в автобиографических речевых практиках // Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах (XIX – начало XX в.) / под общ. ред. И.А. Айзиковой. Томск, 2019. С. 95–125.
21. Савоскул С.С. Локальная идентичность современных россиян (опыт изучения на примере Переславля-Залесского) // Этнографическое обозрение. 2005. № 2. С. 58–73.
22. Калиткина Г.В. Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 296 с.
23. Курикова Н.В. Феномен пространственного дейксиса в диалектной речи (на материале лексем «здесь», «тут», «там») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 24 с.
24. Крючкова О.Ю. Виды и формы репрезентации культурной идентичности в речи диалектоносителей // Россия народная: россыпь языков, диалектов, культур : сб. материалов Всерос. с междунар. участием науч. конф., [23–25 апреля 2019 г., г. Волгоград]. Волгоград : Фортекс, 2019. С. 159–164.
25. Серебренникова А.Н. Диалектное слово с семантикой «свойственности» – «чуждости» (лингвокультурологический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 30 с.
26. Иванцова Е.В. Концепт КУЛЬТУРА в словарях русских народных говоров // Вопросы лексикографии. 2016. № 1 (9). С. 5–21.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 сентября 2021 г.

On Local Self-Identification of Siberian Village Residents (Based on Autobiographical Short Stories)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 16–22.

DOI: 10.17223/15617793/470/2

Tatiana A. Demeshkina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: demeta@rambler.ru

Maria A. Tolstova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tolstova_11@mail.ru

Keywords: local self-identification; autobiographical short story; countryman; identity.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and Tomsk Oblast Administration, Project No. 19-412-700001r_a.

The article examines the local level of national-territorial self-identification. Interest in this issue is due to extralinguistic and linguistic factors. Extralinguistic factors are associated with increased migration and globalization in the modern world, which leads to a smearing of the territorial and national identity. The relevance of the stated problem is due to its inclusion in the paradigm of modern linguistics that studies the issues of the relationship between language and thinking thus revealing the linguistic potential of the modeling of cognitive processes. The aim of the article is to determine factors on which local self-identification is based. Research materials are autobiographical short stories of people living in the villages of Tomsk Oblast. Local self-identification is understood as the awareness of one's belonging to a certain territory and its community, history and events, which manifests itself in the linguistic picture of the world, in the system of values, ideas, stereotypes and norms, and is reflected in the language. The main source of the material is the texts of the Tomsk dialect corpus, recorded during dialectological expeditions from 1946 to the present in the areas of distribution of Russian old-resident dialects of the Middle Ob region. As an additional source, recollections and oral autobiographical short stories of witnesses of dispossession and exile to the Naryn region are used. Local self-identification is expressed most clearly by lexical units with the semantics of belonging to a territory, to a place of residence: *mestnyy* [local], *zdeshniy/izdeshniy* [of this place], *privezemnyy* [brought/imported], *derevenskiy* [rural], *korennoy* [indigenous]. The analysis of autobiographical stories reveals the actualization of such criteria as birth and permanent residence in a certain area; the presence of ancestors who were born and lived in the same locus as the speaker; emotional attachment to the area, knowledge of the local language, and some others. Local self-identification is expressed in the nominations *selo* [village]/*derevnya* [country] and *gorod* [city], which are endowed with the attributive properties of “ours” (*svoy* [one's], *nash* [our], *derevenskiy* [rural], *mestnyy* [local], *zdeshniy/izdeshniy* [of this place], *korennoy* [indigenous]) and “theirs” (*ne nash* [not ours], *chuzhoy* [strange], *priyemshiy* [newcomer]). The analysis of the autobiographical short stories of rural residents shows that local self-identification is determined not only by living in a certain territory, but also by the way of life of people, the system of norms, ideas and values. It is inseparable from self-presentation and characteristics of people living in a particular territory. The stereotypical image of a villager reflects, first of all, the specifics of rural existence, which is based on labor and closeness to nature. The local identity of the inhabitants of the Siberian village is formed through the system of oppositions “city–village”, “old-resident–migrant”, “Siberia–European part of Russia”.

REFERENCES

1. Lappo, M.A. (2013) Self-Identification: Direct, Indirect Explicit and Indirect Implicit Description of the Identity of the Speaker. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 372. pp. 28–32. (In Russian).
2. Shcherbakov, M.A. (n.d.) *Model' urovney samoidentifikatsii lichnosti* [Model of the levels of a person's self-identification]. [Online] Available from: http://www.ipd.ru/articles/ident_article.shtml (Accessed: 20.05.2021)
3. Lappo, M.A. (2009) Cognitive-Discursive Essence of Self-Identification. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (8). pp. 30–37. (In Russian).
4. Sedova, N.N. (2005) *Natsional'no-gosudarstvennaya identichnost' rossiyan i otnoshenie k gosudarstvennoy simvolike* [National-state identity of Russians and attitude to state symbols]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 3 (75). pp. 29–35.

5. Demeshkina, T.A. (2015) Traits of the Slavic Identity in the Self-Identification of a Siberian Native. *Rusin*. 3 (41). pp. 90–107. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/7
6. Lavrinov, D.G. (2008) Aktualizatsiya regional'noy samoidentifikatsii v usloviyakh krizisa rossiyskoy identichnosti [Actualization of regional self-identification in the context of the crisis of Russian identity]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 3. pp. 47–50.
7. Smirnyagin, L.V. (1999) Territorial'naya morfologiya rossiyskogo obshchestva kak otrazhenie regional'nogo chuvstva v russkoy kul'ture [Territorial morphology of Russian society as a reflection of regional feeling in Russian culture]. In: *Regional'noe samosoznanie kak faktor formirovaniya politicheskoy kul'tury v Rossii* [Regional self-awareness as a factor in the formation of political culture in Russia]. Moscow: [s.n.]. pp. 108–115.
8. Morozova, E.V. & Ul'ko, E.V. (2008) Lokal'naya identichnost': formy aktualizatsii i tipy [Local identity: forms of actualization and types]. *Politeks*. 4. pp. 139–151.
9. Krupkin, P.L. & Lebedev, S.D. (2013) On Sacred Basis of Local Social Identities in Contemporary Russia: Structural Analysis. *Sotsiologicheskii zhurnal – Sociological Journal*. 4. pp. 35–48. (In Russian).
10. Drannikova, N.V. (2016) Local Identification and Self-Identification of Citizens of the Northern Russian Cities of Arkhangelsk and Severodvinsk (Based on Folklore-Ethnographic Studies). *Studia Rossica Posnaniensia*. 41. pp. 57–69. (In Russian).
11. Drannikova, N.V. (2017) "Patrakeevka – A Pomor Village": Local Identity Features of the Patrakeevka Village Residents, Primorsky District, the Arkhangelsk Oblast. *Arktika i Sever – Arctic and North*. 28. pp. 5–23. (In Russian). DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.28.5
12. Yakupova, G.A. (2018) *Molodaya sel'skaya sem'ya v sovremennykh usloviyakh* [Young rural family in modern conditions]. Sociology Cand. Diss. Yekaterinburg.
13. Blinova, T.V. (2018) Demographic Threats and Limitations of the Development of Rural Territories in Russia. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*. 2 (71). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskie-ugrozy-i-ogranicheniya-razvitiya-selskih-territoriy-rossii> (Accessed: 24.06.2021). (In Russian).
14. Gol'din, V.E. (2002) Dominanty traditsionnoy sel'skoy kul'tury rechevogo obshcheniya [Dominants of traditional rural culture of speech communication]. In: *Avanesovskiy sbornik* [Avanesov collection]. Moscow: Nauka. pp. 58–64.
15. Demeshkina, T.A. & Tubalova, I.V. (2017) Dialect Discourse as a Sphere of National Culture Representation: Constants and Transformations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 50. pp. 36–54. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/3
16. *Tomskiy dialektnyy korpus* [Tomsk dialect corpus]. [Online] Available from: <http://losl.tsu.ru/corpus> (Accessed: 15.07.2021).
17. Chernyak, E.I. (ed.) (2014) *Kak my zhili: vospominaniya i ustnye svidetel'stva tomskikh krest'yan* [How we lived: memoirs and oral testimony of Tomsk peasants]. Tomsk: Tomsk State University.
18. *Prichulyskaya pravda*. (Asino, Tomsk Oblast). (1941) 51. 18 October.
19. Voloshina, S.V. (2011) Khronotop zhiznennogo puti v dialektnoy kommunikatsii (na materiale avtobiograficheskikh rasskazov) [Chronotope of the life path in dialect communication (based on autobiographical stories)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (13). pp. 14–21.
20. Voloshina, S.V. & Tubalova, I.V. (2019) Sibir' i sibiryaki v avtobiograficheskikh rechevykh praktikakh [Siberia and Siberians in autobiographical speech practices]. In: Ayzikova, I.A. (ed.) *Slovesnaya kul'tura Sibiri v obshcherossiyskom i evropeyskom kontekstakh (XIX – nachalo XX v.)* [Verbal culture of Siberia in the all-Russian and European contexts (19th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 95–125.
21. Savoskul, S.S. (2005) Lokal'naya identichnost' sovremennykh rossiyan (opyt izucheniya na primere Pereslavl-Zalesskogo) [Local Identity of Contemporary Russians (Study Experience on the Example of Pereslavl-Zalessky)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2. pp. 58–73.
22. Kalitkina, G.V. (2010) *Ob'ektivatsiya traditsionnoy temporal'nosti v dialektnom yazyke* [Objectification of traditional temporality in dialect language]. Tomsk: Tomsk State University.
23. Kurikova, N.V. (2005) *Fenomen prostranstvennogo deysiya v dialektnoy rechi (na materiale leksem "zdes'", "tut", "tam")* [The phenomenon of spatial deixis in dialect speech (based on the lexemes "zdes'", "tut", "tam")]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
24. Kryuchkova, O.Yu. (2019) [Types and forms of representation of cultural identity in the speech of dialect speakers]. *Rossiya narodnaya: rossyp' yazykov, dialektov, kul'tur* [People's Russia: A scattering of languages, dialects, cultures]. Conference Proceedings. Volgograd, 23–25 April 2019. Volgograd: Fortress. pp. 159–164. (In Russian).
25. Serebrennikova, A.N. (2005) *Dialektnoe slovo s semantikoy "svoystvennosti" – "chuzhdosti" (lingvokul'turologicheskiy aspekt)* [Dialect word with the semantics of "ours" – "theirs" (linguoculturological aspect)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
26. Ivantsova, E.V. (2016) The concept "culture" in dictionaries of Russian folk dialects. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1 (9). pp. 5–21. (In Russian). DOI:10.17223/22274200/9/1

Received: 19 September 2021

Н.В. Кузнецова, О.В. Почтарёва

НЕРЕГЛАМЕНТИРОВАННАЯ ПУНКТУАЦИЯ ПРИ ВВОДНЫХ СЛОВАХ: ТИРЕ И ДВОЕТОЧИЕ

Анализируются факты нерегламентированной пунктуации при вводных словах в современной русской письменной речи. Выявлено, что при оформлении некоторых вводных слов и сочетаний регулярно постановка тире или двоеточия, что не отражено в нормативных справочниках. На основе анализа контекстов Национального корпуса русского языка, результатов Тотального диктанта, данных опроса носителей русского языка, профессионально работающих с текстами, определены факторы, способствующие такому пунктуационному оформлению вводных слов и сочетаний.

Ключевые слова: пунктуация; знаки препинания; русская письменная речь; вводные слова; вводные сочетания; текстовая скрепа; метаязыковое сознание.

Современная русская пунктуация регламентирована достаточно детально. В справочнике Д.Э. Розенталя, Е.В. Джанджаковой, Н.П. Кабановой [1. С. 81–164] и в своде правил (далее – ПАС) под редакцией В.В. Лопатина [2. С. 198–324] пунктуации посвящено около 160 параграфов, в которых описана постановка знаков препинания в разных ситуациях употребления – как в предложении, так и в тексте. Однако, несмотря на столь детальное описание, исследователи современного русского письма прибегают к использованию термина «нерегламентированная пунктуация», под которым подразумевается пунктуация, «не закреплённая действующими правилами, представляющая собой разнообразные отклонения от общих норм и существующая наряду с регламентируемой» [3. С. 71]. В лингвистических исследованиях понятие «нерегламентированная пунктуация» используется в том случае, когда говорят об изменении практики русского письма, в частности в области оформления пояснительных и присоединительных конструкций [4], прямой речи [5], обособленных определений, обстоятельств [6]. Исследователи отмечают, что это явление обусловлено активными процессами в языке [7] и в оформлении текста, за которыми не успевают современные справочники, определяющие нормы постановки знаков препинания.

В настоящей статье проанализируем случаи нерегламентированной пунктуации при оформлении вводных слов и сочетаний. Строго говоря, потенциально любой нерегламентированный знак можно рассматривать и как ошибку. Это сделано, например, в статье Е.М. Хакимовой, описывающей «пунктуационную девиацию» при употреблении вводных конструкций и их аналогов в современных текстах массовой коммуникации [8]. По мнению автора, постановка тире (в некоторых случаях) и двоеточия (во всех случаях) после вводного слова является «отступлением от пунктуационного стандарта». Исследователь приводит в качестве примеров такого отступления, кроме явно ошибочных вариантов, предложение: *А ведь действительно: мужчин в России воспитывают женщины!* (Комсомольская правда. 2010. 1–7 февраля) [8. С. 58]. Целесообразно ли «не доверять» авторам и редакторам, выбравшим нерегламентированный знак, и объявлять его постановку заведомо неправильной? Возможно, постановку тире и двоеточия при вводном слове целесообразно признать вариантами нормы?

Прежде чем рассматривать знаки препинания при вводных словах, определимся с самим понятием «вводное слово». Необходимо сказать, что это понятие принадлежит не только научному, «теоретически систематизированному» [9. С. 152], но и обыденному, «теоретически несистематизированному» [9. С. 152] метаязыковому уровню языкового сознания, так как связано с решением чисто практического вопроса о постановке или непостановке знаков препинания при том или ином слове (конструкции).

Отметим, что в науке это не самое определённое понятие. Так, в работе А.М. Пешковского вводные слова рассматриваются как логико-синтаксические единицы и делятся на три группы, одна из которых находится «на рубеже между вводными словами и союзами» [10. С. 410]. В.В. Виноградов, используя термин «вводное слово», почти всегда заключает его в кавычки, показывая тем самым, что морфологическая природа слов, входящих в это понятие, не ясна [11]. В современной лингвистике существуют разные взгляды на природу вводных слов. Эти единицы могут характеризоваться как самостоятельная часть речи, выделяемая на основе синтаксического критерия. Такая точка зрения представлена в основном в лексикографических источниках, например в словаре А.А. Зализняка [12. С. 7], в словаре В.В. Морковкина [13. С. 172–173], в «Справочнике по пунктуации» на портале «Грамота.ру»¹. Другую точку зрения находим, например, в монографии Л.Л. Буланина, который отмечает, что части речи – это классы слов, а вводными бывают и словосочетания, и предложения, поэтому говорить о том, что вводные слова – это отдельная часть речи, неправомерно [14. С. 188]. По словам П.А. Леканта, «под вывеской вводных (в традиционном понимании) оказались собранными разнородные по семантике и по структуре единицы (слова, словосочетания, предикативные конструкции)», в связи с чем он выдвигает гипотезу «о существовании категории вводности как функционально-прагматической единицы предложения и текста» [15. С. 4]. В Грамматике-80 вводные слова и сочетания также не рассматриваются в разделе «Морфология», упоминается только способность некоторых слов выступать в функции вводных [16. Т. 1]. Третья, примиряюще-неопределённая, точка зрения представлена в обобщающем очерке Д.В. Сичинавы, где вводные слова названы «синтаксическим классом, примыкающим к частям речи» [17. С. 32].

Такая неопределённость открывает возможность разного пунктуационного оформления слов и сочетаний, относимых к вводным. Однако основное правило, которое касается постановки знаков препинания при вводных словах и сочетаниях, в современных справочниках звучит очень лаконично: «вводные слова и сочетания слов отделяются или выделяются запятыми» [2. С. 261]. Параграф 91 справочника В.В. Лопатина, где содержится это правило, значителен по объёму, однако его текст состоит из списка вводных слов и примеров их употребления. Кроме того, даются случаи постановки тире при вводных словах в специфических контекстах:

1) на месте пропуска компонента *стороны* во вводном сочетании *с другой стороны* (§ 96): **С одной стороны, знания студента были глубокими, с другой – они оказались очень односторонними** [2. С. 267];

2) перед обобщающим словом после ряда однородных членов (§ 34). Если перед обобщающим словом, отделенным от однородных членов посредством тире, имеется вводное слово, то запятая перед вводным словом опускается: *В вестибюле, в коридоре, в кабинетах – словом, всюду толпились люди* (Поп.).

Отмечен и один случай постановки двоеточия, что также связано с оформлением перечня с обобщающим словом (§ 33): *Круглосуточно работают многие предприятия и службы, как например: связь, скорая помощь, больницы; На собрание явились все, а именно: преподаватели, студенты и сотрудники института (газ.)*.

Аналогичные случаи описаны в справочнике Д.Э. Розенталя, Е.В. Джанджаковой, Н.П. Кабановой [1. С. 117–124]. В работе Н.С. Валгиной утверждается, что «выделительная роль запятых при вводных словах и сочетаниях сродни выделению различных членов предложения: при обособлении чаще всего используются именно запятые <...> интонационно вводные слова и сочетания схожи с обособленными членами предложения» [18. С. 81]. Таким образом, основным и почти единственным регламентированным знаком при вводных словах оказывается запятая. Приведём также «наивное» определение вводных слов, данное С.М. Евграфовой: «...вводное слово – это модальное слово, которое на письме нужно выделять **запятыми** (выделение наше. – О.В., Н.В.)» [19. С. 7].

Реальная же практика русского письма предлагает гораздо большее разнообразие. Мы рассмотрели примеры употребления 28 вводных слов более чем в двух тысячах контекстов в Национальном корпусе русского языка. Выяснилось, что вполне обычными являются пунктуационные варианты типа: *Я исследую крестьянский слой. А точнее говоря – судьбы людей, вышедших из крестьян* (В. Фомин); *Там быстро сообразили, что от них требуется не давать информацию в СМИ, а наоборот, – информацию скрывать и «посторонних» к началству не допускать, зорко стеречь отраслевые тайны²* (Витрина читающей России); **Воистину:** *вдохновение бывает в любом деле* (М. Палей). Как видим из примеров, после вводных слов может ставиться и тире, и двоеточие. Наблюдается и стечение знаков³. Обратим внимание на то, что эти тексты подверглись корректуре и редак-

тированию, прежде чем были опубликованы. Несмотря на то, что знаки не регламентированы современными справочниками, корректоры считали возможным оставить их в тексте. Более того, наши наблюдения над данными НКРЯ показывают, что нерегламентированная пунктуация при вводных словах не является новшеством русской речи, ср.: **Действительно:** *построив мост DE и соединив E с A, получим путь AEDB...* (Я. Перельман, 1925); *...то, чего нет в его (Пероziо) статье, не должно быть принимаемо во внимание по смыслу самой программы состязания, на которую он согласился. И действительно – подписывая условия, г. Пероziо должен был видеть, что тут предполагается вести речь об его статье...* (Н. Добролюбов, 1859). С чем может быть связана такая постановка знаков препинания?

Выбор тире часто можно объяснить пропуском какого-либо члена предложения. Так, в §16 ПАСа утверждается, что тире ставится «в частях сложного предложения с параллельной структурой, а также в простом предложении с однородными повторяющимися членами предложения, где пропущенный член восстанавливается из первой части предложения» [2. С. 209]. Ср.: *Тепло потечёт не от горячих тел к холодным, а наоборот – от холодных к горячим, а энтропия замкнутых систем станет уменьшаться* (В. Комаров). Результат восстановления может быть таким: [***а, наоборот, тепло** потечёт от холодных к горячим]; *...местные власти стремятся выращивать на своей территории даже то, что растет плохо. К примеру – картофель в Ростовской области* (М. Чкаников, А. Фомин). [***К примеру, стремятся выращивать** картофель в Ростовской области]; *В таких семьях ребенок посвящен во все тонкости семейного бюджета, <...> в курсе, где лежат деньги, мало того – в какой-то мере сам ими распоряжается* (С. Скарлош). [***мало того, ребёнок** в какой-то мере сам ими распоряжается]; *И Леня обрадовался, стал оживленно объяснять, какое это дивное место, между прочим – курортное, какие там лыжные трассы и как в сезон нет отбоя от лыжников...* (Д. Рубина) [***между прочим, место** курортное]. Восстанавливаться могут не только знаменательные слова, но и служебные, в частности союз КАК: *...он давно зарекомендовал себя как системный, а главное – предсказуемый государственный топ-менеджер* (А. Рыклин). [***а главное, как** предсказуемый государственный топ-менеджер].

Вероятно, когда с помощью тире или двоеточия выделяются вводные слова или сочетания, проявляется их происхождение как «редуцированных предложений» – так определял их А.А. Шахматов [20. С. 47]. Однако не во всех случаях есть возможность «доставляния». Ср., например: *По окончании института <...> мы с Гришей устроились весьма удачно в некое московское КБ. Мало того – мы с ним попали в одно и то же подразделение* (О. Зайончковский); *Насел фоторепортер ТАСС, обещал тиснуть в местную газету «орденоносцев на отдыхе». Между прочим – при съемках наши девушки (я сидел на лестнице ниже них) заявили, что у меня голова седая и что я уже старик* (А. Терехов); *Снова выходило, что я мог бы*

что-то знать до начала расспросов. **И вообще** – была тут какая-то логическая неувязка, глупость какая-то... (В. Белоусова). Очевидно, восстановление пропущенного компонента – не единственное и (или) не главное условие постановки тире. Более того, в подобных предложениях кроме тире после вводного слова возможно и двоеточие, причём эти знаки становятся равнозначными. Сравним: *Подавляющее большинство российского народа в 1917 году признало исчезновение прежнего государства и возникновение нового. Мало того: подавляющее большинство народа хотело, просто-таки жаждало, чтобы старый режим был свергнут...* (Д. Драгунский); *Если что не так – такое устройство вполне может не понять само себя. Иначе говоря: неведомый шутник-физик, с которого началось, предложил поверить, что прибор может галлюцинировать* (В. Иваницкий); *...Я, извини, не приспособлен ломать чьи-то шеи. И вообще: мне голос надо беречь, голос и... репутацию!* (Д. Рубина). Тире и двоеточие являются более сильными знаками, чем запятая. Они указывают на значительную коммуникативную самостоятельность отделяемых ими конструкций.

Интересен в этом аспекте естественный лингвистический эксперимент, которым стало написание Тотального диктанта. Во второй части текста 2017 г. (автор – Л. Юзефович) есть предложение: *Пермяки утверждают, что не Кама впадает в Волгу, а (?) наоборот (?) Волга в Каму*. Допустимыми признавались разные варианты постановки знаков, в частности такие:

- , а, наоборот, (эталонный вариант)
- , а наоборот –
- , а наоборот:

Часть со словом *наоборот* восстанавливается как **[Дело обстоит] наоборот* (ср.: **А дело обстоит наоборот – Волга в Каму; *А дело обстоит наоборот: Волга в Каму*). В этом случае можно усмотреть действие правил постановки знаков препинания в бессоюзном сложном предложении, в котором вторая часть поясняет то, о чем говорится в первой части (возможна подстановка слов *а именно*): основным знаком является двоеточие, однако допустимо употребление тире, что связано с «экспансией тире» в современных текстах [6. С. 40]. Проверка диктанта показала, что только 30% писавших эту часть текста поставили при слове *наоборот* канонические запятые. С помощью тире его оформили 40% участников, ещё 10% поставили двоеточие.

Как можно прокомментировать такие случаи? Можно сказать: «здесь не вводное слово, а наречие или наречное сочетание». Это влечет за собой ряд вопросов. Например, такое утверждение предполагает, что вводное слово – это часть речи. Однако многие русисты, как уже говорилось выше, отмечают некорrekтность встраивания вводных слов в систему частей речи [16. Т. 2. С. 228–229; 21. С. 10]. С этой точки зрения выражение «Это наречие, а не вводное слово» представляется сомнительным. Кроме того, между словом *наоборот*, выделенным запятыми, и словом *наоборот*, после которого стоит тире или двоеточие, семантических различий не возникает. Однако на ка-

ком-то основании пишущие принимают свои решения. На специализированных сайтах интернета активно идёт обсуждение того, где и какие знаки нужно ставить при вводных словах⁴, и мнения пользователей расходятся. Причём часто оппоненты приводят выдержки из авторитетных справочников, лингвистических работ, словарей, но договориться не могут.

Чтобы выявить причины этих противоречий, мы провели небольшой эксперимент, предложив респондентам расставить и обосновать знаки препинания в выбранных из НКРЯ высказываниях с вводными словами, принадлежащими к разным группам и находящимися в разных позициях в предложении. В эксперименте принимали участие студенты-филологи (27 человек), профессиональные редакторы и копирайтеры (50 человек), а также участники группы ВК «Лингвовести: языки и лингвистика», посвященной изучению языков (60 человек). Приведём список высказываний, предложенных респондентам (были убраны все знаки препинания), и статистические данные с указанием вариантов:

1. Главное надо знать нужные негосударственные организации.

Варианты оформления	Количество примеров
Главное –	71
Главное,	47
Главное	8
Главное:	11

2. Сейчас поимка и главное осуждение хакеров стало крайне сложным делом.

Варианты оформления	Количество примеров
Сейчас поимка и главное – осуждение хакеров –	2
Сейчас поимка и главное осуждение хакеров	6
Сейчас поимка и, главное, осуждение хакеров	78
Сейчас поимка и, главное осуждение хакеров	2
Сейчас поимка и главное – осуждение хакеров,	2
Сейчас поимка и главное, осуждение хакеров,	5
Сейчас поимка и – главное – осуждение хакеров	15
Сейчас поимка и – главное! – осуждение хакеров	1
Сейчас поимка и главное – осуждение хакеров	17
Сейчас поимка (и главное – осуждение!) хакеров	2
Сейчас поимка, и главное, осуждение хакеров	5

3. Это был успех неполный и отчасти даже сомнительный а главное бьющий мимо основной научной цели.

Варианты оформления	Количество примеров
, а главное – бьющий мимо основной	49
, а главное, бьющий мимо основной	53
, а, главное, бьющий мимо основной	14
, а главное бьющий мимо основной	14
, а главное: бьющий мимо основной	6
, а – главное – бьющий мимо основной	1
неполный и, отчасти, даже сомнительный	6
неполный, и, отчасти, даже сомнительный	2
неполный, и отчасти даже сомнительный	6
неполный и отчасти даже сомнительный	123

4. В итоге диспетчер может принять решение о задержке груза в пути или наоборот о скорейшем пропуске состава.

Варианты оформления	Количество примеров
или, наоборот,	89
или наоборот –	12
или наоборот,	12
, или наоборот –	7
или наоборот	12
, или наоборот,	3

, или наоборот	1
В итоге,	15
В итоге	122

5. Но к чести боксёра на поле он выделялся корrekтностью и наоборот стоически переносил удары по ногам.

Варианты оформления	Количество примеров
и наоборот	31
и наоборот –	2
и, наоборот,	78
и наоборот,	3
, и наоборот,	2
и, наоборот, –	5
, и наоборот –	16
Но к чести боксёра	33
Но к чести боксёра,	27
Но, к чести боксёра,	72
Но к чести боксёра –	4
Но, к чести боксёра на поле,	1

6. Как показало анкетирование студентов их главной претензией к преподавателям является не излишняя требовательность а наоборот недостаточная нагрузка.

Варианты оформления	Количество примеров
, а, наоборот,	45
, а наоборот –	40
, а, наоборот, –	6
,а наоборот,	28
, а наоборот	17
а наоборот,	1

7. Эта премия даётся за здоровую конкуренцию. И действительно чем дальше тем здоровее.

Варианты оформления	Количество примеров
И действительно, чем дальше, тем здоровее	73
И действительно – чем дальше, тем здоровее	23
И, действительно, чем дальше, тем здоровее	18
И действительно: чем дальше, тем здоровее	22
И действительно чем дальше, тем здоровее	1

8. Абсолютно согласен с этой оценкой. Это действительно новый этап в строительстве наших межгосударственных связей.

Варианты оформления	Количество примеров
Это, действительно, новый этап	21
Это действительно новый этап	116

Опрос показал проявление разных уровней метаязыкового сознания участников: если респондент ссылался лишь на интуицию или писал: «Я так чувствую», «Я всегда так пишу», «Иначе не смотрится» и т.д., он проявлял *подсознательный (бессознательный) уровень*, в котором метаязыковая рефлексия представлена в «свернутом» виде <...>, она заключена в семантике языковых единиц и правилах их использования, составляющих содержание языкового сознания» [22. С. 46]. В случае же, если респондент давал объяснение собственным решениям, он проявлял *вербализованный уровень*, связанный с «выведением метаязыковой операции в «светлое поле» сознания» [22. С. 47], о чем свидетельствуют замечания типа: «Первое желание – без знака препинания, но когда задуматься, как его будут читать другие люди – лучше поставить знак»; «Запятая после “а наоборот” не нужна, так как перегружает текст, но начинаешь задумываться, и хочется поставить» и под. Смеем предположить, что расстановка знаков в предложенных микротекстах могла бы быть иной, если бы не требовалось дать объяснения выбранному оформлению, так как, по

справедливому замечанию Н.Д. Голева, при подобных опросах получается изучить именно «метаязыковое сознание рядовых носителей», а не ментальную деятельность, «которую носители языка осуществляют, когда пишут тексты в обычной обстановке» [23. С. 26]. Тем не менее мы считаем эксперимент единственным способом активизации «метаязыкового компонента языкового сознания» [24. С. 63].

Результаты опроса свидетельствуют о том, что основным способом пунктуационного оформления вводных слов являются всё-таки запятые, вне зависимости от функции и позиции. Среди выбравших этот знак большинство сослалось на действие правил или на школьную практику, ср.: «Вводное слово, его можно убрать из текста, предложение не потеряет смысл»⁵; «Слово лишнее в тексте». В связи с этим, вероятно, участники выражали и негативное отношение к вводным словам: «Все эти ваши “главное”, “наоборот”, “конечно же” – суть мусор. Я как газетный редактор вычеркиваю их безжалостно, ибо смысловой нагрузки в них ноль, только место съедают»⁶.

Однако значительное число участников эксперимента не были столь категоричны и предлагали разные варианты постановки знаков препинания. С этой точки зрения явно выделяется пример 1: более половины респондентов поставили в нём тире после слова «главное», предложив разные объяснения. Один из участников сделал вывод, что «если поставить здесь запятую, то будет просторечие». Многие отмечали, что на месте тире может быть пропущенное слово «что». Большинство же мотивировало выбор тире тем, что слово стоит в начале предложения («Вводное, позиция в начале предложения позволяет поставить тире, которое будет уместным») и имеет «интонационный акцент»: «Есть осязаемое интонационное выделение, а так как слово стоит в начале предложения, то просится тире, если бы оно было в середине/конце предложения, поставила бы двоеточие, так как интонация объяснения». Важно отметить, что по результатам опроса позиция начала предложения оказалась настолько значимой, что способствовала обособлению даже сочетания, не являющегося вводным: в примере 4 предложно-падежную форму «в итоге», которую ни один справочник не называет вводной, обособили 10% опрошенных – больше, чем выделили находящееся в середине предложения в примере 8 слово «действительно» (справочники указывают на возможность этого слова быть как вводным, так и не вводным).

Интересны замечания относительно случаев с «а главное» (пример 3) и «а наоборот» (пример 6): «После вводного слова тире, а не запятая, так как имеет место эллипсис (во избежание повторения слова “успех” или группы “это был успех”»); «После “а главное” наверняка правильнее было бы поставить запятую, но тут интонационно тире просится»; «С тире получается более сильное смысловое ударение и графически красивее»; «Тут явный акцент на “бьющий мимо основной научной цели”»; «Тире визуально отделило главное от второстепенного»; «После “а наоборот” можно поставить и запятую, но вместе с противительным союзом “а” значение противо-

поставления усиливается, поэтому лучше тире». Пишущие осознают сочетание союза «а» и вводного слова как единый комплекс, который они стремятся отделить от остальной части предложения с помощью тире. Постановка тире после *или наоборот* (пример 4), *и наоборот* (пример 5), *и главное* (пример 2) встречается гораздо реже, что может быть связано и с тем, какой союз предшествует вводному слову, и, как говорилось выше, с позицией самого слова. Ср. одно из объяснений к примеру 2: «Вводное “и главное”, позиция в середине простого предложения без особого смыслового акцента, поэтому запятые». Такой взгляд на пример 2 разделяли, впрочем, не все участники эксперимента, о чём свидетельствует исключительное разнообразие вариантов пунктуационного оформления фрагмента, содержащего вводное слово. Семантика слова «главное», видимо, «подтолкнула» к тому, чтобы оформить его само по себе как вставную конструкцию с помощью двойного тире либо поставить в начальную позицию во вставной конструкции, усилив к тому же восклицательным знаком.

В ответах респондентов встречалось и двоеточие, правда, только при двух словах – «главное» (примеры 1, 3) и «действительно» (пример 7). Пишущие так объясняли этот знак: «Двоеточие указывает на пояснение»; «Предложение похоже на бессоюзное, во второй части которого раскрывается причина (потому двоеточие)». Интересно, что слово «главное» содержалось в трёх предложенных респондентам высказываниях, но двоеточие появилось при нём только в двух случаях: когда слово «главное» находилось в начале предложения (пример 1) и когда оно образовывало единый комплекс с союзом «а» (пример 3). Слово «главное» после союза «и» (пример 2) никто из участников не отделил с помощью двоеточия. Очевидно, на выбор знака повлияла и структура предложения, и союз, соседствующий с вводным словом.

Таким образом, в пунктуационном оформлении вводных слов и сочетаний значимыми для участников опроса оказались:

1) позиция; если слово или сочетание находится в начале предложения, части сложного предложения или обособленного оборота, пишущие могут вместо запятых оформлять его с помощью тире или двоеточия, решительно отделяя его от остальной части предложения;

2) семантика; в частности, у слова «главное» она способствует, по словам участников эксперимента, интонационному «подчеркиванию главного», а у слова «наоборот» – акцентированию «неожиданного вывода»;

3) структура самого предложения, которая заставляет или не заставляет пишущих предположить после вводного слова пропуск какого-либо члена предложения или союза.

Пытаясь обосновать свои пунктуационные решения, пишущие нередко прибегают к терминам морфологии или синтаксиса. При этом морфология «приговаривается» в объяснении, почему слово *не* выделяется знаками препинания: «действительно – это наречие, поэтому не обособляется»; «наоборот – не вводное слово, а наречие»; синтаксические аргументы видим при объяснении поставленных знаков: «это уточне-

ние, поэтому тире»; «это пояснение, поэтому двоеточие». Возникает противопоставление «наречие – вводное слово», соотношение понятий в котором, как мы упоминали, однозначно не определено в современной русистике. Тем не менее любопытно, что респонденты – даже окончившие филологический факультет – оперируют системой школьной терминологии, в которой вводные слова считаются частью речи. Подводя итог нашему небольшому эксперименту в целом, можно с уверенностью сказать, что нерегламентированная пунктуация при вводных словах не чужда профессионалам, работающим с текстами. Опрос позволил собрать аргументы, которыми они руководствуются при выборе знака.

Принципиальная возможность применения не зафиксированных в справочниках вариантов постановки знаков препинания при том или ином вводном слове связана, по всей вероятности, с его семантикой и (или) функцией. Вводные слова, которые регулярно оформляются с помощью тире или двоеточия, как правило, относятся к группе единиц, указывающих на связь между частями высказывания или на способ выражения мысли, то есть являются метатекстовыми (термин, предложенный А. Вежбицкой) [26]. Однако, как показывает наш материал, в функции метатекстовых нередко выступают и вводные слова, традиционно относимые к другим группам, в частности выражающие эмоциональную оценку или степень достоверности сообщаемого. Так, сочетание «в самом деле», если оно находится в начале предложения, используя для подтверждения ранее приведённой информации, может оформляться по-разному, ср.: *Управление требует комплекса специальных знаний и, как минимум, специального образования... В самом деле, на университетскую кафедру и в чиновничий кабинет часто приходят однокашники.* (А. Филиппов); *– Ведь если я стану разговаривать, я перестану светиться! И в самом деле – он стал медленно гаснуть...* (Г. Юдин); *Поскольку я слыла образованным человеком, мне чаще всего не верили. В самом деле: как может не интересоваться историей тот, для кого с 13 лет любимые герои – декабристы, любимые книги – «Война и мир» и «Былое и думы»?* (Р. Фрумкина).

Как видно из всех рассмотренных нами контекстов, позиция играет важную роль в возможности обретения вводным словом метатекстовой функции. В работе Е.В. Севрюгиной, устанавливающей системные связи между вводными, вставными и присоединительными конструкциями, утверждается, что «вводные компоненты располагаются, как правило, в начале предложения, вставные конструкции – в середине и конце и, наконец, присоединённые компоненты всегда стоят в конце предложения» [27. С. 325]. Такой взгляд на вводные конструкции представляется слишком категоричным, однако, безусловно, нельзя не заметить тяготения вводных слов и сочетаний – особенно выполняющих метатекстовую, связующую, функцию – к началу предложения. С их помощью автор задаёт себе и адресату ориентиры в создаваемом им тексте. Сравним наблюдение Е.В. Маркасовой, которая рассматривает пример с форума: «Сте-

няюсь спросить: а себе вы чем голову моете, мылом или шампунем предпочитаете?» [28. С. 247] – и комментирует его так: «В этом предложении конструкция оформлена как часть БСП, однако мы рассматриваем её как вводную. Видимо, автор пытался таким образом обозначить особую интонацию, подчёркивающую дистанцию между ним и предполагаемым собеседником» [28. С. 248]. Мы же добавим, что здесь постановка двоеточия при вводном сочетании также обусловлена метатекстовой функцией, к тому же с ироническим подтекстом.

В отечественной лингвистике, в частности в концепции Дальневосточной синтаксической школы, при описании отдельных классов вводных слов в связующей функции используется термин «текстовая скрепа». Такого рода единицы характеризуются в первую очередь позицией (как правило, в начале предложения), функцией (создают связь высказываний) и семантикой (обозначают определенный тип отношений) [29. С. 135]. В качестве их важного свойства постулируется и интонационная изоляция [30. С. 76]. Очевидно, эта изоляция способствует тому, что пишущие выбирают для таких единиц более сильный знак, нежели запятая. Наблюдения над НКРЯ и результаты проведенного нами эксперимента показывают, что наличие сочинительного союза перед вводным словом

усиливает его функцию текстовой скрепы, что находит отражение в пунктуации.

Оформление вводных слов и сочетаний с помощью тире или двоеточия в современных справочниках не представлено. Некоторые из таких случаев мы можем «подверстать» под разные правила, в частности под правила постановки знаков в бессоюзном сложном или неполном предложении, но далеко не всегда это удастся. Как мы попытались показать, нерегламентированная пунктуация при вводных словах может иметь собственное обоснование. Думается, целесообразно дать примечание к правилам оформления вводных слов и сочетаний и допустить при них тире и двоеточие, упомянув: 1) **позицию** начала предложения, части сложного предложения или обособленного оборота; 2) **функцию** – обеспечение связи высказываний; 3) **интонационную изоляцию**.

Как нам представляется, такое примечание необходимо для того, чтобы отразить и интерпретировать в нормативном справочнике реальную речевую практику. Несомненно, дальнейшего исследования требует наличие корреляции между принадлежностью вводного слова к определенной группе (например, «источник сообщения», «чувства говорящего» и т.д.) и возможностью/невозможностью оформляться на письме иными способами, кроме запятых.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ URL: <http://gramota.ru>

² Компромиссом между требованием выделять вводные слова запятыми и стремление пишущего отграничить вводные слова от остальной части предложения выглядит знак «, + –». Вопрос о возможности признать такую пунктуацию правильной может обсуждаться.

³ В данном исследовании мы сознательно ограничились рассмотрением предложений, в которых вводные слова оформлены какими-либо знаками препинания, и не анализировали примеры, в которых при таких единицах знаки препинания отсутствуют. Считаем, что проблема отнесения слов и сочетаний к разряду вводных, а следовательно – их выделение или невыделение, требует отдельного изучения: в русском языке много единиц, названных в Словаре О.А. Остроумовой и О.Д. Фрамполя «неустойчиво вводными» [21].

⁴ Рассуждения о вводных словах представлены, например, на сайтах: <https://rus.stackexchange.com/questions/447729/В-чем-разница-между-вводным-словом-и-словом-употребляемым-в-значении-вводного>; <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/886995-vydeljaetsja-li-pri-napisanii-konechno-zhe-zapjatyimi.html>; <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2941609-kakie-vvodnye-slova-javlajutsja-vodoj-v-tekste-spisok-slov.html>; <https://web-copywriting.ru/vodnost-teksta-chto-eto-gde-izmerit-i-kak-izbavitsya/> и др.

⁵ Ср. рассуждение на типовом сайте для подготовки к ЕГЭ: «Вводные слова можно изъять из предложения без изменения основной мысли синтаксической конструкции» (sic!). URL: <http://www.tetradka.ru/ege/blog/russ/3j31desix0byp5ry7k96mfuuw>

⁶ Ср. позицию авторов пособия для копирайтеров «Пиши, сокращай», относящим «вводные» к так называемым стоп-словам, которые «не дают полезной информации, а зря занимают место на странице» [25. С. 39].

ЛИТЕРАТУРА

1. Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. 2-е изд., испр. М.: ЧеРо, 1998. 400 с.
2. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. М.: АСТ, 2009. 432 с.
3. Шубина Н.Л. Пунктуация современного русского языка: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2006. 256 с.
4. Гуц Е.Н., Брусницына Е.В. Нерегламентированная пунктуация как проблема деятельности корректора // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. С. 214–217.
5. Волкова Л.Б., Лужковская М.Ф. Пунктуационное оформление прямой речи в СМИ: теория и практика // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2016. № 1 (56). С. 123–129.
6. Брусницына Е.В. Нерегламентированная пунктуация в аспекте актуальных синтаксических процессов // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 4 (185). Филология. Искусствоведение. Вып. 40. С. 38–42.
7. Билялова А.А. Проявление факультативности в сфере русской пунктуации // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 6 (25). С. 12–15.
8. Хакимова Е.М. Нарушения русского пунктуационного стандарта при употреблении вводных конструкций и их аналогов в современных текстах массовой коммуникации // Вестник ОГУ. 2013. № 11 (160) / ноябрь. С. 56–61.
9. Колясева А.Ф. Терминология в зеркале языкового сознания // Филология и человек. 2014. № 2. С. 151–161.
10. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
11. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под. ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
12. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: Рус. яз., 1977. 880 с.
13. Морковкин В.В. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: Около 1 200 единиц. М.: АСТ, 2003. 432 с.
14. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. М.: Просвещение, 1976. 208 с.
15. Лекант П.А. Семантика вводных компонентов в тексте // Семантика слова и словоформы в тексте: межвуз. сб. науч. тр. М., 1988. С. 3–6.
16. Грамматика русского языка: в 2 т. / ред. кол. акад. В.В. Виноградов и др.; Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. М.: Акад. наук СССР, 1953–1954. Т. 1. 720 с.; Т. 2. 444 с.
17. Сичинава Д.В. Части речи. URL: http://test.rusgram.ru/Части_речи (дата обращения: 01.10.2019).

18. Валгина Н.С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 2004. 259 с.
19. Евграфова С. Непостижимые тонкости пунктуации // Русский язык. 2003. № 6. С. 5–10.
20. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка 3-е изд. М. : Едиториал УРСС, 2001. 624 с.
21. Остроумова О.А., Фрамполь О.Д. Трудности русской пунктуации. Словарь вводных слов, сочетаний и предложений : опыт словаря-справочника. М. : Изд-во СГУ, 2009. 501 с.
22. Шумарина М.Р. Язык в зеркале художественного текста. (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы). М. : Флинта: Наука, 2011. 325 с.
23. Голев Н.Д. Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 5 (25). С. 12–30.
24. Нагель О.В. Семантика производного имени как активатор метаязыкового сознания носителя русского языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 2 (28). С. 63–71.
25. Ильяхов М., Сарычева Л. Пиши, сокращай : Как создавать сильный текст. 2-е изд. М. : АП, 2017. 440 с.
26. Вежбицкая А. Метатекст в тексте : пер. с польск. // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 8: Лингвистика текста / под ред. Т.М. Николаевой. М. : Прогресс, 1978. С. 402–421.
27. Севрюгина Е.В. Присоединение – вводные конструкции – вставные конструкции // Преподаватель XXI век. 2012. Т. 2, вып. 4. С. 324–327.
28. Маркасова Е.В. «Я не употребляю древние вводные слова ...» (о судьбе вводных конструкций в русском языке последнего десятилетия) // Slavica Bergensia. From Poets to Padonki : Linguistic Authority and Norm Negotiation in Modern Russian Culture. 2009. Т. 9. С. 80–96.
29. Прияткина А.Ф., Стародумова Е.А. Текстовые скрепы в «Словаре служебных слов» // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 134–141.
30. Прияткина А.Ф. Текстовая скрепа: функция или класс языковых единиц? // Дни славянской письменности и культуры : материалы и тезисы докладов научно-практической конференции. 29–30 мая 1997 г. Владивосток : Изд-во ДВГТУ, 1997. С. 75–77.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 сентября 2021 г.

Irregular Punctuation with Parenthetical Words: Dash and Colon

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 23–30.

DOI: 10.17223/15617793/470/3

Natalya V. Kuznetsova, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: nvkouznets@gmail.com

Olga V. Pochtareva, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: olga2476@mail.ru

Keywords: punctuation; punctuation marks; Russian written speech; parenthetical words; parenthetical phrases; linking words; metalanguage consciousness.

The article analyzes numerous facts of irregular punctuation with parenthetical words observed in Russian written speech. Setting the theoretical framework of the study, the authors claim that, in modern theoretical sources, the concept “parenthetical words” is defined differently, which allows for different punctuation of such units. The authors compared the extreme brevity of the punctuation rules for parenthetical words in modern reference books and the actual practice of modern Russian written speech. Search results from the Russian National Corpus show that parenthetical words and phrases at the beginning of a sentence, as part of a complex sentence, or as a separate construction are often highlighted using characters stronger than commas: dashes or colons. It is suggested that the dash is used in incomplete sentences, and the colon signals about the explanatory relationship that occurs between the parenthetical word and the rest of the sentence. To test their assumption, the authors turn to experimental data. First, the results of a natural linguistic experiment, namely, the Total Dictation of 2017, were analyzed. The second part of the dictation contains a construction with a parenthetical word ambiguous from the point of view of punctuation. Second, a survey was conducted in which respondents were asked to punctuate sentences with parenthetical words and phrases and justify their decision, that is, to activate their metalanguage consciousness. Comments to the punctuation marks in the Total Dictation and statements of the respondents who took part in the survey confirm the authors’ assumptions. For example, the survey participants explained the use of the dash by an omission of a word (notional or functional) or by an intention to emphasize the parenthetical word. When arguing for the colon, the respondents referred to punctuation rules in the asyndetic complex sentence with the explanatory relationship. Thus, the writers’ choice was influenced by both the word’s actualizing position in the sentence and metatext function. The study shows that the use of dashes and colons with parenthetical words that perform a metatext function is quite motivated and should not be considered a deviation from the punctuation standard. It is proposed to supplement the punctuation rules for parenthetical words and phrases.

REFERENCES

1. Rozental', D.E., Dzhandzhakova, E.V. & Kabanova, N.P. (1998) *Spravochnik po pravopisaniyu, proiznosheniyu, literaturnomu redaktirovaniyu* [Reference book on spelling, pronunciation, literary editing]. 2nd ed. Moscow: CheRo.
2. Lopatin, V.V. (ed.) (2009) *Pravila russkoy orfografii i punktuatsii. Polnyy akademicheskii spravochnik* [The rules of Russian spelling and punctuation. Complete academic reference book]. Moscow: AST.
3. Shubina, N.L. (2006) *Punktuatsiya sovremennogo russkogo yazyka: ucheb. dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy* [Punctuation of the modern Russian language: textbook for university students]. Moscow: Akademiya.
4. Guts, E.N. & Brusnitsyna, E.V. (2011) Nereglementirovannaya punktuatsiya kak problema deyatel'nosti korrekтора [Unregulated punctuation as a problem of the proofreader's activity]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 24 (239):57. pp. 214–217.
5. Volkova, L.B. & Luzhkovskaya, M.F. (2016) Punktuatsionnoe oformlenie pryamoy rechi v SMI: teoriya i praktika [Punctuation of direct speech in the media: theory and practice]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii*. 1 (56). pp. 123–129.
6. Brusnitsyna, E.V. (2010) Nereglementirovannaya punktuatsiya v aspekte aktual'nykh sintaksicheskikh protsessov [Unregulated punctuation in the aspect of actual syntactic processes]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 4 (185):40. pp. 38–42.
7. Bilyalova, A.A. (2010) Proyavlenie fakul'tativnosti v sfere russkoy punktuatsii [The manifestation of optionality in the field of Russian punctuation]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – World of Science, Culture, Education*. 6 (25). pp. 12–15.
8. Khakimova, E.M. (2013) Narusheniya russkogo punktuatsionnogo standarta pri upotreblenii vvodnykh konstruktсий i ikh analogov v sovremennykh tekstakh massovoy kommunikatsii [Violations of the Russian punctuation standard when using parenthetical phrases and their analogues in modern texts of mass communication]. *Vestnik OGU – Vestnik OSU*. 11 (160). pp. 56–61.

9. Kolyaseva, A.F. (2014) Terminologiya v zerkale yazykovogo soznaniya [Terminology in the mirror of linguistic consciousness]. *Filologiya i chelovek*. 2. pp. 151–161.
10. Peshkovskiy, A.M. (2001) *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage]. 8th ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
11. Vinogradov, V.V. (2001) *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (Grammatical teaching about the word)]. 4th ed. Moscow: Rus. yaz.
12. Zaliznyak, A.A. (1977) *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka. Slovoizmenenie* [Grammar dictionary of the Russian language. Inflection]. Moscow: Rus. yaz.
13. Morkovkin, V.V. (2003) *Ob "yasnitel'nyy slovar' russkogo yazyka: Strukturnye slova: predlogi, soyuzi, chastitsy, mezhdometiya, vvodnye slova, mestoimeniya, chislitel'nye, svyazochnye glagoly: Okolo 1 200 edinit* [Explanatory dictionary of the Russian language: Structural words: prepositions, conjunctions, particles, interjections, parenthetical words, pronouns, numerals, connective verbs: About 1,200 units]. Moscow: AST.
14. Bulanin, L.L. (1976) *Trudnye voprosy morfologii* [Complex issues of morphology]. Moscow: Prosveshchenie.
15. Lekant, P.A. (1988) Semantika vvodnykh komponentov v tekste [Semantics of parenthetical components in the text]. In: *Semantika slova i slovoformy v tekste* [Semantics of words and word forms in the text]. Moscow: MOPI. pp. 3–6.
16. Vinogradov, V.V. et al. (eds) (1953–1954) *Grammatika russkogo yazyka: v 2 t.* [Grammar of the Russian language: in 2 volumes]. Moscow: USSR AS.
17. Sichinava, D.V. (n.d.) *Chasti rechi* [Parts of speech]. [Online] Available from: http://test.rusgram.ru/Chasti_rechi (Accessed: 01.10.2019).
18. Valgina, N.S. (2004) *Aktual'nye problemy sovremennoy russkoy punktuatsii: ucheb. posobie* [Topical issues of modern Russian punctuation: textbook]. Moscow: Vyssh. shk.
19. Evgrafova, S. (2003) Nepostizhimye tonkosti punktuatsii [Incomprehensible subtleties of punctuation]. *Russkiy yazyk*. 6. pp. 5–10.
20. Shakhmatov, A.A. (2001) *Sintaksis russkogo yazyka* [Russian syntax]. 3rd ed. Moscow: Editorial URSS.
21. Ostroumova, O.A. & Frampol', O.D. (2009) *Trudnosti russkoy punktuatsii. Slovar' vvodnykh slov, sochetaniy i predlozheniy: opyt slovarya-spravochnika* [Difficulties of Russian punctuation. Dictionary of parenthetical words, phrases, and sentences: the experience of a reference dictionary]. Moscow: Modern University for the Humanities.
22. Shumarina, M.R. (2011) *Yazyk v zerkale khudozhestvennogo teksta. (Metazykovaya refleksiya v proizvedeniyakh russkoy prozy)* [Language in the mirror of literary text (Metalinguage reflection in the works of Russian prose)]. Moscow: Flinta: Nauka.
23. Golev, N.D. (2013) Russian Colloquial Written Speech and the Reflection of Its Modern State in the Ordinary Metalinguage Consciousness of Virtual Communication Participants. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5 (25). pp. 12–30. (In Russian).
24. Nagel', O.V. (2014) Semantics of a Derivative Name as an Activator of Russian Speaker Metalinguistic Cognition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2 (28). pp. 63–71. (In Russian).
25. Il'yakhov, M. & Sarycheva, L. (2017) *Pishi, sokrashchay: Kak sozdavat' sil'nyy tekst* [Write, cut: How to create a strong text]. 2nd ed. Moscow: AP.
26. Vezhbitskaya, A. (1978) Metatekst v tekste [Metatext in the text]. Translated from Polish. In: Nikolaeva, T.M. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 8. Moscow: Progress. pp. 402–421.
27. Sevyugina, E.V. (2012) Prisoedinenie – vvodnye konstruktsii – vstavnye konstruktsii [Adjunction – parenthetical phrases – expletive phrases]. *Prepodavatel' XXI vek*. 2 (4). pp. 324–327.
28. Markasova, E.V. (2009) “Ya ne upotreblayu drevnie vvodnye slova ...” (o sud'be vvodnykh konstruktsiy v russkom yazyke poslednego desyatiletiya) [“I don't use ancient parenthetical words ...” (on the fate of parenthetical phrases in the Russian language of the past decade)]. *Slavica Bergensia. From Poets to Padonki: Linguistic Authority and Norm Negotiation in Modern Russian Culture*. 9. pp. 80–96.
29. Priyatkina, A.F. & Starodumova, E.A. (2015) Text Clips in the Dictionary of Russian Functional Words. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 134–141. (In Russian).
30. Priyatkina, A.F. (1997) [Textual linking word: function or class of linguistic units?]. *Dni slavyanskoy pis'mennosti i kul'tury* [Days of Slavic Writing and Culture]. Proceedings and Abstracts of the Conference. 29–30 May. Vladivostok: FESTU. pp. 75–77. (In Russian).

Received: 08 September 2021

Т.В. Савина

НА ФОНЕ ПУШКИНА. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПУШКИНСКОГО ДИСКУРСА 1920–1930-х гг.

Анализируется процесс освоения советским культурным пространством литературного наследия XIX в. на примере пушкинского дискурса 1920–1930-х гг. Акцентируются изменения в семантическом поле ключевых понятий «демократический» и «революционный»/«пролетарский» для создания идеологических фильтров. Делается вывод, что именно за счет целенаправленного использования лингвистических инструментов задача по «советизации» дореволюционного литературного наследия была решена.

Ключевые слова: А.С. Пушкин; дискурс; советская культура; демократизация языка; оксюморон.

Постановка проблемы исследования

Уже на следующий день после своей смерти Александр Пушкин стал для русской культуры тем, кем он, по сути, был уже при жизни – «солнцем русской поэзии». Спустя двадцать лет Аполлон Григорьев сказал: «Пушкин – наше все», чем, собственно, положил начало непрекращающемуся пушкинскому дискурсу как в русской культуре, так и в исследованиях зарубежных славистов [1. С. 20]. За двести с лишним лет эти две формулы остаются неизменными в своем ядре, только по контуру обрастая новыми смыслами: от гоголевского «поэт и больше ничего» до «поэта-гражданина» советского литературоведения. На первый взгляд кажется, что такая интерпретация места и роли пушкинского наследия была непрерывной в ходе развития русской культуры в целом: от Белинского до Горького, от Горького до Лотмана, от Лотмана до Пушкинского Дома, при неизменной семантике – поэт как символ национальной культуры.

В действительности же в пушкинском дискурсе обнаруживается точка разрыва, которая пришлась на постреволюционное десятилетие, во время ломки всей культурной традиции, в попытке сформировать новую пролетарскую культуру, и даже больше – новую цивилизацию. Советский литературовед В.Я. Кирпотин писал, что между нами и Пушкиным лег Октябрьский рубеж [2. С. 42]. Чтобы задать вектор развития советской культуры, большевики должны были решить кардинальный вопрос отношения к литературному наследию Российской империи. Вариант полного усвоения дореволюционного культурного наследия был для большевиков неприемлем. Полный отказ также был невозможен, поскольку большевики в целом понимали, что сложно директивно игнорировать вековую культурную традицию, которая по определению обладает огромным запасом инерции. В результате новая власть, с ее восприятием культурной традиции как «культурного багажа», должна была произвести определенную сортировку, используя идеологические фильтры. Ретроспективно можно утверждать, что в течение первого десятилетия советской власти оформлялись общие принципы, на которых происходило усвоение «пролетарской культуры» некоторых концептов дореволюционной литературы. Два магистральных сюжета – демократичность художественного творчества XIX в. и концепт «поэта-

гражданина» – стали основой для адаптации дореволюционного литературного процесса к условиям советского культурного пространства. Именно поэтому в сфере внимания оказалась литература «золотого века» российской словесности, поскольку творчество писателей XVIII в. не было демократичным ни по темам, ни по языку, за исключением, пожалуй, Радищева с его «Путешествием из Петербурга в Москву». Литература же серебряного века была опасной как в отношении тем, религиозных мотивов и мистицизма, так и нечетко выраженной или не выраженной вообще гражданской позиции. В этом смысле именно Пушкин и его творчество стали козырной картой, которую разыграла новая власть в успешном освоении «советским настоящим» «русского прошлого» [3]. «Наследие Пушкина мы берем с собой в свой путь», как писал тот же В.Я. Кирпотин [2. С. 145].

Естественно, перенос концептов из одного идеологического пространства в другое не может быть прямым – требуется коренное изменение смыслов, привнесение в базовый концепт идеологической составляющей с помощью лингвистических средств. Именно поэтому самым эффективным и надежным инструментом идеологической проекции дореволюционной культуры в советское пространство стал язык, где за счет манипулирования смыслами можно было принудительно расширить семантическое поле ключевых понятий «золотого века» русской литературы: демократичность художественного творчества и гражданская позиция писателя.

Начиная с фундаментального труда Виктора Клемперера [4], взаимосвязь любого языка и идеологии широко обсуждалась исследователями [5]. Первые попытки системного анализа реакции русского языка на социальные потрясения были предприняты еще в 1923 г. С. Карцевским в работе «Язык, война и революция» [6]. В современных спорах вокруг «лингвистического поворота по-советски» (*Linguistic turn à la Soviétique* – термин, предложенный Е. Добренко [7]) историки и лингвисты уделяют больше внимания целям идеологических кампаний (см., например, [7, 8], чем анализу того, что именно делало подвижным семантическое поле и как именно значение слова получало идеологическую компоненту. Что касается исследования адаптации советской властью литературного наследия и непосредственно пушкинского творчества, то анализ, в основном, идет в двух

направлениях: освоение наследия классиков в рамках школьной программы, которое носило идеологический характер (см., например, [9]), и пропагандистские кампании канонизации А.С. Пушкина в 1930-е гг. (см., например, [10, 11]).

Задачей настоящего исследования является попытка проанализировать механизмы, которые действовали внутри русского языка, создавая новую систему значений, за счет чего в 1920-х гг. стало возможным «опролетаривание» творчества Пушкина в частности и всего литературного процесса XIX в. в целом, а в 1930-х – их «национализация» советской идеологией.

Советский пушкинский языковой дискурс – один из наглядных примеров тех изменений, которые происходили в русском языке в постреволюционную эпоху, когда создавался вариант русского языка, подчинявшийся новой системе значений, приписывая тексту смысл, изначально автором не заложенный и не предусмотренный. С этой точки зрения наиболее репрезентативным материалом являются не столько индивидуальные попытки словотворчества и словопотребления в оценке дореволюционной культуры отдельными пропагандистами, сколько приведенные в систему идеологические концепты истории литературы XIX в., представленные, в первую очередь, в «Литературной энциклопедии» в 11 томах, издававшейся в 1929–1939 гг. [12], и Малой советской энциклопедии 1928–1931 гг. [13], а также их трансляция широкому читателю средствами советской периодики¹.

«Княжеские пленники»²

Освоение дореволюционного культурного наследия началось сразу же после революции. В начале 1920-х годов, во время относительной свободы мнений, еще было возможно сосуществование различных точек зрения на литературное наследие: от экстремистского отрицания до снисходительного принятия. С одной стороны, звучали раздраженные комментарии Маяковского о том, что «чтивом советских масс классики не будут», потому что «все рабочие и крестьяне поймут всего Пушкина (дело нехитрое) <...> поняв, бросят читать и отдадут истории литературы» [15. С. 167]. С другой стороны, в 1924 г. шла подготовка Б.В. Томашевским однотомника произведений А.С. Пушкина. При этом необходимо отметить, что серьезных попыток полного отказа от литературной истории не было: «Вопрос о классиках. Не следует пополнять библиотеки полными собраниями сочинений классиков, как бы они ни были ценны в историко-литературном отношении» [16. С. 144]. То есть книги классиков были нужны, но, как утверждала Н.К. Крупская, «они вообще настолько относятся к далекому периоду, что могут быть интересны лишь частично» [17. С. 36], а именно интерес к классической литературе должен быть непосредственно связан с насущными интересами построения нового общества.

«Опролетарить» как биографии писателей, так и их отдельные произведения и вписать их в новую советскую культуру позволил естественный процесс демократизации литературного процесса, начавшийся

в первой половине XIX в. Понятие *демократичность* оказалось одним из самых гибких языковых концептов, который достаточно легко встраивался практически в любой конструкт советского языка. Широта семантического поля была безгранична, приобретение новых значений происходило безболезненно и незаметно за счет добавленного социального и политического контекста: «княжеских пленников», т.е. писателей-дворян «выпускали» в мир пролетарской культуры.

На первых порах «опролетаривание» происходило в основном на событийном уровне: не фальсифицируя реальных биографических фактов, тем не менее конструировался нужный образ с помощью ключевых концептов пролетарской идеологии 1920-х гг., добавленных в контекст. Одним из привнесенных значений была *бедность* (безденежность). Поскольку было невозможно не упоминать о дворянском происхождении, например Пушкина, то вопрос решался достаточно просто: нужно было добавить соответствующие определения: «оскудевшая барская семья», «разоренная вотчина Пушкиных – село Болдино», «жил главным образом на литературный *заработок*». Как резюмировал главный советский пушкинист Д.Д. Благой, «*демократизируясь сам, поэт демократизирует все элементы стародворянской литературы: организует новый, близкий к живому говору, “простонародный” <...> литературный язык; опрощает все “высокие” жанры 18 века*» [18. С. 65].

Вообще, этот прием широко использовался в описании биографии и происхождения почти всех русских писателей, оставленных новой властью в активе культурной традиции. Если семья была богатой, как, например, у Тургенева, то было обязательное указание, что «детство провел в усадьбе под *деспотическим гнетом матери-крепостницы*», которая превратила «в ад <...> жизнь сына» [19. С. 419]. Лев Толстой, чей графский титул было невозможно замолчать, в конце концов «*отказался от собственности*», дед его *разорился*, а он сам с братьями и сестрами остался *сиротой* [20. С. 301]. (Заметим, что на раннее сиротство, разорение семьи и деспотичность родни постоянно указывалось в биографии Максима Горького). Державин – из рядов «*бедного, служилого дворянства*», за что ему простили даже участие в подавлении пугачевского бунта [21. С. 205]. Достоевский вырос в семье «*умеренного достатка, покупаемого неустанным трудом*». «Осознавши в себе гения, *плебей остро осознал в себе и члена социально-униженной касты*» [22. С. 396]. Лермонтов был сыном «аристократки, вышедшей замуж за *бедного дворянина*» [23. С. 285]. Те же из писателей, которые по каким-то причинам не удовлетворяли строгим требованиям демократичности, получали противоположный контекст. Так, например, М.В. Ломоносов, объявленный идеологом «реакционных славянофилов», хотя и родился в семье рыбака, но рыбака *зажиточного* [24. С. 559].

Кроме того, *демократичность* того или иного писателя напрямую связывалась с тематикой произведений, из которых главное место отводилось теме тяжелого положения трудового народа. В сборнике рассказов об истории крепостного права, изданном для

детей в 1923 г., главными борцами «с крепостным правом в литературе» названы Д.В. Григорович («Антон Горемыка»), И.С. Тургенев («Муму»), М.Е. Салтыков-Щедрин («День в помещичьей усадьбе») и Н.С. Лесков («Тупейный художник»), изображавшие не только крестьянский быт, но и «классовую борьбу». Что касается Пушкина, то он, как и Гоголь, «сравнительно мало затронул крепостной вопрос» [25. С. 25], поскольку, видимо, ни крестьяне из «Дубровского», ни дядька Савельич из «Капитанской дочки» не соответствовали задачам изображения «ужасов крепостного права». Однако тематика произведений не исчерпывалась крестьянским вопросом: ценным считалось любое произведение, касавшееся социологических аспектов века, предшествовавшего революции.

Тематические рамки естественным образом диктовали выбор языковых средств для определения общественной позиции писателей: от оппозиции царской власти до прямого призыва к революции. Понятие демократичности обязательным образом включало в себя семантику *противостояния*, что достигалось широким использованием глаголов с экспрессивной семантикой: *клеимил, обличал, ненавидел, презирал*, и освобождало писателя от непосредственной связи со средой его происхождения. Поэтому писатели-дворяне, в отличие от разночинного поколения 1860-х гг., были в конфликте не только с властью, но и со своей средой. Конфликт с «высшим светом» Пушкина, или *чуждость* помещичьему укладу Толстого, *враждебность* и *презрение* к буржуазии Салтыкова-Щедрина – тем или иным образом, но семантика неприятия социальной среды акцентируется практически при любом обращении нового, советского, читателя к наследию дореволюционной культуры.

Таким образом, *обедневший* писатель-дворянин, находившийся в *конфликте* со своей средой, писавший о *трудовом народе*, вплотную приближался к писателям-разночинцам, демократичным по определению, что вполне укладывалось в ленинскую схему «трех этапов освободительного движения». Как оказывалось, не так уж «страшно далеки были они от народа». *Демократизм* привел к общему знаменателю и дворянскую, и разночинную литературу XIX в. и подчинил их сначала пролетарской, а потом – советской.

«Плохое прошлое» и «хорошее прошлое»

К середине 1930-х гг. постепенно сложилась единая интерпретация литературных процессов, происходивших в XIX в., направленная на обоснование культурной преемственности в развитии русской литературы, которая нашла «свое вершинное воплощение в литературе социалистического реализма, вообразившего в себя все лучшее, что было выработано предшествующими веками» [9. С. 81]. Пушкинский дискурс 1930-х гг. стал несущей конструкцией телеологической модели литературного процесса, при этом процесс изменения смыслов слов под давлением экстралингвистических факторов стал глубинным и все более тяготел к созданию канона.

В 1937 г., в год торжеств по случаю 100-летия со дня смерти поэта, Гослитиздат выпустил «Памятку» –

сборник основных материалов для подготовки докладов о творчестве Пушкина [26]. В концептуальный раздел «Памятки» вошли передовица «Правды» от 1935 г. «Великий русский поэт», незаконченная статья Максима Горького «О Пушкине» и статья В.Я. Кирпотина «Наследие Пушкина и коммунизм». В этих программных статьях всячески подчеркивался уже закрепившийся в дискурсе демократизм пушкинского творчества, однако акценты были расставлены иначе. В семантическое поле понятия «демократизм» было добавлено значение *наш*, что позволяло самым естественным образом связать всю культурную традицию воедино простым приемом метонимического переноса, когда на прошлое «проецируется то, что принадлежит сегодняшней реальности» [3. С. 17]. *Наш* значит «нынешний», «сегодняшний», существующий в советском пространстве. *Наш* Пушкин с помощью метонимического отождествления сделал *нашей* всю дореволюционную культурную традицию.

Одним из наиболее настойчиво продвигавшихся посылов был «Пушкин – создатель литературного русского языка», которым четко определялась принадлежность Пушкина к русской культуре на основании того, что главные произведения были написаны им на русском языке – на *нашем* языке, «при помощи которого мы еще и сегодня выражаем идеи обновленной социализмом страны» [26. С. 43]. Более того, процесс реформирования русского языка интерпретировался как активная революционная деятельность, с помощью которой «<...> необходимо преобразовать Россию подобно тому, как Карамзин и Пушкин творческой литературной деятельностью сформировали русский язык» [26. С. 62]. Кроме того, *наш* подразумевало «доступный», «понятный всем», т.е. «обращенный к народу» [26. С. 92], и на этом основании – «принадлежащий всем», как, собственно, не только духовное, но и все материальное, что было национализировано Советской властью. И, наконец, *наш* значит «лучший». «От Пушкина ведут родословную *лучшие наши поэты*» [26. С. 11] – эта формула подразумевала довольно широкий контекст, который даже не требовал расшифровки. На этом основании «Львом Толстым *нашего* времени» считался Максим Горький, а Маяковский рассматривался как «Пушкин *нашего* времени» [9. С. 81]. *Наш* включал в себя весь спектр значений, от происхождения до мировоззрения: *наша лучшая* в мире литература, *наша* страна, тоже, конечно, *лучшая*, а «*наша* демократия неизмеримо шире и свободнее любой буржуазной демократии» [26. С. 143].

Противопоставление *наше* – не *наше* автоматически исключало все иное: если *наше* «хорошее прошлое» принадлежит нам, то от «плохого прошлого» мы отказываемся. Так, например, вопрос о дворянском происхождении Пушкина теперь решался иначе: «Мы должны уметь отделить от него то, что в нем случайно, то, что объясняется условиями времени и личными, унаследованными качествами, – все дворянское, все временное – это не *наше*, это *чуждо* и не *нужно* нам», – писал Максим Горький в незаконченной статье о Пушкине [26. С. 35]. Яркая выраженная оценочность в семантике слова *наш* приобрела дополнительную категорию времени: *наше* время и *то*

время; в *нашем* времени завершились социальные процессы, начавшиеся в *том* времени, что позволило провести четкую границу между «хорошим» и «плохим» прошлым. О том, что контекст конструировался намеренно, свидетельствует постоянное наличие в нем качественных прилагательных с антонимичным значением: «затхлое», «мрачное» время «жестокой реакции» прошлого противопоставлялось «светлому», «радостному», «полному надежд» настоящему.

«Дворянские революционеры»

С 1930-х гг. начинается целенаправленная мифологизация дореволюционного прошлого, основным инструментом которой стали языковые средства. Необходимость каким-то образом совместить в едином идеологическом пространстве культурную традицию имперской России и социалистическое общество дала толчок к возникновению в языке оксюморонов, с помощью которых новая власть номинировала явления, не совместимые семантически, но выполнявшие прагматическую функцию освоения предшествующей традиции. В процессе номинации антонимия снималась за счет того, что идеологическая компонента одного слова целиком нейтрализовала идеологическую компоненту другого. Это происходило за счет мощной положительной коннотации одного из слов, создавая новую номинацию, которая актуализировалась только в определенном контексте.

Очевидным примером коннотативного оксюморона, стихийно появившегося в языке в начале 1920-х гг., можно назвать сочетание прилагательного *красный* в его идеологическом значении «относящийся к революционной деятельности», и существительного, номинирующего реалии «старого мира». Так, словосочетание *красная профессура* – пример оксюморона, соединившего в себе должность преподавателя университета в Российской империи, имевшего классный чин, и советское учебное заведение – Институт красной профессуры. Лев Троцкий в речи, обращенной к слушателям курсов Военной администрации, в сентябре 1918 г. назвал их *красными офицерами*, что, учитывая отмену чинов и званий, было явным оксюмороном [27. С. 240], как и номинация *красный генерал* в отношении военных специалистов, перешедших на сторону революции в отличие от генералов царской армии (см., например, [28]). Кроме того, прилагательное *красный* в сочетании с антонимичным понятием использовалось для выражения иронии. Так, *красным графом* Алексей Толстой стал после возвращения из эмиграции, хотя позже вошло в обиход словосочетание «советский граф», имевшее несколько иной смысл и апеллировавшее к зародившейся советской номенклатуре (см., например, [29]).

Прагматика оксюморонов с прилагательным *комсомольский* иная. Первые *комсомольская пасха* и *комсомольское рождество* зародились в начале 1920-х и проходили в рамках антирелигиозных кампаний [30]. Сочетание несочетаемых понятий церковного праздника и коммунистической молодежной организации имело целью трансформировать суть старых праздников и придать им новые формы в «новом быте».

Один из первых идеологических оксюморонов в отношении литературного наследия – слова Ленина о Льве Толстом: «Его *мужицкий* голос, *мужицкая* мысль, настоящий *мужик* в нем. До этого *графа* подлинного *мужика* в литературе не было» [31. С. 255]. *Граф-мужик* прочно закрепился в советском идеологическом пространстве, что в немалой степени нивелировало не приемлемый новой культурой религиозный посыл толстовского творчества. Кстати говоря, ленинское словотворчество нередко отличалось стремлением соединить антонимичные значения. Ведь, строго говоря, и «деревенская буржуазия», и «деревенский пролетариат» по сути являются оксюморонами, соединяя в одном понятии разные области значения: буржуазию и пролетариат как городское население и деревню на основании владения/отсутствия собственности. Интересно, что во избежание путаницы и неверных толкований уже к 1930-м гг. в обиход прочно вошли другие слова: «кулак» заменил «деревенскую буржуазию», а «бедняк» – «деревенский пролетариат» [32].

Однако наибольший потенциал в процессе освоения дореволюционного наследия получило слово *революционер/революционный*, обладавшее универсальной семантикой радикального изменения в развитии общества, природы или познания. Словарь Брокгауза и Ефрона (1899) слова «революционер» не содержит вообще, «революцию» толкует как «движение, обращение, круговращение», приводит значение в политике и истории – «полный <...> переворот во всем государственном и общественном строе страны», и подводит итог – «очень часто также говорят о революции в идеях, умах, в литературе, в науке» [33]. Малая советская энциклопедия (1931) уже трактует понятие «революция» с точки зрения диалектического материализма [13. С. 231–236], а «революционер» получает однозначное толкование – «участник революционного движения, деятель революции» [13. С. 223]. К 1930-м гг. слово прочно обросло политическими коннотациями, связывавшими его семантику с событиями 1917 г. Поэтому нет ничего удивительного в том, что идеологическая компонента значения этого слова могла легко нейтрализовать значение любого другого элемента словосочетания и придать ему новый смысл. Более того, кроме непосредственного участия в составе новых словосочетаний, *революционер* и его производные оказывали мощное воздействие на окружающий контекст. В этом случае можно говорить о том, что антонимия и, соответственно, сопоставление противоречивых понятий возникало только за счет определенного контекста, намеренно сконструированного.

Например, одной из ключевых исторических фигур военного прошлого имперской России, вписанных в новую историю, стал А.В. Суворов. Так, в отзыве на биографию Суворова рецензент распекает автора за то, что тот назвал Суворова «убежденным монархистом»: «Это замечание по меньшей мере неуместно. Напротив, было бы не парадоксально сказать, что в лице Суворова мы встречаемся с *революционером* в науке, *революционером* и протестантом по своему складу характера» [34. С. 57]. *Фельдмаршал-солдат* и *революционер военного искусства* – два

примера наиболее типичных оксюморонных словосочетаний, номинативного и контекстуального, превративших князя и монархиста в героя «нового времени».

Революционные настроения можно было приписать практически любому писателю или поэту дореволюционного времени с помощью специально организованного контекста. Например, весьма показательна характеристика творчества П.П. Ершова: «Сам Ершов совсем не был *революционером*, но, стремясь сохранить дух настоящей народной сказки, не мог обойти тех ее мест, где высмеиваются царь, его суд и царские власти» [35. С. 4]. Что же говорить о представителях революционно-демократической критики, если уже в самом определении содержится их «оправдание». Как писали в передовице «Пионерской правды», посвященной биографии В.Г. Белинского «всякий, внимательно прочитавший последние статьи Белинского, оставляет их в глубоком убеждении, что если бы смерть помедлила, великие учителя и вожди человечества – Маркс и Энгельс нашли бы в Белинском верного ученика и последователя» [35. С. 2]. Очевидно, что такое словоупотребление имело спекулятивный характер, как намеренное выстраивание перед неискушенным читателем единого движения общественно-политической мысли к победе социализма.

Подобным же образом были реабилитированы декабристы. В интерпретации нового времени «*дворянский революционаризм декабристов*», естественно, не учитывал ни идеи декабристов о преобразовании страны в конституционную монархию, ни сохранение принципа помещичьего землевладения, а был оставлен в чистом виде как «боровшихся против самодержавия *дворянских революционеров* – декабристов» [26. С. 59].

Апогеем конструирования советского идеологического контекста вокруг имени Пушкина стала формула, провозглашенная В.Я. Кирпотинным – «Пушкин и коммунизм». «Гармоничности» Пушкина, о которой непрестанно твердил весь пушкинский дискурс, начиная с 1840-х гг., было навязано иное значение: «Ведь Пушкин – провозвестник такого драгоценного, так заботливо защищенного коммунизмом личного начала. Ведь Пушкин искал то, что нашел коммунизм: условия равновесия и гармонии личного начала и общественного» [26. С. 146–147], превратив «гармонию» таким образом из категории поэтики в идеологическое понятие.

В пушкинских торжествах 1937 г. был использован весь набор языковых средств с тем, чтобы закрепить за Пушкиным первое место в советском культурном пространстве. Первым делом было зафиксировано идейное влияние декабристов: революционные взгляды Пушкина «сложились под непосредственным влиянием окружавших его членов Южного тайного общества» [26. С. 201]. Однако, по мысли В. Кирпотина, «ограниченность *революционных* устремлений Пушкина <...> определенными историческими границами вовсе не умаляет их значения» [26. С. 63], т.е. в *то* время Пушкин не понимал или еще не мог понять, недооценивал или просто не знал тех основополагающих идей, которые ясны и понятны в *наше* время. Тем не менее даже недостаток революционности у Пушкина можно было затушевать, целенаправленно спекулируя на факте гибели поэта на дуэли.

В 1920-е гг. в событийно-биографическом описании творчества Пушкина его гибель на дуэли интерпретировалась как результат светской интриги: «...необходимость числиться на придворной службе, обращаться за денежной помощью к царю – превратили последние годы жизни в длительную агонию <...> Вокруг Пушкина завязалась сложная светская интрига, <...> в результате произошло столкновение между Пушкиным и Дантесом, <...> закончившееся дуэлью, в которой Пушкин был смертельно ранен» [18. С. 62], – писал Д.Д. Благой в статье, посвященной Пушкину, в Малой советской энциклопедии в 1931 г. Примерно таким же образом описывается гибель Пушкина в «Литературной энциклопедии»: «Пушкин дрался с Дантесом на дуэли, был тяжело ранен и умер 29 января». Однако в 1935 г., в момент выхода тома энциклопедии в свет, в статье появилось весьма существенное добавление – «Поэт, чьи великие творения явились провозвестниками новых социальных отношений, *был убит* реакционной системой николаевской России» [36. С. 378]. Очевидно, что в семантическом поле слова *гибель* и его производных *погибать* и *погибший* произошел важный смысловой сдвиг.

Одна из важных сем в понятии *гибель* – «насильственная смерть», входившая в значение этого слова изначально, стала доминировать за счет добавленного идеологического контекста, который указывал на действующее лицо: «царский режим», «николаевская Россия», «самодержавие», «царь», «великосветское общество». В советском идеологическом пространстве с помощью метафорического переноса гибель Пушкина стала считаться *убийством* не частным лицом, а государством, что стало основанием для создания одной из самых долгоиграющих метафор в советском языковом дискурсе – *убитый/погибший поэт-гражданин* как жертва царского режима.

Интересно, что профессиональные исследования советских пушкинистов 1930-х гг., посвященные последним дням Пушкина, имеют достаточно нейтральные названия, как, например, труд П.Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина» (1928) или небольшая брошюра Б.Л. Модзалевского, Ю.Г. Оксмана и М.А. Цявловского «Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина» (1924). Однако в советских средствах массовой информации, предназначенных для широчайшего круга читателей, заголовки публикаций о дуэли Пушкина направлены на формирование четкого и однозначного отношения к смерти поэта как к убийству (например, статьи того же П.Е. Щеголева «Убийцы Пушкина» в газете «Вечерняя Москва» [37, 38]).

Вообще, метафорическое отождествление смерти как результата общественно-политической конфронтации стало одним из самых продуктивных в освоении дореволюционного культурного наследия. Даже если смерть протагониста была естественной, как, например, А.В. Суворова, все равно находились способы обвинить в этом царский режим, как писалось в биографии Суворова, «в сущности, *зверски добитого Павлом I*, не постеснявшимся подвергнуть престарелого, больного фельдмаршала унижительным оскорблениям и мораль-

ным пыткам» [34. С. 57]. Самоубийство Радищева интерпретировалось как ответ властям на угрозу ссылки: «Вся последующая деятельность Радищева доказывает, что он был и умер *революционером*» [39. С. 492]. Конфронтация с властями также была одной из причин смерти Салтыкова-Щедрина: «До последней минуты он оставался *борцом*, несмотря на горькое чувство “обреченности”, одиночества, которое охватило его в реакционные 80-е гг.» [40. С. 530]. Что касается декабристов, совершивших попытку государственного переворота в пользу конституционной монархии и казенных, то их напрямую называли *жестокими*, теми, «кто помогал строить новую жизнь и кто *погибал за освобождение трудящихся*» [41. С. 5]. Декабристы, как и Пушкин, оказались в едином ряду вместе с героями революции 1917 г., с которыми точно так же связывался концепт жертвенной гибели.

Заключение

Таким образом, под давлением идеологии внутри русского языка, а в частности профессионального языка

истории культуры, сформировался специфический языковой инструментарий, обслуживавший нужды государственного заказа. Язык использовался не столько для научного изучения и освоения культурной традиции, сколько для обоснования культурной преемственности между имперской Россией XIX в. и советской эпохой, что было продемонстрировано на примере «советизации» личности и творчества А.С. Пушкина.

Одним из основных инструментов адаптации генеральных концептов дореволюционного культурного опыта в советское идеологическое пространство стало намеренное расширение семантического поля ключевых понятий с помощью искусственно сконструированного контекста. Это создавало простор для тематических спекуляций и, в конце концов, позволило мифологизировать практически любой феномен российской дореволюционной культуры. Несмотря на внутреннюю противоречивость советского пушкинского дискурса, о чем наглядно свидетельствует оксюморонная природа его основных концептов, задача по «советизации» Пушкина была решена за счет целенаправленного использования языковых средств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В состав редакционной коллегии «Литературной энциклопедии» входили, с одной стороны, народный комиссар просвещения А.В. Луначарский, а с другой – литературоведы и историки литературы, такие как, например, В.Ф. Переверзев и И.М. Нусинов. Состав отдела литературы и искусства Малой советской энциклопедии возглавлял советский литературовед-марксист И.И. Лебедев-Полянский.

² В поэме А. Безыменского «Комсомолия» в главе «Клуб» комсомольцы приходят в библиотеку: «Библиотекарь и двое других, как комиссары по тюрьмам, с обходом. / Наших друзей / Среди этих книг / И политических / Нам – на свободу! / Пушкин и Гоголь, / Бальзак и Шекспир... / – Братцы – Плеханыч! / – Встречаем любовно! / Княжеских пленников выпустим в мир... / Библия? / Снова / В тюрьму! / Уголовный!» [14. С. 21].

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев А.А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина / под ред. [и с вступ. ст. В.Ф. Саводника]. М. : Типолитография т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1915. Вып. 6. 81 с.
2. Кирпотин В.Я. Наследие Пушкина и коммунизм // А.С. Пушкин. 1837–1937. Памятка. Статьи и материалы для доклада. Л. : Гослитиздат, 1937. С. 42–158.
3. Безансон А. Русское прошлое и советское настоящее / пер. и общ. ред. А. Бабича ; вступ. ст. Михаила Геллера. London : Overseas publication interchange LTD, 1984. 387 с.
4. Клемперер В. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолога / пер. с нем. А.Б. Григорьева. М. : Прогресс-Традиция, 1998. 381 с.
5. Алтунян А. Lingua Tertii Imperii versus Lingua Sovietica («Если двое делают одно и то же...») // Знамя. 2000. № 8. С. 192–201.
6. Карцевский С.И. Язык, война и революция. Берлин : Рус. универс. изд-во, 1923. 72 с.
7. Добренко Е. Linguistic turn à la Soviétique: The Power of Grammar, and the Grammar of Power // The Vernaculars of Communism: Language, Ideology and Power in the Soviet Union and Eastern Europe / Ed. by Petre Petrov and Lara Ryazanova-Clarke. London; New York, 2014. P. 19–39.
8. Сандомирская И. Язык-Сталин: «Марксизм и вопросы языкознания» как лингвистический поворот во вселенной СССР // Landslide of the Norm : Language Culture in Post-Soviet Russia / ed. by I. Lunde and T. Roesen. Bergen, 2006. P. 263–291.
9. Павловец М. Школьный канон как поле битвы. Часть первая: историческая реконструкция // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2016. № 2. С. 73–92.
10. Муравьева О.С. Образ Пушкина: Исторические метаморфозы // Легенды и мифы о Пушкине : сб. ст. М. : Академический проект, 1995. С. 113–133.
11. Карпенко Г.Ю., Карпенко Л.Б. «Юбилейные» языковые клише о Пушкине, или поэт на службе у государства // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 4. С. 72–79.
12. Литературная энциклопедия : в 11 томах. Издательство Коммунистической академии (тома 1–5); «Советская энциклопедия» (тома 6–9); «Художественная литература» (тома 10–11). М., 1929–1939.
13. Малая советская энциклопедия : в 10 т. М. : ОГИЗ РСФСР, 1928–1931.
14. Безыменский А. Комсомолия. Страницы эпопеи. М. ; Л., 1928. 60 с.
15. Маяковский В.В. Вас не понимают рабочие и крестьяне // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Худ. лит., 1955–1961. Т. 12. Статьи, заметки и выступления : (Ноябрь 1917–1930). 1959. С. 164–170.
16. Проскурякова Е.Ф. Принципы комплектования библиотек книгами. // Труды первого библиотечного съезда РСФСР. 1–7 июля 1924 года. Избранные материалы. СПб. : Российская национальная библиотека, 2014. С. 139–151.
17. Крупская Н.К. Заключительное слово // Труды первого библиотечного съезда РСФСР. 1–7 июля 1924 года. Избранные материалы. СПб. : Российская национальная библиотека. 2014. С. 23–37.
18. Благой Д. Пушкин Александр Сергеевич // Малая советская энциклопедия : в 10 т. М. : ОГИЗ РСФСР, 1928–1931. Т. 7. С. 62–66.
19. Поспелов Г. Тургенев // Литературная энциклопедия : в 11 т. М., 1929–1939. Т. 11. С. 419–439.
20. Попов П., Юнович М. Толстой Л.Н. // Литературная энциклопедия : в 11 т. М., 1929–1939. Т. 11. С. 301–345.
21. Благой Д. Державин // Литературная энциклопедия : в 11 т. М., 1929–1939. Т. 3. С. 205–221.
22. Переверзев В., Риза-Задэ Ф. Достоевский Ф.М. // Литературная энциклопедия : в 11 т. М., 1929–1939. Т. 3. С. 396–410.
23. Лелевич Г. Лермонтов // Литературная энциклопедия : в 11 т. М., 1929–1939. Т. 6. С. 285–301.
24. Тимофеев Л. Ломоносов // Литературная энциклопедия : в 11 т. М., 1929–1939. Т. 6. С. 559–565.

25. Крепостное право : Сборник рассказов для детей старшего возраста / под ред. Е. Тумской. М. ; Пг. : Гос. изд-во, 1923. 370 с.
26. А.С. Пушкин. 1837–1937. Памятка. Статьи и материалы для доклада. Л. : Гослитиздат. 1937. 358 с.
27. Троцкий Л. Красные офицеры // Троцкий Л. Сочинения. Т. 17, ч. 1. М. ; Л. : Госиздат, 1926. С. 240–241.
28. Познанский В.С. Сибирский красный генерал. Новосибирск : Наука, 1972. 269 с.
29. Никитин Е.Н. Советский граф – Алексей Толстой. М. : Деком, 2020. 388 с.
30. Шмелев С.А. Красное «комсомольское рождество» и проблема формирования нового быта в начале 1920-х годов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара, 2015. Т. 17, № 3. С. 92–99.
31. Горький М. Литературные портреты / Горький М. Собрание сочинений в 18 т. М. : Гослитиздат, 1963. Т. 18. С. 253–285.
32. Савина Т.В. «Пролетарии» и «буржуи»: иноязычная политическая лексика в крестьянских «письмах во власть» 1920-х годов // Россия XXI век. 2017. № 6. С. 104–117.
33. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1899. Т. 27. С. 436–437.
34. Ходаков В.Я. Биография Суворова // Детская литература. 1938. № 17. С. 54–58.
35. Пионерская правда. 1936. № 79. С. 2, 4.
36. Храпченко М., Цейтлин А., Нечаева В. Пушкин А.С. // Литературная энциклопедия : в 11 т. М., 1929–1939. Т. 9. С. 378–450.
37. Щеголев П.Е. Убийца Пушкина : Новый взгляд на историю дуэли // Вечерняя Москва. 1927. № 234, № 235.
38. Щеголев П.Е. Убийцы Пушкина // Минувшие дни. 1927. № 1. С. 111–130.
39. Бочачер М. Радищев // Литературная энциклопедия : в 11 т. М., 1929–1939. Т. 9. С. 492–499.
40. Лаврецкий А. Салтыков-Щедрин // Литературная энциклопедия : в 11 т. М., 1929–1939. Т. 10. С. 502–530.
41. Пионерская правда. 1925. № 38. С. 5.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 августа 2021 г.

With Pushkin at the Background. The Linguistic Aspect of Pushkin's Discourse of the 1920s–1930s

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 31–38.

DOI: 10.17223/15617793/470/4

Tatiana V. Savina, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: tsavina2005@mail.ru

Keywords: Pushkin; discourse; Soviet culture; democratization of language; oxymoron.

The article focuses on the analysis of linguistic means of adapting the literary heritage of the 19th century by the Soviet cultural space using the example of Pushkin's discourse of the 1920s–1930s. At first glance, it seems that the interpretation of Pushkin's heritage was continuous in Russian culture throughout the centuries with the same semantics: the poet as a symbol of national culture. However, in Pushkin's discourse, there is a breakpoint that occurred in the post-revolutionary decade, during the breakdown of the entire cultural tradition in an attempt to establish a new proletarian culture. In order to set the vector for the development of Soviet culture, the Bolsheviks had to solve the cardinal question of their attitude to the literary heritage of the Russian Empire. The option of full assimilation of the pre-revolutionary cultural heritage was unacceptable for the Bolsheviks. A complete refusal was also impossible since the Bolsheviks as a whole understood that it was difficult to ignore the age-old cultural tradition. As a result, the new regime, with its perception of the cultural tradition as “cultural baggage”, had to use ideological filters for this baggage. From this point of view, the most representative source is the ideological concepts of the history of the 19th century literature presented as a system in the *Literary Encyclopedia* in 11 volumes (1929–1939) and in the *Small Soviet Encyclopedia* (1928–1931), as well as the ways of communicating the concepts to the broad Soviet audience. Pushkin's Soviet discourse is the most indicative example of the changes that occurred in the Russian language in the post-revolutionary era when a version of the Russian language started obeying a new system of meanings and attributed to the text a meaning that was not originally implied or intended by the author. One of the instruments for adapting the pre-revolutionary cultural experience to the Soviet ideological space was the expansion of the semantic field of the key concepts *democratic* and *revolutionary* with the help of added context. The added context made any phenomenon of pre-revolutionary culture look “*proletarian*”, especially those ones which could justify continuity between the “Soviet present” and the “Russian past”. Also, this context divided the cultural tradition into “good past” and “bad past”. Moreover, it caused the emergence of oxymorons in the language that brought together very opposite ideas, such as, for example, “noble revolutionaries”. However, despite the internal inconsistency of Pushkin's Soviet discourse, as evidenced by the oxymoronic nature of its basic concepts, the aim of the “Sovietization” of Pushkin was successfully achieved through the purposeful use of linguistic means.

REFERENCES

1. Grigor'ev, A.A. (1915) *Vzglyad na russkuyu literaturu so smerti Pushkina* [A look at Russian literature since Pushkin's death]. Vol. 6. Moscow: Tipolitografiya t-va I. N. Kushnerev i K°.
2. Kirpotin, V.Ya. (1937) Nasledie Pushkina i kommunizm [Pushkin's legacy and communism]. In: Gorky, M. et al. *A.S. Pushkin. 1837–1937. Pamyatka. Stat'i i materialy dlya doklada* [A.S. Pushkin. 1837–1937. Memo. Articles and materials for the report]. Leningrad: Goslitizdat. pp. 42–158.
3. Besancon, A. (1984) *Russkoe proshloe i sovetskoe nastoyashchee* [Soviet Present and Russian Past]. Translated from French by A. Babich. London: Overseas Publication Interchange LTD.
4. Klemperer, V. (1998) *Yazyk Tret'ego reykh: Zapisnaya knizhka filologa* [The Language of the Third Reich: A Philologist's Notebook]. Translated from German by A.B. Grigor'ev. Moscow: Progress-Traditsiya.
5. Altunyan, A. (2000) *Lingua Tertii Imperii versus Lingua Sovietica* (“*Esli dve delayut odno i to zhe...*”) [Lingua Tertii Imperii versus Lingua Sovietica (“If two do the same thing ...”)]. *Znanya*. 8. pp. 192–201.
6. Kartsevskiy, S.I. (1923) *Yazyk, voyna i revolyutsiya* [Language, war and revolution]. Berlin: Rus. univers. izd-vo.
7. Dobrenko, E. (2014) Linguistic turn à la Soviétique: The Power of Grammar, and the Grammar of Power. In: Petrov, P. & Ryazanova-Clarke, L. (eds) *The Vernaculars of Communism: Language, Ideology and Power in the Soviet Union and Eastern Europe*. London; New York: Routledge. pp. 19–39.
8. Sandomirskaya, I. (2006) Yazyk-Stalin: “Marksizm i voprosy yazykoznaniiya” kak lingvisticheskiy povorot vo vselennoy SSSR [Language and Stalin: “Marxism and the Issues of Linguistics” as a Linguistic Turn in the USSR Universe]. In: Lunde, I. & Roesen, T. (eds) *Landslide of the Norm: Language Culture in Post-Soviet Russia*. Bergen: University of Bergen. pp. 263–291.
9. Pavlovets, M. (2016) Shkol'nyy kanon kak pole bitvy. Chast' pervaya: istoricheskaya rekonstruktsiya [School Canon as a battlefield. Part One: Historical Reconstruction]. *Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 2. pp. 73–92.

10. Murav'eva, O.S. (1995) *Obraz Pushkina: Istoricheskie metamorfozy* [The Image of Pushkin: Historical Metamorphoses]. In: Virolaynen, M.N. (ed.) *Legendy i mify o Pushkine* [Legends and Myths about Pushkin]. Moscow: Akademicheskii proekt. pp. 113–133.
11. Karpenko, G.Yu. & Karpenko, L.B. (2016) “Jubile” Language Cliches About Pushkin, or a Poet in the Service of the State. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya – Vestnik of Samara University: History, Pedagogics, Philology*. 4. pp. 72–79.
12. Lunacharskiy, A.V. et al. (eds) (1929–1939) *Literaturnaya entsiklopediya: v 11 tomakh* [Literary Encyclopedia: in 11 volumes]. Moscow: Izdatel'stvo Kommunisticheskoy akademii; Sovetskaya entsiklopediya; Khudozhestvennaya literatura.
13. Meshcheryakov, N.L. (ed.) (1928–1931) *Malaya sovetskaya entsiklopediya: v 10 t.* [Small Soviet Encyclopedia: in 10 volumes]. Moscow: OGIZ RSFSR.
14. Bezymenskiy, A. (1928) *Komsomoliya. Stranitsy epopei* [The Land of Komsomolia : Pages From an Epic]. Moscow; Leningrad: GIZ.
15. Mayakovskiy, V.V. (1959) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete works: in 13 volumes]. Vol. 12. Moscow: Khud. lit. pp. 164–170.
16. Proskuryakova, E.F. (2014) Printsipy komplektovaniya bibliotek knigami [Principles of library book acquisition]. In: *Trudy pervogo bibliotchnogo s"ezda RSFSR. 1–7 iyulya 1924 goda. Izbrannye materialy* [Proceedings of the First Library Congress of the RSFSR. July 1–7, 1924. Selected materials]. St. Petersburg: National Library of Russia. pp. 139–151.
17. Krupskaya, N.K. (2014) Zaklyuchitel'noe slovo [Closing remarks]. In: *Trudy pervogo bibliotchnogo s"ezda RSFSR. 1–7 iyulya 1924 goda. Izbrannye materialy* [Proceedings of the First Library Congress of the RSFSR. July 1–7, 1924. Selected materials]. St. Petersburg: National Library of Russia. pp. 23–37.
18. Blagoy, D. (1928–1931) Pushkin Aleksandr Sergeevich [Aleksandr Sergeevich Pushkin]. Meshcheryakov, N.L. (ed.) *Malaya sovetskaya entsiklopediya: v 10 t.* [Small Soviet Encyclopedia: in 10 volumes]. Vol. 7. Moscow: OGIZ RSFSR. pp. 62–66.
19. Pospelov, G. (1939) Turgenev. In: Lunacharskiy, A.V. et al. (eds) *Literaturnaya entsiklopediya: v 11 tomakh* [Literary Encyclopedia: in 11 volumes]. Vol. 11. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 419–439.
20. Popov, P. & Yunovich, M. (1939) Tolstoy L.N. [L.N. Tolstoy]. In: Lunacharskiy, A.V. et al. (eds) *Literaturnaya entsiklopediya: v 11 tomakh* [Literary Encyclopedia: in 11 volumes]. Vol. 11. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 301–345.
21. Blagoy, D. (1930) Derzhavin. In: Lunacharskiy, A.V. et al. (eds) *Literaturnaya entsiklopediya: v 11 tomakh* [Literary Encyclopedia: in 11 volumes]. Vol. 3. Moscow: Izdatel'stvo Kommunisticheskoy akademii. pp. 205–221.
22. Pereverzev, V. & Riza-Zade, F. (1930) Dostoevskiy F.M. [F.M. Dostoevsky]. In: Lunacharskiy, A.V. et al. (eds) *Literaturnaya entsiklopediya: v 11 tomakh* [Literary Encyclopedia: in 11 volumes]. Vol. 3. Moscow: Izdatel'stvo Kommunisticheskoy akademii. pp. 396–410.
23. Lelevich, G. (1932) Lermontov. In: Lunacharskiy, A.V. et al. (eds) *Literaturnaya entsiklopediya: v 11 tomakh* [Literary Encyclopedia: in 11 volumes]. Vol. 6. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 559–565.
24. Timofeev, L. (1932) Lomonosov. In: Lunacharskiy, A.V. et al. (eds) *Literaturnaya entsiklopediya: v 11 tomakh* [Literary Encyclopedia: in 11 volumes]. Vol. 6. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 559–565.
25. Tumskeya, E. (ed.) (1923) *Krepostnoe pravo: Sbornik rasskazov dlya detey starshego vozrasta* [Serfdom: Collection of stories for older children]. Moscow; Petrograd: Gos. izd-vo.
26. Gorky, M. et al. (1937) *A.S. Pushkin. 1837–1937. Pamyatka. Stat'i i materialy dlya doklada* [A.S. Pushkin. 1837–1937. Memo. Articles and materials for the report]. Leningrad: Goslitizdat.
27. Trotskiy, L. (1926) *Sochineniya* [Writings]. Vol. 17 (1). Moscow; Leningrad: Gosizdat. pp. 240–241.
28. Poznanskiy, V.S. (1972) *Sibirskiy krasnyy general* [Siberian Red general]. Novosibirsk: Nauka.
29. Nikitin, E.N. (2020) *Sovetskiy graf – Aleksey Tolstoy* [Soviet Count – Alexei Tolstoy]. Moscow: Dekom.
30. Shmelev, S.A. (2015) Krasnoe “komsomol'skoe rozhdestvo” i problema formirovaniya novogo byta v nachale 1920-kh godov [Red “Komsomol Christmas” and the problem of the formation of a new way of life in the early 1920s]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 17 (3). pp. 92–99.
31. Gor'kiy, M. (1963) *Sobranie sochineniy v 18 t.* [Collected works in 18 volumes]. Vol. 18. Moscow: Goslitizdat. pp. 253–285.
32. Savina, T.V. (2017) “Proletarii” i “burzhui”: inoyazychnaya politicheskaya leksika v krest'yanskikh “pis'makh vo vlast'” 1920-kh godov [“Proletarians” and the “bourgeois”: foreign political vocabulary in peasant “letters to the authorities” of the 1920s]. *Rossiya XXI vek*. 6. pp. 104–117.
33. Andreevskiy, I.E., Arsen'ev, K.K. & Petrushevskiy, F.F. (eds) (1899) *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. 27. St. Petersburg: Semenovskaya Tipolitografiya. pp. 436–437.
34. Khodakov, V.Ya. (1938) Biografiya Suvorova [Biography of Suvorov]. *Detskaya literatura*. 17. pp. 54–58.
35. *Pionerskaya pravda*. (1936) 79. pp. 2, 4.
36. Khrapchenko, M., Tseytlin, A. & Nechaeva, V. (1935) Pushkin A.S. [A.S. Pushkin]. In: Lunacharskiy, A.V. et al. (eds) *Literaturnaya entsiklopediya: v 11 tomakh* [Literary Encyclopedia: in 11 volumes]. Vol. 9. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 378–450.
37. Shchegolev, P.E. (1927) Ubiytza Pushkina: Novyy vzglyad na istoriyu dueli [Pushkin's killer: A new look at the history of the duel]. *Vechernyaya Moskva*. 234, 235.
38. Shchegolev, P.E. (1927) Ubiyttsy Pushkina [Pushkin's killers]. *Minuvshie dni*. 1. pp. 111–130.
39. Bochacher, M. (1935) Radishchev. In: Lunacharskiy, A.V. et al. (eds) *Literaturnaya entsiklopediya: v 11 tomakh* [Literary Encyclopedia: in 11 volumes]. Vol. 9. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 492–499.
40. Lavretskiy, A. (1937) Saltykov-Shchedrin. In: Lunacharskiy, A.V. et al. (eds) *Literaturnaya entsiklopediya: v 11 tomakh* [Literary Encyclopedia: in 11 volumes]. Vol. 10. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 502–530.
41. *Pionerskaya pravda*. (1925) 38. p. 5.

Received: 17 August 2021

Г.Н. Старикова, Лю Си

ГРАФИКА БЫТОВЫХ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ В АСПЕКТЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ТРАДИЦИОНАЛИЗМА

Обосновано введение графической проблематики в сферу лингвистических исследований. На материале двух томских старообрядческих дневников (1915–1923; 1956–1975 гг.) выявлены отраженные в них черты позднего сибирского полуустава, показана их эволюция под влиянием скорописи и гражданского алфавита. Тип письма, набор используемых в текстах графических средств рассмотрены как одно из проявлений конфессионального традиционализма, идентифицирующего данное сообщество.

Ключевые слова: графика; поздний полуустав; традиции письма; старообрядчество; конфессиональность.

Введение в проблему

Древлеправославие представляет собой особый тип конфессионального единения, не утративший после многовековых притеснений и прямых гонений своей самобытности и в современных условиях глобализации. Д.С. Лихачёв, называя его «удивительным явлением русской жизни и русской культуры», подчеркивал, что «своим упорством, своей приверженностью к старой Вере старообрядцы сохранили древнюю русскую культуру: древнюю письменность, древние книги, древнее чтение, обряды древние», замкнувшись во всём старом [1]. Неприятие церковной реформы и «правленных» текстов заставило их продолжить традиции книжного рукописания, имеющего место также в настоящее время, несмотря на существование старообрядческих типографий. Одновременно они не приняли и реформу графики начала XVIII в., объявив гражданскую азбуку «антихристовой» и допуская использование ее скорописного варианта только в бытовых записях. Приверженность старой графической системе («кирилловской»/«кириллической») позволила им не только сохранить эстетику древней книги, но и выработать новые черты книжного письма, имеющие локальные особенности, – в частности специалисты выделяют полуустав поморский¹ и гуслицкий².

Указанные обстоятельства объясняют вполне закономерный и понятный интерес представителей многих наук к староверию разного толка в целом и староверческим традициям книгописания в частности. По мнению С.В. Бураевой, «сохранение рукописной традиции в среде российского старообрядчества XVIII–XX вв., несомненно, можно назвать одной из определяющих черт его духовности» [3. С. 3]. В свою очередь, Е.Е. Дутчак отмечает, что «открытость общины внешнему миру, сопровождающаяся утратой многих характерных черт старообрядческого уклада, прямо зависит от уровня сохранности “живой” книжной традиции» [4. С. 26]. Она же добавляет: «Многоплановость функций, которые выполняет для старовера кириллический текст (древний и новый), превращает его в реального организатора и регулятора жизни общины» [4. С. 31].

Книжно-рукописные традиции последователей «древлего благочестия» активно изучаются в последние годы историками, культурологами, археографами,

филологами (литературоведами) [3–6] – прежде всего со стороны содержания текстов. Художественному оформлению старообрядческих книг и особенностям их письма посвящены исследования искусствоведов [2, 7] и палеографов [8]. Вовлечение в графическую проблематику лингвистов обусловлено различием задач, решаемых разными специалистами на этом материале, что отмечает В.А. Есипова: «При том, что их интересуют схожие (а порой одни и те же) факты, для лингвиста важно в первую очередь оценить тот или иной факт с точки зрения отражения лингвистических явлений на письме и соответствия нормам языка изучаемого периода. Палеограф же интересуется эволюцией графики письма в первую очередь как возможностью для датировки, независимо от того, насколько исследуемое явление соответствует современным ему языковым нормам» [8. С. 46–47].

Это мнение выражено и в работах Б.И. Осипова³, который считает историю письма самостоятельной лингвистической дисциплиной, имеющей отличный от истории письменности объект изучения, представляющий «эволюцию отношений между единицами языка и изображающими их графическими знаками» [9. С. 5]. В частности, данные мысли верифицируются статьей С.М. Кусмауль, посвященной развитию функций одного из диакритических знаков: внимание к графическому уровню языка позволяет автору указать на формирование не только собственно правописательных, но и грамматических норм [10]. Здесь также уместно вспомнить о сложившейся практике церковнославянского письма в отношении употребления некоторых дублетных букв, например о и ѿ, ѣ широкого и узкого, участвующих в разграничении ряда морфологических форм.

Внимание языковедов привлекают прежде всего оригинальные бытовые памятники, в которых максимально отражается язык и личность пишущего. К таким ЭГО-текстам относятся мемуары, дневники, письма, приписки на книгах. Актуальность подобных исследований обусловлена как общей слабой разработанностью вопросов графики и правописания в русистике [9. С. 7], так и единичностью лингвистических работ на материале старообрядческих памятников [11, 12], несмотря на то что буквы и надстрочные знаки в письменной культуре староверов могут выступать «показателями смысла» наряду со словами [13. С. 122].

При этом у беспоповцев, беглопоповцев – древлеправославных христиан, иже священства не приемлющих, старая книжность приобретает еще и особую дополнительную значимость. Эта мысль выражена в отрывке из Златоуста, помещенном в рукописном календаре из старообрядческой коллекции Томского областного краеведческого музея (ТОКМ, Ед.хр. 7110): *Гдѣ /повѣлелъ ѣсть пы/тати книгъ, но пы/танимъ нужна истиннаа зѣрѣ да ѡбѣщѣт /ицемаго, и сохрѣ/нѣт ѡбѣщѣ/маго.*

Материал и методология исследования

Материалом для анализа послужили два письменных памятника из состава так называемой Заимочной (Тиуновской) коллекции, обретенной в ходе археографических экспедиций на север Томской области в 1980–1990-е гг., – «Островной летописец» (ОЛ) и «Книга Пасхальная» (КП). Эти источники представляют варианты характерного для старообрядческой среды жанра дневников, продолжающих традиции местного общинного летописания. Являясь по своему содержанию хозяйственно-бытовыми памятниками, дневники одновременно свидетельствуют о высокой конфессиональной значимости этого жанра, что уже не раз отмечалось в научной литературе [14. С. 8; 15. С. 198], – их ведение носит сугубо прагматический характер в этой среде.

Во-первых, описание погодных условий напрямую связано с трудовой деятельностью «пустынножителей» и ее результатами, поскольку рациональное хозяйство для старообрядцев было одним из факторов реального выживания в ситуации таежной замкнутости⁴. Во-вторых, подобные регулярные записи в условиях самоизоляции – это еще и способ отслеживания календаря, счисления дат, которые имеют свою специфику у староверов. Так, в ОЛ используется два календаря – от Рождества Христова (Л. 5 об., 8 об., 12, 22 об. и др.) и от сотворения мира (Л. 11, 27, 28 об., 30 и др.), при этом указанные даты опережают общегражданский счет на 8 лет, поскольку старообрядцы страннического согласия считают последний «испорченным» и признают истинной разницу в летоисчислении в 5500, а не в 5508 лет [17. С. 264], что легко подтверждается таблицами пасхалий. Год для старца начинается с сентября (нобѣе мѣсто начинѣется зѣйс-е. (7426 = 1926, т.е. 1918 г.) мѣсець сентябрь – Л. 19), граница суток – «наши» 18.00 (днѣ иі (18) часовъ споловиной ѡночь ѣ (5) сполов.../ снѣце закатѣца еі (15) минѣтъ четвертова ѡходитъ мѣ (45) минѣтъ д. (9-го) члѣ – Л. 16). Женщина, считая года от Рождества Христова, продолжает сохранять разницу в 8 лет, называя 1956 год 1964-м, а 1975 – 1983-м и т.д.: *мѣсѣ. (1966 = 1958) года была пасха марта ѣа (31) (КП: 2). Есть основания считать год сентябрьским и для нее – напр., описывая праздничную неделю 1974 (1966) г., она как о событии текущего года сообщает о декабрьском «отходе» Марии, см.: *ѣнодѣ года была пасха марта кѣй; ѣнодѣ годъ. мѣца декабра го числа. Этошлѣ сестрица**

мѣаа насѣ ѡставляла (КП: 8 об. – 9). Осталось подчеркнуть, что не только в ОЛ, но и в КП даты соответствуют старому стилю календаря – с разницей в 13 дней по сравнению с гражданским.

Оба дневника выполнены в основном полууставом – тем типом письма, который признается старообрядцами единственно правильным и соответствующим духу древлеправославия, потому что этим шрифтом были изданы дореформенные книги, по их образцу они тиражируются печатным и рукописным способами и сейчас. Исполнение им текстов бытового содержания служит еще одним свидетельством и особой роли данного жанра в старообрядческой среде, и его традиционалистического характера, поддерживающих конфессиональную обрядовость как с позиций своего содержания, так и формы. В памятниках встречаются также начертанные скорописью отдельные буквы, слова, фразы или фрагменты слов и предложений, а в КП даже целая скорописная страница (4 об.)⁵, что демонстрирует частичное разрушение традиций полууставного письма.

Первый дневник представляет сшитые в тетрадь без обложки 36 бумажных листов с осыпавшимися краями. Размер блока – примерно 11×17 см. Текст занимает полных 66 страниц, на первых и последних 3 – «посторонние» записи, элементы простейшего орнамента, указывающие на пробу пера и чернил разного цвета. Письмо мелкое, выдерживается, хотя и не всегда, достаточно ровное направление строк, несмотря на отсутствие графления, что придает ему определенную аккуратность, разрушаемую в случаях всегда небрежных скорописных вставок (Л. 13, 24 об., 33, 34 и др.) или изменения размера букв (Л. 3 об., 25 и др.). На странице от 22 до 36 строчек – чем больше, тем обычно аккуратнее письмо. Дневник содержит описание погоды, сезонных изменений в природе, хозяйственных занятий общинников за 1915–1923 гг., исполнен мужчиной-севернорусом, возможно, Коноваловым Гавриилом [18. С. 184]. Хранится в фондах Томского областного краеведческого музея (Ед.хр. 7372).

Автор второго дневника – женщина, носительница среднерусского говора, сходного с местными кетскими говорами, предположительно Коновалова Наталья Федоровна, дочь племянника старца [17. С. 265]. Ее дневник представляет собой берестяную книжицу из 14 листов с верхней обложкой, частично сшитых, частично вложенных в нее; размер основного блока 15×17 см. Разлиновка страниц отсутствует, расположение чечевичек на бересте определяет направление строк, последние неровные, могут «съезжать» вниз или подниматься вверх к правому краю листа, что создает вид небрежного письма. Рефлексией по поводу его качества может служить фраза пробы чернил: *ини чернилы доверы норѣки...* (КП: 1). Текст начинается с оборота обложки и занимает 29 страниц – от 10 до 20 строчек на каждой, чаще всего их 14–16, написан карандашом (химическим и простым), а также пером – синими, черными и буро-красноватыми чернилами, часть процарапана острым орудием. Дневник содержит записи за 1956–1975 гг. – это описания дней Пас-

Оба источника опубликованы по правилам исторического издания документов, предполагающим оптимизацию чтения: упрощенную передачу графики памятников, замену числобукв на арабскую цифирь, введение знаков препинания и заглавных букв, а в случае с «Книгой пасхальной» – еще и корректирование неправильных с позиций современного правописания случаев слитного/раздельного написания [17, 18], что обращает нас в анализе к первоисточникам.

Результаты исследования

Как уже отмечалось выше, за долгие годы последователи древлеправославия не просто сохранили этот тип книжного письма, но и развили его черты, придав им региональный характер. В отличие от Поморья, Подмосковья и некоторых других мест, в Сибири не было профессиональных центров, где бы сложились особые традиции локального варианта полууставного письма⁸, хотя книгописание в разное время велось и здесь. В частности, подтверждают данный факт и наши материалы: ѿ ѿписала ѿлге нахѣрто-
днь/ побѣнїе ннафомнино воокрѣненіе (КП: 1); ѿл нонешнѣю/
пачѣхъ просидела дѣма, писала повесть лжезѣа (КП: 8); *книга*
стипангавришлация списана почтьи (ОЛ: 31 об.). Судя по наличию в упомянутой коллекции рукописной азбуки (начальное оученіе хотащимъ оучитиса чтенію книгъ

Его признаки можно распределить по двум группам: одна представляет общие приемы письма (способы переноса, сокращения, слитного/раздельного написания слов, употребление строчных и внестрочных графических знаков, выражение чисел и др.), другая связана с собственно буквенными средствами графики (состав используемого алфавита, функции букв, особенности их начертания и др.), при этом наиболее очевидный характер имеет первая группа черт.

1.2. Многообразные виды аббревиации. Данным термином в истории графики принято называть способы сокращения написаний (уменьшение графической длины слов), которые в анализируемых источниках представлены титлованием, букво-(слово)титлованием, выносом букв и усечением конца лексических единиц (суспензией): наа бгѣ гѣѡ̃ (ОЛ: 22); еше гдѣ пркел дожн допсахъ, начн/на[ю]пи[ать]/ (КП: 7). Так, в соответствии с церковной полууставной традицией, в дневниках титлуются (и буквотитлуются) nomina sa-

Столь же традиционен вынос согласных букв:

(8) пошли ѡрѣхн/ промышла ѥмолотн намолотил ржы
кѧ̃ (24) пѧ̃дл. пшеницы ѥі (15) вѣде/горохѧ̃. ѥі. (12) вѣдерз
ѡбѧ̃ зї (17) вѣде/ сѣма ленноба ѥі (8) бедерз. шишо/
наколотил .рѣі. (115) пѧ̃добокз лншѧ̃/ рїі (150) снопико-
(ОЛ: 33 об.); истѧ̃жа стонъ втораѧ̃ неделѧ̃/ все замержѧ̃
дождь ѥишны вѣт/ (КП: 9). Выносятся практически
любые согласные, о чем свидетельствуют следующие
примеры: снег напале (23), порепѧ̃ вычистил (21 об.),
сѣтрѧ̃ до- (17 об.) – ОЛ; ѡнѧ̃ (6), ѧ̃вечеро- заш/ла тѧ̃ча
згромѡ- ѥишны вѣтро- (9 об.) – КП. Частотность выноса
той или иной согласной определяется ее востребован-
ностью на письме, что показывают подсчеты написа-
ний по материалам КП: м – 45, т – 42, л – 26, г – 16,
й/н, к – 11, н – 8, д – 5, г, р, х – 1. Стандартная позиция
выноса согласных – конец слова, обычно в конце
строки, что типично для полуустава. Традиционным
же являлся вынос согласного перед другим согласным
в середине слова, но у женщины это изредка возмож-
но лишь в сочетании с титулом, а мужчина последова-
телен только в выносе одной из двух повторяющихся
букв: масла ... леноба (19 об.), дожн/нки, дожнчо-
(24 об.), приеж/лаз (29), кроме случаев с удвоенным ш
(ѥишшо – 29 об., лнѥишшо – 28, шшоуѣки – 15 об.) и ч (с
оччой – 12). В конечных словоформах строк старец
допускает единичные выносы согласных в середине
слова перед гласными и «заключительных» гласных
(чеимыз/ – 6 об., ѥ. верша/ – 24 об.; ночь – 2 об., шинкон-
к/ – 13 об.), а также более одной буквы (добече/ –
18 об., наобѣде-/ – 20 об.), что свидетельствует о вы-
нужденности подобных случаев аббревиации при от-
сутствии свободного места на странице. Эта же при-
чина сокращений в берестяном дневнике еще более
очевидна, так как данный материал самим фактом
наличия чечевичек и характером их расположения
ограничивал женщину в полных написаниях слов:
была паехъ апрѣ .гї./ ѥще гѧ̃дъ побелѣ дожи допѧ̃ехн/ все,
попогѡ̃невеселѧ̃, ѧ̃ дѧ̃н/ снѣ перевалка, ѥ. весь день снѣ/ .гї.
дѧ̃н ѥночь клин истѧ̃женѡ (11 об.).

Вынос *ера* в виде паерка характерен прежде всего для женщины: *прывѣл, год, снѣг, вѣтръ* (7) – до четверти всех позиций для конечного Ъ, так же она может маркировать характерные для нее еровые вставки в сочетаниях согласных (по аналогии с *кѣрочники, солнице* – 4 об., *сѣинце* – 1, *гоубѣда* – 6 об.): *мігл* – (6 об.). Старец прибегает к этому знаку крайне редко – исключительно в предлогах на согласный: *иззачтово што* (17 об.), поскольку весьма последователен в маркировке конца

слов *ером* (звѣромъ медвѣдь занцовъ съелъ ѡкъмѣлки — 16), что соответствовало и дореформенным нормам гражданского письма. Для женщины мотивировка употребления конечного ера уже ослаблена (пишет его максимум в 40% требуемых случаев), более обычным для нее является выделение конца паерком или выносной согласной буквой (нѣтъ мое рѣше вѣщѣ — 9 об.), а порой и вообще никак не отмечает его: ѣ ѣ (5-й) день тѣбѣ/ мрѣкъ нѣнѣгъ марѣтъ ѡчѣ кѣм ходил/ ѡвѣдал (8 об.) и др.

Интерес представляет суспензия – способ редукции конца слова, вызванный, без сомнения, простой нехваткой места для письма: напр., женщина всего лишь несколько раз не дописывает слова, практически всегда в конце строки (*снѣгъ сырой балла перев*/[алками] – 1; *итакъ прожилн все праздни*/[ки] – 9 об.), а мужчина сокращает слова и в строке – тоже явно в силу экономии места (*а стѣго ѿпла ѿкова оутромалии*[енькой] до[жик /жок /жичок] /*днѣ ѡбела*[ки] ѿтеп[о] квече[у] вые[нило] – 25 об.). Роль точки у него выполняют выносные конечные буквы, чаще под титлом: *картѡ*[ки] *огрѣ*[ли] (22), *маленк погрѣ*[ело], *дамѧкъ .і.*
сно ѿ[ов] (18 об.), *цѣлка по*[ла] (16 об.), *конопле пом*[о][или] (19). Старец предпринимал попытку сокращения слов до первой буквы (такой прием называется «силь») – открывая записи нового (сентябрьского) 1918 г., он указал: *.і. пѧтница .ч. тепѣрь вѣдѣ писѧть/ ѡднѡй вѣвкой ѣсли дѡшѧ дакъ вѣдѣ/ писѧть добрѡ снѣгъ слово ѧ вѣдро нечто/ не воѣдѣ ѧ малинком дожжичок чѣрь* (19), но далее этому обещанию он не следовал. У женщины эти приемы отсутствуют, хотя именно ее дневник демонстрирует отсутствие прочных навыков аббревиации, что выражается наличием разных способов сокращения ряда слов: *гѣь* (7) / *гѣь* (9); *слѣнце* / *слѣнице* (1) / *сонца* / *слѣца* (7) / *солнѣцѣ* (9); *воскрѣніѧ* / *воскрѣние* (1) / *вокрѣниѣ* (5 об.) / *воѣ* (11 об.) / *вокрѣне* (14 об.), а также употреблением титла над несокращенными лексемами: *вѧгодарю вѣѧ, господѧ* (Л. 13), *фомно воскрѣненіѣ* (Л. 9 об.). Последние случаи дают основание считать титлование еще и способом подчеркивания сакрального смысла маркированных этим знаком слов.

1.3. Употребление диакритиков. Оба автора используют единственный подстрочный знак – ь, обозначающий тысячу в датах, как было показано выше. Из надстрочных, помимо титл, встречаются два типа ударений (оксія/акут и варія/гравис), псили (звательце, дух) – показатель тонкого придыхания (ѣщє), сочетание псили и оксии – исо (ѣнна), псили и вари – апостроф (ѣ̇), а также краткая – над н. Первый акцентный знак в церковнославянском языке предписывается ставить над начальным или срединным гласным в слове, а второй – над конечным, что в целом соблюдается в наших рукописях: ѣ̇а. (1) гєнѣварѣ коуѣхѣта нагѣла болшѣ (ОЛ: 20); далєкѣ проковѣла (КП: 1). Отступления от этого правила выражаются: 1) крайне

Более последовательно в рукописях проставлены пиcи и иcо, а редкий апостроф ставится исключительно над местоимением 1-го лица: *ячмень ѿкъ бы-
стаблѣтъ* (ОЛ: 27); *ѡ. (1) днь ѡснѣй ѡстѡдѣ[ѡн]/ чѡкъже
ѡбѡ. (2) ѡно ѡ. (3) ѡблѣчно ѡ. (4) мрѡк/ ѡтѡпло ѡ хѡдила
ѡгѡсти ѡдѡбѡ приѡшл* (КП: 14). О степени регулярности
употребления пишущими диакритических знаков мож-
ет свидетельствовать следующая таблица, в которой
за основу подсчетов была взята запись в КП за 1975
(т.е. 1967) год в 117 раздельно оформленных лексиче-
ских единиц (л. 9–9 об.), такого же объема был выде-
лен отрывок текста в ОЛ за апрель 1925 (1917) г. на
л. 14 об.

Источник	Количество позиций для окиси / реализовано / %	Количество позиций для варии / реализовано / %	Количество позиций для пслии / реализовано / %	Количество позиций для исо / реализовано / %
ОЛ	75 / 37 / 49,3	13 / 6 / 46,2	10 / 9 / 90,0	10 / 9 / 90,0
КП	68 / 5 / 7,4	20 / 2 / 10,0	19 / 16 / 84,2	9 / 5 / 55,6

(9), в обоих случаях на строке может оставаться одна буква: ѿ/не кна· приходили (КП: 8 об.), выпалаа ѿ/зморочь (ОЛ: 4). Если старец нередко переносит часть слова с условной («глухой») гласной (тѣ/тъ, чистѣ/тъ, лѣ/съ – 15 об.; вѣтѣ/ръ – 16 об.; медве/дь, опе/тъ – 18, заце/лъ – 30 и др.), что обычно для полууставного письма, то принцип переноса у женщины можно охарактеризовать как близкий к просодическому (слоговому), соответствующий уже современной практике письма: замо/розило, при/летели, го-ла/бочка (6 об.).

1.6. Употребление букв в числовом значении. К ярким признакам полуустава, проявленным в этих текстах, относится неиспользование арабской цифры: .лї. (11) рѣпы нарѣзали .ѣ. (60) корзїныя .д. (4) бѣза (ОЛ: 19); рыбы добыла .рїз. (137) (ОЛ: 20 об.); добыла .ѣ. цѣкѣ (КП: 10 об.). Своеобразно выглядит выражение порядковых числительных в этом формате: ѿ 10-го декабрѣ (ОЛ: 3); в .дмѣ (в 9-м) часоу (ОЛ: 8 об.), .ѣ.й – 6-й (КП: 9 об.), апрѣла .лго (30-го) (КП: 6 об.), в том числе в сочетании с их лексической формой: ѿ семова до 10-го неморозило (ОЛ: 34). В отличие от старца, который использует числобуквы строго в своем значении, женщина явно путает выражение количеств «900» (іі) и «90» (ѣ), поскольку начертание ею этих букв различается серьезным образом, ср.: .мцѣд. (1969) года была пасѣ .кѣ. (27) марта (КП: 5) и .дѣо. (1970) годѣ была пасѣ апрѣла .ѣ. (16) (КП: 5 об.). Допустимо также в подобных написаниях – Ц как Ч с удлинненной второй штангой – видеть подражание старорусским рукописям, хотя такое начертание литеры в КП встречается только в датах.

1.7. Отсутствие прописных букв во всех требуемых случаях – в начале предложений, в именах собственных: .її тепло їмалинкон дожчокѣ/ вознесение гдїѣ .зї холода (ОЛ: 26); наши ходили вгортѣ кѣратѣ/ тѣфа[у] (КП: 3). Подражание эстетике древних книг в использовании орнаментальных заставок – в ОЛ они разной сложности, располагаются перед началом ряда годовых или месячных записей (Л. 17, 18, 19, 20 об., 21, 22 и др.), а в КП, которая отличается исполнением в основном недельных записей на отдельной странице, – это простейший узор из знаков типа псили или запятых (Л. 10 об.) – на употребление инициалов (выделенных размером, украшениями начальных букв текста) не распространилось. При этом для старца характерно выделение названий месяцев большим размером (ї ГЕНВАРѢ коуѣта наѣла/ болшѣ – 20); .ИЦѢ .АВГОУСТѢ .мцѣд. лѣ – 10) или рамочным обрамлением – Л. 23, 24.

1.8. Неотраженность мягкости согласного ерем в позиции перед другим согласным, что свойственно обоим авторам: малѣнко, малѣнкой, болшон, глала, малѣнко (ОЛ: 2 об.–4); маленько, впонеделникѣ, болной, толко (КП: 6–6 об.), ср. ее отражение в конце слова: чет-верть, выпалаа, їзморочь, вѣсь дїѣ, морозитѣ (ОЛ: 4);

печаль, дождь, вѣсьдїѣ (КП: 6 об.). Но если старец последователен в обозначении ерем всех так называемых йотовых позиций (ночью, погодѣ, вѣскресѣнье – 4), а в конце слова опускает его только в случае выноса согласного (слако – 34), то женщина ставит ѣ только перед гласными буквами, передающими два звука (госю – 1, дїнню – 5), но, как и в случае с ѣ, демонстрирует вольное обращение и с этим знаком в конце слов, ср.: вѣсьдїѣ – вѣсдѣнь (6 об.) или: .ї. дїѣ темный вѣсь ден снегѣ їдожда (7) и др.

Вторая группа черт письма связана с «литерным инвентарем», особенностями употребления графем, их функциями.

2.1. Состав букв. В исследуемых текстах используется близкий к полному набор церковнославянского варианта кириллицы. Данную графическую систему идентифицирует наличие юсов, йотированных гласных, ѣ и ѡ, ряда дублетных букв и отсутствие Э и Ё. Оба автора также не используют ж и ю, что согласуется с признаками младшего полуустава, тоже ожидаемо слабо востребованными в записях оказались некоторые графемы – *ферт* и *фита*, *кси* и *пси*, *зело*, которые употребляются чаще в функции чисел: нажлїи пшеницы .ѣѣ. (65) сноповѣ (ОЛ: 10 об.); лѣвѣгдѣ хлѣба нажлїосѣ .ѡї. (750) снопа (ОЛ: 18 об.), а также в некоторых именах: ѿмажїма (ОЛ: 28 об.), повесть лѣѣѣѣ⁹ (КП: 8). *Пси* в буквенном значении встретила лишь однажды в женских более ранних записках (пробе пера), к тому же в неправильном употреблении: ѡсалѣть (ТОКМ, Ед.хр. 12676/32). Исключительно для передачи чисел ею употребляется *зело* (.ѣ.(6) жїно гѣдѣно .ѣ.(7) / тѣкѣ – 8 об.), а *ять* не используется вообще – кроме единственного ошибочного написания в пробе пера (гѣдѣно). Хотя в названную выше старообрядческую азбуку буква Э была включена, женщина ее не употребляет – возможно, написание ѣто отражает особенности ее произношения данного местоимения, а в тексте ОЛ вообще нет слов на Э-.

2.2. Особенности начертания букв. Письмо ОЛ можно определить как угловатое, при котором элементы букв в, б, д, ѣ, з, ы пишутся треугольником, не овалом, что характерно для полуустава. У в нижняя и верхняя части практически равны, но обе косых часто в центре не соединяются со штангой: графема пишется в четыре приема – сначала как к, затем делаются две параллельные горизонтальные прямые, связывающие буквенные элементы. Большинство знаков не выходят за пределы строк, за их границами – верхние элементы ѡ, ѣ, нижние р, х, д, з, ц, ѡ, у, штанга ф может нарушать обе границы. Верхние (у в, г, т, ѣ) и нижние (у д, ц) перекадины с косыми ножками, левая штанга ы без верхнего хвоста, у ц удлинена средняя штанга. Соединительная перекадина в и идет снизу вверх, в и сверху вниз или располагается параллельно строке, в иа она приподнята до уровня верхней точки а.

И пишется с двумя точками (поїелн – 14 об., черентїю – 30 об.), которые опускаются не только в предусмотренных церковной традицией позициях – с диакритиками (їней – 33, їанїх – 13 об.), в том числе с титлом при выражении буквой числового значения (її. морознїх спїльн – 20 об.), но и в «самовольных» случаях (братїа – 15, димитрію – 3 об.), что говорит о необязательном характере этого элемента для пишущего.

Почерк женщины существенно небрежнее, крупнее, начертание букв переменнее, вид некоторых из них может приближаться в отдельных словах к скорописному (м, а, и, ѣ, к, ф, я), что придает ее тексту черты яркого своеобразие, свойственного индивидуальной манере письма. Толщина вертикальных и горизонтальных линий у нее разнится меньше, чем у старца. Она часто не смыкает элементы букв: косые штанги в л, д, ѡ – друг с другом в верхней части, язычок буквы *есть* (є) в виде точки – с полуovalом, ук (Ѹ) пишет в три приема, когда нижняя часть не образует замкнутого овала или кружка (старец пишет его чаще единым росчерком), всегда отстает от штанги левая часть ж, иногда и правая, как и в случае с к, в. Мужчина пишет штангу в р прямой либо слабо закругляет нижнюю часть вправо – у женщины она всегда дугообразная, хвост дугой вправо имеет у нее и буква з. У старца в диграфе ѡу верхний элемент у равен по размеру о и штанга наклонена влево, а у женщины он существенно меньше и пишется нередко над о, а штанга скорее напоминает є. Ц в датах нередко принимает вид Ч (с прямой второй штангой), как это было принято в рукописях до XVII в., если это не ошибка в числовых значениях букв.

2.3. Использование графических дублетов. Кирилловский алфавит отличает дублетность ряда знаков: одни из них издревле существовали в нем, другие развились в практике письма (ѡ – ѡ – я; ѡу – Ѹ – ѹ). Сохранению дублетных букв в кириллице способствовало прежде всего выражение ими разных числовых значений, как в парах ѡ (6) – з (7); и (8) – і (10); о (70) – ѡ (800); ѡ (9) – ф (500). Со временем графическая дублетность преодолевалась их функциональной дифференциацией, что сохранило и первую группу графем, где цифровую семантику имела только одна из них (ѡ – 900) или же она стала общей для всех знаков (ѡу, Ѹ, ѹ – 400).

2.3.1. Ѣ – ѣ составляли дублетную пару только для старца, причем первая графема не имела ограничений в своем употреблении. В использовании же ѣ видится много случайного, поскольку правильному использованию этого знака в ОЛ соответствует его существенно более частое ошибочное применение или неприменение: свѣжой инѣгъ <...> ѡднѣмъ вѣсь рогтлелъ не толко на/землѣ инѣ инѣгъ рогтлелъ свѣжой (14); ѡлѣнъ вездѣ/инѣца свѣтѣтъ (19). Данное обстоятельство породило графические варианты лексем и словоформ типа ме-

сецъ – мѣсецъ – мѣсецъ (13–14), по рѣке – на рѣке – по рѣкѣ (10–11 об.) – на рѣкѣ (31), вѣрезовы (25) – вѣрезовка – вѣрезовка (32 об.) – вѣрезовка (35) и многие др. При этом проявляется явная тенденция употребления этой буквы в именном окончании род. п. мн. ч. – за редким исключением, без знака ударения (горѣтъ – 10, кѡлѣ – 11, днѣ – 18, гѡлѣ – 29, хотя есть и четвертей – 12 об.), а также вместо ѣ – повсеместно с оксией (днѣмъ – многократно, тѣмной – 2 об., лѣдъ – 11 об., черѣмѡхъ, доплѣнъ – 15 об., пѣрышки – 16, замѣрзлн – 18 об., днѣнъ – 25, рѣвѣтъ – 28 и др.), что позволяет соотнести такие написания с понятием узусальной нормы для пишущего. Ни разу он не использовал эту букву в начале корня: поѣхали, доѣхали, прїѣхали, горѡхъ ѣли (л. 10) и др., что также может свидетельствовать об избирательности в ее употреблении.

2.3.2. В ОЛ в употреблении дублетов ѡ – ѡ проявляется осознание старцем функциональной дифференциации букв: юс ставится после согласного (времѡ, напѡлн – 23 об.), а ѡ – в начало слова (ѡно – 13 об., ѡмоу – 9 об., ѡти – 33), после гласного (ѡкозъ, стоѡхъ – 36 об.) и ера (ѡ подѡѡка – 23). Однако наряду с правильным употреблением графем (ѡчменѡ – 22 об., ѡзѡ – 23, ѡгоды вѣе позѡели – 35 и др.) возможны и отступления от выявленной закономерности (вѡлѡнѡтъ – 10 об., ѡгочъ наѡрлн – 27). В дневнике женщины также существенно частотнее ѡ, причем в любых позициях – в абсолютном начале слова (ѡрка, ѡно – 1), после согласного (вѡки, наѡрлн – 6 об.) и гласного (каѡлѡтъ, наѡстоѡще, дороѡлѡ – 6 об.), тогда как ѡ она употребляет только в начале слов ясно, ясный. Они в полууставном написании встретились в КП 71 раз, из которых первая графема употреблена в 56 случаях, тогда как вторая – лишь в 15. В скорописи у нее представлен и третий, современный, графический вариант – ѡ. Личное местоимение оба автора безвариантно передают юсом, различие в написании возможно лишь за счет диакритиков или их отсутствия: ѡ, ѡ, ѡ (ОЛ), ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ (КП).

2.3.3. Буквы зело (з) и земля (з) обозначали некогда звуки разного происхождения, но их нивелировка произошла достаточно рано. Долгое сосуществование знаков в кириллице обосновано различиями в их числовом значении, которое было поддержано в старорусских азбуках списком слов, рекомендуемых писать через з: зѡвѣздѡ, зѡвѣрь, зѡлѣ, зѡлѣхъ, зѡлѣй, зѡлѣй, зѡло¹⁰. Мужчина наиболее последователен в употреблении этой буквы в наречии, именующем ее: дождѣ зѡло инѣнъ ... ѡро зѡло инѣнѣ (22), всего 12 случаев. Другой корень, в котором он использует графему, – это зол (золѡ, золнѣ), созвучный с одним из слов списка: зѡлѣ ѡнновѣ жѡлн (26), кѡжѣ полѡжилн вѣзѡлѣ (35 об.). На пять написаний существительного с з приходится одно с з (11 об.), а дважды употребленный глагол

Если для мужчины ведущими графемами являются δ и ϕ , а ψ встречается единично, то для женщины при явном преобладании δ практически на равных употребляются ϕ и ψ . Ук она пишет во всех случаях (сг δ -д δ ный, н δ сг δ г δ в δ , с δ д δ , д δ ш δ к δ , п δ с δ х δ , д δ р δ з δ н δ ю – 1), в том числе в начале слова, но всегда после предлога: н δ м δ л δ ч δ к δ , с δ г δ р δ (8). Позиция для *ика* и *оника* – исключительно начальная, системы в их употреблении нет, ср.: ϕ ш δ л δ

2.3.6. Во многом сходная картина в дневниках с употреблением *ω*, *ο* и *о* – так называемого широкого *ο* (омеги круглой). Первая графема в старорусской письменности употреблялась в начале слов и после гласных, позже правилами церковнославянского письма ее закрепили за предлогами-приставками *ο* и *объ*, суффиксом *-ο* в наречиях, в именных формах множественного числа – корнях, суффиксах и окончаниях, чтобы различать омоформы (говорить красно – солнце красно, единь рогъ – безъ рогъ, Ѹченикомъ (гордиться) – (сказать) Ѹченикомъ и т.д.). *О* было вариантом *ο* при обозначении числа 70, но с употреблением в начале слова стало восприниматься вариантом омеги, что наблюдается и в наших источниках. Так, в ОЛ наиболее частотной буквой является *ο* (*он*), типичная позиция для которой – после согласных: тонниинкон морочокъ, холодно маленько дожжичокъ, кноче быенноло (8 об.). *Ω* употребляется в начале слов – как в приставках (картовки ωгрѣли – 16 об., ѳзбы ѡбзкладыѣл – 26 об., Ѳзеро ѡчистилося – 25 об., ѡглизло – 7 и др.), так и в корнях (ѡнеаръ – 15 об., ѡрѣхи – 33 об., ѡкошки – 7, ѡпѣтъ – 5 об., ѡѹры – 25 об., ѡнь – 28), а также после гласных – в иноязычных именах (геѡ – 25, ѡанна бѣглова – 25 об.) и после предлогов на гласный (навмѹтѣ – 34 об., зѡвзєро – 25 об.). В начальной позиции омега нередко замещается широким *ο*: Ѧбрѣникъ – 12, .ѧ. ѡктябрьѣ ѡкошки затыли – 19, Ѳзеро ѡчиѣтилося – 15, ѡблясокъ – 32 об., ѡнеаръ – 15 об., ѡблячно – 16 и др.), изредка – *ο* (*он*) (ѡзеро погниело, окошки затыли – 21, ѡenni пилили – 25), хотя в случаях с приставкой такие замены единичны (ѡчыѣ ѳзєѹ опшиѣл тєгоиѣ – 26 об., Ѳзеро вокръкъ ѡбошли – 27 об.), ср.: около ѳзєѡвъ ѡптаєло – 13 об., лѣнь надѣнѡѹ ѡпрѣли – 19 об. В целом же из 294 слов на начальное *ο* – примерно в 8 случаях из 10 употребляются *ω* или *ο*. Наиболее последовательно в ОЛ омега употребляется в лигатурном *от* – соответствующем предлоге и приставке: зчалло ѡберѣгл ѡедати лѣдѣх (14 об.), а также ѡперѣгло ѳню (10 об.), ѡ .ѧ. декабрьѣ (4), ѡгѣле (5), ѡправламилѣ (32 об.), ѡгвѣла (31), ѡмотыжилѣ (31), ѡжалниѣ (22 об.) и др.

Акающий говор женщины не позволил ей в полной мере проявить графическое варьирование в данном случае: ѡратниѣ, ахотники (1), ѳакошничка (2 об.), но есть все основания утверждать, что у нее прослеживается та же тенденция: *ο* употребляется повсеместно (ѧ ходѣла вгѣсти – 8 об., ѡниню пришлоѣ петѣ ѳве ѡветѣ сказ – 5), а *ω* и *ο* – в начальной позиции (ѡсталаѣ ѡдна коѹгома – 6 об., ѡче кѣм ходилѣ ѡведѣл – 8 об., ѡсталаѣ ѡдна согтарницѣ болной – 6, березнички ѡдебаютьѣ – 9 об.). Аналогично применяет женщина

2.3.7. Дублетными парами также выступали и и /і/, и и ѣ. Употребление *иже* (и десятиричного) в буквенной функции было ограничено дореволюционной, а ныне церковной орфографией позициями перед гласной и Ё, а также некоторыми лексикализированными случаями (*міръ, їромъ, хрѣстїмъ, єпїскопъ, Хрістоуъ* и др.), поэтому буква встречается в наших памятниках нечасто. Так, старец довольно последователен в исполнении этих правил: *братѣа прїѣхали* (15), *вознесенїе* (8), *фє-рзарїн* (4 об.), *роукїн* (18), *.ѧ .їмаѧ* (27) и др., однако их нарушения тоже возможны: *ждемъ братню* (20 об.), *молинѧ* (18 об.), *хнѣзѧ* (21), *мохъ таскали їголубѣн брали* (33). Изредка он использует букву между согласными (*дрова пилїлн – 11, воскресенїе – 27 об., зимова пшеїца зацвела/а бешна колосїтѣа зачала, дожїтокъ – 30*) и после гласного перед согласным (*земланїїка поспела – 30*), в конце слова (*последні перышки бышлин – 30*). С *иже* может начинаться одно из имен: *їоанна бїглова* (15), *їванъ ївановичь* (13 об., 21), ср. *їванъ* (5 об.), *ивановичь* (20 об.). Графические варианты допускают и некоторые другие слова: *їбан* (15) – *їбели* (15 об.), *їней* (33) – *иней* (15), *їюнь* (8) – *июнь* (16 об.). В КП при явной тенденции употребления *иже* перед гласными и Ё (*веселїа – 6, последний – 7*), отмечены и случаи замены ее на И в этих позициях, ср. *писала полученїе <...> нафомнно воскрїне* (1), *ѡ їмаѧ* (11 об.). Оба пишущих часто опускают краткую над и, тем самым делая эти графемы дублетами, в ОЛ: *бѣдѣ писати одной бѣжкон* (19) – *малѣнко прїгайвало* (14), *мін* (29 об.) и *мїи* (34 об.); в КП: *ѡн день веселын жсный* (1), *согтарїцян болнои* (Л. 6).

Выводы

1. Материал подтвердил высокую значимость для старообрядческой среды умения писать и читать «по-старинному» – в полууставной манере, ориентированной на книжные образцы священных текстов позднего старорусского письма. Этот тип записей, при всей их графической вариабельности, исполнен авторами дневников существенно аккуратнее встречающихся в проанализированных текстах редких скорописных вставок – крайне небрежных, плохо читаемых, что свидетельствует о приоритете полуустава для этого конфессионального сообщества.

4. Использование полустава в бытовых текстах служит дополнительным свидетельством конфессиональной значимости как собственно рукописания, так и создания памятников такого жанра: тип письма выступает не только маркером древлеправославной идентичности, но и выражением каноничности, важности внешне утилитарного произведения. Это позволяет увидеть в нем развитие летописного жанра, расцвет которого пришелся на дореформенный период и потому был воспринят старообрядцами как образцовый. Доказательством этому может служить распространенность подобных дневников в старообрядческой среде, типичные для летописи зачины записей¹¹, регулярный и клишированный характер последних, а также графическое оформление текста. Наблюдаемое подражание древней рукописной книге, внешние элементы которой (формат и разметка листов, слагаемые декора, тип письма) образуют ее паратекст [21. С. 77], допускает его выделение и у наших источников, что обосновывает введение понятий *конфессиональная прагматика текста*, *конфессионально маркированная лексика* / *грамматическая форма* / *графема*¹², требующее дополнительных изысканий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Это было строгое, почти вертикальное, четкое и убористое письмо, ориентированное на старопечатные шрифты, украшенное киновариантами инициалами с тонкими орнаментальными отроостками, иногда необычайно пышным» [2].

² «Почерк лучших гуслицких рукописей характеризуется пропорциональностью, красотой и некоторой вытянутостью букв. По сравнению с поморским полууставом он более крупный, с чуть заметным наклоном букв» [2].

³ «И всё же расценивать историю письма как главу палеографии было неверно: для этого в ней слишком много специально лингвистических вопросов» [9. С. 6].

⁴ В частности, публикаторы и исследователи Удорского старообрядческого дневника трех поколений семьи Рахмановых – Матевых – Палевых за 1858–1950 гг. (северо-западная территория Коми АССР) отмечают, что «стержнем повествования для авторов произведения являлись сведения, связанные с крестьянским земледельческим трудом, бытом, промыслами и т.п. В основном это календарные заметки фенологического характера, заметки о природных явлениях», подтверждающие или опровергающие связь разного рода примет с видами на урожай [16. С. 90].

⁵ Подобные написания при цитировании в статье передаются курсивом.

⁶ Под узальной нормой понимается «некоторая установка, существующая в сознании пишущего и устанавливаемая на основании узуса, но необязательно выдерживаемая в нем полностью» [9. С. 6].

⁷ На значимость этой стороны текстов указывал А.И. Соболевский в письме А.А. Шахматову: «Кажется, что переписчик списывает не особенно точно, т.е. опускает титла и надстрочные буквы пишет в строку. Вследствие этого желательно было бы, чтобы он при продолжении работы (пусть он продолжает и списывает другой №, указанный мною) был бы более точен и сохранял по возможности все особенности оригинала» (цит. по: [19. С. 10]).

⁸ Если не считать таковой общую небрежность сибирского письма, неоднократно отмечаемую исследователями.

⁹ Ср.: *кѣлѣкѣебъ день* (КП: 2 об.).

¹⁰ *словоу кѣлѣкѣу и слоу и слыху пиши сѣлоу* [13. С. 123].

¹¹ Напр.: *вѣ лѣто зѣлѣ, мѣца генварѣ* / *вѣ кѣ днь перешли совѣсемъ жить* / *надѣнѣбѣ, ѡнаѡзерѣ* / *жѣлѣн ѣ, лѣтѣ* (ОЛ: 32); *начинѣтѣ нѣкое лѣто зѣлѣ. мѣца сѣнтѣбрь четвѣртѣкъ* (ОЛ: 11).

¹² Выявляются на сопоставительной основе по типу *ѡмы ѣще пока жѣкѣ* / *вѣ трѣе сколь гѣдѣ тѣстѣ жѣтѣ* (КП: 9).

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачёв Д.С. Интервью 28.11.2006. URL: <http://edinslavie.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=546> (дата обращения 1.04.2021).
2. Каширина В.В. Орнамент старообрядческих рукописей. Поморье. Гуслицы : учеб.-метод. пособие. М. : Зетапринт, 2015. 56 с. URL: <https://starove.ru/news/issledovanie-ornament-starobryadcheskih-rukopisej-knigopisnye-shkoly/> (дата обращения 20.03.2021).
3. Бураева С.В. Книжно-рукописная традиция старообрядцев Забайкалья : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2006. 45 с.
4. Дутчак Е.Е. Полевая археография : учеб.-метод. пособие. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. 100 с.
5. Поздеева И.В. Книжность старообрядческого Верхотурья : истоки, читатели, судьбы. URL: <https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/99-1-0-429> (дата обращения 15.03.2021).
6. Волкова Т.Ф. Литературное творчество усть-цилемских крестьян в контексте печорской рукописно-книжной традиции: XVIII–XX вв. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2012. 27 с.
7. Подтуркина Е.А. Художественное оформление старообрядческой рукописной книги гуслицкого письма XVIII – XX вв. : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М. : МГУП, 2013. 26 с.
8. Есипова В.А. К вопросу об эволюции графики письма сибирских документов XVIII–XX вв. // Сибирские исторические исследования. 2017. № 4. С. 46–68.
9. Осипов Б.И. Судьбы русского письма: История русской графики, орфографии и пунктуации. Москва : Изд-во ИРЯ РАН ; Омск : ИЦ «Омский научный вестник», 2010. 320 с.
10. Кусмауль С.М. Эволюция функций знака каморы в богослужебных изданиях конца XVI – перв. пол. XVII в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. III: Филология. 2017. Вып. 51. С. 21–47.
11. Старикова Г.Н. «Женские записки» старообрядческой коллекции : к проблеме единства содержания и формы текста // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 9 : Филология. С. 35–39.
12. Толстова Г.А. Полуустав в XXI веке (письма Агафьи Лыковой в собрании Красноярского краевого краеведческого музея). 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск : ЛИТЕРА-принт, 2011. 140 с.
13. Бойко Е.С. Значимость надстрочных знаков в письменной культуре староверов // Кириллица – латиница – графиданца / под ред. Т.В. Шмелевой. Великий Новгород, 2009. С. 120–126.
14. Керов В.В. «Щета убытка и прибытка...» : хозяйственная книжность старообрядцев как форма конфессиональной письменной-книжной культуры // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1. С. 7–14.
15. Старикова Г.Н. Отражение конфессионального дискурса в дневниках старообрядцев // Вестник НГУ. Серия : История, филология. 2013. Т. 12, вып. 2 : Филология. С. 198–202.
16. Старообрядческий центр на Вашке. Устная и письменная традиция Удоры. Материалы и исследования / ред. и сост. А.Н. Власов. Сыктывкар : Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2002. 251 с.
17. Мальцев А.И. «Книга пасхальная» – берестяной старообрядческий дневник за 1956–1975 гг. // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск : Наука, 1998. С. 263–272.
18. Приль Л.Н. «Островной летописец» // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. Вып. VIII. С. 183–232.
19. Астахина Л.Ю. Лингвистическое источниковедение и историческая лексикология // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. III: Филология. 2008. № 11. С. 7–17.
20. Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. Л. : Изд-во АН СССР, 1928. 495 с.
21. Семенова Н.В. Паратекст древнерусской книги // Кириллица – латиница – графиданца / под ред. Т.В. Шмелевой. Великий Новгород, 2009. С. 77–87.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 12 сентября 2021 г.

Graphics of Old Believers' Domestic Manuscripts in the Aspect of Confessional Traditionalism

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 39–49.

DOI: 10.17223/15617793/470/5

Galina N. Starikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gstarikova@yandex.ru

Liu Si, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: liu.si644@yandex.ru

Keywords: graphics; late semi-uncial; script traditions; Old Belief; confessional traditionalism.

The article substantiates the introduction of the problem of graphics into linguistic research. The research material was two diaries of Tomsk Old Believers written by a man (in 1915–1923) and a woman (in 1956–1975) in the late semi-uncial. These texts have graphic and content archaic elements. They use a specific chronology, the September year, the overnight boundary (the generally accepted 6 p.m.). These and some other features are considered as symbols of confessional traditionalism. The material confirms the high significance of the late semi-uncial, which follows book samples of the sacred texts of the late Old Russian writing, for Old Believers. Notes in this script, with all its graphic variation, are much neater than the rare cursive inserts, extremely sloppy and hardly readable, in the analyzed texts. This indicates the priority of the semi-uncial script for this confessional community. The texts reflect such traditional features of the late semi-uncial as the alphabetic numeral system, frequent concatenation, various abbreviations, diacritics, simplified punctuation, broken geometry principle of writing, proportionality of graphemes, their angularity, the absence of hyphenation and some letters (ж and ѳ), changes in writing letters. The comparison of graphics from the diaries written in different time periods showed its simplification in the woman's diary. The woman is inconsistent in the use of the final hard sign; she uses superscripts rarely and inconsistently, etc. All these features show us the influence of the cursive on the late semi-uncial because some graphemes in her texts are clearly comparable to the civil cursive. The influence of the civil script and the erosion of the tradition of the semi-uncial one is the evidence of the poorly differentiated use of graphic doublets, the significantly greater functional load of the civil versions of the letters, errors in the titling of words, as well as the absence of the Yat letter in the woman's alphabet. The use of the semi-uncial in domestic texts is the marker of the confessional significance of the handwriting and texts of the genre. It allows clarifying the development of the chronicle genre, which flourished in the pre-Reformation period and which Old Believers consider an exemplary one. This can be proved by the prevalence of such diaries in the Old Believers' environment, the beginnings of records typical for chronicles, the cliched nature of the records, as well as the graphic design of the text.

REFERENCES

1. Likhachev, D.S. (2006) *Interv'yu* [Interview]. [Online] Available from: <http://edinoslavie.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=546> (Accessed: 1.04.2021). (In Russian).
2. Kashirina, V.V. (2015) *Ornament staroobryadcheskih rukopisey* [Ornament of Old Believers' manuscripts]. Moscow: Zetaprint. [Online] Available from: <https://starove.ru/news/issledovanie-ornament-staroobryadcheskih-rukopisey-knigopisnye-shkoly/> (Accessed: 20.03.2021).
3. Buraeva, S.V. (2006) *Knizhno-rukopisnaya traditsiya staroobryadtsev Zabaykal'ya* [The Book and Handwritten Tradition of Old Believers of Transbaikalia]. Abstract of History Dr. Diss. Ulan-Ude.
4. Dutchak, E.E. (2018) *Polevaya arkheografiya* [Field archaeography]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Pozdeeva, I.V. (n.d.) *Knizhnost' staroobryadcheskogo Verkhokam'ya: istoki, chitateli, sud'by* [Old Believers' Books in the Upper Kama Region: Origins, Readers, and Fates.]. [Online] Available from: <https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/99-1-0-429> (Accessed: 15.03.2021).
6. Volkova, T.F. (2012) *Literaturnoe tvorchestvo ust'-tsilemskikh krest'yan v kontekste pechorskoy rukopisno-knizhnoy traditsii: XVIII–XX vv.* [Literary Works of Ust-Tsilemsk Peasants in the Context of the Pechora Manuscript and Book Tradition: 18th–20th Centuries]. Abstract of Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.
7. Podturkina, E.A. (2013) *Khudozhestvennoe oformlenie staroobryadcheskoy rukopisnoy knigi guslitskogo pis'ma XVIII–XX vv.* [Artistic design of the Old Believers' manuscript book of Guslitsky script of the 18th–20th centuries]. Abstract of Art History Cand. Diss. Moscow.
8. Esipova, V.A. (2017) On the evolution of graphic styles of siberian documents written in the XVIII to the XX centuries. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 4. pp. 46–68. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/18/4
9. Osipov, B.I. (2010) *Sud'by russkogo pis'ma: Istoriya russkoy grafiki. orfografii i punktuatsii* [The Fates of Russian Writing: History of Russian Graphics, Orthography, and Punctuation]. Moscow; Omsk: Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences; Omsk Scientific Bulletin.
10. Kusmaul', S.M. (2017) Evolyutsiya funktsiy znaka kamory v bogoslužebnykh izdaniyakh kontsa XVI – perv. pol. XVII v. [The evolution of the functions of the camora sign in liturgical publications of the late 16th – first half of the 17th centuries]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. III: Filologiya*. 51. pp. 21–47.
11. Starikova, G.N. (2011) "Women's notes" of the Old Believers' collection: The problem of the unity of the content and design of the text. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 10 (9). pp. 35–39. (In Russian).
12. Tolstova, G.A. (2011) *Poluustav v XXI veke (pis'ma Agaf'i Lykovoy v sobranii Krasnoyarskogo kraevogo kraevedcheskogo muzeya)* [Semi-uncial in the 21st century (Agafia Lykova's letters in the collection of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore)] Krasnoyarsk: LITERA-print.
13. Boyko, E.S. (2009) Znachimost' nadstrochnykh znakov v pis'mennoy kul'ture staroverov [The Significance of Superscripts in Old Believers' Writing Culture]. In: Shmeleva, T.V. (ed.) *Kirillitsa – latinitsa – grazhdanitsa* [Cyrillic Script – Latin Script – Citizen Script]. Velikiy Novgorod: Novgorod State University. pp. 120–126.
14. Kerov, V.V. (2013) Loss and Profit Accounts: Economic Bookishness of Old Believers as Form of Confessional Written and Book Culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1. pp. 7–14. (In Russian).
15. Starikova, G.N. (2013) The Reflection of Confessional Discourse in Old Believers' Diaries. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 12 (2). pp. 198–202. (In Russian).
16. Vlasov, A.N. (ed.) (2002) *Staroobryadcheskiy tsentr na Vashke. Ustnaya i pis'mennaya traditsiya Udory. Materialy i issledovaniya* [Old Believers' Center on the Vashka River. The oral and written tradition of Udora. Materials and research]. Syktyvkar: Syktyvkar State University.
17. Mal'tsev, A.I. (1998) "Kniga paskhalnaya" – berestyanoy staroobryadcheskiy dnevnik za 1956 – 1975 gg. [The Paschal Book: A birch bark Old Believers' diary of 1956–1975]. In: *Istoriya russkoy dukhovnoy kul'tury v rukopisnom nasledii XVI–XX vv.* [History of Russian Spiritual Culture in the manuscript heritage of the 16th–20th centuries]. Novosibirsk: Nauka. pp. 263–272
18. Pri'l', L.N. (1995) Ostrovnoy letopisets [Island chronicler]. In: Dmitrienko, N.M. (ed.) *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo ob'yedinenogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk State Unified Historical and Architectural Museum]. Vol. VIII. Tomsk: Tomsk State University. pp. 183–222.
19. Astakhina, L.Yu. (2008) Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoricheskaya leksikologiya [Linguistic source study and historical lexicology]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 3: Filologiya*. 11. pp. 7–17.
20. Karskiy, E.F. (1928) *Slavyanskaya kirillovskaya paleografiya* [The Slavic Cyrillic paleography]. Leningrad: USSR AS.
21. Semenova, N.V. (2009) Paratekst drevnerusskoy knigi [Paratext of the Old Russian book]. In: Shmeleva, T.V. (ed.) *Kirillitsa – latinitsa – grazhdanitsa* [Cyrillic Script – Latin Script – Citizen Script]. Velikiy Novgorod: Novgorod State University. pp. 77–87.

Received: 12 September 2021

Н.А. Трофимова, О.Г. Щитова

НОВЕЙШИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОЙ СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ XXI в.

Исследуется новейшая иноязычная строительная лексика, вошедшая в русский язык в конце XX – начале XXI в. Материалом для исследования послужили профессиональные тексты по строительству, терминологические словари и стандарты. Выявлены источники заимствования и представлена типология иноязычных номинаций. Выделены лексические, морфемные, синтаксические, семантические и комбинированные заимствования. Приведены примеры функционирования данных лексических единиц в профессиональной интернет-коммуникации.

Ключевые слова: строительная терминология; лексические заимствования; кальки; полукальки; русский язык.

Введение

В настоящее время в связи с развитием новых технологий и расширением межкультурного сотрудничества в профессиональной сфере, все более интенсивным становится процесс вхождения элементов неисконного происхождения в русский язык. Наиболее широко лингвистические заимствования отражены в профессиональной коммуникации, в языке для специальных целей, который является «функциональной разновидностью языка, обслуживающей профессиональное общение» [1. С. 359]. Развитие теории языка для специальных целей способствовало формированию одного из важнейших направлений современного языкознания – терминоведения. Теоретические основы терминоведения были сформулированы в работах Д.С. Лотте, А.А. Реформатского, В.П. Даниленко, Т.Л. Канделаки, Б.Н. Головина, Р.Ю. Кобрина, В.М. Лейчика, С.В. Гринёва-Гриневича, В.А. Татарина, Д.С. Шелов и др. [2. С. 108].

Развитие международного взаимодействия в области строительства способствует активному пополнению строительной терминосистемы иноязычными специальными наименованиями, в том числе номинациями новейших строительных технологий, обозначающих процессы, методы и материалы, используемые в профессиональной сфере. Данные специальные лексемы недостаточно изучены в терминоведении и не получили лексикографической фиксации.

Цель данной работы – выявление и описание новейших иноязычных обозначений строительных технологий в русской терминологии сферы строительства, а также построение типологии данных номинаций. В задачи исследования входит отбор материала, определение источников и времени заимствования анализируемых номинаций в русский язык, их семантики, а также построение типологии иноязычных терминологических единиц.

В качестве материала данной работы выступают новейшие иноязычные номинации строительных технологий, появившиеся в русском языке, начиная с 1990-х гг. по настоящее время. Источниками материала послужили строительные терминологические словари, энциклопедии, учебники, коммерческие каталоги, профессиональные веб-сайты о строительстве на русском и иностранных языках, ГОСТы, научные публикации и др. Для установления времени заимствования анализируемых номинаций использованы

данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), лексикографические и иные источники. Всего для исследования было отобрано более 210 новейших иноязычных номинаций. В данной работе рассматриваются новейшие лексические единицы подязыка строительства, а также общетехнические и смежные термины, активно функционирующие в профессиональном строительном дискурсе.

Под новейшими заимствованиями понимаются лексические единицы неисконного происхождения, которые функционируют в русском языке с 1990-х гг. по настоящее время [3. С. 279].

Терминология – «естественно сложившаяся совокупность терминов определенной области знания или ее фрагмента» [4. С. 16]. Термин – лексическая единица языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности [5. С. 31–32].

Методология исследования

Методологической основой данного исследования послужили труды российских и зарубежных ученых, посвященные проблемам лингвоконтактологии и терминоведения. Основоположником теории терминологического заимствования в России является Д.С. Лотте. Он выделяет «заимствования в чистом виде» и трансформируемые заимствования.

Заимствование в чистом виде означает полный переход слова в язык-реципиент (без морфемных субституций); при трансформируемых заимствованиях происходит изменение морфем, входящих в состав слова [6. С. 10–11]. Эти два вида заимствования лингвист объединяет термином «оригинальные заимствования». Среди лексики сферы строительства можно привести следующий пример оригинального заимствования: рус. *фитинг* ‘соединительная часть трубопровода, устанавливаемая в местах разветвлений звеньев труб’ [7. С. 349] < англ. fitting ‘то же’. По мнению лингвиста, заимствования-переводы иностранных слов и сочетаний (по традиционной терминологии – кальки) также относятся к заимствованиям, которые он называет переводными. Среди них Д.С. Лотте выделяет буквальные и трансформируемые переводные заимствования [6. С. 12].

Букральные переводные заимствования образуются по модели построения иностранного слова или

словосочетания. Примером такого типа заимствования в сфере строительства является термин *плавающий пол* 'конструкция, опирающиеся на упругий слой или монтажные узлы и обеспечивающая звуко- и виброизоляцию' [8], представляющий собой синтаксическую кальку швед. flytende golv 'то же' (данная технология была изобретена в Швеции [9]).

К трансформируемым переводным заимствованиям Д.С. Лотте относит такие, которые «представляют собою не просто точно переведенные эквиваленты, а преобразуемые в момент перевода слова или словосочетания» [6. С. 13]. Трансформация может проявляться в замене сложного слова словосочетанием, изменении порядка слов или изменении типа конструкции, например рус. *цементная матрица, армированная тканью* является эквивалентом англ. Fabric-Reinforced Cementitious Matrix, дословно: 'текстилем армированная цементная матрица' [10]. Данный пример иллюстрирует изменение порядка слов в процессе перевода словосочетания с английского языка на русский.

Э. Хауген утверждает, что все иноязычные слова делятся на *заимствования* (*loanwords*) – слова, морфологически не адаптированные, в которых происходит переход из одного языка в другой и значения, и формы слова, – а также *заимствования-сдвиги* (*loanshifts*) – полностью морфологически адаптированные заимствования. Среди морфологически не адаптированных слов лингвист выделяет *собственно заимствования* (*pure loanwords*) и *гибридные заимствования* (*loanblends*). Собственно заимствования предполагают полный переход слова в принимающий язык, а гибридные частично заимствуют морфемы иностранного слова. Заимствования-сдвиги (*loanshifts*) – слова с полной морфемной субституцией (*morphemic substitution*) – в свою очередь, также подразделяются на заимствования-расширения (*loan extensions*), в которых происходит семантическое расширение слова, и заимствования-создания (*loan creations*) – новые единицы языка, образованные по модели слова-источника [11. С. 354]. Если сопоставить данные термины с принятыми русскими обозначениями, то можно отметить, что собственно заимствования представляют собой лексические заимствования, гибридные заимствования соответствуют трансформированным заимствованиям (по Д.С. Лотте), заимствования-расширения частично соотносятся с семантическими заимствованиями, а заимствования-создания – это кальки.

С.В. Гринев-Гриневич выделяет материальное заимствование и его типы: лексическое, формальное и морфологическое [4. С. 154]. При лексическом заимствовании из иностранного языка переносится и материальная сторона слова, и его содержание, например рус. *чиллер* 'охлаждающее оборудование в системе кондиционирования' [12] < англ. chiller 'то же'. Формальное заимствование предполагает переход в принимающий язык материальной формы иностранного слова с новым значением. Морфологическое заимствование – это транспонирование в язык-реципиент иностранных словообразовательных морфем, например морфемы *фальш-* (заимствованной из нем. falsch 'поддельный, фальшивый, ложный') в со-

ставе новейшей номинации, не зафиксированной в НКРЯ, *фальшбрус* 'имитация бруса' [13]. Морфема *falsch-* функционирует в немецкой строительной терминологии: Falschdecke 'фальш-потолок'.

Кроме того, С.В. Гринев-Гриневич традиционно выделяет *калькирование* терминов и определяет его как заимствование структуры и значения слова без заимствования его материальной стороны. Лингвист разграничивает словообразовательное калькирование, при котором происходит заимствование лексемы, фразеологическое калькирование, т.е. перевод компонентов иностранной фразы, и семантическое, при котором исконное слово приобретает новое значение, свойственное иностранной лексеме [4. С. 155]. С.В. Гринев-Гриневич выделяет также смешанное калькирование, которое предполагает перевод части иностранной лексемы, вторая же часть остается непереуведенной. Выделяются две разновидности смешанного калькирования: гибридное заимствование и полузаимствование. При гибридном заимствовании происходит материальное заимствование части слова, вторая часть калькируется, полузаимствование предполагает заимствование части слова, в то время как вторая часть существует в языке. Мы не выделяем «формальное заимствование, при котором заимствуется только материальная форма слова, наполняемая новым содержанием в принимающем языке» [4. С. 154], поскольку очевидна возможность семантических изменений иноязычной лексической единицы в процессе ее заимствования и ассимиляции в языке-реципиенте.

Типологию заимствований, разработанную Л.П. Крысиным, составляют следующие типы заимствований: лексическое заимствование, фонемное и морфемное заимствование, а также синтаксическое (структурно-синтаксическое) и калькирование [14. С. 24–25]. При этом лингвист отмечает, что все данные типы заимствования находятся в иерархической взаимосвязи.

А.И. Дьяков, исследуя англицизмы, выделяет различные типы заимствований (проиллюстрируем данную классификацию примерами номинаций из сферы строительства):

1) транскрибированные, при которых передается фонемная форма слова: рус. *таунхаус* < англ. town-house 'небольшой дом в городе';

2) транслитерированные, которые передают графическую форму слова без учета фонетической стороны: рус. *фанкойл* 'устройство системы кондиционирования, в котором происходит охлаждение воздуха за счет циркулирующего через теплообменник хладагента' [15] < англ. fan coil [fænkɔɪl] 'то же' [12];

3) калькированные (на уровне графем, морфем, аффиксов, лексем и т.д.): рус. *самодостаточный дом* 'экологический дом с автономной системой электро-снабжения' < англ. self-sufficient house 'то же';

4) трансплантированные – заимствования, сохранившие свою иноязычную графическую форму: *Contour Crafting* 'контурное моделирование';

5) комбинированные, где один компонент английского слова транслитерируется/транскрибируется, а другой – калькируется: рус. *3D-печать* < англ. 3D-print [16. С. 73; ср.: 17. С. 43].

В зарубежной лингвистике проблемой заимствования занимаются в основном европейские лингвисты, в частности ученые из Германии. Наиболее продуктивными исследователями в области заимствования в настоящее время являются М. Хаспельмат, Я. Вольгемут, Ш. Поплак и др.

М. Хаспельмат определяет заимствование как слово, перешедшее из одного языка в другой на каком-либо этапе своего развития [18. С. 36]. В своей работе «Loanwords in the World's Languages» М. Хаспельмат рассматривает преимущественно лексические заимствования, уделяя внимание также материальным и структурным заимствованиям. Он определяет материальное заимствование как переход лексемы, ее основы, аффиксов или даже целых фраз в принимающий язык, в то время как структурное заимствование подразумевает под собой копирование целых синтаксических, морфологических или семантических структур [18. С. 39]. Лингвист в целом придерживается типологии, разработанной Э. Хаугеном, выделяя также кальки и полукальки.

Отметим некоторые особенности в сопоставлении русской и англоязычной терминологии лингвоконтактологии. В русском языке термин *заимствование* используется в широком смысле, однако в английской терминологии есть два термина, обозначающих понятие заимствования: *borrowing* и *loanword*. М. Хаспельмат утверждает, что термин *borrowing* имеет более широкое значение, так как он включает в себя все типы заимствования на разных уровнях языка. Такого же мнения придерживается и Я. Вольгемут, утверждая, что термин *loanword* является более узким понятием, чем *borrowing*, и обозначает лексему, заимствованную из другого языка [19. С. 53].

В современных зарубежных лингводидактических источниках также существует четкое разграничение понятий *borrowing* и *loanword*. Так, «The Concise Oxford Dictionary of Linguistics» [20. P. 27, 126] и «The Cambridge Dictionary of Linguistics» [21. P. 54, 271] определяют *loanword* как слово, перешедшее в другой язык в процессе заимствования, в то время как *borrowings* представляют собой слова, фразы и даже целые конструкции, заимствованные из одного языка в другой.

Язык, из которого заимствуется слово, принято называть *языком-источником/языком-донором* (в иностранной терминологии *donor language*), а язык, в который переходит слово, обозначается терминами *принимающий язык/язык-реципиент* (*recipient language*). *Язык-посредник* служит передаточным звеном, выполняет роль промежуточного компонента в процессе заимствования слова из одного языка в другой, из языка-источника в язык-реципиент. В иностранной литературе функционируют и другие термины: *source/model language* (язык-источник) и *replica language* (принимающий язык) [18. С. 36; 22. С. 2].

В данной статье разработана типология заимствований, в которой используются следующие термины: **лексические, морфемные, синтаксические, комбинированные** заимствования, а также **семантические** заимствования (**словообразовательные и синтаксические кальки и полукальки**). Лексические заим-

ствования делятся на виды по разным основаниям. С точки зрения морфемной субституции мы выделяем **нетрансформированные** (без морфемной субституции) и **трансформированные** (заимствованные при наличии морфемной субституции) лексические заимствования; с точки зрения графического/фонетического облика лексические заимствования в терминологии строительства делятся:

1) на **транскрибированные**, у которых графика принимающего языка отражает фонемную сторону слова языка-источника;

2) **транслитерированные**, передающие русскими графическими средствами графическую форму (написание) иностранного эквивалента без учета фонемной;

3) **иноязычные вкрапления**, сохраняющие графику языка-источника;

4) **смешанные**, сочетающие в себе признаки транскрипции/транслитерации / иноязычных вкраплений (ср.: [23. С. 50]).

Говоря о процессе семантического заимствования (у Д.С. Лотте – переводное заимствование), мы используем термин *калькирование* и разграничиваем следующие виды калькирования: структурное (словообразовательное и синтаксическое) и семантическое. Структурное калькирование может быть полным и неполным; результатом неполного калькирования являются полукальки [24. С. 175]. В данной статье рассмотрены структурные кальки и полукальки.

В работе применялись приемы описательного и сравнительно-сопоставительного методов лингвистики: наблюдение, интерпретация, сопоставление, классификация, количественного, дефиниционного, компонентного, дистрибутивного и контекстного анализов; отбор материала проводился приемом сплошной выборки из текстов профессиональной коммуникации.

Методика исследования новейших заимствований сферы строительства состоит из следующих этапов:

1) выделение новейших иноязычных единиц методом сплошной выборки из текстов профессиональной коммуникации, лексикографических и иных источников;

2) составление корпуса терминологических единиц;

3) верификация времени заимствования по НКРЯ, лексикографическим и иным источникам;

4) проверка данных номинаций на предмет фиксации в терминологических словарях, ГОСТах по строительству и НКРЯ;

5) выявление источника заимствования иноязычных специальных единиц, который «определяется по принадлежности языку, из которого непосредственно приходит слово, основа, морфема» [25]. В работе определяется преимущественно ближайший источник заимствования, поскольку сопоставление русской лексики с ее иноязычным эквивалентом позволяет определить наличие/отсутствия трансформаций, произошедших в процессе вхождения номинации именно в русский язык, для дальнейшей квалификации русского термина-заимствования в аспекте его типологии. Для выявления источника заимствования профессиональной лексики использовались данные по истории появления и развития строительных техноло-

гий и конструкций, представленные на сайтах русских и зарубежных строительных компаний, а также информационных порталах по строительству [26–33];

6) квалификация каждой терминологической единицы по типу заимствований и построение типологии анализируемых номинаций в терминологии строительства;

7) дефиниционная характеристика специальных единиц в русском языке;

8) проведение сопоставительного анализа семантики данных номинаций и их иноязычных эквивалентов;

9) иллюстрация функционирования новейших лексических номинаций в профессиональной коммуникации на материале текстов профессиональных сайтов и форумов, посвящённых строительству; подбор актуализирующего контекста, эксплицирующего смысловые компоненты лексемы.

Результаты исследования

Анализ новейших строительных номинаций выявил следующие типы профессиональных языковых единиц сферы строительства, имеющих неисконное происхождение: лексические, морфемные, синтаксические, семантические и комбинированные заимствования.

1. **Лексические заимствования** предполагают переход в язык-реципиент как формы, так и содержания слова языка-источника или языка-посредника. Данный тип заимствования составляет примерно 38% от общего количества проанализированных иноязычных номинаций. Около 90% проанализированных лексических заимствований вошли в русский язык из английского. Такие слова называют англицизмами, это «слова, заимствованные из английского языка» [34. С. 35].

1.1. Среди строительной терминологии отмечены **транслитерированные** заимствования, отражающие средствами языка-реципиента графическую форму слова языка-источника, а не фонетическую.

Например, не зафиксированный в НКРЯ термин **фанкойл** ‘оборудование в виде блока, используемое для фильтрации наружного воздуха с последующей подачей и циркуляцией внутри помещений’ [10], заимствованный из англ. fan coil [ˈfæn kɔɪl] ‘то же’ [12]: *Конструкция фанкойла обеспечивает подачу не только наружного обработанного воздуха. Также предусмотрена функция смешения, когда частично воздух из помещения забирается через дополнительный канал обратно в систему фанкойла.* 2020 г. [10]. Данный пример показывает, что переход слова из английского языка в русский произошёл письменным путем без учета фонетической стороны слова языка-источника.

Транслитерированными заимствованиями являются также и следующие номинации: рус. **армстронг** ‘система подвесного потолка, разработанная американской компанией «Армстронг»’ и продвинутая на российском рынке с начала XXI века [35] <англ. Armstrong [ˈɑːmstrɒŋ] ‘название компании подвесных потолков из США’: *Несмотря на то, что это название компании (Armstrong Holdings) – американского*

производителя подвесных потолков, армстронгом называют саму систему, когда конструкция состоит из металлического каркаса и панелей подвесного потолка. 2020 г. [35].

1.2. К **транскрибированным** лексическим заимствованиям, отражающим произношение иноязычного эквивалента русскими графическими средствами, относятся слова, прошедшие устный путь заимствования. Таков строительный термин **блок-хаус/блок-хаус** (не зафиксирован в НКРЯ) ‘доска для отделки зданий, имитирующая оцилиндрованное бревно’, заимствованный из нем. Blockhaus ‘дом из бревён’ [36] или англ. blockhouse [ˈblɒkhaʊs] ‘дом, сложенный из бревен’ [37]: *Блок-хаус является видом вагонки и возник после её популяризации, в начале 1990-х годов. Новый вид пиломатериала быстро завоевал рынок Европы, а затем и постсоветского пространства.* 2020 г. [38]. В текстах профессиональной коммуникации встречаются формальные варианты данного заимствования, представляющие подтип графических вариантов [39].

1.3. К разряду **смешанных** лексических заимствований, объединяющих в себе черты транскрипции и транслитерации, относятся термины: рус. **сайдинг** (в НКРЯ – с 2004 г.) ‘наружный обшивочный материал, изготовленный из дерева, пластика’ [40. С. 541] <англ. siding [ˈsaɪdɪŋ] ‘то же’: *...сайдинг отлично подходит для дома с дефектами и неровностями стен, поскольку при его использовании не требуется предварительная чистовая подготовка стены.* 2014 г. [31]; рус. **декинг** ‘строганая террасная доска’ (не зафиксировано в НКРЯ) <англ. decking [ˈdekɪŋ] ‘то же’. Приведем пример функционирования данной лексической номинации в интернет-дискурсе: *Для отделки фасадов использованы светлая штукатурка, натуральный камень, дерево благородно-серого оттенка, светлый декинг на террасах.* 2017 г. [31]; рус. **клардинг** ‘наружная облицовка зданий’ <англ. cladding [ˈklædɪŋ]; рус. **флэшинг** ‘технология изготовления кирпича’ <англ. flashing [ˈflæʃɪŋ]; рус. **фитинг** ‘соединительный элемент трубопровода’ <англ. fitting [ˈfɪtɪŋ] и др. Следует отметить активное вхождение в русский язык наименований строительных технологий, произошедших от английских отглагольных существительных с аффиксом *-ing*.

1.4. Иноязычные обозначения новейших технологий в области строительства нередко являются **иноязычными вкраплениями**, сохраняющими графику языка-источника или языка-посредника: **технология/метод Top-Down** ‘метод одновременного строительства котлована, подземного пространства и фундамента здания, когда здание строится сверху вниз’ [41. С. 148], англ. top down дословно переводится ‘сверху вниз’: *В проекте – устройство заглублённых сооружений внутри плотной исторической застройки, поэтому работы ведутся новым методом подземного строительства «Top-Down»: pilotная плита выполняется на уровне земли с одновременным углублением и отливкой бетонных конструкций, строительством и реконструкцией зданий выше этого уровня.* 2020 г. [31]. Примером иноязычного вкрапления для обозначения инновационной технологии является

также номинация *method Jet Grouting* (англ. jet grouting ‘струйная цементация’): *Суть метода Jet Grouting – параллельное разрушение породы и перемешивание грунта и стабилизирующего раствора... Прогрессивный метод не только отличается эффективностью, но и позволяет экономить ресурсы, одновременно выполняя две технологические операции.* 2019 г. [42]. Хотя в русском языке и существует русскоязычный эквивалент данного иноязычного вкрапления *Jet Grouting – струйная цементация грунта*, в интернет-дискурсе более частотно именно данное иноязычное вкрапление или частично графически освоенное *Jet цементация* [42].

С развитием новейших технологий те или иные явления не сразу находят вербальное выражение в языке, вследствие чего наблюдаются безэквивалентные термины, соотносимые с лексическими лакунами сопоставляемого языка. Под лакунной понимается «отсутствие полного эквивалента в одном языке по отношению к определенной языковой единице сопоставляемого языка» [43. С. 161].

В ходе анализа современной строительной терминологии в русских текстах был обнаружен термин, представляющий собой иноязычное вкрапление, – *plyscrapper* ‘небоскреб, построенный из специального вида древесины (поперечно-клееной и других видов)’, который мотивирован в английском языке словами *ply* ‘фанера’ и *skyscraper* ‘небоскреб’. Данное иноязычное вкрапление не имеет исконного или ранее заимствованного лексического эквивалента в русском языке, заполняющего данную лексическую лакуну. Приведем пример использования иноязычного вкрапления в современном интернет-дискурсе: *Общественное Канадского университета Британской Колумбии стало самым высоким деревянным зданием в мире... в английском языке даже придумали специальное слово для обозначения таких строений – plyscrapper.* 2016 г. [44]. *Еще один несомненный плюс plyscrapers – их экологичность. Как известно, производство бетона сопровождается значительными выбросами в атмосферу CO₂, в то время как древесина, наоборот, его поглощает.* 2017 г. [45]. Поскольку на сегодняшний день в русском языке не существует эквивалента данной лексической единицы, в интернет-дискурсе, наряду с иноязычным вкраплением *plyscrapper*, можно встретить описательные обозначения данного вида здания: «деревянная многоэтажка», «многоэтажка из древесины», «деревянный небоскреб» и т.д. Очевидно, что наблюдаемый случай иллюстрирует начальный этап заимствования специальной номинации.

Анализируя лексические заимствования с точки зрения наличия/отсутствия морфемной субституции в процессе перехода термина из одного языка в другой, делаем вывод о том, что все предыдущие рассмотренные виды заимствований (транскрибированные и транслитерированные) относятся к типу **не-трансформированных** лексических заимствований.

1.5. Кроме того, в современной строительной терминологии наблюдается процесс замещения аффиксов языка-источника на аффиксы принимающего языка (морфемная субституция – *morphemic substitution*, по терминологии Э. Хаугена [11. С. 353]). Термины,

морфологически оформленные при помощи морфем частеречной принадлежности в принимающем языке, относятся к типу **трансформированных** заимствований. Примерами таких заимствований в строительной терминологии являются следующие номинации: **префабрикация**, **транслюцентный**, **инжецировать** и под. Остановимся на некоторых более подробно: в процессе заимствования русского термина **префабрикация** ‘способ быстрой постройки здания из заранее изготовленных материалов; модульное строительство’ [31] из англ. *prefabrication* (восходящего к лат. *prae* ‘перед’ и *fabricatus* ‘изготовленный’) произошла замена английского суффикса *-tion-* на русский *-ция-*, характерный для абстрактных существительных: *Ожидается, что в России префабрикация станет стандартом приблизительно в ближайшие 5 лет. В частности, сегодня ее развивает компания КНАУФ, построившая в Красногорске завод для производства элементов и модулей.* 2016 г. [31]. Страной – прародительницей модульных строений современного облика считаются США [27].

Русское прилагательное, входящее в состав терминологического словосочетания **транслюцентный** (потолок) ‘светопроводящий’, восходящее к лат. *translucens, ntis* ‘прозрачный’, оформлено при помощи аффиксального суффикса *-н-*: *Но особо эффектно смотрятся транслюцентные потолки, оборудованные размещаемой за натяжной пленкой подсветкой.* 2018 г. [46]. В большинстве случаев специальные единицы заимствуются в русский подязык сферы строительства в единстве формы и значения.

2. К **морфемным** заимствованиям (16% от общего количества проанализированных терминов) относятся иноязычные словообразовательные или корневые морфемы, используемые для образования новых слов в языке-реципиенте. Примером морфемного заимствования в строительной терминологии может служить интернациональный префикс **ультра-** (восходящий к лат. *ultra-* ‘сверх-’) в составе термина **ультрабетон** ‘сверхпрочная бетонная смесь на основе портландцемента, представляющая собой плотно сжатые окатыши сферической формы’, не зафиксированного в НКРЯ: *Главное отличие ультрабетона от обычных марок – это то, что на промежуточной стадии производства он представляет собой окатыши (шарики) диаметром от 2 до 5 см.* 2019 г. [47]. Для сравнения приведём обозначение особопрочного клея с таким же префиксом – **ультраклей** (не зафиксировано в НКРЯ). Префикс *ultra-* широко функционирует в международной строительной терминологии, связанной с названиями новейших технологий: англ. *ultra-high-strength* ‘сверхвысокопрочный, особовысокопрочный’; *ultra-fine glass cloth* ‘холст из ультрасупертонкого стекловолокна’ и др. [48]. Другим примером морфемного заимствования является интернациональный префикс **супер-** (восходящий к лат. *super* ‘вверху; поверх’; ср. англ. *super* ‘отличный, высокого качества’ для обозначения новых строительных материалов, например, **суперпол** (нет в НКРЯ): *Лучше использовать классический вариант, убрать ОСБ, сделать засыпку из керамзита и уложить панели суперпола.* 2020 г. [49]. На примере данной лексемы

наблюдаем использование иноязычного аффикса для построения нового слова в русском языке. Широкое распространение в русской строительной терминологии получил также интернациональный аффикс **анти-** (восходящий к греч. ἀντι- ‘против’), ср. английский строительный термин *anti-rot substance* ‘антисептик’ [48]. Данное морфемное заимствование (префикс) участвует в образовании новых слов, номинирующих современные строительные технологии. Примеры подобного рода – **антиплесень, антисептик**: *Нужно высверлить отверстия в поврежденных местах, обработать антиплесенью и антисептиком и защитить обратно вагонкой, на этот раз без подкладки.* 2020 г. [49]. При помощи корневой морфемы **-фибр-**, восходящей к лат. слову *fibra* ‘волокно’, образовано название инновационного строительного материала **фибробетон**, зафиксированного в НКРЯ с 2007 г. Это бетон повышенной прочности, армированный стальными волокнами (фиброй), технология изготовления которого разработана в России в начале 2000-х гг. [28]. *Какие же антисейсмические системы существуют? Наиболее распространенным и часто применяемым является так называемый «фибробетон», в котором в качестве арматуры используется множество небольших стальных проволонок, что делает этот материал в несколько раз прочнее обычного железобетона.* 2017 г. [31].

3. **Синтаксическими** заимствованиями (4 % от общего количества иноязычных слов) называются терминологические словосочетания, восходящие к неоднословным терминам иностранного языка, например: рус. **виниловый сайдинг** ‘тип облицовочного материала, выполненного из винила’ <англ. *vinyl siding* ‘то же’>: *Новый виниловый сайдинг уже не утрачивает цвет так же быстро, как винил старого образца...* 2017 г. [10]; рус. **композитный декинг** ‘вид террасной доски, изготовленный из древесно-полимерной смеси’ <англ. *composite decking* ‘то же’>: *Композитный декинг – это эволюционный шаг вперед для террасной доски. Он содержит небольшую часть органических материалов, таких как клетчатку дерева, снижая риск образования плесени и гнили.* 2014 г. [50].

4. **Семантические заимствования** (около 40% от общего количества иноязычных терминов) – новые слова и выражения, образованные путем замены слов языка-источника на соответствующие эквиваленты принимающего языка, при сохранении структуры иностранной единицы [6. С. 10]. Семантические заимствования получили название калек, которые делятся на структурные и семантические кальки и полукальки. Среди структурных калек мы выделяем словообразовательные и синтаксические кальки и полукальки.

4.1. **Словообразовательные** кальки (2% от общего количества иноязычных терминов) образуются в результате точного копирования в языке-реципиенте структуры иностранного слова и поморфемного его перевода [39. С. 109]. К словообразовательным калькам мы относим термин **самозалечивающийся** (не зафиксирован в НКРЯ), употребляющийся в составе многих терминологических словосочетаний (**самозалечивающийся асфальт, с. бетон, с. композит,**

с. цемент и др.). Он обозначает тип способного к самовосстановлению материала, коррелирует с англ. **self-healing**, нем. **selbstheilend** [32], нидерланд. **zelfherstellend** [33] и является словообразовательной калькой, имеющей в составе морфему **само-**, которая представляет собой перевод иностранной морфемы, вторая часть русского терминологического прилагательного (**залечивающийся**) переведена с иностранного как ‘залечивающийся’ [48]. Данная лексическая единица широко используется в профессиональном дискурсе: *Основное направление современных разработок – поиск самозалечивающегося, гибкого бетона, который будет эффективно противостоять деформациям и сможет восстанавливаться при любых воздействиях.* 2019 г. [51].

4.2. **Синтаксические кальки** (11% от общего количества иноязычных терминов) – образованные путем пословного перевода с языка-источника устойчивые терминологические словосочетания [52. С. 171]. К синтаксическим калькам мы относим неоднословные терминологические сочетания. Например, название материала, разработанного учеными из Германии [29], **жидкое дерево** ‘композит из полимеров и измельчённой древесины’ является полной синтаксической калькой нем. *flüssiges Holz* ‘то же’: *Жидкое дерево – материал будущего, имеющий огромное количество преимуществ: внешний вид материала схож с натуральным, но жидкое дерево лишено его недостатков... Жидкое дерево создано немцами, которые соединили древесную муку и различные волокна, крахмал и отходы производства.* 2019 г. [29]. К терминологическим словосочетаниям, переданным в принимающем языке путем перевода, относится номинация **плавающая стяжка** ‘многослойная цементно-песчаная конструкция, укладываемая не на основание пола, а на разделительный слой утеплителя [30]’ калькированная с нем. *schwimmender Estrich* [30] ‘то же’: *При устройстве плавающей стяжки стыки проклеиваются. В качестве материала может использоваться полиэтиленовая пленка...* 2020 г. [30].

В современном русском языке активно функционирует термин **зеленое строительство** – «подход к строительству и эксплуатации зданий, стандарты которого были заложены в США и Великобритании. Целью подхода является снижение уровня энергопотребления на протяжении всего жизненного цикла здания» [31]. Данная номинация представляет собой синтаксическую кальку, где оба элемента переведены с англ. *green building*. Приведем контекст функционирования данного сочетания в интернет-дискурсе: *В России предпринимаются меры по вхождению в мировой процесс сертификации зеленого строительства. В стране возводятся объекты самого разного типа, получающие сертификаты признанных мировых систем LEED, BREEAM и др.* 2015 г. [31].

Инновационной разработкой британских ученых в начале 2000-х гг. стал материал, получивший в русском языке наименование **бетонное полотно** ‘гибкая, пропитанная сухим бетоном ткань, способная затвердевать после увлажнения, образуя тонкий слой бетона’ [31] <англ. *concrete canvas* ‘то же’>: *Технология, разработанная в Великобритании около 10 лет*

назад, была успешно использована в 80 странах и уже начинает набирать популярность на российском рынке. Бетонное полотно отлично показывает себя в условиях сурового климата: испытания показали, что материал выдерживает до 300 циклов замораживания/оттаивания 2018 г. [31].

Полукальки представляют собой разновидность семантических заимствований; это языковые единицы, имеющие в своем составе как переведенные, так и непереведенные заимствованные компоненты иностранной лексики [53. С. 15]. Среди полукалек мы выделяем словообразовательные и синтаксические полукальки.

4.3. Словообразовательные полукальки (7% от общего количества иноязычных терминов) – это преимущественно сложные слова (композиции), появившиеся в результате неполного калькирования иностранного эквивалента – тоже сложного слова (реже – словосочетания). Наиболее продуктивен процесс образования полукалек для обозначения современных материалов, используемых в строительстве: рус. **смарт-стекло** (не зафиксировано в НКРЯ) ‘тип стекла, способного менять свою прозрачность в зависимости от внешних условий’ < англ. smart-glass ‘то же’>. Именно такое смарт-стекло сделало возможным создание продукта, над которым трудились специалисты Техасского университета. Они разработали специальную наноструктуру стекла, которая позволяет ему «включать» и «выключать» прозрачность не только в диапазоне видимого света, но и в диапазоне теплового излучения. 2015 г. [54]; ср. **смарт-дом**. Данные лексические единицы представляют собой словообразовательные полукальки, в которых одна часть слова заимствована, а другая переведена на русский язык.

4.4. Синтаксические полукальки – словосочетания, в состав которых входят как переведенные, так и заимствованные лексические компоненты. Они широко представлены в современной строительной терминологии (около 20% от общего количества новейших иноязычных терминов): рус. **аддитивное производство** < англ. additive manufacturing; рус. **контурное строительство** < англ. contour crafting и др.; **пассивный дом** < нем. Passivhaus; **структурная изолированная панель** < structural insulated panel.

Рассмотрим подробнее некоторые примеры: **пассивный дом** (не зафиксировано в НКРЯ) ‘энергоэффективный дом’ < нем. das Passivhaus ‘то же’>: *Лейпциг в 2008 году принял стандарт пассивного дома для всех общественных зданий, которые запланированы к строительству. Школа Эриха Кестнера стала одним из первых объектов, спроектированных в соответствии с этим новым стандартом.* 2016 г. [31].

Словосочетание **структурная изолированная панель** ‘тип сэндвич-панели, разработанной в США, между слоями которой находится утеплитель’ (не зафиксировано в НКРЯ) калькировано с англ. structural insulated panel: *Структурные изолированные панели Murus широко используются при строительстве сборно-монолитных конструкций домов, при этом все элементы конструкции (стены, потолки, пол) не нуждаются в дополнительной отделке и изо-*

ляции. 2010 г. [49]. В современном дискурсе предпочтительно употребление сокращенного варианта данного наименования: **СИП-панель**: *В Россию СИП-панели попали только в 2003 году... дома, построенные из СИП-панелей, были названы канадскими, потому что данную технологию постройки домов нам привезла из города Калгари компания Escorp Corporation.* 2020 г. [56]. В приведенных примерах терминологических словосочетаний часть компонентов является заимствованной из эквивалента иностранного языка, а другая часть неоднословного термина представляет собой перевод компонента соответствующего иноязычного эквивалента.

Русский термин **древесно-полимерный композит** ‘материал для отделки, изготавливаемый из смеси древесной муки и полимера’ [31], обозначающий технологию, запатентованную в Италии [57], коррелирует с итал. composito legno-polimero ‘то же’ и международным названием данной технологии – англ. wood-polymer composite ‘то же’ (WPC – в международных стандартах [58]). Данная номинация также является синтаксической полукалькой, где компоненты **полимерный** и **композит** заимствованы из иностранного языка, а часть терминологического сочетания **древесно-** является переводом на русский язык морфемы wood- (legno-). В итальянском профессиональном дискурсе чаще функционирует не итальянское, а международное английское наименование анализируемого материала: *Il WPC è un prodotto pensato specificamente per le pavimentazioni esterne, che imita il legno* [59] / рус. WPC – это продукт, имитирующий древесину и разработанный специально для наружных полов. Приведем контекст из русской профессиональной интернет-коммуникации: *Компания «Дек-иник Рус» является международным производителем инновационной и уникальной по своим характеристикам профильной системы... и материала из древесно-полимерного композита, используемого как для террасных покрытий, так и для наружной отделки.* 2014 г. [31].

Русское терминологическое словосочетание **вентилируемый фасад** ‘фасадная система, включающая в себя элементы облицовки и каркасной конструкции, установленных таким образом, чтобы между облицовкой и слоем теплоизоляции оставался воздушный слой’ [31] также является синтаксической полукалькой нем. hinterlüftete Fassade ‘вентилируемый фасад’: *В современных вентилируемых фасадах чаще всего применяется негорючая и долговечная минеральная вата на основе базальтового волокна.* 2014 г. [31]. Система вентилируемых фасадов появилась в России около 20 лет назад, а активно эту технологию стали применять еще позже – лет 10 назад. Вентилируемые фасады пришли на наш рынок, как это часто бывает, из Европы, а именно из Финляндии и Германии. 2010 г. [60].

5. К комбинированным заимствованиям (2%) мы относим терминологические обозначения, сочетающие в себе признаки (черты) разных типов терминов иноязычного происхождения. В пример можно привести русское обозначение особого вида самоуплотняющегося бетона **смарт-динамический бетон**, кото-

рый был разработан крупнейшим международным химическим концерном BASF и получил международное наименование *smart dynamic concrete*. Номинация *смарт-динамический бетон* является синтаксическим заимствованием, имеющим в своем составе прилагательное, представляющее собой трансформированное заимствование (рус. *динамический* < англ. *dynamic*), оформленное при помощи морфем *-ческ-ий*; прилагательное содержит заимствованную морфему *смарт-* (морфемное заимствование); данное терминологическое сочетание представляет собой синтаксическую полукальку, восходящую к англ. *smart dynamic concrete* (англ. *concrete* переведено как рус. *бетон*). Приведем контексты: *В конце 2014 года мы впервые в Казани внедрили в производство смарт-динамические бетоны, которые позволяют без дефектов бетонировать конструкции с ячейкой арматуры 7 × 7.* 2018 г. [61]. *Компания BASF впервые предложила технологию смарт-динамического бетона. Концепция данной технологии базируется на получении бетонов, близких к самоуплотняющимся бетонам, на тех же материалах, которые применяются для обычных бетонов. Таким образом, заводу не нужно переоборудоваться для того, чтобы поставлять СУБ, а достаточно применить технологию смарт-динамического бетона от концерна BASF, где ключевыми компонентами являются суперпластификатор серии Master-Glenium и специальный модификатор вязкости серии MasterMatrix* [62].

Таким образом, с развитием строительных технологий происходит постепенное вхождение слов неисконного происхождения в русскую терминологию сферы строительства, при этом нередко термин заимствуется вместе с самой технологией.

Заключение

Русский подъязык сферы строительства постоянно пополняется терминами иноязычного происхождения, что свидетельствует об интернациональном характере данной профессиональной области. В ходе исследования проанализировано 1 126 иноязычных терминов, из которых выявлено более 210 новейших неисконных номинаций, вошедших в русский подъязык сферы строительства, начиная с 1990-х гг. Среди общего количества терминологической иноязычности происхождения примерно 76% составляют профессиональные номинации, вошедшие в русский язык из английского. Это во многом объясняется интернациональным

статусом английского языка. Кроме того, наблюдаются заимствования из немецкого, нидерландского, итальянского и других европейских языков. Однако стоит отметить, что большинство технологий, пришедших в нашу страну из-за рубежа, имеет английское международное наименование и часто в профессиональном дискурсе функционирует именно английское наименование.

Около 75,5% всех новейших неисконных терминологических единиц не зафиксированы в Национальном корпусе русского языка. Кроме того, более 62% новейших иноязычных номинаций не отражены в терминологических словарях по строительству. В исследовании представлена семантическая характеристика новейших заимствований сферы строительства и их авторская разветвленная типология. Для подтверждения функционирования данных лексических единиц в современном интернет-дискурсе приведены примеры их употребления на профессиональных строительных сайтах и форумах.

Лексическое заимствование и калькирование являются наиболее активными способами заимствования. В типологии новейшей иноязычной строительной лексики представлены лексические заимствования (38% от общего количества всех анализируемых единиц), среди которых нами выделены трансформированные, нетрансформированные, транскрибированные, транслитерированные, смешанные лексические заимствования, а также иноязычные вкрапления. Наиболее многочисленными типами лексического заимствования являются транслитерированные и смешанные заимствования. На втором месте по продуктивности после лексического заимствования находится семантическое заимствование: структурные словообразовательные и синтаксические кальки и полукальки составляют около 40% всех специальных номинаций иноязычного происхождения. Меньшую степень активности проявляют в строительной терминологии морфемное и синтаксическое заимствование: морфемных заимствований обнаружено 16% от общего количества новейших заимствований, а синтаксических заимствований 4%.

Таким образом, вследствие межкультурного сотрудничества и профессиональной интеграции строительная терминология русского языка активно пополняется новейшими обозначениями инновационных строительных технологий, и заимствование является одним из источников формирования строительной терминологии на современном этапе её развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий. М. : ИКАР, 2009. 448 с.
2. Deniko R.V., Shchitova O.G., Shchitova D.A., Nguyen T.L. Learning terminology in the Age of Higher Education Internationalization : Problems and Solutions // *Procedia : Social and Behavioral Sciences*. 2015. № 215. P. 107–111.
3. Щитова О.Г. Новейшая ксенолексика в русской речи XXI века: к определению объема понятия // *Вестник науки Сибири*. 2012. № 1 (2). С. 278–286.
4. Гринев-Гринева С.В. Терминоведение. М. : Академия, 2008. 304 с.
5. Лейчик В.М. Терминоведение : предмет, методы, структура. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
6. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М. : Наука, 1982. 147 с.
7. Белухина С.Н. Строительные термины и определения: терминологический словарь. М. : Изд-во Моск. гос. строит. ун-та, 2018. 560 с.
8. ГОСТ Р 58033-2017. Здания и сооружения. Словарь. Ч. 1. Общие термины. URL: <http://docs.cntd.ru/document/556380967> (дата обращения: 19.02.2021).
9. Flytande golv // *Terminologiframjandet*: site. Sverige, URL: <https://terminologiframjandet.se/h552a9FtZ/tnc.se/termfraga/flytande-golv/> (дата обращения: 15.02.2021).

10. Zetsila. Строительство : сайт. Казань, 2021. URL: <https://zetsila.ru/category/строительство> (дата обращения: 09.03.2021).
11. Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. М. : Прогресс, 1972. Вып. VI: Языковые контакты. С. 344–382.
12. Дьяков А.И. Словарь англицизмов русского языка. URL: <http://anglicismdictionary.dishman.ru/Slovar> (дата обращения: 04.03.2021).
13. Имитация бруса : особенности материалов для наружной отделки дома // Стройподсказка. URL: <https://stroy-podskazka.ru/materialy/imitaciya-brusa-dlya-naruzhnoj-otdelki/> (дата обращения: 09.03.2021).
14. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое : Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М. : Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
15. ГОСТ 22270-2018 Системы отопления, вентиляции и кондиционирования. Термины и определения. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200160840> (дата обращения: 19.02.2021).
16. Дьяков А.И. Англицизмы: заимствование или словообразование // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота. 2012. № 5 (16). С. 72–76.
17. Дьяков А.И., Чирейкина О.Ю. Англицизмы в русских терминологических системах // Международный научно-исследовательский журнал. Филологические науки. 2020. № 5 (95). С. 43–48.
18. Haspelmath M., Tadmor U. Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook. Berlin : Mouton de Gruyter, 2009. 1013 p.
19. Wohlgenuth J.A. Typology of Verbal Borrowings. Berlin : Mouton De Gruyter, 2009. 459 p.
20. Matthews P.H. Oxford Concise Dictionary of Linguistics. Oxford University Press, 2007. 245 p.
21. Brown K., Miller J. The Cambridge Dictionary of Linguistics. Cambridge University Press, 2013. 481 p.
22. Zenner E., Kristansen G. New Perspectives on Lexical Borrowing : Onomasiological, Methodological and Phraseological Innovations. Boston : Mouton De Gruyter, 2014. 252 p.
23. Трофимова Н.А., Щитова О.Г. Иноязычные обозначения новейших строительных технологий в русском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. Вып. 2 (208). С. 49–54.
24. Щитова О.Г., Нгуен Т. Лан. Лексика сферы информационных технологий в профессиональном дискурсе (на материале русского, английского и вьетнамского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6 (60), ч. 2. С. 174–177.
25. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань : Пилигрим, 2010. URL: https://lingvistics_dictionary.academic.ru/1363/ (дата обращения: 06.03.2021).
26. История напольных покрытий. Ч. III // Alpine Floor. URL: <https://alpinefloor.ru/useful/blog/istoriya-napolnykh-pokrytiy-chast-iii/> (дата обращения: 06.03.2021).
27. История модульного строительства // Modulex. Быстрое возведение мобильных зданий. URL: <https://modulex.ua/istoriya-modulnogo-stroitelstva/> (дата обращения: 06.03.2021).
28. Что такое фибробетон и откуда он взялся? // Иль бетон. URL: <https://il-beton.ru/info/articles/chto-takoe-fibrobeton-i-ot-kuda-on-vzyalsya/> (дата обращения: 06.03.2021).
29. Интересно о стройматериалах. URL: <https://instroymatrem.ru/> (дата обращения: 06.03.2021).
30. Плавающая стяжка пола // Euroremont expert. URL: <http://evroremont.expert/plavayuschaya-styazhka.php> (дата обращения: 06.03.2021).
31. Строительный эксперт: Портал для специалистов архитектурно-строительной отрасли. URL: <https://ardexpert.ru/> (дата обращения: 05.03.2021).
32. Selbstheilender Beton: Bakterien gegen Risse // BaustoffWissen. URL: <https://www.baustoffwissen.de/baustoffe/baustoffknowhow/grundstoffedes-bauens/selbstheilender-beton-bakterien-gegen-risse-betonschaeden-hendrik-jonkers-tonpellets-bio-beton/> (дата обращения: 17.02.2021).
33. Zelfherstellend Beton // TU Delft. URL: <https://www.tudelft.nl/citg/onderzoek/stories-of-science/zelfherstellend-beton> (дата обращения: 05.03.2021).
34. Маринова Е.В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах: словарь-справочник. 3-е изд., стер. М. : Флинта, 2018. 240 с.
35. Выбор подвесного потолка Армстронг // Центр строительной комплектации. URL: <https://stroymat.msk.ru/vybor-podvesnogo-potolka-armstrong> (дата обращения: 14.02.2021).
36. Blockhaus // Duden Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Blockhaus> (дата обращения: 14.02.2021).
37. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 15.03.2021).
38. Что такое блокхаус // Строительство : Энциклопедический словарь. Ставрополь : Параграф, 2011. 766 с.
39. Денико Р.В., Щитова О.Г. Формальное варьирование терминов сферы сетевых технологий // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2015. № 3 (27). С. 104–109.
40. Артюхович Д.В. Строительство : Энциклопедический словарь. Ставрополь : Параграф, 2011. 766 с.
41. Сопегин Г.В., Сурсанов Д.Н. Перспективы применения технологии строительства методом «Тор-Down» в условиях города Перми // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. 2016. № 1 (21). С. 147–158.
42. Что такое Jet цементация // Группа компаний ИННОВА. URL: <https://gk-innova.ru/jet-tsementatsiya/> (дата обращения: 16.03.2021).
43. Щитова О.Г., Щитов А.Г. Межязыковая фразеологическая эквивалентность и лакунарность: этнокультурный аспект (на материале русского и китайского языков) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 158–179.
44. В Канаде построили самое высокое деревянное здание в мире // RB Rusbase. URL: <https://gk-innova.ru/jet-tsementatsiya/> (дата обращения: 14.02.2021).
45. Агеев А. Темпы строительства деревянных небоскребов набирают обороты по всему миру. 2017 // Техкульт. Новости высоких технологий. URL: <https://www.techcult.ru/technology/4519> (дата обращения: 14.03.2021).
46. Возможны ли многоуровневые подвесные потолки сложной формы? // Пятый элемент. Производство натяжных потолков. URL: <https://5element-potolki.ru/vozmozhny-li-mnogourovnevye-podvesnye-potolki-slozhnoj-formy/> (дата обращения: 13.03.2021).
47. Кевларобетон – характеристики, материалы, производство // Betonhouse.com. URL: <https://beton-house.com/vidy/sravneniya/kevlarobeton-1067> (дата обращения: 13.03.2021).
48. Словарь Мультитран. URL: <https://www.multitrans.com/> (дата обращения: 06.03.2021).
49. Forumhouse. Портал о строительстве и загородной жизни. URL: <https://www.forumhouse.ru/> (дата обращения: 13.03.2021).
50. Декинг из ДПК // Deckwood. URL: <https://deck-wood.ru/статьи-о-дпк/item/30-декинг-из-дпк> (дата обращения: 16.03.2021).
51. Самовосстанавливающийся бетон (самозалечивающийся эластичный, гибкий) // Бетон-инфо. URL: <https://1beton.info/vidy/samovosstanavlivayushhij-sya-beton-samozalechivayushhij-sya-elastichnyj-gibkij> (дата обращения: 09.03.2021).
52. Щитова О.Г., Дам Тхи Нгок Чинь. Неисконая экологическая терминология в русском и английском языках // Филологические науки. Вопросы науки и практики. Грамота. 2017. № 5 (71) : в 3 ч. Ч. 3. С. 170–172.
53. Щитова О.Г. Аспекты изучения иноязычной лексики русского языка. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 1996. 36 с.
54. В США создано смарт-стекло // Мир стекла. URL: <https://www.glass-tula.ru/news/24-08-2015/> (дата обращения: 13.03.2021).
55. 3-D технологии в строительстве и проектировании // Аддитивные технологии. URL: <https://additiv-tech.ru/publications/3d-tehnologii-v-stroitelstve-i-proektirovanii.html> (дата обращения: 19.02.2021).
56. История технологии SIP // CitySip. URL: <https://citysip.ru/informaciya/istoriya-tehnologii-sip> (дата обращения: 14.02.2021).
57. Storia del legno composito // SilvaDec. URL: <https://it.silvadece.com/silvadece/storia-del-legno-composito/> (дата обращения: 13.03.2021).
58. ГОСТ Р 57843-2017 Композиты древесно-полимерные. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200157329> (дата обращения: 14.02.2021).
59. Il pavimento in WPC // Fratelli Pellizzari. URL: <https://www.fratellipellizzari.it/blog/wpc-decking> (дата обращения: 13.03.2021).

60. Мельник И. Дом с вентилируемым «лицом» // Бюллетень недвижимости. URL: <https://www.bn.ru/gazeta/articles/69266/> (дата обращения: 14.02.2021).
61. Подбор состава бетона, растворов, напрягающие бетоны // Качество в строительстве. URL: <https://ilks.ru/uslugi/podbor-sostava-betona-rastvorov-napryagayushhie-betony> (дата обращения: 15.03.2021).
62. Модификаторы бетона: история вопроса и новейшие разработки (информация) // Строительные материалы. 2016. № 4. С. 82–87.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 11 августа 2021 г.

Latest Borrowings in Russian Construction Terminology of the 21st Century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 50–61.

DOI: 10.17223/15617793/470/6

Nadezhda A. Trofimova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nadya.a.trofimova@gmail.com

Olga G. Shchitova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shchitova2010@mail.ru

Keywords: construction terminology; lexical borrowings; calques; semi-calques; Russian language.

The article deals with the latest foreign naming units for construction technologies within the construction terminology in modern Russian. The article aims to identify and analyze the latest foreign naming units in Russian construction terminology and to create a typology of these lexical units. The research objectives involve selecting the material, determining the sources and period of the borrowings, the semantics of the lexical units, and creating the typology of the borrowings. The material for the research is the latest foreign-language vocabulary of the construction sphere, borrowed into Russian from the 1990s till the present. The sources for the analysis are dictionaries of construction terminology, encyclopedias, textbooks, commercial catalogues, internet resources data both in Russian and foreign languages, as well as professional standards (GOSTs), scientific papers, etc. The linguistic comparative and contrastive methods serve as the methodological basis of the article. More than 210 naming units functioning in the scientific and internet discourse were selected for the analysis. The authors identified the following foreign lexical units denoting construction technologies that are not fixed either in the terminological dictionaries for construction or the Russian National Corpus: lexical, morphemic, syntactic, semantic (calques and semi-calques), and combined borrowings. The comparative analysis of the lexical units in Russian and in the source language is made, the definitional analysis of lexical units is presented, and the examples of functioning of these naming units in professional internet discourse are provided. The analysis has shown that more than 76% of the total number of the analyzed naming units were borrowed from English. Moreover, lexical borrowings are widely represented in the typology of the borrowings, among which the most numerous ones are transliterated and mixed lexical borrowings; structural derivational and syntactic calques, and semi-calques. Cases of word-forming affixes borrowing, i.e. morphemic borrowing, are found. Examples of foreign language inclusions denoting modern construction technologies as well as occasional examples of combined borrowing are also found. A case of lexical lacunarity among the newest lexical units of construction vocabulary is observed. The analysis data indicate an intensive penetration of foreign-language lexical units into the terminology of the sublanguage of construction. Although many of the analyzed names (about 62 %) are not yet fixed in terminological dictionaries, they widely occur in professional discourse and are fixed in standards and commercial catalogues.

REFERENCES

1. Azimov, E.G. & Shchukin, A.N. (2009) *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy* [The New Dictionary of Methodological Terms and Concepts]. Moscow: IKAR.
2. Deniko, R.V. et al. (2015) Learning Terminology in the Age of Higher Education Internationalization: Problems and Solutions. *Procedia: Social and Behavioral Sciences*. 215. pp. 107–111. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.582
3. Shchitova, O.G. (2012) The latest xenolexics in Russian speech of the XXI century: to define the scope of the concept. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 1 (2). pp. 278–286. (In Russian).
4. Grinev-Grinevich, S.V. (2008) *Terminovedenie* [Terminological Studies]. Moscow: Akademiya.
5. Leychik, V.M. (2007) *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminological Studies: subject, methods, structure]. Moscow: Izd-vo LKI.
6. Lotte, D.S. (1982) *Voprosy zaимstvovaniya i uporyadocheniya inoyazychnykh terminov i terminoelementov* [Questions of borrowing and ordering foreign language terms and term elements]. Moscow: Nauka.
7. Belukhina, S.N. (2018) *Stroitel'nye terminy i opredeleniya: terminologicheskij slovar'* [Construction terms and definitions: terminological dictionary]. Moscow: Moscow State Construction University.
8. GOST R 58033-2017. *Zdaniya i sooruzheniya. Slovar'. Chast' 1. Obshchie terminy* [Buildings and structures. Dictionary. Part 1. General terms]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/556380967> (Accessed: 19.02.2021).
9. Terminologiframjandet. (2021) *Flytande golv* [Floating floor]. [Online] Available from: <https://terminologiframjandet.se/h552a9FtZ/tnc.se/termfraga/flytande-golv/> (Accessed: 15.02.2021).
10. Zetsila. (2021) *Stroitel'stvo* [Construction]. [Online] Available from: <https://zetsila.ru/category/строительство> (Accessed: 09.03.2021).
11. Kaugen, E. (1972) Borrowing process. *Novoe v lingvistike. Yazykovye kontakty – New in Linguistics. Language Contacts*. 6. pp. 344–382. (In Russian).
12. D'yakov, A.I. (2021) *Slovar' anglitsizmov russkogo yazyka* [Dictionary of Anglicisms of the Russian Language]. [Online] Available from: <http://anglicismdictionary.dishman.ru/Slovar> (Accessed: 04.03.2021).
13. Stroypodskazka. (2015–2021) *Imitatsiya brusa: osobennosti materialov dlya naruzhnoy otdelki doma* [Timber imitation: features of materials for the exterior decoration of the house]. [Online] Available from: <https://stroy-podskazka.ru/materialy/imitatsiya-brusa-dlya-naruzhnoy-otdelki/> (Accessed: 09.03.2021).
14. Krysin, L.P. (2004) Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike [Russian word, its own and someone else's. Studies on the modern Russian language and sociolinguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
15. GOST 22270-2018. *Sistemy otopleniya, ventilyatsii i konditsionirovaniya. Terminy i opredeleniya* [Heating, ventilation, air conditioning systems. Terms and definitions]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/1200160840> (Accessed: 19.11.2020).
16. D'yakov, A.I. (2012) Anglicisms: borrowing or word formation. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 5 (16). pp. 72–76. (In Russian).
17. D'yakov, A.I. & Chireykina, O.Yu. (2020) Anglicisms in Russian terminological systems. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal – The International Scientific Journal*. 5 (95). pp. 43–48. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.95.5.089>
18. Haspelmath, M. & Tadmor, U. (2009) *Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook*. Berlin: Mouton de Gruyter.
19. Wohlgemuth, J.A. (2009) *Typology of Verbal Borrowings*. Berlin: Mouton De Gruyter.

20. Matthews, P.H. (2007) *Oxford Concise Dictionary of Linguistics*. Oxford: Oxford University Press.
21. Brown, K. & Miller, J. (2013) *The Cambridge Dictionary of Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.
22. Zenner, E. & Kristansen, G. (2014) *New Perspectives on Lexical Borrowing: Onomasiological, Methodological and Phraseological Innovations*. Boston: Mouton De Gruyter.
23. Trofimova, N.A. & Shchitova, O.G. (2020) Foreign naming units for advanced construction technologies in Russian. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2 (208). pp. 49–54. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2020-2-49-54
24. Shchitova, O.G. & Nguen, T. Lan. (2016) Vocabulary of the sphere of information technologies in the professional discourse (by the material of the Russian, English and Vietnamese languages). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. pp. 174–177. (In Russian).
25. Zherebilo, T.V. (2010) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [The dictionary of linguistic terms]. Moscow: Pilgrim. [Online] Available from: https://lingvistics_dictionary.academic.ru/1363/ (Accessed: 06.03.2021).
26. Alpine Floor. (2021) *Istoriya napol'nykh pokrytiy. Chast' III* [The history of flooring. Part 3]. [Online] Available from: <https://alpinefloor.ru/useful/blog/istoriya-napolnykh-pokrytiy-chast-iii/> (Accessed: 06.03.2021).
27. Modulex. (2020) *Istoriya modul'nogo stroitel'stva* [The history of modular construction]. [Online] Available from: <https://modulx.ua/istoriya-modulnogo-stroitelstva/> (Accessed: 06.03.2021).
28. Il' beton. (2021) *Chto takoe fibrobeton i otkuda on vzyalsya?* [What is fiber concrete and where did it come from?]. [Online] Available from: <https://il-beton.ru/info/articles/chto-takoe-fibrobeton-i-ot-kuda-on-vzyalsya/> (Accessed: 06.03.2021).
29. *Interesno o stroyaterialakh* [Interesting facts about building materials]. (2019) [Online] Available from: <https://instroymatrem.ru/> (Accessed: 06.03.2021).
30. Euroremont expert. (2021) *Plavayushchaya styazhka pola* [Floating screed]. [Online] Available from: <http://evroremont.expert/plavayushchaya-styazhka.php> (Accessed: 06.03.2021).
31. *Stroitel'nyy ekspert: Portal dlya spetsialistov arkhitekturno-stroitel'noy otrasli* [Portal for architecture and construction specialists]. (2014–2021) [Online] Available from: <https://ardexpert.ru/> (Accessed: 05.03.2021).
32. BaustoffWissen. (2016) *Selbstheilender Beton: Bakterien gegen Risse* [Self-healing concrete: bacteria against cracks]. [Online] Available from: <https://www.baustoffwissen.de/baustoffe/baustoffknowhow/grundstoffe-des-bauens/selbstheilender-beton-bakterien-gegen-risse-betonschaeden-hendrik-jonkers-tonpellets-bio-beton/> (Accessed: 17.02.2021).
33. TU Delft. (2021) *Zelfherstellend Beton* [Self-healing concrete]. [Online] Available from: <https://www.tudelft.nl/citg/onderzoek/stories-of-science/zelfherstellend-beton> (Accessed: 05.03.2021).
34. Marinova, E.V. (2018) *Teoriya zaimstvovaniya v osnovnykh ponyatiyakh i terminakh: slovar'-spravochnik* [The theory of borrowing in basic concepts and terms: dictionary]. Moscow: Flinta.
35. Sentr stroitel'noy komplektatsii. (2020) *Vybor podvesnogo potolka Armstrong* [Choosing a suspended ceiling Armstrong]. [Online] Available from: <https://stroyat.msk.ru/vybor-podvesnogo-potolka-armstrong> (Accessed: 14.02.2021).
36. Duden Wörterbuch. (2021) *Blockhaus*. [Online] Available from: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Blockhaus> (Accessed: 14.02.2021).
37. *Collins Dictionary*. (2021) [Online] Available from: <https://www.collinsdictionary.com> (Accessed: 15.03.2021).
38. Stroitel'stvo demontazh. (2021) *Chto takoe blokhaus* [What is blockhouse]. [Online] Available from: <https://demantag.ru/stroitelstvo-i-remont/blok-haus-ispol-zovanie-pri-stroitel-nyh-i-otdelochnyh-rabotah-70-foto-pilomaterialov-razlichnogo-kachestva.html> (Accessed: 14.02.2021).
39. Deniko, R.V. & Shchitova, O.G. (2015) Formal variability of terms in the sphere of network technologies. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 3 (27). pp. 104–109. (In Russian).
40. Artyukhovich, D.V. (2011) *Stroitel'stvo: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Construction. Encyclopedic Dictionary]. Stavropol: Paragraf.
41. Sopegin, G.V. & Sursanov, D.N. (2016) Prospects for applying the “Top-Down” construction technology in Perm. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Perm National Research Polytechnic University*. 1 (21). pp. 147–158. (In Russian).
42. Gruppa kompaniy INNOVA. (2021) *Chto takoe Jet tsementatsiya* [What is Jet-cementation]. [Online] Available from: <https://gk-innova.ru/jet-tsementatsiya/> (Accessed: 16.03.2021).
43. Shchitova, O.G. & Shchitov, A.G. (2020) Interlingual Phraseological Equivalence and Gaps: An Ethnocultural Aspect (Based on the Russian and Chinese Languages). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 65. pp. 158–179. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/65/10
44. RB Rusbase. (2012–2021) *V Kanade postroili samoe vysokoe derevyannoe zdanie v mire* [They built the highest wooden building in Canada]. [Online] Available from: <https://gk-innova.ru/jet-tsementatsiya/> (Accessed: 14.02.2021).
45. Ageev, A. (2017) *Tempy stroitel'stva derevyannykh neboskrebov nabirayut oboroty po vsemu miru* [The pace of construction of wooden skyscrapers is gaining popularity around the world]. [Online] Available from: <https://www.techcult.ru/technology/4519-derevyannye-neboskreby> (Accessed: 14.03.2021).
46. Pyatyy element. (2006–2021) *Vozmozhny li mnogourovnevnye podvesnye potolki slozhnoy formy?* [Are multi-level suspended ceilings of complex shapes possible?]. [Online] Available from: <https://5element-potolki.ru/vozmozhny-li-mnogourovnevnye-podvesnye-potolki-slozhnoy-formy/> (Accessed: 13.03.2021).
47. Betonhouse.com. (2017–2021) *Kevlarobeton – kharakteristiki, materialy, proizvodstvo* [Kevlar concrete – characteristics, materials, production]. [Online] Available from: <https://beton-house.com/vidy/sravneniya/kevlarobeton-1067> (Accessed: 13.03.2021).
48. *Multitrans Dictionary*. (2001–2021) [Online] Available from: <https://www.multitrans.com/> (Accessed: 06.03.2021).
49. Forumhouse. (2005–2021) *Portal o stroitel'stve i zagorodnoy zhizni* [Portal about construction and country life]. [Online] Available from: <https://www.forumhouse.ru/> (Accessed: 13.03.2021).
50. Deckwood. (2009–2021) *Deking iz DPK* [Decking from WPC]. [Online] Available from: <https://deck-wood.ru/статьи-о-дпк/item/30-декинг-из-дпк> (Accessed: 16.03.2021).
51. Beton-info. (2016–2021) *Samovosstanavlivayushchiysya beton (samozalechivayushchiysya elastichnyy, gibkiy)* [Self-healing concrete (self-healing elastic, flexible)]. [Online] Available from: <https://1beton.info/vidy/samovosstanavlivayushchiysya-beton-samozalechivayushchiysya-elastichnyy-gibkiy> (Accessed: 09.03.2021).
52. Shchitova, O.G. & Dam, Tkhi Ngok Chin' (2017) Inorganic environmental terminology in Russian and English. *Filologicheskie nauki. Voprosy nauki i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 5 (71). pp. 170–172. (In Russian).
53. Shchitova, O.G. (1996) *Aspekty izucheniya inoyazychnoy leksiki russkogo yazyka* [Aspects of studying foreign language vocabulary of the Russian language]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
54. MirStekla. (2007–2021) *V SShA sozdano smart-steklo* [Smart glass is created in the USA]. [Online] Available from: <https://www.glass-tula.ru/news/24-08-2015> (Accessed: 13.03.2021).
55. Additivnye tekhnologii. (2021) *3-D tekhnologii v stroitel'stve i proektirovanii* [3-D technologies in construction and design]. [Online] Available from: <https://www.glass-tula.ru/news/24-08-2015> (Accessed: 19.02.2021).
56. CitySip. (2010–2021) *Istoriya tekhnologii SIP* [The history of SIP technology]. [Online] Available from: <https://citysip.ru/informaciya/istoriya-tehnologii-sip> (Accessed: 14.02.2021).

57. SilvaDec. (2021) *Storia del legno composito* [The history of composite wood]. [Online] Available from: <https://it.silvadec.com/silvadec/storia-del-legno-composito/> (Accessed: 13.03.2021).
58. GOST 32794-2014. *Kompozity polimernye. Terminy i opredeleniya* [Polymer composites. Terms and definitions]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/1200113813> (Accessed: 14.02.2021).
59. Fratelli Pellizzari. (2021) *Il pavimento in WPC* [The WPC floor]. [Online] Available from: <https://www.fratellipellizzari.it/blog/wpc-decking> (Accessed: 13.03.2021).
60. Melnik, I. (2010) *Dom s ventiliruemym "litsom"* [The house with the ventilated "face"]. [Online] Available from: <https://www.bn.ru/gazeta/articles/69266/> (Accessed: 14.02.2021).
61. Kachestvo v stroitel'stve. (2013–2020) *Podbor sostava betona, rastvorov, napryagayushchie betony* [Selection of the composition of concrete, mortars, straining concrete]. [Online] Available from: <https://ilks.ru/uslugi/podbor-sostava-betona-rastvorov-napryagayushhie-betony> (Accessed: 15.03.2021).
62. *Stroitel'nye materialy – Building Materials*. (2016) Concrete modifiers: background and latest developments. 4. pp. 82–87. (In Russian).

Received: 11 August 2021

Е.А. Юрина, А.А. Полякова, А.В. Балдова

ПРИЗНАКОВАЯ ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: АСПЕКТЫ ТИПОЛОГИИ

*Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 18-18-00194
«Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве современных коммуникаций», 2018–2020 гг.*

Исследуются подлежащие метафоризации аспекты признаковой семантики, связанные с особенностями концептуализации различных признаков пищи. Осуществляется типология признаков, лежащих в основании метафорических проекций явлений гастрономической сферы на широкий круг концептов из различных целевых сфер (мышление, психика, феномены общественной жизни, различные объекты физического мира). На материале образных лексических и фразеологических единиц русского языка представлен анализ направлений и аспектов метафоризации признаков пищи в русском языке.

Ключевые слова: метафоризация признака; образная лексика; фразеология; пищевая метафора; картина мира.

Введение

Изучению феномена метафоры и процесса метафоризации посвящено большое количество разноаспектных научных исследований. В рамках семасиологического направления анализируется характер связи между первичными мотивирующими и вторичными образными номинациями [1, 2]. В когнитивных исследованиях метафора интерпретируется как ментальная схема, лежащая в основе ассоциативного сближения объектов и явлений из различных концептуальных сфер [3–5]. В лингвокультурологии метафора рассматривается как способ отображения внеязыковой действительности в языке и мышлении представителей разных культур [6–8]. Сочетание методик различных направлений ведет к интегральному исследованию метафорического миромоделирования: разработке теории и методологии метафорологического анализа, описанию образной картины мира, изучению функционирования метафоры в различных дискурсах [9–11].

В зависимости от частеречной принадлежности первичной номинации как носителя исходного мотивирующего образа выделяются предметная, процессуальная и признаковая разновидности метафоры. В основе предметной метафоры, мотивированной существительными в первичных значениях, лежит идеальный образ-прототип объекта со всеми характерными для него свойствами (статическими, динамическими, функциональными). По словам Н.Д. Арутюновой, «компоненты значения идентифицирующего слова гетерогенны: они могут характеризовать класс предметов с разных сторон, фиксируя его различные физические и функциональные аспекты» [12. С. 333]. В основе процессуальной отглагольной метафоры лежит стереотипная ситуация как аналог концептуального сценария деятельности со всеми входящими в ее состав компонентами (действием, субъектом, объектом, инструментом, средством и т.д.), поскольку глубинная семантика глагола носит фреймовый характер и включает не только информацию о происходящем действии, но и о возможных способах синтаксической репрезентации этого действия в пропозиционной форме [12. С. 142–176]. В основе признаковой метафоры лежит сенсорно воспринимаемое свой-

ство, абстрагированное от его конкретного носителя и зафиксированное в памяти воспринимающего индивида. Характеризуя семантику признака, С.М. Толстая пишет: «Хотя реальные объекты окружающего человека мира обладают бесчисленным множеством самых разнообразных свойств, лишь очень немногие из них получают осмысление и обозначение в языке» [13. С. 10]. В системе языка такие свойства зафиксированы в семантике качественных прилагательных (*теплый, мягкий, сладкий* и др.), структура первичных значений которых, по словам Е.С. Кубряковой, является моносемной: «Тенденция к отрыву от денотата ведет к моносемизации слова, сохранению в его значении лишь одного семантического компонента» [14. С. 337].

В наибольшей степени в лингвистике изучена метафора предметного и процессуального типов, в то время как признаковая метафора еще требует глубокого и всестороннего освещения. Во многом это объясняется тем, что прилагательные, в отличие от существительного и глагола, не составляют ядро лексикограмматической системы и отходят на периферию исследовательского внимания. Однако признаковые метафоры выступают в качестве прагматически значимого экспрессивного средства, регулярно используемого в современном дискурсе для эмоционально-психологического и суггестивного воздействия на адресата речи, а также употребляются с целью создания чувственно-достоверных образов в тексте, что делает задачу их изучения особенно актуальной.

Материал исследования составляют образные лексические и фразеологические единицы современного русского языка, отражающие метафоризацию качеств и свойств продуктов питания: языковые метафоры *горький* 'исполненный горя, страданий, трудностей', *черствый* 'неотзывчивый, лишенный чуткости, бездушный'; собственно образные слова: *безвкусица* 'отсутствие эстетики, изящества, проявления гармонии в чем-л.', *кисляй* 'вялый, скучный, вечно ноющий человек'; идиомы: *несолоно хлебавши* 'ничего не получив, не добившись; ни с чем', образные сравнения: *как деликатес* 'об особо ценных, эффективных косметических средствах', *как лакомство* 'о чем-л. приятном, привлекательном'. Границы материала определяются критерием преимущественной или

исключительной принадлежности признака, называемого исходной лексической номинацией, продуктам питания или кулинарным блюдам, устойчивостью ассоциирования данного признака с явлениями гастрономической сферы. Источником лексико-фразеологического материала послужил Словарь русской пищевой метафоры [15. С. 18–176]. Всего проанализированы 432 образные единицы, мотивированные 21 исходной признаковой номинацией и функционирующие в 1 857 контекстах. Источником контекстного материала является Национальный корпус русского языка [16], из которого отбирались фрагменты речевых произведений, созданных в период с 1950 г. по текущий момент.

Методика исследования предполагает 1) семантический анализ исходных наименований свойств продуктов питания; 2) семантико-функциональное описание комплекса мотивационно-образных парадигм – совокупности мотивационно связанных образных средств русского языка, восходящих к одной мотивирующей лексической единице [17. С. 38–39]; 3) обобщенное моделирование фрагмента языковой и ценностной картин мира, представленных системой образных средств русского языка, отражающих признаковую гастрометафору.

Концептуализация признаков и их классификация по способу когнитивной обработки сенсорного сигнала

Формирование признака как отдельной категории мышления в сознании человека происходит в результате абстрагирования свойств и качеств от предметов, которым они присущи [12–14, 18–23]. Познавая объекты материального мира, человек на основании своего чувственного опыта выявляет определенные признаки, позволяющие квалифицировать и идентифицировать эти объекты, выделив их из множества других. По словам С.М. Толстой, признак – «это та сторона познаваемого объекта, которая выделена познающим субъектом в качестве релевантной и как бы “отторгнута” от объекта; это **инструмент, с помощью которого человек идентифицирует и сравнивает объекты**» [13. С. 45]. Противопоставляя категории объекта и признака с когнитивных позиций, Е.С. Кубрякова отмечает: «Объект, обладая признаками и проявляя их в отношениях с другими объектами, есть нечто большее, чем сумма своих частей, а потому несводим ни по функции, ни по природе к этим частям. Выделение признаков как раз достаточно субъективно, культурно-зависимо, а их связь с оценкой и интеграцией и позволяет говорить об известной неясности или неопределенности (*vagueness*) границ их значения (ср. *теплый, длинный, сладкий* и т.п.)» [14. С. 281–282].

В работах А.Н. Савченко (1959) [23], Н.Д. Арутюновой (1976) [12], Е.С. Кубряковой (1978, 2004) [14, 18], С.М. Толстой (2011) [13], посвященных проблеме отражения результатов познавательной деятельности в семантике и грамматике языковых единиц, указывается на соотношение онтологических понятий «объект/субстанция» и «свойство/признак» в их корреляции с грамматической противопоставленностью

предметности и предикативности как категориальных значений частей речи (существительного, прилагательного, наречия и глагола) и их грамматических функций. Н.Д. Арутюнова, противопоставляя идентифицирующие и предикативные слова, отмечает, что основной функцией идентифицирующих знаков является замещение в процессе коммуникации объектов и явлений реального мира, а предикативные слова (глаголы и прилагательные) сами по себе не приспособлены к денотации. Главной функцией предикативных знаков является **квалификация** объекта, которому приписываются динамические и статические свойства. При этом промежуточное положение занимают отвлеченные существительные с процессуальным и признаковым значением, которые способны получать как сигнификативное, так и денотативное значение [12].

Традиционно в лингвистике признак рассматривается в контексте изучения имени прилагательного как части речи, которая обозначает непроцессуальный атрибут предмета и выражает это значение в словоизменительных морфологических категориях рода, числа и падежа [24. С. 373].

В лингвистических работах представлены различные классификации прилагательных русского языка, в которых наиболее ценными в русле наших рассуждений являются попытки разграничить номинации признаков, фиксирующие разные способы концептуализации результатов чувственного опыта. Так, А.Н. Шрамм разграничил в семантике качественных прилагательных эмпирические, рациональные и оценочные признаки [19. С. 21–22]. **Эмпирические** признаки воспринимаются сенсорно посредством зрения, слуха, обоняния, вкуса, осязания и концептуализируются путем одноступенчатой мыслительной операции, получая соответствующие номинации (*ароматный, кислый, сухой, кривой, тихий*). **Рациональные** признаки возникают на основе воспринятых органами чувств ощущений, которые далее подлежат мыслительной обработке и концептуализируются в результате анализа, сопоставления, умозаключения. Среди них выделяются **собственно рациональные**, называющие качества объектов как таковые (*умный, хитрый, злой, сильный, породистый* и т.п.), а также признаки **оценки качества** предмета, номинации которых демонстрируют положительное или отрицательное отношение субъекта к объекту на основании проявленных им качеств (*превосходный, гадкий, красивый, безобразный* и т.п.).

Классификации признаков на основании характера сенсорного сигнала и способа его когнитивной обработки представлены в работе И.Г. Рузина, посвященной анализу русской лексики с перцептивным значением [21. С. 4–9]. С позиции того, какая модальная система задействована в восприятии, автор выделяет **интрамодальные** признаки, сфера приложения которых ограничивается лишь одним перцептивным модусом (*громкий, пахучий*); **полимодальные**, соотносимые одновременно с несколькими модусами (*гладкий, пушистый*); и **кроссмодальные**, принадлежащие одному перцептивному модусу, но употребляющиеся для характеристики параметров другого (*мягкий* голос). Автор указывает, что психологической основой

кроссmodalности служит синестезия, а лингвистически данное явление реализуется в метафорическом переносе [21. С. 9].

Рассматривая среди вербальных репрезентантов перцептивных признаков не только качественные, но и относительные прилагательные, И.Г. Рузин выделяет две противопоставленные группы признаков: **интенциональные** (выраженные качественными прилагательными) – указывающие не на носителя признака, а на некий абстрактный параметр, по которому различные объекты соотносятся друг с другом и среди которых различаются параметрические (*высокий, яркий*) и непараметрические (*прерывистый*) признаки; а также **экстенциональные** (выраженные относительными прилагательными) – которые определяются через соотносимый с ними объект и подразделяются на аутореферентные – именующие признак объекта самого по себе (*лунный свет* – свет луны), и эталонные – именующие признак объекта по отношению к другому объекту (*изумрудная ткань* – ткань цвета изумруда) [21. С. 4]. Ряд перцептивных признаков, по мнению автора, неизбежно включает субъективную оценку со стороны говорящего и в этой связи может быть обозначен как «субъективные признаки»: **аксиологические**, предполагающие только оценку (*смадный, вкусный*), и **дескриптивные**, в семантике наименований которых присутствует как оценочный, так и описательный компонент [21. С. 7].

При классификации признаков пищевых продуктов, подлежащих метафорической интерпретации в русском языке, мы будем использовать вышерассмотренные параметры их квалификации и соответствующие терминологические обозначения.

1. Интрамодальные эмпиричные интенциональные признаки, которые ограничены одной вкусовой модальностью восприятия и фиксируют определенное качество вкуса: *горький, кислый, сладкий, соленый*.

2. Полимодальные эмпиричные интенциональные признаки пищи, в восприятии которых задействованы несколько модусов перцепции: *пряный, пикантный, терпкий*.

3. Полимодальные собственно рациональные экстенциональные признаки пищи, в восприятии которых задействованы несколько модусов перцепции, а признак назван опосредованно и концептуализирован на основе умозаключения: *жирный, сдобный, сольный, сочный*.

4. Аксиологические рациональные интрамодальные признаки, которые совмещают квалификацию вкусового ощущения с его эксплицитной положительной или отрицательной субъективной оценкой: *вкусный, деликатес, лакомый, смачный, приторный, пресный*.

5. Аксиологические рациональные полимодальные признаки, которые формируются путем умозаключения на основе полимодальной перцептивной информации: *свежий, черствый, тухлый, с душком*.

6. Кроссmodalные эмпиричные интенциональные признаки, совмещающие вкусовой и обонятельный модусы перцепции: *сладкий, горький, кислый, терпкий* (о запахе).

Далее рассмотрим реализованные в семантике образных средств русского языка направления и аспек-

ты метафоризации признаков пищи в пределах каждой группы.

Метафоризация признаков пищи в русском языке

1. К числу номинаций интрамодальных эмпиричных признаков в русском языке относятся прилагательные, называющие четыре основных вкуса *сладкий, кислый, горький, соленый*, которые обладают наибольшей метафорической активностью по сравнению с другими группами. На их базе образованы 153 образные единицы с метафорической семантикой. Количественный состав мотивационно-образных парадигм, вершинами которых являются наименования четырех основных вкусов, выглядит следующим образом: *сладкий* – 83 образных слова и выражения (*сладкий* ‘приятный для слуха’, *всласть* ‘до полного удовлетворения; вдоволь’, *слащавый* ‘очень милый, с излишне нежными, мягкими чертами лица’ и др.), *кислый* – 36 образных языковых единиц (*кислый* ‘скудный, неинтересный, тоскливый’, *скисать* ‘терять бодрость, уверенность; падать духом’, *будто разжевать кислое* ‘о недовольном выражении лица’ и др.), *горький* – 31 образное слово и выражение (*горький* ‘связанный с разочарованием, досадой, сожалением’, *горчинка* ‘недостаток, отсутствие совершенства в чем-л.’, *испить горькую чашу* ‘терпеливо и в полной мере испытать трудности, лишения, невзгоды; долго страдать’ и др.), *соленый* является мотивирующим для трех образных единиц (*соленый* ‘остроумный, выразительный, но грубоватый, не вполне пристойный’, *солон* ‘тяжело, трудно’, *несолоно хлебавши* ‘ничего не получив, не добившись’).

Важным для метафоризации вкусовых признаков аспектом принятия пищи является получение гастрономического удовольствия, поэтому вкусовые ощущения всегда оцениваются едоком как более или менее приятные. По данным языковой семантики, наиболее приятным считается сладкий вкус, горький оценивается как неприятный, кислый вкус получает неоднозначную оценку: несмотря на то, что в русской кухне много блюд, обладающих приятным умеренно кислым вкусом, однако в процессе метафоризации актуализируются негативные его аспекты, связанные с изменением вкуса испорченных в результате брожения продуктов (*прокиснуть, скиснуть*) или очень резкого воздействия на рецепторы (*как будто лимон разжевать*). Соленый вкус в наименьшей степени присущ естественным продуктам и достигается в кулинарии путем добавления поваренной соли, в связи с чем метафоризация актуализирует такой аспект, как вкусовая яркость, насыщенность соленой пищи в противоположность пресной, которая в наименьшей степени раздражает вкусовые рецепторы.

Образные средства языка, мотивированные прилагательными *сладкий* и *горький*, образуют аксиологическую оппозицию в характеристике приятных – неприятных, положительных – отрицательных, конструктивных – деструктивных аспектов жизни человека: чувств и эмоций, межличностных взаимоотношений, событий общественной и политической жизни.

ни, сенсорных и эстетических впечатлений, получаемых через разные каналы восприятия. Удовольствие от сладкого вкуса ассоциируется с позитивными психоэмоциональными состояниями человека: радостью, счастьем, весельем, восторгом, предвкушением: *наслаждение, сладко на душе, сладостное предчувствие, сладковатая тоска, сладостное удовольствие, улада* – Было *сладко* на душе от этих похвал, слёзы подступали (Б. Екимов); а также служит основанием для образной характеристики ситуаций или действий, являющихся причиной эмоционального подъема: *всласть, улаживаться, улаживательный, наслаждаться* – На радостях выпили они с Верой бутылку «Крымской ночи», наговорились *всласть*, сходили погулять по улице Ленина... (В. Пьецух); метафорически обозначает хорошие жизненные условия: материальное благополучие, комфорт, приятную обстановку: *сладкая жизнь* – В столице *сладкая жизнь* забила ключом: модные клубы, шикарные рестораны, шумные тусовки... (Н. Васенков, К. Петербургская).

Горький вкус образно связывается с горем, страданием, сожалением, печалью, отчаянием, разочарованием, досадой: *горькая обида, горькое чувство заброшенности, горе горькое, горькие слезы* – И сразу сделалось так *горько*, что это новое восхитительное чувство, только что пронзившее его душу, оказалось таким же обманом, как и все остальное в жизни (В. Пелевин); *Думать и вообще не хотелось, потому что все нынешние мысли горчили* – он переживал неудачную пору (Ю. Нагибин). Часто подобные состояния человек испытывает, эмоционально реагируя на жизненные трудности, невзгоды, негативный опыт взаимоотношений – на обидные слова, оскорбительные поступки окружающих: *горький опыт, горечь поражения, испить горькую чашу до дна, горькая истина* – Бунт был подавлен безжалостно обоими родителями – подавлен до захлебывающихся слёз и такой *горечи*, такого одиночества, каких Колюня даже не мог вообразить себе (А. Варламов); *Жизнь в Москве – она, выходит, хуже горькой редьки*, сколько бы ты ни зарабатывал и на какой бы машине ни ездил, потому что всегда найдется тот, кто хочет занять твоё место или паразитировать на тебе («Вокруг ТВ»). Наречие *горько* используется в значении ‘сильно, очень, интенсивно’ для образной характеристики негативных явлений, вызывающих чувство обреченности, осознание того, что ничего уже нельзя изменить или исправить: *горько пожалеть, горько разочароваться, горько ошибиться* – Оказывается, я *горько* ошибался. Таких людей как у нас, так и за рубежом нашлось немало («Солдат удачи»). Ощущения от восприятия горького вкуса метафорически связываются с недостатками в характере человека, вызывающими у окружающих досаду, разочарование, обиду – Наши умники никак не смекнут, что нас связывает, что я такого нашел в несостоявшемся человеке, к тому же не без перца с *горчинкой* (Л. Зорин).

Метафоризация сладкого вкуса распространяется на гораздо более широкий круг денотатов по сравнению с другими вкусами. Через метафору сладкого образно характеризуется привлекательная, миловид-

ная внешность: *сладкий, сладенький, слащавый* – Ямордой и повадкой кругленький был, *сладенький, при росте в метр девяносто; девицы млели* (А. Дмитриев); выражаются нежные чувства к другому человеку, само чувство нежности: *сладкая дочурка, сладенькие глазки моего мальчика* – Она приняла... черты пухленькой, курчавой *сладкой* моей дочурки – Кати (С. Спивакова); характеризуется чувственная нежность: *Сладостно* провели они первую ночь с молодым мужем (Б. Кенжеев); а также проявление умиленья, удовольствия во взгляде и мимике: *Смотрел на шахматную доску сладкими глазами*, склонив голову набок (Ю. Герман).

Образную характеристику через метафору сладкого получают различные аспекты речи, связанные с положительной оценкой слов, голоса, манеры выражаться, вызывающие расположение и симпатию собеседника: *сладкие комплименты, сладенький голос, сладкогласный, сладкоречивый* – Этот человек, разговаривая с богатыми, неизменно впадал в какое-то неаполитанское *сладкогласие* (Ф. Искандер). При этом в иронических контекстах выражается негативная оценка излишне сентиментальным, наивным, банальным высказываниям и произведениям: *сладенький роман, сладкая сказочка, сладенький сюжет* и т.п. – Поэтому сейчас, на склоне лет, должен просить прощения у своих бывших учеников за то, что морочил им головы этим *сладкогласым* мечтателем (И. Ефимов). Положительную оценку выражают образные прилагательные, называющие приятное для слуха гармоничное звучание музыки, пения птиц, звуков природы: *сладкие звуки, сладостное пение, сладкозвучие, сладкозвучность, сладкозвучный*. За дворцовой оградой звенели фонтаны, а на деревьях *сладко* пели невидимые птицы (В. Губарев). В круг денотатов метафоры сладкого входят объекты экономической деятельности, приносящие доход, коммерческую выгоду, которые оцениваются сугубо положительно: *сладкий клиент, сладкий регион* – Когда мы начали снимать, доллар стоил 22 руб., сейчас мы отдаем кредиты по курсу 36 руб. Хотя, конечно, если брать в расчет нормальное развитие событий, октябрь – самый «*сладкий*» месяц, когда можно собрать практически столько же, сколько в новогодние каникулы («rbcdaily.ru»).

Амбивалентность оценки в метафоре сладкого вкуса проявляется в том, что прилагательные с семантикой сладкого называют явления, связанные с демонстративным, неискренним, сугубо внешним и поверхностным проявлением каких-либо положительных качеств: излишняя внешняя красота, поведение угодливого человека, пытающегося понравиться, показная сентиментальность и т.п.: *сладкая любезность, сладостные речи, сладенькая улыбочка, слащавый, сладкая парочка* и др. – Но фальшивость *сладостных*, елейных речей не всегда удаётся распознать с ходу (Коллективный). Негативная оценка выражается по отношению к плотским аспектам интимной стороны жизни, чрезмерной страсти, чувственными наслаждениям: *сладострастие, сладострастник, сладострастный, сластолюбец, сластолюбивый, сластолюбие* – У меня достанет силы на кое-

что другое. – Правда? – Ее оскал вдруг сменился *сладенькой* улыбкой. – Неужели? До меня дошла *дву-смысленность* моих собственных слов (М. Дяченко, С. Дяченко).

Метафоризация прилагательного *кислый* связана с образом *прокисших* продуктов, приобретших вследствие этого кислый вкус. В его семантике присутствует компонент утраты изначального качества свежести, пригодности к употреблению, что служит образным основанием для метафорической характеристики подавленного психоэмоционального состояния, которое связано с ухудшением настроения, снижением жизненного тонуса, проявлением грусти, раздражения, утратой творческой активности, а также с внешними проявлениями этих состояний в мимике, поведении: *кисло на душе, скиснуть, кисловатое* выражение лица, *будто кислое разжевал, кислить* морду, *кисло* мямлить, *кисло* отвечать, *кисляй* – Настроение его окончательно *скисло*, потому что вспомнилось вдруг, как тают в заветном мешочке царские золотые монеты (Б. Васильев). Метафора *кислый* характеризует рутинные действия и ситуации, которые вызывают скуку и приводят к подавленному эмоциональному состоянию: *киснуть от тоски, скисать, прокиснуть* – Я ненавижу *суточные расписания, сезонные графики, учебные сетки, кварталы, полугодия, названия контор по фасаду, кабинеты, в которых закисает жизнь* (И. Полянская); а также неинтересные, банальные, невыразительные речевые и художественные произведения: *кислый сюжет* – В конце концов я все-таки *выжсимаю* из себя две странички пошлой *кислятины*, где вру, вру бесстыдно, например, *называю* пожилую пионервожатую одной из *удач спектакля* (Д. Рубина).

В основе метафорического переосмысления соленого вкуса лежит интенсивность его воздействия на вкусовые рецепторы, которая достигается добавлением соли в продукт. По типу метафоризации это сближает прилагательное *соленый* с номинациями второй группы признаков, называющих яркие вкусы, полученные путем добавления специй (*пряный, пикантный*). Метафора *соленый* используется по отношению к ярким, экспрессивным элементам речи, характеризует остроумные, чаще непристойные и грубые шутки: *соленые шуточки, соленое слово* – Знают его в основном как *любителя острого* (а порой, что греха таить, – *соленого*) словечка («64 – Шахматное обозрение»). Образ, выраженный во внутренней форме идиомы *несолоно хлебавши*, связан с поглощением несоленой пищи, которая воспринимается как «пустая», лишенная вкуса, что характеризует ситуацию бесполезных действий, не приводящих к желаемому результату: *Пришлось с тощей пачечкой ассигнаций, почти что несолоно хлебавши в Москву ворочаться* (Б. Евсеев). Кроме того, образная интерпретация соленого вкуса связана со слезами как символом горя, а метафора *соленый* используется для характеристики жизненных трудностей, страдания: *Без Артура, особенно в первые дни, мне пришлось бы солоно* («Техника – молодежи»).

2. Вторая группа включает прилагательные, называющие полимодальные признаки пищи, воспринима-

емые в совокупности вкуса с обонятельными, тактильными и температурными сигналами, так как «в ротовой полости помимо вкусовых рецепторов расположены также тактильные и термореперторы» [25. С. 337]. Вкусовое ощущение, сопровождаемое чувством жжения (вкус жгучих перцев, горчицы), получило в русском языке метафорическое обозначение *острый*, основанное на аналогии с болевым эффектом от тактильного воздействия колющих и режущих предметов. В силу вторичности данной номинации прилагательное *острый* не рассматривается в ряду слов, демонстрирующих метафоризацию собственно вкусовых признаков продуктов. При этом семантика острого вкуса присутствует в значениях прилагательных *пряный* ‘острый и ароматный на вкус, резкий, возбуждающий по вкусу и запаху’ и *пикантный* ‘острый на вкус, пряный’, составляющих в совокупности с прилагательным *терпкий* ‘вызывающий вяжущее ощущение во рту’ группу полимодальных признаков пищи. При поглощении острой пищи человек ощущает жжение, восприятие горько-кислых напитков и плодов с терпким вкусом сопровождается вяжущим эффектом в ротовой полости, пряные блюда оказывают интенсивное воздействие на обонятельную систему. Эта группа качеств характеризует интенсивные, сильные и непривычные в повседневном употреблении вкусовые ощущения, метафорически проецируемые на нечто необычное, нестандартное, волнующее, возбуждающее интерес.

Количественный состав парадигм выглядит следующим образом: *терпкий* – 15 образных единиц (*терпкий* ‘возбуждающий, чувственный’, *терпкость* ‘волнующая, чувственная привлекательность’, *терпко* ‘раздражительно, иронически’), *пикантный* – 7 (*пикантный* ‘не вполне пристойный, фривольный’, *пикантность* ‘то, что возбуждает острый интерес; необычность, сенсационность’, *пикантно* ‘необычайно интересно, любопытно’), *пряный* – 7 (*пряный* ‘чувственный, эротичный, связанный с отношениями полов’, *пряно* ‘ярко, незаурядно’, *пряность* ‘элементы, придающие произведению оригинальность, выразительность’).

Способность блюд с пряным, пикантным и терпким вкусом вызывать аппетит и доставлять яркие вкусовые ощущения метафорически ассоциируется с чувственным влечением, сексуальной привлекательностью: *пряная эротика, пикантная родинка на груди, терпкая женственность* – И такая *терпкая, такая дурманящая женственность струилась от гибких, здоровых их тел...* (Л. Кабо); уподобляется сенсационным новостям и непривычным событиям, вызывающим интерес и волнующим новизной: *пикантная загадка, пикантность ситуации, пряная экзотика* – *Терпкая смесь радости и мстительности опьяняет. Наконец-то!* (О. Новикова).

Метафора *терпкий* демонстрирует неоднозначное отношение субъекта гастрономической деятельности к этому вкусу. С одной стороны, его можно отнести к неприятным, так как продукты с терпким вкусом оставляют во рту оскомину, вяжущее ощущения. Эти качества терпких продуктов выступают основанием для метафорической характеристики неприятных

чувств, болезненных реакций, мучительных состояний: **терпкий** страх, **терпкие** мысли, **терпкость** трагедии, **терпкий** яд слов – Революция приучила Мандельштама к отъездам, похожим на бегство, к **терпким** расставаниям (Ю. Нагибин). С другой стороны, терпкость придает продуктам и напиткам необычный, яркий вкус, что служит образным основанием для наименования волнующих ощущений от чувственной музыки: **терпкая** гармония, волнующая **терпкость** адажио, **терпкость** звучания – Джордж Даларас <...> самый удачный проповедник стиля «рембетико», своеобразно эллинского блюза с **терпкими** средиземноморскими интонациями («Известия»); сильных эмоциональных переживаний: *Всё осталось на своих местах, ничто не пострадало, не обвалилось, не взорвалось, только прибавилось счастья, терпкой остроты, праздничности* (И. Муравьева).

3. В группу номинаций полимодальных экстенсивных (рациональных) признаков пищи вошли прилагательные, семантика которых связана с составом продуктов: **жирный** 1) ‘содержащий много жира, масла’; 2) ‘с большим слоем подкожного жира (о мясе)’; **сдобный** ‘приготовленный на молоке, масле, яйцах и т.п. (о тесте и изделиях из него)’, **сальный** ‘состоящий из сала; оставленный салом, жиром’; **сочный** ‘содержащий много сока’. Вкусовой модус здесь отходит на периферию восприятия, а в фокусе метафоризации оказываются визуальные и тактильные аспекты качественной характеристики (объемный и пышный, объемный и упругий, блестящий и скользкий), а также повышенная питательная ценность продукта. Обогащенный калорийными ингредиентами состав продукта в целом выражает идеи насыщенности, наполненности, интенсивности и значимости.

Количественный состав парадигм выглядит следующим образом **жирный** – 35 образных слов и выражений (**жирный** 1) ‘яркий, насыщенный, интенсивный, сильный (о голосе, звуке, свете)’; 2) ‘материально обеспеченный, пресыщенный, самодовольный’; 3) ‘существенный, важный, значимый (о положительных или отрицательных сторонах жизни, деятельности)’; **жир** ‘сведения скандального, сенсационного характера, способные повредить чьей-л. репутации; компромат’, **жирно** ‘в виде густой массы; густым слоем’, **ожиреть** ‘стать избыточным по структуре’ и др.), **сочный** – 15 (**сочный** ‘яркий, насыщенный, глубоких, чистых тонов’, **сочно** ‘громко, интенсивно (о звуках, манере речи)’, **сочность** ‘выразительное, оригинальное, эмоционально воздействующее слово, высказывание’ и др.), **сальный** – 10 образных единиц (**сальный** ‘толстый, крупный (о фигуре, частях тела)’, **засаленный** ‘лоснящийся от жира, имеющий жирный блеск’, **сально** ‘выражая грубую чувственность, непристойно’ и др.), **сдобный** – 6 образных единиц (**сдобный** ‘пышный, мягкий, объемный (о частях тела человека)’, **сдоба** ‘о женщине с полным телом’ и др.).

Через метафоры **сдобный**, **жирный**, **сочный** образно характеризуются крупные, объемные предметы: **сдобное** облако, **жирные** листья тополей, **сочные** капли дождя – Мелькали таверны, пансионаты, **сдобные** византийские церкви, похожие на пасхальные куличи (Д. Рубина); широкие начертания букв и ли-

ний, толстый слой краски: **жирная** черта, **жирный** шрифт, **жирно** покрашенное лицо; полное, упругое тело и его части: **сдобная** дама, **сочные** губы, **в самом соку**, **самый сок** – Я демонстрирую чудеса маневрирования, чтобы не врезаться сдуру в **сочные** бока мордастых племенных коров (Д. Карапетян).

Семантика интенсивности, насыщенности метафорически передается в характеристике яркого света, ярких красок и цветов: **жирный** свет фонаря, **сочные** цвета, **сочно** зеленеть – Одна из лучших ролевых игр в духе незабвенного *Diablo*. **Сочная** графика, увлекательный сюжет и прочие радости жизни («Хулиган»); густых и концентрированных веществ: **жирная** грязь, **жирный** туман – От нашего навоза земля **жиреет** и передает свой жир растениям полей и огородов (Ф. Искандер); интенсивных звуков и сильного голоса: **жирные** звуки, **жирно** каркали вороны, **сочные** фразы – Я набрала номер. Мне ответил **жирный**, чувственный бас (И. Грекова); выразительной речи и речевых произведений, которые вызывают эмоциональный отклик: *Фразы у нее сдобные, аппетитные, напичканные междометиями, как изюмом* (Д. Гуцко); *Но главная мысль Пришвина была о сравнении осени и весны семнадцатого, по поводу чего он выразился чрезвычайно сочно* (А. Варламов).

Высокая питательная ценность жирных продуктов лежит в основе образной характеристики экономически привлекательных объектов, ассоциируется с богатой жизнью, изобилием: **жирный** барыш, **жирный** кусок, **жирная** страна, *не до жиру быть бы живу* – **Жирная** и несметная рента от нефти принадлежит всему обществу, а не крупным акционерам нефтяных компаний («Завтра»).

Визуальные аспекты рассматриваемых признаков реализовались в характеристике блестящих и сильно загрязненных поверхностей: **жирный** блеск, **засаленный** воротник, *потное сальное* лицо – Шли и шли лошади, увозя с заводов ящики с сытыми боками **сально** блестящих снарядов (А. Лиханов). Скользящая и блестящая поверхность жиросодержащих продуктов (сала, масла) вызывает аналогию с чем-то скользким, метафорически характеризующим нечто двусмысленное и не вполне приличное (**сальный** взгляд, **масленные** глазки), а также способность сала, жира оставлять грязные пятна актуализирует в семантике данных прилагательных компонент ‘грязный’, проявленный в метафорической характеристике низменных человеческих инстинктов, плотских желаний, непристойных и грубых выражений: **сально** ухмыльнулся, **сальные** шуточки – Начальник цеха... постоянно проявлял к ней повышенное внимание: то за талию приобнимет, то на ушко какую-нибудь **сальность** шепнет (А. Житков).

4. Четвертую группу составляют номинации аксиологических признаков, которые совмещают квалификацию интрамодального вкусового ощущения с его эксплицитной положительной или отрицательной субъективной оценкой. Положительную оценку вкуса выражают **вкусный** ‘приятный на вкус, вызывающий аппетит’, **лакомый** ‘доставляющий вкусовое наслаждение, очень вкусный’, **смачный** ‘сочный или обильно сдобренный чем-л. (маслом, приправой и т.п.); ап-

петитный, вкусный', *деликатес* 'редкое, вкусное, изысканное кушанье; лакомство'. Отрицательно оцениваются такие качества пищи, как *приторный* 'чрезмерно сладкий', *пресный* 'лишенный определенного вкуса вследствие отсутствия или недостатка соли, сахара или специй', маркирующие избыточность или недостаточность вкусового воздействия.

Количественный состав парадигм: *вкусный* – 10 образных единиц (*вкусный* 'выразительный, красочный, яркий', *вкуснятина* 'что-л. привлекательное, выразительное, вызывающее интерес', *вкусно* 'богато, роскошно, с удовольствием' и др.), *лакомый* – 10 (*лакомый* 'экономически привлекательный, выгодный, приносящий доходы', *лакомство* 'что-л. интересное, привлекательное, заманчивое', *лакомиться* 'получать удовольствие' и др.), *смачный* – 19 (*смачный* 'сильный, интенсивный', *смачно* 'с удовольствием, наслаждением', *смаковаться* 'обсуждаться с особым интересом, пристрастием' и др.), *приторный* – 9 образных единиц (*приторный* 'излишне любезный, ласковый, угодливый', *приторность* 'чрезмерная красивость, неестественная правильность, показное благополучие.' *приторно* 'слишком сентиментально, умиленно' и др.), *пресный* – 5 (*пресный* 'скудный, неинтересный, лишенный занимательности, живости' *пресновато* 'скудно, неинтересно (о восприятии жизни, речевых и художественных произведений)', *пресность* 'однообразие, отсутствие занимательности, азарта, выразительности' и др.).

Приятные ощущения от употребления пищи с высокими вкусовыми качествами ассоциируются с эстетическим наслаждением при восприятии привлекательных внешне людей и объектов: *вкусная* *небелка*, *лакомая* *щёчка* – *Пространство получилось небольшим, но из-за двух высоких окон – в стене и в потолке – удивительно радостным и вкусным* для глаз (Д. Рубина); с приятными ситуациями, жизненными условиями, доставляющими удовольствие: *лакомиться* *наградой*, *целовать со вкусом*, *посмаковать* *приятное событие* – *Братья Волковы – архитектор и пейзажист – подались в Рим. Евстигней Фомин – в город лакомый, город желанный: в Болонью!* (Б. Евсеев); с новостями и информацией, которую человеку приятно обсуждать: *вкусные* *подробности*, *вкусность*, *лакомиться* *сплетнями*, как *лакомство*, *смачные* *факты биографии*, *главный смак истории* – *Тему зависти вы, кстати, правильно подняли, нужно будет её в дальнейшем проработать: это вкусная тема и это предельно энергетичный мотивчик* («Частный корреспондент»). Связь между гастрономическим и эстетическим удовольствием лежит в основе характеристики объектов культуры и искусства: увлекательных и изысканных художественных произведений, яркой и выразительной манеры речи, красивого пения и нежной музыки: *вкусная* *пауза*, *вкусно* *говорить*, *смачные* *комментарии* – *Но вся эта «вкуснятина» готовится в Москве на одной кухне, именуемой «Мосфильм»* («linter.ru»), *Джаз был моден, джаз им всем тогда нравился, и к тому же в нём ощущался лакомый душок запретности* («Наука и жизнь»). Вкусная пища метафорически сближается с экономически привлекательными объектами торго-

вой сферы, ассоциируется с богатой, роскошной жизнью: *лакомые* *активы*, *лакомый* *кусочек*, *жить вкусно* – *С точки зрения российских «пыльциков» и приватизаторов, ядерная отрасль делится на вкусную и невкусную части* (Коллективный).

Избыток сладости во вкусе метафорически выражает отрицательно оцениваемые поведенческие качества человека: нарочитую любезность, угодливость, показное благонаравие, льстивую речь, излишнюю сентиментальность: *приторная* *улыбочка*, *приторные* *вздохи*, *приторно* *желеманьясь* – «*Навстречу жизни*» – *халтурный роман, беспомощный технически, многие места приторны до омерзения, а в основном – адская скука* («Наш современник»). Недостаток яркости во вкусе связывается с неинтересными, банальными, однообразными событиями, скучными людьми: *пресная* *натура*, *пресность* *жизни*, *пресноватые* *будни* – *Постоянная подруга у меня есть – пресная, положительная, неумело влюбленная, с плохой фигурой, надежная, как весь гражданский флот* (А. Пастернак); *До сих пор жил ты скучновато, пресновато, тускловато, жил, честно-то говоря, почти как обыватель* (Г. Алексеев).

5. Номинации полимодальных рациональных аксиологически маркированных признаков. Вошедшие в эту группу признаки – *свежий* 'только что добытый, приготовленный', *черствый* 'утративший былую мягкость, несвежий', *тухлый* 'испорченный, дурно пахнущий', *с душком* 'с неприятным запахом от чего-л. испорченного', – формируются путем умозаключения на основе полимодальной перцептивной информации. Субъект посредством органов чувств воспринимает продукт (видит цвет, чувствует вкус и запах, тактильно ощущает консистенцию и т.п.), затем анализирует полученную информацию, сопоставляет с уже имеющимся опытом и делает вывод о качестве продукта с точки зрения его пригодности к употреблению. Положительно оцениваемому качеству *свежий* (обонятельная модальность – приятный аромат, тактильная модальность – соответствующие температура и плотность, зрительная модальность – соответствующий цвет, форма и т.п.) противоположны отрицательно оцениваемые качества: *черствый* (тактильные ощущения – твердая структура, жесткая поверхность); *тухлый*, *с душком* (неприятный аромат, несвежий вид).

Количественный состав парадигм: *свежий* – 55 образных лексических и фразеологических единиц (*свежий* 'не утративший яркости, насыщенного цвета, блеска', *свеженький как огурчик* 'о человеке, который чувствует себя здоровым, полным сил; выглядит бодрым, отдохнувшим', *свежо* *предание, да верится с трудом* 'это похоже на правду, но, скорее всего, не соответствует истинному положению дел', *свежак* 'о чем-л. новом, недавно появившемся' и др.), *тухлый* – 30 (*тухлый* 'скудный, банальный, неинтересный', *забросать тухлыми яйцами* 'открыто выражать/выразить недовольство, несогласие, возмущение', *тухлое дело* 'дело, не имеющее никакой перспективы, бесполезное и никому не нужное' и др.), *черствый* – 11 (*черствый* 'затвердевший (о частях тела, предметах)', *черствый сухарь* 'неотзывчивый,

лишенный чуткости, бездушный человек’, **чёрствость** ‘отсутствие доброты, чуткости, способности сострадать; равнодушие’ и др.), **душок** – 3 (**душок** ‘проявление чего-л., склонность к чему-л. во взглядах, настроениях, поведении (как правило, о чем-л. отрицательном, неблагонадежном, непорядочном)’, **с душком** ‘о ком-, чем-л. неактуальном, неинтересном, запоздалом’ и др.).

Отличительной особенностью исходной мотивирующей семантики данных языковых единиц является наличие динамического темпорального признака, связанного с постепенной утратой изначальных положительных качеств продукта или блюда по истечении определенного срока после его приготовления. В системе метафорических номинаций эта семантика связывается с идеей степени новизны и сохранности изначальных положительных качеств (**свежий** – новый, приятный, неиспорченный) в противоположность негативной ситуации утраты первоначальных достоинств (**черствый** – утративший доброту, нежность; **тухлый**, **с душком** – отсталый, утративший бодрость, энергию, привлекательность). Свежесть недавно приготовленных продуктов метафорически ассоциируется с чистой, незагрязненной природной средой, новыми и чистыми предметами: **свежесть** утра, **свеженький** ветерок, **свежак**, зимняя **свежинка**, **свежие** обои, **свежее** белье – **Свежий** мартовский ветер принялся трепать по щекам и хозяйски оцупывать шею (Д. Рубина); полными здоровья и сил людьми, молодежью, новичками в какой-либо деятельности: **свежий** цвет лица, **свежий** вид, **свежая** кровь, **свежие** силы, **свежие** люди, **свежий** взгляд – Экономика республики в настоящее время является одной из самых бурно развивающихся в Европе и требует **свежего** притока рабочей силы («Туризм и образование»); новыми чувствами, эмоциями, впечатлениями, идеями, новаторскими взглядами: **свежие** эмоции, **свежие** впечатления, **свежие** идеи, **по свежаку**, **свежая** информация, **внести свежую струю**, **свежие** цифры, **по свежим следам** – В глазах блестели слезы **свежей** обиды (В. Пелевин). Для нас московский чемпионат стал **глотком свежего воздуха** («Известия»); прогрессивными социальными изменениями: Мне повезло работать в 1980-е: оцупить **свежий ветер перемен**, услышать приятный звук падения оков цензуры («Совершенно секретно»).

Через метафору **черствый** характеризуются предметы и части тела, утратившие мягкость, эластичность, поверхность которых стала твердой, сухой, шершавой: **черствая** от мороза земля, **зачерствевшая** кожа – А руки его, **черствые**, с разбухшими суставами и пальцами, как бы даже не разгибающимися до конца, много-таки поработали на своем веку (Г. Бакланов); поведение неотзывчивого, бездушного, лишенного чуткости человека: **черствые** слова, **черствый** сухарь, **черствый** голос – Та подходит уже с более несчастным лицом, чем прежде: надо как-то тронуть мою **зачерствелую** педагогическую душу (С. Рябцева); состояние духовной жизни общества, лишенного гуманистических ценностей: Без вашего романтизма общественная жизнь стала **черствей**, эгоистичней, бедней (А. Проханов).

Одорическая метафора неприятного запаха от испорченных продуктов служит средством негативной оценки поведенческих и нравственных качеств человека: лени, апатии, отсутствия индивидуальности, слабохарактерности: **тухлый** интеллигент, **тухлость** людей – Они всегда врал, даже когда не следовало врать, всегда в их глазах угадывалась некая **тухлинка**, некое болотце, затянутое ряской (Г. Прашкевич); консервативных отсталых взглядов, порочных наклонностей, нежелания развиваться: дельцы с криминальным **душком**, **протухают** мозги – Популярность Амосова никогда не была **с душком**, которым часто отдают биографии и карьеры его многих знаменитых советских и постсоветских современников (В. Молчанов, К. Сегура). Образ испорченных продуктов связывается с неактуальными идеями и событиями, запоздалыми действиями, чем-то скучным, банальным, неинтересным: **тухлое** дело, **тухлая** тема, **тухло** говорить, писать **тухлятину**, **тухлая** атмосфера, **тухляк**, **тухнуть** от скуки – Скажу сразу, идея **с «душком»**, основана на примерах из жизни кошек, на них и обкатана (Коллективный); Выборы 1995-го были довольно **тухлыми**, но их двигала хотя бы энергия раздражения («Время МН»).

6. Номинации кроссмодальных признаков, совмещающих вкусовой и обонятельный модусы перцепции, представлены прилагательными **сладкий** ‘подобный сладкому вкусу (о запахе)’, **горький** ‘резкий, подобный горькому вкусу (о запахе)’, **кислый** ‘неприятный, резкий, подобный кислому вкусу (о запахе)’, **приторный** ‘чрезмерно сладкий (о запахе)’, **терпкий** ‘сильный, резкий, раздражающий, навязчивый (о запахе)’, **вкусный** ‘ароматный, свежий, приятный (о запахе)’, **свежий** ‘нежный, бодрящий (о запахе)’, которые используются для наименования запахов. Слияние качеств различных сфер чувствительности, при котором качества одной модальности переносятся на другую, называется в психологии синестезией. В русском языке нет иных обозначений для запахов, соответствующих вкусовым ощущениям, поэтому данные номинации трудно квалифицировать как собственно метафорические. Синестетический сдвиг здесь близок к метонимическому: ‘запах чего-л., напоминающий запах от продуктов с подобным вкусом’. Данные образные единицы не реализуют концептуальную метафору как модель сближения разнородных сущностей по аналогии, так как называют явления одной концептуальной области – запахи. Однако косвенно реализуется аналогия с продуктами подобного вкуса, которые являются эталонными носителями одновременно как вкусов, так и запахов: **Горьковатые** запахи позднего лета нахлынут на меня (В. Голованов); К **терпкому** запаху цветов добавляется аромат ритуальных свечей (В. Овчинников); Здесь росла черемуха, и **приторный** ее запах будоражил, обещал счастье (Т. Тронина); Но вокруг **сладостно** нахло дубовыми листьями, грудь наполняло глубокое дыхание (А. Ладинский).

В контекстах, отобранных из базы НКРЯ, было обнаружено 7 образных единиц, называющих горькие запахи: **горький**, **с горчинкой**, **горчить**, **горчащий**, **горько**, **горьковато**, **горьковатый**; 4 образные едини-

цы с семантикой кислого запаха: *кислый, кисленький, кислинка, кисловатый*; 2 образные единицы, называющих чрезмерно сладкие запахи: *приторный, приторно*; 5 образных единиц сладкого запаха: *сладкий, сладко, сладковатый, сладостно, сладостный*; по 3 образных единицы с семантикой терпкого и «вкусного» запаха: *терпкий, терпко, терпковатый, вкусный, вкусно, вкусенько*: Она просто вспомнила самый *вкусный* запах из детства, смешала ваниль, иланг-иланг и жасмин и, несмотря на то, что ничего не смыслила в парфюмерии, создала очень легкий и очень *вкусный* аромат. «Домовой»; и 2 образных единицы запаха свежести *свежий, свежо* – Изю рта у него *свежо* пахло зубной пастой (О. Некрасова).

Заключение

В результате проведенного исследования был выявлен набор актуальных для процесса метафоризации признаков продуктов питания, выделенных познающим субъектом на основании первичных сенсорных ощущений и телесного практического опыта и отрефлексированных сознанием говорящего коллектива в виде устойчивых стереотипных моделей отображения признаков пищи в языке; составлена классификация этих признаков по модусу восприятия, способу концептуализации сенсорных сигналов, наличию эксплицитированного в номинации оценочного компонента. Продемонстрирован целостный фрагмент метафорической картины мира, представленный признаковой

гастрометафорой русского языка, что оказалось возможным благодаря применению методов лингвистического моделирования образного лексико-фразеологического поля, включающего в состав комплекс мотивационно-образных парадигм, а также концептуального метафорического моделирования объектов из сфер-мишеней по аналогии с объектами из сферы-источника. Оказалось, что для каждой группы признаков характерен особый способ метафорической интеракции: 1) аналогия с телесным ощущением для эмпирических интрамодальных и полимодальных признаков (*кислый вкус – кислое настроение, терпкое вино – терпкое волнующее предчувствие*), 2) аналогия с продуктом, обладающим подобным качеством (*сдобная булка – сдобная фигура*) и (или) 3) питательный эффект насыщения (*жирное мясо – жирный барыш*) для рациональных полимодальных признаков; 4) положительная или отрицательная оценка качества продукта как аналогия для позитивных/негативных характеристик различных явлений (*лакомое блюдо – лакомая отрасль экономики, тухлая рыба – тухлый спектакль*) для аксиологических признаков; 5) смежность модусов восприятия (*сладкий вкус – сладкий запах*) для кроссмодальных признаков. Примеры текстовой репрезентации признаковой пищевой метафоры в художественном, научно-популярном, публицистическом, рекламном типах дискурса демонстрируют ее существенный прагматический потенциал, анализ которого составит перспективы дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Склярская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб. : Изд-во Филол. фак-та СПбГУ, 2004. 166 с.
2. Илюхина Н.А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации. М. : Флинта, 2016. 321 с.
3. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago : University of Chicago Press, 1980.
4. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. М. : Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
5. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Когнитивная теория метафоры: новые горизонты // Трибуна ученого. 2013. № 1. С. 6–13.
6. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1992. 54 с.
7. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 654 с.
8. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
9. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5–32.
10. Юрина Е.А., Балдова А.В. Пищевая метафора в процессах концептуализации, категоризации и вербализации представлений о мире // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 48. С. 98–115.
11. Новицкая И.В. Лингвистика XXI века на пути к интегральной теории метафоры // Сибирский филологический журнал. 2019. № 3. С. 143–157.
12. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл : Логико-семантические проблемы. М. : Наука, 1976. 383 с.
13. Толстая С.М. Семантические категории языка культуры : Очерки по славянской этнолингвистике. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 368 с.
14. Кубрякова Е.С. Язык и знание : На пути получения знания о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
15. Словарь русской пищевой метафоры. Т. 3 : Субъект, объект и инструменты гастрономической деятельности / авт. А.В. Балдова, М.В. Герасимова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина ; под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2019.
16. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.09.2020).
17. Юрина Е.А. Вкусные метафоры : пищевая традиция в зеркале языковых образов. Кокшетау, 2013. 238 с.
18. Кубрякова Е.С. Части речи в ономазиологическом освещении. М. : Наука, 1978. 114 с.
19. Штрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. 133 с.
20. Степанян Т.Р. Синестетические метафоры русского языка: прилагательные чувственного восприятия : дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. 192 с.
21. Рузин И.Г. Модусы перцепции /зрение, слух, осязание, обоняние, вкус/ и их выражение в языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 21 с.
22. Гридасов В.В. Перцептивная метафора как лексико-семантическая категория (на материале современного немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1999. 163 с.
23. Савченко А.И. Части речи и категории мышления. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1959. 65 с.
24. Немченко В.Н. Грамматическая терминология : словарь-справочник. М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. 592 с.
25. Ковалева А.В. Нейрофизиология, физиология высшей нервной деятельности и сенсорных систем : учеб. для СПО. М. : Юрайт, 2018. 365 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 10 августа 2021 г.

Attributive Gastronomic Metaphor in Russian: Aspects of Typology

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 62–71.

DOI: 10.17223/15617793/470/7

Elena A. Yurina, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yourina2007@yandex.ru

Anastasiia A. Poliakova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 3008polyakova@gmail.com

Anastasiia V. Baldova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nastya-borovkova@mail.ru

Keywords: attributive metaphor; figurative lexis; phraseology; food metaphor; worldview.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-18-00194.

The article examines the metaphorized aspects of the attributive semantics associated with the peculiarities of conceptualizing various features of food. The authors typologize attributes that are the basis of metaphorical projections of the gastronomic sphere phenomena onto a wide range of concepts from various target areas (thinking, psyche, social life phenomena, various objects of the physical world). The analysis of trends and aspects of food features metaphorization in Russian is presented on the material of figurative lexical and phraseological units. Food attributes are classified based on various methods of sensory signal cognitive processing with respect to the perception modality (intramodal, polymodal, crossmodal), rational or sensory perception dominant (rational – empirical), direct or indirect way of nomination (intensional – extensional), and the presence of evaluative attitude to a certain quality of food (axiological). As a result, a set of food product attributes relevant for the metaphorization process is identified and the figurative means of the Russian language are classified with a detailed description of aspects and trends of the figurative interpretation of these attributes within each class. The article presents a coherent fragment of the metaphorical worldview expressed by Russian attributive food metaphors. The following cognitive bases for metaphorical affinity are determined: 1) the ability to distinguish various tastes; 2) strong/weak taste receptors excitation; 3) pleasure/displeasure from taste sensations; 4) the degree of original positive food qualities preservation; 5) associations with food appearance as an attribute reference pattern; 6) food nutritional value; 7) contiguity of taste and olfactory perception modalities. The fixed sensory images based on perceptive food properties are used for metaphorical characteristics of human appearance and character, psycho-emotional state, life situations and social activities, economic phenomena, speech and artistic works. Examples of attributive food metaphor's textual representation in artistic, popular science, journalistic and advertising discourses demonstrate its significant pragmatic potential.

REFERENCES

1. Sklyarevskaya, G.N. (2004) *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the language system]. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University.
2. Ilyukhina, N.A. (2016) *Metaforicheskiy obraz v semasiologicheskoy interpretatsii* [Metaphorical image in the semasiological interpretation]. Moscow: Flinta.
3. Lakoff, G. & Johnson, M. (1980) *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press.
4. Baranov, A.N. (2014) *Deskriptornaya teoriya metafory* [Descriptor theory of metaphor]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
5. Budaev, E.V. & Chudinov, A.P. (2013) Kognitivnaya teoriya metafory: novye gorizonty [Cognitive theory of metaphor: new horizons]. *Tribuna uchenogo*. 1. pp. 6–13.
6. Yakovleva, E.S. (1992) *Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of the Russian linguistic picture of the world (models of space, time and perception)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
7. Kovshova, M.L. (2009) *Semantika i pragmatika frazeologizmov (lingvokul'turologicheskiy aspekt)* [Semantics and pragmatics of phraseological units (linguocultural aspect)]. Philology Dr. Diss. Moscow.
8. Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".
9. Arutyunova, N.D. (1990) *Metafora i diskurs* [Metaphor and discourse]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Teoriya metafory* [Metaphor theory]. Moscow: Progress. pp. 5–32.
10. Yurina, E.A. & Baldova, A.V. (2017) Food Metaphor in Conceptualization, Categorization and Verbalization of Representations About the World. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 48. pp. 98–115. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/48/7
11. Novitskaya, I.V. (2019) Linguistics of the 21st Century on the Path to the Integrated Theory of Metaphor. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 143–157. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/68/13
12. Arutyunova, N.D. (1976) *Predlozhenie i ego smysl: Logiko-semanticheskie problemy* [Sentence and its meaning: Logical-semantic problems]. Moscow: Nauka.
13. Tolstaya, S.M. (2011) *Semanticheskie kategorii yazyka kul'tury: Ocherki po slavyanskoy etnolingvistike* [Semantic categories of the language of culture: Essays on Slavic ethnolinguistics]. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
14. Kubryakova, E.S. (2004) *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniya o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: Towards a Knowledge of Language: Parts of Speech from a Cognitive Perspective. The Role of Language in the Knowledge of the World]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
15. Yurina, E.A. (ed.) (2019) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of Russian food metaphor]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
16. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru> (Accessed: 25.09.2020).
17. Yurina, E.A. (2013) *Vkusnye metafory: pishchevaya traditsiya v zerkale yazykovykh obrazov* [Delicious metaphors: food tradition in the mirror of linguistic images]. Kokshetau: Keleshek-2030.
18. Kubryakova, E.S. (1978) *Chasti rechi v onomasiologicheskoy osveshchenii* [Parts of speech in onomasiological coverage]. Moscow: Nauka.
19. Shramm, A.N. (1979) *Ocherki po semantike kachestvennykh prilagatel'nykh* [Essays on the semantics of qualitative adjectives]. Leningrad: Leningrad State University.
20. Stepanyan, T.R. (1987) *Sinesteticheskie metafory russkogo yazyka: prilagatel'nye chuvstvennogo vospriyatiya* [Synesthetic metaphors of the Russian language: adjectives of sense perception]. Philology Cand. Diss. Moscow.
21. Ruzin, I.G. (1995) *Modusy pertseptsii /zrenie, slukh, osyazanie, obonyanie, vkus/ i ikh vyrazhenie v yazyke* [Modes of perception /sight, hearing, touch, smell, taste/ and their expression in language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
22. Gridasov, V.V. (1999) *Pertseptivnaya metafora kak leksiko-semanticheskaya kategoriya (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)* [Perceptual metaphor as a lexical-semantic category (based on the material of the modern German language)]. Philology Cand. Diss. Barnaul.
23. Savchenko, A.I. (1959) *Chasti rechi i kategorii myshleniya* [Parts of speech and categories of thinking]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
24. Nemchenko, V.N. (2011) *Grammaticheskaya terminologiya: slovar'-spravochnik* [Grammatical terminology: reference dictionary]. Moscow: FLINTA: Nauka.
25. Kovaleva, A.V. (2018) *Neyrofiziologiya, fiziologiya vysshey nervnoy deyatel'nosti i sensorykh sistem* [Neurophysiology, physiology of higher nervous activity and sensory systems]. Moscow: Yurayt.

Received: 10 August 2021

ФИЛОСОФИЯ

УДК 141.3

Н.Д. Асташова, Т.В. Бобкова

«НЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ» МОДЕЛИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Рассматривается проблема формирования специфических моделей цифровой экономики. Делаются выводы об утверждении на рынке приоритета нематериальных активов, связанных с бурным развитием «информационной индустрии», которая стимулирует не только использование платформ Интернета, но и нетрадиционный взгляд на цифровую экономику, в основе которого лежит выделение процессов ментального измерения информации.

Ключевые слова: цифровая экономика; экономика дара; индустрия сознания; экономическая рациональность; информационное производство.

В последнее время феномен цифровой экономики находится в фокусе внимания научных исследований, что связано с выделением приоритетности данного направления правительствами целого ряда стран Америки и Европы, в том числе в России, где внедрение цифровых технологий является одной из стратегий национального развития [1]. Однако, несмотря на правительственные вложения в развитие цифровой экономики, до сих пор не сложились ее устойчивые характеристики в научной и повседневной практике. Об этом говорит противоречивость многообразных определений, среди которых можно встретить такие как «глобальная сеть экономических и социальных видов деятельности, которые поддерживаются благодаря таким платформам, как Интернет, а также мобильные и сенсорные сети» [2], «рынки на основе цифровых технологий, которые облегчают торговлю товарами и услугами с помощью электронной коммерции в Интернете» [3], «новый уклад экономики, основанной на знаниях и цифровых технологиях, в рамках которой формируются новые цифровые навыки и возможности у общества, бизнеса и государства» [4], «сложная структура, состоящая из нескольких слоев, связанных между собой практически бесконечным и постоянно растущим количеством узлов» [5], «экономика, зависящая от цифровых технологий» [6] и т.п. Из примеров наглядно видно, что акцент на технических взаимодействиях экономических агентов не затрагивает качественных характеристик цифровой экономики, — создается впечатление сведения цифровой экономики лишь к интернет-технологиям. Такая ситуация формирует низкий уровень доверия к цифровой экономике в целом, что обуславливает потребность в систематизации существующих подходов к моделям экономической реальности, которая в современном мире приобрела цифровой интернет-формат.

Другая проблема актуализации цифровой экономики, которая все больше отдаляется от классической экономической теории, заключается в рассмотрении ее характеристик вне связи с пониманием культурных особенностей современной стадии развития общества. Целый ряд исследователей процессы современного общества характеризует через понятия постиндустриализма или постмодерна, в рамках этого направления развивается теория постэкономизма [7], утвер-

ждающая, что материальные отношения могут быть преодолены, в результате чего экономические отношения (в классической трактовке) перестают иметь определяющее значение для социального сознания и поведения людей. Среди приверженцев постэкономизма можно назвать таких известных авторов, как Й. Масуду, З. Баумана, Г. Маркузе, М. Кастельса, Ж. Бодрийяра, Ф. Джеймисона и др. В современных экономических концепциях выделяются несколько тенденций, неразрывно связанных с этим направлением философской мысли.

При *первом подходе* предпринимается попытка обоснования нового типа экономических отношений через введение понятия иррациональности в существующие экономические модели.

Классический экономический подход предполагает однозначную рациональную трактовку поведения человека, который из всех возможных вариантов выберет максимально удовлетворяющий его потребности. В частности, научная система, представленная именами А. Маршалла, А. Пигу, К. Менгера, Ф. Визера, Л. Вальраса, В. Парето и др., и занимавшая лидирующие позиции последние сто лет как в западной, так и в российской экономической теории, основывается на понятии «рациональный эгоизм» и предполагает гипотетический статус экономической рациональности, вследствие которого человек принимает полностью рациональные решения, наиболее полно соответствующие его целям и потребностям, которые он реализует через серию рациональных шагов.

Экономическая рациональность в классической трактовке подразумевает не просто максимизацию прибыли, но и полную контролируемость процессов, при этом в расчет принимаются только экономические факторы. Ключевое значение при этом отводится «теории рационального выбора», согласно которой «среди возможных альтернатив действия человек выбирает то, что, согласно его ожиданиям, наилучшим образом соответствует его интересам при условии заданности его личных предпочтений и ограничений внешней среды» [8. С. 25]. Понятие «чистая польза» раскрывает не менее важный аспект экономической рациональности, сводящий социальные потребности к получению материальных благ и расширению потребительских возможностей. Таким образом, успех в

обществе связывается с экономической прибылью и является результатом рациональной деятельности. При этом предполагается, что экономическая система обладает внутренним равновесием спроса и предложения, гарантирующим равные условия для достижения максимального благосостояния членов общества.

С второй трети XX в. происходит пересмотр понятия рациональности, который влечет за собой и изменения в экономической теории. При рассмотрении явлений материального мира философы предлагают включать аспекты психической деятельности человека. Новый подход подразумевает состояние сознания, испытывающего давление социальной среды, когда возникает «необходимость руководствоваться внутренними истинами, достоверностями, обеспечивающими неизбежность сознания в его противостоянии «социально организованному принуждению к иллюзии» [9. С. 222]. Следуя данной тенденции, Г. Саймон вносит свой вклад в развитие экономической мысли, вводя понятие «ограниченная рациональность» [10]. По его мнению, в силу объективных и субъективных факторов на экономические отношения неизменно воздействует «ограниченная рациональность». Менеджер, принимая решение, неизменно сталкивается с неполнотой информации и недостаточностью ресурсов, необходимых для стопроцентно рационального решения, также важное влияние на принятие решения оказывают личностные мотивы, которые очень часто идут вразрез с целями и задачами организации, – поэтому уместно говорить об удовлетворительном рациональном решении.

Нобелевский лауреат (1992 г.) Г.С. Беккер [11] отмечает иррациональность экономического субъекта, которую нельзя ограничивать рыночным поведением; А. Сейн [12] вводит этические категории в экономическую теорию благосостояния (Нобелевская премия 1998 г.); Дж. Стиглиц [13] исследует влияние этики на рынки с несимметричной информацией (Нобелевская премия 2001 г.); Д. Канеман [14] анализирует влияние психологических факторов на теорию финансов (Нобелевская премия 2002 г.); работы Р. Талера [15], посвященные иррациональности экономического субъекта, оказали значительное влияние на дальнейшее развитие экономики (Нобелевская премия 2017 г.).

Таким образом, появляется целое направление – «поведенческая экономика», в рамках которой экономический субъект рассматривается с позиций иррациональности, а концепции классической экономической теории утрачивают свое значение для анализа современной ситуации в экономике. Так, исследуя ситуации неопределенности, Д. Канеман, П. Словик и А. Тверски доказали, что поведение людей не укладывается в конструкции классической экономики [16]. Экономический психолог Д. Канеман пришел к выводам, что в большинстве ситуаций люди принимают решения интуитивно, соответственно, «модели рационального выбора психологически нереалистичны» [17]. В. Банерджи и Э. Дуфло в работе «Хорошая экономика для трудных времен» [18] наглядно показывают, что успех социальной жизни напрямую связан с этическими принципами сострадания и уважения. Общим для большинства разработок в направле-

нии «поведенческой экономики» является выделение альтруистических, религиозных, филантропических мотивов поведения человека в экономической системе, что противоречит классической экономической идее «рационального эгоиста», оптимизирующего усилия для максимизации прибыли. Масштаб такого рода исследований позволяет говорить о смене экономической парадигмы.

Цифровая экономика активно подхватывает этот новый виток развития экономических стратегий, создавая условия для трансформации традиционных секторов экономики и возникновения новых бизнес-моделей [19. С. 22]. Влияние на экономику «сквозных» цифровых технологий – робототехники, интернета вещей, искусственного интеллекта, технологий беспроводной связи и других, – невозможно отрицать. Несмотря на всю критику технологической опосредованности и отстраненности от реальной жизни общества, цифровой подход позволяет обратиться к психической, эмоциональной жизни человека через сокращение временных и финансовых затрат на организацию потребительского и производственного процесса посредством использования интернета: традиционные формы экономической активности, такие как торговля, банковское обслуживание, социальное обеспечение, сферы образования и развлечений, приобретают цифровой формат.

В рамках *второго подхода*, ключевое значение отводится появлению новых категорий, идущих вразрез с классическими трактовками экономической реальности.

Одним из первых М. Маклюэн констатировал переход к новым экономическим ценностям: в наше время экономические отношения сводятся к обмену информацией, а не обмену товарами; при этом средства массовой коммуникации становятся новыми «природными ресурсами», увеличивающими богатство общества [20]. Т. Стоуньер [21] развил идеи об экономическом характере использования информации, которую можно сохранять и копить как основной ресурс постиндустриального общества. Действительно, если в начале XX в. под экономическим капиталом понимался труд, земельные ресурсы, денежные активы, то в конце XX – начале XXI в. за ним устойчиво закрепилось понятие «интеллектуальная собственность» (или «нематериальные активы», как ее часто обозначают экономисты). Сегодня на мировых финансовых рынках информационные продукты стали равноправными участниками бизнес-процессов наравне с нефтью и котировками на золото – информация и знания превратились в стратегические ресурсы современной экономической системы. Таким образом, можно наблюдать сужение материального производства при одновременном стремительном росте «информационной индустрии», обусловленном снижением стоимости хранения и передачи информации – важным условием развития технологий больших данных и искусственного интеллекта [22].

Творческий подход в социальных медиа, выстраивание отношений с клиентами и партнерами через интернет-сети становятся важнейшим фактором успешности в современном обществе. Принципы

цифровой реальности, рассматривающие информацию в качестве одного из главных ресурсов, формируют новые экономические показатели, такие как «символическое благо и полезность» [23], «символический капитал» [24], «репутационный капитал» [25, 26] и т.п.

Призму внимания, через которую рассматривается успешность на современном «информационном рынке», можно определить, как «символическое благо». «Символическое благо», обладая социальным значением в виде получения авторитета, престижа, формирует стоимость символа в виде статусных преимуществ – «символическую полезность».

Целый ряд международных организаций начинают использовать разработанный 2006 г. британским Фондом новой экономики «индекс счастья» для измерения благосостояния людей и состояния окружающей среды в различных странах [27].

Символическая ценность информации, искусства, текста и т.п. становится основополагающей при определении «символического капитала». Она подразумевает под собой весь спектр свойств, влияющих на качество человеческих взаимодействий: талант, знания, компетенции и др. При невозможности оценить отдельные элементы в целом ценность символического капитала определяется положительным откликом людей.

Эмоциональная значимость продукта складывается в особенную функцию, гарантирующую качество, – «репутационный капитал», представляющий собой информацию, которой можно доверять. Репутационный капитал формирует «образ» в Сети, с которым ассоциирован экономический продукт. Высокий спрос на такое маркирование объясняет популярность различных блогов и чатов, нацеленных на обсуждение различных продуктов. На «репутационном капитале» строятся и трудовые отношения фриланса, когда получение заказа напрямую зависит от откликов в Сети.

Виртуальное пространство Интернета переполнено символическими образами эмоций, которые включаются во вполне конкретные экономические отношения. Продажа товара в Сети в большей степени ориентирована на эмоциональный импульс покупателя, который становится основополагающим в ситуации отсутствия физического ощущения покупки: быстрота и простота «покупки в один клик» избавляет покупателя от необходимости обращаться к рациональным аргументам целесообразности и необходимости. С возникновением понятия «экономика впечатлений», введенного Дж.Б. Пайн и Дж.Х. Гилмором [28], можно говорить о качественных изменениях в поведении потребителя.

Рассмотрение информации о получении эмоции в качестве «продукта» на рынке цифровой экономики меняет концепцию труда, когда на первый план выдвигает «креативность» взамен понятию о созидательности какой-либо деятельности. Креативность как программа производства образно-знаковых контекстов исключает понятие произведения, мыслимого как отдельный объект, сопряженный с материальным субстратом. Креативность, направленная на получение эмоций как от результата, так и от процесса, теперь обладает самостоятельной значимостью при

оценке труда. Таким образом, экономическое звучание получают термины «ресурсы культуры», «интеллектуальные ресурсы», «культурный бренд» и другие, включающиеся в «эстетическое производство» [29].

Наличие большого количества свободного времени как следствие активного использования техники и технологий приводит к трансформации повседневных практик обывателя, в которых под активным воздействием Интернета и медиа начинает преобладать художественно-визуальное восприятие. В постиндустриальную, цифровую эпоху потребление информации приобретает визуальный контекст: фото- и видеопрезентация становится главным условием продвижения товара на интернет-рынках – это дает основания для утверждения «экранной/визуальной культуры», приходящей на смену «книжной/текстовой». Вполне уместно говорить, что оцифрованная экономика нацелена на формирование образно-знаковых взаимодействий в виртуальном пространстве на стыке реальных экономических процессов и личностного восприятия.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что информация в качестве глобального рыночного ресурса кардинально трансформирует экономическую жизнь социума. На смену феномену социально-культурного воспроизводства индустриального периода – «культурной индустрии» [30], подчинившей искусство законам капитализма, в эпоху доминирования информационно-цифровых процессов приходит «индустрия сознания» [31]. Если для «культурной индустрии» характерно массовое тиражирование искусства (литературы, театра, кино, фотографии и пр.) [32], то для «индустрии сознания» массовым становится производство информации, которая, перенимая у искусства знаковую многозначность и смысловую наполненность становится тем, что желает потребитель.

В условиях «индустрии сознания» борьба за признание и благосостояние в обществе – это борьба за обладание информацией, включающей «машину желаний». «Желание» вне связи с субъектом функционирует как «включатель» огромного механизма шестеренок производительного процесса таким образом, «что произведенное выбирается из производства, причем что-то отделяется от производства произведенного» [33]. «Машина желаний» иррационально производит поток желания изнутри себя вне цели и пределов, разрывая на своем пути любые структуры и закономерности в движении к новой реальности. Удовлетворение желания потребителей информации не является конечной целью современной экономики, ключевую роль он отводит ощущениям, возникающим в процессе экономического взаимодействия: «Потребители сегодня в первую очередь коллекционеры ощущений. Желание не желает удовлетворения, напротив, желание желает желаний» [34. С. 120].

Информационно-цифровое производство генерирует программы: данные в сочетании с мнениями, суждениями и есть содержательные единицы индустрии сознания. Чем больше степень абстрагирования, чем дальше от материального, тем менее индустрия зависит от продажи, – информацию, передающуюся через интернет и медиа бесплатно, невозмож-

но оценить с позиции коммерции, у представляемого контента уже «нет цены».

В поисках изъясна «индустрии сознания» Г. Энценбергер отмечает, что хотя новая индустрия обходится без накопления богатства, она не исключает эксплуатацию. Присваивается не рабочая сила, а способность судить и делать выводы. Искоренение альтернатив путем ограничения доступа к информации приобретает промышленные масштабы, – ликвидируется не сама эксплуатация, а способность ее осознавать [31. С. 18].

Таким образом, для постиндустриальной, цифровой эпохи определяющими оказываются процессы ментального, психического измерения информации как объекта экономики, больше не укладывающиеся в традиционные модели и в корне меняющие представления о богатстве, прибыли, эффективности и других экономических понятиях.

Третий подход можно обозначить как поиск новых экономических конструкций.

Совершенно очевидно, что утверждение приоритета нематериальных активов на рынке стимулирует не только активное использование информационных платформ Интернета, но и нетрадиционный взгляд на экономику, в основе которого лежит выделение иррациональных мотивов поведения человека в экономической системе. Как наглядно демонстрируют концепции «поведенческой экономики», в постиндустриальном обществе одной из сфер для самоутверждения и самоисследования человека становится экономическая сфера с ее специфическими инструментами взаимодействий, основанными на использовании информации в качестве главного ресурса. На первый план выходит способность экономики «отражать» потенциальные смыслы, выраженные в деятельности субъекта. На этот аспект обращает внимание российский исследователь Ю.М. Осипов, который, решая известную проблему «пахаря и звездочета» (С.Н. Булгаков), оспаривает классические показатели эффективности труда в виде пользы и доказывает, что первостепенным при оценке труда является его значение труда для самопознания. Таким образом, одной из главных задач экономики будущего становится формирование «хозяйства на уровне и с уровня метасмыслов» [35. С. 32].

Стремительное развитие «индустрии сознания» и осознание ее ключевой роли в развитии современного общества открывают новые возможности и вместе с ними опасности перед интеллектуалом. Осознанно или нет, но он становится участником целой индустрии, чьи задачи могут и не соотноситься с его собственными, в такой ситуации он стоит перед ответственным выбором, включаться в эти процессы или нет. И.Т. Касавин рассуждает о сложных задачах ученого в цифровую эпоху, который, находясь в непростых условиях «фабрики знаний», вынужден искать нетривиальные пути реализации своего творческого потенциала и научного призвания [36]. Вместе с даром знания (от учителей или как следствие развития талантов) ученый получает и обязательства дальнейшей трансляции приобретенных знаний вовне, «на чем зиждутся бескорыстные отношения внутри науки и вовлечение в нее новичков» [36. С. 252], – так происходит включение в «экономику дара».

«Экономика дара», описанная М. Моссом [37] и К. Леви-Стросом [38] как тип взаимодействий внутри архаичных сообществ, предполагает, что даритель не просто нацелен на длительные отношения, но в итоге рассчитывает получить нечто большее, чем то, что он мог бы иметь в результате «обмена»: славу, признание, популярность, статус и т.п. Актуальной задачей такого типа отношений П. Бурдьё называет преобразование природы экономического обмена в символический [39. С. 92–93], при котором вещи становятся несводимыми к тому, чем они были до этого, – происходит вытеснение возможности расчета: он «не просто исключен, он невысказан» [39. С. 96]. По мнению М. Годелье, «символические неотчуждаемые ценности», олицетворяющие идеальное как продукт мышления, напрямую связаны с практиками дарения как в древности, так и в капиталистическом обществе [40. С. 130]. Действительно, нет смысла приписывать свойства «экономики дара» отдельным сферам деятельности человека или историческим этапам развития общества – это понятие намного шире и отражает стремление человека к реализации символических коллективных ценностей. В этом смысле очевидна корреляция идей развития «экономики дара» с исследованиями экономического субъекта Дж.М. Кларка [41], Т. Нагеля [42], С. Боулза [43], Ж. Аттали [44]. Эти концепции предполагают развитие высокого уровня социальной ответственности участников рынка, при котором их действия не нацелены на получение личной выгоды, а мотивацией выступает ориентация на долгосрочные перспективы в контексте развития целого сообщества.

С критикой «экономики дара» в качестве актуального подхода выступает О.Е. Столярова. Она констатирует неправомерность реставрации «архаического типа социального действия, запрос на который в технонаучном мире формальной рациональности попросту отсутствует» [45. С. 257]. Однако аргументация автора, основанная на обращении к веберовской модели формально-рациональных нормативов, нацеленной на количественный, исчисляемый результат и «безразличной к содержательному, качественному аспекту условий и результатов действия» [44. С. 256], не находит подтверждения в реалиях цифровой экономики.

Как было рассмотрено выше, оценку состояния современной экономической системы достаточно большое количество исследователей соотносит с иррациональными, психологическими аспектами поведения человека, не укладывающимися в формально-рациональный подход экономической науки прошлого. В связи с этим критерии классического понятия «экономическая рациональность» ставятся под вопрос и пересматриваются, а известная экономическая схема «спрос рождает предложение» приобретает обратное значение – «предложение формирует спрос». Это наглядно показывает пример «креативной экономики», как правило, реализуемой на цифровых платформах. Она ставит задачу создания новой парадигмы бизнеса, когда творческий подход, направленный на поиск нестандартных решений, оказывается наиболее востребованной услугой на рынке. Технологическая

обусловленность цифровой экономики вовсе не означает сведение человеческого поведения к механистичным алгоритмам, скорее, наоборот, как верно отмечает П. Бренстайн, современная информационная избыточность интернета способна разрушить логику решений [46. С. 180]. Р. Талер [15] обращает наше внимание на то, что даже вынесенная из подсознания информация не способна обеспечить достаточный уровень полноты, необходимый для рационального выбора, поэтому наиболее эффективными оказываются интуитивные методы принятия экономических решений.

Целый ряд примеров цифровой экономики говорит о ее развитии в качестве «экономики дара». Практики открытого доступа к информации становятся наиболее востребованным трендом развития цифровой экономики, и не столько потому, что некалькулируемость ситуации обмена информацией в Интернете делает взаимовыгодный обмен недостижимым, но гораздо в большей степени это связано с эффективностью такого подхода для развития целых направлений и секторов экономики. Развитие цифровых технологий «улучшенных цифровых данных», «краудсорсинга» способствует активному вовлечению большого количества людей в разработку и появление на рынке новых продуктов, повышению качества сервисного обслуживания. Платформы «Open Data» (открытых данных) ориентированы на стимулирование новых бизнес-моделей: в финансовой сфере такой платформой является «Open Banking», открывающая доступ к использованию данных третьими лицами для повышения качества обслуживания клиентов [47]. Открытость научного знания в Сети, его легкодоступность позволяет большому количеству людей использовать передовые достижения науки не только при построении бизнес-процессов, но и для повседневной жизни. Также на базе интернет-платформ формируется новое качество исследований, позволяющих оперировать огромными массивами данных в междисциплинарных областях. Цифровые ресурсы должны работать с инициативой населения не только при решении социальных вопросов, но и при определении направлений и задач научных исследований. Например, в Нидерландах была разработана платформа, в которой представители бизнеса, искусства и науки имеют возможность обсуждать и предлагать темы будущих исследований [48]. Целью британского проекта «Open Air Laboratories» [49] является расширение знаний об экологии окружающей среды через вовлечение населения в научные исследования.

Таким образом, становится очевидным, что, казалось бы, такая «архаическая форма» экономических взаимодействий, как «экономика дара», приобретает новый контекст в технологизированных реалиях современности. Используя открытость ресурсов цифровой экономики, модель «экономики дара» создает перспективы для дальнейшего развития общества, если не «новых», учитывая исторический контекст зарождения отношений дарения, то на совершенно иных условиях взаимодействия экономических агентов. Цифровые технологии не только предстают условием развития новых отраслей экономики, но и трансформируют деятельность человека в различных

сферах общества. Развитие отношений «экономики дара» дает надежду на «разумное» общество, которое, возможно, сможет пересмотреть экономические ценности, основанные на неограниченном потреблении и производстве материальных благ, в пользу творческого, созидательного подхода к реальности в совокупности с ограниченным потреблением.

Выводы. Как в рамках отдельных общественных наук, так и на междисциплинарном уровне активно разрабатывается концепция цифровой экономики, однако, несмотря на то, что правительством целого ряда стран данное направление обозначено в качестве приоритетного, теоретическая разработанность цифровой экономики все еще выглядит незрелой и поверхностной. Основной недостаток существующих подходов в цифровой экономике заключается в их оторванности от предшествующих контекстов развития социально-экономической мысли, а также попытках представить цифровую экономику вне связи с культурными особенностями развития современного общества. Систематический анализ экономических и социальных исследований последних десятилетий выявил иррациональные мотивы агентов экономической системы, что вступает в противоречие с классической экономической теорией. Наиболее яркой современной теорией предстает «поведенческая экономика», основывающая свои выводы на представлениях о непросчитываемости поведения человека в экономических взаимодействиях. Цифровая экономика активно подхватывает этот новый виток развития экономических стратегий, создавая условия для трансформации традиционных секторов экономики и возникновения новых бизнес-моделей. Мы стали свидетелями того, как информация и знания превратились в стратегические ресурсы современной экономической системы, в результате чего можно наблюдать сужение материального производства при одновременном стремительном росте «информационной индустрии». Несмотря на всю критику технологической опосредованности цифровой подход позволяет обратиться к психической, эмоциональной жизни человека через новые экономические ресурсы и категории, такие как индустрия сознания, информационные продукты, интеллектуальные ресурсы, символическое благо и полезность, репутационный капитал, эстетическое производство и т.д. Совершенно очевидно, что утверждение приоритета нематериальных активов на рынке стимулирует не только использование информационных платформ Интернета, но и нетрадиционный взгляд на цифровую экономику, в основе которого лежит выделение процессов ментального, психического измерения информации как объекта экономики, больше не укладывающихся в традиционные схемы и в корне меняющих представления о богатстве, прибыли, эффективности и других экономических понятиях. Масштаб такого рода изменений позволяет говорить о смене экономической парадигмы, для которой творческий подход, направленный на поиск нестандартных решений, оказывается наиболее востребованной услугой на рынке. В этой ситуации можно предположить, что в качестве альтернативы «экономике формально-рациональных нормативов», нацеленной на количественный, исчисля-

емый результат и безразличной к содержательному аспекту взаимодействий, новое значение приобретет «экономика дара». На наш взгляд, при чрезмерной технологизации современных условий жизни наиболее ориенти-

рованная на приоритет человеческих отношений модель «экономики дара» в качестве формата развития цифровой экономики должна поспособствовать дальнейшему прогрессу общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.: указ Президента РФ от 07.05.2018 // *Экономист*. 2018. № 5. С. 3–13.
2. Australia's Digital Economy: Future Directions. URL: https://www.oaic.gov.au/images/documents/migrated/migrated/sub_broadband_digital_economy.pdf (дата обращения: 17.09.2020).
3. A review on measuring digital trade & e-commerce as new economic statistics products. The 16th Conference of IAOS. URL: http://www.oecd.org/iaos2018/programme/IAOS-OECD2018_Fayyaz.pdf (дата обращения: 15.09.2020).
4. Развитие цифровой экономики в России. URL: <http://www.vseirnybank.org/ru/events/2016/12/20/developing-the-digital-economy-in-russia-international-seminar-1> (дата обращения: 17.09.2020).
5. Challenges for Competition Policy in a Digitalised Economy. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/542235/IPOL_STU%282015%29542235_EN.pdf (дата обращения: 14.01.2021).
6. Expert Group on Taxation of the Digital Economy. URL: https://ec.europa.eu/taxation_customs/sites/taxation/files/resources/documents/taxation/gen_info/good_governance_matters/digital/report_digital_economy.pdf (дата обращения: 17.02.2021).
7. Орехов А.М. Философия экономики в России. Рождение традиции. М.: ИНФРА-М, 2019. 153 с.
8. Радаев В.В. Экономическая социология. Курс лекций: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2000. 367 с.
9. Мамардашвили М.К., Соловьев Э.В., Швырев В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2010. С. 183–256.
10. Саймон Г. Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении // Вехи экономической мысли. Теория потребительского поведения и спроса. СПб.: Экономическая школа, 1999. Т. 1. С. 253–283.
11. Беккер Г.С. Человеческое поведение. Экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 670 с.
12. Sen A. On ethics and economics. Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell Publishing, 2005. 131 p.
13. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015. 512 с.
14. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2014. 336 с.
15. Талер Р. Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать. М.: Эксмо, 2017. 368 с.
16. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: правила и предубеждения. Харьков: Гуманит. центр, 2005. 629 с.
17. Канеман Д. Карты ограниченной рациональности: психология для поведенческой экономики // Психологический журнал. 2006. Т. 27, № 2. С. 5–28.
18. Banerjee V., Abhijit D.E. Good Economics for Hard Times. PublicAffairs, 2019. 432 p.
19. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: докл. к XX Апрельской междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; науч. ред. Л.М. Гохберг. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 82 с.
20. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего. М.: Академический проект: Фонд «Мир», 2005. 496 с.
21. Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе: сб. М.: Прогресс, 1986. 450 с.
22. Hard Drive Cost Per Gigabyte. URL: <https://www.backblaze.com/blog/hard-drive-cost-per-gigabyte/> (дата обращения: 13.03.2019).
23. Сухарев А.Н. Экономические основы функционирования символических благ // Финансы и кредит. 2015. № 3 (627). С. 56–62.
24. Демидова М.В. Социально-философские аспекты управления символическим капиталом // Инновации в науке. 2013. № 16. С. 15–25.
25. Gandini A. Digital work: Self-branding and social capital in the freelance knowledge economy // Marketing theory. 2016. Vol. 16, № 1. P. 123–141.
26. Marwick A., Boyd D. I tweet honestly, I tweet passionately: Twitter users, context collapse, and the imagined audience // New Media & Society. 2011. Vol. 13, № 1. P. 114–133.
27. Середа Н.В. Всемирный индекс счастья как индикатор устойчивого развития // Скиф. 2018. № 1 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vseirnyy-indeks-schastya-kak-indikator-ustoychivogo-razvitiya> (дата обращения: 24.02.2021).
28. Пайн Дж.Б., Гилмор Дж.Х. Экономика впечатлений. Работа – это театр, а каждый бизнес – сцена. М.: Вильямс, 2005. 299 с.
29. Jameson F. Postmodernism, or, the cultural logic of late capitalism. Duke University Press, 1991. 438 p.
30. Адорно Т., Хоркхаймер М. Дialeктика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум; Ювента, 1997. 312 с.
31. Энциенсбергер Г. Индустрия сознания. Элементы теории медиа. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 94 с.
32. Флиер А.А. Культурные индустрии в истории и современности: типы и технологии // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/Flier_Cultural-Industries/ (дата обращения: 15.02.2021).
33. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=274362&p=9> (дата обращения: 17.02.2021).
34. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества – Globalization. The Human Consequences. М.: Весь мир, 2004. 185 с.
35. Осипов Ю.М. Курс философии хозяйства. М.: Экономист, 2005. 320 с.
36. Касавин И.Т. Этический парадокс науки: между абсолютным и солидарностью // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 55. С. 249–254.
37. Mauss M. The Gift. Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies. London: Cohen & West, 1966. 160 p.
38. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Академический проект, 2008. 555 с.
39. Бурдьё П. Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 416 с.
40. Годелье М. Загадка дара. М.: Вост. лит., 2007. 295 с.
41. Кларк Дж. Основы современной концепции экономической ответственности // Terra economicus. 2010. Т. 8, № 4. С. 94–103.
42. Nagel T. The Possibility of Altruism. Princeton University Press, 1970. 148 p.
43. Боулз С. Микроэкономика: поведение, институты и эволюция. М.: Дело, 2010. 576 с.
44. Аттали Ж. Краткая история будущего. Мир в ближайшие 50 лет. СПб.: Питер, 2014. 288 с.
45. Столярова О.Е. Призвание ученого в расколдованном и вновь заколдованном мире // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 55. С. 255–260.
46. Бернштейн П. Фундаментальные идеи финансового мира: эволюция. М.: Альпина Бизнес Букс, 2009. 256 с.
47. Что такое Open Banking? URL: <https://rb.ru/longread/chto-takoe-open-banking/> (дата обращения: 15.02.2021).
48. Graaf B., Kan A., Molenaar H. The Dutch National Research Agenda in Perspective. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2017. 241 p.

“Non-Classical” Models of the Digital Economy

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 72–79.

DOI: 10.17223/15617793/470/8

Nadezhda D. Astashova, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: nadya.astashova@mail.ru

Tatiana V. Bobkova, Nizhny Novgorod Machine Plant (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: btv-nmz@mail.ru

Keywords: digital economy; gift economy; industry of consciousness; economic rationality; information production.

The article considers the problem of forming specific models of the digital economy. The authors aim to carry out a systematic analysis of current trends in the modern economy in their comparison with the previous contexts of the development of the socioeconomic thought and cultural features of modern society. The method of critical analysis allows rethinking the stable ideas that have developed in science and identifying the uniqueness of the digital economy. The authors examine the concepts of the classical economic theory, economic rationality and irrationality, behavioral economics, gift economy, cultural industry, consciousness industry, information and aesthetic production. They conclude that the economic and social studies of recent decades highlight irrational motives of the behavior of participants in the economic system, which contradicts the classical economic theory. The digital economy is actively taking up new trends, creating conditions for the transformation of traditional sectors of the economy and the emergence of new business models. We have witnessed how information and knowledge have become the strategic resources of the modern economic system as a result of which we can observe a narrowing of material production and a simultaneous rapid growing of the “information industry”. Despite all the criticism of technological mediation, the digital approach allows addressing the mental and emotional life of a person through new economic resources and categories such as information products, intellectual resources, symbolic good and utility, reputation capital, etc. It is quite obvious that the assertion of the priority of intangible assets in the market encourages not only the use of Internet information platforms, but also an unconventional view of the digital economy. This view is based on the identification of the processes of mental measurement of information as an object of the economy; these processes no longer fit into traditional models and radically change the ideas of wealth, profit, efficiency and other economic concepts. The scale of such changes suggests a change in the economic paradigm, for which a creative approach aimed at finding non-standard solutions is the most popular service on the market. In this situation, it can be assumed that as an alternative to the “economy of formally rational standards”, aimed at a quantitative, calculable result and indifferent to the content of interactions, the “gift economy” will acquire a new meaning. In the authors’ opinion, with the excessive technology-based modern living conditions, the “gift economy” – a model prioritizing human relations – as a format for the development of the digital economy should contribute to the further progress of society.

REFERENCES

1. *Ekonomist*. (2018) O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2024 g.: ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2018 [On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024: decree of the President of the Russian Federation of 07 May 2018]. 5. pp. 3–13.
2. OAIC. (n.d.) *Australia's Digital Economy: Future Directions*. [Online] Available from: https://www.oaic.gov.au/images/documents/migrated/migrated/sub_broadband_digital_economy.pdf (Accessed: 17.09.2020).
3. Fayyaz, S. (2018) A review on measuring digital trade & e-commerce as new economic statistics products. *The 16th Conference of IAOS*. [Online] Available from: http://www.oecd.org/iaos2018/programme/IAOS-OECD2018_Fayyaz.pdf (Accessed: 15.09.2020).
4. WB. (2018) *Razvitiye tsifrovoy ekonomiki v Rossii* [Development of the digital economy in Russia]. [Online] Available from: <http://www.vsemirnyjbank.org/ru/events/2016/12/20/developing-the-digital-economy-in-russia-international-seminar-1> (Accessed: 17.09.2020).
5. European Parliament. (2015) *Challenges for Competition Policy in a Digitalised Economy*. [Online] Available from: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/542235/IPOL_STU%282015%29542235_EN.pdf (Accessed: 14.01.2021).
6. EC. (n.d.) *Expert Group on Taxation of the Digital Economy*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/taxation_customs/expert-group-taxation-digital-economy_en (Accessed: 17.02.2021).
7. Orekhov, A.M. (2019) *Filosofiya ekonomiki v Rossii. Rozhdenie traditsii* [Philosophy of Economics in Russia. The birth of a tradition]. Moscow: INFRA-M.
8. Radaev, V.V. (2000) *Ekonomicheskaya sotsiologiya. Kurs lektiy* [Economic sociology. Lectures]. Moscow: Aspekt Press.
9. Mamardashvili, M.K., Solov'ev, E.V. & Shvyrev, V.S. (2010) Klassika i sovremennost': dve epokhi v razvitiy burzhuaznoy filosofii [Classics and modernity: two epochs in the development of bourgeois philosophy]. In: Mamardashvili, M.K. *Klassicheskiy i neklassicheskiy idealy ratsional'nosti* [Classical and non-classical ideals of rationality]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus. pp. 183–256.
10. Simon, H.A. (1999) Teoriya prinyatiya resheniy v ekonomicheskoy teorii i nauke o povedenii [Theories of Decision-Making in Economics and Behavioral Science]. Translated from English. In: Gal'perin, V.M. (ed.) *Vekhi ekonomicheskoy mysli. Teoriya potrebitel'skogo povedeniya i sprosa* [Milestones in economic thought. The theory of consumer behavior and demand]. Vol. 1. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola. pp. 253–283.
11. Becker, G.S. (2003) *Chelovecheskoe povedenie. Ekonomicheskii podkhod. Izbrannye trudy po ekonomicheskoy teorii* [The Economic Approach to Human Behavior. Selected Works on Economic Theory]. Moscow: HSE.
12. Sen, A. (2005) *On ethics and economics*. Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell Publishing.
13. Stiglitz, J.E. (2015) *Tsena neravenstva. Chem rassloenie obshchestva grozit nashemu budushchemu* [The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future]. Translated from English. Moscow: Eksmo.
14. Kahneman, D. (2014) *Dumay medlenno... reshay bystro* [Thinking, Fast and Slow]. Translated from English. Moscow: AST.
15. Thaler, R. (2017) *Novaya povedencheskaya ekonomika: pochemu lyudi narushayut pravila traditsionnoy ekonomiki i kak na etom zarabotat'* [Misbehaving: The Making of Behavioral Economics]. Translated from English. Moscow: Eksmo.
16. Kahneman, D., Slovic, P. & Tversky, A. (eds) (2005) *Prinyatie resheniy v neopredelennosti: pravila i predubezhdeniya* [Judgment Under Uncertainty: Heuristics and Biases]. Translated from English. Kharkiv: Gumanit. tsentr.
17. Kahneman, D. (2006) Karty ogranichennoy ratsional'nosti: psikhologiya dlya povedencheskoy ekonomiki [Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 27 (2). pp. 5–28.
18. Banerjee, V. & Abhijit, D.E. (2019) *Good Economics for Hard Times*. PublicAffairs.

19. Gokhberg, L.M. et al. (eds) (2019) *Chto takoe tsifrovaya ekonomika? Trendy, kompetentsii, izmerenie* [What is the digital economy? Trends, competencies, measurement]. Proceedings of the XX April Conference on the Problems of Economic and Social Development. Moscow. 9–12 April 2019. Moscow: HSE.
20. McLuhan, M. (2005) *Galaktika Gutenberga: stanovlenie cheloveka pechatayushchego* [The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man]. Translated from English. Moscow: Akademicheskii proekt: Fond “Mir”.
21. Stonier, T. (1986) Informatsionnoe bogatstvo: profil’ postindustrial’noy ekonomiki [The Wealth of Information: A Profile of the Post-industrial Economy]. Translated from English. In: *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* [New technocratic wave in the West]. Moscow: Progress.
22. Backblaze.com. (n.d.) *Hard Drive Cost Per Gigabyte*. [Online] Available from: <https://www.backblaze.com/blog/hard-drive-cost-per-gigabyte/> (Accessed: 13.03.2019).
23. Sukharev, A.N. (2015) Ekonomicheskie osnovy funktsionirovaniya simvolicheskikh blag [Economic foundations of the functioning of symbolic benefits]. *Finansy i kredit – Finance and Credit*. 3 (627). pp. 56–62.
24. Demidova, M.V. (2013) Sotsial’no-filosofskie aspekty upravleniya simvolicheskimi kapitalom [Socio-philosophical aspects of symbolic capital management]. *Innovatsii v nauke*. 16. pp. 15–25.
25. Gandini, A. (2016) Digital work: Self-branding and social capital in the freelance knowledge economy. *Marketing Theory*. 16 (1). pp. 123–141.
26. Marwick, A. & Boyd, D. (2011) I tweet honestly, I tweet passionately: Twitter users, context collapse, and the imagined audience. *New Media & Society*. 13 (1). pp. 114–133.
27. Sereda, N.V. (2018) The Happy Planet Index as an Indicator of Sustainable Development. *Skif*. 1 (17). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/vsemirnyy-indeks-schastya-kak-indikator-ustoychivogo-razvitiya> (Accessed: 24.02.2021). (In Russian).
28. Pine II, B.J. & Gilmore, J.H. (2005) *Ekonomika vpechatleniy. Rabota – eto teatr, a kazhdy biznes – stsena* [The Experience Economy: Work Is Theatre & Every Business a Stage]. Translated from English. Moscow: Vil’yams.
29. Jameson, F. (1991) *Postmodernism, or, the cultural logic of late capitalism*. Duke University Press.
30. Adorno, T. & Horkheimer, M. (1997) *Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty* [Dialectic of Enlightenment. Philosophical fragments]. Translated from English. Moscow; St. Petersburg: Medium; Yuventa.
31. Enzensberger, H. (2016) *Industriya soznaniya. Elementy teorii media* [The Consciousness Industry. Constituents of a Theory of the Media]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem Press.
32. Flier, A.Ya. (2012) Cultural Industries in History and Contemporaneity: The Types and Technologies. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 3. [Online] Available from: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/Flier_Cultural-Industries/ (Accessed: 15.02.2021). (In Russian).
33. Deleuze, G. & Guattari, F. (2007) *Anti-Edip: kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia]. Translated from French. [Online] Available from: <https://www.litmir.me/br/?b=274362&p=9> (Accessed: 17.02.2021).
34. Bauman, Z. (2004) *Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva* [Globalization. The Human Consequences]. Moscow: Ves’ mir.
35. Osipov, Yu.M. (2005) *Kurs filosofii khozyaystva* [A course in philosophy of economy]. Moscow: Ekonomist”.
36. Kasavin, I.T. (2020) The ethical paradox of science: between the absolute and solidarity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 55. pp. 249–254. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/55/25
37. Mauss, M. (1966) *The Gift. Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies*. London: Cohen & West.
38. Levi-Strauss, C. (2008) *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology]. Translated from English. Moscow: Akademicheskii proekt.
39. Bourdieu, P. (2019) *Ekonomicheskaya antropologiya: kurs lektsiy v Kollezhe de Frans* [Economic anthropology: a course of lectures at the College de France]. Translated from French. Moscow: Delo of RANEPa.
40. Godelier, S. (2007) *Zagadka dara* [The enigma of the gift]. Translated from English. Moscow: Vost. lit.
41. Clark, J. (2010) Osnovy sovremennoy kontseptsii ekonomicheskoy otvetstvennosti [The Changing Basis of Economic Responsibility]. Translated from English. *Terra economicus*. 8 (4). pp. 94–103.
42. Nagel, T. (1970) *The Possibility of Altruism*. Princeton University Press
43. Bowles, S. (2010) *Mikroekonomika: povedenie, instituty i evolyutsiya* [Microeconomics: behavior, institutions, and evolution]. Moscow: Delo.
44. Attali, J. (2014) *Kratkaya istoriya budushchego. Mir v blizhayschie 50 let* [A Brief History of the Future: A Brave and Controversial Look at the Twenty-First Century]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
45. Stolyarova, O.E. (2020) The Vocation of a Scientist in a Disenchanted and Re-Enchanted World. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 55. pp. 255–260. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/55/26
46. Bernsteyn, P. (2009) *Fundamental’nye idei finansovogo mira: evolyutsiya* [Capital Ideas Evolving]. Translated from English. Moscow: Al’pina Biznes Buks.
47. Rb.ru. (n.d.) *Chto takoe Open Banking?* [What Is Open Banking?]. [Online] Available from: <https://rb.ru/longread/chto-takoeopen-banking/> (Accessed: 15.02.2021).
48. Graaf, B., Kan, A. & Molenaar, H. (2017) *The Dutch National Research Agenda in Perspective*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 241 p.
49. OPAL. (n.d.) *OPAL’s National Citizen Science Surveys*. [Online] Available from: <https://www.opal.explorenature.org/surveys> (Accessed: 10.02.2021).

Received: 20 July 2021

А.В. Голубинская

НЕЙРОЭПИСТЕМОЛОГИЯ КАК ОБЛАСТЬ КОГНИТИВНОЙ ФИЛОСОФИИ И ИССЛЕДОВАНИЙ ЗНАНИЯ

Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, номер проекта МК-6208.2021.2.

Предлагаются результаты анализа понятия «нейроэпистемология», истории его формирования, способов определения его предметного поля и характеристики возможных методологических решений. Рассматривается несколько интерпретаций данного понятия. Резюмируется, что, несмотря на сорокалетнюю историю проектирования нейроэпистемологии, этот термин каждый раз строится заново.

Ключевые слова: нейроэпистемология; эпистемология; нейрофилософия; биология знания; теория познания; теория знания; когнитивная философия.

Нейроэпистемология – термин, который периодически возникает в академических публикациях с конца XX в. Его дословное значение, сложенное из понятий «нейро» и «эпистема», позволяет предварительно описать его как совокупность теоретических и методологических установок исследования явлений, соотносимых с полем эпистемологии, способами, применяемыми в нейронауках.

Основания нейроэпистемологии произрастают из вопроса, который невозможно полностью свести ни к биологии, ни к эпистемологии, ни к психологическим и социальным наукам, – что происходит с нами, когда мы «начинаем знать»? Когда мы задаем такой вопрос философу, то получаем ответы относительно обоснованности истинного убеждения человека, критериев знания, связи знания и убеждения, а также возможности или невозможности волевого контроля процессов принятия знания. Иными словами, обращаем внимание на все то, что касается рассудка, рациональности. Если спросить о знании психолога, то ответ будет связан со степенью уверенности человека, механизмами восприятия и обработки информации, возможно, даже с некоторыми психическими аспектами критического мышления. Если вопрос адресовать естественнонаучному сообществу, то ответ будет касаться наличия закономерностей актов нейронной активности, свойственной функциональности отдельных областей материального субстрата сознания. Таковы, например, труды американского коллектива Olschefske Institute for the Neurobiology of Knowledge (Института нейробиологии знания Ольшефски), посвященные изучению проявления знания у приматов, или отдельные исследования частных проявлений знания, например запоминания информации [1].

Имея общий объект исследования, каждая из наук сосредоточена на своем предмете, но ни одно из частных решений не дает полноценного ответа на исходный вопрос. Тем не менее попытки синтезировать разные практики изучения знания в рамках общей научной парадигмы осуществляются с начала ее формирования. Исследования знания, построенные на грани биологии и философии, историки науки обычно отсчитывают от Ф. Ницше [2] или с более системного оформления данной идеи, например, у К. Лоренца [3] и его последователей (Р. Ридля и пр.), а также У. Ма-

тураны и Ф. Варелы [4]. Чтобы выявить специфические характеристики дальнейших этапов, кратко охарактеризуем опыт упомянутых авторов.

В ницшеанской эпистемологии знание является феноменом биологии человека, однако, вряд ли ее можно считать законченной философской концепцией и тем более биологической. В одних фрагментах ментальное и рациональное противопоставляется биологическому, два феномена сравниваются как «тело» и его «украшение» [2. С. 6]. В других фрагментах все заметнее прослеживается понятие биологического «Я», оно становится шире по смыслу и в том числе распространяется на познавательные акты (подробный анализ этих заключений см. в [5]). Позднее, уже в трудах К. Лоренца отсутствие диалога о знании между биологией и философией уже ставится в упрек современникам как упущенное очевидное: очевидное для биологов до сих пор упускается из виду философами [6]. Тенденции «научного познания знания» данного периода в целом ясны. Биология познания, как замечено К. Лоренцом, двигалась от структуры к функции: сталкиваясь с неизвестной структурой, биология ставит вопрос о ее назначении. Философия, по крайней мере в этом вопросе, развивалась в обратном направлении: функция настолько очевидная и несомненная, как способность субъекта к познанию, на протяжении столетий не имеет никакой материальной структуры, и преодоление этого убеждения становится предметом длительного спора. Тезисы, выдвигаемые К. Лоренцом, выражают попытку представить знание как биологическое явление, состояние, свойственное в разной мере любым живым организмам: даже инфузория способна к знанию, правда, весьма скромному, – знанию препятствий на траектории своего движения [6. Р. 6], и если отсутствие мозга не лишает жизни, то однозначно лишает способности знать [6. Р. 58–61; 7. Р. 140]. Биология познания у Лоренца – это когнитивная теория, перцептивная теория, и в меньшей степени она связана со знанием, как его понимают в философии. Инфузории, очевидно, все же не способны к эпистемической оценке и заключению, например, что информация о препятствии – ложь, или опыт – ложь, или восприятие ложно. Развитие этой идеи находим в дальнейшем в теории динамического соотношения умственной деятельности субъекта с его

физическими состояниями. Начиная с «Древа познания» У. Матураны и Ф. Варелы [4] формируется отдельное направление философии – философия нейрофизиологии [8. С. 168]. Познавательные акты рассматриваются как биологические феномены, сопряженные с социальными действиями, и авторы отмечают, что философия и наука должны работать не только с проблемой знания, но и с «проблемой знания знания» [4. С. 248]. Таким образом, хоть и в самом конце работы, звучит призыв к кооперации биологических и философских наук с целью изучения «знания знания» или «знания о знании», т.е. о поиске возможных соматических механизмов, маркеров, функций (и т.д.) принятия знания субъектом.

Сегодня более широко распространен термин «нейрофилософия». Определение границ понятия так же считается трудным [9], и трудности реализации «нейрофилософской программы» стремительно умножаются. Д. Дубровский дает этому структурное объяснение: степень финансирования нейронаучных проектов стимулирует постоянный прирост данных, однако сами по себе они не соберутся в подлинно теоретическое объяснение [10. С. 9–10]. В отрыве друг от друга огромное число гипотез и концепций о сознании, которые мы накопили в рамках философии, и массив необработанных эмпирических данных биологии оказываются бесполезными [11]. П.М. Балабан и Н.В. Гуляева видят причину трудностей в недостаточности концептуального и методологического взаимодействия при исследовании тела/мозга и сознания. Данные авторы подчеркивают недостаточность философского базиса в практике. Но встречаются и противоположные точки зрения. И.А. Бугаков убежден, что причина в самой философии [12], слепой к практике и берегущей свой багаж устаревших знаний. Однако эта критика не совсем объективна: вырабатываются промежуточные, в равной степени биологические и философские, теоретические объекты (например, «код Дубровского»), определена первостепенная задача нейрофилософии [13. С. 66]. Возможно, именно эти небольшие, но значимые достижения становятся индикатором того, что нейрофилософия постепенно начинает воспроизводить философскую структуру: нейроонтология [14], нейроэтика [15], нейроэстетика [16] и пр. Это происходит само собой: обобщенный термин «нейрофилософия» появляется позже, чем отдельные разделы, и аккумулирует их в общее исследовательское пространство.

Одно из таких направлений – нейроэпистемология, которую можно рассматривать как элемент нейрофилософии. Обычно в эпистемологии и философии мозг определяется физическими способностями, а эпистемические способности скорее связаны с разумом, рациональностью, здравым смыслом. Кажется, именно эту границу пытается преступить нейроэпистемология, определяемая как теория знаний в рамках исследования и понимания функций мозга [17, 18] или теория естественных условий для реализации эпистемических способностей (или неспособностей) в человеческом мозге [14. С. 59–60].

Самые ранние употребления понятия «нейроэпистемология» содержат отсылки к неврологу конца XIX в. Джону Хьюлингу Джексону. В июле 1972 г. в

газете «Listener» BBC была опубликована заметка (архив издания доступен в Google Books: https://www.google.ru/books/edition/The_Listener/TMtCAQAIAAJ) про «нейроэпистемологию Д.Х. Джексона», которая «чрезвычайно полезна в определенных областях». Какого-либо концептуального описания сохранившийся отрывок не содержит. Однако благодаря историкам науки, работавшим над анализом наследия Д.Х. Джексона, можно обнаружить некоторые идеи, которые вполне могли бы быть положены в основу его нейроэпистемологического проекта.

Основным решением проблемы разума и тела [19] для Д.Х. Джексона был психофизический параллелизм, теория о том, что мозг и разум существуют параллельно и не связаны между собой, что дает возможность полностью игнорировать одни функции при исследовании других [20]. В своих неврологических статьях он занимал критическую позицию, стремясь выявить недостатки традиционных практик и призывая к большей методологической строгости и изощренности для развития науки [21]. Этот критический и «процедурный» уклон его работ позволяет предположить, что нейроэпистемология понималась им как методологическая теория производства научного знания в сфере исследований мозга, т.е. как эпистемология нейронауки.

Такое прочтение нейроэпистемологии вполне правомерно. Можно предположить, что нейробиологические исследования формируются на основе некоторых предварительных допущений о природе разума, т.е. наблюдения оказываются концептуально предвзятыми. Подобные исследования проводятся и сегодня. Например, касательно роли технических агентов, участвующих в разработке знания [22], или влияния социальных, экономических и политических факторов на проведение нейронаучных исследований [23]. В этом случае нейронауки становятся просто объектом эпистемологического анализа.

Более интересно другое прочтение термина «нейроэпистемология», которое было представлено в конце XX в. Э. Озером. Этот период вообще оказывается плодотворным для изучения знания методами естественных наук, и идея строгой биологизации и математизации гносеологии прослеживается в большом количестве источников. Это, вероятно, связано не только с успехами непосредственно биологического исследования мозга, но и с процессом компьютеризации, увеличением интереса к теории искусственного интеллекта и, как следствие, с попытками изложить проблему познания так, чтобы потом ее можно было применить к проблеме машинного обучения (вычислительная нейроэпистемология) [24. Р. 39; 25]. К. Вогелей так и определяет понятие нейроэпистемологии – это научно реконструированная теория познания [26. Р. 40], обеспечивающая пул гипотез, которая может быть снова подвергнута эмпирическим переосмыслениям, и задачей которой может быть «пересмотр эмпирических данных в исторических диалоговых пространствах с последующей проверкой их стабильности» [27. Р. 226–227]. В это же десятилетие появляются попытки прикладных нейроэпистемологических решений. Например, теория биогенетического

структурализма, которая связала биологию, когнитивную науку и религиозный опыт человека [28, 29].

В 1989 г. в книге «Мозг, сознание и знания» [30] Э. Озер и Ф. Зейтелбергер предложили, что нейроэпистемология – это чуть больше, чем ряд частных исследований по реакции нервной системы на различные познавательные ситуации. Нейроэпистемология – это научная область, фундаментальным принципом которой, по убеждению авторов, должно стать то, что каждая новая когнитивная функция является результатом интеграции с ранее сформированными и уже существующими функциями [30. Р. 116, 214]. Однако смысл этого предположения был объяснен позднее Э. Озером в произведении «Tractatus Neuro-Epistemologicus» («Нейроэпистемологический трактат») [31], написанном с явной аллюзией на «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна.

Нейроэпистемология видится Э. Озеру наиболее последовательной формой натурализации теории познания. Стремление понять себя через попытку понять мозг автор рассматривает как глубинную черту любой науки о человеке, т.е. как нечто, пронизывающее интеллектуальную историю человечества, и потому новизна нейроэпистемологии содержится больше в названии, чем в содержании [31. С. 22]. Однако неупорядоченному массиву этих попыток необходимо формальное закрепление. Он начинает с «физиологии человеческого разума» Дж. Локка, но предлагает заменить в нем физиологию чувств на физиологию мозга.

Э. Озер отмечает, что наступление периода, когда подобные исследования становятся востребованными, должно свидетельствовать о том, что «нейробиологическая лестница», по которой движется человеческое познание, поднялось к определенному уровню, на котором возникли проблемы, превышающие эмпирические исследования мозга. Если сопоставить это предположение с приведенными в начале данной статьи замечаниями, то можно сказать, что прогноз оказался весьма точным.

Э. Озер предлагает три правила нейроэпистемологического рассуждения, называя их *regulae philosophandi* на манер ньютоновских правил философствования [31. С. 23]:

1. Любое теоретическое утверждение, сделанное в рамках нейроэпистемологии, должно иметь ссылку на нейробиологию.

2. Или, по крайней мере, оно должно быть сформулировано так, чтобы, в принципе, можно было установить отношения с нейробиологическими высказываниями.

3. Теоретические утверждения, методологически связанные таким образом с нейробиологическими утверждениями, могут быть приняты только друг с другом и отброшены только друг с другом.

Таким образом, для Э. Озера нейроэпистемология занимает всю площадь пересечения нейробиологии и эпистемологии и не выходит за пределы этой площади (что он подтверждает в том числе графическим изображением при помощи кругов Эйлера [31. Р. 24]). За пределами области пересечения существуют независимо друг от друга нейробиология, которая не имеет ничего общего с проблемой познания и сознания, и

теория познания, которая не имеет ничего общего с нейробиологией. Автор убежден, что вне области пересечения любые исследования знания теряют свою первоначальную ценность и взаимодействие этих двух областей само по себе требует особых первичных установок, принципов, которые не сводятся к какому-либо известным.

Принцип категориальной трансформации, которым он описывает взаимодействие этих областей, Озер истолковывает при помощи методов отрицательной аналогии и, как специалист в области естественных наук, обращается к современным ему принципам физики [31. С. 25–26]. Во-первых, логика данного принципа не должна ставиться в аналогию принципу дополнительности (комплементарности) Н. Бора, которым, к примеру, описываются понятия «частица» и «волна», поскольку даже благодаря точному знанию состояния мозга невозможно установить психическое состояние. Можно сказать, что этот принцип означает отказ от параллелизма. Во-вторых, искомый принцип не должен соотноситься с принципом неопределенности Гейзенберга, поскольку, чтобы дать положительный ответ на вопрос о свободе человеческого сознания, недостаточно показать вероятностную «дыру» в причинно-следственной цепи физических событий. В-третьих, Озер отрицает применимость «принципа розыгрыша», положенного в основу кота Шредингера, поскольку сознание с помощью мозга образует пространство, статистическое описание которого слишком мало для установления истин.

Дальнейшие пункты трактата Э. Озер посвящает общим положениям нейробиологии мозга (вопросам локализации, эволюции, динамичности), ссылаясь на Ч. Дарвина, И. Павлова, Х. Патнэма. Отсылки, оставленные автором, подтверждают, что проект нейроэпистемологии виделся ему не менее грандиозным, чем труды Витгенштейна и Ньютона, и настолько же революционным, насколько в физике оказался период квантовой механики. Однако этот проект почти не упоминается в современных трудах, в том числе по нейроэпистемологии. Намного чаще этот термин все же связывают с именем П.С. Чёрчленд.

В статье «Как нейроны знают?» она приводит такое размышление. Стороннему наблюдателю кажется, что пчелы выбирают цветы случайно. Однако более пристальное наблюдение показывает, что они собирают нектар методично. Пчелы не только запоминают, какие отдельные цветы они уже посещали, но и учатся на поле смешанных цветов с разным количеством нектара оптимизировать свою стратегию добывания корма, чтобы получить больше нектара с наименьшими усилиями. В мозгу пчелы есть нейрон VUMmx1, и при его помощи мы можем объяснить, как «пчела знает» об этом [32. Р. 47–48; 33. Р. 335–336]. Возможно ли построить аналогичную исследовательскую программу в науках о человеке [34. Р. 241]?

Для П.С. Чёрчленд нейроэпистемология – это и есть сама эпистемология. Независимо от меняющейся от эпохи к эпохе терминологии, идея натуралистического подхода к поиску ответа на вопрос о том, как мы воспринимаем, рассуждаем, запоминаем и учимся, описана еще Аристотелем. П.С. Черчленд не видит

оснований разграничивать эпистемологию и нейро-эпистемологию, поскольку появление новых методов никак не отражается на фундаментальной задаче от-расли. Следовательно, можно даже не прибегать к введению в оборот дополнительных терминов вроде «нейроэпистемология». Но тот факт, что этот термин оказывается необходимым, видится ей симптомом определенного кризиса в философии: «...до сих пор мое объяснение того, почему спекулятивная эпистемология продолжает существовать, было сосредоточено на технических и научных препятствиях, стоящих перед естественной (то есть научной) теорией разума/мозга. Хотя это объясняет, почему медленный прогресс мог обескуражить некоторых философов, это не объясняет, почему априорная эпистемология затмила эмпирическую» [33. Р. 225]. Прослеживается мысль, что для П.С. Чёрчленд нейроэпистемология – это просто синоним научной эпистемологии. Данный отрывок не направлен против эпистемологии как таковой, но выражает желание автора вплести нейробиологический подход в самую суть области. С этой точки зрения говорить о нейроэпистемологии необходимо лишь до тех пор, пока существуют альтернативные методологии изучения знания.

Методология нейроэпистемологического исследования как тема представляет особый интерес. То, как мы определяем и описываем методологию, напрямую зависит от содержания понятия «нейроэпистемология». В истории нам удалось определить как минимум три такие интерпретации:

- область эпистемологического исследования сообщества нейроученых как производителей знания (эпистемологическое прочтение);
- область философско-нейробиологического исследования знания (оригинальное прочтение);
- эмпирическая эпистемология (нейробиологическое прочтение).

Методологии первой и второй интерпретации прозрачны. В первом случае цели исследований могут быть достигнуты путями, соответствующими методам философии науки, социологии знания и эпистемологии как таковой. Если в нейробиологической лаборатории повторить работу, которую К. Кнорр-Цетина провела в лабораториях молекулярной биологии и физики высоких энергий, изложенную в «Эпистемических культурах» [35], получается пример нейроэпистемологического исследования в первой интерпретации. В этом случае то, как проводятся эмпирические исследования в нейронауке, представляет собой эпистемическую культуру, действующую на основании определенного уклада, и именно этот уклад является предметом научного интереса.

К такому же прочтению нейроэпистемологии относится часть программы теоретической неврологии Р. Бретта. Методология его подхода рационалистична: сравнение, обобщение, концептуализация. Ее прикладной целью, к примеру, является разработка модельных баз для биологии познания, а фундаментальной задачей – поиск ответов на вопросы о том, что такое реалистичная модель, что должна доказывать нейробиологическая теория познания и как это вообще следует доказывать (подробно данную позицию

Р. Бретт изложил в личном блоге: <http://romainbrette.fr/epistemology/>) [36, 37].

Третье прочтение нейроэпистемологии (нейробиологическое) подразумевает использование методологий нейронаук для решения вопросов знания и познания. Поскольку целью научного поиска является объяснение того, как системы мозга задействованы в процессах получения знаний, то, в грубом изложении, это подразумевает «поиск знания при помощи томографа». Правильнее сказать, что эти исследования представляют собой попытку ответить на вопрос о том, как человек знает, пользуясь всеми возможными инструментами наук о мозге. Это прочтение не нужно связывать с исключительно технической работой по сбору данных о мозге, поскольку, несмотря на выраженную эмпирическую ориентацию, здесь также концептуальные следствия. Один из наиболее актуальных примеров – вопрос о существовании концептуальных клеток. Если традиционное представление о «знающем мозге» исходит из идеи организованного взаимодействия огромного количества нейронов, то модель концептуальных клеток поднимает вопрос о наличии одиночных нейронов, отвечающих за конкретные абстрактные понятия [38]. Этот вопрос, несомненно, является фундаментальным и может повлиять на дальнейшее развитие философских и, в частности, эпистемологических теорий. Однако решение данного вопроса не требует какой-либо философской подготовки и может строиться на привычных методологиях современных нейронаучных исследований.

Исключительно нейроэпистемология второго прочтения, как она была представлена у Э. Озера, т.е. оригинальная интерпретация, может претендовать на поиск собственных методов или, в крайнем случае, на собственные способы интеграции частных методов нейронаук и эпистемологии, если такое возможно. С одной стороны, результаты наук о мозге, основанные на идее взаимодействия мозга с телом и окружающей средой [39, 40], сошлись с классическими взглядами философской феноменологии: они больше не начинаются с изолированного, чисто мыслящего «я», как это было в идеализме [41. Р. 1150]. Однако средства для построения продуктивного диалога двух наук все еще несовершенны, открытия нейробиологов достигают пределов своей ценности, когда дело начинает касаться философских вопросов, и наоборот, разработки философских теорий знания на границах с предметным полем биологии перестают быть столь же информативными. Здесь становится более заметна ценность предлагаемой нейроэпистемологией перспективы.

На текущем этапе развития наук и их диалога необходимо говорить не столько о методах гипотетического исследования, сколько о методах преодоления имеющихся в нем трудностей.

Семантический метод нейроэпистемологии выступает попыткой сделать терминологию нейробиологического и философского дискурса лингвистически более прозрачной и изучает использование тезауруса психических состояний на философском и нейробиологическом уровне, а также между двумя уровнями [41. Р. 1149]. Возможность построения терминологи-

ческого аппарата между этими уровнями, чтобы сделать интроспективное содержание субъективного опыта доступным и, следовательно, пригодным для науки, предполагается необходимым этапом к какой-либо серьезной оригинальной нейроэпистемологии.

Феноменологический метод представляется способом прояснения различных качеств опыта познания. Здесь должны возникнуть вопросы об органических структурах субъективности и их детерминантах. Нейрофеноменология развивалась параллельно с нейроэпистемологией [42], но с самого начала позиционировалась как методология. Авторы, впервые обратившиеся к этому понятию, описали ее как метод определения отношений между сознанием и нервной системой в сочетании методов феноменологии и нейронауки [42. С. 84] (Ч. Лафлин), как методологическое решение трудной проблемы сознания [43] (Ф. Варела), что в целом соответствует всей феноменологической традиции в философии, а также потребностям оригинальной нейроэпистемологии Э. Озера.

На основании проведенного анализа можно сделать следующее заключение. Вопрос о границах нейроэпистемологии как области исследования пока не привел к консенсусу. Ее история кажется последо-

вательной, но ее содержание каждый раз конструируется заново. На текущий момент сформировалось три почти не связанных друг с другом направления, именуемых данным термином. Одно из них представляет собой исследования в области эпистемологии и философии науки, сосредоточенные на анализе процесса производства научного знания в экспертном сообществе нейробиологов. Другое объединяет попытки решить вопросы о природе знания силами естественных наук, не прибегая к философским инструментам. Оба эти прочтения нейроэпистемологии не претендуют на обособление от своих научных отраслей: первое осуществляется в рамках философских работ, второе – в пределах биологических исследований. Третье прочтение нейроэпистемологии, оригинальное, исходит из идеи создания на пересечении этих двух отраслей нового научного аппарата для пересмотра как философских, так и биологических подходов к проблеме знания и разработки собственных концепций, развивающих эти подходы. Этот проект действительно кажется грандиозным, но говорить о его реализации преждевременно: его отличительной чертой должна стать универсальная методология, которая возможна только в условиях общих семантических конструкторов.

ЛИТЕРАТУРА

- Lidén C.B., Krüger O., Schwarz L., Erb M., Kardatzki B., Scheffler K., Ethofer T. Neurobiology of knowledge and misperception of lyrics // *NeuroImage*. 2016. Vol. 134. P. 12–21. DOI: 10.1016/j.neuroimage.2016.03.080
- Nietzsche F. *The will to power*. N.Y. : Vintage book, 1967. 355 p.
- Lorenz K. Kant's Doctrine Of The A Priori In The Light Of Contemporary Biology // *Philosophy after Darwin: Classic and contemporary readings* / ed. by M. Ruse. Princeton : Princeton University Press, 2009. P. 231–247.
- Maturana H., Varela F.J. *The tree of knowledge: the biological roots of human understanding*. Boston, MA : Shambhala, 1998. 269 p.
- Tauber A.I. A typology of Nietzsche's biology // *Biology and Philosophy*. 1994. Vol. 9 (1). P. 25–44. DOI: 10.1007/BF00849912
- Lorenz K. *Behind the mirror: a search for a natural history of human knowledge*. New York : Harcourt Brace Jovanovich. 1978. 257 p.
- Lorenz K. *On aggression*. London : Routledge, The Psychology Press. 2002. 320 p.
- Шмерлина И. А. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания (рецензия) // *Социологический журнал*. 2003. № 2. С. 168–179.
- Петрунин Ю.Ю. Критический потенциал нейрофилософии // *Философские науки*. 2015. № 11. С. 22–29.
- Дубровский Д.И. Нейрофилософия и проблема сознания // *Философские науки*. 2015. № 11. С. 8–21.
- Балабан П.М., Гуляева Н.В. Нейрофилософия // *Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова*. 2015. Т. 65, № 4. С. 498–498.
- Бугаков И.А. Нейрофилософия как философия нейронауки // *Известия института инженерной физики*. 2014. № 2(32). С. 43–45.
- Алексеев А.Ю., Кузнецов В.Г., Петрунин Ю.Ю., Савельев А.В., Янковская Е.А. Становление отечественной нейрофилософии // *Философские науки*. 2015. № 11. С. 48–66.
- Northoff G. *Philosophy of the Brain: The brain problem*. John Benjamins Publishing Company, 2004. 439 p.
- Levy N. *Neuroethics: Challenges for the 21st century*. Cambridge University Press, 2007. 364 p.
- Chatterjee A., Vartanian O. Neuroaesthetics // *Trends in cognitive sciences*. 2014. Vol. 18(7). P. 370–375. DOI: 10.1016/j.tics.2014.03.003
- Northoff G., Wagner N.F. Personal identity and brain identity. *The Routledge Handbook of Neuroethics*. Routledge, 2017. P. 335–351.
- Weber C. Identifying Neurotechnology Challenges at NeuroCAS // *IEEE pulse*. 2019. Vol. 10(3). P. 26–30. DOI: 10.1109/MPULS.2019.2911809
- York G.K., Steinberg D.A. The philosophy of Hughlings Jackson // *Journal of the Royal Society of Medicine*. 2002. Vol. 95 (6). P. 314–318. DOI: 10.1258/jrsm.95.6.314
- Hughlings J.J. Remarks on evolution and dissolution of the nervous system // *Journal of Mental Science*. 1887. Vol. 23. P. 25–48. DOI: 10.1192/bjp.33.141.25
- Jacyna L.S. Process and progress: John Hughlings Jackson's philosophy of science // *Brain*. 2011. Vol. 134 (10). P. 3121–3126. DOI: 10.1093/brain/awr236
- Almeida F. The structure of non-human cognitive neuroscience: an epistemological critique // *Reviews in the Neurosciences*. 2019. Vol. 30 (8). P. 881–888. DOI: 10.1515/revneuro-2019-0006
- Bovet É. et al. Neuroscience examined by the clinical and the social science. Crossed perspectives // *Revue d'anthropologie des connaissances*. 2013. Vol. 7 (7-3). P. A-N. DOI: 10.3917/rac.020.0556
- Moreno A., Etxeberria A., Umerz J. Biological Information: The Causal Roots of Meaning // *Workbook of the 1st Principia Cybernetica Workshop*. 1991. Vol. 51. P. 39.
- Peschl M.F. Neuronale Wissensrepräsentation I: Grundfragen // *Repräsentation und Konstruktion. Wissenschaftstheorie Wissenschaft und Philosophie*. Vieweg+Teubner Verlag, 1994. P. 12–46. DOI: 10.1007/978-3-322-89866-1_1
- Voegley K. Was ist psyche // Heinze M. (ed.). *Psyche im Streit der Theorien*. Königshausen & Neumann, 1996. Vol. 1. P. 38–42.
- Voegley K. Zum Projekt einer Neuroepistemologie // *Psyche im Streit der Theorien* / ed. by M. Heinze. Königshausen & Neumann, 1996. T. 1. P. 225–245.
- D'Aquili E.G. The sense of reality in science and religion: A neuroepistemological perspective // *Zygon*. 1982. Vol. 17. P. 361–384. DOI: 10.1111/j.1467-9744.1982.tb00491.x
- Andresen J. Conclusion: Religion in the flesh: Forging new methodologies for the study of religion // J. Andresen (Ed.). *Religion in mind: Cognitive perspectives on religious belief, ritual, and experience*. Cambridge University Press, 2001. P. 257–287. DOI: 10.1017/CBO9780511586330.011

30. Oeser E., Seitelberger F. Gehirn, Bewußtsein und Erkenntnis. Wissenschaft Buchgesellschaft, 1995. 203 p.
31. Oeser E. Tractatus neuro-epistemologicus // Das Bewußtsein. Vienna : Springer, 1992. P. 21–33.
32. Churchland P.S. How do neurons know? // Daedalus. 2004. Vol. 133 (1). P. 42–50.
33. Churchland P.S. Brain-wise: Studies in neurophilosophy. MIT press, 2002. 438 p.
34. Churchland P.S. Neurophilosophy: Toward a unified science of the mind-brain. MIT press, 1989. 560 p.
35. Cetina K.K. Epistemic cultures: How the sciences make knowledge. Harvard University Press, 1999. 329 p.
36. Brette R. Philosophy of the spike: rate-based vs. spike-based theories of the brain // Frontiers in systems neuroscience. 2015. Vol. 9. P. 151. DOI: 10.3389/fnys.2015.00151
37. Brette R. Is coding a relevant metaphor for the brain? // Behavioral and Brain Sciences. 2019. Vol. 42. P. e215. DOI: 10.1017/S0140525X19000049
38. Tapia C.C., Tyukin I., Makarov V.A. Universal principles justify the existence of concept cells // Scientific reports. 2020. Vol. 10. P. 1–9. DOI: 10.1038/s41598-020-64466-7
39. Chiel H.D., Beer R.D. The brain has a body: adaptive behavior emerges from interactions of nervous system // Trends in Neurosciences. 1997. Vol. 20 (12). P. 553–557. DOI: 10.1016/s0166-2236(97)01149-1
40. Damasio A. The feeling of what happens: body and emotion in the making of consciousness. Harvest ; New York, 1999. 400 p.
41. Synofzik M., Huber L., Wiesing U. Philosophieren über die Rätsel des Gehirns // Der Nervenarzt. 2004. Vol. 75 (12). P. 1147–1152. DOI: 10.1007/s00115-004-1741-4
42. Шуталева А.В. Фундаментальная проблема субъективности в нейрофеноменологии Ф. Варелы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 48. С. 84–90. DOI: 10.17223/1998863X/48/8
43. Varela F.J. Neurophenomenology: A methodological remedy for the hard problem // Journal of consciousness studies. 1996. Vol. 3 (4). P. 330–349.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 21 июля 2021 г.

Neuroepistemology as a Field of Cognitive Philosophy and Knowledge Studies

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 80–86.

DOI: 10.17223/15617793/470/9

Anastasia V. Golubinskaya, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: golub@unn.ru

Keywords: neuroepistemology; epistemology; neurophilosophy; biology of knowledge; knowledge theory; cognitive philosophy.

The study was supported by the Council for Grants of the President of the Russian Federation, Project No. MK-6208.2021.2

The article presents the results of an analysis of the concept of neuroepistemology, the history of its formation, the methods of determining its object and characteristics of possible methodological solutions. To achieve this aim, two specific objectives have been mapped out: to consider the evolution of the conception of neuroepistemology in the context of the history of science and philosophy; and to systematize the existing ideas about neuroepistemology, its object, methods and characteristics. The main result of the research is that, despite the forty-year history of neuroepistemological projects, this term is each time constructed anew. Different interpretations are not compared to each other, and the authors rarely refer to the history of the concept, continuing to fill it with new contradictory meanings. This conclusion follows from the examination of thematic publications on neuroepistemology in English, Russian, and mainly in German, due to the high number of references to neuroepistemology in German-language cognitive philosophy (E. Ozer, F. Seitelberger, K. Vogeley, M. Peschl). If we attribute the earliest attempts to synthesize philosophical and biological approaches to knowledge (F. Nietzsche, K. Lorenz, U. Maturana, F. Varela) to presuppositions of neuroepistemology and start with the mentions of the word “neuroepistemology”, we find three relevant interpretations of the concept. The first (probably presented by John Hughlings Jackson) treats neuroepistemology as a research of epistemic communities of producers of neuroscientific knowledge. The object of such research is epistemic culture (K.K. Cetina), and the research aims can be achieved by the methods of the philosophy of science, the sociology of knowledge, and epistemology. The second interpretation of neuroepistemology (P.S. Churchland) concerns the use of neuroscientific methodologies to address issues of knowledge. These studies are an attempt to answer the question of how a person knows, using all the possible tools of the brain studies (the research of concept cells is a relevant example). The third interpretation (E. Ozer) begins with the consistent naturalization of the theory of knowledge in the 1980s and insists on finding its own methods or, in extreme cases, on its own ways of integrating particular methods of neuroscience and epistemology. The article describes the principles and rules of such neuroepistemological reasoning, its features and methodological perspectives.

REFERENCES

1. Lidén, C.B. et al. (2016) Neurobiology of knowledge and misperception of lyrics. *NeuroImage*. 134. pp. 12–21. DOI: 10.1016/j.neuroimage.2016.03.080
2. Nietzsche, F. (1967) *The will to power*. NY: Vintage Book.
3. Lorenz, K. (2009) Kant's doctrine of the a priori in the light of contemporary biology. In: Ruse, M. (ed.) *Philosophy after Darwin: Classic and contemporary readings*. Princeton University Press. pp. 231–247.
4. Maturana, H. & Varela, F.J. (1998) *The tree of knowledge: the biological roots of human understanding*. Boston, MA: Shambhala.
5. Tauber, A.I. (1994) A typology of Nietzsche's biology. *Biology and Philosophy*. 9 (1). pp. 25–44. DOI: 10.1007/BF00849912
6. Lorenz, K. (1978) *Behind the mirror: a search for a natural history of human knowledge*. New York: Harcourt Brace Jovanovich.
7. Lorenz, K. (2002) *On aggression*. London: Routledge; The Psychology Press.
8. Shmerlina, I.A. (2003) Maturana U., Varela F. Drevo poznaniya: biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya (recenziya) [Maturana U., Varela F. The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding (review)]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2. pp. 168–179.
9. Petrunin, Y.Y. (2015) Kriticheskiy potentsial neyrofilosofii [Critical potential of neurophilosophy]. *Filosofskie nauki*. 11. pp. 22–29.
10. Dubrovskiy, D.I. (2015) Neyrofilosofiya i problema soznaniya [Neurophilosophy and the problem of consciousness]. *Filosofskie nauki*. 11. pp. 8–21.
11. Balaban, P.M. & Gulyaeva, N.V. (2015) Neyrofilosofiya [Neurophilosophy]. *Zhurnal vysshey nervnoy deyatel'nosti im. I.P. Pavlova*. 65. 4. pp. 498–498.
12. Bugakov, I.A. (2014) Neyrofilosofiya kak filosofiya neyronauki [Neurophilosophy as a philosophy of neuroscience]. *Izvestiya instituta inzhenernoy fiziki*. 2(32). pp. 43–45.

13. Alekseev, A.Y. et al. (2015) Stanovlenie otechestvennoy neyrofilosofii [Formation of Russian neurophilosophy]. *Filosofskie nauki*. 11. pp. 48–66.
14. Northoff, G. (2004) *Philosophy of the Brain: The brain problem*. John Benjamins Publishing Company.
15. Levy, N. (2007) *Neuroethics: Challenges for the 21st century*. Cambridge University Press.
16. Chatterjee, A. & Vartanian, O. (2014) Neuroaesthetics. *Trends in cognitive sciences*. 18 (7). pp. 370–375. DOI: 10.1016/j.tics.2014.03.003
17. Northoff, G. & Wagner, N.F. (2017) Personal identity and brain identity. In: *The Routledge Handbook of Neuroethics*. Routledge. pp. 335–351.
18. Weber, C. (2019) Identifying Neurotechnology Challenges at NeuroCAS. *IEEE pulse*. 10 (3). pp. 26–30. DOI: 10.1109/MPULS.2019.2911809
19. York, G.K. & Steinberg, D. A. (2002) The philosophy of Hughlings Jackson. *Journal of the Royal Society of Medicine*. 95 (6). pp. 314–318. DOI: 10.1258/jrsm.95.6.314
20. Hughlings Jackson, J. (1887) Remarks on evolution and dissolution of the nervous system. *Journal of Mental Science*. 23. pp. 25–48. DOI: 10.1192/bjp.33.141.25
21. Jacyna, L.S. (2011) Process and progress: John Hughlings Jackson's philosophy of science. *Brain*. 134 (10). pp. 3121–3126. DOI: 10.1093/brain/awr236
22. Almeida, F. (2019) The structure of non-human cognitive neuroscience: An epistemological critique. *Reviews in the Neurosciences*. 30 (8). pp. 881–888. DOI: 10.1515/revneuro-2019-0006
23. Bovet, É. et al. (2013) Neuroscience examined by the clinical and the social science. Crossed perspectives. *Revue d'anthropologie des connaissances*. 7 (7–3). pp. A–N. DOI: 10.3917/rac.020.0556
24. Moreno, A., Etxeberria, A. & Umerez, J. (1991) Biological Information: The Causal Roots of Meaning. *Workbook of the 1st Principia Cybernetica Workshop*. 51. p. 39.
25. Peschl, M.F. (1994) Neuronale Wissensrepräsentation I: Grundfragen. In: *Repräsentation und Konstruktion. Wissenschaftstheorie Wissenschaft und Philosophie*. Vieweg+Teubner Verlag. pp. 12–46. DOI: 10.1007/978-3-322-89866-1_1
26. Vogeley, K. (1996) Was ist psyche. In: Heinze, M. (ed.). *Psyche im Streit der Theorien*. Königshausen & Neumann. 1. pp. 38–42
27. Vogeley, K. (1996) Zum Projekt einer Neuroepistemologie. In: Heinze M. (ed.). *Psyche im Streit der Theorien*. Königshausen & Neumann. 1. pp. 225–245
28. D'Aquili, E.G. (1982) The sense of reality in science and religion: A neuroepistemological perspective. *Zygon*. 17. pp. 361–384. DOI: 10.1111/j.1467-9744.1982.tb00491.x
29. Andresen, J. (2001) Conclusion: Religion in the flesh: Forging new methodologies for the study of religion. In: Andresen, J. (ed.) *Religion in mind: Cognitive perspectives on religious belief, ritual, and experience*. Cambridge University Press. pp. 257–287. DOI: 10.1017/CBO9780511586330.011
30. Oeser, E. & Seitelberger, F. (1995) *Gehirn, Bewußtsein und Erkenntnis*. Wissenschaft Buchgesellschaft.
31. Oeser, E. (1992) Tractatus neuro-epistemologicus. *Das Bewußtsein*. Vienna: Springer. pp. 21–33.
32. Churchland, P.S. (2004) How do neurons know? *Daedalus*. 133 (1). pp. 42–50.
33. Churchland, P.S. (2002) *Brain-wise: Studies in neurophilosophy*. MIT Press.
34. Churchland, P.S. (1989) *Neurophilosophy: Toward a unified science of the mind-brain*. MIT Press.
35. Cetina, K.K. (1999) *Epistemic cultures: How the sciences make knowledge*. Harvard University Press.
36. Brette, R. (2015) Philosophy of the spike: rate-based vs. spike-based theories of the brain. *Frontiers in Systems Neuroscience*. 9. p. 151. DOI: 10.3389/fnsys.2015.00151
37. Brette, R. (2019) Is coding a relevant metaphor for the brain?. *Behavioral and Brain Sciences*. 42. p. e215. DOI: 10.1017/S0140525X19000049
38. Tapia, C.C., Tyukin, I. & Makarov, V.A. (2020) Universal principles justify the existence of concept cells. *Scientific Reports*. 10 (1). pp. 1–9. DOI: 10.1038/s41598-020-64466-7
39. Chiel, H.D. & Beer, R.D. (1997) The brain has a body: adaptive behavior emerges from interactions of nervous system. *Trends in Neurosciences*. 20 (12). pp. 553–557. DOI: 10.1016/s0166-2236(97)01149-1.
40. Damasio, A. (1999) *The feeling of what happens: body and emotion in the making of consciousness*. New York: Harvest.
41. Synofzik, M., Huber, L. & Wiesing, U. (2004) Philosophieren über die Rätsel des Gehirns. *Der Nervenarzt*. 75 (12). pp. 1147–1152. DOI: 10.1007/s00115-004-1741-4.
42. Shutaleva, A. V. (2019) The fundamental problem of subjectivity in Francisco Valera's neurophenomenology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 48. pp. 84–90. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/48/8
43. Varela, F.J. (1996) Neurophenomenology: A methodological remedy for the hard problem. *Journal of Consciousness Studies*. 3 (4). pp. 330–349.

Received: 21 July 2021

Н.В. Медведев

Л. ВИТГЕНШТЕЙН О НЕОБОЗРИМОСТИ ГРАММАТИКИ И СПОСОБЕ ЕЕ ПОСТИЖЕНИЯ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-011-00254.

Реконструируются аргументы Витгенштейна в поддержку тезиса о необозримом характере грамматики. Раскрываются специфика и функциональные возможности метода ясного представления (*übersichtliche Darstellung*) об употреблении слов. Акцентируется роль первичного освоения детьми грамматических норм посредством тренировки и обретения практических навыков. Показано, что способ наглядного представления, может служить средством для нормирования и упорядочения лингвистической практики, для устранения концептуальных замешательств, для понимания разнообразных форм социальной деятельности, однако он не обеспечивает синоптическое видение грамматики.

Ключевые слова: Л. Витгенштейн; грамматика; ясное представление; языковые игры; форма жизни; метод; практика; сложность; совокупность.

Введение

Фигура Л. Витгенштейна является знаковой как для философов, так и для лингвистов. С именем этого выдающегося мыслителя связан «лингвистический поворот» в философии XX столетия, приведший к революционным изменениям в подходах к изучению темы языка. Интуиции Витгенштейна о природе языка по-прежнему служат плодотворным источником для обсуждения методологических проблем лингвистики. Если в первой своей книге «Логико-философский трактат» (1921) философ рассматривает в основном вопрос о том, как слова способны отображать мир, то в поздний период творчества он приходит к пониманию языка не как абстрактной символической системы, а как социальной деятельности и социального института [1]. Важный шаг в эволюции лингвофилософского подхода Витгенштейна состоял в формулировании требования осуществлять анализ разнообразных случаев употребления слов представителями коммуникативного сообщества для определения их значения и достижения ясного понимания. Каждая языковая игра, согласно Витгенштейну, имеет свой внутренний горизонт, который детерминирует значение языковых выражений, расположенных внутри него, поэтому необходимо обращать внимание на все детали, все нюансы языковой игры, которые обнаруживаются в повседневном общении. Витгенштейн отдавал предпочтение всему богатству и разнообразию языковых феноменов, которые анализировал с особой тщательностью и проницательностью, он не желал ограничивать свою философско-аналитическую деятельность только конструированием логически совершенного искусственного языка, свободного от двусмысленностей и неясностей [2. С. 2].

Язык для Витгенштейна есть не только одна из главных проблем философии, но и ключ к их решению. Он постоянно предостерегает нас от неверного понимания принципов работы естественного языка, указывая на скрытые грамматические «ловушки». Для решения большинства философских проблем нужны не совершенные философские теории, а подробное описание способов употребления лингвистических знаков в разнообразных контекстах, чтобы иметь яс-

ное представление [3. С. 84] об их значении. Философские проблемы, согласно Витгенштейну, «решаются... изучением устройства нашего языка, и таким способом изучения, который вынуждает нас признать это устройство вопреки склонности истолковать их неверно» [3. С. 81]. Постигнув, что «грамматические иллюзии» [3. С. 81] являются подлинным источником большинства философских проблем, мы научимся освобождаться от этих проблем, в некотором смысле сможем уподобиться врачу, который излечивает своих пациентов благодаря установлению точного диагноза. [4. С. 26–27]. Занимаясь прояснением грамматики языковых игр и связанных с ними форм социальной организации человеческой деятельности, Витгенштейн, по сути, преобразовал концепцию философии в разновидность социального исследования [5. С. 36].

Несмотря на громкую известность Витгенштейна в научном мире, его точка зрения на грамматику как необозримую совокупность, а также последствия такого воззрения для области социально-гуманитарного знания обнаруживают слабое понимание за пределами круга специалистов. Разработанные Витгенштейном в ранний и поздний периоды творчества особые подходы к языку настолько сильно отличаются, что трудно сказать, в чем именно заключается взаимосвязь и преемственность его философских идей. В частности, довольно сложно объяснить мотивы, побудившие австрийского мыслителя отказаться от «образной» концепции языка и философского метода синоптического видения [6. С. 33] в пользу перформативно-деятельностной модели языка и грамматического анализа многообразных языковых игр.

Актуальность темы данного исследования определяется устойчивым интересом к творческому наследию Л. Витгенштейна в современном интеллектуальном пространстве и связана с необходимостью прояснения его философской позиции относительно понимания грамматики языка и реальной практики ее освоения человеческим субъектом. Целью статьи является осмысление тезиса Витгенштейна о необозримом характере нашей грамматики и возможности ее постижения методом *ясного представления* (*übersichtliche Darstellung*) об употреблении слов. Реализация поставленной цели предполагает решение

следующих задач: во-первых, необходимо реконструировать аргументы Витгенштейна в поддержку точки зрения о необозримости нашей грамматики; во-вторых, раскрыть специфику и познавательные возможности предложенного им способа наглядного действия для понимания значения; в-третьих, определить онтологическое условие существования грамматики в контексте философских размышлений Витгенштейна; в-четвертых, опираясь на его тексты, описать реальную практику освоения грамматики.

Необозримая грамматика и метод ясного представления

Главная философская проблема, по убеждению Витгенштейна, заключается в том, что «нашей грамматике недостает... наглядности» [3. С. 84]. Разобраться в специфике подхода Витгенштейна к проблеме *необозримой* грамматики возможно лишь в том случае, если принять во внимание расширенное употребление им слова «грамматика», под которым философ подразумевал не систему абстрактных грамматических правил, а сложившиеся модели языкового поведения людей. По мнению философа, фактическая структура и упорядоченность той или иной языковой игры являются недоступными для нашего обозревания. В разговоре о грамматике его интересует не столько синтаксис языковых игр, сколько их семантические и прагматические ограничения, определяемые тесной взаимосвязью языка и жизни [7. С. 64]. Философская «грамматика» Витгенштейна охватывает не только язык или языковые игры, но и человеческую форму жизни в целом. Конкретное сообщество людей, определенная культура, историческая традиция – все это имеет свою особую «грамматику», притом каждой из них недостает наглядности.

Ключевая эпистемологическая установка Витгенштейна, направленная на постижение грамматики языка как необозримой совокупности, изложена им в параграфе 122 «Философских исследований», где он говорит об *отсутствии ясного представления об употреблении слов* (здесь и далее в цитатах курсив мой. – Н.М.) [3. С. 84]. Так как язык выступает в качестве незыблемой основы человеческой жизни, можно предположить, что разнообразным формам социальной деятельности людей также недостает наглядности. Поэтому нет ничего удивительного в том, что «отыскание и изобретение промежуточных звеньев», по словам Витгенштейна, ставит перед нами вопросы фундаментальной значимости. «Главная причина нашей неспособности понять» [3. С. 84] заключается в том, что мы не обозреваем употребления наших слов, не обозреваем грамматику языка и форму жизни. Нам требуется «ясное представление», которое приводит к пониманию через *прозревание связей*. Понятие «ясное представление», согласно Витгенштейну, «характеризует форму выражения, способ, которым мы смотрим на мир» [3. С. 84].

Многие полагают, что грамматику естественного языка можно постичь интуитивно. Однако тот, кто сталкивался в своей жизни с проблемой освоения второго языка, знает, насколько необъяснимо трудной,

непрозрачной и произвольной может быть действующая грамматика нового языка. Думаю, Витгенштейн это хорошо понимал, поскольку сам изучал и практиковал английский язык. В период «Логико-философского трактата» он придерживался мнения, что логика естественного языка прозрачна и ясна, что она показывает себя и в ней не может быть ничего неожиданного [8. С. 192]. Если это так, тогда его высказывание о том, что нашей грамматике недостает наглядности, следует трактовать как неприкрытое свидетельство его отказа от ранней («образной») концепции языка.

Как же Витгенштейн пришел к своему открытию о необозримости грамматики? И что из этого следует? Уже в начале текста «Философских исследований» философ пишет о том, что «общее представление о значении слова замутняет функционирование языка, не позволяя видеть ясно. – Мгла рассеивается, если изучать феномен языка в примитивных его проявлениях, когда четко определены назначение и употребление слов» [3. С. 19]. Функцию показа разнообразных проявлений языка призваны выполнять простейшие языковые игры, которые конструируются Витгенштейном в его поздних сочинениях. Проиллюстрировать смысл сказанного помогает следующая дневниковая запись австрийского философа, которую он сделал в 1914 г.: «В предложении мир составляется как бы ради пробы. (Так же, как в Париже, в зале суда автомобильная авария была изображена с помощью кукол, и т.д.)» [9. С. 37]. Другими словами, представленная в парижском зале суда схема аварии послужила приемом, который позволил воспроизвести реальное дорожное происшествие, хотя это событие осталось недоступным для непосредственного наблюдения всеми участниками судебного процесса. Вместе с тем эта авария стала обозреваемой в том смысле, что могла быть рассмотрена при помощи модели с разных сторон. Модель наглядно показывает аварию, где части модели соответствуют реальным вещам (машинам, людям, домам) [10. С. 133]. Модель сохраняет свое постоянство, она доступна для всестороннего изучения, в то время как сама авария есть одноразовое, быстротечное событие, которое было воспринято свидетелями с разных точек зрения. Поэтому модель помогает сфокусировать внимание человека на существенных моментах, но она не охватывает и не передает все детали происшествия. Но тем не менее модель позволяет нам получить наглядное представление о реальном событии.

Когда Витгенштейн говорит в параграфе 122 «Философских исследований» о необходимости обретения ясного представления об употреблении слов, то это заявление не следует интерпретировать так, будто он намеревался поместить грамматические структуры в эмпирическое поле исследований. Способ наглядного представления выполняет у Витгенштейна разные функции, но основная функция связана с задачей осознания нами того несомненного факта, что грамматика была и останется сама по себе необозримой. С философской точки зрения важно отметить, что ясное представление может служить инструментом для постижения недоступной для наглядности совокупности применяемых нами языковых единиц.

Вместе с тем исследовательские приемы работы с необозримой грамматикой способны сформировать у нас искаженное понимание о ее природе. Вот почему при создании картины необозримой совокупности, какой является наша грамматика, всегда есть риск того, что какие-то существенные, поначалу кажущиеся второстепенными детали моделируемой языковой ситуации останутся незамеченными. Несмотря на то что Витгенштейн в «Логико-философском трактате» (далее Трактат) стремился добиться полной прозрачности логики повседневного языка, в действительности же он проанализировал и обобщил специфичное и весьма ограниченное его употребление. Позднее Витгенштейн скажет, что в Трактате разбирается формула «что-либо имеет место», как если бы это было общей формой суждений [3. С. 82]. Предложенный им в Трактате метод *ясного представления* в целом дает нам ограниченную картину природы и механизма действия лингвистического феномена. Чтобы избежать подобной погрешности, необходимо прежде всего уяснить, как метод наглядного представления может помочь изучать необозримую грамматику и почему создаваемые учеными модели грамматики демонстрируют лишь узкое и довольно примитивное употребление слов. Следует также иметь в виду, что такие модели языка могут нести не только пользу, но и вред, поскольку они таят в себе угрозу сформировать ошибочное представление о работе языка. Поэтому нам не следует слишком доверять методу ясного представления. Отсюда становится понятным, что Витгенштейн в «Философских исследованиях» целенаправленно выступает с критикой идеи о возможности достичь всеобъемлющего и ясного понимания природы грамматики.

Однако если метод наглядного представления является одновременно полезным и рискованным, то разумно задать вопрос: в чем именно заключается его полезность и эффективность для философской и научной практики? Ответом на него может служить демонстрируемый Витгенштейном в «Философских исследованиях» грамматический анализ употребляемых языковых выражений. Этот анализ сводится к тому, чтобы создавать как можно больше различных наглядных репрезентаций об употреблении слов для понимания их грамматики, чтобы не заикливаться на какой-то одной картине, как это было в Трактате. Витгенштейн считает, что мы должны исследовать разнообразные «примитивные проявления» и «примитивные формы» языка [3. С. 19] для устранения концептуальной путаницы. Мы можем, например, мысленно вообразить себе более простые языковые игры, чем те, в которые на самом деле играем, чтобы с помощью неявного контраста показать сложности нашего фактического употребления языка [7. С. 65]. Множественные примеры простых и понятных нам языковых игр, по словам Витгенштейна, «не являются предварительными исследованиями для последующего упорядочивания языка – ведь это лишь первое приближение, которое игнорирует трение и сопротивление воздуха. Языковые игры, скорее, выступают *объектами сравнения*, предназначение которых – проливать свет на факты нашего языка, посредством обна-

ружения не только сходств, но и различий» [3. С. 86]. Сущность языка как раз и обнаруживается в сходствах и различиях языковых игр [11. Р. 103].

Следует подчеркнуть, что область применения способа наглядного действия выходит у Витгенштейна за пределы языка. Это становится понятным при знакомстве с его работой «Заметки о “Золотой ветви” Дж. Фрэзера», в которой Витгенштейн критикует английского антрополога за стремление объяснить смысл магических и религиозных обрядов с позиции эволюционной теории. Витгенштейн высказывает мнение, что подобные архаичные социальные феномены можно адекватно понять лишь на основе метода ясного (наглядного) представления. Наглядное представление магических и религиозных практик или, в широком смысле, самобытных примитивных культур помогает раскрыть их специфическую «логику» и «грамматику». Такое представление выявляет «семейное сходство» между разными магическими и религиозными действиями и особыми культурами. В конце концов, благодаря наглядному действию обнаруживается наличие концептуальной пропасти между архаичными практиками и культурами и способом мышления и поведением людей современной техногенной цивилизации [12. С. 247–248]. Цель применения метода наглядной репрезентации, по Витгенштейну, состоит в том, чтобы прояснить тот факт, что магия и религия обладают собственной «грамматикой», что эти формы духовной культуры производят языковые игры, которые различаются своей «грамматикой» от языковых практик, порождаемых современным научным способом мышления. Для того чтобы уяснить эти важные моменты, ученому не требуется создавать ясное представление о магии, религии или науке, он должен просто представлять весь материал ... и ничего к этому не добавлять» [13. С. 261]. Таким образом, смысл витгенштейновского послания нам состоит в отрицании возможности сформировать адекватное синоптическое представление (или научную теорию) о языке и человеческой форме жизни в целом.

Сложность как онтологическое условие существования грамматики

Доказывая невозможность реализовать проект, нацеленный на построение ясного представления о грамматике, Витгенштейн выделяет, по меньшей мере, три ее особенности, которые препятствуют этому. Нашей грамматике недостает наглядности, потому что она, во-первых, является чрезвычайно сложной, во-вторых, наши употребления языковых выражений весьма непрозрачны; в-третьих, она крайне неустойчива, подвержена постоянным изменениям. Эти особенности грамматики акцентируются Витгенштейном в параграфе 23 «Философских исследований», где он задается вопросом: «Но сколько существует типов предложений?», и сам же отвечает на него: «Их бесчисленное множество: налицо бесконечное разнообразие способов употребления того, что мы называем “символами”, “словами”, “предложениями”. Эта множественность не является чем-то устойчивым,

заданным раз и навсегда; новые типы языка, новые языковые игры, как мы могли бы сказать, возникают постоянно, а другие устаревают и забываются» [3. С. 30]. Выделенные выше характеристики грамматики Витгенштейн дополняет метафорической иллюстрацией языка: «Наш язык можно описать как древний город: лабиринт переулков и площадей, старых и новых зданий, домов с пристройками разных периодов, окруженный множеством новых районов с прямыми улицами регулярной планировки и типовыми домами» [3. С. 25].

Одна из особенностей грамматики состоит в том, что она включает в себя значительное число языковых элементов. Конечно, это не есть единственное и достаточное условие ее бытия как необозримой совокупности. Например, мы можем мысленно представить такую ситуацию, когда на рабочем столе лежит грудa чистых или исписанных листов бумаги, что создает у нас впечатление их необозримости. Но если все эти листы бумаги разобрать и аккуратно разложить по стопкам, то положение дел кардинально изменится, оно уже не будет казаться нам хаотичным и необозримым. Точно так же можно произвести анализ грамматического строя конкретного языка. Но следует ли нам считать подобный анализ полным и всеобъемлющим?

Особенностью грамматики языка (как и формы жизни людей) является вхождение в ее состав качественно разнородных элементов (частей речи с их морфологическими и синтаксическими признаками), разнотипных семантических единиц (имен, высказываний), между которыми устанавливаются разнообразные виды связей. В нашем языке, по словам Витгенштейна, имеются разные типы предложений, разные типы употребления слов. К тому же, когда он говорит о том, что нашему языку недостает наглядности, то, по сути, речь идет о таких характеристиках языка, как открытость и изменчивость. Действительно, наш язык не есть закрытая система; мы знаем, что постоянно возникают новые типы языков, новые типы употребления, в то время как прежние формы использования слов и языковых выражений устаревают и выходят из употребления [3. С. 30].

Возможна и такая ситуация, когда определенная грамматическая структура состоит всего из нескольких элементов, но эти элементы образуют сложную сеть взаимоотношений. Такая структура может также казаться нам необозримой. Язык как целостность способен выглядеть необозримым и по причине нестability его состава. Известно, что хаотичные события или неожиданные ходы в языковой игре обычно воспринимаются людьми как необозримые. Вместе с тем замкнутая совокупность может не обладать наглядностью при условии, что она состоит из множества элементов или элементы этой совокупности образуют разнообразие типов отношений. Поэтому грамматика мертвого языка способна казаться столь же необозримой, как и грамматика живого языка. Таким образом, как было показано выше, высокая степень *сложности* имеет следствием онтологическое условие существования грамматики. Этот вывод приближает нас к смыслу витгенштейновского тезиса о необозримом характере грамматики.

Практический способ постижения грамматики

Как же люди овладевают грамматикой языка, если она является существенно сложной, необозримой? Конечно, будет правильным предположить, что сами люди обучаются придавать видимый порядок необозримой совокупности. Но для этого они должны предпринимать конкретные усилия. Например, индивид может привести в порядок свою неубранную комнату, затратить на это время, энергию, чтобы в конце концов сделать обстановку обозреваемой, чтобы все вещи располагались в ней на своих местах и в соответствии с его желанием. Но язык ставит нас перед более сложной проблемой. Мы можем, скажем, рассмотреть возможность реформирования естественного языка для того, чтобы сделать его наглядным. Такие реформы время от времени предлагаются отдельными учеными. Так, осуществлялись попытки создать упрощенный, искусственный язык как альтернативу нашему сложному естественному языку, но эти попытки, как известно, не увенчались успехом. Люди по-прежнему сохраняют и пользуются сложной, необозримой грамматикой, причем делают это по веским основаниям. Когда Витгенштейн писал о том, что обычно «сущность языка» рассматривается как нечто скрытое под поверхностью («Сущности не то, что уже открыто взорам и обозримо при упорядочивании, но то, что скрыто под поверхностью» [3. С. 76]), он не думал, что у нас есть возможность создать обозреваемый (наглядный) язык в результате его реорганизации. Это вовсе не то, что он имел в виду, когда говорил, что «философия никоим образом не вмешивается в фактическое употребление языка» [3. С. 84]. Задача философии, согласно Витгенштейну, заключается не в том, чтобы реформировать язык, сделать его наглядным. Предположение о возможности заменить наш естественный язык на другой, с обозреваемой грамматикой (например, эсперанто или язык символической логики), наталкивается на два возражения. Первое возражение состоит в том, что в любом случае мы будем вынуждены объяснять знакам-символам нового языка на языке, которым уже владеем. Но поскольку последнему, согласно выдвинутому выше предположению, недостает наглядности, то непонятно, как новый язык может быть чем-то еще. Вместе с тем неясна степень неопровержимости данного возражения. Разве человечество уже не изобрело различные виды наглядных систем обозначения (в математике, логике, естествознании), разве механизм их применения не объясняется при помощи необозримого естественного языка? И разве люди не способны создать порядок из хаоса, приводить смутное в состояние ясности, делать наглядным то, что само по себе является необозримым? Риторический характер данных вопросов обязывает нас дать ответ на следующий основополагающий вопрос: как люди приходят к пониманию своего исходного языка?

Теперь остановимся на другом аргументе, опровергающем гипотезу о возможности заменить необозримый повседневный язык на доступный искусственный язык. Разумеется, возможно изобрести язык с более простым и прозрачным синтаксисом, чем наш

естественный язык. Но когда Витгенштейн говорит о том, что нашей грамматике недостает наглядности, он имеет в виду не только синтаксис. Слово «грамматика» употребляется им для обозначения всей системы используемых языковых знаков – имен и высказываний. Под термином «язык» Витгенштейн подразумевает не просто совокупность символов с точными правилами их применения, а всю человеческую деятельность, связанную с употреблением знаков: «А вообразить язык, – говорит он, – значит вообразить форму жизни» [3. С. 25]. Вместе с тем неясно, способны ли люди изобрести универсальный язык, который может применяться в разнообразных ситуациях и который будет иметь обозреваемое употребление слов? Это помогло бы нам преодолеть возражение тех лингвистов, которые доказывают, что под стихийной поверхностной структурой естественного языка лежит четкий и совершенно упорядоченный синтаксис, что такая глубинная синтаксическая структура является врожденной, она от природы свойственна человеческому разуму [14]. Однако витгенштейновские рассуждения успешно обходят данное возражение. Конечно, мы можем признавать или не признавать, что наш язык обладает доступным для обозревания глубинным синтаксисом. Но точка зрения Витгенштейна в любом случае остается непоколебленной. Дело в том, что невозможно однозначно установить, как такой синтаксис должен применяться в разнообразной речевой деятельности людей. Поэтому Витгенштейн был совершенно прав, когда говорил, что нашей языковой системе употребления знаков недостает наглядности.

Можно ли достичь понимания необозримой грамматики посредством построения моделей или наглядных действий? И если да, то как? Чтобы ответить этот вопрос, требуется рассмотреть, в каких отношениях находятся совокупность и ее модель. По мнению Х. Слуги, между ними возможны два типа отношений. Во-первых, любая из многих наглядных моделей способна представлять лишь часть совокупности, с которой мы имеем дело. С этой точки зрения необозримая совокупность состоит из множества доступных наблюдению частей, каждая из них может быть схвачена в ясном представлении. Совокупность необозрима лишь в том смысле, что она требует необозримой серии репрезентаций, которые будут представлять ее полностью. Другой возможный путь постижения заключается в том, что любое ясное представление дает нам только приблизительную картину совокупности, и мы сможем достичь понимания совокупности, обретая только более или менее точные картины целого [11. С. 106]. Витгенштейн признает обе эти возможности, но не разделяет их отчетливо. Таким образом, если мы, размышляя о языке, понимаем под ним или повседневный язык, или формализованный язык пропозиционального исчисления, или иную строгую искусственную систему обозначения, то поначалу может показаться, что некоторые части языка представлены ясно, а другие же лишь приблизительно. Мы убеждены в том, что любая репрезентативная модель должна давать полное и четкое представление о грамматике употребляемых языковых

выражений. Однако в таком случае незаметно для себя мы неизбежно оказываемся в догматическом плену идеи репрезентации. Именно такого рода заблуждение испытал Витгенштейн в «Логико-философском трактате», когда он полагал, что картина А способна изображать действительность В лишь тогда, когда А и В обладают одинаковой логической структурой. Такой подход несовместим с точкой зрения позднего Витгенштейна, поскольку одна и та же картина, по его мнению, способна представлять совершенно разные вещи: «то стеклянный куб, то перевернутая открытая коробка, то проволочная конструкция такой формы, то три доски под прямым углом» [3. С. 281].

Отсюда можно заключить, что наша способность употреблять слова, овладевать грамматикой, наше умение адаптироваться к человеческой форме жизни достигаются не посредством ясного, отчетливого представления о способах употребления слов и грамматических правил. Согласно точке зрения Витгенштейна, не существует ясного представления о грамматике, да оно и неосуществимо. Мы приобретаем языковые способности, умение правильно действовать в определенных жизненных обстоятельствах через подражание и сформированные привычки, через непрерывные тренировки и обретение практических навыков. Витгенштейн подчеркивает, что когда детей обучают первоначальным, примитивным формам языка, то такое «обучение языку является не объяснением, но тренировкой» [3. С. 19]. Если быть более точным, то под словом «тренировка» философ подразумевает *дрессировку* (*Abrichten*), т.е. совокупность обучающих действий над животными, предпринимаемых для выработки и закрепления у них различных навыков. Здесь достаточно напомнить суровые методы обучения, которые Витгенштейн, как школьный учитель, применял в отношении крестьянских детей, его педагогические методы, которые доставили ему неприятности в лице родителей и представителей школьной администрации [10. С. 236–245]. Значительная доля таких тренировок, по словам Витгенштейна, сводится к тому, «чтобы обучающий указывал на предметы, обращая на них внимание ребенка, и одновременно произносил какое-либо слово. ...Это наглядное обучение словами, можно сказать, устанавливает связи между словами и предметами» [3. С. 19]. Подобным образом учитель может показывать ученикам таблицу со словами и с соответствующими им картинками, а ученик учится поиску картинок в таблице через тренировку, и «часть этой тренировки состоит, возможно, в обучении ученика умению водить горизонтально пальцем слева направо» [3. С. 71].

Таким образом, дети усваивают грамматику разговорного языка с помощью простых вещей, таких как обучение умению направлять свое внимание на определенный объект, тренировка правильному произношению звуков, установление связи между словами и обозначаемыми ими объектами, тренировка памяти, обучение умению пользоваться пальцами рук, согласовывать движения пальцев и глаз и т.п. В работе «О достоверности» Витгенштейн говорит о том, что «язык возник не из рассуждения» [15. С. 380]. Он предлагает посмотреть на человека как на животное,

«как примитивное существо, наделенное инстинктом, но не способностью рассуждать» [15. С. 380]. Когда ребенок разучивает такие слова, как «книга» или «стул», он познает не смысл (сущность) этих предметов, а учится получать и просматривать книгу или сидеть на стуле. Языковая игра людей основывается не на знании, а на действиях. «Я бы сказал, так ребенок учится реагировать; пока же он так не реагирует, он еще ничего не знает. Знание начинается лишь на более поздней ступени» [15. С. 388].

Заключение

Подведем итоги нашего исследования. Было показано, что люди приходят к пониманию необозримой грамматики, прежде всего, на основе практического опыта, а не путем создания наглядного представления об употреблении слов. Языковые навыки, закрепляемые человеческими индивидами в процессе практической деятельности, сами по себе являются довольно сложными. Лишь с течением времени они обретают способность размышлять над грамматикой языка, рефлексировать о том, как достигается понимание и применение лингвистических знаков, как создаются наглядные представления об грамматическом строе языка. Однако такие представления всегда будут неполными и приблизительными.

Вместе с тем ясное представление о нашей грамматике через создание ее модели может быть направлено на достижение некоторых позитивных целей. Это может быть полезно для человека, который занимается изучением иностранных языков. Правда, знание грамматических правил нельзя считать достаточным основанием для определения, насколько свободно индивид способен применять язык в различных контекстах. Кроме того, ясное представление о грамматике может являться эффективным средством для осуществления нормирования и упорядочения языковых практик. Это поможет людям преодолевать грамматические путаницы, которые, по убеждению Витгенштейна, являются источником возникновения фи-

лософских вопросов. Поэтому для того, чтобы избавиться от беспокоящих нас проблем философии, необходимо прибегать к способу наглядного представления, который позволяет описать работу языка. При этом мы не должны пренебрегать предупреждением Витгенштейна о том, что создаваемые репрезентации языковых игр могут привести к новым философским замешательствам. Вместе с тем витгенштейновское понятие грамматики, взятое в широком смысле, может быть использовано для «разъяснения человеческих взаимоотношений в обществе» [16. С. 31].

Специфика создаваемых людьми наглядных представлений, их цель зависят от многих факторов. Витгенштейн хорошо осознавал подлинную функцию частичных и приблизительных представлений о грамматике языковых игр. Он был убежден в том, что такие репрезентации могут выполнять важные философские функции. В частности, они «организуют наш опыт мира» [16. С. 13]. Однако все наши усилия, направленные на достижение всеобъемлющего синоптического видения грамматики, можно оценить, согласно Витгенштейну, как бесплодные. Такого рода проект мотивируется нашим ошибочным предположением, будто все недоразумения, обусловленные необозримой природой грамматики языковых игр, можно элиминировать путем построения ясного представления. На самом деле грамматика языка есть существенно сложная совокупность, она является необозримой. И мы никогда не сможем реализовать замысел, направленный на обеспечение ясного представления о механизме функционирования нашего языка. По этой причине нам следует отказаться от амбициозного, но неосуществимого плана, ориентированного на достижение основополагающей и окончательной истины о философской проблеме сущности языка. Вместо этого, в соответствии с философской установкой Витгенштейна, мы должны заняться построением ясного представления об отдельных аспектах функционирования языка, в особенности обращать внимание на те из них, которые вызывают у людей концептуальное замешательство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bloor D. What did Wittgenstein mean by 'Institution'? // Wittgenstein and the Culture. Proceedings of the 18th International Wittgenstein Symposium. Edited by Kjell S. Johannessen and Tore Nordenstam. Vienna : Verlag Holder-Pichler-Tempsky, 1996. P. 60–74.
2. Huemer W. Introduction: Wittgenstein, language and philosophy of literature // The Literary Wittgenstein. London : Routledge, 2004. P. 1–13.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. Л. Добросельского. М. : АСТ ; Астрель, 2011. 347 с.
4. Медведев Н.В. Философия Людвиг Витгенштейна и проблемы понимания иных культур. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. 382 с.
5. Gunnell J.G. Social inquiry after Wittgenstein and Kuhn. Learning everything as it is. New York : Columbia University Press, 2014. 272 p.
6. Медведев Н.В. Историко-методологический анализ эволюции представлений о соотношении философии и науки // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 32–40.
7. Ackemann R.J. Wittgenstein city. Amherst : University of Massachusetts Press, 1988. xiv, 267 p.
8. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 288 с.
9. Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916 гг. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015. 415 с.
10. Монк Рэй. Людвиг Витгенштейн. Долг гения / пер. с англ. А. Васильевой. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 624 с.
11. Sluga H. D. Wittgenstein. Oxford : Wiley-Blackwell, 2011. 154 p.
12. Сокулер З.А. К публикации перевода витгенштейновских заметок о «Золотой ветви» Дж. Фрэзера // Историко-философский ежегодник '89. М. : Наука, 1989. С. 246–251.
13. Витгенштейн Л. Заметки о «Золотой ветви» Дж. Фрэзера // Историко-философский ежегодник '89. М. : Наука, 1989. С. 251–263.
14. Хомский Н. Вопросы теории порождающей грамматики // Философия языка / ред.-сост. Дж.Р. Сёрль ; пер. с англ. М. : Едиториал УРСС, 2004. С. 99–140.
15. Витгенштейн Л. О достоверности // Философские работы. Ч. I : пер. с нем. М. : Гнозис, 1994. 612 с.
16. Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии / пер. с англ. М. Горбачева, Т. Дмитриева. М. : Русское феноменологическое общество, 1996. 107 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 15 мая 2021 г.

Ludwig Wittgenstein on the Unsurveyability of Grammar and the Way of Its Comprehension

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 87–93.

DOI: 10.17223/15617793/470/10

Nikolay V. Medvedev, G.R. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation). E-mail: mnv88@mail.ru

Keywords: Ludwig Wittgenstein; grammar; surveyable representation; language games; form of life; method; practice; complexity; totality.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-011-00254.

The aim of the article is to comprehend Wittgenstein's thesis on the unsurveyability of grammar and cognitive capabilities of the method of surveyable representation (übersichtliche Darstellung) about word use. The cognitive position of the late Wittgenstein regarding the understanding of the essence of language and the pragmatic orientation of his philosophy is clarified. The article includes three main sections. The first section gives an interpretation of Wittgenstein's point of view on grammar as an unsurveyable totality; his arguments in defense of this point of view are reconstructed. It is emphasized that the word "grammar", according to Wittgenstein, means the established models of people's linguistic behavior rather than a system of abstract grammatical rules. The specificity and functionality of the surveyable representation aimed at understanding the language is analyzed, the strengths and weaknesses of this method are identified. Wittgenstein's arguments of refuting the opinion about the possibility of forming a comprehensive, clear view of our grammar are discussed. Wittgenstein's assertion that "our grammar lacks surveyability" is characterized as an evidence of his rejection of the "picture" conception of language. The second section considers the ontological condition for the existence of grammar as an unsurveyable totality of linguistic elements. From the standpoint of Wittgenstein's philosophy, grammar is characterized by a considerable complexity as an open, unstable system. The features of grammar that prevent the construction of a clear idea of it – complexity, variability, opacity of words used – are revealed. The third section clarifies the actual practice of mastering grammar by human beings. The assumption of the possibility of replacing the unsurveyable ordinary language with an artificial language accessible to surveyability is refuted. It is argued that our ability to use words, to master grammar is achieved not by construction of surveyable representations of the meaning of words and grammatical rules, but through imitation and formed habits, through training and acquired practical skills. It is concluded that people come to understand unsurveyable grammar primarily on the basis of their practical experience, and not through the formation of a surveyable representation about word use. The method of surveyable representation, leading to an understanding of grammatical structures, can serve as a means for standardizing and ordering linguistic practices, for eliminating conceptual confusion, for understanding various forms of social activity, but it does not provide a synoptic vision of grammar, which is an essentially complex system.

REFERENCES

1. Bloor, D. (1996) What did Wittgenstein mean by 'Institution'? *Wittgenstein and the Culture*. Proceedings of the 18th International Wittgenstein Symposium. Vienna: Verlag Holder-Pichler-Tempsky. pp. 60–74.
2. Huemer, W. (2004) Introduction: Wittgenstein, language and philosophy of literature. In: Gibson, J. & Huemer, W. (eds) *The Literary Wittgenstein*. London: Routledge. pp. 1–13.
3. Wittgenstein, L. (2011) *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical investigations]. Translated from German by L. Dobrosel'skiy. Moscow: AST; Astrel'.
4. Medvedev, N.V. (2009) *Filosofiya Lyudviga Vitgenshteyna i problemy ponimaniya inykh kul'tur* [Philosophy of Ludwig Wittgenstein and the problems of understanding other cultures]. Tambov: Tambov State University.
5. Gunnell, J.G. (2014) *Social inquiry after Wittgenstein and Kuhn. Learning everything as it is*. New York: Columbia University Press.
6. Medvedev, N.V. (2018) Historical and methodological analysis of the evolution of representations on the relationship of philosophy and science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 432. pp. 32–40. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/432/4
7. Ackemann, R.J. (1988) *Wittgenstein city*. Amherst: University of Massachusetts Press.
8. Wittgenstein, L. (2017) *Logiko-filosofskiy traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus]. Translated from German. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya".
9. Wittgenstein, L. (2015) *Dnevnik 1914–1916 gg.* [Diaries of 1914–1916]. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya".
10. Monk, R. (2018) *Lyudvig Vitgenshteyn. Dolg geniya* [Ludwig Wittgenstein. The duty of genius]. Translated from English by A. Vasil'eva. Moscow: "Delo", RANEP.
11. Sluga, H.D. (2011) *Wittgenstein*. Oxford: Wiley-Blackwell.
12. Sokuler, Z.A. (1989) K publikatsii perevoda vitgenshteynovskikh zametok o "Zolotoy vetvi" Dzh. Frezera [To the publication of the translation of Wittgenstein's Remarks on Frazer's Golden Bough]. In: *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik '89* [Historical and Philosophical Yearbook '89]. Moscow: Nauka. pp. 246–251.
13. Wittgenstein, L. (1989) Zametki o "Zolotoy vetvi" Dzh. Frezera [Remarks on Frazer's Golden Bough]. In: *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik '89* [Historical and Philosophical Yearbook '89]. Moscow: Nauka. pp. 251–263.
14. Chomskiy, N. (2004) Voprosy teorii porozhdayushchey grammatiki [Topics in the Theory of Generative Grammar]. In: Searle, J.R. (ed.) *Filosofiya yazyka* [Philosophy of language]. Translated from English. Moscow: Editorial URSS. pp. 99–140.
15. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Part I. Translated from German Moscow: Gnozis.
16. Winch, P. (1996) *Ideya sotsial'noy nauki i ee otnoshenie k filosofii* [The Idea of a Social Science and Its Relation to Philosophy]. Translated from English by M. Gorbachev, T. Dmitriev. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo.

Received: 15 May 2021

А.А. Хахалова

ФИЛОСОФСКО-ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ Н. БЕРДЯЕВЫМ ИДЕЙ СИМЕОНА НОВОГО БОГОСЛОВА

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00134, «Наследие византийской философии в русской и западноевропейской философии XX–XXI вв.»

Анализируются философско-теологические воззрения Николая Бердяева на основе его прочтения трудов одной из самых неоднозначных фигур византийской мистики – Симеона Нового Богослова. Выявляются линии рецепции Бердяевым исследований известного русского патролога И.В. Попова, посвященных византийскому учению об обожении. Показана определенная преемственность русским философом традиций византийского мистического богословия в лице Симеона Нового Богослова.

Ключевые слова: Николай Бердяев; Симеон Новый Богослов; Богочеловек; мистика; обожение; творчество; свобода; Бог.

Введение

Русская религиозная философия, к традиции которой принадлежит Н.А. Бердяев, мыслила себя через непростые отношения с византийским наследием. Принципиальная сращенность философского и теологического дискурсов русской философии во многом определила основные сюжеты ее представителей. В работах Бердяева византийское богословие составляет основу его собственного философского развития. Стремясь концептуализировать сферу духовного опыта, Бердяев обращается к традиции апофатического и мистического богословия. Одним из византийских авторов, которые существенно повлияли на русского философа, оказывается Симеон Новый Богослов – монах исихастского толка, ярко выделяющийся практико-ориентированным богословием. Из-за своего радикального отношения к жизни и слову Симеон становится иконой мистического православия для мыслителей серебряного века, также ощущавших экзистентное принуждение со стороны собственной философии.

Бердяев обращается к этой фигуре в таких значимых своих работах, как «Смысл творчества» (1916), «Философия свободного духа» (1927), «Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности» (1937), «Диалектика божественного и человеческого» (1952; опубликована после смерти автора). Повторы одних и тех же цитат из Симеона Нового Богослова указывают на стабильность интереса к этому автору в конституции мысли Бердяева. Особенное значение в этом отношении имели издания переводов Симеона: это «Творения Симеона Нового Богослова» (пер. еп. Феофана, 1890–1892) и перевод «Гимнов» Симеона, выполненный иеромонахом Пантелеимоном (Успенским) в 1917 г.

Также большое значение в этом отношении имеют труды одного из авторитетных исследователей того времени, к которому Бердяев также иногда делает отсылки. Речь идет о двух статьях И.В. Попова: «Идея обожения в древневосточной Церкви» и «Мистическое оправдание аскетизма в творениях преподобного Макария Египетского». Мы считаем, что многие представления общего толка могли быть заимствованы Бердяевым у этого специалиста.

Обожение плоти

Большое место в философии Бердяева занимает экзистенциально-религиозная концепция человеческой личности. Обращаясь к религиозной православной мысли, Н. Бердяев рассматривает развитие личности в контексте отношений человека с Богом. В этом вопросе Н.А. Бердяев вслед за И.В. Поповым принимает формулу «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом» за отправную точку в своих рассуждениях. Помимо метафорического плана прочтения этой формулы, указывающего на человеческий опыт избавления от греха, радикальные византийские мистики, с которыми солидаризируется Бердяев, понимали эту формулу в реалистическом смысле. Именно так, максимально сближая онтологические позиции Бога и человека, мыслили обожение Макарий Египетский и Симеон Новый Богослов, на что обращает внимание в своих исследованиях И. Попов [1. С. 117–189]. Можно сказать, что Бердяев, создавая свою концепцию личности как Богочеловека, опирается на эти исследования и на соответствующие тексты византийских мистиков, которые были ему доступны [2].

Действительно, различая две линии в византийском богословии, Попов указывает, что таким византийским богословам, как Афанасий Александрийский, Макарий Египетский, Симеон Новый Богослов, был свойствен реалистический взгляд на обожение, т.е. подход к пониманию этого процесса, максимально опирающийся на личный опыт и переживания мистиков, в отличие от интеллектуального богословия Дионисия Ареопагита, Максима Исповедника и других отцов Церкви. «Первое своими корнями уходило в самую глубь народной веры, всегда положительной и осязательной; второе – достояние богословов наиболее образованных – облекалось в философские формы <...> Исходной точкой для первого служила обоженная плоть Христа...» [1. С. 18]. Николай Бердяев также тяготеет к мистическому мирозерцанию, возводя личный опыт познания в методологический принцип своей персоналистской философии. Соответствующая методология получает название *реалистического символизма*, в котором символ обретает свою плоть через реальность общения с Богом. «В симво-

лах даны не условные знаки душевных переживаний человека, а обязательные знаки самой первожизни, самого духа в его первореальности, даны связующие пути между миром природным и миром духовным» [3. С. 52].

Особенностью мистического познания оказывается его воплощенный характер. Эта традиция, исходя из понимания практики как воплощенного слова и реального телесного соединения со Христом, ведет речь об опыте конкретно-переживаемой реальности, о теле мистика. Попов подчеркивает отсутствие четкой грани между духом и материей, свойственное соответствующим византийским мистикам [1. С. 19]. В этом смысле, мыслители Серебряного века также обращаются к идее единства духа и плоти, что проявляется в работе Бердяева «Метафизика пола и любви», где он ссылается на Розанова и Мережковского как на своих единомышленников в данном отношении [4].

Для прояснения характера плоти во взаимоотношениях человека и Бога Попов прослеживает заимствования византийскими мистиками из стоической парадигмы смешения тел двух природ [5, 6]. Оказывается, что учение о реальном обожении основано на специфическом понимании смешения ($\mu\acute{\iota}\xi\iota\varsigma$ и $\kappa\rho\acute{\alpha}\iota\varsigma\iota\varsigma$), согласно которому каждое из смешивающихся компонентов сохраняет свою природу и остается собой, образуя единство в определенном отношении. Это предполагает, что плоть, оставаясь в своей природе, может преобразиться, благодаря тому что духовная природа, как более совершенная, преобразует ее и наделяет своими свойствами. Соответственно, и Богочеловек обладает двумя природами, но одной ипостасью, при том что божественная природа наделяет своими свойствами его человеческую природу. По-другому описывает соединение человека с Богом вторая интеллектуальная традиция византийского богословия, которая опирается на платоновскую идею причастности твари Богу. Представляется, что именно стоическая модель смешения послужила основанием для развития учения византийских мистиков о восприятии человеком плоти Христа. Так, Макарий Египетский описывал соединение человека с Богом в терминах смешения и «представлял его себе настолько существенным и как бы физическим, что оно почти отождествлялось в его уме с Боговоплощением» [1. С. 132]. Попов рассматривает Симеона Нового Богослова как преемника идей Макария в этом отношении; он пишет: «...более развитая мистика Симеона может служить комментарием для творений Макария» [1. С. 142]. Действительно, Симеон также понимает обожение как реальное преобразование плоти человека в плоть Христа, что находит выражение в его «Гимнах», в которых можно встретить описание того, как каждая из частей тела становится плотью Христа: «...мы вместе сделаемся Богами, пребывающими с Богом, совершенно не усматривая неблагоприятия в теле (своем), но все уподобившись всему телу – Христу, а каждый из нас – член (Его), весь Христос есть» (Гимн IЕ, 155: [7. Р. 106])¹.

Далее мы обратимся к одному месту из «Философии свободного духа» Бердяева, где мыслитель цитирует «Гимны» Симеона, оставляя большую часть цитат без пояснений.

Великий мистик православного Востока Св. Симеон Новый Богослов говорит: «Благодарю Тебя, что Ты, сущий над всеми Бог, сделался единым духом со мной неслитно, непреложно, неизменно». Вот что говорит он о свете, который видит в мистическом опыте: «Этот свет не от мира, ни вообще что-либо из мира, и не тварь, так как он несозданный и пребывает вне всех тварей, как нетварный среди тварных вещей». А вот какими словами описывает Св. Симеон Новый Богослов мистическое соединение и слияние с Богом, преодоление тварности: «Однако, если я и Тот, с Кем соединился я, стали едины, то как назову я себя Богом, который двояк по природе и един по Ипостаси, так как он двояким меня создал? Сделав же двояким, Он двоякое поэтому имя, как видишь, мне дал. Смотри различие: я – человек по природе и Бог по благодати». «Он весь внезапно пришел, невыразимо соединился, неизреченно сочетался и без смешения смешался со мною, как огонь в железо, и как свет в стекло». «Откуда иначе божественный огонь может упасть в твоё сердце и возгореться в нем, и его возжечь и воспламенить и соединить и сочетать с Богом, сделав творение нераздельным с Творцом». Мистический путь ведет к преображению и просветлению твари. «Я наслаждаюсь Его любовью и красотой, и исполняюсь божественного наслаждения и сладости. Я делаюсь причастным света и славы: лицо мое, как и Возлюбленного моего, сияет, и все члены мои делаются светящимися. Тогда я делаюсь красивее красивых, богаче богатых, бываю сильнее всех сильнейших, более великим царей и гораздо честнейшим чего бы то ни было видимого, не только земли – и того, что на земле, но и неба и всего, что на небе». «Ибо ум, погружаясь в Твой свет, преосветляется и делается светом, подобным славе Твоей, и называется Твоим умом; так как удостоившийся сделаться таковым удостоивается тогда и ум Твой иметь и делается с Тобой безраздельно единым». «Он [Создатель] и все тело твоё совершенно обестленет и сделает тебя Богом по благодати, подобным Первообразу». «И руки у меня несчастнейшего и ноги мои — Христос. Я же жалкий — и рука Христова и нога Христова. Я двигаю рукой и рука моя есть весь Христос, ибо Божество Божества слилось со мной нераздельно; двигаю ногою и вот она блистает, как Он». Об одном подвижнике Св. Симеон Новый Богослов говорит: «Ибо Он имел всего Христа и сем весь был Христом и все свои члены и члены всякого другого, по одному и все вместе, он всегда созерцал, как Христа, и оставался неподвижным, невинным и бесстрастным, как сам будучи всецело Христом, так и усматривает Христа во всех крестившихся и облекшихся во всего Христа» [3. С. 162]².

Здесь Бердяев, размышляя о Богочеловеке, опирается на тексты Симеона. Н. Бердяев исходит из представления о двух природах человека; в понимании мыслителя, одна из этих природ – тварная – преодолевается силами другой.

В приводимых Бердяевым цитатах из Симеона мы можем заметить определенные разночтения, которые, как кажется, обусловлены неточностями записи. Так, иллюстрируя представление о соделывании Богочеловеком, Бердяев обращается к следующему месту из

«Гимнов» Симеона: «...и руки у меня несчастнейшего и ноги мои – Христос. Я же жалкий – и рука Христова и нога Христова. Я двигаю рукой и рука моя есть весь Христос, ибо Божество Божества слилось со мной нераздельно; двигаю ногою и вот она блистает, как Он» (Гимн IE, 140: [7. Р. 106]). Симеон здесь опирается на слова апостола Павла «живет во мне Христос» (Гал. 2:20). Для Бердяева эта трансформация означает окончательное преодоление тварности, в связи с чем он цитирует следующее место из «Гимнов»: «Он [Создатель] и все тело твое совершенно обестленил и сделает тебя Богом по благодати, подобным Первообразу» (Гимн MD, 60: [7. Р. 361]). Интересно, что наряду с темой преобразования человеческой плоти в христианской традиции обсуждается соразмерное этому процессу нисхождение (опустошение, кенозис) Бога, Христа в мир и плоть: Христос плототворит себя (σωματοποιεῖ ἑαυτὸν) и входит в смешение (ἀναμίγνυται, συνεκερύσθαι) с душой, достойной и благоугодной Ему. Можно сказать, что человек и Бог стремятся друг к другу и путь человека к Богу есть обожение, а путь Бога к человеку – нисхождение, или очеловечивание. Эта мысль взаимности в отношениях Бога и человека оказывается значимым смысловым моментом для персоналистической традиции.

Стоит отметить, что идея окончательного преодоления тварности не согласуется с традиционным византийским дискурсом об обожении, предполагающим, что человек, соединяясь с Богом, остается человеком по своей природе, о чем сказано выше. Как кажется, Н.А. Бердяев не был знаком с историко-философским контекстом проблемы смешения у византийских мистиков. Более того, далее в исследуемом нами фрагменте Бердяев приводит цитату из Симеона, которая в действительности скорее опровергает его проект Богочеловека, подразумевающего полное преобразование человека в Бога по своей сущности, и подтверждает положение о соединении Бога и человека по типу стоического понимания смешения: «Однако, если я и Тот, с Кем соединился я, стали едины, то как назову я себя Богом, который двояк по природе и един по Ипостаси, так как он двояким меня сделал? Сделав же двояким, Он двоякое поэтому имя, как видишь, мне дал. Смотри различие: я – человек по природе и Бог по благодати» (Гимн L, 445–455: [7. Р. 281–282]). Здесь также речь идет о смешении (красис) божественной природы и природы человеческой. Это видно далее из используемой Симеоном темы проникновения огня в железо, ставшей традиционной для византийского мистического языка: «Он весь внезапно пришел, невыразимо соединился, неизреченно сочетался и без смешения смешался со мною, как огонь в железо, и как свет в стекло» [7. Р. 281–282].

Кажется, что Бердяев прочитывает это по-своему: обожение настолько превосходит порядок тварного, что говорить о том, насколько человек остается в своей природе, бессмысленно. На такую интерпретацию указывает как слова Бердяева в вышеприведенной цитате о «преодолении тварности», так и общий ход рассуждений мыслителя. В этих рассуждениях человек становится причастным божественной мистерии, которая происходит в том, что Бердя-

ев называет духовной перво-реальностью, или первожизнью, а слияние божественной и человеческой природы оказывается первым феноменом этой духовной жизни. Так, человек в своем преображении приходит к перво-реальности Божественной Троицы, становясь рожденным заново от рода Христова. В этом смысле, Бердяев расходится со святоотеческой традицией, поскольку говорит не просто о возвращении безгрешного Адама – состоянии, которое достигает обоженный, – а о богочеловечестве как о главной цели преобразования человека [3. С. 42–44, 52, 62–63, 67–69, 74, 135–136]. Бердяев делает акцент на единении человека с Божеством, цитируя следующий отрывок из Симеона: «Благодарю Тебя, что Ты, сущий над всеми Бог, сделался единым духом со мной неслитно, непреложно, неизменно» [7. Р. 43]. В поддержку этого тезиса можно указать на Макария Египетского, для которого возможность обожения дана «в том, что Бог постоянно воплощается в душах людей, благоуждающих Ему, и воплощение Сына Божия в лице Иисуса Христа есть не что иное, как один частный случай, правда наиболее разительный, постоянного Боговоплощения» [1. С. 133]. Ему вторит и Бердяев: обожение заключается в том, чтобы уже при земной жизни получить обещанные Богом дары в виде благодати, харизм, блаженства и радости. «Об одном подвижнике Св. Симеон Новый Богослов говорит: “Ибо Он имел всего Христа и сам весь был Христом и все свои члены, и члены всякого другого, по одному и все вместе, он всегда созерцал, как Христа, и оставался неподвижным, невредимым и бесстрастным, как сам будучи всецело Христом, так и усматривает Христа во всех крестившихся и облекшихся во всего Христа”» [3. С. 162]³.

Преобразование плоти в мистической литературе описывается с помощью образа света. Свет в данном случае следует понимать как реальность, переживаемую в опыте. Это особое свечение человеческой плоти, согласно исихастской доктрине, той же природы, что и Фаворский свет, т.е. так человек переживает нетварность Бога [9. Р. 129–163; 10. Р. 237–253]. Цитату из Симеона, посвященную осиянию божественным светом, приводит и Бердяев: «Этот свет не от мира, ни вообще что-либо из мира, и не тварь, так как он несозданный и пребывает вне всех тварей, как нетварный среди тварных вещей» (Гимн IZ, 235–240: [7. Р. 120])⁴. Интересно, что в продолжении этого фрагмента Симеон развивает мысль о том, что Бог, не будучи тварным, парадоксальным образом соделался таковым по своей воле, став Словом, видимым и невидимым, и стал несокрытым. В следующей цитате из Симеона, к которой обращается Бердяев (см. выше), исчезает вопросительный знак, который есть в изданном варианте перевода Симеона: «Откуда иначе божественный огонь может упасть в твое сердце и возгореться в нем, и его возжечь и воспламенить, и соединить и сочетать с Богом, сделав творение нераздельным с Творцом» (Гимн L, 585–595: [7. Р. 286]). Интересно, что вопросительный знак присутствует с самого начала абзаца, из которого взята эта цитата. Абзац начинается со слов: «Прежде чем ты не сделаешь того, о чем гово-

ря я, как скажи мне, можешь ты отчиститься? <...> как ум твой может воспринять божественные озарения?» [7. Р. 286]. «Читатель» вторит автору: «Ником образом».

Мотив обожения в византийской традиции не избегает темы удовольствия, которое сопровождает опыт телесной трансформации человека в Бога. Бердяев, как и Розанов, не упускает случая описать это интимное измерение опыта: «Я наслаждаюсь Его любовью и красотой, и исполняюсь божественного наслаждения и сладости. Я делаюсь причастным света и славы: лицо мое, как и Возлюбленного моего, сияет, и все члены мои делаются светящимися. Тогда я делаюсь красивее красивых, богаче богатых, бываю сильнее всех сильнейших, более великим царей и гораздо честнейшим чего бы то ни было видимого, не только земли – и того, что на земле, но и неба и всего, что на небе» (Гимн ИС, 30–35: [7. Р. 112]). В источнике, которым пользовался Бердяев, переводе иером. Пантелеимона, мы можем увидеть отличия от того, как Бердяев приводит эту цитату: «насыщаюсь» вместо «наслаждаюсь», «причастником» вместо «причастным», «соделываюсь» вместо «делаюсь», «сильнейшим» вместо «сильнее». В цитируемом месте используется медиальный залог глагола ὑποτελέω – ὑποτελοῦμαι, дословно переводимого как завершать, создавать, выполнять. Речь идет о том, что человек приходит к своему пределу, моменту свершения (телосу), а медиальный залог указывает на момент совместности в действии – человек посредством Бога приходит к своему завершению, свершается и синергично соделывается обожненным. Нам кажется, что неточность в передаче перевода этого глагола может сказаться на потери значимого смыслового элемента «синергичности» в понимании идеи обожения. Собственно, синергичность человеческого и божественного умов подтверждается следующей цитатой: «Ибо ум, погружаясь в Твой свет, просветляется и делается светом, подобным славе Твоей, и называется Твоим умом; так как удостоившийся сделаться таковым удостоивается тогда и ум Твой иметь и делается с Тобой безраздельно единым» [7. Р. 328]. Здесь опять Бердяев передает словом «сделаться» то, что в переводе иером. Пантелеимона передается как «соделаться». В данном случае в оригинальном греческом тексте у Симеона используется отложительный глагол ὑψύωμι, который можно перевести, как «происходить», «совершаться», «становиться», «делаться». Интересно, что он используется в схожем семантическом контексте с глаголом ὑποτελέω, а именно в значении «происходить благодаря чему-то (кому-то), вследствие чего-либо. Это означает, что, как и в предыдущем примере, использование этого глагола указывает на характер совместности действия: я соделываюсь божественной волей, становлюсь светом благодаря содействию Бога. Однако тот вариант перевода, который приводит Бердяев, имеет тенденцию к элиминированию этого смысла совместности.

Любовь Бога и (бого)человека

В христианской антропологии человек – исключительное сущее, занимающее особую онтологическую позицию между Богом и тварным сущим. В экзистен-

ции человека постулируется, согласно главному мифу, трагический момент, в котором человек отпадает от Бога, – совершение Адамом греха. Состояние грехопадения описывается как потеря Божественного света. Бердяев также склонен видеть в этом мифе подтверждение исключительности человека, который через опыт греха и искупления от него становится личностью, богочеловеком. Здесь Бердяев ссылается на фабулу мифа о первом человеке, которая прочитывается в тексте «Слов» Симеона. «Когда человек отпадает от Бога, то космос отделяется от человека и становится для него внешней необходимостью. Космос перестает повиноваться человеку» [3. С. 136], и наоборот, человек начинает повиноваться космосу. Эта мысль повторяется в обеих работах, исследуемых в этой статье, и в обоих случаях Бердяев цитирует одно и то же место из Симеона:

«Все твари, когда увидели, что Адам изгнан из рая, не хотели более повиноваться ему, ни луна, и прочие звезды не хотели показываться ему; источники не хотели источать воду, и реки продолжать течение свое; воздух думал не дуть более, чтобы не давать дышать Адаму, согрешившему; звери и все животные земные, когда увидели, что он обнажился от первой славы, стали презирать его, и все тотчас готовы были напасть на него; небо устремлялось было пасть на него, и земля не хотела носить его более. Но Бог, сотворивший всяческое и человека создавший – что сделал?.. Он сдержал все эти твари силою Своею, и по благоутробию и благодати Своей не дал им тотчас устремиться против человека, и повелел, чтобы тварь оставалась в подчинении ему и, сделавшись тленною, служила тленному человеку, для которого создана, с тем, чтоб, когда человек опять обновится и сделается духовным, нетленным и бессмертным, и вся тварь, подчиненная Богом человеку в работу ему, освободилась от сей работы, обновилась вместе с ним и сделалась нетленною и как бы духовною» [11. Р. 187].

Сначала этот фрагмент появляется в «Смысле творчества», где исключительность человеческого бытия доказывается фактом того, что с грехопадением человека происходит падение всей твари, а человек оказывается заброшенным в ангело-звериную детерминированность: «Человек сотворен по образу и подобию Божьему; зверь – по образу и подобию ангельскому. Поэтому в мире есть динамически-творческая бого-человеческая иерархия и нетворческая, статическая ангело-звериная иерархия» [12. С. 67–68]; возвышение же и преобразование человека оказывается единственным спасающим остальные низшие уровни, подчиненные ему: «Только человек может расколдовать и оживить природу, так как он сковал и омертвил ее» [12. С. 66]. В этом смысле, человек преображенный возвращается в свое истинное состояние и из ангело-зверинной иерархии переходит в богочеловеческую⁵. Также это падение сравнивается с потерей солнца внутри, в нутре человека. Возвращение Солнца внутрь символизируется в образе, помимо того что Солнце есть также Христос (Логос) [12. С. 72].

Второй раз этот фрагмент появляется в «Философии свободного духа» после обсуждения вопроса о свободе, ее видах и уровнях. Очевидно, что человек

падший переходит с более высокого уровня свободы на более низкий. Как и в предыдущей работе, здесь появляется популярная для русской интеллектуальной традиции того времени тема Софии и андрогинности Христа. Падший человек живет низменной жизнью, потому что потерял свое целомудрие, свою Софию. С ссылкой на Якова Беме Бердяев говорит о Софии как образе Бога и подобии Троицы, а также женской составляющей природы Христа, и связывает ее с культом Девы Марии⁶.

Далее, в «Смысле творчества» проводится утверждение о Богочеловеке, которое является общим местом в христианской христологии: Бог проявился в этом мире, чтобы стать путем для человека к проявлению в мире ином, Божиим царстве. «Восстановление человека в его достоинстве могло совершиться лишь через явление в мир абсолютного человека – Сына Божьего, через боговоплощение <...> существо божественного происхождения и божественного предназначения, существо, хотя и живущее в “мире сем”, но “не от мира сего”» [12. С. 67–68]. Здесь Бердяев работает в той же логике уравнивания онтологических позиций человека и Христа, что и византийские мистики, говоря, что истинная антропология – это христология, а факт явления Христа – это основной факт антропологии. Ссылаясь на Беме, он пишет: «в Христе Бог становится Лицом и человек становится лицом» [12. С. 73]. С этим связана следующая мысль, в подтверждение которой Бердяев цитирует Симеона: реальный опыт обожения-просветления указывает на то, что человек, становясь Богом, не нуждается в наставничестве и контроле, поскольку теперь не собственная воля ведет его, а воля Бога, которая всегда избирает благо и истину. Бердяев в вышеприведенной цитате приводит неполный фрагмент из соответствующего слова Симеона, который мы здесь воспроизводим целиком:

«После же, когда пришел Христос и так тесно соединил в Себе Божество с человечеством, что два сии, крайне расстоящиеся, т.е. Божество и человечество, стали единым лицом, хотя пребывали неслиянными и несмешанными, – с того времени человек сделался уже как бы светом, чрез соединение с оным, первым и не вечерним светом Божиим, и не имеет более нужды ни в каком писаном законе, потому что божественная благодать Иисуса Христа, пребывающая с ним и в нем, плодотворит ему благодать, т.е. любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, веру, кротость и воздержание. Почему Апостол Павел, перечислив такие плоды Святого Духа, и говорит в конце: *на таковых несть закона*» (Гал. 5: 22, 23).

Так, мы понимаем, что закон нужен там, где не действует божественная благодать. Обоженный человек «чисто плодотворит плоды Духа» (Макарий Египетский. Гомилии 19.2: [13. Р. 644]), без труда и борьбы (Он же. Слово 6: [13. Р. 857]). Отсюда делается вывод о предпочтении личного опыта перед мертвой буквой в мистическом познании.

Для Бердяева эти идеи оказываются залогом для сохранения персоналистической настройки между человеком и Богом, который, таким образом, входит в союз, любовные отношения, что тоже оказывается одним из измерений мистического духовного опыта.

В «Философии свободного духа» это связывается с его идеей свободы второго уровня – свободы Христа⁷. Он приводит следующие слова из Симеона: «Но не желающего Я никогда не принуждаю, а хочу, чтобы служение повинующихся Мне было свободным, самопроизвольным» (Гимн MG, 30–35: [7. Р. 354]). В переводе еп. Феофана слово «мне» здесь дается в скобках. Интересно, что Бердяев не приводит цитату целиком, опуская фразу «φ®βον ἐνεργείῃ», что дословно означает «делалось (со) страхом» в смысле «было движимо этим состоянием». Итак, если мы приведем дословный перевод этого места, то мы прочтем: «Но не желающего Я никогда не принуждаю, а хочу, чтобы служение повинующихся Мне было движимо страхом и выказывало любовь самопроизвольно». Как кажется, это связано с тем, что это продолжение содержит в себе не совсем удобное для Бердяева положение о Божием страхе, который наряду с Божественной любовью сопровождает человека в его пути познания Бога. Можно подумать, что Бердяев не хочет думать об этой психологической антиномии, оставляя ее без внимания. Добавим, что перевод Порфирия Успенского также слегка изменяет оригинальное звучание этого места, хотя и в другом аспекте, а именно: изначальный посыл фразы «совершалось со страхом и выказывало любовь» Успенский передает как «совершалось со страхом и любовью». В последнем случае упускается семантическая иерархия, которая ощущается в оригинале: «делалось в состоянии страха» предшествует «выказывало любовь». В данном случае мы видим, что Симеон Новый Богослов в русле византийского богословия следует ветхозаветному представлению о страхе Божиим, который пронизывает весь опыт общения человека и Бога. Это именно тот момент, в котором Бердяев оказывается скорее еретиком, чем христианским мыслителем, поскольку упускает из рассмотрения сложность чувства христианина по отношению к Богу.

Действительно, эмоция страха связывается Бердяевым со свободой первого уровня, т.к. при ней человек испытывает страх за прегрешение, за нарушение закона (запрета), что не может отразить в полной мере сути отношения между человеком и Богом, в то время как свобода второго уровня открывает путь мистической любви между Богом и человеком, где человек свободно избирает Бога в акте веры и любви, так же как Бог свободно избрал искупить грех человеческий и претерпеть страдания ради своего «Ты». Свобода первого уровня соответствует Ветхому Завету, в то время как свобода второго уровня – Новому, на котором Бог в лице Иисуса Христа общается с человеком как с потенциально равным: «“Ты мой Бог?” И получаешь ответ: “Я Бог, соделавшийся человеком для тебя, чтобы тебя сделать Богом”» (Слова этические V, 310–315: [14. Р. 103]). Поскольку под верой в данном случае понимается полное доверие божественному произволу, которое приводит ум в несомненность, то становится очевидным, что человек также принесет себя в жертву ради Бога, своего Возлюбленного.

Деятельностный аспект обожения

Бердяев упрекает византийскую богословскую традицию в том, что она видела целью обожения пребыва-

ние в благобытии, каковое он понимает как нетворческое состояние безгрешности, т.е. состояние, в котором грех возможен, но необязателен и не предпочтителен.

Для святых отцов задача человека – возврат к первоначальному состоянию до грехопадения. Св. Симеон Новый Богослов говорит: «Бог соделался человеком для того, чтобы через вочеловечение свое опять возвесть естество человеческое в благобытие. Почему надобно нам узнать, каким это образом, через воплощенное домостроительство Христово, человек опять приходит в благобытие <...> Люди для того рождаются⁸ на свет, чтобы прославлять Бога, так как они суть мыслящие и разумные существа. Они одни из всех видимых тварей могут познавать, величать и благодарить Творца Бога. Рассматривая тварь, они дивятся Творцу, и, познав Его величие, недомыслимое и беспредельное, поклоняются Ему, чтут Его и благоговействуют перед Ним» [15. С. 7, 58]. Человек рожден «для того, чтоб сделаться достойным обитать в небесных селениях и быть вчинену в сонм святых Ангелов» [15. С. 58], т.е. призвание человека ангельское и потому пассивное и нетворческое. Все значение святоотеческого сознания было в героической борьбе против ветхого Адама, против страстей мира [12. С. 79].

Бердяев здесь проводит собственную космологическую теорию о месте человека в мироздании, о которой мы упоминали раньше. Согласно его взгляду, человек находится между тварным миром и миром божественным и выходит за пределы ангело-звериной иерархии. Так, обнаруживая у Симеона Нового Богослова слова о том, что цель человеческой жизни состоит в достижении ангельского уклада, Бердяев утверждает в мысли только о таком понимании обожения у византийских авторов, когда оно понимается как жизнь в изначальном благобытии, без греховных помыслов и дел. Может показаться, что и Попов проводит это понимание обожения, говоря о том, что непосредственной причиной греха, согласно византийским авторам, являются «в сущности, неестественные для души мотивы, которые появились в ней вместе с падением первого Адама...» [1. С. 148]. Тем не менее далее в своем тексте И.В. Попов указывает на два характерных для византийского богословия пути для обоженного человека, что, как нам кажется, Бердяев слабо учел в своей критике.

Первый из этих путей, по Попову, касается мирян и состоит в деятельном претворении Божией воли в своих поступках и мыслях. Здесь звучит мотив творчества, понимаемого как служение Богу через служение другим (людям), которых христианин таким образом приближает к Богу [1. С. 169]. Второй путь характерен для монахов и аскетов и заключается в умном созерцании Бога, как это представлено, например, у Симеона в Гимне 14⁹, где он просит оставить его одного наедине с Богом⁹. Интересно, что в этом случае обоженная плоть описывается мистиками так, что она может даже не потреблять пищи земной, довольствуясь только Духом Святым. Именно против такого понимания обожения, предполагающего бездействие в миру, Бердяев протестует. Путь мирянина для него оказывается предпочтительным и согласуется с его идеями о деятельном характере свободы третьего

уровня. Кроме повседневного творчества в поступках и мыслях, по Бердяеву, деятельностный аспект жизни христианина должен проявляться в том, что человек, становясь богочеловеком, должен участвовать в Божественной мистерии. По Бердяеву, если первая свобода связана с фигурой Отца, вторая – Сына, то третья заключает собой троичность Божественной реальности, указывая на царство Духа [3. С. 86, 96–100, 135–136, 141–145, 169].

Здесь следует сказать о том, что поздняя работа Бердяева, к которой мы обращаемся в настоящей статье, «Философия свободного духа», более мистична и насыщена рассуждениями о «Перво-реальности» – понятии, соответствующем понятию Бога и Царства Божиего в христианской традиции. Обращение Бердяева к мистикам позволяет описать духовную трансформацию как опыт обожения, благодаря которому человек оказывается причастным Божественной жизни, «внутренней жизни Бога» [3. С. 131–132]. Здесь Бердяев цитирует фрагмент из «Гимнов», в котором подчеркивается антиномичный характер мистического опыта: «Симеон Новый Богослов говорит: “Прийди, всегда пребывающий неподвижным и ежечасно весь передвигающийся и приходящий к нам”. Этими словами, трудными для официальной богословской доктрины, он выражает истину духовного опыта, совпадение в Боге покоя и движения. Тут нет никакой метафизики, основанной на понятии, тут непосредственно выражается самый первичный опыт духовной жизни» [3. С. 131–132]. Далее Бердяев говорит о потенциальности Бога, высказываясь в пользу православия, способного изречь мистическую истину Божественной потенции (движения). Представление о подвижности в Боге, действительно, плохо вяжется с катафатической томистской традицией. Согласно Бердяеву, «томизм отрицает потенцию в Боге и, следовательно, возможность движения, он строит совершенно рационалистическое, на аристотелевской философии основанное учение о Боге, как чистом акте <...> Апофатическая, мистическая теология идет глубже Творца в Его соотношении с творением, глубже Бога в Его соотношении с человеком. Творец возникает вместе с творением. Бог возникает вместе с человеком. Это есть теогонический процесс в божественной Бездонности» [3. С. 132]. Вслед за Хайдеггером Бердяев усматривает в ничто как потенциальности бытия большую мудрость и реальность, чем в актуализированных формах бытия. Показывая родство православной традиции и платонизма, он пишет о том, что платоническое понимание потенции «нимало не ведет в отрицанию необходимости актуализации, выявления, воплощения, – оно только расширяет сферу возможных актуализаций и отрицает исчерпанность бытия сферой актуализированного» [3. С. 211–212]. Последнее он обнаруживает в аристотелево-томистской традиции, где бытие – как-бытие (*ens qua ens*), или *actus purus*, является пустой абстракцией, продуктом чистой мысли, которая лишена глубины символического понимания.

Согласно Бердяеву, человек изначально вкоренен в первореальность, «она во мне в дремотном состоянии и пробуждение её требует от меня творческого акта» [16. С. 63]. Задача человека в том, чтобы вскрыть в себе

потенциальное бытие истины, освободиться от царства необходимости и ложной объективации в пользу «личного на своей вершине, личного и вместе с тем коммунистического» [16. С. 81]. Это освобождение совершается как раскрытие истинной и синергийной реальности Ипостаси духовного мира – воплощенного Логоса, Личности Слова. Рассуждая о внутренней жизни Бога, Бердяев дает свою интерпретацию троичности, которую можно свести к следующей антиномии: с одной стороны, два Лица в своем движении рожают нечто Третье, с другой, два Лица существуют только при условии Третьего. При этом человек становится соучастником этого полилога. Так, полнота и сложность отношений между двумя ипостасями рождает Царство Духа, который мыслится как третий элемент отношений. Опять же, Ничто, которое Бердяев концептуализирует в контексте разговора о Троице как чистую Божественность, является тем условием, благодаря которому возникает отношение Бога и Твари. Божественную мистирию надо понимать как историю возникновения пары Бога и человека из изначального божественной бездонности. Именно мистический опыт позволяет схватить эту истину; при этом для Бердяева мистика оказывается превыше конфессиональной идентификации. И здесь снова возникает фигура Симеона как символ отрешенного мистика-еретика: «Есть глубина мистики, в которой сходятся не только конфессиональные типы мистики христианской, но и типы мистики языческой. Орфизм и Плотин, мистика индуистская и суфизм, Св. Симеон Новый Богослов и Св. Иоанн Креста, Экхарт и Я. Бёме в чем-то сходятся между собой, переключаются из разных миров и часто говорят одним и тем же языком» [3. С. 339].

Заключение

В одной из наших статей, посвященной византийскому контексту наследия Бердяева, мы обрисовали

общую канву влияния византийской патристики на мысль Николая Бердяева.

Здесь же более точно проанализирована связь между мистическим богословием в лице Симеона Нового Богослова и персонализмом Николая Бердяева. В частности, мы сосредоточились на проблеме обожения плоти и любовного измерения отношений между человеком и Богом. Следуя логике Бердяева, работа велась с текстом «Гимнов» и «Слов» Симеона, но мы коснулись также сочинений Макария Египетского, задавшего линию мистической традиции, каковой следовал Симеон. Исследования известного русского патролога И.В. Попова, также были нами учтены как один из важных источников, повлиявших на формирование мысли Бердяева.

Данная статья показывает определенную преемственность русским философом традиций мистического византийского богословия. Предпринят герменевтический анализ текстов Бердяева, в которых он обращается к Симеону. Смысловой акцент сделан на расхождении между византийским представлением об общении между человеком и Богом, где человек все же остается на онтологически более низкой позиции и испытывает чувство страха по отношению к Богу, и представлением о любви между Богом и человеком, которое было выработано в русской религиозной философской традиции, в частности у Бердяева, где человек является в своем исполненном состоянии (телосе) богочеловеком. Мы зафиксировали телесный акцент в понимании обожения у византийских авторов, который не остается без внимания Бердяева. Кроме того, указали на его толкование византийского православия как последователя платоновской метафизики в контексте вопроса о потенциальности бытия и троичности Бога. К тому же мы отметили деятельностный характер обожения, который сам Бердяев считает отличительным признаком от учений об обожении у Отцов Церкви.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русский перевод «Гимнов» мы приводим по переводу иеромона. Пантелеимона (Успенского) (1917), которым пользовался Н. Бердяев; возможны несущественные авторские изменения этого перевода.

² В меньшем объеме эти цитаты представлены и в седьмой главе работы Бердяева «Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности», а также отчасти в работе «Диалектика божественного и человеческого». В последнем случае эти фрагменты из Симеона подкрепляются высказываниями западных мистиков.

³ Бердяев цитирует тот же 58-й гимн. В данном месте речь идет о Симеоне Благоговейном, который был духовным отцом Симеона Нового Богослова, о котором Симеон Новый Богослов упоминает в связи с темой наготы и стыда: «...он не стыдился членов всякого человека. [не стыдился] ни видеть некоторых обнаженными, ни сам быть видимым обнаженным» [8. С. 264]. Здесь Бердяев также неточно приводит цитату, незначительно изменяя формы слов: «неподвижным» вместо «недвижимым», «усматривает» вместо «усматривая». Первое изменение может быть связано в том, что в этой же работе Бердяев цитирует фрагмент из введения к «Гимнам», где используется слово «неподвижный» по отношению к Богу (см. ниже). Возможно, чтобы сохранить понятийное единство в приводимых им цитатах из «Гимнов» Симеона, Бердяев решает использовать в обоих случаях одно и то же слово.

⁴ В этой цитате в тексте Бердяева стоит запятая, отделяющая слова «и не тварь» от слов «что-либо из мира», которой нет в оригинале перевода. В таком написании как будто усиливается смысл различения Божественного света и тварного мира.

⁵ Интересно, что, по Бердяеву, человек находится даже выше ангелов, поскольку сотворен по образу и подобию самого Творца и обладает потенцией к творению нового в бытии, в отличие от ангелов, которые не обладают такой потенцией. «Человек не только выше всех иерархических ступеней природы – он выше ангелов. Ибо ангелы – лишь оправа Божьей славы. Природа ангелов – статическая. Человек – динамичен. Человеком, а не ангелом стал Сын Божий, и человек призван к царственной и творческой роли в мире, к продолжению творения» [12. С. 67–68].

⁶ Мотив подобного антиномического устройства в Боге обсуждается Бердяевым в начале «Философии свободного духа» (см. ниже).

⁷ В этой работе Бердяев вводит трехуровневую структуру свободы, где каждый уровень соответствует определенному соотношению между властью (законом) и личной творческой силой. Так, на этапе Ветхого Завета свобода была возможна только как свобода первого уровня: это свобода, подразумевающая подчинение Отцу и исполнение Закона. В отличие от этой первой свободы Новый Завет в лице Сына в жесте искупления человеческой природы открывает реальность второй свободы, при которой человек становится личностью, способной свободно любить и верить. Третья свобода понимается Бердяевым как подлинная свобода и соответствует состоянию Творца – состоянию, когда человек преодолевает свою тварную ограниченность и участвует наряду с Богом в творении нового в бытии.

⁸ В переводе еп. Феодана: «Люди для того и рождаются...».

⁹ «Оставьте меня одного заключенным в келье; Отпустите меня с одним Человеколюбцем-Богом; Отступите, удалитесь, позвольте мне умереть одному пред (лицом) Бога, создавшего меня. Никто пусть не стучится (ко мне) в дверь и не подает голоса; пусть никто из сродников и друзей не посещает меня; никто пусть не отвлекает насильно мою мысль от созерцания благого и прекрасного Владыки» [8. С. 95].

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов И.В. Мистическое оправдание аскетизма в творениях преподобного Макария Египетского // Труды по патрологии. Т. 1: Святые Отцы II–IV вв. Сергиев Посад, 2004. 747 с.
2. Хахалова А.А. Мотивы византийского богословия в творчестве Н.А. Бердяева // Современная онтология IX: Сознание и бессознательное: сборник материалов по международной конференции. 24–28 июня 2019 г. СПб.: Изд-во ГУАП, 2019. С. 271–282.
3. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 480 с.
4. Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви // Новое религиозное сознание и общественность / составление и комментарии В.В. Сапова. М.: Канон+, 1999. 464 с.
5. Biriukov D. Penetration of Fire into Iron: The Sense and the Usage Mode of this Metaphor for Description of Theosis in the Byzantine Theological Literature // *Scrinium: Journal of Patrology and Critical Hagiography*. 2019. Vol. 15, № 1. P. 143–162.
6. Бирюков Д.С. Античная натурфилософия в византийской христологии: тема проникновения огня в железо // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 6. С. 305–315.
7. Symeon the New Theologian. Hymnen / ed. by A. Kambylis. Berlin; New York: de Gruyter, 1976. [Современное критическое издание «Гимнов» Симеона Нового Богослова].
8. Симеон Новый Богослов. Творения. Т. 3 / перевод с греч. иер. Пантелеимона (Успенского). Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993 [1-е изд.: 1917].
9. Syméon le Nouveau Théologien: Catéchèses (Catéchèses 23–34). T. III / Mgr B. Krivochéine. Paris, 1965. 412 p. (SC 113).
10. Syméon le Nouveau Théologien: Catéchèses (Catéchèses 6–22). T. II / Mgr B. Krivochéine. Paris, 1964. 414 p. (SC 104).
11. Syméon le Nouveau Théologien: Traités théologiques et éthiques (Théologiques 1–3. Éthiques 1–3) / ed. by J. Darrouzès. Paris, 1966. T. I. 456 p. (SC 122).
12. Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М.: Изд-во Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1916. 358 с.
13. *Patrologicae Graecae* / ed. by J.-P. Migne. 1860. Т. 34.
14. Syméon le Nouveau Théologien: Traités théologiques et éthiques (Éthiques 4–15) / J. Darrouzès. Paris, 1967. Т. II. 456 p. (SC 129).
15. Симеон Новый Богослов. Творения преподобного Симеона Нового Богослова. Слова и гимны: в 3 кн. / пер. с новогреч. Еп. Феофана (1892). М.: Сибирская Благовонница, 2011. Кн. 1.
16. Бердяев Н.А. Творчество и объективация. М.: Т8RUGRAM, 2018. 300 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 23 августа 2021 г.

Nikolai Berdyaev Reads Symeon the New Theologian

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 94–102.

DOI: 10.17223/15617793/470/11

Anna A. Khakhalova, Sociological Institute of the RAS: Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: ann86j@gmail.com

Keywords: Nikolai Berdyaev; Symeon the New Theologian; Godman; mysticism; deification; creative act; freedom; God.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-18-00134.

The article discusses how Nikolai Berdyaev elaborates his conception of Godman based on mystical texts of Symeon the New Theologian. The article demonstrates that one can find the roots of Berdyaev's personalism in Byzantine theology with its explored theory of deification. An interesting point of this theory is an idea that a person transcends their own individual constraints becoming a Christ – Godman with their specific personality (hypostasis). The author focuses mainly on two main works by Berdyaev: *The Philosophy of Free Spirit* and *The Meaning of the Creative Act*. These books contain the most significant points of Berdyaev's thought on personality and creative freedom. Since Berdyaev cites Byzantine theologians, the author concentrates on Symeon the New Theologian, whom Berdyaev most frequently mentions. The choice is also supported by historical research of Russian intellectual trends in the early twentieth century, in which Symeon was quite an influential person. The author also notices the heritage of the famous Russian patrologist I. Popov, who could have an impact on the Russian philosophical tradition and on Berdyaev's thought particularly. As a leading method, hermeneutics with elements of historical-philosophical analysis is applied. First, the author examines the issue of Byzantine heritage translation into Russian in the early twentieth century. She learns that, at the time Berdyaev published his two main books, two translations of Symeon were more than assimilated by Russian readers – his *Hymns* and *Epistles*. The author emphasizes Berdyaev's interest in fragments of Symeon's texts on a bodily transformation of a person who experiences the process of deification, God's grace and love. The study revealed differences between the Byzantine theory of deification and Berdyaev's understanding of it. Whereas Symeon speaks about divine fear and love as a whole, Berdyaev insists on the feeling of love, withdrawing fear as a negative emotion. The author traces Berdyaev's line of argumentation, which is based on the existential personalist idea of relations between two or more equal participants. Berdyaev presents God as the other, who can feel anger or sorrow, or craving for the lover (man). Berdyaev understands divine fear as an Old Testament's characteristic which Jesus Christ, who symbolized the idea of equality between God and Man, overcame. On the contrary, according to the official dogmatic line of the Eastern Church, man should feel fear in front of God due to their different ontological statuses. Consequently, the mystical experience of love is more complicated than Berdyaev's one. The article strengthens the difference between these two conceptions by analyzing the Russian translation of Symeon's *Epistles*, which also differs from the original. The article demonstrates the divergences between Symeon the New Theologian's and Nikolai Berdyaev's conceptions of God–human relations.

REFERENCES

1. Popov, I.V. (2004) *Trudy po patrologii* [Works on patrology]. Vol. 1. Sergiev Posad.
2. Khakhalova, A.A. (2019) [The motives of Byzantine theology in the works of N.A. Berdyaev]. *Sovremennaya ontologiya IX: Soznanie i bessoznatel'noe* [Modern ontology IX: Consciousness and the unconscious]. Proceedings of the International Conference. 24–28 June 2019. St. Petersburg: Izd-vo GUAP. pp. 271–282. (In Russian).

3. Berdyaev, N.A. (1994) *Filosofiya svobodnogo dukha* [Philosophy of free spirit]. Moscow: Respublika.
4. Berdyaev, N.A. (1999) Metafizika pola i lyubvi [Metaphysics of sex and love]. In: Sapov, V.V. (ed.) *Novoe religioznoe soznanie i obshchestvennost'* [New religious consciousness and society]. Moscow: Kanon+.
5. Biriukov, D. (2019) Penetration of Fire into Iron: The Sense and the Usage Mode of this Metaphor for Description of Theosis in the Byzantine Theological Literature. *Scrinium: Journal of Patrology and Critical Hagiography*. 15 (1). pp. 143–162.
6. Biryukov, D.S. (2019) Ancient Natural Philosophy in Byzantine Christology: The Issue of Penetration of Fire into Iron. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya – Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 24 (6). pp. 305–315. (In Russian). DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.6.24
7. Kambylis, A. (ed.) (1976) *Symeon the New Theologian. Hymnen*. Berlin; New York: de Gruyter.
8. Symeon the New Theologian. (1993) *Tvoreniya* [Works]. Vol. 3. Translated from Greek by hier. Panteleimon (Uspensky). Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra.
9. Syméon le Nouveau Théologien. (1965) *Catéchèses (Catéchèses 23–34)*. T. III. Paris: Les Editions Du Cerf.
10. Syméon le Nouveau Théologien. (1964) *Catéchèses (Catéchèses 6–22)*. T. II. Paris: Les Editions Du Cerf.
11. Syméon le Nouveau Théologien. (1966) *Traité théologique et éthique (Théologiques 1–3. Éthiques 1–3)*. T. I. Paris: Les Editions Du Cerf.
12. Berdyaev, N.A. (1916) *Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka* [The meaning of creativity. The experience of justifying a person]. Moscow: Izd-vo G.A. Lemana i S.I. Sakharova.
13. Migne, J.P. (ed.) (1860) *Patrologia Graeca*. T. 34. Paris: Migne.
14. Syméon le Nouveau Théologien. (1967) *Traité théologique et éthique (Éthiques 4–15)*. T. II. Paris: Les Editions Du Cerf.
15. Symeon the New Theologian. (2018) *Tvoreniya prepodobnogo Simeona Novogo Bogoslova. Slova i gimny: v 3 kn.* [Works of St. Symeon the New Theologian. Discourses and hymns: in 3 vols]. Translated from Greek by Bp. Theophanes (1892). Book 1. Moscow: Sibirskaya Blagovonnitsa.
16. Berdyaev, N.A. (2018) *Tvorchestvo i ob"ektivatsiya* [Creativity and objectification]. Moscow: T8RUGRAM.

Received: 23 August 2021

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

UDC 316.4:352

E.B. Arkhipova, A.V. Starshinova

CROWD VOTING VIA ONLINE PLATFORMS AS A WAY OF CITIZENS' PUBLIC PARTICIPATION IN THE DEVELOPMENT OF MUNICIPALITIES (THE ACTIVE CITIZEN CASE, MOSCOW)

The research was conducted at Saint Petersburg University and supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00246.

Based on the theory of S. Arnstein, the paper considers crowd voting as one of the management levels available to citizens. The authors analyzed the Moscow online voting platform Active Citizen. Proceeding from the open data on the platform, the authors composed the socio-demographic profile of users, evaluated the proportion of active participation, the extent of their engagement in the voting processes depending on the themes of the problems brought to the attention of the townspeople.

Keywords: crowd voting; election technologies; E-government; public participation; welfare state.

Introduction

In Russia, as in other states, the transformation of the social state is taking place, i.e., the state of social security is transformed into a state which provides social services. Refocusing on providing social services to people, along with benefits' assistance to citizens in need, stems from the necessity to overcome state paternalism and the transition to an active social policy aimed at creating conditions under which personal responsibility and activities become a major factor of citizens' social well-being. In the present-day states, an individual initiative harmonizes with a certain level of social security guaranteed by the state and becomes an essential factor for the development of all spheres of public life. The participation of citizens in managerial decisions aimed at creating a favorable living environment for a person is relevant to current trends in social change. Public participation in solving urgent problems determines the interests of different social groups, due to the democratization of the state at the administration of all levels, including the municipal level. In present-day Russian conditions, the development of civic activity is accompanied by an increase in the requirements, both on the part of the public and the highest political leadership of the country. There is an increased requirement for the quality of public services, the creation of conditions ensuring it [1, 2]. In this regard, many researchers pay attention to the fact that the modern transformation of the welfare state coincides with the formation of a new type of society – an informational state. The signs of this transformation are evident through an increased role of information, knowledge economy, changes in the communication methods [3]. The phenomenon of e-democracy is becoming an important sign of the forming information society. Electronic voting and citizens' network communication with authorities are an influential citizens' instrument of control over decision-making by authorities. Mechanisms of online management and opportunities they provide for the participation of citizens in the municipality management are of importance in the

context of the public changes [4]. The municipal level administration, according to some researchers, suffers from current inertia and a weak sensitivity to innovations [1]. Many citizens continuously distrust municipal authorities because of their secrecy, cronyism, commitment to authoritarian management practices, orientation not so much on the local population requests as on the highest power structures. Consequently, the community expects that the introduction of new technologies in the practices of municipalities, which are self-governing bodies according to Russian laws, will have a positive impact on the local bureaucracy. Accordingly, municipal administration is interested in increasing the trust of citizens to ensure the legitimacy of their power, so they are often open to innovative ways to engage with the local online society.

In Russia, at the highest state level, there are important measures targeting the introduction of innovative digital technologies. They are a part of national programs, including the Strategy of Development of Information Society in the Russian Federation in 2017–2030 [5]. According to this program, the Russian state provides access to public services using digital technologies, online interaction tools, and big data analysis tools. These measures correspond to public requests for targeting the improvement of quality and availability of state administrative services and for adequately implementing personal initiatives. The new tools of interaction between government and society assume better flexibility of administrative decisions, the involvement of many civic society representatives in the development of solutions. These measures will contribute to the increase of citizens' confidence in the administrative bodies, improved by the interaction of citizens and the authorities, the mutual exchange of practical experience. However, the transition to new ways of local authorities' communication with the population contains certain risks and creates new challenges to municipal development. Self-government contains opportunities to expanded civic participation, owing to information networking. Simultaneously, interactive

technologies provide municipal officials with new tools to influence citizens. This process may take the form of manipulation. In addition, a large differentiation of areas, and, consequently, municipalities, increases the differences in the scale of public participation in decision-making. Accordingly, it increases the social significance of the issues involved, the spectrum of the social problems, access to the decisions adopted on the territory of municipalities. Finally, public participation depends on a combination of such factors as the population structure, the prevailing political culture, which determines the activity of the people, their interest and motivation to participate in the public decision of municipal problems, and other factors. The above-mentioned factors determined the research field, which inspired the study of one of Moscow's electronic platforms which demonstrates the opportunities and limitations of public participation in one of the largest Russian municipalities.

The theoretical framework of the study, literature review

There is a large body of literature relevant to our study. The first group of resources, forming the basis of the research, describes the concept of the welfare state and its present-day transformation from the social welfare type to the service-providing state. The changes target the strengthening of citizens' personal initiative and responsibility for their well-being, which is determined by their participation in management, in decision-making, and affecting the interests of all public groups [6–8]. We also consider the theoretical provisions of M. Castells, according to which the process of horizontal links strengthening among the subjects of information society results in the development of a communicative networking society [9]. We propose that the civic network changes the communication architecture of the social state. Interaction between citizens and power institutions utilizing interaction reduces the vertical, bureaucratic relationships, forming a more flexible network management model. Of much critical value for our research are the ideas of S. Arnstein, who suggested and proved several provisions of the strategies/levels of civic participation in the public administration depending on the scope of powers given to citizens [10]. Within this concept, crowd voting should be considered as one of the stages of a civic participation “ladder” when moving/ascending towards actual civic regulation. Of critical importance to our research is the attempt to raise the question of citizens' actual genuine participation in administration.

National and foreign researchers pay much attention to citizens' engagement in power administration with the help of electronic technologies. Studies are dedicated to describing electronic platforms and the opportunities they offer in central and provincial regions [11]. Researchers indicate the low level of public participation in decision-making, primarily in provincial Russian regions. This may be accounted for by the continuing information limitation, closed administration modes, and the unwillingness of people to participate in a dialog with authorities [12]. Researchers develop criteria of

constructive communication, exploring the factors of increasing the electronic engagement of citizens, paying attention to the need for harmonizing the norms, and normative-legal base of information interaction between authorities and citizens [13, 14]. Evidence suggests that electronic platforms for public participation generated by local authorities should meet the basic principle of administrative bodies' accountability to local citizens through the development of public control mechanisms. In this case, researchers propose models of citizens' electronic participation in decision-making; the implementation of the model can provide real participation of citizens in administration, without creating a mere visibility of management democratization [15]. Most authors believe that the online platform is the most promising direction of administration democratization in the context of Russian conditions, which can increase citizens' trust in municipal authorities [16].

Research design

For the empirical assessment of the scope of public participation in the development of municipalities through online platforms for crowd voting, we chose the online resource Active Citizen (<https://ag.mos.ru>), which is a part of the crowdsourcing system of the Government of Moscow. The full system of crowdsourcing online platforms in Moscow was analyzed in a previous research by the authors of this article [17].

The Active Citizen project emerged as a platform for electronic voting on urban development issues. The voting in Active Citizen can occur in different forms ranging from adopting Moscow departmental normative legal acts (e.g., to ban the sale of alcohol energetic beverages) and Moscow Government regulations (e.g., to increase the eco class of buses in Moscow) to special infrastructural projects (e.g., parks improvement projects).

The choice of this platform for the research was justified by the presence of many registered users, completed projects, decisions made, and systematic reporting.

In May 2020, according to official statistics, Active Citizen registered 3 238 176 users who conducted 4 605 votes, adopted 141 356 536 opinions, made over 3 000 decisions for implementation. The anonymity of polls and surveys is provided by blockchain technology. The advantage of this technology is the impossibility to change or delete data, it is only possible to add new ones, which provides an opportunity to trace the entire chain of opinions, even if they fluctuate in the course of time.

The databank contained on the portal, including users opinions, allows us to describe the socio-demographic profile of its user, estimate the proportion of active citizens to the number of Moscow residents, their activities depending on the voting topic/discussion/survey as well as the scale of public participation in decision-making based on the analysis of ballots on urban topics.

Results

Active Citizen is the most massive platform of crowd voting in Russia. The number of registered users exceeds 3 million people, accounting for about 25% of Moscow

residents. The dynamics of users' number increase is presented in Table 1.

As we can see from the table, the proportion of the registered users to the population of Moscow increases annually. According to the information provided in the annual reports of Active Citizen, the main way of popularity increase is the information in public places (schools, kindergartens, libraries, other municipal organizations and their web resources). The second effective way is "by word of mouth", i.e., the information distributed by friends and acquaintances. The third way is the media, including the Internet. Unfortunately, Active Citizen does not publish detailed statistics about the channels for attracting new users. Citizens can indicate this information by answering the question: How did you find out about the Active Citizen project? However, the results of this vote are not publicly available.

Table 1
The number of registered users of the Active Citizen platform in 2014–2020

Time period	The number of users, people	The users' number to the population, %	Increase in the proportion of users to the population during the previous time period, %
May 14	1 000	0.01%	
Nov. 14	500 000	3.94%	3.93%
Mar. 15	1 000 000	7.88%	3.94%
Feb. 17	1 500 000	11.82%	3.94%
Jan. 18	2 000 000	15.76%	3.94%
May 19	2 238 000	17.63%	1.88%
Jan. 20	3 193 167	25.16%	7.53%
Apr. 20	3 201 492	25.22%	0.07%
May 20	3 224 250	25.40%	0.18%

If we analyze the annual reports of Active Citizen, we can draw up a socio-demographic portrait of the user of this resource and highlight the motivation for participating in such an activity. Major users are employable citizens aged 18 to 44, office workers, laborers, and students.

Registered users receive points for their activities, which include voting and public speeches, reposting news, filling in the profile. Users can spend the points in the platform "bonus store". They have access to unique souvenirs, tickets to sporting and entertainment events, public transport and parking space discounts, and more. This well-planned bonus system, of course, is a good external motive for the platform activity. The feedback from active users allows us to highlight the subjective motivation of Moscow residents to participate in municipal voting. The opinions of the platform users were initially received in Russian and then translated into English. In order to demonstrate individual discursive features of authors, we accompany quotations with the original version in Russian for the convenience of our readers.

1. A possibility to express their citizenship position

"I really lacked the opportunity to express my opinion. I had comments on various issues, and I did not know whom to address" / «Мне очень не хватало возможности высказать свое мнение. У меня были свои замечания по разным вопросам, а я не знала, кому их транслировать» (a young woman, a user since 2014).

"My participation in the project is one of the manifestations of my civic position. Yes, even if I don't

go anywhere, my civic position is expressed in the fact that I simply choose an answer in the vote application on the platform" / «Мое участие в проекте – одно из проявлений моей гражданской позиции. Да, пусть я никуда не хожу, и моя гражданская позиция выражается в том, что я просто выбираю вариант по вопросам в приложении» (a man, a user since 2014).

2. The desire to know more information about the life of the city

"<W>ith the help of the project, you can learn more about the hometown, its new activities" / «<C> помощью проекта можно узнавать больше о родном городе, о том, какие активности появляются» (a man, a user since 2014).

3. The opportunity to correlate your civic position with the opinions of other residents of the city

"There is a tool here that, at a minimum, makes it possible to understand that your opinion is different from the majority of opinions. Or vice versa, that your point of view is shared by thousands of people. One way or another, participating in the vote, people are involved in the discussion, in urban life, in general, and this is to the benefit of the people themselves and the city in which they live" / «Тут есть инструмент, который, как минимум, позволяет понять, что твое мнение не сходится с мнением большинства. Или наоборот, что твою точку зрения разделяют тысячи людей. Так или иначе, участвуя в голосовании, люди вовлекаются в дискуссию, в городскую жизнь, в целом, и это на пользу самим людям, и городу, в котором они живут» (a young man, a user since 2017).

4. An opportunity to feel involved in the authorities' activities

"Participating in the project, you feel, figuratively speaking, as if you were sitting in the Moscow Government Office and helping to solve urgent city issues" / «Участвуя в проекте, ощущаешь себя, образно говоря, как будто ты сидишь в Правительстве Москвы и помогаешь решать актуальные городские вопросы» (a young girl, a user since 2016).

"And I even consider myself an assistant to the mayor and the Government of Moscow, to some extent, thanks to this project" / «И даже считаю себя помощником мэра и правительства Москвы, в какой-то степени, благодаря этому проекту» (a man, a user since 2014).

5. A desire to be a part of a change in the urban environment

"You walk with friends in the center, you walk along the street, and someone remarks, 'Oh, what nice lights are here!' And you answer, 'Yes, we together chose that here, in this street, there were just these lanterns and not others.' This causes interest among friends, and I'm very pleased" / «Гуляешь с друзьями по центру, идешь по улочке, и кто-то замечает: «Ой, как-кие симпатичные фонари здесь!». А ты отвечаешь: «Да, мы вместе выбирали, чтобы на этой улице были именно такие фонари, а не другие». Это вызывает интерес у друзей, и самому приятно» (a young man, a user since 2014)

"I remember there was a vote on the improvement of the New Arbat ... And then I went and looked at how it worked" / «Помню, голосовали по благоустройству Нового Арбата ... И вот я потом сходил и посмотрел, как сделали» (a man, a user since 2014).

6. A desire to participate in the decision-making at the municipal level

“Each of us can influence the solution of a particular task. Every active citizen participating in this project has a chance to resolve the problems that exist in the city” / «Каждый из нас может повлиять на решение той или иной задачи, которая ставится. У каждого из активных граждан, кто участвует в этом проекте, появляется возможность решить те проблемы, которые существуют в городе» (a man, a user since 2014).

Table 2 presents the statistics of users' activities over the entire functioning of the Active Citizen project.

Table 2

Voting statistics by year

Parameters	2014–2015	2015–2016	2016–2017	2017–2018	2018–2019
Number of votes	580	1 080	971	966	526
Number of opinions registered	25 000	23 156	26 930	23 595	19 209
The average number of participants in one voting	43 103	21 440	27 734	24 425	36 519
Number of decisions made	250	600	714	235	1 201

Table 3

Voting topics that are of the greatest interest to the platform users

Voting topic	The number of voters
Decoration of free territories at metro stations	541 050
The future of the central streets of the city	410 328
The procedure for cleaning autumn foliage	326 663
The name of the third circuit of the Moscow metro	315 262
The location of city ecological exhibitions	272 149
Million trees (2015–2016)	271 475
Million trees (2016–2017)	271 475
Apartment renovation time	266 095
Lawn mowing rules	265 198
Integrated development of the Tushino airfield	263 704
Contact zoo development	257 165
Time for citywide parental online meetings	254 994
Bike lane organization	250 775
Million trees (2017–2018)	230 000
SMS notification in libraries	229 209
The name of the new metro train	220 281
Wi-fi services in the subway	214 455
Playgrounds for musicians in the subway	214 002
Dancing in the parks	204 745
Assessment of city improvement	200 000
Selection of events for city festivals	193 351

The average data of each vote is 20–40 thousand Moscow residents. However, there are topics, which attract a greater number of active citizens (Table 3).

The most popular topics are the improvement of the city and the organization of social events, as well as the general issues of the city's life.

Conclusions

1. The analysis of the theme interviews allowed us to conclude that the degree of civic participation of Muscovites in municipal management is very conditional. Voting problems are of local nature. They do not require any special knowledge and competencies from the voters. Very few voting sessions raise the questions of social services in the field of medicine, education. Basically, users talk about the evaluation of the authorities' activities and the development of the city infrastructure (the introduction of new transport routes, the landscaping of residential areas, the development of urban digital services, the organization of urban institutions' activities, recreational and park development in the paid-in areas, etc.).

2. In our opinion, the network form of self-government bodies is not fully realized in these crowd voting resources since they only create the appearance of interaction with the citizens in the decision-making process. Delegating the right to participate in the solution of minor local problems, authorities make strategic decisions on their own, without relying on the resource of a “smart crowd”. This simulation allows the government to reduce citizens' dissatisfaction and increase the loyalty of citizens to the municipal authorities, as a whole, particularly their activities.

3. The analysis of the empirical data is suggestive enough to demonstrate that the functioning of the effective electronic model of decision-making, citizens' control of municipal administration activities and the regulation of local state power bodies are out of the question now.

4. As a result, we would like to note that the massive involvement of citizens in electronic communication interaction is the basis for the information society. An increased engagement, in its turn, assumes a present-day infrastructure, providing access to actual information and innovative technology. Unfortunately, the digital inequality of citizens (as well as cities and regions) limits the development of crowd voting via online platforms. These and other issues may be a part of future perspective research.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2012) *Presidential Decree No. 601 of May 7, 2012, “On main directions of state administration system improvement”*. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35265> (Accessed: 18.02.2021). (In Russian).
2. Russian Federation. (2013) *Presidential Decree No. 183 of March 4, 2013: On consideration of community initiatives addressed by the citizens of the Russian Federation with the use of the Internet resource Russian Civic Initiative*. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/acts/bank/36853> (Accessed: 18.02.2021). (In Russian).
3. Mikhailenok, O.M. et al. (2017) *Sotsial'noe gosudarstvo v kontekste dinamiki politicheskikh otnosheniy (kruglyy stol)* [The welfare state in the context of the dynamics of political relations, round table]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya – Social and Humanitarian Knowledge*. 3. pp. 163–202.
4. Tsaplin, A.Yu. (2016) *Politiko-pravovye faktory stanovleniya elektronnoy demokrati v Rossii* [Political and legal factors in the formation of electronic democracy in Russia]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya – Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 16 (4). pp. 447–452.
5. Russian Federation. (2017) *Presidential Decree No. 203 of May 9, 2017: On the strategy of information society development in the Russian Federation for 2017–2030*. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (Accessed: 18.02.2021). (In Russian).

6. Esping-Andersen, G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press.
7. Abrahamson, P. (1995) The Welfare Pluralism: Towards a New Consensus for a European Social Policy? *Current Politics and Economics of Europe*. 5 (1). pp. 29–42.
8. Abrahamson, P. (1999) The welfare modeling business. *Social Policy & Administration*. 33 (4). pp. 394–415.
9. Castells, M. (2009) *Communication Power*. New York: Oxford University Press Inc.
10. Arnstein, S. (1969) A Ladder of Citizen Participation. *JAPA*. 4 (35). pp. 216–224.
11. Chugunov, A.V. et al. (2017) Citizens versus the Government or Citizens with the Government: A Tale of Two e-Participation Portals in One City – A Case Study of St. Petersburg, Russia. *10th Proceedings of the International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance (ICEGOV'17)*. New Delhi. pp. 70–77.
12. Babintsev V.P. (2018) Vlastno-obshchestvennye kommunikatsii v regione: vozmozhna li konstruktivnaya sistema? [Communications between the authorities and the public in the region: Is the constructive system possible?]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk – Central Russian Journal of Social Sciences*. 13(2). pp. 12–22.
13. Demushina, O.N. (2017) Faktory povysheniya effektivnosti elektronnoy uchastiya grazhdan [Influence factors for e-participation]. *Ars Administrandi*. 9 (2). pp. 132–151.
14. Alomari, M., Sandhu, K. & Woods, P. (2010) Measuring social factors in E-government adoption in the Hashemite Kingdom of Jordan. *International Journal of Digital Society (IJDS)*. 1 (2). pp. 163–172.
15. Revyakin, S. (2019) Funktsional'nost' elektronnykh platform obshchestvennogo uchastiya: prichem zdes' sotsial'nye seti? [Functionality of E-Participation Platforms: Why Social Networks?]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya – Public Administration Issues*. 3. pp. 88–106.
16. Isaev, A.V. (2019) Tekhnologii kraudorsinga v praktike publichnogo upravleniya: osobennosti i perspektivy ispol'zovaniya v gosudarstvennom i munitsipal'nom upravlenii [Crowdsourcing technology in the practice of public administration: features and perspectives of the use in government and municipal management]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk – Central Russian Journal of Social Sciences*. 14 (6). pp. 91–108.
17. Starshinova, A.V., Arkhipova, E.B. & Borodkina, O.I. (2020) Crowdsourcing technologies in municipal administration: The cases of Russian cities. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii – Sociology of Science and Technology*. 11 (3). pp. 90–105.

Crowd Voting via Online Platforms as a Way of Citizens' Public Participation in the Development of Municipalities (The Active Citizen Case, Moscow)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 103–107.

DOI: 10.17223/15617793/470/12

Elena B. Arkhipova, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: e.b.arkhipova@urfu.ru

Alevtina V. Starshinova, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: a.v.starshinova@urfu.ru

Keywords: crowd voting; election technologies; E-government; public participation; welfare state.

Received: 25 June 2021

В.И. Шарин

РЕЦИПРОКНОСТЬ В МЕЖПОКОЛЕННОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ: МНЕНИЕ СТУДЕНТОВ

Рассматриваются отношения семейной взаимопомощи. Определяется характер межпоколенной помощи в семьях с детьми-студентами и влияние на нее типа (совместного или раздельного) проживания детей с родителями. Методологической базой исследования послужили разработки теории реципрокности Б. Малиновского и К. Поланьи. Установлено, что межпоколенная взаимопомощь базируется на реципрокности. Фактор раздельного или совместного проживания родителей и детей-студентов влияет на отношения семейной помощи.

Ключевые слова: реципрокность; межпоколенные отношения; семейная помощь; дети-студенты; характер поддержки; мотивация помощи; совместное и раздельное проживание.

Введение

Отношения семейно-родственной помощи с архаичных времен и до наших дней формируют систему социальной помощи. Они видоизменялись вместе с общественно-экономическими формациями, способами производства, государственным устройством, однако семья, род всегда были и остаются важнейшим социальным институтом, обеспечивающим родственную взаимную помощь. Семейно-родственная помощь, основанная на принципе кровного родства, предполагает неэквивалентный обмен дарами, услугами членов семьи в соответствии с традициями и необходимостью. Финансово-экономической основой отношений семейно-родственной помощи являются материальные и нематериальные ресурсы семьи. С возникновением государства, взявшего на себя ответственность за социальное положение граждан, обеспечившего нормативно-правовую базу и инфраструктуру социальной помощи, поддержка в семейно-родственном кругу, по мнению многих исследователей, потеряла былую актуальность. Однако последующий кризис концепции социального государства, связанный, в том числе, и с демографическими проблемами, увеличением продолжительности жизни, дефектами социального страхования и другими факторами, в значительной мере повлиял на укрепление отношений родственной взаимопомощи.

Несмотря на полемику о трансформации роли семьи в российском обществе, наша страна традиционно характеризуется относительно крепкими межпоколенными внутрисемейными связями. Возможно, укреплению родственных связей способствует невысокий уровень жизни россиян, слабо развитая сеть государственных учреждений социального обслуживания и недоступность для большинства населения платных социальных услуг. Родственная помощь оказывается в формах материальной и эмоционально-психологической поддержки, при ремонте или строительстве, по ведению домашнего хозяйства, продуктами питания, транспортом, в поиске работы, консультациях и других формах.

Результаты исследований российских ученых показывают устойчивую тенденцию к доминированию жизненных установок населения с опорой на собственные силы в трудных жизненных ситуациях и росту значимости семейно-родственной взаимопомо-

щи на фоне снижения реальных доходов домохозяйств. Так, по результатам широкомасштабных социологических исследований, проведенных в 2010–2017 гг., установлено, что на себя в трудных жизненных ситуациях в 2017 г. рассчитывают 83,3% опрошенных. В 2010 г. эта доля составляла 58,8%. На помощь членов семьи, родственников при необходимости в 2017 г. рассчитывают 79,4% респондентов, а в 2010 г. – 74,7%. Мотивация поддержки отражает родственную близость, семейную солидарность, взаимность: «эти люди мне дороги, и я не могу им не помочь» (67% респондентов), «я не могу оставить их в беде» (56%), а также «помогая, я могу рассчитывать на ответную помощь» (25%) [1. С. 114].

Меняется ли характер семейной взаимопомощи в зависимости от условий формирования субъектно-объектных отношений помощи (совместное или раздельное проживание родителей и детей)? Какие мотивы лежат в основе поддержки родителей детьми-студентами? Поэтому главная исследовательская задача – оценить характер отношений семейно-родственной помощи в семьях с детьми-студентами и влияние фактора совместного или раздельного проживания детей с родителями. Цель работы предопределила задачи, решение которых необходимо для ее достижения: на основе проведенного исследования отношений семейно-родственной поддержки установить характер и направления взаимопомощи в семьях с детьми-студентами. Определить мотивы поддержки детей-студентов своих родителей, а также характер ресурсов, которыми обмениваются члены семьи.

Гипотеза исследования: предполагается, что, по мнению студентов, характер отношений семейно-родственной помощи основан на принципе реципрокности, включающем в себя взаимозависимость, симметричность, неэквивалентность отношений, независимо от фактора совместного или раздельного проживания детей-студентов с родителями.

Семейная помощь: теоретический аспект

Под семейной взаимопомощью, межпоколенной поддержкой в данной работе мы будем понимать семейные отношения взаимного обмена членов семьи дарами и услугами неэквивалентного характера, которые могут быть рассмотрены как отношения реципрокности (от лат. *reciprocus* – взаимный). Наиболь-

шее влияние на формирование современных подходов к отношениям социальной помощи оказали труды основателя школы экономической антропологии Б. Малиновского и крупнейшего представителя данной школы К. Поланьи. Б. Малиновским открыт феномен «престижной экономики», главным видом которой он считал реципрокность – взаимопомощь, взаимные обмены дарами, услугами (дарообмен) в рамках социальной горизонтальной сети – семьи, рода, племени. Он считал взаимный дарообмен между родственниками особыми отношениями реципрокности, которые не влекут за собой ожидания ответных действий [2]. К. Поланьи в своей работе «Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени» определяет основные способы распределения ресурсов: реципрокность, редистрибуция, обмен и домохозяйство, а также соответствующие каждому способу принципы социальных отношений: симметричность, центричность, рынок и автаркия. Реципрокности соответствует симметрия, т.е. не-иерархические отношения, где субъект и объект не подчинены друг другу, а роли получателя дара (включая услуги) и дарителя могут чередоваться, формируя круговорот субъектно-объектных отношений взаимопомощи. Автор отстаивает внеэкономическую, традиционную природу отношений реципрокности: взаимные дарения никак не связаны с соображениями выгоды, так как не регулируются принципом эквивалентности получаемых и передаваемых даров, а согласуются с принципом адекватности. Домохозяйства воспроизводят распределение ресурсов на принципе автаркии в замкнутых группах (семья, поселение), имеющих родственные связи. Дарообмен между членами домохозяйства также носит взаимный характер, имеет внеэкономическую, традиционную основу [3]. Развивая теорию социальной помощи, Н. Луман в своей работе «Формы помощи в процессе изменения общественных условий» определяет три формы помощи: помощь как дар равного равному; помощь как милость, оказываемая вышестоящим нижестоящему; помощь как услуга, оказываемая организационными структурами. Под помощью, по мнению автора, следует понимать, прежде всего, вклад в удовлетворение потребностей другого человека. Взаимопомощь среди людей всегда связана с проблемой уравнивания потребностей и возможностей их удовлетворения во времени [4]. Д. Майерс обосновывает отношения родственной взаимопомощи с позиций эволюционной теории, согласно которой сутью нашей жизни является сохранение человеческого генофонда, что проявляется как защита рода и родственная взаимопомощь и порождает «фаворитизм» по отношению к тем, с кем у нас есть общие гены. «Наши гены располагают нас заботиться о тех, кто, как и мы, являются их носителями. Поэтому мы самой природой запрограммированы на заботу о близких родственниках» [5. С. 569]. По мере исследования отношений социальной помощи во всем многообразии данного явления усиливалось внимание ученых и к семейно-родственной взаимопомощи. Так, результаты исследований показывают, что взаимопомощь в голландских семьях и отношения взаимопомощи с друзьями

имеют разную мотивацию. Семейная солидарность, базируясь на чувстве морального долга, все еще имеет первостепенное значение с точки зрения частоты предлагаемой помощи и заботы. В основе помощи друзьям лежат иные мотивации – любовь и привязанность [6]. Авторы приходят к выводу, что взрослые дети в немецких семьях поддерживают своих родителей, как правило, под воздействием факторов взаимности, степени привязанности ребенка к родителю и альтруизма [7], а связь между родителями и взрослым ребенком является наиболее эффективной из всех близких и активных связей, она обеспечивает услуги, высокие уровни материальной и эмоционально-психологической поддержки [8]. Рассуждая о мотивах помощи взрослых детей стареющим родителям, авторы отмечают зависимость мотивации от государственных трансфертов, наличие (отсутствие) которых может вытеснить или активизировать родственную помощь. Отмечается важность таких мотивов, как обязательства и семейные традиции, однако помощь родителям оказывается не всегда без давления со стороны родственников [9]. Исследователи определяют, что наличие доступных, поддерживаемых государством услуг по уходу за нуждающимися пожилыми гражданами, которые освобождают членов семьи от обязательств по уходу за родственниками, не снижают родственную помощь. Все больше взрослых детей принимают участие в оказании помощи своим стареющим родителям, что соответствует общей тенденции в Нидерландах к расширению межпоколенных отношений в семьях [10]. Исследователями из Западной Германии установлено, что семейная взаимопомощь влияет на рождаемость. Так, доступность неформального ухода за ребенком, который могут обеспечить бабушки и дедушки, увеличивает шансы появления первого ребенка [11]. Российские авторы также внесли свой научный вклад в исследование отношений семейной взаимопомощи в Европе. Так, С.А. Судьин, Е.Е. Кутявина, А.В. Курамшев на основе анализа состояния государственной системы социальной защиты Германии, не способной обеспечивать поддержку старшего поколения на высоком уровне в условиях старения общества, делают вывод о необходимости поиска равновесия социальной поддержки между семьей и государством [12]. М.В. Прохорова, рассматривая взаимодействие поколений в швейцарских семьях, отмечает, что на формирование мотиваций семейной помощи влияют правовые нормы внутрисемейной солидарности. Так, родители и дети обязаны оказывать друг другу содействие. Отсутствие заботы и внимания наказуемо. Эта норма распространяется и на совершеннолетних детей. Также установлена обязательность материальной поддержки родственников, если они попадут в беду и открыто потребуют помощи [13. С. 54].

В оценках авторов отношений семейной взаимопомощи прослеживаются разные основы, связанные с различиями европейской, американской, азиатских культур, что в ряде случаев может существенно влиять на характер данных отношений. Так, например, рассуждая о мотивах семейно-родственной поддержки, американские исследователи Л. Котликофф и

С. Бернс подчеркивают, что по итогам многочисленных исследований американскими учеными отвергнута гипотеза межпоколенческого альтруизма – теоретическая гипотеза, что родители (дети) заботятся не только о своем благополучии, но и благополучии своих детей (родителей) [14. С. 153].

В то же время индийскими авторами отмечается значительная помощь старших родителей в индийских семьях в воспитании детей, причем на фоне матрилиateralного уклона, характерного для западного мира, исследования показали наличие поддержки внуков-студентов университета со стороны дедушек в не меньшей степени, чем со стороны бабушек [15]. Китайские авторы делают вывод о благотворном влиянии совместного проживания с взрослыми детьми на субъективное благополучие (удовлетворенность жизнью, оптимизм и счастье) пожилых китайских родителей. Совместное проживание обеспечивает большую поддержку со стороны взрослых детей. Особенно существенно это влияние для пожилых людей, проживающих в сельских районах Китая [16]. Российскими учеными также исследовались различные аспекты семейно-родственной взаимопомощи. Принцип реципрокности многими авторами рассматривается как базовый для отношений семейной взаимопомощи. Так С.Ю. Барсукова обсуждая отличие экономики дара от товарного обмена, раскрывает сущность реципрокности как взаимности даров между наиболее близкими людьми: родственниками и друзьями на основе необъяснимых с экономической точки зрения предпочтений и симпатий [17]. Авторы рассматривают достоинства и недостатки семьи как субъекта социальной защиты, сложившиеся виды и формы взаимопомощи [18]. Причем отмечается, что содержание, материальные и духовные факторы, объемы, возможности и главные направления помощи в семье меняются с течением времени и в зависимости от конкретных условий. Семейно-родственная помощь переживает несколько периодов развития, связанных с этапами эволюции родительской и молодой семей [19, 20]. В.И. Шариным и И.А. Кульковой отмечается важная роль семейно-родственной поддержки как фактора рождаемости в российских семьях [21]. Исследователи, анализируя отношения семейной помощи в сельской местности, приходят к выводу об изменении их характера – родители-пенсионеры стали источником не только продовольственных, но и денежных поступлений. «Монетарная» помощь родителей, как правило, носит безвозмездный характер, «отдариваются» взрослые дети услугами – работой на приусадебном участке родителей, заготовками дров, кормов для скота и птицы [22]. Результаты проведенных исследований показывают, что наиболее распространенным является нисходящее направление родственной взаимопомощи (от родителей к детям). Помощь со стороны младшего поколения, как правило, осуществляется в форме инструментальных или функциональных трансфертов [23]. Как отмечает М.Н. Реутова, отношения взаимопомощи в рамках семейно-родственных связей строятся в основном без учета взаимных обязательств. Субъекты семейной помощи не планируют возможность получения ответного дара или услуги в

будущем. Так, не задумываются при оказании помощи о возможности получения ответного дара или услуги 71% родителей и 70% взрослых детей [24].

Методология исследования

В 2020 г. нами проведены исследования семейной взаимопомощи на базе Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург), который является типичным региональным учебным заведением. В ходе исследования решалась задача установления характера и направления взаимопомощи, ее мотивации в семьях с детьми-студентами.

В опросе приняли участие 300 студентов 1–4-го курсов очной и заочной форм обучения университета, из них: в возрасте до 30 лет – 91%, женского пола – 70%, проживающих на территории Свердловской области – 65%, проживающих совместно с родителями – 105 респондентов, отдельно – 195. Опрос проводился сплошным способом, посредством анкетирования. Авторский опросник структурно состоит из трех частей. Первая часть содержит вопросы, характеризующие студентов в качестве объектов семейной помощи, вторая – как ее субъектов, третья содержит формы семейной поддержки. Взаимодействия по поводу семейной поддержки оценивались на основе ответов на вопросы респондентов о том, какую помощь и поддержку они оказывали родителям и какую получали в ответ с учетом того, проживают они вместе или нет. Помощь оценивалась по двум параметрам: интенсивности и по формам. Обработка данных опроса проведена при помощи статистического пакета SPSS.

Помимо анкетирования основным исследовательским методом выбрано полуструктурированное интервью. Так, эмпирической базой стали интервью ($n = 12$) со студентами университета, проведенные с целью оценки характера и мотивации семейно-родственной взаимопомощи. Для лучшей сопоставимости результатов половина информантов ($n = 6$) была отобрана сплошным методом из числа студентов, проживающих совместно с родителями, вторая половина ($n = 6$) – из студентов, проживающих отдельно. Из них 6 интервью проведены с юношами, 6 – с девушками. Длительность интервью составляла от 22 минут до 1 часа 10 минут, 8 информантов являются жителями Среднего Урала, остальные – представляют другие регионы.

Полученные от респондентов данные имеют ограничения, связанные с получением оценки семейной взаимопомощи от одной из сторон – студентов, так как родители не участвовали в опросе. Оценка родителей сложившихся отношений семейной помощи, возможно, могла бы повлиять на полученные результаты. Кроме того, 70% респондентов – лица женского пола. Стереотипизированные гендерные паттерны межпоколенной взаимопомощи и дочерей по отношению к родителям, и родителей по отношению к «девочкам», как наиболее тесно связанным с ними, могут влиять на объективность картины.

Результаты исследования

Отношения семейной поддержки с позиции студентов университета оценивались на основе их отве-

тов на вопросы, какую помощь и поддержку оказывали родители и какую получали сами с учетом фактора совместного или раздельного проживания.

Целью проведения исследования является проверка гипотезы о том, что отношения семейно-родственной помощи базируются на принципе реципрокности: имеют характер взаимности, симметричности (чередование роли субъекта и объекта помощи), неэквивалентности получаемых и передаваемых даров и услуг независимо от того, проживают родители и их взрослые дети-студенты вместе или нет.

По результатам ответов респондентов на вопросы анкеты установлено, что большинство родителей студентов находятся в трудоспособном возрасте (до 60 лет – 85%) и работают (89%). В то же время респонденты отмечают, что родители в каждой пятой семье нуждаются в помощи.

Данные опроса показывают, что семейная помощь базируется на принципе реципрокности, а также имеет отличия в зависимости от того, проживают ли взрослые дети-студенты со своими родителями или живут отдельно. Анализ особенностей семейной помощи приведен в табл. 1.

По результатам опроса можно сделать вывод, что отношения родственной взаимопомощи студентов и их родителей сохраняют свою актуальность и носят двусторонний, симметричный и неэквивалентный характер.

Субъектно-объектные отношения родители – дети-студенты имеют различные характеристики, обусловленные фактором совместного или раздельного проживания детей-студентов с родителями. Так, в семьях,

где родители и дети-студенты проживают раздельно, выявлено больше случаев, когда дети не оказывали никогда никакой помощи или оказывали ее очень редко (по сравнению с семьями, где родители и дети-студенты проживают вместе). Между тем помощь родителей и детей друг другу в случае необходимости, по ситуации, проживающих как раздельно, так и совместно, практически находится на одном достаточно высоком уровне. Большая часть респондентов являются и субъектами, и реципиентами помощи. Проживающие совместно родители и дети чаще постоянно помогают друг другу.

Проживающие совместно с родителями дети-студенты чаще оказывают родителям материальную помощь, помощь по уходу за родителями, а также помощь по ведению домашнего хозяйства и эмоционально-психологическую поддержку. Материальная и эмоционально-психологическая поддержка со стороны родителей находится на высоком уровне независимо от типа проживания. Родительская поддержка по своей интенсивности, важности для субъекта помощи значительно превосходит «встречные потоки» от детей-студентов.

Обобщение ответов респондентов на один из вопросов анкеты («Какие из перечисленных мотиваций к поддержке родителей являются для вас наиболее значимыми?») позволило выделить восемь групп мотиваций: родственная близость; семейная солидарность; обязательство; взаимность; традиция; выгода (рассчитывают потом получить больше); альтруизм; жалость. По условиям опроса респонденты могли выбрать две мотивации. Результаты исследования отражены в табл. 2.

Таблица 1

Характер субъектно-объектных отношений семейной помощи в зависимости от типа проживания родителей и детей-студентов, % (составлено автором)

Внутрисемейная помощь	Совместное проживание взрослых детей с родителями		Раздельное проживание	
	Помощь детей-студентов родителям	Помощь родителей детям-студентам	Помощь детей-студентов родителям	Помощь родителей детям-студентам
Интенсивность поддержки				
Не оказывается	2	1	9	6
Оказывается редко	6	7	14	7
Оказывается по ситуации, в случае необходимости	51	39	53	47
Оказывается регулярно	41	53	24	40
Формы поддержки				
Материальная	33	83	23	70
По уходу за родителями	9	–	5	–
По уходу за детьми (внуками)	–	12	–	19
По ведению домашнего хозяйства (услуги, труд)	86	–	60	20
Эмоционально-психологическая	39	60	16	60

Таблица 2

Мотивации взрослых детей к поддержке родителей (составлено автором)

Мотивация семейной помощи	Количество респондентов	%
Родственная близость	195	65
Семейная солидарность	112	37
Обязательство	84	28
Взаимность	96	32
Традиция	37	12
Выгода	15	5
Альтруизм	4	1
Жалость	9	2

По результатам ответов респондентов установлено, что родственная близость, семейная солидарность, взаимность и обязательство являются основными мотивами оказания поддержки родителей детьми-студентами.

Анализ собранных интервью подтвердил выявленные в ходе анкетирования главные мотивации студентов в семейной поддержке родителей, а также то, что отношения семейно-родственной помощи базируются на принципе реципрокности. Взаимные дарения и услуги никак не связаны с соображениями выгоды, так как не требуют равнозначности (эквивалентности) получаемых и передаваемых даров и услуг. В отношениях семейной помощи ее субъекты и объекты находятся в динамическом взаимодействии, меняясь ролями в зависимости от ситуации, во времени, что характеризует взаимозависимость, симметричность, неэквивалентность отношений. Реальная потребность в помощи формирует мотив поддержки и поведение членов семьи как субъектов помощи, а не гарантия получения помощи обратно в случае необходимости: «Не думаю, что семейная поддержка находится в зависимости от возможностей членов семьи оказать ответную помощь, это ведь не банковская ссуда. Сейчас родители помогают мне получить образование, ничего не требуя взамен. Но когда-нибудь, возможно, и им потребуется моя поддержка» (А., студент, 21 год).

Фактор совместного или раздельного проживания детей-студентов с родителями не меняет характер построения отношений семейной помощи, соответствующий принципу реципрокности, однако накладывает определенный отпечаток, позволяющий определить особенности межпоколенных отношений в случае раздельного проживания: «Домой приезжаю только два раза в год на каникулы. Летом помогаю родителям на приусадебном участке, по заготовке кормов. В остальное время почти ежедневно общаемся по телефону, интернету, в основном делимся своими мыслями, проблемами, и это важно для всех нас» (И., студентка, 20 лет), и в случае совместного проживания детей-студентов с родителями: «Живу с родителями. На моем попечении младший брат и собака. Веду домашнее хозяйство, когда родители заняты по работе или болеют. Где кончаются мои домашние обязанности и начинается помощь родителям, никогда не задумывалась, так как мы одна семья» (Н., студентка, 22 года).

В основе субъектно-объектных отношений семейной помощи лежит мотивация к ее оказанию. Мотивация формируется у субъекта помощи под воздействием ситуации, когда требуется поддержка членов семьи, готовности потенциального субъекта помощи оказать, а объекта помощи – принять эту помощь. Мотивации семейной помощи имеют широкий спектр, однако к основным мотивам оказания поддержки родителей детьми-студентами мы можем отнести родственную близость, семейную солидарность, взаимность и обязательство: «Сложно выделить определенную причину, почему я помогаю родителям. Они всегда помогали и продолжают помогать мне во всем, как мне не помогать им? Возможно, помогаю, потому что люблю их, ощущаю, что мы одна семья и должны помогать друг другу» (К., студентка, 27 лет).

Реципрокные отношения семейной помощи

Полученные в результате исследования данные позволяют сделать вывод о реципрокном характере семейной помощи в семьях с детьми-студентами. Нами установлено, что тип проживания родителей с детьми-студентами (совместно или раздельно) влияет на характер семейной помощи. Так, в семьях, где родители и дети-студенты проживают раздельно, выявлено больше случаев, когда дети не оказывали никогда никакой помощи или оказывали ее «очень редко». В то же время помощь родителей и детей друг другу в случае необходимости, по ситуации, проживающих как раздельно, так и совместно, практически находится на одном достаточно высоком уровне. Проживающие совместно родители и дети чаще помогают друг другу на регулярной основе. Проживающие совместно с родителями дети-студенты чаще оказывают родителям материальную помощь, помощь по уходу, а также по ведению домашнего хозяйства и эмоционально-психологическую поддержку. Материальная и эмоционально-психологическая поддержка со стороны родителей находится на высоком уровне независимо от типа проживания.

Полученные результаты в основном коррелируют с данными ранее проведенных исследований, например, изучения динамики представлений студентов о межпоколенных отношениях, проведенного в 2017 г. О.Н. Бурмыкиной. Автор приводит данные о преобладании потоков родительской материальной помощи над помощью от детей (85 и 31% соответственно), но большем объеме получаемой родителями от детей помощи по ведению хозяйства (80 и 68% соответственно), одинаковом уровне получаемой эмоционально-психологической поддержки родителями и детьми-студентами (88 и 86% соответственно) [25].

Результаты исследований семейно-родственных отношений помощи, полученных без учета социального статуса взрослых детей, например, Л.А. Поповой в 2013 г. показывают, что каждый четвертый взрослый ребенок в возрасте до 35 лет получает регулярно материальную поддержку от родителей, каждый пятый – по ситуации (респонденты могли выбрать несколько форм помощи). Более половины молодых трудоспособных людей пользуются экономической поддержкой родителей. Почти 20% получают от родителей помощь по уходу за детьми. Только 4% респондентов не получают поддержку от родителей. В то же время более трети респондентов оказывают экономическую поддержку родителям [26. С. 91].

Таким образом, результаты проведенного исследования в основном соотносятся с результатами проведенных ранее исследований помощи в семьях, где есть студенты университета, что можно рассматривать как сложившуюся практику субъектно-объектных отношений взаимопомощи в семьях с детьми-студентами, основанной на принципе реципрокности.

Заключение

Результаты проведенного исследования характера отношений семейно-родственной помощи в семьях с детьми – студентами университета показывают, что

они основаны на принципе реципрокности, так как имеют характер взаимности (обмен дарами и услугами), симметричности (чередование роли субъекта и объекта помощи), неэквивалентности получаемой и оказываемой помощи в виде даров и услуг независимо от того, проживают родители и их взрослые дети-студенты вместе или нет.

Таким образом, гипотеза, что отношения семейно-родственной помощи, по мнению студентов, базируются на принципе реципрокности, включающем в себя взаимозависимость, симметричность, неэквивалентность отношений, независимо от фактора совместного или раздельного проживания детей-студентов с родителями, нашла свое подтверждение.

Установлено, что тип проживания детей-студентов с родителями оказывает влияние на характер семейной помощи. Так в семьях, где родители и дети-студенты проживают раздельно, выявлено больше случаев, когда дети не оказывали никогда никакой помощи или оказывали ее «очень редко» (по сравнению с семьями, где родители и дети-студенты проживают вместе). Между тем помощь родителей и детей друг другу в случае необходимости, по ситуации, проживающих как раздельно, так и совместно, практически находится на одном достаточно высоком уровне. Большая часть респондентов являются и субъектами и реципиентами помощи. Проживающие совместно родители и дети чаще помогают друг другу на регулярной, постоянной основе. Проживающие совместно с родителями дети-студенты чаще оказывают родителям материальную помощь, помощь по уходу за родителями, а также помощь по ведению

домашнего хозяйства и эмоционально-психологическую поддержку. Материальная и эмоционально-психологическая поддержка со стороны родителей находится на высоком уровне независимо от типа проживания. Родительская поддержка по содержанию и интенсивности значительно превосходит «встречные потоки» от детей-студентов.

Также установлено, что мотивация семейной помощи формируется у субъекта помощи под воздействием ситуации, когда требуется поддержка семьи, готовности потенциального субъекта помощи оказать, а объекта помощи – принять эту помощь. Мотивации семейной помощи имеют широкий спектр, однако к основным мотивам оказания поддержки родителей детьми-студентами респонденты относят родственную близость, семейную солидарность, взаимность и обязательство.

Полученные результаты дают возможность полагать, что цель исследования – оценить характер отношений семейно-родственной помощи в семьях с детьми-студентами и влияние фактора совместного или раздельного проживания детей с родителями – достигнута.

Результаты исследования семейно-родственной поддержки в семьях с детьми-студентами позволяют сделать вывод о сохраняющихся в российском обществе относительно крепких межпоколенных внутрисемейных связях. Несмотря на трансформацию роли семьи, связанную с модернизацией общества, социокультурная основа семейных отношений способна воспроизводить субъектно-объектные отношения взаимопомощи родителей и их детей довольно высокого уровня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. Реципрокность в сетях взаимопомощи (на материалах регионального исследования) // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 106–116.
2. Malinowski B. Argonauts of the Western Pacific: An Account of Native Enterprise and Adventure in the Archipelagos of Melanesian New Guinea. London : Routledge and Kegan Paul, 1922.
3. Polanyi K. The great transformation: The political and economic origins of our time. New York : Farrar & Rinehart, 1944.
4. Луман Н. Формы помощи в процессе изменения общественных условий // Социологический журнал. 2000. № 1-2. С. 016–039.
5. Майерс Д. Социальная психология. СПб. : Питер, 2011.
6. Komter A., Vollebergh W. Solidarity in Dutch families - family ties under strain? // Journal of Family Issues. 2002. Vol. 23, № 2. P. 171–188.
7. Klaus D. Why do adult children support their parents? // Journal of Comparative Family Studies. 2009. Vol. 40, № 2. P. 227–233.
8. Уэллман Б. Место родственников в системе личных связей // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 78–87.
9. Cox D., Soldo B. Motives for care that adult children provide to parents: evidence from «Point Blank» survey questions // Journal of Comparative Family Studies. 2013. Vol. 44, № 4. P. 491–502.
10. Van den Broek Th., Dykstra P.A., Van den Veen R.J. Adult children stepping in? Long-term care reforms and trends in children's provision of household support to impaired parents in the Netherlands // Ageing & Society. 2019. Vol. 39, № 1. P. 112–137.
11. Hank K., Kreyenfeld M. A multilevel analysis of child care and women's fertility decisions in Western Germany // Journal of Marriage and Family. 2003. № 65 (3). P. 584–596.
12. Судьин С.А., Кутявина Е.Е., Курамшев А.В. Межпоколенные отношения в современной нижегородской семье // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 3. С. 56–71.
13. Прохорова М.В. Взаимодействие поколений в семье и обществе: резюме доклада о поколениях в Швейцарии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. № 2 (26). С. 52–62.
14. Котликофф Л., Бернс С. Пенсионная система перед бурей: То, что нужно знать каждому о финансовом будущем своей страны. М. : ИРИСЭН, Мысль, 2011.
15. Gray P.B., Longkumer W., Panda S. Grandparenting in urban Bangalore, India : support and involvement from the standpoint of young adult university students // Sage Open. 2019. Vol. 9, № 3. P. 167–174.
16. Zhu Sh., Li M., Zhong R. The effects of co-residence on the subjective well-being of older Chinese parents // Sustainability. 2019. Vol. 11, № 7. P. 173–182.
17. Барсукова С.Ю. Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара // Мир России. Социология. Этнология. 2003. № 2. С. 81–121.
18. Касаркина Е.Н., Бистаякина А.В., Соловьева Т.В. Семья как субъект социальной защиты: социологический анализ // Дискуссия. 2013. № 11 (41). С. 72–77.
19. Прохорова Э.М., Фадеева Ю.В., Фодоря А.Ю. Социальный институт взаимопомощи в современной молодой семье Подмосковья // Сервис Plus. 2011. № 1. С. 28–36.
20. Колемасова Е.Н. Институт помощи в системе семейно-родственных отношений : дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2005.
21. Шарин В.И., Кулькова И.А. Влияние помощи старшего поколения на рождаемость в России // Народонаселение. 2019. № 2. С. 40–51.

22. Лылова О.В. Неформальная взаимопомощь в сельском сообществе // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 2–8.
23. Миронова А.А. Родственная межпоколенная солидарность в России // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 136–142.
24. Реутова М.Н. Обмен ресурсами в сетях взаимопомощи: реализация принципа реципрокности // Дискурс. 2018. № 4 (18). С. 177–187.
25. Бурмыкина О.Н. Динамика представлений петербургских студентов о семье и межпоколенных отношениях (2007–2017 гг.) // Петербургская социология сегодня. 2018. № 9. С. 27–46.
26. Попова Л.А. Межпоколенческие отношения в современной российской семье. Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире. М. : Экон-Информ, 2015.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 4 июня 2021 г.

Reciprocity in Intergenerational Mutual Aid: Students' Opinion

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 108–115.

DOI: 10.17223/15617793/470/13

Valery I. Sharin, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: Sharin_vi@usue.ru

Keywords: reciprocity; intergenerational relations; family assistance; children-students; nature of support; motivation of assistance; cohabitation and separation.

The article examines family social assistance relations. Researchers give ambiguous assessments of the nature of intergenerational relationships of mutual assistance between parents and their adult children who are students. Therefore, the research aim is to determine the nature of the relationship of family-related assistance in families with student children and the impact on family assistance of the type of (joint or separate) residence of children with parents. The methodological basis of the research was the developments of the theory of reciprocity by B. Malinovsky and K. Polanyi, the concept of social assistance by N. Luhmann, as well as works of leading foreign and Russian scholars. The research was conducted on the basis of a set of general scientific methods of systems analysis, generalization and systematization, comparison, and a questionnaire. The empirical basis of the research is a survey of 300 students and 12 individual semi-structured interviews of students of the Ural State University of Economics, held in 2020. The survey and interview data were analyzed to identify the nature and motivations of family assistance in families with student children, as well as the influence of the factor of joint or separate residence of children with parents. The study shows that the relationship of family assistance in families with student children is interdependent, symmetrical, and nonequivalent, that is, based on the principle of reciprocity. A person's motivation for family assistance forms under the influence of a situation objectively perceived as requiring the support of a family member and the potential helper's readiness to assist and the person helped to be assisted. Students' support for their parents is based on non-economic motives that reflect family solidarity, feelings of reciprocity and commitment. The factor of separate or joint residence of parents and student children affects the relationship of family assistance. Thus, in families where student children live together with their parents, a higher level of intergenerational mutual assistance is established. In these families, parents and student children are much more likely to help each other on a regular, permanent basis; children are more likely to provide parents with financial assistance, emotional and psychological support, assistance in caring for parents and in household management. Material, emotional and psychological support from parents is at a high level, regardless of the type of residence.

REFERENCES

1. Reutov, E.V., Reutova, M.N. & Shavyrina, I.V. (2019) Reciprocity in Mutual Aid Networks (On the Data of a Regional Study). *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 3. pp. 106–116. (In Russian).
2. Malinowski, B. (1922) *Argonauts of the Western Pacific: An Account of Native Enterprise and Adventure in the Archipelagos of Melanesian New Guinea*. London: Routledge and Kegan Paul.
3. Polanyi, K. (1944) *The great transformation: The political and economic origins of our time*. New York: Farrar & Rinehart.
4. Luman, N. (2000) Formy pomoshchi v protsesse izmeneniya obshchestvennykh usloviy [Forms of assistance in the changing social conditions]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1-2. pp. 016–039.
5. Myers, D. (2011) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. St. Petersburg: Piter.
6. Komter, A. & Vollebergh, W. (2002) Solidarity in Dutch families – family ties under strain? *Journal of Family Issues*. 23 (2). pp. 171–188.
7. Klaus, D. (2009) Why do adult children support their parents? *Journal of Comparative Family Studies*. 40 (2). pp. 227–233.
8. Wellman, B. (2000) The place of relatives in the system of personal connections. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 6. pp. 78–87. (In Russian).
9. Cox, D. & Soldo, B. (2013) Motives for care that adult children provide to parents: evidence from “Point Blank” survey questions. *Journal of Comparative Family Studies*. 44 (4). pp. 491–502.
10. Van den Broek, Th., Dykstra, P.A. & Van den Veen, R.J. (2019) Adult children stepping in? Long-term care reforms and trends in children's provision of household support to impaired parents in the Netherlands. *Ageing & Society*. 39 (1). pp. 112–137.
11. Hank, K. & Kreyenfeld, M. (2003) A multilevel analysis of child care and women's fertility decisions in Western Germany. *Journal of Marriage and Family*. 65 (3). pp. 584–596.
12. Sud'in, S.A., Kutyavina, E.E. & Kuramshev, A.V. (2018) Intergenerational Relations in Modern Families in the Region of Nizhny Novgorod. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 3. pp. 56–71. (In Russian). DOI: 10.15593/2224-9354/2018.3.4
13. Prokhorova, M.V. (2012) The Interaction of Generations in the Family and Society Is the Summary Report About the Generations in Switzerland. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2 (26). pp. 52–62. (In Russian).
14. Kotlikoff, L. & Burns, S. (2011) *Pensionnaya sistema pered burey: To, chto nuzhno znat' kazhdomu o finansovom budushchem svoey strany* [The Coming Generational Storm: What You Need to Know About America's Economic Future]. Translated from English. Moscow: IRISEN, Mysl'.
15. Gray, P.B., Longkumer, W. & Panda, S. (2019) Grandparenting in urban Bangalore, India: support and involvement from the standpoint of young adult university students. *Sage Open*. 9 (3). pp. 167–174.
16. Zhu, Sh., Li M. & Zhong, R. (2019) The effects of co-residence on the subjective well-being of older Chinese parents. *Sustainability*. 11 (7). pp. 173–182.
17. Barsukova, S.Yu. (2003) Setevaya vzaimopomoshch' rossiyskikh domokhozyaystv: teoriya i praktika ekonomiki dara [Network mutual assistance of Russian households: theory and practice of the gift economy]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. 2. pp. 81–121
18. Kasarkina, E.N., Bistyaykina, A.V. & Solov'eva, T.V. (2013) Sem'ya kak sub'ekt sotsial'noy zashchity: sotsiologicheskii analiz [Family as a subject of social protection: sociological analysis]. *Diskussiya*. 11 (41). pp. 72–77.

19. Prokhorova, E.M., Fadeeva, Yu.V. & Fodorya, A.Yu. (2011) Sotsial'nyy institut vzaimopomoshchi v sovremennoy molodoy sem'e Podmoskov'ya [Social institution of mutual assistance in a modern young family of the Moscow region]. *Servis Plus*. 1. pp. 28–36.
20. Kolomasova, E.N. (2005) *Institut pomoshchi v sisteme semeyno-rodstvennykh otnosheniy* [Institution of assistance in the system of family relations]. Sociology Cand. Diss. Saransk.
21. Sharin, V.I. & Kul'kova, I.A. (2019) Vliyanie pomoshchi starshego pokoleniya na rozhdaemost' v Rossii [The influence of the older generation's assistance on the birth rate in Russia]. *Narodonaselenie*. 2. pp. 40–51.
22. Lylova, O.V. (2002) Neformal'naya vzaimopomoshch' v sel'skom soobshchestve [Informal mutual assistance in the rural community]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 2. pp. 2–8.
23. Mironova, A.A. (2014) Rodstvennaya mezhpokolennaya solidarnost' v Rossii [Family intergenerational solidarity in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 10. pp. 136–142.
24. Reutova, M.N. (2018) Obmen resursami v setyakh vzaimopomoshchi: realizatsiya printsiipa retsiprochnosti [Resource exchange in mutual assistance networks: implementation of the principle of reciprocity]. *Diskurs*. 4 (18). pp. 177–187.
25. Burmykina, O.N. (2018) Dynamics of St. Petersburg students views on the family and intergenerational relations (2007–2017). *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya – Petersburg's Sociology Today*. 9. pp. 27–46. (In Russian).
26. Popova, L.A. (2015) *Mezhpokolencheskie otnosheniya v sovremennoy rossiyskoy sem'e. Nastoyashchee i budushchee sem'i v menyayushchemsya mire* [Intergenerational relations in a modern Russian family. The present and future of the family in a changing world]. Moscow: Ekon-Inform.

Received: 04 June 2021

ИСТОРИЯ

УДК 93

Д.Н. Беспалько

ОРГАНИЗАЦИЯ ОХОТНИЧЬЕ-ПРОМЫСЛОВОГО ХОЗЯЙСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ВИТИМО-ОЛЕКМИНСКОГО ОКРУГА В 1930–1938-е гг.

Раскрыты особенности поквартальной разверстки и ее выполнение, проблемы организации труда и преодоления системного кризиса промысловой отрасли народного хозяйства, сроки промыслового сезона, техника заготовки пушно-мехового сырья на территории Витимо-Олекминского округа в 1930–1938 гг. Подчеркивается, что окружные и краевые власти в обозначенные хронологические рамки были вынуждены спешно решать сложный комплекс проблем, проявившихся на территории региона еще в дореволюционное время и обострившихся в период 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: Витимо-Олекминский округ; охотничье-промысловое хозяйство; планирование пушнозаготовок; организация труда; пушно-меховое сырье.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что важнейшая отрасль экономики – охотничье-промысловое хозяйство Витимо-Олекминского национального (эвенкийского) округа, располагавшегося на севере Забайкальского края и сопредельной Амурской области в 1930–1938 гг.¹, в отечественной историографии практически не разработана. Между тем речь идет о серьезной попытке создания высокодоходного промыслового комплекса в очень сложных природно-климатических условиях Крайнего Севера и преобладания кочевых форм организации жизненного уклада коренного населения, эвенков и якутов.

Историография вопроса об общем проектировании и развитии сходного с Витимо-Олекминским типом охотхозяйства на территории Западной и Восточной Сибири представлена рядом исследований. Среди них необходимо выделить труды Ю.А. Кудрявцева [1], М.М. Пальгунова [2], Г.В. Полубояринова [3], Г.Е. Рахманина [4], Д.Н. Данилова [5], В.Н. Скалон [6] и др. Отмеченные авторы подчеркивали, что промысловое хозяйство для Сибири, в особенности коренных народов, является жизненно важной составляющей, без научно-технического развития которой невозможно добиться экономического прогресса в регионе. Именно с этой целью на территории Ненецкого, Эвенкийского, Ханты-Мансийского и других национальных округов происходило устройство колхозов и производственно-охотничьих станций (ПОС). В то же самое время по истории Витимо-Олекминского округа таких изысканий не проводилось. Имеются только работы общего плана у Т.А. Константиновой [7, 8] и Д.Н. Беспалько [9], обозначивших основные направления окружного социально-экономического развития, что позволило актуализировать научную разработку истории экономического потенциала северных территорий РФ в Забайкалье и Приамурье в период 1930-х гг.

Источниковая база рассматриваемой проблемы представлена, прежде всего, неопубликованными материалами ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Среди них необходимо выделить документы окружного и краевого планирования пушнозаготовок, существенно отличающихся друг от друга и

потому нередко приводящих заготовительные конторы к реализации наиболее удобных показателей. Весьма информативны и содержательны отчетные материалы, посвященные хозяйственно-культурному строительству округа за 5 лет, с 1931 по 1936 г. В документах обозначены основные направления развития традиционных отраслей хозяйства – пушного промысла, оленеводства и рыболовства. Составители юбилейных отчетов отразили не только достигнутые успехи, но и не обошли стороной многочисленные трудности, связанные с отсутствием в округе полноценного охотоведческого аппарата управления и слабо решаемых организационно-технических проблем. Крайне противоречиво представлены итоги коллективизации оленных стад и обобществления лесных массивов, что выразилось в сомнении дальнейшей рентабельности пушного промысла. Особняком стоят экспедиционные материалы. В 1930–1933 гг. в округе работал целый ряд землеустроительных и исследовательских экспедиций, включавших в свой состав опытных охотоведов из московских и иркутских научных учреждений, способных на месте разобраться в ситуации и предложить действенный план по разрешению назревших проблем. Экспедиции занимались организацией территориальных районов малых народов (эвенков), пригодных для автономного самоуправления, изучали статистико-экономическое состояние районов округа и одновременно реализовали рекомендательно-практические функции охотустроительных организаций. Используя в качестве научно-методического пособия труды Г.Е. Рахманина [4], Д.Н. Данилова [5] и инструкции Главного управления охоты и звероводства Народного Комиссариата земледелия СССР по проведению охотустроительных работ в Сибирском крае [10], была предложена обширная программа по изучению Витимо-Олекминских охотничьих угодий и их ресурсов [11. Л. 124–125; 12. Л. 1–57]. Собранный массив информации позволил выявить многочисленные организационно-технические проблемы, среди которых наиболее серьезными являлись обезличивание промысловых участков, примитивная организация труда и техника лова, неудовлетворительная первичная обработка заготов-

ляемого пушно-мехового сырья, существенное оскудение промысловой фауны и т.д. Выявленные проблемы свидетельствовали о затяжном кризисе, усугубленном процессом коллективизации, обобществления таежных участков и перевода кочевого населения на оседлый образ жизни. В округе велась исключительно хищническая эксплуатация угодий – заготовка наиболее ценных сортов пушнины и мяса диких животных без соблюдения правил сезонных ограничений. Нормативно-правовые основы регулирования процесса и права охоты, борьбы с браконьерством, деятельности контролирующих народные промыслы инстанций отсутствовали. Дорожно-транспортная инфраструктура на площади в 210 тыс. км², представляла собой ужасное сочетание полностью разбитых грунтовых дорог и достаточно опасных для передвижения горно-таежных троп, что в свою очередь значительно сужало возможности пушного промысла в отдаленных угодьях.

Предложенные экспедиционными руководителями меры содержали в своей основе эффективный охотостроительный проект, направленный на поэтапное создание промыслового комплекса хозяйства. Центральному руководству Витимо-Олекминского округа рекомендовалось закрепить таежные участки за колхозами, провести инвентаризацию угодий и воссоздать распавшиеся охотничьи объединения. В служебных записках, поступающих ответственным за промыслово-сырьевую экономику планово-заготовительным структурам, особо подчеркивалось, что реализовывать намеченные изменения предстоит в сложных условиях горно-таежного рельефа местности и малой плотности заселения, примерно 0,04 человека на км².

Основной целью данной статьи является комплексный анализ развития охотничье-промыслового хозяйства Витимо-Олекминского округа в очень непростой период преодоления его организационно-технического кризиса, последствий политики сплошной коллективизации и перевода кочевого населения, прежде всего эвенкийского, на оседлый образ жизни.

В первую очередь необходимо обратиться к вопросам состояния нормативно-правовых основ внедрения новой практики промыслового законодательства, регулирования процесса охоты, заготовок пушно-мехового сырья и мясной продукции. В значительной степени рационализация правовой сферы требовалась ради наведения порядка среди русских охотников, привыкших к бесконтрольной эксплуатации угодий. Последнее являлось следствием функционирования на протяжении прошлых столетий «закона тайги», известного своим специфическим отношением к использованию объектов живой природы, «божьему дару» – свободно доступному всем желающим, без соблюдения сезонных сроков охоты и учета состояния промыслового поголовья зверей. Ценные пушные виды, как, например, витимский соболь, выбивались полностью, лишая, таким образом, угодья возможности естественного восстановления прежней численности зверья. В то же самое время местное кочевое и полукочевое население соблюдало строгие принципы, не позволяющие брать от леса больше, нежели требовалось для удовлетворения личных потребностей.

На основании ст. 16 «Положения об охотничьем производстве РСФСР от 10 февраля 1931 г.» выходит обязательное постановление Витимо-Олекминского ОИК о сроках и способах производства охоты на территории округа с 1932 г. [13. Л. 53–55]. Правами производства охоты могли пользоваться все граждане по достижению 14-летнего возраста, получив охотничий билет. Временные ограничения накладывались лишь на браконьеров. В отношении туземного населения сохранялись древние обычаи: эвенкийские и якутские охотники освобождались от выборки охотничьего свидетельства, и на них не распространялось указанное выше возрастное ограничение. Сроки охоты устанавливались в достаточно широком и удобном диапазоне, равномерно охватывая осенне-зимний, зимне-весенний и отчасти летний периоды. На подавляющее большинство видов пушных зверей охота разрешалась с 20 октября по 1 марта; на зайца – с 1 октября по 1 марта; на тарбагана (сурка) – с 15 августа до залегания в спячку; пантовые (охота на изюбей) – с 15 июня по 15 июля; на местную пернатую дичь (глухарь, тетерев, рябчик) – с 15 августа по 1 апреля и весной с 25 апреля до 25 мая; на перелетных водоплавающих птиц (утки, гуси, лебеди и др.) – с 1 августа – до отлета и весной с момента прилета и до 1 июня. Тем не менее в ряде случаев население на местах, живущее исключительно охотой, ходатайствовало в РИ-Ки о продлении на 1–2 недели заготовительного сезона. Подобные же просьбы неоднократно зафиксированы и от охотников-колхозников, обосновывающих недостаточность установленных сроков охоты непредсказуемостью природно-климатических факторов, особенностями организации труда или вероятным срывом заключенных с районными заготовительными конторами (РЗК) договоров [14. Л. 15, 21, 37]. Запрещались варварские способы охоты при помощи самострелов, сетей и ям. Особое внимание в правилах охоты уделялось борьбе с вредными для народного хозяйства хищниками, такими как волк, росомаха, рысь и медведь. Разрешалось уничтожать на протяжении всего года как взрослых особей, так и детенышей [15. Л. 3].

В соответствии с «Временным положением об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР» утвержденным в 1926 г. ВЦИК и Совнаркомом РСФСР наблюдать за соблюдением сезонных правил охоты в местах традиционных кочевий эвенков и наиболее продуктивных угодьях изначально хотели обязать создаваемые кочевые советы [16. Л. 6]. Являясь частью исполнительно-распределительных органов власти, а, по сути, сохраняя прежнюю родовую структуру управления, последние, как полагалось, могли вполне эффективно вести борьбу с незаконной заготовкой пушной и мясной продукции, дополнительно следить за состоянием промысловой фауны и т.д. Ожидания оказались нереализуемыми в силу немногочисленности коренного населения и отсутствия в его среде культурно-правоохранительных начал свойственных юридически образованному сотруднику охотуправления европейской части Советского Союза. В конечном итоге, заниматься основной частью наблюдательно-охранительного комплекса

дел поручили райисполкомам, сельсоветам, милиции и членам охотничьих кооперативных организаций, оставив за кочевыми советами вспомогательные функции. Однако до разукрупнения округа в 1938 г. принятые на бумаге меры соблюдались лишь отчасти. Егерская и лесная службы были малочисленными, не хватало сотрудников милиции, а сами охотники к проблеме осуществления незаконного отстрела дичи или чрезмерной эксплуатации угодий относились как к личному и неотчуждаемому праву. Специфика северных условий региона, большие размеры и слабо заселенность территорий, постоянная текучка кадров в конечном итоге заставили местные власти отказаться от методов силовой политики повсеместного пресечения случаев нарушения промыслового законодательства. В документах отдела внутренней торговли Витимо-Олекминского ОИК сохранились сведения, позволяющие, по мнению Т.А. Константиновой утверждать, что в ряде случаев администрация окружного центра пос. Калакан пыталась вести борьбу путем повышения общеобразовательного и культурного уровня населения, разъяснения приезжими специалистами-охотоведами и передовиками промысла о пользе и значимости установленных правил, что без их соблюдения семьям промысловиков не добиться подлинного материального благополучия [7. С. 155].

Таблица 1
Среднегодовые показатели заготовок
пушно-мехового сырья, тыс. руб.²

Год	Краевой план	Окружной план	Итог
1930	307	250	164
1931	350	323	166
1932	461(511)	432 (532)	340 (440)
1933	795(830)	757	454
1934	695	595	359
1935	734	617	500
1936	671(707)	574	880
1937	–	892	1126
1938	–	1237	Менее 70% по причине расформирования округа

Планирование заготовок пушно-мехового сырья до 1936 г. осуществлялось одновременно окружными и краевыми структурами [17. Л. 17], из-за чего случалась путаница – на какой план ориентироваться. Основным недостатком планов пушнозаготовок являлось то, что они составлялись без учета тех потенциальных возможностей и действительных условий, которыми располагал округ, а именно: количества охотников, индивидуальной нормы отстрела, условий завоза товаров и т.д. Планы, как показано в табл. 1 составлялись завышенными и не выполнялись [18. Л. 30, 33, 37, 45–47]. Заготовительные конторы и колхозы, получив сначала окружной план, а затем краевой (отличающийся в сторону повышения показателей добычи на 15–20%), по своему усмотрению могли принять решение в пользу наиболее удобного.

В 1932 г. план заготовок по пушнине был внезапно увеличен на 30% и возросло давление краевых заготовительных структур на окружные РЗК, что привело к хищническому истреблению зверья. Из докладной записки инструктора Комитета Севера при ВЦИК

РСФСР об итогах обследования округа за 1932 г. следует, что охотники массово производили отстрел беременных самок всех без исключения промысловых видов, не соблюдали квоту отстрела, уничтожая все подряд [19. Л. 4–4 об.]. Угодия неизбежно оскудевали. Наметилась незначительная тенденция к убыли промыслового контингента, как показано в табл. 2, с 1932 по 1937 г. Затем, в 1938 г. численность охотников возросла до уровня 1932 г. [20. Л. 9–11]. Общие показатели заготовок снизились по сравнению с 1920-ми гг. в среднем на 30–40% [21. Л. 89].

Таблица 2
Количество зарегистрированных охотников округа,
имеющих право производства охоты

Район	Год								
	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938
Гунгиро-Олекминский	157	157	164	143	123	135	136	135	186
Гунгокоченский	82	82	115	117	238	242	233	233	197
Каларский	64	64	351	293	214	207	153	153	185
Нюкжинский	173	173	156	156	154	163	142	142	196
Калаканский п/с	60	60	62	105	73	84	63	64	87
Всего по округу	536	536	848	814	802	831	727	727	850

Причинами складывания и развития подобной ситуации являлись, с одной стороны, трудности процесса коллективизации, а именно обобществления оленьих стад и промысловых угодий без внятно продуманной системы функционирования новой организации труда. Олени были основным видом транспорта для заброски охотников в тайгу, без их использования была невозможна сколько-нибудь эффективная эксплуатация угодий. В новых же условиях председатели колхозов, получив в свое распоряжение оленьи стада, главный упор делали на зимние грузоперевозки, осуществляемые на оленьих упряжках. Сказывалось общее сокращение численности оленестад. В 1931 г. поголовье оленей насчитывало 17 384 головы, а в 1936 г. – около 11 000 [22. Л. 6], в то время как реальная потребность, неоднократно указываемая в хозяйственных отчетах, составляла более 20 000 голов. Данное положение дел напрямую связано с политикой коллективизационного «перегиба», которой было охвачено более 60% хозяйств, – создавались колхозы, оленеводческие молочно-товарные фермы, т.е. рушился хозяйственный многовековой уклад кочевой жизни эвенкийского народа, проверенный временем. С другой стороны, райисполкомы и сельсоветы очень слабо руководили организацией охотпромысла, планы до колхозов, бригад и отдельных охотников не доводились вовсе или с большим опозданием, не прорабатывались в деталях; отсутствовал контроль за ходом выполнения планов; слабо развернута работа по мобилизации вторых членов семьи на промысел; охотники игнорировали заготовку цветной пушнины; РЗК не обеспечивали охотников должным количеством продуктов питания, патронов, палатками и другими необходимыми товарами [23. Л. 148].

Если рассматривать поквартальную разверстку и ее выполнение, то основная нагрузка приходилась на I

и IV кварталы, которые выполнялись на 90–120%. II квартал чаще всего обеспечивал выход пушно-мехового сырья не более чем на 50%, III квартал – на 50–80%. Охотники в подавляющем большинстве отказывались заключать договоры контрактиции на II и III кварталы, мотивируя отказ тем, что «охотиться в этот период времени только на бурундука, по причине низкой цены на его шкурки, не выгодно». Усугубляло ситуацию отсутствие широкой культмассовой работы среди промыслового населения, находящейся в компетенции заготовительных организаций округа [24. Л. 19].

Общепринятые нормы индивидуального отстрела зависели от района и урожайности промысловых видов. В начале 1930-х гг. средняя норма отстрела по районам составляла 306 руб. на охотника, затем с 1935 г. показатели составили 650–850 руб. [25. Л. 20]. К 1938 г. цифры существенно возросли благодаря развернутому стахановскому движению: 1 250–1 300 руб. [26. Л. 185]. В передовики зачисляли охотников, выполнивших план на 180–200% от нормы [27. Л. 10].

Таблица 3
Среднегодовые показатели заготовок с разбивкой по видовой принадлежности

Промысловый вид	Количество	Цена, руб. за шт.
Белка	176 000	3,5
Бурундук	14 000	0,3
Волк	60	75
Рысь	100	100
Медведь	15	35
Горностай	610	7
Колонок	670	12
Солонгой	850	4
Заяц	515	1,5
Тарбаган	240	4
Лиса	260	75
Соболь (до 1935 г.)	15	300–400

Основным промысловым видом, как видно из табл. 3 [28. Л. 7–9] являлась белка. Остальные виды заготавливались нерегулярно ввиду отсутствия у охотников самоловного оборудования. К этой проблеме мы еще вернемся. Данные по добыче копытных и боровой дичи учету подлежали слабо. Как правило, в заготовки шла незначительная часть добытого. Практически всё оседало у охотников и местного населения в качестве продуктов питания и материала для разного рода поделок. 4 октября 1936 г. в связи с резким сокращением численности поголовья лосей и изюбрей Востсибкрайисполком ввел временный запрет на добывание этих видов [25. Л. 40]. Заготовку запретили, а закупать мясо в соседних регионах без своевременного разрешения высшего окружного руководства оказалось невозможно, поэтому ряд районов округа остался совершенно без мясных продуктов питания. Проблему пришлось решать путем завоза говядины через Заготскот [29. Л. 1]. В отношении коренного населения, ввиду исключительного значения мяса в рационе, с 1937 г. разрешался отстрел не более 3 голов в год на одно хозяйство для личного употребления [30. Л. 33].

Существенной проблемой явилась борьба с хищниками. Несмотря на предписываемое промысловым законодательством их повсеместное уничтожение,

наблюдался противоположный процесс. Наибольший ущерб наносили волчьи стаи, периодически нападающие даже на оленей упряжки, задействованные в почтовой перевозке. По неполным данным, в среднем за год хищники истребляли до 2,2% оленей от общего поголовья животных [31. Л. 40–42]. При этом с 1931 г. по март 1938 г. охотниками округа был уничтожен всего 491 волк, а завоз сторожевых волкодавов предусматривался только на конец 1938 – начало 1939 г. [26. Л. 129]. Эвенкийские охотники-оленьеводы отказывались добывать волков по причине традиционных суеверий «если не трогать волка, утверждали они, то зверь так же не тронет оленей» [31. Л. 44]. Русские промысловики били волка редко, скорее случайно, нежели целенаправленно. Отравляющее средство стрихнин практически не применялось [32. Л. 6–11]. Виной тому была трудность добывания и сравнительно низкая стоимость шкуры: волчица – 60–75 руб., волк – 40 руб., волчонок – 20 руб. [32. Л. 4]. Исправить ситуацию в лучшую сторону можно было только в сочетании методов административно-культурного воздействия и материального стимулирования, т.е.кратно повышая стоимость сдаваемой пушнины.

В качественном отношении документы фондов не дают возможности сделать строго объективный вывод, поскольку сведения крайне разрознены и неполны. Тем не менее, по имеющимся данным, можно утверждать, что до начала 1930-х гг. пушнина I сорта уверенно лидировала в системе районных заготовок. Затем ее удельный вес начинает снижаться до 50–60%, II сорт – 20–30%, значителен процент брака, от 10 до 20% [33. Л. 11–17]. Причинами данного явления, несомненно, послужила погоня за количеством, стремление охотников вырваться в передовики и улучшить свое материальное положение, слабая организация подготовки молодых промысловиков (их часто и небезосновательно именовали «праздные палы») и порой некачественные охотничьи боеприпасы. Для повышения качества сдаваемой пушнины были предложены и внедрены весьма действенные меры. На ежегодных охотничьих слетах в пос. Калакан и других относительно крупных населенных пунктах организовывалась учебно-разъяснительная работа: охотников обучали навыкам первичной обработки пушнины, а приемщиков в РЗК правильной оценке сдаваемого сырья. Заставляли учить стандарт и содержание практического пособия «Что должен знать приемщик пушмехсырья». Случаи неправильного определения кряжа белки заставили краевые охотхозяйственные структуры отправлять во все районы округа людей, имеющих специальность охотоведа-пушника, и выделять средства для проведения курсовых мероприятий со всеми заготовителями низовых точек [18. Л. 40]. Не последнюю роль сыграло предложение налагать штрафы за низкое качество выделки шкурки и присвоение звания «бракодела лесного промысла» [25. Л. 75–87].

Проблемы организации труда и преодоления системного кризиса, разразившиеся в данной сфере еще в 1920-е гг., решались с трудом. Прежде всего, требовалось проведение охотустройства и районирование угодий, как изначально и планировали охотоведче-

ские инстанции. Тем не менее внутрихозяйственное охотустройство и районирование, т.е. отграничение угодий от территории общего пользования и составление перспективного плана ведения хозяйства в соответствии с целевым назначением в округе не производилось. Требуемая инвентаризация угодий, составление охотхозяйственных карт и учет промысловой фауны [10] остались нереализованным планом. Работа по юридическому закреплению промысловых участков за коллективными хозяйствами развернулась только в 1950-е гг., несмотря на то что положительный опыт европейской части Советского Союза уже в 1930-е гг. свидетельствовал о необходимости скорейшего перехода к данной практике. Объяснить заторможенное топтание округа на месте в этом отношении, можно только отсутствием окружного охотоведческого аппарата, который бы умел ставить и правильно решать организационно-технические и биологические вопросы. С другой стороны, отпускаемые краевым центром средства на капитальное строительство по линии охотустройства использовались не по назначению. Финансовые ресурсы распределялись в иные отрасли народного хозяйства, в частности в животноводство и полеводство, малорентабельные в существующих природных условиях округа [20. Л. 67–68]. До охотхозяйства доходили незначительные суммы, явно недостаточные для проведения задуманного в начале 1930-х гг. комплекса практических мероприятий.

Производительность труда в охотхозяйстве находилась на низком уровне. Требовалось скорейшее решение данной проблемы, представляющей основную задачу отрасли. Вопрос по возрождению охотничье-промысловых артелей и бригад, исчезнувших в связи с резким сокращением численности соболя, поднимался не только на колхозных собраниях, но и неоднократно на окружном уровне. Документы фондов внутренней торговли округа и управления охотничьего хозяйства Читинской области свидетельствуют, что охотники-одиночки не справлялись с объемом плановых задач [16, 25, 30]. Только организованные группы могли провести качественную подготовку к промысловому сезону: осуществить предпромысловую разведку, наметить наиболее богатые пушшиной участки, поддерживать в порядке промысловые тропы и таборные строения. В районах Крайнего Севера Западной и Восточной Сибири ради преодоления схожей проблемы (не всегда удачно) создавались ПОС, в чью компетенцию входило строительство факторий, оборудование угодий, поддержание и прокладка новых троп, снабжение промысловиков и т.д. По своей сути, они должны были помогать колхозам в организации полноценной промысловой деятельности, наподобие МТС в земледельческих районах [34. С. 68–81]. На деле же образованные ПОС Витимо-Олекминского округа оказались в малой степени обеспечены материально-технической базой, не имели собственных кадров специалистов-охотоведов и охотников, превратившись в конечном итоге в районные отделения заготовительных контор. РЗК в свою очередь пытались переложить на плечи кочевых советов и председателей правления колхозов ответственность за орга-

низацию промыслов, но безуспешно. Кочевые советы могли принимать активное участие в содействии организации и развитию промыслов, а также внедрении новых средств и орудий охоты лишь в своей, традиционной и не слишком многочисленной среде. Председатели колхозов, имея, за редким исключением, возможность оказать содействие, не спешили с помощью. Виной тому являлась система договорных отношений между охотниками и заготовительными конторами. Анализ статистических данных показывает, что основную часть пушно-мехового сырья добывали охотники-колхозники, соответственно, колхозы желали иметь некоторую долю выручки с промысловой деятельности своих членов. В свою очередь, РЗК на этом экономили. Существовало две формы договоров на сдачу пушнины – содействия и прямые. Более 90% удельного веса договоров приходилось на первую форму – содействия, по которой колхозы (на основании решения РЗК) были обязаны выделять на промысел заранее оговоренное количество охотников, освободив их от сельскохозяйственных и грузоперевозочных работ. Колхоз в данном случае получал от РЗК 4% от общей стоимости пушнины, сданной охотником. Вторая форма предполагала более высокую выплату – 8%, но при этом колхозы должны были заниматься организацией предпромысловой разведки и промысла, выделять транспортных оленей и т.д. РЗК считали 8% отчисления чрезмерными, поэтому чаще всего отказывались от заключения прямых договоров, предпочитая договоры содействия, но при этом требовали от колхозов соблюдения условий организации труда как при прямых. Получался замкнутый круг. Руководство округа, стремясь найти решение, подкрепленное соответствующим постановлением Комитета Севера, обратилось к материалам инструкции «По распределению доходов в северных смешанных промысловых артелях районов Крайнего Севера за 1934 г.» и внесло предложение организовать сдачу всей продукции охотпромысла заготовителю через колхозы, чтобы последние могли получать, как того требовала обстановка, не менее 15% от стоимости пушнины [35. Л. 97]. Однако своевременно реализовать прогрессивные положения инструкции не удалось, поскольку центральные структуры заготовительного аппарата были против реализации данного предложения.

Дополнительно ситуацию осложняла действующая система предоплаты труда в виде начисления 10–15% аванса от суммы заключаемого договора. Для промыслового населения подобная практика являлась жизненно необходимой. Подавляющее большинство охотников округа (прежде всего из числа русского населения и перешедших к оседлому образу жизни эвенков/якутов) не имели средств к существованию уже в августе-сентябре, при том что весенняя пушнина составляла до 65% товарной продукции. Летняя заготовка изюбриных пант (пантовье) не позволяла много заработать, а после введения запрета охоты на крупных парнокопытных округа и вовсе прекратилась. Нужда брать вещи, боеприпасы и продукты авансом, под пушнину наступающего в октябре IV сезона, привела в конечном счете к неразберихе во

всей авансовой системе. Случаи заключения договора одного охотника сразу с несколькими факториями РЗК ради получения большей предоплаты стали нормой. Сводки факторий, кооперации и Райинтегралсоюза свидетельствуют, все районы округа страдали от подобного порока [22. Л. 15]. Образовывалась огромная долговая яма, на покрытие которой уходила значительная часть окружного бюджета. Полностью разобраться с проблемой до 1938 г. краевые власти так и не успели, но в качестве компромисса предложили внедрить более значительные нормы авансового расчета для охотников с хорошей репутацией: под договоры контрактации колхозникам выделять 25% от итоговой суммы заключенного договора, а единоличникам – 20% с неременным прописыванием условий: видового количества и качества сдаваемой пушнины, сроков сдачи и т.д. [25. Л. 24]. Как видно, это полумеры, в то время как решить проблему можно было только путем охвата всех охотников бригадным объединением. В данном случае бригадир нес полную ответственность за форму заключаемого договора, за получение единовременного и общего аванса, своевременно заботился о включении в промысловую группу 1–2 передовиков для передачи опыта молодежи и т.д.

Организация снабжения необходимыми для работы в тайге припасами до середины 1937 г. функционировала на грани срыва промыслового сезона, поскольку система северного завоза в регионе испытывала серьезные организационные трудности. По причине отсутствия товаров у РЗК часть охотников отказывались выходить в тайгу и терпеть лишения. Бывало, фактории выдавали некачественные и просроченные продукты питания [36. Л. 9]. Заготовительные конторы обвиняли в несвоевременном завозе или полном отсутствии товаров первой необходимости краевые заготовительные организации и руководителей перевалочных баз, через которые осуществлялось окружное снабжение, – Читу, Нерчинск, Романовку [24. Л. 18]. Сгоряча в начале 1937 г. окрисполком хотел даже приравнять к «вредительству» срыв снабжения охотников. Правда, обошлось без громких уголовных преследований [37. Л. 50].

Ежегодно с ноября охотники, выходящие на промысел, начинали испытывать дополнительные затруднения – заготовив определенное количество пушнины, не знали, куда ее следует отгружать. До 1937 г. разъездные ларьки, за очень редким исключением, опаздывали к намеченным точкам сбора или вовсе не приезжали [31. Л. 113]. Поставленные в столь затруднительное положение люди проблему решали двояко: самостоятельно доставляли пушнину в факторию, теряя при этом время, или завершали промысловый сезон. Ключевым фактором слабо поставленной работы разъездных ларьков служил, прежде всего, неразрешенный вопрос выделения колхозных оленей. Окрисполком при помощи мер административного воздействия с переменным успехом осуществлял необходимое давление на председателей колхозов и руководителей РЗК, попутно решая вопросы медицинского и культурного обслуживания промысловиков в условиях зимней тайги. В частности, в

1934 г. выходит постановление, по которому предписывалось, в соответствии с решением Крайкома ВКП(б), организовать медицинское и ветеринарное обслуживание охотников и ездовых оленей на промысле, в должном количестве обеспечивать простейшими медаптечками, куда должны входить порошки от головной боли, кашля, кишечно-желудочных заболеваний и жаропонижающие препараты [38. Л. 116]. В области культурного досуга ситуация развивалась ровно в противоположном направлении. Известны лишь единичные случаи отправки устаревших на несколько месяцев газет и непроведения культурно-просветительных мероприятий в местах организационно-сдаточного сбора [22. Л. 18].

Техника заготовки пушно-мехового сырья после исчезновения соболя и в особенности обобществления лесных массивов сместилась в пользу исключительно ружейной охоты, чаще всего без обученных собак. Самоловное оборудование применялось очень редко, приходилось даже выпускать специальные обучающие листовки для охотников [39. Л. 207–209]. В значительной степени отказ от использования стационарных ловушек произошел не из-за их малой эффективности, а по причине обезличивания угодий, случившегося после национализации земли и в особенности политики сплошной коллективизации [40. Л. 163–164]. До коллективизации русские крестьяне, эвенки и якуты округа единолично владели определенными участками тайги, где каждый владелец имел твердую уверенность в том, что на следующий сезон он вернется в угодье и будет заготавливать пушнину, ибо это зависело только от него. Каждый охотник имел свое зимовье или юрту. В силу обычного права происходило своеобразное охотустройство – Витимо-Олекминская тайга разделялась на отдельные участки, где из года в год охотились одни и те же люди. Особых нарушений установившихся границ не наблюдалось. Поэтому охотник смело рубил самоловы, зная, что никто не нарушит права его собственности. При коллективном ведении хозяйства тайга обезличивалась, охотник стал зависеть от положения дел в колхозе, от воли коллектива. Коллектив на общем собрании мог принять решение в пользу другого охотника, а номинального собственника зимовья и таборного имущества направить на зимние грузоперевозки. Или отпустить, но поздно, когда его место в тайге займут и начнут пользоваться стационарным оборудованием как частью колхозной собственности. Эта неуверенность заставила охотников отказаться от самоловов. Из воспоминаний старожилов, рассказанных руководителю Каларской охотоведческой экспедиции 1950–1951 гг. В.И. Вигскому, видно, что в 1930-е гг. разнообразный технический арсенал, состоящий некогда из десятков разнообразных силков, капканов, рубленных плашек и кулемок, сократился до пары старых капканов на одного охотника [31. Л. 101–106].

Освоение угодий велось преимущественно по долинам рек, где имелась возможность более-менее удобного передвижения по льду и наличие некоторого количества прибрежно-промысловых троп. На поддержание их стабильного состояния, расчистку заброшенных и прокладку новых окружной бюджет

ежегодно получал средства от краевого. Но использовались они, как показало изучение финансовой статистики, не по целевому назначению [20. Л. 67–68]. Значительные участки тайги, в том числе высокопродуктивные, но отдаленные лиственничные насаждения поэтому оставались без внимания. Данное обстоятельство приводило к максимальной эксплуатации территорий, непосредственно прилегающих к населенным пунктам, и наоборот, отдаленные забрасывались на неопределенное время. По оценкам специалистов, промысловой эксплуатации подвергалось не более 40% территории округа.

Сроки промыслового сезона укладывались в индивидуальный распорядок конкретного охотника. Четко обозначенные временные рамки существовали только на бумаге, так как, выйдя на промысел, последний не всегда имел твердую уверенность в сроках, его могли в любой момент отозвать и перевести на зимние грузоперевозки. Постановления Окрисполкома о запрете снятия охотников с промысла [38. Л. 115–116] выполнялись плохо.

Бюро окружкома ВКП(б) на протяжении всего периода существования округа признавало ход пушных заготовок по линии Интегралкооперации ОИК и Востсибпушнины, как главных РЗК, совершенно неудовлетворительным. Общее количество факторий с 1931 по 1935 г. выросло с 6 до 35, а затем началось сокращение, в 1938 г. осталось 30. Интегралкооперация, подчиненная Народному Комиссариату снабжения РСФСР, постоянно запаздывала с развертыванием полномасштабной заготовительной компании, а фактории Востсибпушнины (ВСП) отличались недоброкачественной работой и вызывали массу нареканий. Сохранились случаи навязывания охотникам ненужных или лишних товаров [41. Л. 10 об.]. В местах приемки пушнины контора ВСП допускала обсчет и обвешивание неграмотных охотников [38. Л. 115]. В 1936–1937 гг. в массовом порядке совместно с Облпотребсоюзом производила жульнический расчет при приемке беличьей пушнины. Охотники добывали белку якутского кряжа, а фактории ее классифицировали как забайкальскую, соответственно, производили приемку по заниженной расценке в 3,5–4,3 руб., а не в 6, как полагалось. Обсчет составил более 229 тыс. руб. [25. Л. 3–9]. Местный печатный орган «Витимо-Олекминская правда» воткрытую обвинял контору в торгашестве и прочей подрывной деятельности [42. Л. 4]. Если посмотреть сметы организационных расходов ВСП по округу, то в графах практически отсутствуют данные о запланированном строительстве охотизбушек, проведении культмассовой работы с охотниками, заботе об их полноценном обеспечении [43. Л. 1–2]. Попутно в Усть-Нюкжинском сельсовете руководители факторий и их подчиненные спаивали эвенкийских охотников спиртом и по бросовым ценам скупали пушнину, практиковали азартные игры в карты и забирали в качестве выигрыша оленей [44. Л. 11]. Охотоведческие структуры края с 1934 г. настаивали на ликвидации ее факторий в округе с неременной заменой на Союзпушнину (с возможной передачей ее руководству контроля пушнозаготовительной работы Интегралкооперации ОИК), прини-

мавшую незначительное долевое участие в окружных заготовках [45. Л. 10–10 об.]. Целесообразность оставления только одной заготовительной конторы общесоюзного значения позволяла избежать промыслового ажиотажа, параллелизма хозяйственных и двойного авансирования.

Важной составляющей охотничье-промыслового хозяйства Витимо-Олекминского круга стала реализация программы биолого-зоотехнических мероприятий, направленных на реакклиматизацию соболя витимского кряжа и поэтапного обогащения промысловой фауны. В 1935 г. в силу вступил 5-летний общесоюзный запрет на добычу соболиной пушнины, но к восстановлению популяции витимского соболя приступили только в начале 1950-х гг., так как в 1930-е гг. отсутствовала необходимая материально-техническая база [46. С. 60–64]. Обогащение промысловых угодий происходило по пути завоза и выпуска в естественные условия обитания менее ценных пушных видов. Из наиболее подходящих вариантов охотоведы выбрали ондатру. К акклиматизации зверька приступили в 1932 г. на территории Муйской долины Каларского района, а промыслового значения вид достиг уже в 1938 г., что позволило в 1946 г. на базе огромного количества естественных водоемов создать ондатровый промхоз, занимавший территорию в 1 600 км² [9. С. 5–11].

На 1938–1942 гг. охотхозяйственные структуры разукрупненного в 1936 г. Восточно-Сибирского края намечали обширный план решения организационно-технических и биолого-зоотехнических проблем округа [22. Л. 16–17]. Во-первых, предполагалось раз и навсегда покончить с преобладанием системы заключения договоров содействия, имея ввиду расширение практики прямых договорных начал, тем самым материально стимулируя колхозы к интенсификации предпромысловых и сезонно-заготовительных работ. Чтобы фактории РЗК не имели возможности пользоваться разнообразными лазейками, требовалось внесение соответствующих поправок в нормативно-правовую базу, отвечающую за организацию пушно-сырьевых заготовок. Однако осуществить подобный шаг в условиях изучаемого времени не представлялось возможным. Главное управление охоты и звероводства Народного комиссариата земледелия СССР всемерно поддерживало установленные ранее правила заготовок по линии охотник – колхоз – РЗК, они должны были функционировать и дальше. Во-вторых, предполагалось усилить первичные объединения охотников постоянно действующими бригадами и артелями. Охотоведы прекрасно понимали, что бригадная основа промыслового труда в новых условиях отсутствия прямой рыночной конкуренции формировалась, можно сказать с нуля, соответственно, кооперирование средств производства охоты нуждалось в более радикальной ломке частнособственнических стереотипов мышления. Но это в свою очередь вело к возникновению в охотничье-промысловой среде пессимистических настроений относительно дальнейшей рентабельности охотпромысла в округе как основной отрасли таежного хозяйства. Были сомнения в правильности его коллективизации и эффективности возрождения бригадной организации труда, на что

окружные власти раз за разом давали понять, что несмотря ни на какие трудности, «...при слабой обеспеченности оленями охотничьего населения, при слабом развитии рыболовства и при отсутствии перспектив на другие виды хозяйства, пушной промысел является и в дальнейшем будет являться одной из основных отраслей нашего таежного хозяйства, основным источником средств к существованию эвенкийского населения округа» [7. С. 154]. Добиться создания крепких промысловых коллективов в каждом колхозе планировалось в течении 3-й пятилетки. К сожалению, выявить в архивных документах внятно продуманного плана осуществления данного мероприятия не удалось. В-третьих, планировалось на кочевые советы возложить обязательное наблюдение за соблюдением сроков охоты, содействие внедрению новых средств и орудий охоты, организации и развитию промыслов, улучшению качества обработки пушно-мехового сырья путем организации кустарных мастерских в колхозах и простейших производственных объединениях. В-четвертых, организовать ряд заповедников. В частности, 10 июня 1941 г. выходит постановление Читинского облисполкома об организации на территории Каларского района Госзаповедника на редких зверей – горного барана, соболя и др. [47. Л. 21]. В-пятых, предполагалось продолжить обогащение промысловой фауны, постепенно подготавливая условия для завоза новых пушных видов. Осуществлять задуманное каждому району, входящему в округ, пришлось уже в составе иных региональных единиц, так как 1 сентября 1938 г. Витимо-Олекминский округ был расформирован.

Таким образом, можно заключить, что охотничье-промысловая отрасль экономики Витимо-Олекминского национального округа развивалась достаточно успешно. Предпринимаемые меры, несомненно, способствовали общему подъему пушно-сырьевой

отрасли хозяйства и повышению уровня производительности промыслового труда. Численность зарегистрированного охотничьего контингента постоянно колебалась: если в 1930 г. охотников было 536 (при общей населенности округа менее 10 000 человек), то в 1938 г. – уже 850 человек (численность населения превышала 15 000 человек). Увеличивались объемы сырьевых заготовок: со 164 тыс. руб. в 1930 г. до 1 126 тыс. руб. в 1937 г. С 1938 г. ежегодный план должен был доводиться в среднем до 1100 тыс. руб. Реализовывалась программа обогащения промысловой фауны и подготавливались условия для создания природоохранных зон. Но в то же самое время нельзя не сказать об имевших место просчетах. Наиболее уязвимыми оказались, с одной стороны, кадрово-финансовые проблемы – отсутствие окружного охотоведческого аппарата управления и использование отпускаемых средств на капитальное строительство промыслово-таежной инфраструктуры не по назначению. Именно они, на наш взгляд, явились главными причинами заторможенного развития всего организационно-технического комплекса промыслового хозяйства округа. С другой стороны, успешное строительство охотничьего хозяйства не могло состояться при быстрой трансформации древнейшего промысла, требовалось сохранить традиционные устои, по крайней мере, для коренного населения. Коллективизация земельной собственности и оленестад привела к ломке прежних устоев и вызвала недовольство в эвенкийской среде. Целесообразность осуществленных мер была очевидна не всем участникам этого процесса. Поэтому на каком-то этапе стоило поставить под сомнение правильность насильственных средств борьбы в отношении обобществления частной собственности и реализации права пользования промысловыми угодиями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Постановлением Президиума ВЦИК СССР от 10 декабря 1930 г. «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» создается Витимо-Олекминский национальный (эвенкийский) округ в районе компактного проживания забайкальских эвенков. Фактически оформление новой административно-территориальной единицы произошло 10 апреля 1931 г.

² Источниковая база планируемых к выполнению показателей содержит в одних и тех же документах различные сведения, поэтому в материалах статьи использованы данные, наиболее часто встречающиеся в отчетах (в скобках указаны дополнительные суммы запланированных показателей).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудрявцев Ю.А. Пути строительства охотничьего хозяйства. М. : Всерос. союз промыслово-охотничьих кооперативов «Всеохотсоюз», 1929. 123 с.
2. Пальгунов М.М. Техника организации охотничьих хозяйств. Архангельск : Огиз РСФСР. Сев. краев. отд-ние, 1931. 80 с.
3. Полубояринов Г.В. Организация охотничьего хозяйства. Л. : Гослестехиздат, 1934. 131 с.
4. Рахманин Г.Е. Организация и эксплуатация охотничьего хозяйства. М. ; Л. : Гос. изд-во с.-х. и колхоз.-кооп. лит-ры, 1932. 240 с.
5. Данилов Д.Н., Наумов Н.П., Топорков Н.Н., Формозов А.Н. Программа по изучению охотничьего промысла на Севере. Комитет Севера при Президиуме ВЦИК. Всес. науч.-иссл. ин-т пушного и охотничьего хоз-ва ВНИПО. Л. : Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. 64 с.
6. Скалон В.Н. Организация охотничьего хозяйства Сибири. Иркутск : Кн. изд-во, 1957. 84 с.
7. Константинова Т.А. История Витимо-Олекминского национального округа (1931–1938) // Читинский архивный вестник (Чит. регион. отд-ние Рос. о-ва ист.-архивистов). Чита, 2008. № 15. С. 153–158.
8. Константинова Т.А. Витимо-Олекминский национальный округ (1931–1938) // Край, устремленный в будущее. Чита : Экспресс-изд-во, 2008. 233 с.
9. Беспалько Д.Н. Развитие ондатроводческой отрасли охотничье-промыслового хозяйства на территории Витимо-Олекминского национального округа в 1930-е гг. // Забайкалье историческое : VIII межрегион. науч.-практ. конф. 29 ноября 2019 г. Чита : ЗабГУ, 2019. С. 5–11.
10. Алифатов Г.М., Пономарев Г.А. Как проводить приписку охотугодий в Сибкрае. Новосибирск : Сибкрайохотсоюз, 1929. 138 с.
11. Государственный архив Забайкальского Края (далее – ГАЗК). Ф. Р-612 (Исполнительный комитет национальных Советов Витимо-Олекминского национального округа Восточно-Сибирского края (1931–1937 гг.); Читинской области (1937–1938 гг.). Пос. Калакан). Оп. 1. Д. 57.
12. ГАЗК. Ф. Р-1649 (Управление охотничьего хозяйства администрации Читинской области). Оп. 1. Д. 2.

13. ГАЗК. Ф. Р-908 (Земельный отдел исполнительного комитета Витимо-Олекминского окружного Совета депутатов трудящихся, с. Калакан (1931–1938)). Оп. 1. Д. 2.
14. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 31.
15. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 61.
16. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 62.
17. ГАЗК. Ф. Р-149 (Плановый отдел Витимо-Олекминского исполнительного комитета национальных Советов пос. Калакан Читинской области (1931–1938)). Оп. 1. Д. 5.
18. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 248.
19. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 42.
20. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 197.
21. ГАЗК. Ф. Р-1584 (Читинская контора Дальневосточного отделения государственной импортно-экспортной торговой конторы «Госторг» (1921–1930)). Оп. 1. Д. 3.
22. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 196.
23. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 134.
24. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 204.
25. ГАЗК. Ф. Р-913 (Отдел внутренней торговли Витимо-Олекминского окружного исполнительного комитета национальных Советов, п. Калакан Читинской области (1931–1938)). Оп. 1. Д. 11.
26. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 318.
27. ГАЗК. Ф. Р-913. Оп. 1. Д. 12.
28. ГАЗК. Ф. Р-913. Оп. 1. Д. 16.
29. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 152.
30. ГАЗК. Ф. Р-913. Оп. 1. Д. 22.
31. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 36.
32. ГАЗК. Ф. Р-908. Оп. 1. Д. 99.
33. ГАЗК. Ф. Р-143 (Отдел народно-хозяйственного учета Витимо-Олекминского окружного исполнительного комитета национальных Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, п. Калакан (1931–1938)). Оп. 1. Д. 5.
34. Крайний Север к 1934 г. Сб. материалов по хозяйственному и культурному строительству. Приложение к журналу «Советский Север». М.: Власть Советов, 1934. 175 с.
35. ГАЗК. Ф. Р-908. Оп. 1. Д. 29.
36. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 277.
37. ГАЗК. Ф. Р-913. Оп. 1. Д. 13.
38. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 223.
39. ГАЗК. Ф. Р-908. Оп. 1. Д. 62.
40. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 48.
41. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 92.
42. Голобоков Л.К. Востибупушина стала на путь торгашества // Витимо-Олекминская правда. 1933. № 110.
43. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 79.
44. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 274.
45. ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 85.
46. Беспалько Д.Н. История развития соболиного промысла на территории Восточного Забайкалья (середина XVII века – 1960-е годы) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2019. № 4 (32). С. 53–65.
47. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 6.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 августа 2021 г.

Organization of Hunting and Trade Economy in Vitim-Olyokminsky District in 1930–1938

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 116–125.

DOI: 10.17223/15617793/470/14

Denis N. Bepalko, Transbaikal State University (Chita, Russian Federation). E-mail: bsepalkodenis84@mail.ru

Keywords: Vitim-Olyokminsky District; hunting and trade economy; planning of fur stocks; organization of labor; fur raw materials.

The article presents a comprehensive study of the problems of the hunting and trade economy of Vitim-Olyokminsky District in 1930–1938. The source base of the research is represented by documents of the State Archive of Zabaikalsky Krai that have not been introduced into academic discourse. Among them are documents of the district and regional planning of fur stocks, as well as reports on the economic and cultural development of the district over a 5-year period, from 1931 to 1936, which outlined the fundamental directions of the development of traditional sectors of the economy and, first of all, the fur trade. Particularly valuable are the field materials of land surveying and research expeditions, which left detailed reports on the statistical and economic state of the district. The study of the topic was carried out in accordance with the basic principles of historical research, the principles of objectivity and historicism. Based on these principles, the article defines and uses a number of methods of scientific knowledge: historical-genetic, historical-comparative, concrete-historical. In the course of the study, the following aspects are consistently analyzed: the state of the regulatory framework for the introduction of new practice in trade legislation, the regulation of the hunting process and the procurement of fur raw materials, their implementation and control in the hunting areas and organizational and delivery fees, objective difficulties in practical implementation, planning of fur harvesting by regional and district harvesting structures, the difference in indicators arising on a given soil. The features of the quarterly allocation and its implementation, the problems of organizing labor and overcoming the systemic crisis of the trade industry of the national economy, the timing of the trade season, the technique of procurement of fur raw materials are thoroughly disclosed. The implementation of the program of biological and zootechnical measures aimed at enriching the commercial fauna of the district is considered. The district and regional authorities, within the indicated chronological framework, were forced to hastily solve complex problems that existed in the region in pre-revolutionary times and aggravated in the 1920s–1930s. A significant part of the planned activities was implemented through trial and error; nevertheless, this contributed to the general growth of the fur raw material sector of the economy and an increase in the level of commercial labor productivity. At the same time, the greatest difficulties were in personnel and financial problems – they became the main reasons for the inhibited development of the entire organizational and technical complex of the district trade industry.

REFERENCES

1. Kudryavtsev, Yu.A. (1929) *Puti stroitel'stva okhotnich'ego khozyaystva* [Ways of building hunting farms]. Moscow: Vseros. soyuz promyslovo-okhotnich'ikh kooperativov "Vsekokhotsoyuz".
2. Pal'gunov, M.M. (1931) *Tekhnika organizatsii okhotnich'ikh khozyaystv* [Technology for organizing hunting farms]. Arkhangel'sk: Ogiz RSFSR. Sev. kraev. otd-nie.
3. Poluboyarinov, G.V. (1934) *Organizatsiya okhotnich'ego khozyaystva* [Organizing hunting farms]. Leningrad: Goslestekhzidat.
4. Rakhmanin, G.E. (1932) *Organizatsiya i ekspluatatsiya okhotnich'ego khozyaystva* [Organization and operation of hunting farms]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo s.-kh. i kolkhoz.-koop. lit-ry.
5. Danilov, D.N., Naumov, N.P., Toporkov, N.N. & Formozov, A.N. (1934) *Programma po izucheniyu okhotnich'ego promysla na Severe* [Program for the study of hunting in the North]. Leningrad: Izd-vo In-ta narodov Severa TsIK SSSR.
6. Skalon, V.N. (1957) *Organizatsiya okhotnich'ego khozyaystva Sibiri* [Organization of hunting economy in Siberia]. Irkutsk: Kn. izd-vo.
7. Konstantinova, T.A. (2008) *Istoriya Vitimo-Olekminskogo natsional'nogo okruga (1931–1938)* [History of Vitim-Olyokminsky National District (1931–1938)]. *Chitinskiy arkhivnyy vestnik*. 15. pp. 153–158.
8. Konstantinova, T.A. (2008) *Vitimo-Olekminskiy natsional'nyy okrug (1931–1938)* [Vitim-Olyokminsky National District (1931–1938)]. In: *Kray, ustremlyennyy v budushchee* [A land looking into the future]. Chita: Ekspres-izd-vo.
9. Bespal'ko, D.N. (2019) [The development of the muskrat breeding industry of the hunting and trade economy in Vitim-Olyokminsky National District in the 1930s]. *Zabaykal'e istoricheskoe* [Historical Transbaikal Region]. Conference Proceedings. Chita: Transbaikal State University. pp. 5–11. (In Russian).
10. Alifatov, G.M. & Ponomarev, G.A. (1929) *Kak provodit' pripisku okhotugodiy v Sibkray* [How to register hunting grounds in Sibkray]. Novosibirsk: Sibkrayokhotsoyuz.
11. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. *Ispolnitel'nyy komitet natsional'nykh Sovetov Vitimo-Olekminskogo natsional'nogo okruga Vostochno-Sibirskogo kraia (1931–1937 gg.); Chitinskoy oblasti (1937–1938 gg.)*. Pos. Kalakan [Executive Committee of the National Soviets of Vitim-Olyokminsky National District of the East Siberian Krai (1931–1937); Chita Oblast (1937–1938). Kalakan settlement]. List 1. D. 57.
12. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-1649. *Upravlenie okhotnich'ego khozyaystva administratsii Chitinskoy oblasti* [Department of the Hunting Economy of the Administration of Chita Oblast]. List 1. File 2.
13. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-908. *Zemel'nyy otdel ispolnitel'nogo komiteta Vitimo-Olekminskogo okruzhnogo Soveta deputatov trudyashchikh, s. Kalakan (1931–1938)* [Land Department of the Executive Committee of Vitim-Olyokminsky District Soviet of Working People's Deputies, Kalakan settlement (1931–1938)]. List 1. File 2.
14. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 31.
15. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 61.
16. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 62.
17. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-149. *Planovyy otdel Vitimo-Olekminskogo ispolnitel'nogo komiteta natsional'nykh Sovetov pos. Kalakan Chitinskoy oblasti (1931–1938)* [Planning Department of Vitim-Olyokminsky Executive Committee of the National Soviets of Kalakan Settlement of Chita Oblast (1931–1938)]. List 1. File 5.
18. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 248.
19. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 42.
20. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 197.
21. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-1584. *Chitinskaya kontora Dal'nevostochnogo otdeleniya gosudarstvennoy importno-eksportnoy trgovoy kontory "Gostorg" (1921–1930)* [Chita Office of the Far Eastern Branch of Gostorg, a State Import-Export Trading Office (1921–1930)]. List 1. File 3.
22. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 196.
23. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 134.
24. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 204.
25. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-913. *Otdel vnutrenney trgovli Vitimo-Olekminskogo okruzhnogo ispolnitel'nogo komiteta natsional'nykh Sovetov, p. Kalakan Chitinskoy oblasti (1931–1938)* [Department of Internal Trade of Vitim-Olyokminsky District Executive Committee of National Soviets, Kalakan, Chita Oblast (1931–1938)]. List 1. File 11.
26. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 318.
27. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-913. List 1. File 12.
28. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-913. List 1. File 16.
29. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 152.
30. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-913. List 1. File 22.
31. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund 1649. List 1. File 36.
32. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-908. List 1. File 99.
33. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-143. *Otdel narodno-khozyaystvennogo ucheta Vitimo-Olekminskogo okruzhnogo ispolnitel'nogo komiteta natsional'nykh Sovetov rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeyских deputatov, p. Kalakan (1931–1938)* [Department of National Economic Accounting of Vitim-Olyokminsky District Executive Committee of National Soviets of Workers', Peasants' and Red Army Deputies, Kalakan (1931–1938)]. List 1. File 5.
34. Anon. (1934) *Krayniy Sever k 1934 g. Sb. materialov po khozyaystvennomu i kul'turnomu stroitel'stvu. Prilozhenie k zhurnalu "Sovetskiy Sever"* [The Far North to 1934 Materials for economic and cultural construction. Supplement to the Soviet North magazine]. Moscow: Vlast' Sovetov.
35. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-908. List 1. File 29.
36. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 277.
37. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-913. List 1. File 13.
38. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 223.
39. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-908. List 1. File 62.
40. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-1649. List 1. File 48.
41. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 92.
42. Golobokov, L.K. (1933) *Vostsibpushnina stala na put' torgashestva* [Vostsibpushnina took the path of bargaining]. *Vitimo-Olekminskaya pravda*. 110.
43. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 79.
44. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 274.
45. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-612. List 1. File 85.
46. Bespal'ko, D.N. (2019) *Istoriya razvitiya sobol'nogo promysla na territorii Vostochnogo Zabaykal'ya (seredina XVII veka – 1960-e gody)* [The history of the development of sable trade on the territory of Eastern Transbaikalian region (mid-17th century – 1960s)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4 (32). pp. 53–65. DOI: 10.32516/2303-9922.2019.32.4
47. State Archive of Zabaikalsky Krai (GAZK). Fund R-1649. List 1. File 6.

Received: 30 August 2021

Е.А. Боголюбов

ДОБРОВОЛЬНЫЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И ЭТАТИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90007.

Исследованы вопросы правового положения сельскохозяйственных обществ в 1917 – начале 1930-х гг. Рассмотрены проблемы взаимодействия этих обществ с государством в условиях трансформации и этатизации правовой и политической системы страны. Проанализированы социокультурные изменения в советском обществе, отмечено их влияние на трансформацию общественного сектора, функционирующего в области сельского хозяйства. Сделан вывод о причинах ликвидации сельскохозяйственных обществ в конце 1920-х гг.

Ключевые слова: сельскохозяйственные общества; общественные организации; Советское государство; этатизм; сельское хозяйство.

Устойчивое развитие сельского хозяйства в современном мире является приоритетной целью как на национальном, так и на международном уровне. Важное значение в достижении поставленной цели имеет взаимодействие государства и гражданского общества. Элинон Игрен считает, что исследование сельских социальных движений является крайне важным, причем они должны проводиться на конкретных регионах и в определенном контексте [1. Р. 181]. Здесь стоит сказать, что изучение истории сельскохозяйственных обществ также является актуальным направлением исследований, поскольку накопленный в прошлом опыт может быть использован в будущем.

В России взаимодействие государства и гражданского общества в сфере сельского хозяйства началось уже в XVIII в., когда была создана первая отечественная общественная организация – Вольное экономическое общество. В XIX в. возникло Московское общество сельского хозяйства, которое содействовало улучшению аграрной отрасли страны. Большое количество сельскохозяйственных обществ будет создано на рубеже XIX–XX вв. С приходом к власти большевиков постепенно сокращается количество таких общественных организаций.

В современной исторической и историко-правовой науке крайне мало внимания уделяется функционированию добровольных обществ в советский период истории российской государственности. Еще меньше исследованы сельскохозяйственные общества этого периода, в то время как дореволюционным сельскохозяйственным обществам посвящено множество работ (историографический обзор литературы по этой теме см. в [2]). Разнообразие исследований дореволюционных обществ объясняется тем, что период второй половины XIX – начала XX в. характеризуется массовостью сельскохозяйственных обществ. О.Ю. Елина указывает, что к 1915 г. в России действовало почти 6 тыс. обществ этого направления, причем большинство из них было образовано в предвоенные годы, что детерминировано деятельностью земств по искоренению традиционализма в сельскохозяйственном секторе и аграрной модернизации на рубеже XIX–XX вв. [3. С. 35].

В свете этого отметим скудность научных изысканий о деятельности сельскохозяйственных обществ в советский период. Работы, посвященные их функционированию в 1920–30-е гг., встречаются лишь эпизодически. В монографии А.А. Куреньшева [4], а также в трехтомнике С.А. Козлова [5–7] содержатся сведения о работе Московского общества сельского хозяйства в послереволюционный период. В других же исследованиях часто указывается, что с приходом советской власти сельскохозяйственные общества прекратили свою работу. Однако, как будет показано в этой статье, в действительности все обстояло сложнее.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что актуальность данного исследования заключается в том, что оно, с одной стороны, вызвано интересом к проблеме взаимоотношений государства и сельскохозяйственных общественных организаций, с другой стороны, как в отечественной, так и зарубежной литературе практически отсутствуют сведения о положении сельскохозяйственных обществ в Советской России. Кроме того, в статье будет детально описана процедура ликвидации общественных организаций в конце 1920-х – начале 1930-х гг. В предыдущих исследованиях в большей степени указывалось на причины ликвидации той или иной общественной организации, однако описание самой процедуры ликвидации до сих пор не проводилось. Следовательно, целью данной работы является изучение места и роли сельскохозяйственных обществ в Советской России в период с 1917 по 1932 г., описание процедуры ликвидации общественных организаций (на примере сельскохозяйственных обществ).

Источниковую базу составляют материалы, содержащиеся в Государственном архиве Российской Федерации, и нормативные правовые акты, действующие в конкретный исторический период. Архивные материалы преимущественно представлены различного рода правоприменительными актами государственных органов. К этой группе можно отнести отчеты о проверке деятельности сельскохозяйственных обществ, постановления об их ликвидации и др. В меньшей степени в данной работе представлена

внутренняя документация сельскохозяйственных обществ, например, уставы, отчеты о деятельности, протоколы заседаний.

Эмпирическая база исследования позволяет сделать вывод о функционировании разнообразного спектра сельскохозяйственных обществ в 1920-е гг., к которым отнесем Российское общество сельскохозяйственного птицеводства, мелкого животноводства и поселкового хозяйства, Общество акклиматизации животных и растений, Общество покровительства животным, Общество садоводов и др.

При изучении данной темы использовались методы исторического анализа, широко применялся проблемно-хронологический метод, который позволил изучить проблемы взаимодействия государства и общественных организаций в Советской России до 1932 г. Благодаря этому методу были выявлены специфические особенности правового положения общественных организаций указанного периода. Использование системно-исторического метода позволило рассмотреть сельскохозяйственные общества во взаимосвязи с другими явлениями в обществе: экономическими, социальными, политическими, культурными.

В первые годы советской власти сельскохозяйственные общества стремились сохранить свое существование, поэтому они часто обращались за материальной помощью к органам государственной власти. В статье Е.В. Диановой отмечается, что сельскохозяйственные общества Олонецкой губернии в этот период времени получали от Олонецкого миллиардного комитета деньги на покупку сельскохозяйственных машин, на устройство паровой мельницы и прокатного пункта, а также на прочие цели. По мнению автора, «в условиях развертывания гражданской войны и политики “военного коммунизма” сельскохозяйственные общества не смогли реализовать планы по проведению мероприятий, а выданные денежные средства обесценились» [8. С. 164–165].

Более крупные сельскохозяйственные общества привлекались советской властью в качестве «общественного представителя» при органах государственной власти. К примеру, в состав Главного земельного комитета входили представители от Вольного экономического общества, Московского общества сельского хозяйства, общества А.И. Чупрова, Киевского и Харьковского сельскохозяйственных обществ, Общества сельского хозяйства Юга России и др. [9]. Такая практика общественного представительства напрямую связана с политикой национализации земли, лесных и водных ресурсов и провозглашением их общенародным достоянием, исключая частный элемент в их управлении. В то же время присутствие дореволюционных обществ в составе народного управления является свидетельством переходного периода.

Кроме того, в отношении всех сельскохозяйственных обществ действовали некоторые привилегии. Например, сельскохозяйственным обществам разрешалось иметь племенных сельскохозяйственных животных и птиц, которые не подлежали уравнительному распределению [10].

Характерной чертой данного этапа является отсутствие единого органа, который бы занимался реги-

страцией общественных организаций. По сведениям И.Н. Ильиной, с 1918 г. общества и союзы начали обращаться в различные государственные органы для регистрации [11. С. 61]. Не были исключениями и сельскохозяйственные общества. Согласно постановлению Высшего совета народного хозяйства от 3 марта 1919 г. «О регистрации сельскохозяйственных обществ, их союзов и объединений (Положение)» [12] регистрация сельскохозяйственных обществ, общих и специальных (обществ животноводства, пчеловодства и пр.) и их союзов возлагается на кооперативные отделы советов народного хозяйства в зависимости от района их деятельности.

Осуществление их регистрации кооперативными отделами объясняется близостью сельскохозяйственных обществ и кооперативов: все они должны были способствовать советской власти в подъеме сельского хозяйства. Близость к кооперации осознавалась и самими участниками обществ. Некоторые местные отделы Российского общества сельскохозяйственного птицеводства, мелкого животноводства и поселкового хозяйства к 1928 г. или прекратили свою работу из-за отсутствия средств, или же реорганизовались под давлением хозяйственных соображений в кооперативно-промышленные товарищества по птицеводству [13].

С принятием 3 августа 1922 г. декрета ВЦИК, СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними» [14] сельскохозяйственные общества подпадают под общее регулирование Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), который становится органом, занимающимся регистрацией и ликвидацией общественных организаций, надзором за ними.

В 1923 г. была предпринята попытка создания специального правового регулирования деятельности сельскохозяйственных обществ. В этом году утверждаются «Нормальный устав сельскохозяйственного Общества» [15] и «Положение о сельскохозяйственных обществах» [16] (далее – Положение о СХО). Действие последнего документа через месяц было приостановлено [17]. Окончательно все эти документы утратили силу с 25 января 1928 г. [18].

Нормальный устав 1923 г. содержал положения о целях деятельности общества, составе общества, органах его управления, порядке формирования средств общества, отчетности и ликвидации. Положение о СХО включало аналогичные нормы, но в сжатой форме, также там указывалось, что уставы обществ утверждаются НКВД, а Народный комиссариат земледелия (далее – Наркомзем), областные или губернские земельные управления перед утверждением или отказом в утверждении устава должны предоставить свой отзыв на его проект. В остальном действовал декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 3 августа 1922 г.

Стоит отметить, что аналогичная ситуация с правовой регламентацией деятельности сельскохозяйственных обществ была и в императорской России. Там в конце XIX – начале XX в. также существовало несколько документов, на основании которых проходила регистрация обществ: «Нормальный устав для местных сельскохозяйственных обществ» (1898 и

1911 г.) и «Временные правила об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г. Также общества могли учреждаться на основании особых уставов. По данным начала 1913 г., из 3 962 сельскохозяйственных обществ Российской империи 2 654 (67 %) действовали на основании «Нормального устава»; 819 (20,7 %) – «Временных правил»; 489 (12,3 %) – особых уставов [3. С. 43].

Таким образом, первые годы советской власти характеризуются отсутствием единообразия в правовом регулировании деятельности сельскохозяйственных обществ, что отчасти является характерной чертой переходного этапа от капитализма к социализму. Вынесение сельскохозяйственных обществ в отдельную категорию общественных организаций, по сути, продолжило дореволюционную традицию, поскольку эти общества вновь получили обособленное правовое регулирование.

В 1928 г. принимается Постановление ВЦИК, СНК РСФСР «Об утверждении Положения об обществах и союзах, не преследующих целей извлечения прибыли» [19] (далее – Положение 1928 г.), которое отменяет действие предыдущих актов в данной сфере. Этим документом устанавливалось, что действующие добровольные общества должны были пройти перерегистрацию. В результате советская власть прекратила деятельность множества общественных организаций.

Процесс ликвидации сельскохозяйственных обществ будет показан главным образом на примере Российского общества сельскохозяйственного птицеводства, мелкого животноводства и поселковых хозяйств. Выбор этой общественной организации объясняется несколькими причинами. Во-первых, в Государственном архиве Российской Федерации сохранилось довольно подробная документация, полностью освещающая ликвидационную процедуру указанного общества (ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 68). Во-вторых, сведения о ликвидации в это же время Московского общества сельского хозяйства уже представлены в научной литературе (см.: [4, 7]), поэтому будет целесообразно обратиться к другим общественным организациям. Кроме того, Российское общество сельскохозяйственного птицеводства, мелкого животноводства и поселковых хозяйств является для того времени типичной общественной организацией, созданной самими гражданами, а не по решению партии или правительства, поэтому описанная ликвидационная процедура во многом будет иметь типичные черты.

Предложения о ликвидации Российского общества сельскохозяйственного птицеводства, мелкого животноводства и поселковых хозяйств (далее Общество) начали появляться с января 1928 г. В частности, 20 января 1928 г. Губернский отдел по внутренней торговле Московского губернского исполнительного комитета направил в НКВД свое заключение, которое он подготовил после проведенных в марте и сентябре 1927 г. обследований указанного общества в порядке наблюдения и регулирования торговой деятельности [20]. В заключении указывается, что отчетность и делопроизводство Общества находились в крайнем запустении, из-за чего инспекторы были лишены возможности на основании бухгалтерских данных про-

анализировать финансовое состояние Общества. На неоднократные запросы предоставить по этому поводу отчетные данные представители Общества и ревизионных комиссий отвечали в течение полугода, что отчет составляется и будет готов «на днях».

Аналогичный случай произошел и позже. 9 января 1928 г. председатель Общества вновь заявил, что финансовый отчет и баланс на 1 июня 1927 г. будут готовы в «ближайшее время». Отсутствие финансовых отчетов стало одной из причин негативного заключения Губернского отдела.

В заключении также отмечено, что Общество работает на основе устаревшего устава, крайне расплывчатого по задачам, которые не соответствуют «основным задачам зоокультурной работы на данном фронте». У Губернского отдела были претензии и к членскому составу Общества, который, по его мнению, состоял из «случайных членов птицелюбителей г. Москвы». Кроме того, слабая связь с периферией, отсутствие какого-либо плана и схемы работы, средств и надлежащего аппарата, ограниченность деятельности пределами лишь одной Московской губернии, а также проведение «посредническо-коммерческих операций, в том числе с продуктами, мало имеющими отношение к птицеводству и мелкому животноводству», – все это позволило Губернскому отделу прийти к выводу о «нецелесообразности» существования такого общества.

«Нецелесообразность», по мнению Губернского отдела, заключается в следующем: Общество объединяет птицеводов-любителей в московском масштабе, имеет весьма слабую связь с Москопромптицей и Птицеводсоюзом, не является необходимым при наличии кооперативных птицеводных хозяйств в других губерниях, деятельность Общества носит бесплатный, бесхозяйственный характер, отсутствует экономическая база и поле деятельности в зоокультурном направлении.

Следовательно, Общество необходимо было ликвидировать и создать новую организацию типа массовых добровольных обществ. Причем, по мнению отдела, нужно не реорганизовать Общество посредством перевода его на новый устав, а создать новое общество, поскольку реорганизованное общество «не согласится, конечно, принять на себя крайне запутанные дела и убытки Общества».

В октябре 1928 г. отделом административного надзора НКВД также было произведено обследование деятельности Общества. Вскоре после этого Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ), пользуясь полученным из НКВД материалом, также произвел обследование этого Общества [21]. Право НК РКИ производить инспекции общественных организаций было закреплено в п. 6 Положения о Народном Комиссариате Рабоче-Крестьянской Инспекции РСФСР [22].

В отчете НК РКИ от 28 ноября 1928 г. о результатах обследования сказано, что Российское общество сельскохозяйственного птицеводства, мелкого животноводства и поселковых хозяйств необходимо ликвидировать. Было сформулировано поручение НКВД совместно с Наркомземом организовать в центре и на

местах ликвидационные комиссии и закончить полную ликвидацию Общества, а также его местных отделений 1 февраля 1929 г. Вопросами имущества общества должны были заняться Наркомзем и Птицеводсоюз, которым необходимо было принять в свое ведение музеи, курсы по птицеводству, библиотеки, оборудование и учебные пособия курсов. Союзу союзов сельскохозяйственной кооперации было предложено проработать вопрос об объединении контрольных птицеводных и кролиководных товариществ и членов ликвидируемого Общества [23].

Указанный отчет затем был учтен при составлении постановления НКВД «О ликвидации Российского общества сельскохозяйственного птицеводства, мелкого животноводства и поселковых хозяйств», которое было вынесено 14 декабря 1928 г. [24]. Далее будут приведены основания ликвидации Общества по постановлению, а также дан дополнительный комментарий к каждому из этих пунктов.

«1. Общество не только не охватило всех задач, намеченных по уставу, но, наоборот, деятельность его была сосредоточена исключительно вокруг интересов членов общества и заключалась в снабжении членов нужными им племенными материалами, кормами и тому подобным, а также сбыте продуктов хозяйства членов общества. Ввиду чего Общество выступало как организация, удовлетворяющая экономические потребности и выполняющая функции кооперативных организаций, что совершенно противоречило уставу и служило помехой деятельности кооперативных объединений».

Близость к кооперации осознавалась и самими участниками общества. В отчете НК РКИ по этому поводу сказано: «Общество занимает неопределенное положение между органами государственного регулирования – Наркомземом – и между органами массового объединения – коопераций – и является излишним звеном между ними, так как все его функции составляют предмет ведения земельных органов и кооперации, распределяются между последними». О коммерческой деятельности же сказано следующее: «Общество объединяет лишь часть птицеводов-любителей московских пригородов, и вся производственная его работа сводится к организации снабжения кормами и сбыта продукции хозяйств своих членов параллельно с Мосплемптицей».

«2. В деле объединения городских, пригородных и поселковых хозяйств в РСФСР Общество ограничилось только тем, что объединило любителей-птицеводов, и то, главным образом, из пригородов Москвы, причем в состав объединения вошли лица, занятые спекуляцией на племенной птице. Все ранее входившие в его состав местные отделы (39 отделов), за очень малым исключением 8 отделов, утратили связь с обществом, и, таким образом, общество не является фактически всероссийским».

В отчете НК РКИ и вовсе указывалось, что «Общество не могло охватить не только РСФСР, но и Московскую губернию». В других документах также есть сведения о слабой связи Общества со своими отделениями. Одной из причин этого было отсутствие у Общества необходимых средств на оплату расходов, связанных с

поездками представителей центра для инспектирования местных отделений. Хотя еще 29 ноября 1924 г. в письме в Народный комиссариат финансов РСФСР Общество указывало, что оно «по заданию Наркомзема ведёт свою культурно-просветительскую работу при помощи своих многочисленных отделов, а также в полном контакте с сельскохозяйственными обществами птицеводства и мелкого животноводства в союзных республиках» [25].

«3. Общество к научной деятельности, намеченной по уставу, не преступило вообще. Переданные в его ведение музеи и рассадник оказались в антисанитарном и полуразрушенном состоянии.

4. Со стороны Общества, в лице его совета, не было проявлено никакого руководства как в отношении деятельности местных отделений, так и частей его центрального аппарата.

5. В деле ведения хозяйства и отчетности Общество проявило недопустимо-небрежное отношение, следствием чего явились растраты, точные суммы которых еще не установлены».

Последние три пункта указывают на плохое ведение дел Обществом: то оно не занимается наукой, то с местными отделениями не работает, то к имуществу относится небрежно. Во многих других документах как НКВД, так и Наркомзема уже указывалось на отсутствие плана работы. Отчет НК РКИ говорит о том, что «музей общества находится в антисанитарном и полуразрушенном состоянии, производит отталкивающее впечатление и в таком виде не может считаться культурным и научным учреждением».

Таким образом, налицо все причины для ликвидации Общества. В п. 31 Положения 1928 г. содержатся требования к процедуре ликвидации добровольных обществ. Там сказано, что в случае обнаружения в деятельности общества или союза уклонений от утвержденного устава, не имевших последствием нарушения действующих законов, предлагают обществу или союзу к определенному сроку устранить допущенное отступление от устава. В случае обнаружения уклонений, нарушающих действующие законы, а также в случае бездеятельности общества или союза регистрирующий орган выносит постановление об их закрытии.

В отношении Российского общества сельскохозяйственного птицеводства, мелкого животноводства и поселковых хозяйств было применено второе правило. Были выявлены уклонения, нарушающие действующие законы (ведение экономической деятельности, работа не во всероссийском масштабе), бездеятельность общества (отсутствие планов работы, финансовых отчетов, оторванность местных отделений, небрежное отношение к имуществу), а также отступление от устава (не велась научная деятельность).

Приведенный пример ликвидации Российского общества сельскохозяйственного птицеводства, мелкого животноводства и поселковых хозяйств позволяет лучше понять, как работали нормы Положения 1928 г. Все три возможных основания для закрытия Общества (отступление от устава, нарушение законов, бездеятельность) были установлены, в результате чего НКВД принял решение о его ликвидации.

В 1929 г. была обобщена практика ликвидации добровольных обществ. В Выписке из секретного

протокола № 40 заседания СНК РСФСР от 18 июня 1929 г. содержатся указания НКВД по дальнейшей перерегистрации добровольных обществ. Было предписано: а) ликвидировать общества, фактически не работающие или не имеющие базы для своей работы; б) ликвидировать общества, существование которых нецелесообразно по политическим соображениям (за сечение антисоветскими элементами и т.п.); в) сливать общества, ставящие аналогичные цели, в тех случаях, когда подобное слияние целесообразно по политическим соображениям; г) выводить из сети добровольных обществ те организации, которые представляют собой по характеру их деятельности кассы взаимопомощи или другого рода экономические организации [26].

Также там говорилось о том, что при регистрации новых обществ необходимо учитывать «наличие базы для работы общества и целесообразности их с точки зрения социалистического строительства». Это послужило толчком к тому, что уже в начале 1930-х гг. в практике НКВД появляются новые основания для ликвидации общественных организаций, которые не были предусмотрены Положением 1928 г.

Например, если мы обратимся к письму НКВД в Совет Всероссийского общества садоводства от 8 июля 1930 г., то увидим, что НКВД поддержало решение общего собрания Общества от 31 мая 1930 г. о самоликвидации. НКВД аргументировал это тем, что Общество «не оправдало своего социального назначения в условиях переустройства сельского хозяйства и не сумело освоить задачи социалистической реконструкции садоводства и огородничества и принять участие в осуществлении этих задач» [27].

Другим примером служит постановление НКВД от 9 августа 1930 г. «О ликвидации Русского общества акклиматизации животных и растений». В нем можно встретить не только бездеятельность («общество в течение последнего времени утратило свои объекты работы, ныне находящиеся в ведении ЦДС Пчеловодства и др., что привело Общество к полной бездеятельности»), но и нецелесообразность по политическим соображениям (Общество представляет собой «замкнуто-обособленную организацию», совершенно оторванную от советской общественности, работа Общества «протекает вне задач социалистической реконструкции сельского хозяйства») [28]. Приведенные выше обстоятельства позволили НКВД ликвидировать Общество акклиматизации животных и растений.

Последнее основание для ликвидации, связанное с участием в социалистическом строительстве, появится только в постановлении ВЦИК, СНК РСФСР от 30 августа 1930 г. «Об утверждении Положения о добровольных обществах и союзах (объединениях, клубах, ассоциациях, федерациях)» [29] (далее – Положение 1930 г.). Там в п. 26 сказано, что в случае нарушения добровольными обществами и союзами действующего законодательства или общей политики советской власти, а равно отклонения этих объединений от целей и задач, определенных в их уставах, органы внутренних дел могут отводить отдельных членов общества или союза или членов их органов управления, досрочно распускать выборные органы

управления, а также принимать другие меры вплоть до ликвидации общества или союза. Таким образом, было закреплено три основания ликвидации: нарушение законов, отклонение от устава (они были и в Положении 1928 г.) и нарушение общей политики советской власти. Можно предположить, что Положение 1930 г. закрепило сложившуюся практику НКВД, который, по последнему основанию, уже ликвидировал общества.

В обоих приведенных выше постановлениях о ликвидации (Российского общества сельскохозяйственно-го птицеводства, местного животноводства и поселковых хозяйств и Русского общества акклиматизации животных и растений) содержатся положения о дальнейших действиях после вынесения постановления. Положение 1928 г., на основании которого проходила ликвидация, и Положение 1930 г. не содержат каких-либо указаний о действиях после вынесения постановления о ликвидации. Ликвидационную процедуру можно восстановить по архивным документам.

Процедура ликвидации начиналась вместе с вынесением постановления. Для проведения ликвидации образовывалась ликвидационная комиссия. В ее состав входили представитель от НКВД, представитель от профильного комиссариата (в нашем случае от Наркомзема), представитель от ликвидируемого общества. Могли быть и иные представители. Например, при ликвидации Российского общества сельскохозяйственного птицеводства, местного животноводства и поселковых хозяйств в состав комиссии вошел еще представитель от Союза союзов сельскохозяйственной кооперации.

Комиссии создавались как для ликвидации всероссийских обществ (центральные ликвидационные комиссии), так и для местных отделений всероссийского общества (местные ликвидационные комиссии), состав которых был аналогичен центральным комиссиям, но включал представителей от местных органов и организаций. Председателем каждой комиссии был представитель от НКВД или его местного административного отдела.

Ликвидационная комиссия занималась имущественными делами ликвидированного общества. Например, в постановлении НКВД «О ликвидации Российского общества сельскохозяйственного птицеводства, мелкого животноводства и поселковых хозяйств» сказано, что местные ликвидационные комиссии «реализуют имущество отделений, проводят взыскание по дебиторским счетам и вырученные суммы вместе со списком кредиторов направляют в центральную комиссию. Никаких долгов местные ликвидационные комиссии не оплачивают и могут проводить оплату только тех расходов, которые связаны с работой ликвидационной комиссии» [30].

Центральная ликвидационная комиссия занималась аккумуляцией сведений местных комиссий, составляла баланс общества, вела учет его имущества и выявляла долги. К февралю 1929 г. в центральную ликвидационную комиссию Российского общества сельскохозяйственного птицеводства, мелкого животноводства и поселковых хозяйств уже начали поступать первые сведения от местных комиссий [31].

Ликвидационная комиссия также выявляла нарушения при ведении хозяйственной деятельности общества, результатом чего могло стать обращение в прокуратуру. Так и случилось после окончания работы ликвидационной комиссии Российского общества сельскохозяйственного птицеводства, мелкого животноводства и поселковых хозяйств. 23 сентября 1929 г. в Московскую областную прокуратуру старшему помощнику прокурора по уголовным делам т. Филиппову был направлен материал ликвидационной комиссии для привлечения, согласно решению НКВД, работников общества к ответственности по обвинению «в бесхозяйственности, имевшей результатом ущерб учреждению» [32].

В следующем году будет ликвидировано Московское общество сельского хозяйства. Вместе с этим будет прерван более чем столетний эволюционный путь развития как российской аграрной рационализации, так и передовой сельскохозяйственной теории [33. С. 462].

Описанные выше процессы были характерны и для других обществ этого этапа в развитии общественных организаций в советский период. И.Н. Ильина указывает, что наступление на общественные организации, начатое в конце 1920-х гг., нашло свое продолжение и логическое завершение в 1930-е гг. [11. С. 94]. Такое наступление проявилось не только в ликвидации общественных организаций, которые не участвовали в «социалистическом строительстве», но и в создании новых общественных организаций и движений.

В это время в стране активно пропагандируются идеи И.В. Мичурина, который сказал: «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у неё – наша задача». Этот девиз сподвигнул множество людей начать экспериментировать в сельском хозяйстве. Деятельность советских мичуринцев – это качественное преобразование существующего, выведение новых форм [34. С. 197]. Данная установка поддерживалась советской властью, которая пыталась самостоятельно формировать общественную повестку в сельском хозяйстве, перехватив ее у сельскохозяйственных обществ.

Советские органы государственной власти с 1917 г. начинают конструировать монополистическую модель управления сельским хозяйством. Задачами местных отделов земледелия, которые формировались в 1917–1919 гг., являлись организация землеустроительных работ, разъяснение населению действующих законов о земле, оказание агрономической помощи крестьянам, помощи в организации животноводства, садоводства и огородничества, борьба с вредителями сельского хозяйства, организация коллективных и опытных хозяйств, содержание в порядке лесов. В целом местные органы управления сельским хозяйством в период до 1928 г. выступали как непосредственные организаторы всех преобразований в своей отрасли [35. С. 111].

Можно даже сказать, что советские органы брали под свой контроль те сферы общественной жизни, которыми могли бы заниматься общественные организации, например, распространение сельскохозяй-

ственных знаний среди крестьян. С 1927 г. начал выходить печатный орган Чувашского обкома партии и Наркомзема республики журнал агротехнической пропаганды «Чувашская деревня» [36. С. 31]. Аналогичного рода издания распространялись и в других частях страны.

Немалое значение в искоренении сельскохозяйственных организаций сыграл проведенный в 1927 г. XV съезд ВКП (б), который провозгласил курс на создание колхозов. С 1929 г. объединение крестьян в колхозы приобретает массовый характер. Эти мероприятия отразились на всем управлении сельским хозяйством, что стало частью общего процесса социализации. По мнению М.В. Казьминой, страна вступила в очередной этап модернизации, что влекло существенные изменения во всех сферах жизни, в том числе и в ценностных ориентирах личности [37. С. 45]. Коллективизация для крестьян означала утрату права собственности на часть имущества, потерю контроля над ним. Как справедливо отмечает Н.Л. Лопатина, в своем индивидуальном хозяйстве крестьянин не мог проявить творчества, так как его размеры были строго регламентированы Уставом сельхозартеля [38. С. 9]. Эти обстоятельства говорят о том, что сельскохозяйственные общества утратили свою целевую аудиторию, поскольку крестьянское имущество строго регламентировалось. Кроме того, в условиях перехода к форсированной коллективизации ассоциации профессионалов-аграрников с более чем вековой дореволюционной историей не представлялись власти полезными и безопасными [39. С. 451].

Следовательно, социокультурная обстановка в стране также способствовала искоренению сельскохозяйственных обществ. Монополизация идеологической сферы, создание государственных органов, которые осуществляли тотальный контроль, проведение коллективизации – все это вытесняло общественную инициативу в сельском хозяйстве из политической системы страны.

Период с 1917 по 1932 г. в развитии общественных организаций характеризуется следующими особенностями, которые нашли свое отражение и в деятельности сельскохозяйственных организаций.

1. Советская власть на начальном этапе видела в общественных организациях сотрудника в построении новой действительности. Сельскохозяйственные общества активно привлекались к работе государственных органов, обладали правом совещательного голоса при различных советах.

2. Происходит формирование модели, при которой общественные интересы полностью отождествляются с государственными, а общественные организации переходят под полный контроль государственных органов.

3. В течение 15 лет сменилось несколько нормативных правовых актов, регулирующих деятельность общественных организаций. Однако даже эти документы не смогли охватить весь спектр общественных отношений в этой сфере. Народные комиссариаты (НКВД, Наркомзем) принимали свои нормативные правовые акты, которые могли быть как открытого доступа, так и секретными. Помимо всего это складывалась правоприменительная практика, с которой

также необходимо было считаться. Весь этот массив негативно сказывался на развитии общественных организаций, которые не до конца понимали, какими нормами регулируется их деятельность. Правовая неопределённость также способствовала уменьшению численности общественных организаций в 1930-е гг.

4. Расплывчатые и неточные понятия, используемые в нормативных правовых актах, позволяли правоприменительным органам вольно их трактовать. Часто встречающийся в документах НКВД термин «нецелесообразность» позволил этому органу в каждом конкретном случае наполнять его необходимым смыслом, по-новому обосновывать эту «нецелесообразность» общественных организаций.

5. Добровольным обществам в это время приходилось взаимодействовать с множеством государственных органов, которые так или иначе их контролировали. Сельскохозяйственные общества взаимодействовали преимущественно с НКВД и Наркомземом. Но при ликвидации одного только Российского общества сельско-

хозяйственного птицеводства, мелкого животноводства и поселковых хозяйств участвовало пять органов (НКВД, Наркомзем, НК РКИ, Губернский отдел по внутренней торговле Московского губернского исполнительного комитета, Союз союзов сельскохозяйственной кооперации). Такое большое количество «заботы» об обществах показывает, что государство стремилось их полностью контролировать.

Ликвидация сельскохозяйственных обществ была связана не только со становлением советской модели общественного сектора, при которой общественные интересы полностью отождествляются с государственными, но и с коренными изменениями, происходившими в сельском хозяйстве страны. Изложенные факты позволяют сделать вывод о выделении в качестве самостоятельного этапа в развитии общественных организаций в России периода с 1917 по 1932 г. Последняя дата объясняется не только введением нового положения о добровольных обществах [40], но и окончательным подавлением в стране какой-либо гражданской инициативы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Isgren E. «If the change is going to happen it's not by us»: Exploring the role of NGO in the politization of Ugandan agriculture // *Journal of Rural Studies*. 2018. Vol. 63. P. 180–189.
2. Елина О.Ю. Сельскохозяйственные общества России, 1765–1920-е гг.: вклад в развитие агрономии // *Российская история*. 2011. № 2. С. 27–45.
3. Елина О.Ю. Местные сельскохозяйственные общества: на пути к аграрной модернизации России // *Историко-биологические исследования*. 2012. Т. 4, № 3. С. 34–63.
4. Куреньшев А.А. Сельскохозяйственная столица России. Очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818–1929 гг.). М.: АИРО-XXI, 2012. 430 с.
5. Козлов С.А. «Служение интересам всей страны»: Московское общество сельского хозяйства (1820–1930 гг.): в 3 т. Т. 1: Введение, гл. I–III. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 588 с.
6. Козлов С.А. «Служение интересам всей страны»: Московское общество сельского хозяйства (1820–1930 гг.): в 3 т. Т. 2: гл. IV, V. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 688 с.
7. Козлов С.А. «Служение интересам всей страны»: Московское общество сельского хозяйства (1820–1930 гг.): в 3 т. Т. 3: Заключение, Приложения, Основные сокращения, принятые в библиографических описаниях, Указатель имен, Summary. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 272 с.
8. Дианова Е.В. Сельскохозяйственные общества Олонецкой губернии: региональные особенности организации и функционирования // *Северо-Запад в аграрной истории России*. 2019. № 25. С. 153–168.
9. Положение о земельных комитетах и об урегулировании ими сельскохозяйственных отношений (утв. СНК РСФСР, Наркомземом РСФСР 4.12.1917) // *СУ РСФСР*. 1917. № 7. Ст. 105.
10. Декрет СНК от 27.01.1920 «О племенном животноводстве в трудовых хозяйствах» // *Известия ВЦИК*. 30.01.1920. № 20.
11. Ильина И.Н. Общественные организации России в 1920-е годы. М., 2000. 215 с.
12. Постановление Высшего Совета Народного Хозяйства «О регистрации сельскохозяйственных обществ, их союзов и объединений (Положение)» // *СУ РСФСР*. 1919. № 9. Ст. 90.
13. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 68. Л. 106–107.
14. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 3.08.1922 «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними» // *СУ РСФСР*. 1922. № 49. Ст. 622.
15. Декрет СНК РСФСР от 21.06.1923 «Нормальный устав сельскохозяйственного Общества» // *СУ РСФСР*. 1923. № 71. Ст. 698.
16. Декрет ВЦИК от 22.08.1923 «Положение о сельскохозяйственных обществах» // *СУ РСФСР*. 1923. № 72. Ст. 710.
17. Декрет ВЦИК от 21.09.1923 «О приостановке действия Положения о сельскохозяйственных обществах» // *СУ РСФСР*. 1923. № 76. Ст. 744.
18. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 25.01.1928 «Об утверждении перечня узаконений Правительства РСФСР, утративших силу, но не отмененных до сего времени особыми постановлениями» // *СПС КонсультантПлюс*.
19. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 06.02.1928 «Об утверждении Положения об обществах и союзах, не преследующих целей извлечения прибыли» // *СУ РСФСР*. 1928. № 22. Ст. 157.
20. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 68. Л. 105.
21. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 68. Л. 173.
22. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 11.08.1927 «Об утверждении Положения о Народном Комиссариате Рабоче-Крестьянской Инспекции Р.С.Ф.С.Р.» // *СУ РСФСР*. 1927. № 86. Ст. 570.
23. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 68. Л. 172.
24. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 68. Л. 174.
25. ГАРФ. Ф. А455. Оп. 1. Д. 2. Л. 35.
26. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 1767. Л. 59.
27. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 64. Д. 251. Л. 26.
28. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 35. Д. 601. Л. 60.
29. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 30.08.1930 «Об утверждении Положения о добровольных обществах и союзах (объединениях, клубах, ассоциациях, федерациях)» // *СУ РСФСР*. 1930. № 44. Ст. 527.
30. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 68. Л. 174.
31. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 68. Л. 176.
32. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 68. Л. 178.

33. Козлов С.А., Петриков А.В., Баутин В.М., Иванов А.Л., Костяев А.И., Ореханов Г.Л. «Свободное государственное служение» к 200-летию Московского общества сельского хозяйства // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 5. С. 454–465.
34. Розенталь М.М. Марксистский диалектический метод. М.: Госполитиздат, 1952. 348 с.
35. Булюлина Е.В. Местные органы управления сельским хозяйством в Нижнем Поволжье (1917–1927 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2012. № 4 (84). С. 110–119.
36. Гончарова С.В. Структура, функции и деятельность Народного комиссариата земледелия Чувашской АССР в 1925–1929 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6-2 (12). С. 30–32.
37. Казьмина М.В. Политические кампании 1929 г. и их роль в расколе крестьянства Кузнецкого округа // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2017. № 2 (14). С. 43–51.
38. Лопатина Н.Л. Коллективизация как причина трансформации крестьянской культуры труда // Идеи и идеалы. 2016. Т. 2, № 2 (28). С. 3–13.
39. Туманова А.С. Общественные организации в России: правовое положение. 1860–1930-е гг. М.: Проспект, 2019. 480 с.
40. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10.07.1932 «Об утверждении Положения о добровольных обществах и союзах» // СУ РСФСР. 1932. № 74. Ст. 331.А.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 декабря 2020 г.

Voluntary Agricultural Societies in the Context of the Sociocultural Transformation and Etatisation of the Legal and Political System of the Soviet State

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 126–134.

DOI: 10.17223/15617793/470/15

Egor A. Bogolyubov, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: bogolubovegor@mail.ru

Keywords: agricultural societies; public organizations; Soviet state; etatism; agriculture.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-311-90007.

The research focuses on the place and role of public organizations in Soviet Russia in the 1920s. The empirical basis of the research is archival materials and normative legal acts on the activities of agricultural societies. The author notes that agricultural societies, like other voluntary societies, were liquidated in the late 1920s. This circumstance allows concluding that all the processes that took place with other public organizations at this time were reflected in the functioning of agricultural societies. From 1917 to the early 1920s, pre-revolutionary agricultural societies were involved in the work of Soviet bodies. In 1922, the NKVD began to register agricultural societies. In 1923, an attempt was made to provide special legal regulation of their activities. Placing agricultural societies in a separate category of public organizations, in fact, continued the pre-revolutionary tradition since these societies again received separate legal regulation. However, this approach was soon abandoned, and agricultural societies were again subject to general regulation. In the late 1920s, the process of Sovietization of the public sector began. The reasons for the liquidation of agricultural societies were: poor cultural work; poor financial condition; lack of all-Russian coverage, and others. Similar reasons for the closure were contained in other resolutions on the closure of public organizations of this period. Important in this time is the general attitude of the Soviet government to establish control over agriculture. The creation of local land departments, the Michurin Movement, propaganda work in the village, collectivization – all these activities displaced the public initiative. The state and the party aspired to the sole leadership of agriculture. Thus, the liquidation of agricultural organizations became a reflection of two interrelated processes. On the one hand, it was a process of suppressing civil initiative and identifying state and party interests with public ones. On the other hand, it was the process of building an administrative and command management system in agriculture. For this reason, peasants lost creativity in their work and their interest in the result. Agricultural societies lost their target audience: the initiative peasant. Therefore, in the conditions of socio-cultural transformation and etatisation of the legal and political system of the Soviet state, voluntary agricultural societies were simply not needed.

REFERENCES

1. Isgren, E. (2018) “If the change is going to happen it’s not by us”: Exploring the role of NGO in the politization of Ugandan agriculture. *Journal of Rural Studies*. 63. pp. 180–189.
2. Elina, O.Yu. (2011) Sel’skokhozyaystvennye obshchestva Rossii, 1765–1920-e gg.: vklad v razvitie agronomii [Agricultural societies of Russia, 1765–1920s: contribution to the development of agronomy]. *Rossiyskaya istoriya – Russian History*. 2. pp. 27–45.
3. Elina, O.Yu. (2012) Mestnye sel’skokhozyaystvennye obshchestva: na puti k agrarnoy modernizatsii Rossii [Local agricultural societies: on the way to the agrarian modernization of Russia]. *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*. 4 (3). pp. 34–63.
4. Kurenyshev, A.A. (2012) *Sel’skokhozyaystvennaya stolitsa Rossii. Ocherki istorii Moskovskogo obshchestva sel’skogo khozyaystva (1818–1929 gg.)* [Agricultural capital of Russia. Essays on the history of the Moscow Society of Agriculture (1818–1929)]. Moscow: AIRO-XXI.
5. Kozlov, S.A. (2020) “Sluzhenie interesam vsey strany”: *Moskovskoe obshchestvo sel’skogo khozyaystva (1820–1930 gg.)*: v 3 t. [“Serving the interests of the whole country”: The Moscow Society of Agriculture (1820s–1930s): in 3 volumes]. Vol. 1: Introduction, Chapters I–III. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
6. Kozlov, S.A. (2020) “Sluzhenie interesam vsey strany”: *Moskovskoe obshchestvo sel’skogo khozyaystva (1820–1930 gg.)*: v 3 t. [“Serving the interests of the whole country”: The Moscow Society of Agriculture (1820–1930): in 3 volumes]. Vol. 2: Chapters IV, V. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
7. Kozlov, S.A. (2020) “Sluzhenie interesam vsey strany”: *Moskovskoe obshchestvo sel’skogo khozyaystva (1820–1930 gg.)*: v 3 t. [“Serving the interests of the whole country”: The Moscow Society of Agriculture (1820–1930): in 3 volumes]. Vol. 3: Conclusion, Appendices, List of Abbreviations, Name Index, Summary. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
8. Dianova, E.V. (2019) Sel’skokhozyaystvennye obshchestva Olonetskoy gubernii: regional’nye osobennosti organizatsii i funktsionirovaniya [Agricultural societies of Olonets province: regional features of organization and functioning]. *Severo-Zapad v agrarnoy istorii Rossii*. 25. pp. 153–168.
9. RSFSR. (1917) Polozhenie o zemel’nykh komitetakh i ob uregulirovanii imi sel’skokhozyaystvennykh otnosheniy (utv. SNK RSFSR, Narkomzemom RSFSR 4.12.1917) [Regulations on land committees and on the settlement of agricultural relations by them (approved by the Council of People’s Commissars of the RSFSR, the People’s Commissariat of the RSFSR on December 4, 1917)]. *SU RSFSR – Collection of laws of the RSFSR*. 7. Art. 105.
10. Izvestiya VtsIK. (1920) Dekret SNK ot 27.01.1920 “O plemennom zhivotnovodstve v trudovykh khozyaystvakh” [Decree of the Council of People’s Commissars of 27 January 1920: On livestock breeding in labor farms]. 30 January. 20.

11. Il'ina, I.N. (2000) *Obshchestvennye organizatsii Rossii v 1920-e gody* [Public organizations of Russia in the 1920s]. Moscow: Institute of Russian History, RAS.
12. RSFSR. (1919) Postanovlenie Vysshego Soveta Narodnogo Khozyaystva "O registratsii sel'skokhozyaystvennykh obshchestv, ikh soyuzov i ob"edineniy (Polozhenie)" [Resolution of the Supreme Council of the National Economy "On the registration of agricultural companies, their unions and associations (Regulations)"]. *SU RSFSR – Collection of laws of the RSFSR*. 9. Art. 90.
13. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-393. List 43a. File 68. L. 106–107.
14. RSFSR. (1922) Dekret VTSIK, SNK RSFSR ot 3.08.1922 "O poryadke utverzhdeniya i registratsii obshchestv i soyuzov, ne presleduyushchikh tseli izvlecheniya pribyli, i poryadke nadzora za nimi" [Decree of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR of 3.08.1922: On the procedure for approving and registering societies and unions that do not pursue the goal of making a profit, and the procedure for supervising them]. *SU RSFSR – Collection of laws of the RSFSR*. 49. Artt. 622.
15. RSFSR. (1923) Dekret SNK RSFSR ot 21.06.1923 "Normal'nyy ustav sel'skokhozyaystvennogo Obshchestva" [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of 21.06.1923: Normal Charter of an Agricultural Society]. *SU RSFSR – Collection of laws of the RSFSR*. 71. Art. 698.
16. RSFSR. (1923) Dekret VTSIK ot 22.08.1923 "Polozhenie o sel'skokhozyaystvennykh obshchestvakh" [Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 22.08.1923: Regulations on agricultural societies]. *SU RSFSR – Collection of laws of the RSFSR*. 72. Art. 710.
17. RSFSR. (1923) Dekret VTSIK ot 21.09.1923 "O priostanovke deystviya Polozheniya o sel'skokhozyaystvennykh obshchestvakh" [Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 21.09.1923: On the suspension of the Regulation on Agricultural Societies]. *SU RSFSR – Collection of laws of the RSFSR*. 76. Art. 744.
18. RSFSR. (1928) Postanovlenie VTSIK, SNK RSFSR ot 25.01.1928 "Ob utverzhdenii perechnya uzakonenykh Pravitel'stva RSFSR, utrativshikh silu, no ne otnemennykh do sego vremeni osobymi postanovleniyami" [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR of 25.01.1928: On the approval of the list of legalizations of the Government of the RSFSR that have become invalid, but have not been canceled until now by special decrees]. Moscow: SPS Konsul'tantPlyus.
19. RSFSR. (1928) Postanovlenie VTSIK, SNK RSFSR ot 06.02.1928 "Ob utverzhdenii Polozheniya ob obshchestvakh i soyuzakh, ne presleduyushchikh tseley izvlecheniya pribyli" [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR of 06.02.1928: On the approval of the regulations on societies and unions that do not pursue the goal of making a profit]. *SU RSFSR – Collection of laws of the RSFSR*. 22. Art. 157.
20. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-393. List 43a. File 68. Page 105.
21. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-393. List 43a. File 68. Page 173.
22. RSFSR. (1927) Postanovlenie VTSIK, SNK RSFSR ot 11.08.1927 "Ob utverzhdenii Polozheniya o Narodnom Komissariate Raboche-Krest'yanskoy Inspektzii R.S.F.S.R." [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR of 11.08.1927: On the approval of the Regulations on the People's Commissariat of the RSFSR Workers' and Peasants' Inspection]. *SU RSFSR – Collection of laws of the RSFSR*. 86. Art. 570.
23. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-393. List 43a. File 68. Page 172.
24. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-393. List 43a. File 68. Page 174.
25. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A455. List 1. File 2. Page 35.
26. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-393. List 43a. File 1767. Page 59.
27. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-393. List 64. File 251. Page 26.
28. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-393. List 35. File 601. Page 60.
29. RSFSR. (1930) Postanovlenie VTSIK, SNK RSFSR ot 30.08.1930 "Ob utverzhdenii Polozheniya o dobrovol'nykh obshchestvakh i soyuzakh (ob"edineniyakh, klubakh, assotsiatsiyakh, federatsiyakh)" [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR of 30.08.1930: On the approval of the Regulations on voluntary societies and unions (associations, clubs, associations, federations)]. *SU RSFSR – Collection of laws of the RSFSR*. 44. Art. 527.
30. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-393. List 43a. File 68. Page 174.
31. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-393. List 43a. File 68. Page 176.
32. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-393. List 43a. File 68. Page 178.
33. Kozlov, S.A. et al. (2020) "Svobodnoe gosudarstvennoe sluzhenie" k 200-letiyu Moskovskogo obshchestva sel'skogo khozyaystva ["Free public service" to the 200th anniversary of the Moscow Society of Agriculture]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 90 (5). pp. 454–465. DOI: 10.31857/S0869587320050084
34. Rozenal', M.M. (1952) *Markistskiy dialekticheskiy metod* [Marxist dialectical method]. Moscow: Gospolitizdat.
35. Bulyulina, E.V. (2012) Mestnye organy upravleniya sel'skim khozyaystvom v Nizhnem Povolzh'e (1917–1927 gg.) [Local agriculture administration bodies in the Lower Volga region (1917–1927)]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie – RGGU/RSUH Bulletin. Series: History. Philology. Culturology. Oriental studies*. 4 (84). pp. 110–119.
36. Goncharova, S.V. (2011) Struktura, funktsii i deyatel'nost' Narodnogo komissariata zemledeliya Chuvashskoy ASSR v 1925–1929 gg [The structure, functions and activities of the People's Commissariat of Agriculture of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic in 1925–1929]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 6-2 (12). pp. 30–32.
37. Kaz'mina, M.V. (2017) Political Campaigns of 1929 and Their Role in Dividing the Peasantry of the Kuznetsk District. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. 2 (14). pp. 43–51. (In Russian).
38. Lopatina, N.L. (2016) Collectivization as the cause of transformation of the peasant labour culture. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*. 2:2 (28). pp. 3–13. (In Russian).
39. Tumanova, A.S. (2019) *Obshchestvennye organizatsii v Rossii: pravovoe polozhenie. 1860–1930-e gg.* [Public organizations in Russia: legal status. 1860s–1930s]. Moscow: Prospekt.
40. RSFSR. (1932) Postanovlenie VTSIK, SNK RSFSR ot 10.07.1932 "Ob utverzhdenii Polozheniya o dobrovol'nykh obshchestvakh i soyuzakh" [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR of 10.07.1932: On the approval of the regulations on voluntary societies and unions]. *SU RSFSR – Collection of laws of the RSFSR*. 74. Artt. 331.A.

Received: 22 December 2020

И.С. Жутиховская, И.Ю. Буравлев

КЕРАМИЧЕСКИЕ ЛИТЕЙНЫЕ ФОРМЫ ИЗ ПАМЯТНИКА КРУГЛАЯ ДОЛИНА В ПРИМОРЬЕ: ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00081).

Проведено комплексное исследование коллекции литейных форм из многослойного памятника Круглая Долина, относящихся предположительно к периоду государства Бохай, 698–926. Определены некоторые технологические особенности изготовления форм, позволяющие заключить, что изделия представляют продукцию разных мастеров. С помощью методов сканирующей электронной микроскопии (SEM), энергодисперсионной спектроскопии (EDS), рентгеновской флуоресцентной спектроскопии (pXRF) на поверхности керамических форм диагностированы следы металлов, входящих в состав бронзовых сплавов. Результаты анализов дают основание для предположений о соответствии состава сплавов, отливаемых в исследованные керамические формы, составу бронз из памятников бохайского времени в Приморье.

Ключевые слова: бронзолитейное производство; период государства Бохай; методы естественных наук; техническая керамика.

Введение. Одной из основных категорий древней технической керамики являются литейные формы. Их находки на археологических памятниках разного времени представляют значительный интерес как свидетельства металлообработки. Сложившаяся схема исследования этих артефактов включает морфологическую характеристику, реконструкцию типов отливок и определение технологических особенностей изготовления форм [1–3]. Использование современных физико-химических методов анализа позволяет получить информацию для идентификации состава и режима температурной обработки керамической массы литейных форм. Отдельным направлением исследований является диагностика следов металлов, из которых в керамических формах отливались изделия. Результаты идентификации приобретают особую научную ценность в тех случаях, когда литейные формы являются единственными свидетельствами металлообработки для изучаемого памятника или культуры [4–7].

В регионе Приморья известны два археологических памятника, на которых обнаружены литейные формы. На многослойном поселении Синие Скалы в восточном Приморье найдена серия каменных литейных форм, связанная с остатками бронзолитейной мастерской предположительно конца 1 тыс. до н. э. – рубежа эр. [8. С. 48–50]. Другое местонахождение – многослойный памятник Круглая Долина (Новогордеевское селище), рядом с городищем Круглая Сопка (Новогордеевское городище) в центральном Приморье (рис. 1). Найденная здесь серия керамических литейных форм связывается исследователями с остатками сильно разрушенного производственного комплекса, который, по предварительному определению, относится к периоду государства Бохай, 698–926. В комплекс бронзолитейного инвентаря, помимо литейных форм, входят также серия керамических льячек и керамическое сопло. Исследователями была дана краткая характеристика литейных форм из Круглой Долины, однако до настоящего времени они не являлись предметом специального изучения [8. С. 53–72; 9].

Наша статья представляет опыт междисциплинарного подхода к исследованию керамических литейных форм. Коллекция керамических форм из селища

Круглая Долина анализируется с позиций традиционной морфологической систематизации и естественно-научных методик. Методы естественных наук используются для получения информации о технологических особенностях изготовления форм и, что особенно важно, для идентификации следов металлических сплавов на их рабочих поверхностях. Задача статьи – представить полученные результаты, предложить их интерпретацию и наметить перспективы дальнейших исследований.

Материалы исследования. Коллекция керамических литейных форм, рассматриваемая в настоящем исследовании, включает 47 единиц, из них 26 – это целые и минимально поврежденные изделия; остальные экземпляры представлены фрагментами¹. Все изделия относятся к категории разъемных форм многократного использования. Ранее исследователями отмечено, что среди них есть двусторонние формы для отливки круглых пуговиц (блях) с петелькой и односторонние с плоскими крышками, в которых отливались изделия типа подвесок и ажурные украшения [8. С. 71; 9].

Наиболее представительные серии в коллекции составляют целые и фрагментированные формы, предназначенные для отливки полусферических пуговиц, или блях, с петелькой (рис. 2, 1–4) и изделий, которые можно условно обозначить как подвески с двумя «хвостиками» (рис. 2, 5–7). Судя по сохранившимся образцам литейных форм, подвески с «хвостиками» имели несколько морфологических вариантов, однако их четкую систематизацию провести пока невозможно. Небольшой серией представлены формы для отливки ажурных украшений в виде розетки в круте (рис. 2, 8–10). В единственном экземпляре представлена половинка односторонней формы для отливки изделия (подвески?) в виде «пучка» из трех узких длинных полосок (рис. 2, 11). В одном случае по сохранившемуся фрагменту можно предполагать отливку изделия в виде пластины с зубчатыми краями (рис. 2, 12).

Бронзовые изделия, отлитые в формах из Круглой Долины, не были обнаружены ни на этом памятнике, ни в культурном горизонте бохайского времени на соседнем городище Круглая Сопка (Новогордеевское

городище). В бохайских памятниках Приморья встречаются полусферические пуговицы-бляхи, однако этот тип бронзовых изделий, как отмечают исследователи, имеет широкий временной и территориальный диапазон [8. С. 71]. Единственная бронзовая подвеска, очень похожая на наши подвески с «хвостиками»,

найдена в северо-восточном Приморье, на памятнике Водораздельная, в культурном горизонте, предварительно определенном как раннесредневековый [10]. Бронзовые аналоги ажурных розеток, изделий в виде пластин с зубчатыми краями или «пучка» из длинных полосок в Приморье пока не известны.

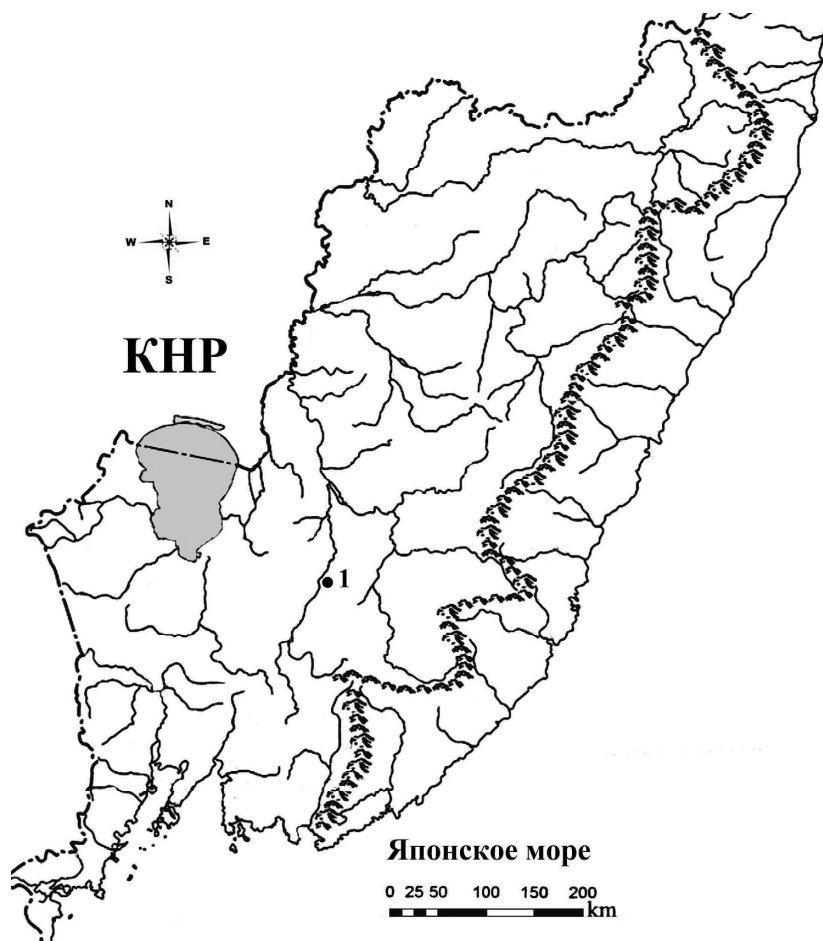

Рис. 1. Памятник Круглая Долина. Местоположение на карте Приморья

Следует особо отметить, что вскоре после раскопок все целые и часть фрагментированных литейных форм были покрыты в целях консервации тонким слоем клеевого вещества типа БФ-6. Наличие искусственного клеевого покрытия на изделиях было принято во внимание при отборе объектов для проведения исследований естественнонаучными методами.

У большинства целых и фрагментированных форм зона отливки и литника имеет темно-серую или черную окраску (зона припека), что является признаком насыщения керамической массы углеродом в процессе литья изделий. В нескольких случаях участки, соответствующие контуру отливок, видны на половинках форм, служивших крышками. У серии целых и фрагментированных половинок с оттисками для отливки все поверхности «чистые», без темных участков. Это может свидетельствовать о том, что данные формы были изготовлены, но по каким-то причинам не использованы для литья.

Методы исследования. Для проведения исследований с применением естественнонаучных методов были отобраны 34 образца литейных форм, из кото-

рых 13 – целые или минимально поврежденные изделия, остальные 21 в большей или меньшей степени фрагментированы. Объектам исследования (образцам форм) присвоены порядковые номера 1–34.

Характеристика формовочных масс, из которых изготовлены литейные формы, проводилась по участкам изломов у минимально поврежденных и фрагментированных изделий. Предварительный визуальный осмотр позволил выделить:

1) массу с преобладанием очень мелких непластичных включений, достаточно однородную – она отмечена у небольшого числа фрагментов;

2) массу с непластичными включениями разных размерных рангов, которая характерна для большинства фрагментов. Затем было проведено бинокулярное исследование шлифов 12 объектов, представляющих эти вариации формовочной массы.

Метод исследования шлифов позволяет определять текстурные особенности, количество и характер распределения минеральных и органических включений, количество и форму пустот (пор) и некоторые другие признаки формовочной массы [11, 12].

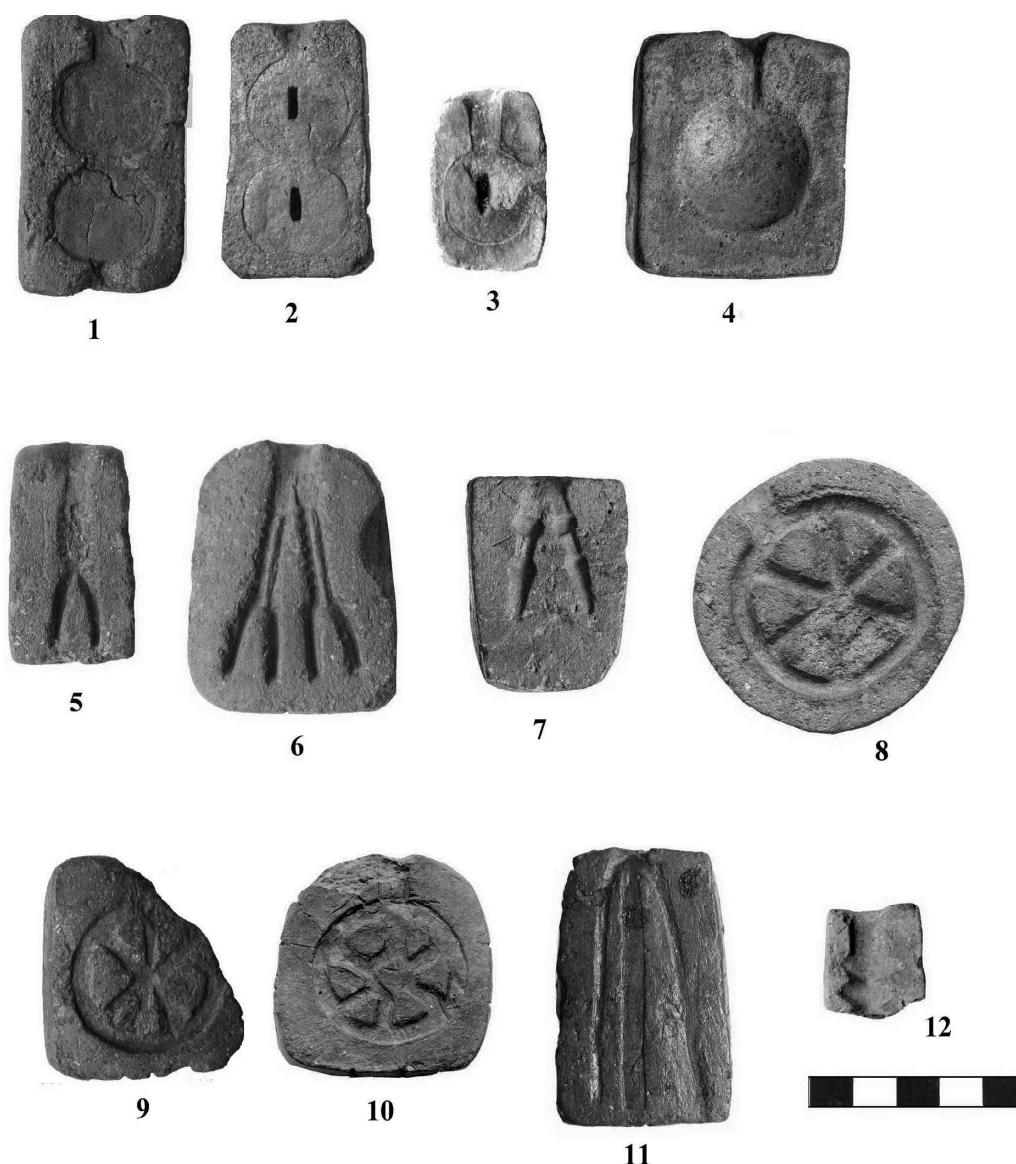

Рис. 2. Виды керамических литейных форм из памятника Круглая Долина

Для получения дополнительной информации об особенностях глинистого сырья использован метод повторного обжига в лабораторных условиях. Выдержка археологических образцов при 850°C в течение 30 минут позволяет выявить цвет глины в состоянии полного окисления. Как правило, разные глины обнаруживают свои особенности окраски после обжига. Это помогает определять видовой состав пластичного сырья, из которого изготовлены исследуемые керамические артефакты [13. Р. 23, 104–107]. Повторный обжиг при температуре 900°C был применен к 5 объектам (фрагментированным образцам). Этот метод хотя и не нарушает целостность археологического предмета, необратимо меняет его цветовую палитру. В тех случаях, когда исследуются редкие и ценные артефакты, повторный обжиг целесообразно применять лишь для ограниченных серий образцов. Особенно это важно для керамических литейных форм, у которых повторный обжиг приводит к исчезновению («выгоранию») науглероженных участков рабочей поверхности и к изменению физико-химических характеристик, что может негативно отразиться на ре-

зультатах диагностики следов сплавов на рабочих поверхностях.

Для получения информации о структурных трансформациях глинистого вещества в результате температурной обработки (обжига) в современной археометрии используется метод сканирующей электронной микроскопии (SEM). По степени витрификации глины можно судить о температурном режиме и качестве обжига изделий, в частности керамических литейных форм [5]. В настоящее время сканирующая электронная микроскопия достаточно успешно применяется в работе с первобытной и средневековой керамикой юга Дальнего Востока [14]. Данный метод был использован и в исследовании литейных форм из Круглой Долины. Также в целях получения информации о качестве обжига проведен лабораторный тест на определение показателя водопоглощения для нескольких фрагментированных изделий, не имеющих на поверхности клеевого покрытия. Этот показатель позволяет оценить, насколько хорошо спечен керамический череп в результате температурной обработки [13. Р. 125–130].

Для определения химического элементного состава вещества керамических литейных форм и диагностики следов сплавов, предположительно отливавшихся в них, в современных исследованиях используется энергодисперсионная спектроскопия (EDS), в частности, совмещенная с электронной микроскопией (SEM-EDS), энергодисперсионная рентгеновская флуоресцентная спектроскопия (ED-XRF), рентгеновская флуоресцентная спектроскопия (XRF), рентгеновская фотоэлектронная спектроскопия (XPS). Эти методы отличаются высокой чувствительностью и являются неразрушающими, т.е. не требуют для проведения исследований нарушения целостности археологического образца. Следы вещества сплавов определяются на «рабочих» поверхностях керамических форм, т.е. на участках, которые в процессе литья непосредственно контактировали с металлом [4–6].

В нашем исследовании элементный анализ вещества поверхности керамических форм и идентификация вероятных следов сплавов осуществлялись методом энергодисперсионной спектроскопии на стацио-

нарной SEM-EDS установке EVO-40 и методом рентгеновской флуоресцентной спектроскопии с помощью портативного pXRF-анализатора Olympus Delta Professional DP 4000.

Исследования на SEM-EDS установке были подвергнуты 12 образцов (объектов), не покрытых клеем². У серии объектов рабочая поверхность насыщена с разной степенью интенсивности углеродом (рис. 3). Это фрагменты двусторонних форм для отливки круглых пуговиц-блях (№ 15, 18, 20, 31, 33, 34), фрагмент односторонней формы для отливки, предположительно, парных подвесок с «хвостиками» (№ 13), фрагмент формы для отливки ажурной «розетки» (№ 23), фрагмент крышки, на одной из сторон которой участок, насыщенный углеродом, имеет размытые очертания отливавшихся изделий, предположительно парных подвесок (№ 25). Объекты без следов насыщения углеродом – это фрагменты половинок форм (№ 16, 22) и целая крышка односторонней формы (№ 26). Также измерения были проведены для «нерабочей» стороны объекта № 15, не имеющей следов науглероживания.

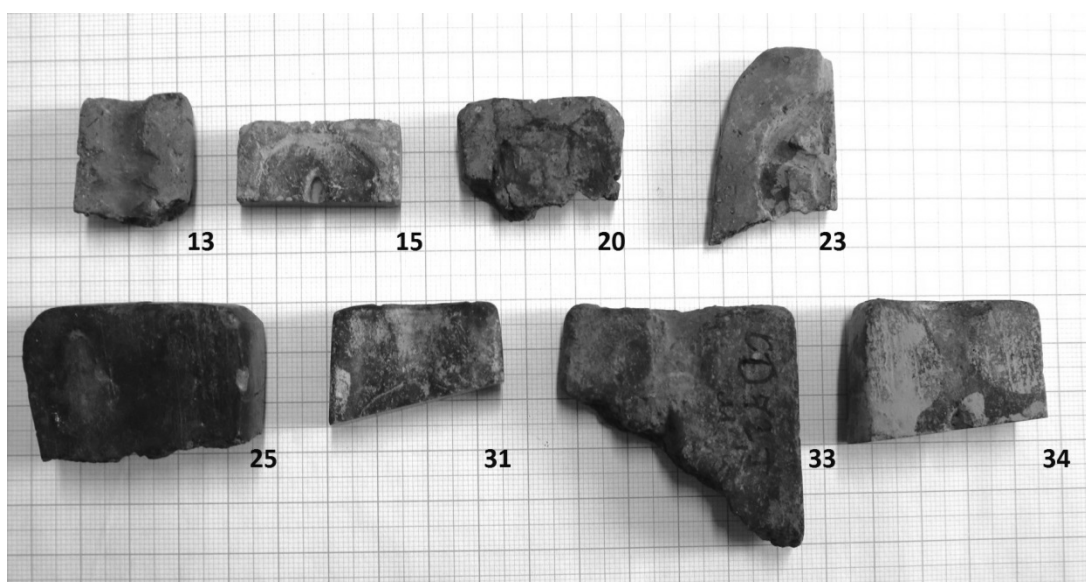

Рис. 3. Объекты, исследованные методом SEM-EDS: фрагменты керамических форм с признаками насыщения углеродом рабочей стороны. На фото указаны порядковые номера объектов

Съемка EDS-спектров для всех объектов проводилась в зонах вероятного соприкосновения керамической поверхности с металлом. Количество участков съемки для одного объекта – от 1 до 3, количество спектров соответственно – от 11 до 54. Метод EDS определяет содержание элементов в спектрах (в % от весового состава) на уровне полуколичественного анализа, имеющего ориентировочный характер. Для корректности наблюдений по количественным характеристикам учитывались значения от 1,0% и выше.

Метод pXRF позволяет анализировать сравнительно большие площади поверхности (10–20 мм), давая представление об усредненном по количественному показателю элементном составе, но имеет ограничения по количеству и точности определяемых элементов. Указанное ограничение не касается элементов, представляющих интерес в контексте нашего исследования, поскольку pXRF-анализатор использовался для локального ана-

лиза поверхности с целью определения остаточного присутствия элементов металлов Pb, Cu, Sn и Zn. Данные, полученные pXRF-анализатором, дополняют данные SEM-EDS результатами анализа поверхностей, имеющих на себе клеевое покрытие. Была исследована серия из 34 объектов (целые и фрагментированные формы) как с покрытием, так и без него. Определения качественного элементного состава проводились на «рабочих» поверхностях форм в зоне отливки и на «нерабочих» участках (внешняя сторона, торцы). Количество измерений (спектров) для одного объекта – от 2 до 3, общее количество измерений для всей серии – 78.

Результаты исследования. В данном разделе представлена информация по морфологическим, технологическим характеристикам литейных форм и результатам определения элементного состава вещества рабочих поверхностей форм с целью идентификации следов сплавов.

Морфологические характеристики. Большинство форм из нашей коллекции имеет прямоугольные или прямоугольно-трапециевидные очертания, варьируя по пропорциям и размерам. Такие формы предназначались для отливки полусферических пуговиц и подвесок (рис. 2, 1–3, 5–7, 11). Параметр длины таких форм (в тех случаях, когда его можно зафиксировать точно) варьирует в пределах 4,0–7,0 см, ширина – от 2,0 до 4,5–5,0 см. Есть формы, по очертаниям близкие к квадрату. Они предназначались для отливки полусферических пуговиц (рис. 2, 4), ажурных розеток (рис. 2, 9). В одном экземпляре присутствует форма, по очертаниям представляющая нечто среднее между квадратом и кругом – для отливки розетки (рис. 2, 10). Также есть единственный экземпляр формы в виде круга диаметром 6,0 см – для отливки ажурной розетки (рис. 2, 8). Практически для всех экземпляров коллекции, как целых, так и фрагментов, может быть определен параметр толщины, варьирующий от 0,5 до 2,5 см, с преобладающими значениями 1,0–1,5 см.

Технология изготовления. Исследователи отмечали ранее, что литейные формы Круглой Долины изготовлены из глинистой массы со значительными примесями песка [7. С. 71; 8]. Наши данные позволяют уточнить это наблюдение. По результатам бинокулярного исследования аншлифов можно выделить две текстурные группы формовочных масс, соответствующие в целом тем вариациям, которые бы-

ли предварительно обозначены визуальным наблюдением.

Формовочная масса первой группы может быть условно названа тонко-текстурной (рис. 4, 1). При бинокулярном исследовании фиксируется большое количество зерен размером $\leq 0,2$ мм, равномерно распределенных в массе и представляющих, скорее всего, естественную алевритовую примесь предположительно кварц-полевошпатового состава. Единичны включения размером 0,5–1,5 мм. Формовочная масса второй группы содержит значительное количество алевритовой примеси и непластичные включения размером 0,5–2,0 мм в количестве от 10–15% до 25–30%, достаточно равномерно распределенные в объеме массы. В большинстве случаев в составе непластичных включений присутствуют кварц, полевой шпат, редкие зерна осадочных пород, гематита (рис. 4, 2). В ряде случаев в составе непластичных включений размером 0,5–2,0 мм отмечается большое количество зерен гематита, зерна гранита, кварц, полевой шпат. Контуры зерен – угловатые или сглаженные. Минеральные включения размером $\geq 0,5$ мм можно, вероятно, определять как искусственную примесь просеянной дресвы или слабоокатанного песка. Включения гематита являются, скорее всего, естественными примесями в глине. Ни в одной из групп не отмечены признаки включений органического происхождения (пустоты от выгоревшей растительной примеси, обломки раковин и др.).

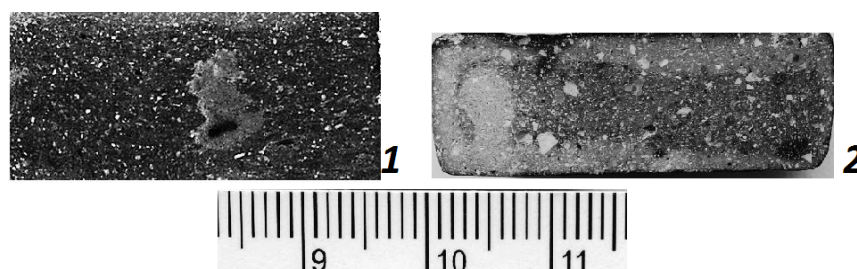

Рис. 4. Фото аншлифов. Формовочные массы керамики: 1 – первая группа; 2 – вторая группа

Повторный обжиг 5 фрагментированных образцов с формовочной массой второй группы проводился после того, как объекты были исследованы с помощью EDS и pXRF для диагностики следов сплавов на науглероженных участках поверхности (как отмечено выше, повторный обжиг удаляет углерод из керамики). Цвет полностью окисленных объектов № 6, 8, 11, 18 – насыщенный оранжево-красный, цвет объекта № 31 – светлый, оранжево-желтый. Этот результат можно интерпретировать как свидетельство того, что для изготовления форм использовались разные глины.

Поверхность керамических форм покрыта тонким слоем водно-глинистой обмазки и заглажена. Большинство форм имеет на торцовых длинных и коротких сторонах поперечные бороздчатые углубления шириной 1,0–2,0 мм, оставленные на еще пластичной массе, до обжига Бороздки расположены на торцовых плоскостях слегка наклонно или вертикально (рис. 5). Очевидно, бороздки делались заранее для сцепления половинок формы во время литья при помощи, например, тонкой лезы или жилы. Плотное соединение двух половинок было технологически необходимо в процессе литья в форму [15].

В большинстве случаев в окраске керамических форм, за исключением науглероженной зоны отливки и литника, преобладают грязновато-желтые, блекло-оранжевые, светло-коричневые тона, свидетельствующие о первичном окислительном обжиге. Особую группу составляют 4 изделия, имеющих ровную интенсивно темную окраску всех поверхностей: 2 фрагмента форм для отливки, предположительно, подвесок с «хвостиками» (№ 8, 28), крышка односторонней формы (№ 1), фрагмент крышки с «теневыми» контурами отливок, предположительно, парных подвесок (№ 25). Изломы у фрагментированных объектов имеют бурый цвет. Темно-серая или черная окраска поверхности может быть результатом использования при обжиге приема «дымления», насыщающего керамику углеродом и окрашивающего ее в темный цвет.

Показатель водопоглощения, измеренный для нескольких объектов, находится в интервале 10,2–14,5%, что соответствует керамической массе среднего качества, достаточно плотной, но не относящейся к категории «каменной», или высокотемпературной, керамики [13. Р. 127–130]. Исследование на сканирующем электронном микроскопе поверхности прямо-

угольной половинки-крышки формы (№ 26) ровного оранжево-желтого цвета, без следов использования показало отсутствие признаков витрификации глини-

стого вещества. Это указывает на температуры обжига не выше 800–850°C, что согласуется с данными по водопоглощению.

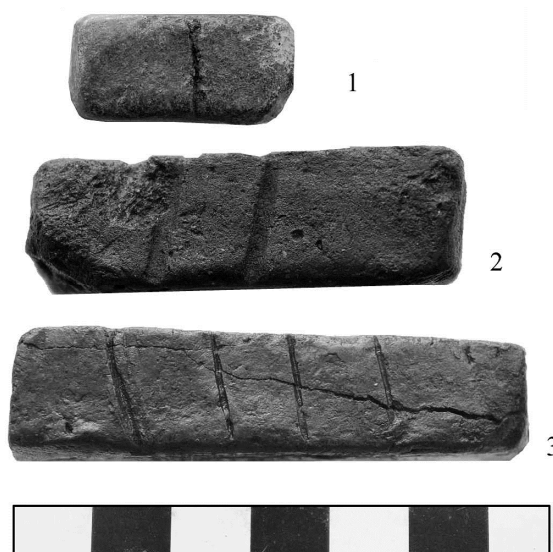

Рис. 5. Бороздчатые углубления на торцовых сторонах литейных форм

Между морфологическими параметрами, технологическими характеристиками литейных форм и видами отлившихся в них изделий не прослеживается определенной связи. Так, формы для отливки полусферических пуговиц-блях варьируют по длине от 0,54 до 0,69 см, по ширине – от 0,28 до 0,57 см, по толщине – от 0,10 до 0,22 см. Конфигурация форм различна – удлиненно-прямоугольная, прямоугольно-трапециевидная, близкая к квадрату. Среди них есть образцы с формовочной массой как первой, так и второй групп. Размерные показатели форм для отливки подвесок «с хвостиками»: длина от 0,41 до 0,59 см, ширина – от 0,27 до 0,46 см, толщина – от 0,9 до 2,5 см. Конфигурация форм варьирует. Формовочные массы также различны.

Элементный состав. По результатам SEM-EDS для всех исследованных объектов основными компонентами являются элементы состава вещества глины и керамики – кремний (Si), алюминий (Al), калий (K), натрий (Na), кальций (Ca), магний (Mg), железо (Fe), титан (Ti). Для группы объектов со следами насыщения рабочих поверхностей углеродом в восьми случаях из девяти установлено присутствие в спектрах наряду с элементами, входящими в состав вещества, глины и керамики, элементов-металлов, которые можно связывать со следами сплавов. Это свинец (Pb), олово (Sn), медь (Cu) (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Присутствие Pb, Sn, Cu в объектах, по данным SEM-EDS

Объект №	Элемент		
	Pb	Sn	Cu
13	+	+	+
15	–	+	+
20	+	–	–
23	–	–	+
25	+	+	–
31	+	+	–
33	+	–	–
34	+	+	–

Примечание. В таблице указаны данные по присутствию элементов-металлов с количественным показателем в спектрах $\geq 1,0\%$.

Наиболее постоянным элементом в EDS-спектрах является свинец. Его содержание варьирует в широких пределах с максимальными значениями 38,97% (объект № 34) и 52,56% (объект № 25). Содержание олова варьирует от 3,61% (объект № 13) до 33,86% (объект № 34), меди – от 2,02% (объект № 13) до 10,69% (объект № 15). На спектрограммах хорошо выражены пики свинца и общие пики свинца и кремния (рис. 6, 1). В некоторых случаях отмечаются выразительные пики олова (рис. 6, 2). Пики меди – наиболее слабые (рис. 6, 3). Можно отметить тенденцию к более высоким концентрациям олова по сравнению с медью. Цинк (Zn) выявлен только в 1 объекте (№ 20) и только в 1 спектре, его содержание очень незначительно ($<0,5\%$), поэтому далее во избежание ошибочных интерпретаций этот элемент не рассматривается как потенциальный компонент сплавов.

Особо отметим присутствие мышьяка (As) в ряде объектов (№ 13, 31, 20, 25, 33). Этот элемент, не характерный для состава глины и керамики, интересен как потенциальный компонент (примесь) сплавов [8. С. 61, 74]. В одном случае (объект № 13) содержание мышьяка составляет до 1,36%, в других объектах его содержание измеряется в десятых и сотых долях процента. Также можно отметить присутствие бария (Ba) в концентрации до 2,0% в объектах № 20 и 25. Этот элемент известен как примесь в медных рудах, но может присутствовать и в осадочных глинистых породах [16].

Элементный состав EDS-спектров, снятых на рабочих сторонах объектов без признаков насыщения углеродом (№ 16, 22, 26), объекта № 18 со следами присутствия углерода, а также спектров «нерабочей» стороны объекта № 15, достаточно однороден и соответствует составу вещества глины и керамики. Исследование показало полное отсутствие в спектрах свинца, меди, олова, цинка, а также мышьяка и бария (рис. 6, 4).

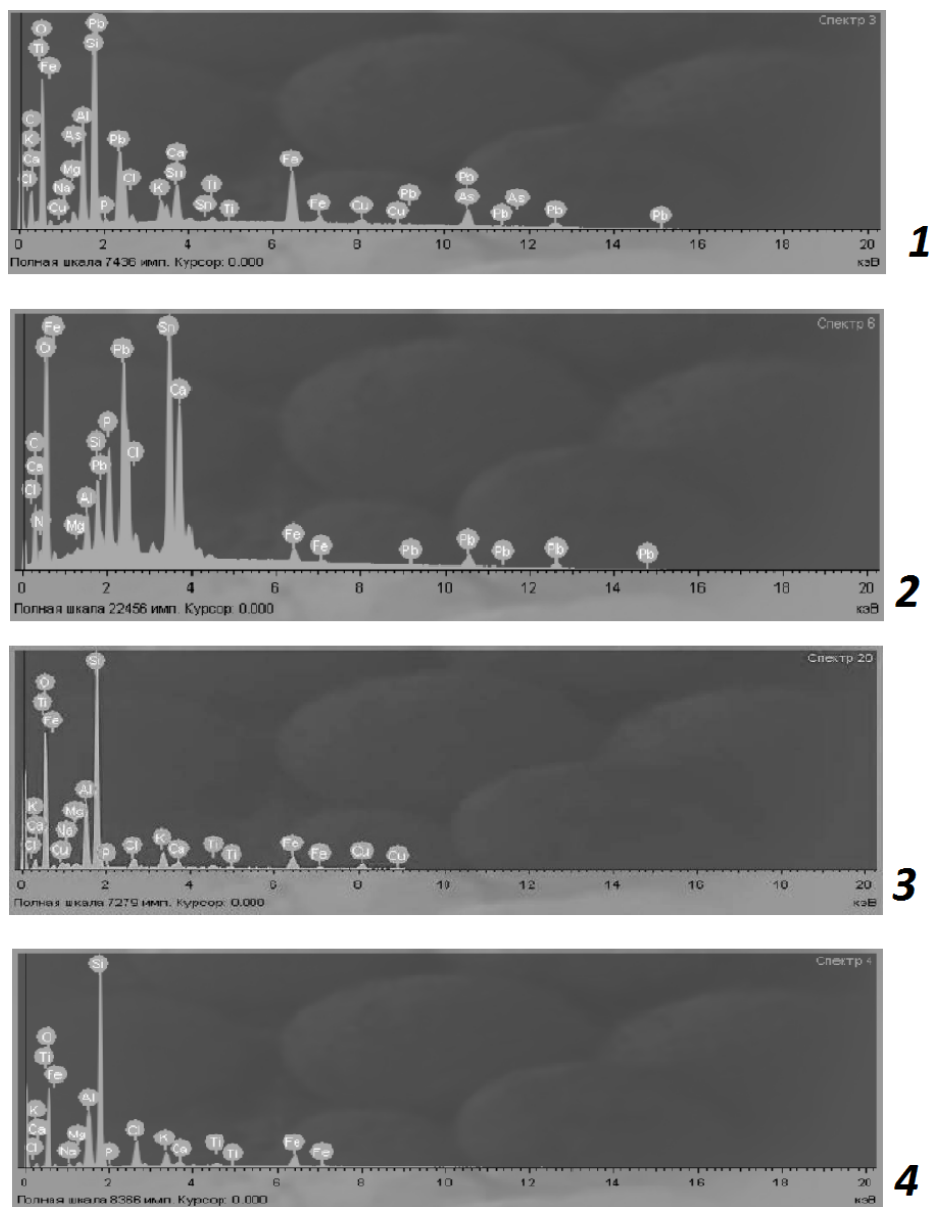

Рис. 6. Спектрограммы: 1 – объект № 13, участок 1, спектр 3. В составе спектра – свинец (Pb), олово (Sn), медь (Cu), мышьяк (As); 2 – объект № 34, участок 1, спектр 6. В составе спектра – свинец (Pb), олово (Sn); 3 – объект № 23, участок 1, спектр 20. В составе спектра – медь (Cu); 4 – объект № 16, участок 1, спектр 4. Элементный состав спектра соответствует стандартному составу глины и керамики

Содержание железа (Fe) в элементном составе объектов со следами использования составляет 4,88–21,39%, в составе объектов без следов использования – 7,89–24,97%. Данные показатели можно объяснить высокой степенью ожелезненности глинистого сырья, из которого были изготовлены литейные формы. Как известно, для региона Приморья характерны глины с высоким содержанием железа.

Интересны данные по содержанию фосфора (P) и кальция (Ca) в составе EDS-спектров, полученных для объектов со следами использования и объектов без следов использования. Можно выделить две группы спектров – с низкой и высокой концентрацией фосфора и кальция. Низкая концентрация фосфора (до 1,12%) отмечена для объектов со следами использования, не содержащих свинец (№ 15, 23), и для всех объектов без следов использования. Высокая концентрация фосфора (от 3,22 до 11,63%) отмечается толь-

ко для объектов со следами использования, содержащих свинец (№ 13, 20, 25, 31, 33, 34). Низкая концентрация кальция (до 3,60%) отмечена в объектах без следов использования и в объектах со следами использования, не содержащих свинец (№ 15, 23). Высокая концентрация кальция (5,76–19,24%) отмечена в объектах со следами использования, содержащих свинец (№ 13, 20, 25, 31, 33, 34). Таким образом, наблюдается определенное соответствие между концентрациями фосфора и кальция и содержанием свинца в составе EDS-спектров. В этой связи особый интерес представляют данные по образцу № 31. На одном из двух участков съемки EDS-спектров высокие концентрации фосфора (11,34%) и кальция (17,24%) зафиксированы в точке, соответствующей минеральному включению угловатой формы (рис. 7, 8). Более детальное обсуждение этой ситуации представлено ниже.

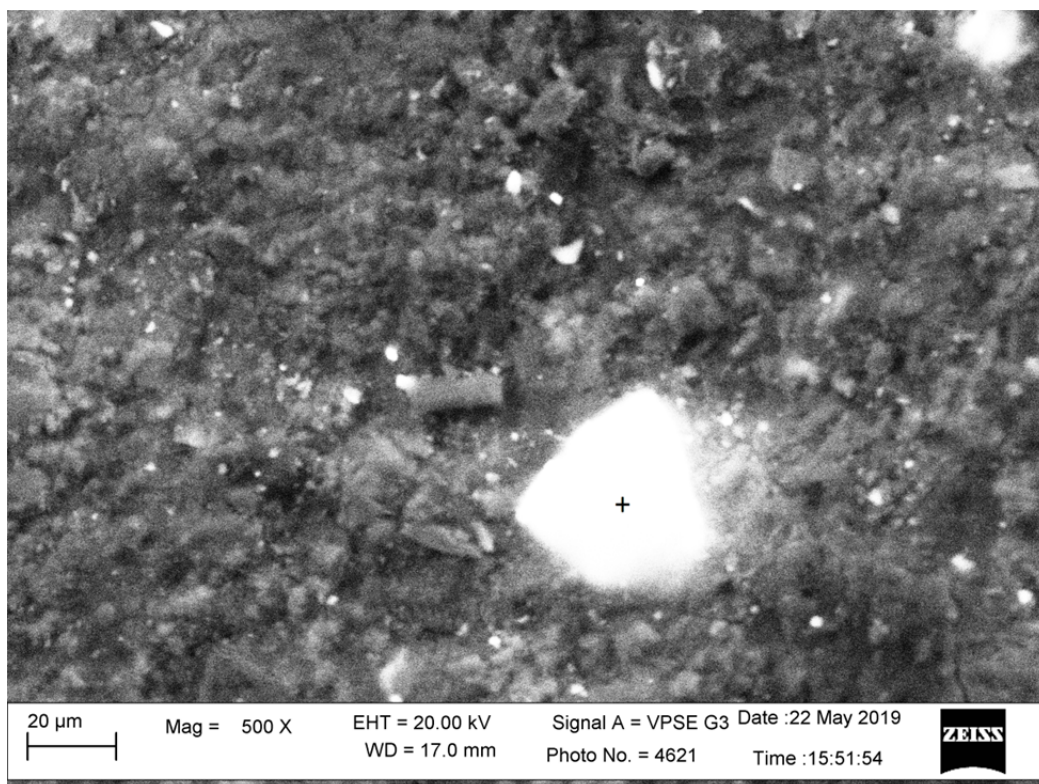

Рис. 7. Электронный скан: объект № 31, участок 1. В центре – включение угловатой формы (+), в составе которого диагностированы высокие концентрации фосфора (P) и кальция (Ca)

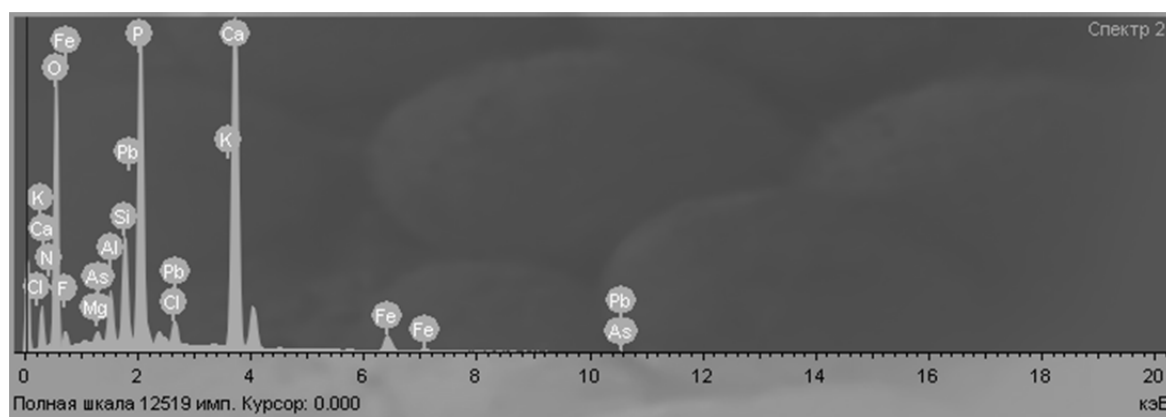

Рис. 8. EDS-спектр: объект № 31, участок 1, спектр 2. Точка снятия спектра соответствует минеральному включению угловатой формы (рис. 7)

Присутствие Pb, Sn, Cu в объектах, по данным pXRF

Т а б л и ц а 2

№ объекта	Элемент		
	Pb	Sn	Cu
1	+	–	–
2	+	–	–
3	+	–	–
4	+	–	–
5	+	–	–
8	+	–	+
13	+	+	+
25	+	–	–
28	+	–	+
31	+	–	–
33	+	–	+
34	+	+	–

Примечание. Объекты № 1–8, 28 имеют клеевое покрытие.

Исследование с помощью pXRF выявило для всех 34 объектов некоторые элементы основного состава глины и керамики – Si, Al, Fe, Ti. На рабочих сторонах 12 объектов диагностировано присутствие свинца, меди и олова (см. табл. 2). Рабочие стороны у всех 12-ти объектов имеют признаки науглероживания. Для остальных 22 объектов – как со следами насыщения углеродом, так и «чистые» – следы металлов на «рабочих» сторонах не были выявлены.

В целом результаты идентификации вероятных следов сплавов с помощью pXRF не противоречат данным, полученным методом SEM-EDS. Наиболее постоянным элементом является свинец, в нескольких случаях он встречен в сочетании с медью и/или оловом. Однако отметим, что между данными по диагностике элементов-металлов, проведенной для одних и тех же объектов методами EDS-анализа и pXRF, нет полного соответствия. В объектах № 15, 20, 23 энергодисперсионная спектроскопия выявила присутствие элементов-металлов, но с помощью pXRF эти элементы обнаружить не удалось. Далее, есть расхождения в составе элементов-металлов, установленном для некоторых объектов (№ 25, 31, 33, 34) методами EDS и pXRF (см. табл. 1, 2). Также в силу аналитических ограничений метода не был выявлен мышьяк, который удалось диагностировать с помощью EDS.

Обсуждение результатов. Материалом для изготовления наших литейных форм служило ожелезненное глинистое сырье с большим содержанием алевроитовой фракции кварц-полевошпатового состава. По результатам повторного обжига можно предполагать работу с разными, как минимум двумя, сортами глины. Иногда глина использовалась без каких-либо добавок, что обуславливало «тонкую» текстуру формовочной массы. Но чаще в пластичную массу добавлялись минеральные примеси, которые предварительно можно определить как песок, или смесь песка и дресвы. Известно, что в формовочную массу для технической керамики обычно вводились различные минеральные добавки, в частности песок, а также органические примеси [2, 3, 5, 17, 18]. Однако в составе форм из Круглой Долины следы органических включений не обнаружены.

Температурный режим обжига исследованных изделий позволял получать керамический материал среднего качества, удовлетворяющий задаче многократного использования форм для процесса отливки. Материал литейных форм близок по качеству черепу керамической посуды из памятников Приморья бохайского времени, к которому предположительно относятся остатки бронзолитейного комплекса. Однако в коллекциях бохайской керамики серийно присутствуют образцы и более высокого качества с показателем водопоглощения 5,0–10,0% и признаками витрификации глинистого вещества, что указывает на температуры обжига $\geq 850^{\circ}\text{C}$ [14]. В этой связи интересна информация по обжигу керамических литейных форм из памятников Китая периода Восточного Чжоу (770–256 г. до н. э.). Исследователи отмечают, что литейные формы обжигались при температурах более низких, чем температуры обжига керамической посуды, составлявшие $800\text{--}1000^{\circ}\text{C}$ [5].

Наша коллекция литейных форм представляет, по-видимому, продукцию разных мастеров, практиковавших различные технологические стандарты изготовления керамических шаблонов для бронзовых отливок. Выявленные вариации в характере глинистого сырья, текстуре формовочных масс являются, вероятно, следствием разных предпочтений в работе с исходным материалом. Вариабельность размеров и конфигурации форм, особенно тех, что предназначались для отливки одинаковых предметов, также указывает на отсутствие общих стандартов. В плане диагностики технологического «почерка» на индивидуальном уровне интересна группа из 4 форм, обожженных с использованием приема «дымления». Общим признаком этих изделий является также значительная толщина (1,7–2,5 см), что выделяет их среди других исследованных объектов. Возможно, эти формы изготовлены в рамках одного технологического стандарта (изделия одного мастера или одной мастерской).

Исследование с помощью SEM-EDS и pXRF керамических форм с признаками использования в виде потемневших, науглероженных участков на «рабочих» поверхностях было в целом результативным в плане обнаружения элементов-металлов, которые можно интерпретировать как следы бронзовых сплавов. При этом в ряде случаев pXRF-анализатор оказался способным диагностировать искомые элементы даже для объектов с клеевым покрытием поверхности. Общее число объектов, на рабочих поверхностях которых выявлены следы вещества сплавов, составляет 15, т.е. почти 1/3 общего количества форм в коллекции и почти половина из исследованных 34 предметов.

Согласно экспериментальным разработкам зарубежных исследователей, следы металла, которые могут быть диагностированы на керамических литейных формах, по своему элементному составу не являются полными аналогами сплавов, отливавшихся в данных формах. Элементы Pb (свинец), Sn (олово), Cu (медь), Zn (цинк), важные с точки зрения идентификации состава бронзовых сплавов, определяются на керамической поверхности с разной степенью точности. Свинец наиболее надежно и легко поддается диагностике. Этот элемент образует устойчивые соединения с силикатами, являющимися основой керамического вещества. Соединения олова и меди с силикатами неустойчивые, «летучие», поэтому данные элементы диагностируются в значительно более слабой степени по сравнению со свинцом. Диагностика цинка также имеет свои особенности. В целом концентрации перечисленных элементов, выявленных на поверхности керамических форм, не будут соответствовать их концентрациям в исходных сплавах. Несмотря на это, даже сам факт присутствия на литейных формах следов металлов, входящих в состав бронзовых сплавов, представляет несомненный интерес в контексте изучения древней металлообработки [4].

Учитывая, что рассматриваемые керамические формы предполагали, очевидно, многократное использование, мы можем выявить с наибольшей вероятностью следы последних отливок. Результаты наших исследований с помощью EDS и pXRF согла-

суются с приведенными экспериментальными данными об особенностях диагностики разных элементов-металлов на поверхности керамических форм. Наибольшую частоту случаев обнаружения и наибольшие концентрации показывает свинец, для олова и особенно меди характерны заметно более слабые проявления. Мы не соотносим напрямую данные о количественных концентрациях свинца, олова и меди в спектрах с вероятными соотношениями этих элементов в составе сплавов. Речь идет только о фиксации наличия или отсутствия определенных элементов и их относительных концентрациях.

По данным анализа большой группы объектов (№ 1–5, 8, 13, 20, 25, 28, 31, 33, 34) можно сделать заключение об использовании сплавов, легированных свинцом (см. табл. 1, 2). Отмеченная выше неустойчивость меди и олова в соединениях с силикатами может объяснять тот факт, что только в одном объекте (№ 13) выявлен ряд из 3 элементов – свинца, меди и олова (см. рис. 6, 1). В объектах № 25, 31 и 34 помимо свинца, диагностировано олово (рис. 6, 2), для этих случаев, вероятно, можно говорить о присутствии меди «по умолчанию». Для объекта № 20, по данным EDS, и объектов № 8, 28 и № 33, по данным рXRF, были диагностированы свинец и медь (в объекте № 20 менее 1,0%). Эти результаты можно интерпретировать двояко: либо в состав сплава олово не входило изначально, либо следы этого элемента не удалось обнаружить в процессе анализа. По данным EDS, в объекте № 23 диагностирована только медь (рис. 6, 3), в объекте № 15 – медь и олово. Учитывая, что свинец образует с силикатами значительно более стойкие соединения, чем медь и олово, его отсутствие в EDS-спектрах, полученных для данных объектов, с большой долей вероятности может указывать на то, что этот элемент изначально не входил в состав сплавов.

Диагностированное с помощью EDS присутствие мышьяка в объектах, содержащих свинец (№ 13, 20, 25, 31, 33) указывает на то, что этот элемент, вероятно, входил в рецептуру сплавов. Хотя нельзя исключать присутствие геохимической примеси мышьяка в рудах, которые использовались для получения сплавов. Что касается присутствия бария в составе объектов № 20 и 25, этот элемент может быть предварительно интерпретирован как геохимическая примесь в медной руде. Основанием для такого предположения, во-первых, является факт отсутствия бария в составе объектов без признаков использования и без следов сплавов (№ 16, 17, 22, 26). Во-вторых, наш опыт SEM-EDS исследований показывает отсутствие бария в составе археологической керамики и глин Приморья.

Согласно Л.В. Коньковой, бронзовые сплавы, легированные свинцом, известны на юге Дальнего Востока с рубежа н.э. В бронзолитейном деле бохайского времени практиковались семь типов сплавов. Ведущую роль играли трехкомпонентные сплавы, содержащие медь, олово, свинец. В ряде случаев в состав этих сплавов входил мышьяк как специальная добавка. Также были идентифицированы: сплав, состоящий из меди и олова, и чистая медь [8. С. 60–63]. Наши результаты вполне согласуются с этими выводами. Можно достаточно уверенно говорить об от-

ливке в формах из Круглой Долины изделий из многокомпонентных сплавов, содержащих медь, олово, свинец и, вероятно, мышьяк в качестве добавки. Диагностика сплава из чистой меди (№ 23) и сплава из меди и олова (№ 15) носит пока предварительный характер. Для проверки данного предположения указанные объекты должны быть повторно проанализированы с увеличением количества участков и точек съемки EDS-спектров в границах сохранившихся рабочих поверхностей форм.

Отмеченное выше соответствие между концентрациями фосфора (P) и кальция (Ca) в составе вещества исследованных объектов представляет определенный интерес для обсуждения. Что касается фосфора, его присутствие в составе археологической керамики диагностируется достаточно часто. Причины этого явления могут быть различными. Невысокие концентрации фосфора обычно связаны с попаданием его в пористый материал из почвенного слоя, в котором длительное время находились артефакты [19]. Фосфор в небольших количествах – от десятых долей % до 1,0–3,0% – является постоянным элементом в составе керамики из археологических памятников Приморья, как показывают наши исследования с помощью SEM-EDS. Вероятно, незначительное содержание фосфора в составе вещества литейных форм без следов использования имеет такое же естественное происхождение. Однако высокие концентрации этого элемента на «рабочих» поверхностях со следами металлов, прежде всего свинца, должны иметь иное объяснение.

В определенной степени схожую ситуацию отметим и для кальция. Этот элемент всегда присутствует в составе глин и, соответственно, в составе керамики. Для региона Приморья характерны глины с относительно низким содержанием Ca ($\leq 5,0$ –6,0%), что согласуется и с данными анализов состава древней керамики [14]. Невысокие концентрации кальция в EDS-спектрах, снятых с поверхностей литейных форм без следов использования, связаны, очевидно, с составом керамического вещества. Но кальций в значительных концентрациях на участках, где выявлено присутствие металлов (свинца) и высокое содержание фосфора, имеет, по-видимому, иное происхождение. Данные наблюдения позволяют поставить вопрос о связи фосфора и кальция с составом сплавов и их следами на поверхности керамических литейных форм. Эта проблема требует специального исследования.

Заключение. Комплексное исследование литейных форм как одной из категорий древней технической керамики осуществлено в археологии Приморья впервые. Полученные результаты представляют интерес как продолжение разработки темы истории цветной металлургии и металлообработки на юге Дальнего Востока России. Особое значение имеет тот факт, что рассматриваемая коллекция керамических форм происходит из не стратифицированного, разрушенного археологического памятника, содержащего следы бронзолитейного производства предположительно бохайского времени.

Технологические и морфологические характеристики литейных форм из памятника Круглая Долина позволяют заключить, что формы были изготовлены

разными мастерами. Это согласуется с гипотезой о том, что в данном месте находился комплекс мастерских по производству бронзовых изделий [8. С. 71; 9]. Наиболее интересным и новаторским результатом изучения керамических форм можно считать обнаружение на их рабочих поверхностях следов металлических сплавов. Наш опыт подтверждает эффективность использования методов энергодисперсионной спектроскопии (EDS) и рентгеновской флуоресцентной спектроскопии (XRF) для диагностики элементов металлов, входивших в состав древних бронз. Полученные данные позволяют предполагать соответствие сплавов, из которых отливались изделия в исследованных керамических формах, составам сплавов, известных в бронзолитейном производстве Бохая. Это заключение заслуживает особого внимания с учетом того, что для большинства видов бронзовых изделий, отливавшихся в формах из Круглой Долины, аналогии

на средневековых памятниках Приморья пока не обнаружены.

Как отмечалось выше, на памятнике Круглая Долина, помимо литейных форм, найдены и другие артефакты, относящиеся к технической керамике – тигли со следами металла, сопло. В дальнейшем планируются исследования этих материалов с использованием комплекса методов естественных наук, что в совокупности с результатами изучения литейных форм позволит получить новые данные по истории бронзолитейного производства на юге Дальнего Востока России.

Авторы признательны Ю.Г. Никитину, зав. Музеем археологии и этнографии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока за содействие и техническую помощь в подготовке статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Коллекция литейных форм из памятника Круглая Долина хранится в музее археологии и этнографии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

² Исследования проведены в Дальневосточном центре электронной микроскопии ННЦМБ ДВО РАН, г. Владивосток.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кренке Н.А., Тавлинцева Е.Ю. Литейные формы с Дьякова городища // Российская археология. 2002. № 4. С. 90–110.
2. Лопатина О.А. Технологическая характеристика глиняных литейных форм Дьякова городища // Российская археология. 2002. № 4. С. 111–112.
3. Дураков И.А., Кобелева Л.С. Техническая керамика кротовской культуры Центральной Барабы // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 23–25.
4. Kearns T., Martinon-Torres M., Rehren Th. Metal to mold: alloy identification in experimental casting molds using XRF // Historical Metallurgy. 2010. Vol. 44, № 1. P. 48–58.
5. Liu S., Wang K., Cai Q., Chen J. Microscopic study of Chinese bronze casting molds from the Eastern Zhou period // Journal of Archaeological Science. 2013. Vol. 40. P. 2402–2414.
6. Zong Y., Yao Sh., Lang J., Chen X., et al. Structural and compositional analysis of a casting mild shard from ancient China // PLoS ONE. 2017. Vol. 12, № 3. P. 1–13.
7. Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Shtertser N.V., Durakov I.A., Drebuschak V.A. Thermogravimetry in the Studies of Ancient Technical Ceramics // Chemistry for Sustainable Development. 2019. Vol. 27. P. 101–108.
8. Конькова Л.В. Бронзолитейное производство на юге Дальнего Востока СССР. Рубеж II–I тыс. до н.э. – XIII век н.э. Л.: Наука, 1989. 123 с.
9. Леньков В.Д., Семенченко Л.Е., Хорев В.А., Следы металлургического производства на раннесредневековом поселении в долине р. Арсеньевка // Вопросы истории и культуры народов Дальнего Востока. Владивосток, 1974. Вып. 2. С. 96–103.
10. Татарников В.А. Стоянка Водораздельная – новый памятник Северо-Восточного Приморья // Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток: Изд-во ДВНЦ АН СССР, 1981. С. 41–50.
11. Thuesen I., Oldenburg E., Iorgensen K. Microscope section analysis of pottery // Paléorient. 1989. Vol. 15, № 1. P. 273–278.
12. Santacreu D.A. Identifying spathic calcite recipe in archaeological ceramics: possibilities and limitations // Cerámica. 2014. Vol. 60. P. 379–391.
13. Shepard A.O. Ceramics for the Archaeologist. Washington, D.C.: Carnegie Institute press, 1985. 414 p.
14. Жутиховская И.С. Опыт применения электронной микроскопии в изучении археологической керамики юга Дальнего Востока // Записки Института истории материальной культуры. 2017. № 16. С. 75–91.
15. Дегтярева А.Д. Методика поверхностного изучения цветного металла // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 6. С. 117–126.
16. Мягкая И.Н., Сарыг-оол Б.Ю., Лазарева Е.А. Связь корреляций меди, цинка, селена, бария, ртути, серебра и золота в веществе потока рассеяния Урского хвостохранилища с его минеральным составом (Россия. Кемеровская область) // Вестник ВГУ. Серия: Геология. 2016. № 2. С. 122–132.
17. Mandal B., Datta P.K. Hot mold casting process of ancient East India and Bangladesh // China Foundry. 2010. Vol. 7, № 2. P. 171–177.
18. Sahlen D. Ceramic Evidence from Non-ferrous Metallurgy in the Mälaren Valley during the Viking Age // Prehistoric Pottery Across the Baltic / ed. by P.E. Pettersen / BAR S2785. Oxford, 2016. P. 75–80.
19. Freestone I.A., Middleton A.P., Meeks N.D. Significance of phosphate in ceramic bodies: discussion on paper by Bollong et al. // Journal of Archaeological Science. 1994. Vol. 21. P. 425–426.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 мая 2021 г.

Ceramic Casting Molds from the Kruglaya Dolina Site in the Primorye Region: A Case of an Interdisciplinary Study
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 135–146.
 DOI: 10.17223/15617793/470/16

Irina S. Zhushchikhovskaya, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: irina1zh@mail.ru

Igor Yu. Buravlev, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation); Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russky Island, Russian Federation). E-mail: buravlev.i@gmail.com / buravlev_igor@yahoo.com

Keywords: bronze-casting craft; period of Bohai state; natural sciences methods; technical ceramics.

The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20-18-00081.

The article presents an interdisciplinary study of casting molds as one of the kinds of old technical (“metalworking”) ceramics. The material of the study is ceramic molds (47 whole and fragmented samples) unearthed at the Kruglaya Dolina settlement in the central Primorye region. The molds and other objects of technical ceramics (crucibles, nozzle) were found in destroyed, non-stratified cultural deposits and connected with the remains of bronze-casting workshops complex which was dated supposedly to the Bohai state period, 698–926. The study aimed (1) to examine the morphological and technological characteristics of the molds, and (2) to detect traces of alloys at the working surfaces of the molds. The study employed methods of binocular microscopy and laboratory re-firing testing for (1), and scanning electron microscopy and energy dispersive spectroscopy (SEM-EDS), portable X-Ray fluorescence spectroscopy (pXRF) for (2). The analyzed ceramic molds were intended for the casting of semi-spherical buttons, several kinds of pendants, rosette-shaped openwork ornaments. Original bronze items which could be cast in these molds were not found at Kruglaya Dolina. According to the data on the morphological variability of the molds together with the results of the examination of the ceramic pastes technology, one can suppose that the casting molds were produced by different craftsmen or different workshops. SEM-EDS and pXRF analyses detected the traces of bronze alloys at 15 mold samples with carbonized working surfaces. Chemical elements – metals – lead (Pb), tin (Sn), and copper (Cu) are traced in various combinations at various samples. In some cases together with metals arsenic (As) is detected. The interpretation of these results follows methodological recommendations based on the published data of experimental research. The presence of certain elements can be stated, and their relative concentrations in the spectrum composition can be evaluated. However, it is necessary to take into account that the amounts of certain elements in the spectrum do not correspond to their amounts in the original alloy composition. Therefore, qualitative characteristics of the alloys can be determined, but not quantitative ones. According to the results, the three-component alloys containing copper, tin, and lead are recognized certainly. The tin-copper non-lead alloy and the “pure copper” alloy are supposed in some cases. Previous investigations on the old bronzes chemical compositions in southern Russian Far East revealed that three-component alloys (lead-tin-copper) containing arsenic had been used widely during the Bohai state period. Tin-copper and “pure copper” alloys were known at that time as well. It seems to be likely that the casting molds from the Kruglaya Dolina site are dated to the Bohai state period. Further researches of this site’s bronze-casting workshops complex remains will focus on other categories of technical ceramics.

REFERENCES

1. Krenke, N.A. & Tavlintseva, E.Yu. (2002) Liteynye formy s D'yakova gorodishcha [Foundry forms from the Dyakov settlement]. *Rossiyskaya arkhologiya*. 4. pp. 90–110.
2. Lopatina, O.A. (2002) Tekhnologicheskaya kharakteristika glinyanykh liteynykh form D'yakova gorodishcha [Technological characteristics of the clay casting molds of the Dyakov settlement]. *Rossiyskaya arkhologiya*. 4. pp. 111–112.
3. Durakov, I.A. & Kobeleva, L.S. (2017) The Technical Ceramics of Krotovo Culture (Central Baraba). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 49. pp. 23–25. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/49/4
4. Kearns, T., Martinon-Torres, M. & Rehren, Th. (2010) Metal to mold: alloy identification in experimental casting molds using XRF. *Historical Metallurgy*. 44 (1). pp. 48–58.
5. Liu, S. et al. (2013) Microscopic study of Chinese bronze casting molds from the Eastern Zhou period. *Journal of Archaeological Science*. 40. pp. 2402–2414.
6. Zong, Y. et al. (2017) Structural and compositional analysis of a casting mild shard from ancient China. *PLoS ONE*. 12 (3). pp. 1–13.
7. Molodin, V.I. et al. (2019) Thermogravimetry in the Studies of Ancient Technical Ceramics. *Chemistry for Sustainable Development*. 27. pp. 101–108.
8. Kon'kova, L.V. (1989) *Bronzolitaynoye proizvodstvo na yuge Dal'nego Vostoka SSSR. Rubezh II–I tys. do n.e. – XIII vek n.e.* [Bronze casting in the south of the Far East of the USSR. The turn of the I millennium BCE – XIII century CE]. Leningrad: Nauka.
9. Len'kov, V.D., Semenichenko, L.E. & Khorev, V.A. (1974) Sledy metallurgicheskogo proizvodstva na rannesrednevekovom poselenii v doline r. Arsen'evka [Traces of metallurgical production at an early medieval settlement in the valley of the Arsenyevka River]. *Voprosy istorii i kul'tury narodov Dal'nego Vostoka*. 2. pp. 96–103.
10. Tatarnikov, V.A. (1981) Stoyanka Vodorazdel'naya – novyy pamyatnik Severo-Vostochnogo Primor'ya [Vodorazdel'naya site – a new monument of North-Eastern Primorye]. In: *Materialy po arkhologii Dal'nego Vostoka SSSR* [Materials on the archaeology of the Far East of the USSR]. Vladivostok: Far East Scientific Center of the Academy of Sciences of the USSR. pp. 41–50.
11. Thuesen, I., Oldenburg, E. & Iorgensen, K. (1989) Microscope section analysis of pottery. *Paléorient*. 15 (1). pp. 273–278.
12. Santacreu, D.A. (2014) Identifying spathic calcite recipe in archaeological ceramics: possibilities and limitations. *Cerâmica*. 60. pp. 379–391.
13. Shepard, A.O. (1985) *Ceramics for the Archaeologist*. Washington, D.C.: Carnegie Institute Press.
14. Zhushchikhovskaya, I.S. (2017) Experience of Using Scanning Electron Microscopy in the Study of Archaeological Ceramics From the Southern Far East. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury*. 16. pp. 75–91. (In Russian).
15. Degtyareva, A.D. (2006) Metodika poverkhnostnogo izucheniya tsvetnogo metalla [Methods of non-ferrous metal surface study]. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii*. 6. pp. 117–126.
16. Myagkaya, I.N., Saryg-ool, B.Yu. & Lazareva, E.A. (2016) Relationship of Copper, Zinc, Selenium, Barium, Mercury, Silver and Gold Correlations With Mineral Composition of a Material in Ursk Tailings Pit Desperation Train (Russia, Kemerovo Region). *Vestnik VGU. Seriya: Geologiya*. 2. pp. 122–132. (In Russian).
17. Mandal, B. & Datta, P.K. (2010) Hot mold casting process of ancient East India and Bangladesh. *China Foundry*. 7 (2). pp. 171–177.
18. Sahlen, D. (2016) Ceramic Evidence from Non-ferrous Metallurgy in the Mälaren Valley during the Viking Age. In: Petterssen, P.E. (ed.) *Prehistoric Pottery Across the Baltic*. BAR S2785. Oxford: BAR Publishing. pp. 75–80.
19. Freestone, I.A., Middleton, A.P. & Meeks, N.D. (1994) Significance of phosphate in ceramic bodies: discussion on paper by Bollong et al. *Journal of Archaeological Science*. 21. pp. 425–426.

Received: 26 May 2021

О.В. Ильина, Д.Н. Коньшев

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ В 1939–1959 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ И КИРОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Рассматриваются основные демографические процессы в северной деревне и влиявшие на них факторы: Великая Отечественная война и связанная с ней массовая гибель людей, а также отношение государства к деревне и уровень жизни крестьянства в послевоенное время. Во внимание принимаются такие демографические показатели, как соотношение полов, миграция из села в город, количество трудоспособного населения деревни, соотношение числа городских и сельских жителей. Демографические изменения приводятся на фоне анализа аграрной политики государства, увеличения трудовой нагрузки на крестьянство, изменений в деревне в период оттепели.

Ключевые слова: крестьянство; деревня; трудовые ресурсы; демография; население.

1939 и 1959 гг. являются двумя своеобразными рубежами, отражающими изменения состава населения Советского Союза, обусловленными проведением всесоюзных переписей населения, зафиксировавших основные демографические показатели накануне Великой Отечественной войны и по итогам первых послевоенных лет. Вологодская и Кировская области – это соседние, схожие по природным и климатическим условиям территории, население которых в данный период времени было преимущественно крестьянским. Изучаемые области не были непосредственно охвачены военными действиями и представляли тыловые регионы (за исключением Оштинского района Вологодчины), что ставило их население в более выгодные условия по сравнению с оккупированными районами.

Проблема изучения демографических процессов деревни относится к одной из представленных в историографии как на всероссийском уровне, так и на примере отдельно взятых регионов. Относительно работ советского периода всероссийского и всесоюзного уровня можно выделить издание «Советская деревня в первые послевоенные годы» [1], труды по истории советского крестьянства [2, 3], а также монографию А.В. Арутюняна [4].

В 1990–2000-е гг. тема получила дальнейшее развитие в трудах на материалах всероссийского уровня. В.А. Исупов обозначил проблему демографических кризисов и катастроф, их причин и последствий [5]. В.Б. Жиромская рассмотрела специфику российской демографической модернизации в XX в. и факторы, оказавшие влияние на нее [6]. О.М. Вербицкая проанализировала историю российского крестьянства в переходный период после войны и до начала оттепели [7]. Ей же были изучены изменения в численности и составе населения российской деревни между двумя переписями населения [8]. В.Ф. Зима проанализировал демографические изменения, связанные с голодом 1946–1947 гг. [9]. Л.Н. Денисова дала характеристику основных элементов повседневной жизни сельских женщин [10].

Демографическое развитие села привлекает внимание исследователей и на региональном уровне. Проблемы развития поселений, трансформации поселенческой сети и урбанизации российской деревни на примере Уральского региона содержатся в работах

Л.Н. Мазур [11]. Г.Е. Корниловым на материалах Урала проанализировано миграционное движение населения в первой половине XX в., в годы Великой Отечественной войны, а также в послевоенные годы [12, 13]. Вопросам урбанизации и миграции из села в город в рамках регионов Центральной России посвящена монография О.В. Горбачева [14].

Изучению крестьянства на материалах Европейского Севера России, к которому традиционно относятся Вологодскую и Архангельскую области, а также Республику Коми, значительное место уделяется в работах О.В. Ильиной [15], Л.В. Изюмовой [16], Д.В. Милохина [17]. Демографические показатели вятской деревни анализируются в публикациях Н.В. Чернышевой [18]. Характеристике трудовых ресурсов села в рамках Волго-Вятского региона посвящены статьи Д.Н. Коньшева [19, 20]. Важным обобщающим этапом исследования демографического развития российской деревни стало издание сборника трудов по итогам очередной сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в сентябре 2016 г. [21].

Исследователи, занимающиеся изучением демографических процессов России и СССР в XX в., характеризуют демографическую ситуацию в стране, используя термины «демографический переход», «демографический кризис» и «демографическая катастрофа». Согласно В.Б. Жиромской, под демографическим переходом следует понимать «переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения», причем его развитие связано с изменением типов смертности и рождаемости [6. С. 10]. Демографическая катастрофа определяется В.А. Исуповым как мощное и кратковременное событие, грубое и неожиданное повышение смертности, в то время как демографический кризис трактуется им как растянутое во времени значительное сокращение естественного прироста вплоть до отрицательных величин вследствие снижения рождаемости [5. С. 9]. А.Г. Вишневский определяет кризис как «характеристику внутреннего состояния общества, напряженности противоречий, возникающих вследствие рассогласования его основ» [22. С. 24].

В 1939 г. РСФСР оставалась республикой с преимущественно сельским населением – на селе проживали 72 522 000 чел., а в городах только 36 875 000 чел. (в 2 раза меньше). В Кировской области в деревне

проживало 1 891 863 чел. (или 85% от общей численности населения области), в Вологодской – 1 373 944 чел. (или 82,7%) [23. С. 22–24]. Таким образом, доля сельского населения в Вологодской и Кировской областях была выше, чем в целом по РСФСР. Большинство крестьян являлись членами колхозов. Так, по Кировской области к 1940 г. уровень коллективизации составлял 96,6% [24. Л. 155], что устанавливало для большинства жителей деревни особый статус колхозного крестьянина, определяемого совокупностью его прав и обязанностей, обозначенных в Уставе сельскохозяйственной артели.

1939 г. в силу стечения различных обстоятельств может рассматриваться как рубежный при анализе демографических показателей еще и потому, что к этому времени успели сказаться последствия коллективизации и связанной с ней перестройки аграрного производства в соответствии с новыми условиями. Деревня получила мирную передышку на несколько лет по причине отсутствия вооруженных конфликтов, проблем по получению низких урожаев и голода. Фактором, благоприятно повлиявшим на демографическую обстановку, стало запрещение абортов в соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. [25].

В 1940 г. негативным для демографической ситуации фактором стала советско-финская война, в ходе которой произошло увеличение гибели взрослого мужского населения. По разным оценкам, общие безвозвратные потери СССР в ней оцениваются от 95 348 до 126 875 чел. [26. С. 211]. Однако вычленив количество погибших в данном конфликте отдельно по регионам затруднительно в силу отсутствия обобщенных данных о месте жительства до отправки на фронт погибших солдат и офицеров.

Беспрецедентным фактором, вылившимся в демографическую катастрофу, стала Великая Отечественная война, повлекшая массовую гибель населения. Поскольку к 1941 г. страна являлась преимущественно сельской, то закономерным стал крестьянский характер армии. В соответствии с законом СССР от 1 сентября 1939 г. «О всеобщей воинской обязанности» все мужчины с 18 лет, а при наличии среднего образования с 19 лет, подлежали призыву в армию на срок от 2 до 4 лет. Преимущественный призыв из села по сравнению с городом был определен отсутствием у основной массы крестьян высокого уровня образования или специальной квалификации, которые давали право на так называемую бронь, освобождавшую от отправки на фронт. С точки зрения О.М. Вербицкой, армия на 70% состояла из крестьян [8. С. 43].

За время Великой Отечественной войны в СССР было мобилизовано 29 574,9 тыс. чел. [27. С. 410]. Мобилизация охватила 332 тыс. жителей Вологодской области [28. С. 5] и 585 тыс. жителей Кировской области [29. С. 393].

Каналом восполнения выбывших на фронт людей в годы войны было размещение в тыловых регионах эвакуированного населения. При эвакуации в Кировскую область приоритет при распределении трудоспособного населения отдавался промышленности и городам: за 1941–1943 гг. общая численность населения

Кировской области уменьшилась на 222 тыс. чел., при увеличении в городах и рабочих поселках на 127,5 тыс. и уменьшении на селе на 349 тыс. чел. [30. Л. 1].

За период 1941–1943 гг. в Вологодской области на временное жительство было размещено около 165 тыс. чел., большинство эвакуированных (около 91%) было распределено в деревне [15. С. 23]. Эвакуировали в тыл в первую очередь стариков, детей и женщин, что не позволяло восполнить нехватку мужских рабочих рук в сельской местности.

Несмотря на проблему с трудовыми ресурсами села, государство в условиях необходимости обеспечения фронта продовольствием увеличивает трудовую нагрузку на оставшихся в деревне работников. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. для колхозников центральных нечерноземных и северных районов был установлен минимум 100 трудодней, в прочих регионах – 120 трудодней; подростки 12–16 лет должны были выработать половину взрослой нормы – 50 трудодней за год [31].

С повышенными нормами выработки колхозное население не справлялось, что было обусловлено, с одной стороны, увеличением посевных площадей, а с другой – снижением механизации сельскохозяйственных работ. Меры административного нажима на колхозников, не выработавших трудодни (исправительно-трудовые работы в колхозах на срок до 6 месяцев с удержанием до 25% оплаты труда в пользу колхозов и возможность лишения права колхозника на приусадебный участок) не могли изменить ситуацию. В 1945 г. 10% трудоспособных колхозников Кировской области не выработали необходимый минимум трудодней [32. Л. 10–11], в то время как в 1939 г., по данным статистических обследований, цифра не выработавших минимума была около 5% [24. Л. 35].

Сокращение трудовых ресурсов села сказалось на сельскохозяйственном производстве в разгар войны: уменьшаются площади сенокосов и пашни. Так, в 1941 г. по всем категориям хозяйств Кировской области посевов различных культур насчитывалось 2243,7 тыс. га, в 1943 г. – 1912,6 тыс. га [33. Л. 32]. В 1942 г. зернофуража для колхозов по Кировской области выделено в 4 раза меньше уровня 1940 г. Основным кормом скота в большинстве колхозов становилась солома.

Ухудшенная агротехника, запоздалый сев, выдувание посевов, слабое развитие озимых, недостаток семян и их ненадлежащее качество привели к тому, что в 1943 г. валовый сбор зерновых культур составил только половину довоенного времени. Первые три военных года развитие сельского хозяйства во многом продолжалось по инерции, за счет прежних «запасов», надлом в результате войны сказался не сразу – он стал ощутим к 1944 г., когда начинается резкое сокращение аграрного производства.

К концу войны деревня оказалась безлюдной. Общее число погибших на фронте за годы войны составило более 180 тыс. чел. в Вологодской области [28. С. 5] (около 11% общей численности населения региона до войны), в Кировской области – около 250 тыс. чел. [28. С. 393] (около 10% населения).

С 1940 по 1945 г. население деревни Вологодской области сократилось с 892,8 до 692,8 тыс. чел. (на

22,4%) [34. Л. 1], Кировской – с 1 млн 891,9 тыс. до 1 млн 346 тыс. чел. (на 29%) [35. Л. 44]. Уменьшение как общего числа населения, так и жителей села по данным регионам носило сопоставимый характер.

В общем составе сельских жителей резкое сокращение приходится на группу трудоспособного населения, которое уменьшилось в Вологодской области с 442,1 до 272,4 тыс. чел. (или на 38%) [34. Л. 1], в Кировской области с 776,3 до 448,2 тыс. чел. (или на 43%) [30. Л. 10–11]. Снижение числа жителей деревни отражало общегосударственную тенденцию, когда (по разным подсчетам) по стране оно составило от 32,5% [36. С. 60] до 37% [37. С. 13]. Всего по стране за время войны, по подсчетам О.М. Вербицкой, число колхозного крестьянства уменьшилось на 11,4 млн чел. [6. С. 80].

Уменьшение числа колхозников, находившихся в трудовом возрасте, продолжается в деревне и после окончания войны. Если в 1950 г. в вятской деревне насчитывалось 423 тыс. трудоспособных колхозников, то в 1953 г. – уже только 335,8 тыс. чел., что влияло на уменьшение общего трудового вклада: общая годовая выработка трудодней по региону уменьшилась со 165,1 до 146,9 млн при одновременном росте количества членов колхозов, не выполнявших плана по трудодням с 12,6 до 17,4 тыс. чел. [32. Л. 10–11].

В одном из писем на имя Н.С. Хрущева житель Вологодской области в 1953 г. отмечал: «...если раньше здесь было трудно с рабочей силой, то сейчас некому работать ни в полях, ни на фермах. Колхозы не справляются с планами, землю ковыряют кое-как, не получая хлеба, скот держат полуголодным, не получая от него хороших доходов. Причины ухода молодежи из колхозов понятны. Колхозная молодежь не похожа на старую крестьянскую молодежь. Она к земле не привязана. Она хочет жить хорошо и культурно, ищет приличного заработка, чтобы одеться. Между тем в большинстве колхозов нашей области выдают мизерный трудодень, особенно мало денег (копейки). Ясно, что такая оплата труда молодежь не удержит. Но родители и сами не разрешают своим детям работать в колхозах, они отсылают их в город. Мне пришлось раз ночевать у одного колхозного коммуниста. Посмотрел, как он живет. Еда плохая. Одежда на нем рваная. Рванье висит и на вешалке. Спит на соломенном тюфяке, никаких простыней и наволочек. В хате нет никаких сундуков, которые бы дали повод думать, что у этого коммуниста есть что-либо еще, чего не видишь в комнате. Из разговоров узнал, что сын его недавно демобилизован из армии и теперь работает в городе. Спрашиваю: “почему сын не с Вами?” Человек признался, что он сам велел ему устраиваться в городе, чтобы помогал отцу деньгами. Сын присылает родителям в месяц 100 рублей. На эти деньги папаша покупает табак, соль, спички и оплачивает сельскохозяйственный налог. Колхоз на трудодни денег выдать не может, малы доходы. Таких случаев очень много. Из многих колхозов столько ушло людей, что такие колхозы надолго утратили перспективы серьезного развития. Даже механизация здесь быстро не поможет, ибо для ее освоения нужны колоссальные предварительные работы на лугах и

полях, заросших кустарником и заболоченных» [38. Л. 79–81].

Важным фактором, который влиял на численность населения в сельской местности, была государственная политика по укрупнению колхозов. Целями таких мер было обеспечение приоритетного развития крупного сельскохозяйственного производства, которое виделось руководству страны со всех сторон лучше и перспективнее мелкого. По мнению властей, укрупнение хозяйств позволило бы ликвидировать малодворные (до 15 дворов) деревни, создать крупные пахотные массивы, уменьшить расходы на административно-управленческий персонал, повысить уровень мелких отсталых хозяйств до передовых. Между тем около половины вятских коллективных хозяйств в 1940-е гг. включали в себя до 30 дворов – 45,4%, еще 41,7% хозяйств включали от 31 до 60 дворов [39. Л. 5]. В среднем по РСФСР на 1 января 1949 г. на один колхоз приходилось 65 наличных дворов, объединяющих 99 трудоспособных колхозников, вырабатывающих 28,2 тыс. трудодней, и 683 га пахотной земли. По СССР средний размер колхозов на эту дату составлял 81 двор, включавших в среднем 124 трудоспособных, вырабатывавших ежегодно 34 тыс. трудодней. Около половины хозяйств страны включали в свой состав более 60 дворов [39. Л. 9, 19–20].

Объединение хозяйств началось еще до войны: за 1940–1941 гг. в Кировской области общее число колхозов уменьшилось на 3 354 колхоза [40. Л. 148]. Данная политика продолжалась и позднее. Например, министр сельского хозяйства СССР И.А. Бенедиктов в своей записке в Совет министров СССР на имя Г.М. Маленкова так обосновывал необходимость объединения хозяйств: «Учитывая, что наличие мелких колхозов в ряде областей и республик препятствует использованию преимуществ общественного колхозного труда, внедрению механизации и сдерживает рост общественного колхозного хозяйства, Министерство сельского хозяйства СССР считает, что в настоящее время следует обсудить вопрос об укрупнении мелких колхозов путем объединения их и разработать практические мероприятия по проведению в каждой области укрупнения, где есть большое количество мелких колхозов» [40. Л. 54].

В результате укрупнения средний размер колхозов неуклонно возрастал: на 1953 г. по РСФСР в среднем на один колхоз приходилось 172 двора, на 1958 г. – 225, а на начало 1962 г. по РСФСР на один колхоз приходилось уже в среднем 349 дворов колхозника и 610 га сельскохозяйственных угодий [41. Л. 2]. Укрупнение хозяйств происходило достаточно быстро: на 1 января 1950 г. по Кировской области было 2 453 колхоза, а на 1 января 1951 г. – уже около 800 колхозов [42. Л. 3]. В Вологодской области на 1 января 1950 г. существовал 5 281 колхоз, а на 1 октября того же года – 1 660 колхозов [43. Л. 51]. Простое объединение хозяйств не могло решить проблемы колхозов и вывести их в лидеры. По данным Министерства сельского хозяйства РСФСР на январь 1959 г., по 55 регионам республики местные власти считали экономически слабыми 25,5% от общего числа хозяйств [44. Л. 2].

Данные меры влекли за собой преимущественное выбытие рабочей силы именно из крупных колхозов, имевших значительное количество земельных наделов и, как следствие, увеличение трудовой нагрузки на одного трудоспособного: если в среднем по Кировской области на одно хозяйство приходилось 332 га пашни, то на один крупный колхоз – 503 га, в среднем на одного трудоспособного колхозника приходилось 6,5 га пашни, то в крупных хозяйствах – около 18,8 га. В 1948 г. по Кировской области колхозы покинули 21,6 тыс. трудоспособных колхозников, в 1949 г. – 39,5 тыс. [45. Л. 56–57] К концу 1940-х гг. по данному региону в 64,9% всех колхозов на одного наличного трудоспособного колхозника приходилось свыше 5 га пашни, в 29,2% хозяйств – от 2,6 до 5 га [46. Л. 6].

Как во время Великой Отечественной войны, так и после ее окончания и завершения демобилизации, мощным фактором, оказывавшим влияние на демографические процессы, связанные с изменением численности населения, его половозрастного состава, соотношения жителей села и города, являлось миграционное движение. Каналами миграции после войны из северной деревни были организованные наборы в промышленность, на восстановление районов, разрушенных войной, переселение в районы Дальнего Востока. Важным направлением была миграция из села в город. Если в целом городское население с 1 января 1941 г. по 1 января 1945 г. уменьшилось на 13%, то сельское население за этот же период убыло на 23% [47. С. 277].

Безусловно, переезд из деревни в город в данный период сдерживался административными ограничениями, такими как паспортная система и отсутствие у крестьян паспортов, наличием института разрешительной прописки со стороны властей. Тем не менее в силу не просто неблагоприятного, а бедственного положения деревни, селяне всеми путями стремились уехать в город. И такими путями были призыв в армию, переселенческая политика государства, переход по организованному государством набору в промышленность. По данным исследователей, к 1958 г. в целом по РСФСР доля мужчин в колхозном производстве составляла только 25,5%, женщин – 43,5%, нетрудоспособных и престарелых – 20,5%, подростков – 5%, еще 5,5% колхозников работали вне колхоза [48. С. 209]. По подсчетам Н.С. Иванова, за 1945–1958 гг. по РСФСР без разрешения правлений колхозов выбыло 1 млн 688 тыс. крестьян, из них 443 тыс. из колхозов Нечерноземья [49. С. 423].

Е.Ю. Зубкова отмечает и такой фактор миграции из деревни после войны, как меры властей по экономии продовольствия. В результате принудительных хлебозаготовок и уменьшения числа лиц, которым гарантировались хлебные карточки, рабочие продолжали получать гарантированный паек в отличие от крестьян [36. С. 76]. В 1949 г., по данным обследования властей в Кырчанском районе Кировской области, часть колхозников высказывали «настроения, что трудовая дисциплина в колхозе плохая, на сенокос выходят не все колхозники, урожай ржи низкий, яровые растут плохо, надежды на получение хлеба на трудодни нет, поэтому надо уезжать из колхоза» [50. Л. 30].

Способствовало уменьшению числа крестьян и преобразование колхозов в совхозы, члены которых уже не считались крестьянами, а имели статус сельскохозяйственного рабочего. За 1954–1960 гг. – своеобразный «пик» такого преобразования – по РСФСР было создано 9 673 совхоза [51. Л. 29].

В 1950-е гг. власти пытались ограничить миграцию административными методами. Так, в 1953 г. последовало представление прокуратуры на имя Председателя Совета министров Г.М. Маленкова о неясности статуса члена колхоза в части права колхозников на выход из него: «Вопрос о добровольности членства в колхозе нашим законодательством по существу не разрешен и в этом вопросе имеется много неясного как для органов прокуратуры и суда, так и для местных органов власти» [52. Л. 70–71], вследствие чего многие руководители стремились ограничить отпуск колхозников из колхоза. Однако, несмотря на все административные ограничения, переселение из деревни продолжалось.

В 1959 г. по сравнению с 1939 г. в изучаемых регионах общее количество населения уменьшилось: в Вологодской области с 1 661 285 чел. в 1939 г. до 1 307 531 чел. в 1959 г. (меньше на 21,3%), в Кировской – с 2 226 193 до 1 916 493 чел. соответственно (меньше на 14%) (рассчитано по: [23. С. 23–24; 53. С. 24–25]). По сельскому населению динамика убыли была большей, чем по городскому населению. В Вологодской области в 1939 г. на селе проживали 1 373 944 чел. и 854 635 чел. в 1959 г. (уменьшение на 33%). В Кировской области в 1939 г. было 1 891 863 чел. селян, а в 1959 г. только 1 212 538 (уменьшение на 36%). По итогам четырнадцати лет послевоенного развития фактически по двум тыловым регионам общие демографические потери, связанные с Великой Отечественной войной, оказались невосполнимыми.

В целом на рубеже 1950–1960-х гг. в РСФСР произошел так называемый демографический переход и доля городского населения стала превышать долю сельского населения, общество окончательно стало индустриально-аграрным. К концу Великой Отечественной войны трудовые ресурсы северной деревни оказались исчерпанными, последующее послевоенное развитие не смогло их восполнить. Северная деревня находилась в более неблагоприятных демографических условиях, чем город. Это было связано как с объективными факторами исторического развития (естественная урбанизация, потери в годы войны), так и с мерами государственной политики по отношению к деревне. Миграция крестьян из деревни и переход рабочих рук из сельского хозяйства в другие сферы не совпали с повышением производительности труда в аграрном секторе экономики, что позволило бы компенсировать нехватку рабочих рук на селе. А это, в свою очередь, не могло не сказаться на общем состоянии деревни и решении продовольственного вопроса. К концу 1950-х гг. в целом по РСФСР и по изучаемым регионам общая численность населения не достигла показателей довоенного уровня, причем для населения села была характерна убыль, в то время как число жителей городов возрастало. Преимущественно

крестьянский состав рассматриваемых регионов одновременно с уменьшением количества жителей села предопределял общую демографическую ситуацию на уровне РСФСР и в рамках Вологодской и Кировской

областей. Сложившаяся в данный период демографическая ситуация во многом предопределила нехватку трудовых ресурсов, а вместе с ним и будущий вектор развития советской деревни и ее кризис.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советская деревня в первые послевоенные годы 1946–1950 / И.М. Волков, Б.И. Ноткин, Ю.П. Денисов. М. : Наука, 1978. 511 с.
2. История крестьянства СССР. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 – конец 50-х годов. М. : Наука, 1988. Т. 4. 395 с.
3. Советское крестьянство: краткий очерк истории (1917–1969) / под ред. В.П. Данилова. М. : Политиздат, 1970. 508 с.
4. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М. : Наука, 1970. 466 с.
5. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. 244 с.
6. Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М. : Кучково поле, Союз семей военнослужащих России, 2012. 320 с.
7. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. М. : Наука, 1992. 224 с.
8. Вербицкая О.М. Население российской деревни в 1939–1959 гг.: Проблемы демографического развития. М. : Институт российской истории РАН, 2002. 318 с.
9. Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 гг. : происхождение и последствия. М. : Институт Российской истории РАН, 1996. 265 с.
10. Денисова Л.Н. Русская крестьянка в советской и постсоветской России. М. : Новый хронограф, 2011. 528 с.
11. Мазур Л.Н., Бродская Л.И. Эволюция сельских поселений среднего Урала в XX веке : опыт динамического анализа. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. 564 с.
12. Корнилов Г.Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2012. № 2. С. 48–57.
13. Корнилов Г.Е. Демографическая ситуация в Уральской деревне в послевоенные годы // Население России: историко-демографическое измерение. М. : Институт российской истории РАН, 2016. С. 196–202.
14. Горбачев О.В. На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946–1985 гг.) и советская модель урбанизации. М. : Изд-во МПГУ, 2002. 158 с.
15. Ильина О.В. Демографические процессы в деревне Европейского Севера России в 1940–1950-е гг. Вологда : Изд-во ВГПУ, 2011. 122 с.
16. Изюмова Л.В. Стратификация колхозной деревни в 1930–1960-е гг. (по материалам Европейского Севера России). Вологда : Изд-во ВГПУ, 2010. 175 с.
17. Милохин Д.В. Колхозы и колхозное крестьянство Коми АССР в послевоенные годы, 1946–1958 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1999. 322 с.
18. Чернышева Н.В. Социально-демографические процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2012. 203 с.
19. Конышев Д.Н. Демографические процессы и аграрное производство в вятской деревне в 1939–1945 гг. // Власть. 2018. № 3. С. 96–102.
20. Конышев Д.Н. Демографические процессы и трудовые ресурсы села в 1945–1964 годах (на материалах Волго-Вятского региона) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2018. № 3. С. 54–68.
21. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016 г.: Аграрное освоение и демографические процессы в России в X–XXI вв. / отв. ред. Е.Н. Швейковская. Москва ; Уфа, 2016. 523 с.
22. Вишевский А.Г. Серп и рубль. М. : ОГИ, 1998. 432 с.
23. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М. : Наука, 1992. 254 с.
24. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО). Ф. 1290. Оп. 6. Д. 276.
25. Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР. М., 1949 С. 40–41.
26. Россия и СССР в войнах XX века: Потери Вооружённых Сил / Г.Ф. Кривошеев. М. : Олма-пресс, 2001.
27. Всероссийская книга Памяти 1941–1945 гг. Обзорный том. М. : Воениздат, 1995. 542 с.
28. Книга Памяти Вологодской области. Заключительный том. Вологда : Изд-во Вологод. ин-та развития образования, 1999. 349 с.
29. Загвоздкин Г.Г. В битве за Отечество. 1941–1945 гг. // Энциклопедия земли Вятской. История. Киров, 1995. Т. 4. С. 393–408.
30. ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 36.
31. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. № 508 «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» // СПС «Консультант Плюс».
32. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-310. Оп. 20. Д. 451.
33. ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 70.
34. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1369.
35. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1683.
36. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.
37. Пихоя Р.Г. Под знаком Сталина. М. : Олимп, 2009. 253 с.
38. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 24. Д. 589.
39. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 138. Д. 225.
40. ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 257.
41. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 32 А. Д. 8212.
42. ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 37. Д. 709.
43. ГАРФ. Ф. 259. Оп. 6. Д. 6481.
44. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 1685.
45. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 223.
46. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 225.
47. Население России в XX веке: исторические очерки. М. : РОССПЭН, 2001. Т. 2. 414 с.
48. Нечипас Ю.В. Эволюция аграрной политики СССР в 1945–1984 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005.
49. Иванов Н.С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х годов–50-е годы) // Судьбы российского крестьянства. М. : РГГУ, 1996. С. 416–436.
50. ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 21. Д. 57.
51. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 1756.
52. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 24. Д. 587.
53. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963.

Статья представлена научной редакцией «История» 17 сентября 2020 г.

Labor Resources of the Northern Village in 1939–1959 (Based on the Materials of Vologda and Kirov Oblasts)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 147–153.

DOI: 10.17223/15617793/470/17

Olga V. Ilina, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: kema-rodina@yandex.ru

Denis N. Konyshev, Volga-Vyatka Institute of the Kutafin Moscow State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: denis-konyshev@mail.ru

Keywords: peasantry; village; labor resources; demography; population.

The article attempts to show changes in the number and composition of the rural population of Vologda and Kirov Oblasts during the period of history crucial for the village, the key event of which was the Great Patriotic War. To analyze the demographic processes that took place in Vologda and Vyatka villages, a wide range of sources were used, based on published and archived statistical materials. The published data include the all-Union population censuses of 1939 and 1959, which contain information about the total number of inhabitants of the regions and show the rate of urban and rural population. Information about the number of citizens mobilized to the front and those who died during the war years is taken from the federal and regional memorial books. Data from reports of civil registry offices and resettlement departments allowed characterizing changes in the natural migration of the rural population from the village to the city. The annual reports of the collective farms helped to form an idea of transformations of the working-age population and the gender and age composition of the villagers. The analysis of the presented sources allowed drawing the following conclusions. By the early 1940s, in the majority of the country's regions, including the areas under study, the rural population dominated, and their agricultural specialization determined their belonging to the collective farm system. The usual way of life was disrupted by the war, most of the citizens mobilized to the front were called up from rural areas. This situation had a negative impact on the village labor resources. In the village, there was a shortage of male workers, which was compensated by increasing the burden on women, children, and the elderly to meet the state agricultural indicators. The reduction of labour force affected the quality of work leading to delays in its timely completion. The end of the war and the Red Army demobilization could not fill the village labor resources as many men perished on the war fronts. The state policy in the post-war emergency period did not change in relation to the village, which continued to be used as a labor and raw material resource for urban reconstruction and development. The rural residents' active migration in the post-war period led to a further reduction in the population of rural settlements. The reduction of rural labor and the state policy of enlarging collective farms contributed to the formation of a new settlement pattern, demonstrating the decay of small villages. Disintegration of the peasantry in villages, which collectivization had started, entered the final straight in the 1940s–1950s.

REFERENCES

1. Volkov, I.M., Notkin, B.I. & Denisov, Yu.P. (1978) *Sovetskaya derevnya v pervye poslevoennye gody 1946–1950* [Soviet village in the first post-war years 1946–1950]. Moscow: Nauka.
2. Volkov, I.M. (ed.) (1988) *Istoriya krest'yanstva SSSR. Krest'yanstvo v gody uprocheniya i razvitiya sotsialisticheskogo obshchestva, 1945 – konets 50-kh godov* [History of the peasantry of the USSR. The peasantry in the years of consolidation and development of socialist society, 1945 – late 1950s]. Vol. 4. Moscow: Nauka.
3. Danilov, V.P. (ed.) (1970) *Sovetskoe krest'yanstvo: kratkiy ocherk istorii (1917–1969)* [The Soviet peasantry: a short essay on history (1917–1969)]. Moscow: Politizdat.
4. Arutyunyan, Yu.V. (1970) *Sovetskoe krest'yanstvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Soviet peasantry during the Great Patriotic War]. Moscow: Nauka.
5. Isupov, V.A. (2000) *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX veka: istoriko-demograficheskie ocherki* [Demographic disasters and crises in Russia in the first half of the twentieth century: historical and demographic essays]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
6. Zhiromskaya, V.B. (2012) *Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke* [The main trends in the demographic development of Russia in the twentieth century]. Moscow: Kuchkovo pole, Soyuz semey voennoslužhashchikh Rossii.
7. Verbitskaya, O.M. (1992) *Rossiyskoe krest'yanstvo: ot Stalina k Khrushchevu. Seredina 40-kh – nachalo 60-kh godov* [Russian peasantry: from Stalin to Khrushchev. Mid-1940s – early 1960s]. Moscow: Nauka.
8. Verbitskaya, O.M. (2002) *Naselenie rossiyskoy derevni v 1939–1959 gg.: Problemy demograficheskogo razvitiya* [The population of the Russian countryside in 1939–1959: Problems of demographic development]. Moscow: Institute of Russian History, RAS.
9. Zima, V.F. (1996) *Golod v SSSR 1946–1947 gg.: proiskhozhdenie i posledstviya* [Famine in the USSR in 1946–1947: origin and consequences]. Moscow: Institute of Russian History, RAS.
10. Denisova, L.N. (2011) *Russkaya krest'yanka v sovetskoy i postsovetskoy Rossii* [Russian peasant woman in Soviet and post-Soviet Russia]. Moscow: Novyy khronograf.
11. Mazur, L.N. & Brodskaya, L.I. (2006) *Evolutsiya sel'skikh poseleniy srednego Urala v XX veke: opyt dinamicheskogo analiza* [Evolution of rural settlements in the middle Urals in the 20th century: the experience of dynamic analysis]. Yekaterinburg: Ural State University.
12. Kornilov, G.E. (2012) *Migratsionnoe dvizhenie i formirovanie naseleniya Urala v pervoy polovine XX v.* [Migration movement and the formation of the population of the Urals in the first half of the twentieth century.]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Bulletin*. 2. pp. 48–57.
13. Kornilov, G.E. (2016) *Demograficheskaya situatsiya v Ural'skoy derevne v poslevoennye gody* [Demographic situation in the Ural village in the post-war years]. In: *Naselenie Rossii: istoriko-demograficheskoe izmerenie* [Population of Russia: historical and demographic dimension]. Moscow: Institute of Russian History, RAS. pp. 196–202.
14. Gorbachev, O.V. (2002) *Na puti k gorodu: sel'skaya migratsiya v Tsentral'noy Rossii (1946–1985 gg.) i sovetskaya model' urbanizatsii* [Towards the City: Rural Migration in Central Russia (1946–1985) and the Soviet Model of Urbanization]. Moscow: Moscow State Pedagogical University.
15. Il'ina, O.V. (2011) *Demograficheskie protsessy v derevne Evropeyskogo Severa Rossii v 1940–1950-e gg.* [Demographic processes in the villages of the European North of Russia in the 1940s–1950s]. Vologda: Vologda State Pedagogical University.
16. Izyumova, L.V. (2010) *Stratifikatsiya kolkhoznoy derevni v 1930–1960-e gg. (po materialam Evropeyskogo Severa Rossii)* [Stratification of the collective farm village in the 1930s–1960s (based on materials from the European North of Russia)]. Vologda: Vologda State Pedagogical University.
17. Milokhin, D.V. (1999) *Kolkhozy i kolkhoznoe krest'yanstvo Komi ASSR v poslevoennye gody, 1946–1958 gg.* [Collective farms and collective farm peasantry of the Komi ASSR in the postwar years, 1946–1958]. History Cand. Diss. Syktyvkar.
18. Chernysheva, N.V. (2012) *Sotsial'no-demograficheskie protsessy v Kirovskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Socio-demographic processes in Kirov Oblast during the Great Patriotic War]. Kirov: Vyatka State Humanities University.

19. Konyshov, D.N. (2018) Demographic Processes and Agricultural Production in Vyatka Village in 1939–1945. *Vlast' – The Authority*. 3. pp. 96–102. (In Russian).
20. Konyshov, D.N. (2018) Demographic Processes and Labor Resources in Rural Areas in 1945–1964 at the Materials of the Volga-Vyatka Region. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*. 3. pp. 54–68. (In Russian).
21. Shveykovskaya, E.N. (ed.) (2016) *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. 2016 g.: Agrarnoe osvoenie i demograficheskie protsessy v Rossii v X–XXI vv.* [Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe. 2016: Agrarian development and demographic processes in Russia in the 9th–21st centuries]. Moscow; Ufa: Institute of Slavic Studies, RAS.
22. Vishevskiy, A.G. (1998) *Serp i rubl'* [Sickle and ruble]. Moscow: OGI.
23. Anon. (1992) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda: Osnovnye itogi* [All-Union Population Census of 1939: Main Results]. Moscow: Nauka.
24. State Archive of Socio-Political History of Kirov Oblast (GASPIKO). Fund 1290. List 6. File 276.
25. RSFSR. (1949) *Kodeks zakonov o brake, sem'e i opeke RSFSR* [Code of laws on marriage, family and guardianship of the RSFSR]. Moscow: USSR AS. pp. 40–41.
26. G.F. Krivosheev, G.F. (2001) *Rossiia i SSSR v voynakh XX veka: Poteri Vooruzhennykh Sil* [Russia and the USSR in the wars of the 20th century: Losses of the Armed Forces]. Moscow: Olma-press.
27. Anon. (1995) *Vserossiyskaya kniga Pamyati 1941–1945 gg. Obzornyy tom* [All-Russian Book of Memory of 1941–1945. Overview Volume]. Moscow: Voenizdat.
28. Anon. (1999) *Kniga Pamyati Vologodskoy oblasti. Zaklyuchitel'nyy tom* [Book of Memory of Vologda Oblast. Final Volume]. Vologda: Vologda Institute of Education Development.
29. Zagvozdkin, G.G. (1995) V bitve za Otechestvo. 1941–1945 gg. [In the battle for the Homeland. 1941–1945]. In: tatarenkova, L.S. (ed.) *Entsiklopediya zemli Vyatskoy. Istoriya* [Encyclopedia of Vyatka Land. History]. Vol. 4. Kirov: Vyatka. pp. 393–408.
30. State Archive of Socio-Political History of Kirov Oblast (GASPIKO). Fund 1290. List 10. File 36.
31. Consultant Plus. (1942) *Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of April 13, 1942, No. 508: On increasing the mandatory minimum workday for collective farmers*. Moscow: SPS "Konsul'tant Plus".
32. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-310. List 20. File 451.
33. State Archive of Socio-Political History of Kirov Oblast (GASPIKO). Fund 1290. List 1. File 70.
34. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 1562. List 324. File 1369.
35. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund R-2344. List 2. File 1683.
36. Zubkova, E.Yu. (1999) *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953* [Postwar Soviet Society: Politics and Everyday Life. 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN.
37. Pikhoya, R.G. (2009) *Pod znakov Stalina* [Under the sign of Stalin]. Moscow: Olimp.
38. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 24. File 589.
39. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 138. File 225.
40. State Archive of Socio-Political History of Kirov Oblast (GASPIKO). Fund 1290. List 10. File 257.
41. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-374. List 32 A. File 8212.
42. State Archive of Kirov Oblast (GAKO). Fund R-2344. List 37. File 709.
43. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 259. List 6. File 6481.
44. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7486. List 4. File 1685.
45. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 138. File 223.
46. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 138. File 225.
47. Polyakov, Yu.A. (ed.) (2001) *Naselenie Rossii v XX veke: istoricheskie ocherki* [The population of Russia in the twentieth century: historical essays]. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN.
48. Nechipas, Yu.V. (2005) *Evolutsiya agrarnoy politiki SSSR v 1945–1984 gg.* [The evolution of the agrarian policy of the USSR in 1945–1984]. History Dr. Diss. M.
49. Ivanov, N.S. (1996) Raskrest'yanivanie derevni (seredina 40-kh godov–50-e gody) [Disintegration of the peasant class in the countryside (mid-1940s–1950s)]. In: *Sud'by rossiyskogo krest'yanstva* [Fates of the Russian peasantry]. Moscow: RSUH. pp. 416–436.
50. State Archive of Socio-Political History of Kirov Oblast (GASPIKO). Fund 1290. List 21. File 57.
51. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7486. List 4. File 1756.
52. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 24. File 587.
53. Chuprova, Yu.S. (ed.) (1963) *Itogi Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1959 goda. RSFSR* [Results of the 1959 All-Union Population Census. RSFSR]. Moscow: Gosstatizdat.

Received: 17 September 2020

Е.А. Кирилова, Е.Ф. Троицкий

КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИЯ В ПЕРИОД С 2000 ПО 2020 г.

Рассматривается культурное взаимодействие Российской Федерации и Федеративной Республики Германия на протяжении XXI в. Авторы характеризуют культурную политику как мощный инструмент, используемый для выстраивания внешнеполитического диалога и восстановления отношений между двумя государствами. Подробно представлена история взаимодействия двух стран начиная с IX в.; проанализированы существующие формы и механизмы культурной политики России и ФРГ в контексте развития дальнейшего сотрудничества.

Ключевые слова: внешняя политика; российско-германские отношения; диалог культур; международное гуманитарное сотрудничество; межгосударственное взаимодействие.

Потребности развития российско-германских отношений в настоящее время обусловлены необходимостью изучения существующих и возможных вариантов культурного взаимодействия двух государств. Проблема культурного взаимодействия стран, имеющих общую культуру и общие традиции, остается до сих пор актуальной. Происходящие в современном мире процессы глобализации и вызванные ими изменения оказывают существенное влияние на смещение приоритетов страны в сфере международных отношений. Без культурного диалога, взаимодополняемости, сотрудничества в этой сфере переход на более высокий уровень отношений между двумя государствами невозможен. Данная статья посвящена постановке и решению проблемы взаимовлияния сотрудничества в области культуры и общеполитической повестки двусторонних российско-германских отношений на современном этапе.

Германия является важным стратегическим партнером РФ на мировой арене, контакты с ФРГ занимают одно из ведущих мест в рамках развития общеевропейского культурного сотрудничества. Российско-германские культурные связи регулируются обширной нормативно-правовой базой как со стороны нашей страны, так и со стороны ФРГ. В первую очередь это связано с тем, что в 1990–2000-е гг. большая часть русскоязычного населения эмигрировала в Германию, сохранив традиции русского языка и культуры: впервые в истории в крупной европейской стране сформировался столь многочисленный конгломерат русскоговорящих. Это – солидный базис для развития культурного диалога именно с Германией как страной, в которой сформировалась одна из крупнейших русскоязычных диаспор мира.

Для того чтобы понять, как усилить развитие межкультурного диалога между Россией и Германией и вывести на новый уровень не только его, но и кооперацию по всем направлениям, необходимо проанализировать историю и формы культурного взаимодействия стран, при помощи каких инструментов и механизмов проводилась внешняя культурная политика государств по отношению друг к другу, а также оценить перспективы их дальнейшего развития в условиях глобализации. Анализ направлений культурного диалога между странами представлен в исследованиях таких авторов, как А.О. Гирфанова, И.В. Добряк,

А.И. Егоров, Н.В. Зайцева, Н.В. Павлов, В.Ю. Шмид и др. Но работы не отражают отношения двух стран с учетом сегодняшней ситуации, а также не предполагают рассмотрения культурного взаимодействия как способа «реабилитации» через призму времени.

Сотрудничество России и ФРГ в области культуры и экономики продолжается уже на протяжении трех столетий. Ни с одним из неславянских народов Россия не имела такого тесного и интенсивного общения и противоборства, как с немцами [1]. Однако из-за политической обстановки в мире, кризиса на Украине, введения санкций и отравления Алексея Навального два государства оказались на пороге серьезного конфликта. В сложившейся ситуации именно культурные связи могут помочь России и Германии «сесть за стол переговоров», преодолеть барьеры непонимания и улучшить отношения. К тому же дружеский диалог с Германией может способствовать установлению и укреплению культурных, политических и экономических отношений России с другими государствами Европейского союза. ФРГ станет «маяком» [2] для европейских соседей и поспособствует реабилитации имиджа РФ в странах ЕС.

Начало русско-германских контактов можно датировать IX в.: с учреждения государственности на российской и германской землях [3]. В последующие несколько веков между Древнерусским государством и Священной Римской империей установились торговые и династические связи. Начавшаяся в XIII в. экспансия с Запада столкнула два государства на Чудском озере 5 апреля 1242 г. В период правления Василия III была создана первая Немецкая слобода, а при Иване IV она получила дальнейшее развитие. Немцами в те времена называли не только уроженцев Германии, но и любых иностранцев, которые не знали русского языка – «немых». В Смутное время Немецкая слобода была уничтожена войсками Лжедмитрия II, но была вновь создана по указу Алексея Михайловича в 1652 г. Значимую роль Немецкая слобода сыграла в воспитании первого императора России – Петра I.

Во времена Петра I немецких ученых и ремесленников охотно приглашали в Россию. Великое Посольство в 1697–1698 гг. посетило Саксонию и Бранденбург. В 1724 г. была открыта Петербургская Академия наук, где в это время были сильны немецкие влияния [1]. В последующие два века немецкая культура (лите-

ратура, живопись, архитектура, музыка) оказывала колоссальное влияние на творческих деятелей нашей страны: многие из них ездили в Германию на фестивали, гастроли и выставки; произведения немецких деятелей искусства вдохновляли отечественных творцов на создание шедевров, известных во всем мире [4].

После смерти Петра I императорская семья Романовых заключала династические браки с небольшими немецкими княжествами, а с Петра III династия Романовых по генеалогическим правилам именуется Гольштейн-Готторп-Романовы. Петру III очень нравилась Пруссия, ее быт и культура. Он был поклонником короля Пруссии Фридриха II. Именно в это время Российская империя перешла от конфронтации к союзу с Пруссией и начала подготовку к войне со Швецией (в интересах Пруссии).

После очередного Дворцового переворота и прихода к власти Екатерины II, которая по своему происхождению была немецкой принцессой, в страну были приглашены многочисленные немецкие переселенцы, заселявшие малонаселенные земли. Впоследствии их стали называть «русскими немцами» [5]. Также развивались внешнеторговые связи Российской империи с Пруссией, две страны активно сотрудничали на военном поприще. Во второй четверти XIX в. классическая немецкая философия Ф. Шеллинга, Г.В.Ф. Гегеля послужила идейной основой для развития общественной мысли в России.

Франко-прусская война в XIX в. стала переломным моментом в истории отношений Пруссии и России. Первый канцлер Германской империи Отто фон Бисмарк стал организатором Берлинского конгресса, на котором были пересмотрены и урезаны условия Сан-Стефанского мирного договора. Это событие вызвало в российском обществе неприязнь и вражду к Германии и ко всему ее народу.

Продление Россией, Германией и Австро-Венгрией политической конвенции «Союз трех императоров» в 1881 г., 1884 г. не привело к улучшению отношений между двумя странами. В 1879–1890-е гг. между Россией и Германией началась таможенная война. Параллельно шло создание двух военно-политических союзов: Германская и Российская империи оказались по разные стороны политической арены.

В период Первой мировой войны противоречия между Россией и Германией вылились в открытую конфронтацию. Немецкое командование активно способствовало нарастанию революционных настроений в России [3]. Придя к власти, правительство большевиков во главе с В.И. Лениным, которому Германия обеспечила беспрепятственный проезд по территории своей страны из ссылки, заключило сепаратный мир с Германской империей и ее союзниками.

В 1922 г. между РСФСР и Веймарской республикой был подписан Рапалльский договор о восстановлении дипломатических отношений. После долгих лет противостояния два государства вновь сблизились. Больше всего обе страны были заинтересованы в развитии военно-технического обмена.

В 1933 г. Германию возглавил Адольф Гитлер. Агрессивная захватническая политика фюрера трево-

жила все мировое сообщество. С началом активных действий Германии в Европе СССР пересмотрел свою внешнюю политику, усилив контакты с Германией. Однако и Гитлер и Сталин понимали, что военное столкновение двух государств неизбежно. Все подписанные документы (пакт Молотова – Риббентропа и секретный протокол к нему, Договор о дружбе и границах и др.) лишь оттягивали начало войны.

Вторая мировая война и Великая Отечественная война на десятки лет определили негативное и напряженное отношение к Германии и ее народу не только со стороны Советского Союза, но и со стороны всех стран мира. После войны Германия была поделена на четыре зоны оккупации. И в 1949 г. страна раскололась на два государства: ФРГ – под покровительством США, Франции и Великобритании, и ГДР – под покровительством СССР. Восточная Германия стала главным форпостом Советского Союза в холодной войне.

Дипломатические отношения между СССР и ФРГ были установлены 13 сентября 1955 г. [6]. Политика «разрядки» способствовала улучшению отношений Советского Союза с Западом. В частности, в 1970 г. между СССР и ФРГ был подписан договор о признании послевоенных границ в Европе, декларировавший отказ от территориальных претензий и возможное объединение ФРГ и ГДР.

Провозглашенная М.С. Горбачевым идея «нового политического мышления» окончательно поспособствовала «оздоровлению» международной обстановки. В 1989 г. была демонтирована Берлинская стена, а 3 октября 1990 г. ГДР вошла в состав ФРГ. 26 декабря 1991 г. ФРГ первой из ведущих стран признала Российскую Федерацию в качестве государства – продолжателя бывшего СССР [6]. К концу XX в. российско-германские отношения стали развиваться по восходящей. Германия превратилась в важнейшего торгово-экономического партнера РФ на мировой арене. Культурные и гуманитарные связи двух государств достигли невиданных объемов, было подписано большое количество двусторонних договоров о сотрудничестве в различных сферах. Наступило историческое примирение, и на фоне дружеских отношений Россия и Германия вступили в новый век.

Между президентом РФ В.В. Путиным и федеральным канцлером Германии Г. Шрёдером установились хорошие личные отношения. По инициативе глав государств в 2001 г. был создан форум гражданских обществ «Петербургский диалог» [7], ставший платформой для обсуждения актуальных тем различными бизнес-элитами, представителями органов власти, учеными, студентами, преподавателями и т.д. Этот ежегодный форум (кроме 2014 г.) стал дискуссионной площадкой, предназначенной для генерации идей и дальнейшего развития двустороннего сотрудничества Германии и России во всех сферах жизни общества.

Все вопросы культурного взаимодействия между двумя странами регулируются межправительственным Соглашением между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Германия о культурном сотрудничестве от 16 декабря 1992 г. и Протоколом о

заседании Смешанной комиссии по культурному сотрудничеству 2001 г. [8]. На основании этих двух документов заключаются другие договоры в сфере культурно-гуманитарного взаимодействия.

В мае 2002 г. после открытия молодежного форума «Вместе в 21-ом веке» в Москве, а затем и в Берлине прошла первая совместная олимпиада по русскому и немецкому языкам [9]. Межправительственное Соглашение об изучении русского языка в ФРГ и немецкого языка в России было подписано в 2003 г. Были предусмотрены обмены преподавателями русского и немецкого языков, обмен педагогической документацией, учебными пособиями и литературой.

Важным шагом в установлении культурных связей стали программы школьных, студенческих и молодежных обменов. Обе страны являются активными участниками Болонского процесса. DAAD, Служба педагогических обменов (PAD), Гёте-Институты (в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске), Фонд имени Александра фон Гумбольдта, Фонд германо-русского молодежного обмена [9] – все эти организации ежегодно предоставляют стипендии школьникам, студентам и ученым для дальнейшего обучения и осуществления научно-исследовательской деятельности в Германии. МИД РФ также выделяет стипендии для обучения немецких студентов в российских вузах, по программе Erasmus можно получить финансирование для учебы в России. С 2004 г. проходит Германо-Российский молодежный форум [10], главной целью которого стало развитие молодежного сотрудничества обеих стран, разработка проектов дальнейшей кооперации. В рамках Германо-Российского форума начиная с 1999 г., ежегодно проводятся «Потесдамские встречи» [11] для обсуждения актуальных вопросов и дальнейшего углубления взаимопонимания между странами.

В 2005 г. пост федерального канцлера Германии заняла Ангела Меркель. Она сразу установила внешнеполитическую ориентацию ФРГ на США. Тем не менее Меркель не стала денонсировать достигнутые в период правления Герхарда Шрёдера соглашения и разрывать контакты с Российской Федерацией. Поэтому в культурной сфере сотрудничество двух стран продолжало развиваться.

Для популяризации и распространения русского языка и российской культуры за границей в 2007 г. был создан фонд «Русский мир». В Германии при поддержке фонда и Правительства РФ были открыты Русские центры, которые стали площадкой для многогранного сотрудничества русскоязычных писателей, музыкантов, художников, а также местом развития детского билингвизма и изучения русского языка жителями ФРГ [12].

Немецкий язык также пользуется популярностью у школьников и студентов в России. Поэтому была создана программа «Школы: перспективы на будущее», в которой принимают участие 90 российских школ с углублённым изучением немецкого языка [9]. Во многих российских вузах студенты выбирают немецкий язык в качестве второго иностранного языка.

Понимая, что именно английский язык, а не немецкий превращается в язык мирового общения, Гёте-Институт в 2010 г. запустил общенациональный

проект, направленный на поддержку и распространение немецкого языка. Основная задача Гёте-Института – популяризация немецкого языка и содействие международному культурному сотрудничеству. Организация обеспечивает свои филиалы учебной и методической литературой на немецком языке, предоставляет книги библиотекам, оказывает поддержку переводчикам, издательствам и журналистам. В ряде библиотек Российской Федерации действуют Немецкие читальные залы Гёте-Института, которые предлагают читателям книги, аудио- и видеоиздания о Германии и на немецком языке [13].

Плодотворно развивается научно-технологическое сотрудничество России и ФРГ. В России 500 университетов и научных центров ведут работу совместно с вузами Германии. Эта деятельность осуществляется на уровне кафедр, в процессе разработки экзаменов, которые необходимо сдать для поступления в университет-партнер [14].

В марте 2010 г. СПбГУ совместно с Техническим университетом Берлина открыл Германо-русский междисциплинарный научный центр (G RISC) в Санкт-Петербурге [9]. В 2011 г. министрами иностранных дел РФ и ФРГ было подписано соглашение об учреждении Германского дома исследований и инноваций.

Дальнейшей интенсификации культурно-гуманитарной сферы российско-германского диалога способствовало проведение целого ряда таких событий, как двусторонний «Год науки» (2011–2012), «Год Германии в России» (2012–2013), перекрестный «Год языка и литературы» (2014–2015), «Год молодежных обменов» (2016–2017) [15], «Российско-Германский год научно-образовательных партнёрств» (2018–2020) [16]. Научное сотрудничество двух государств способствует осуществлению различных совместных проектов, стимулирует развитие науки. На этой основе проводятся конференции, семинары и симпозиумы, обмен учёными и исследователями [17].

Два государства связывает общая послевоенная история. Выявление и сохранение объектов культурного наследия, исторического прошлого – один из главных механизмов увековечения памяти об исторических связях России с Германией. Россия осуществляет меры поддержки для ныне здравствующих ветеранов ВОВ и блокадников Ленинграда, совместно с Германской стороной ухаживает за советскими воинскими захоронениями и мемориалами. С 2015 г. в Германии проходят акции «Бессмертный полк» и «Георгиевская ленточка» [18]. Лидеры России посещают праздники в Германии в честь падения Берлинской стены, а руководство ФРГ – торжества в честь Дня Победы [2]. В 2005 и в 2010 гг. федеральные канцлеры Германии присутствовали на Параде Победы в Москве. Однако политический кризис на Украине сыграл важную роль в обострении и ухудшении отношений между ФРГ и Российской Федерацией. Ангела Меркель отказалась приехать в Москву на Парад Победы 9 мая 2015 г., отметив, что такое решение связано с ситуацией на востоке Украины и с присоединением Крыма к России [19].

РФ оказывает различные меры поддержки соотечественников за границей: защита их прав и интере-

сов, сохранение культурной и образовательной среды, предполагающей возможность изучения русского языка, получения образования на русском языке, доступ к российским СМИ, осуществление вещания российских СМИ за рубежом («Первый канал – Всемирная сеть», «РТР-Планета», «НТВ-Мир» и др.) [20].

Общность народов двух стран можно проследить на примере религии. В Германии проживает около 1,5 млн православных, представляющих третью по численности христианскую конфессию [21]. В Берлине, Гамбурге, Кельне и других городах есть русские православные церкви. В воскресных школах детям преподают богословие, русский язык, а на уроках краеведения их знакомят с Германией, ее культурой и традициями. Все это способствует сближению и установлению контактов между населением двух стран.

Культурный обмен занимает ведущее место во всем культурном взаимодействии Германии и России. На протяжении многих лет немецкое и русское искусство всех форм и видов воздействовали друг на друга. 2003/04 г. был объявлен «Годом германо-российских культурных встреч»: был дан старт масштабному проекту «Дни Германии в регионах». Ежегодно от Калининграда до Владивостока проводится около 25 дней Германии [22].

В 2008 г. Институт им. Гёте в Москве совместно с Государственным центром современного искусства при поддержке Европейского союза разработали художественный проект «Art on Site» [23]. Организаторы хотели погрузить немецких художников в новую для них среду. В ходе рабочего визита группа участников из Германии познакомилась с русской культурой и традициями, что стало источником вдохновения для создания новых работ немецких художников.

В рамках «Года русского языка и литературы в Германии» в 2014 г. в Москве прошел Германо-российский фестиваль, приуроченный к празднованию 215-летия со дня рождения великого русского поэта А.С. Пушкина [24].

В декабре 2017 г. при поддержке Гёте-Института в Москве, Министерства иностранных дел Германии в концертном зале им. П.И. Чайковского Московской филармонии оркестр Персимфанс и Дюссельдорфский симфонический оркестр дали концерт без дирижера, посвященный 100-летней годовщине Октябрьской революции [25].

В 2018 г. в ФРГ состоялись сотни гастрольных выступлений российских исполнителей, имеющих мировое признание, – Д.Л. Мацуева, А.Ю. Нетребко, Д.О. Трифонова и др.; оркестра «Германо-Российской музыкальной академии» под управлением В.А. Гергиева, балетной труппы и оркестра Государственного Мариинского театра; Молодежного русского народного оркестра «Серебряные струны» под управлением А.Н. Афанасьева [26].

Одним из новых способов культурного взаимодействия стали музейные обмены. Из числа резонансных выставок 2017–2018 гг. можно выделить «1917. Революция. Россия и Европа» в Германском историческом музее в Берлине при участии 94 музеев 12 стран и десятков частных коллекций, экспозицию «Гессенские принцессы в российской истории» (Франкфурт-

на-Майне), подготовленную Елисаветинско-Сергиевским просветительским обществом из собраний Государственного Эрмитажа, Государственной Третьяковской галереи и еще 13 музеев. Штеделевский музей организовывал выставочные программы совместно с Государственным Эрмитажем, а Дом истории ФРГ – с Российским государственным архивом литературы и искусства [26].

Обе страны активно поддерживают переводы российско-немецкой литературы как российскими издательствами, переводчиками, так и немецкими. В 2018 г. на Франкфуртской и Лейпцигской книжных ярмарках, международной выставке образовательных услуг «Study World-2018», ярмарке иностранных языков «Эксполингва» десятки российских издательств представили свою продукцию [26]. В немецких городах в 2018 г. прошли памятные мероприятия, посвященные классикам русской литературы (выставка к 200-летию И.С. Тургенева в Баден-Бадене [27], А.М. Горького [28] и др.).

Излюбленным элементом культуры является кино. С 2001 г. ежегодно в Москве проходит Фестиваль немецкого кино [29], кинопоказы фильмов из Германии устраивает Институт им. Гёте в Москве, Санкт-Петербурге и Новосибирске. В 2018 г. в Берлине состоялся XIV Фестиваль современного российского кинематографа «Неделя русского кино». В 2019 г. в Калининграде состоялся XV Фестиваль кино стран ЕС, а в Томске данный фестиваль прошел в третий раз [30]. Немецкая картина «Гундерманн», представленная на фестивале в 2019 г., получила высокую оценку не только кинокритиков, но и зрителей.

В 2019 г. в Германии прошел международный культурный проект «Русские сезоны – 2019». В рамках проекта состоялось более 430 мероприятий в десятках городов ФРГ [6].

В трансляции своих культурных ценностей из одной страны в другую в равной мере заинтересованы как Германия, так и Россия. Конечно, сложно определить и измерить результативность «мягкой силы», но стоит отметить, что немцы раньше нас осознали необходимость ее применения для решения своих внешнеполитических задач [31]. Возможно, именно поэтому эффект от ее использования больше заметен в ФРГ, чем в Российской Федерации: нашей стране необходимо прикладывать намного больше усилий, чтобы добиться своих целей.

Главной проблемой культурных взаимоотношений является влияние политической обстановки в мире и то, какую позицию занимают государства по сложным внешнеполитическим вопросам. Все это может снизить эффект от культурной политики, направленной на восстановление и улучшение отношений во многих сферах.

Ситуация вокруг Алексея Навального значительно подорвала взаимодействие государств. МИД Германии обвинил Москву в причастности к его отравлению, а также пригрозил санкциями в случае отказа от объективного расследования. На фоне этого МИД РФ объявил об отмене визита Сергея Лаврова в ФРГ на церемонию закрытия перекрестного года научно-образовательных партнерств. Пресс-служба мини-

стерства сообщила, что данное действие вызвано изменениями в графике главы МИД Германии Хайко Мааса, который не сможет принять участие в церемонии. К тому же Берлин сократил время общения министров до полутора часов [32].

К сожалению, в последние годы востребованность и популярность изучения русского языка в Германии значительно снизилась [33], а российские ученые и студенты, получив грант на обучение или стажировку в Германии, уже не возвращаются в Россию: происходит «утечка умов» за границу. Несмотря на то что правительство России выделяет большие средства на подъем науки и развитие образования, немецкая «мягкая сила» остается привлекательной для российских граждан.

В гуманитарной области Россия и ФРГ должны сохранить историческое примирение, достигнутое после Второй мировой войны. Для его поддержания следует создавать и вырабатывать новые формы сотрудничества во всех областях культуры: международные акции, форумы, кинофестивали и выставки (расширять их географию); обмен инновациями, разработками, литературой, учебно-методическими пособиями; артистические и художественные обмены талантливыми деятелями Германии и РФ; «сотрудничество по линии неправительственных организаций» [34]; проведение перекрестных годов. Учитывая такой широкий набор инструментов, в настоящее время между двумя странами созданы все условия для сохранения и развития культурного диалога на всех уровнях, что позволит укрепить отношения и продолжить их «совершенствовать» в различных областях деятельности.

Контакты Российской Федерации с Федеративной Республикой Германия являются одними из самых приоритетных. Их интенсивность можно проследить на основании многовековой истории и постепенного наращивания культурных связей. Несмотря на исторические потрясения и периодическое ослабление взаимодействия, страны сумели сохранить гуманитарное сотрудничество во многих областях, с каждым годом расширяя и увеличивая его.

В условиях глобализации Россия ведет достаточно активную внешнюю культурную политику, чтобы завоевать доверие и заручиться поддержкой других стран. Долгие годы за «железным занавесом» оставили свой исторический след. И теперь Россия вынуждена придерживаться стратегии догоняющего развития и поспевать за глобальными трендами, но, к сожалению, не создавать их.

Наша страна обладает богатым культурным наследием, знаменита своими выдающимися деятелями не только в искусстве, музыке, литературе, но и в науке, архитектуре, спорте. В этой области Россия зарекомендовала себя как государство, у которого есть чем гордиться и чему научиться. Россия старается обеспечить достойное выступление своих представителей на разных мероприятиях, организовать международные турниры, фестивали в своей стране на высоком уровне, вкладывает средства на подготовку лучших и специализированных кадров, на развитие науки и технологий. Важная составляющая внешней культурной политики РФ – популяризация и распространение в Германии русского языка.

Культурное наследие Российской Федерации, признаваемое и почитаемое во всем мире, является ее визитной карточкой. Российская Федерация как преемница Российской империи и СССР закрепила за собой статус великой державы. Для плодотворного взаимодействия обеих стран и их народов имеется богатый исторический опыт и прочный запас уважения и толерантности при всем различии национальных характеров.

Несомненная «тяга русских и немцев друг к другу» [3], многочисленные торгово-экономические договоры, договоры о поставках сырья говорят о том, что оба государства заинтересованы в дальнейшем сотрудничестве и считают друг друга «деловыми» партнерами на международной арене. При помощи культурной политики они могут наладить диалог.

Интенсивность культурных связей России и ФРГ, с одной стороны, во многом зависит от политической и экономической обстановки в мире, с другой стороны, только при помощи культурно-гуманитарного сотрудничества можно стабилизировать и улучшить политические отношения двух стран. Благодаря культурному диалогу России и Германии удалось, пусть и не полностью, но наладить отношения после украинского конфликта. Значит, есть вероятность, что при активном использовании инструмента политики мягкой силы странам удастся восстановить прежние отношения во всех сферах и вывести их на качественно новый уровень.

Таким образом, сотрудничество в области культуры является стабильной составляющей российско-германских отношений, в наименьшей степени подверженной колебаниям политической конъюнктуры. Сохранение тесных контактов в области культуры принципиально важно для будущего российско-германских отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добряк И.В. Диалог культур и русско-немецкие связи // Русская и европейская философия. Пути схождения : материалы конф. СПб., 1999. С. 14–18.
2. Зайцева Н.В. Политический диалог как основа внешней политики (на примере современных Российско-Германских отношений) // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 3 (36). С. 43–50.
3. Павлов Н.В. Россия и Германия : несостоявшийся альянс (история с продолжением). М. : Аспект Пресс, 2017. 560 с.
4. Григорьева Т. Образ Германии в русском искусстве // Культура.рф. URL: <https://www.culture.ru/s/zapiski-puteshestvennika/germaniya/#music> (дата обращения: 04.06.2020).
5. Гирфанова А.О. Репрезентативность искусства в аспекте диалога культур (на примере Российско-Германских отношений) // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. 2014. № 1. С. 35–41.
6. Межгосударственные отношения России и Германии // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200111/1563252091.html> (дата обращения: 06.06.2020).

7. Петербургский диалог. URL: <https://petersburger-dialog.ru/ezhegodnye-forumy.html> (дата обращения: 04.06.2020).
8. Фокин В.И. Россия и Германия: диалог культур в XX-ом веке // Россия и Германия в системе международных отношений: через века истории / под ред. В.Н. Барышникова, А.Ю. Прокопьева. СПб., 2012. С. 132–139.
9. Печищева Л.А. Особенности Российско-Германского гуманитарного сотрудничества на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2015. № 2. С. 1–5.
10. Российско-Германский молодёжный форум // Национальный совет молодёжных и детских объединений России. URL: <http://youth-russia.ru/mezopriyatiya-i-proekty/proekty/rossijsko-germanskiy-molodyozhnyj-forum> (дата обращения: 04.06.2020).
11. Потсдамские встречи // Германо-Российских Форум. URL: <https://www.deutsch-russisches-forum.de/ru/o-nas/sfery-deyatelnosti/potsdamskie-vstrechi> (дата обращения: 04.06.2020).
12. Русский мир. URL: <https://russkiymir.ru/rucenter/catalogue.php> (дата обращения: 04.06.2020).
13. Для всех, кто хочет быть ближе к Германии: Гёте-Институт // Русский век. URL: <http://www.ruvek.ru/?module=articles&action=view&id=8587> (дата обращения: 04.06.2020).
14. Шмид В.Ю. Международный диалог культур: Россия и Германия // Площадь Лихачева. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/Dip_Programma/005_Valter_Urgen_Schmid_lek.pdf (дата обращения: 05.06.2020).
15. Отдел культуры // Представительства Германии в России. URL: <https://germania.diplo.de/ru-ru/vertretungen/botschaft/arbeitsseinheit-en/kultur/1288974?openAccordionId=item-1224596-0-panel> (дата обращения: 05.06.2020).
16. Российско-Германский год научно-образовательных партнерств 2018–2020 // DWIH Moskau. URL: <https://www.dwih-moskau.org/ru/temy/ru-deutsch-russisches-kreuzjahr/ru-deutsch-russisches-jahr-der-hochschulkooperation-und-wissenschaft-2018-2020/> (дата обращения: 05.06.2020).
17. Образование и наука // Представительства Германии в России. URL: <https://germania.diplo.de/ru-ru/themen/05-Wiss> (дата обращения: 05.06.2020).
18. Русский мир в Германии – это уникальная и не имеющая аналогов общность соотечественников // Бельгийская федерация русскоязычных организаций. URL: https://www.bfro.be/ru/russkij-mir-v-germanii-eto-unikal-naja-i-ne-imejuschaja-analogov-obschnost-sootchestvennikov.html?cmp_id=108&news_id=28362 (дата обращения: 05.06.2020).
19. Меркель не поедет в Москву на парад Победы 9 мая // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1820046> (дата обращения: 05.06.2020).
20. Лебедева О. Культурная дипломатия как инструмент внешней политики России на современном этапе // Международная жизнь. 2016. № 9. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1734> (дата обращения: 05.06.2020).
21. Вайц В. Как живется православным в Германии // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/ru/как-живется-православным-в-германии/a-15289967> (дата обращения: 05.06.2020).
22. Дни Германии в российских регионах // Представительства Германии в России. URL: <https://germania.diplo.de/ru-ru/themen/kultur/-/1614274> (дата обращения: 05.06.2020).
23. Егоров А.И. Культурные аспекты внешней политики государства в постбиополярную эпоху: германский опыт // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 370. С. 83–86.
24. Мост дружбы между Россией и Германией. URL: https://tvkultura.ru/article/show/article_id/112649/ (дата обращения: 06.06.2020).
25. Ибрагимова Э. Музыканты из России и Германии сыграли вместе без дирижера // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/ru/музыканты-из-россии-и-германии-сыграли-вместе-без-дирижера/a-41813767> (дата обращения: 06.06.2020).
26. Сотрудничество в области культуры // Посольство России в Федеративной Республике Германия. URL: <https://russische-botschaft.ru/ru/information/dvustoronnie-otnosheniya/sotrudnichestvo-v-oblasti-kultury/> (дата обращения: 06.06.2020).
27. В Германии открылась выставка к 200-летию Ивана Тургенева с пейзажными цитатами на четырёх языках // Русский мир. URL: <https://russkiymir.ru/news/248372/> (дата обращения: 06.06.2020).
28. Выставка «Максим Горький и фотография» открылась в Берлине // Информационное агентство «Время Н». URL: http://www.vremyan.ru/news/vystavka_maksim_gorkij_i_fotografija_otkrylas_v_berline.html (дата обращения: 06.06.2020).
29. XVIII фестиваль немецкого кино. Москва // Искусство кино. URL: <https://kinoart.ru/events/festival-nemetskogo-kino-moskva> (дата обращения: 06.06.2020).
30. Фестиваль кино стран Европейского Союза в Томске. URL: <http://2019tomsk.euilmfest.ru> (дата обращения: 06.06.2020).
31. Рустомова Л.Р. Особенности «мягкой силы» во внешней политике ФРГ // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 1 (46). С. 118–128.
32. Лавров отменил визит в Берлин // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/09/2020/5f5f76709a7947e9cac0dd56> (дата обращения: 30.10.2020).
33. Дудина Г. Русскому языку нашли место в Германии // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4221475> (дата обращения: 06.06.2020).
34. Тренин Д. Россия и Германия: от отчуждения к новому соседству // Московский центр Карнеги. URL: https://carnegie.ru/2018/05/31/ru-rub-76473#_edn3 (дата обращения: 07.06.2020).

Статья представлена научной редакцией «История» 18 июля 2021 г.

The Cultural Interaction between the Russian Federation and the Federal Republic of Germany from 2000 till 2020

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 154–161.

DOI: 10.17223/15617793/470/18

Ekaterina A. Kirilova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: iam_kea@mail.ru

Evgeny F. Troitsky, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: eft@rambler.ru

Keywords: foreign policy; Germany–Russia relations; dialogue of cultures; international humanitarian cooperation; inter-state interaction.

In the modern world, culture is an integral part of the state policy. The authors note the importance of cultural policy as a tool for countries to improve their relations, overcome crisis situations and build further development paths, in spite of political differences. The article deals with the cultural interaction between Germany and Russia during the 21st century. The chosen period is explained by the coming to power of Vladimir Putin in the Russian Federation and the beginning of significant changes in the state's foreign and domestic policies. During the examination of this topic, the research methods of classification, systemic approach, and historical analysis were used. With the help of historical analysis, the history of cooperation between the two states, starting from the 9th century, was considered. Common and different features in the historical past of Russia and Germany were also established. The systemic approach made it possible to define cultural policy as an integral element of the country's foreign policy. The classification method involves the division of cultural policy into several areas in which the Russian Federation and the FRG interact. The work on this article was carried out using laws in the field of international cultural cooperation, a large amount of information from official news portals (RIA Novosti, TASS, RBC), official websites of the Embassy of Russia in Berlin and the Embassy of the Federal

Republic of Germany in Moscow. The vectors of interaction between the two states are described in detail: scientific and technological cooperation; academic mobility; exchange programs for students, scientists, exchange of methodological literature; cross-years; forum campaign; preservation of historical memory in the territory of both states; support programmes for compatriots living in Russia and Germany; activities to promote and remain both Russian and German languages, etc. Within each direction, the forms and ways, in which countries work together, are described. This research allowed drawing conclusions about culture's significance in the formation of a positive/negative image of the state, as well as to highlight an important pattern: with the help of cultural policy, states can both improve relations and provoke conflict. Thus, the authors analyzed various forms and mechanisms of the cultural interaction between the Russian Federation and the Federal Republic of Germany. There is a rich historical experience and economic basis for fruitful cooperation between the two countries and their nations. That is why two states have been able to maintain a dialogue at different levels, resolve conflict situations and restore contacts for many centuries. Therefore, both Russia and the FRG can continue to work in this direction in order to strengthen relations and bring them to a new level with the help of cultural policy.

REFERENCES

1. Dobryak, I.V. (1999) Dialog kul'tur i russko-nemetskie svyazi [Dialogue of Cultures and Russian-German Relations]. *Russkaya i evropeyskaya filosofiya. Puti skhozheniya* [Russian and European Philosophy. Convergence Paths]. Conference Proceedings. St. Petersburg. pp. 14–18.
2. Zaytseva, N.V. (2014) Politicheskiy dialog kak osnova vneshney politiki (na primere sovremennykh Rossiysko-Germanskikh otnosheniy) [Political dialogue as the basis of foreign policy (on the example of modern Russian-German relations)]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Journal*. 3 (36). pp. 43–50.
3. Pavlov, N.V. (2017) *Rossiya i Germaniya: nesostoyavshiyasya al'yans (istoriya s prodolzheniem)* [Russia and Germany: a failed alliance (a story to be continued)]. Moscow: Aspekt Press.
4. Grigor'eva, T. (n.d.) *Obraz Germanii v russkom iskusstve* [The image of Germany in Russian art]. [Online] Available from: <https://www.culture.ru/s/zapiski-puteshestvennika/germaniya/#music> (Accessed: 04.06.2020).
5. Girfanova, A.O. (2014) Representativnost' iskusstva v aspekte dialoga kul'tur (na primere Rossiysko-Germanskikh otnosheniy) [Representativeness of art in the aspect of the dialogue of cultures (on the example of Russian-German relations)]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Sotsiologiya*. 1. pp. 35–41.
6. RIA Novosti. (2020) *Mezhgosudarstvennye otnosheniya Rossii i Germanii* [Interstate relations between Russia and Germany]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20200111/1563252091.html> (Accessed: 06.06.2020).
7. *Peterburgskiy dialog* [Petersburg Dialogue]. [Online] Available from: <https://petersburger-dialog.ru/ezhegodnye-forumy.html> (Accessed: 04.06.2020).
8. Fokin, V.I. (2012) Rossiya i Germaniya: dialog kul'tur v XX-om veke [Russia and Germany: a dialogue of cultures in the 20th century]. In: Baryshnikov, V.N. & Prokop'ev, A.Yu. (eds) *Rossiya i Germaniya v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy: cherez veka istorii* [Russia and Germany in the system of international relations: through centuries of history]. St. Petersburg: Sezam-print. pp. 132–139.
9. Pechishcheva, L.A. (2015) Osobennosti Rossiysko-Germanskogo gumanitarnogo sotrudnichestva na rubezhe XX–XXI vv. [Features of Russian-German humanitarian cooperation at the turn of the 21st century]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. 2. pp. 1–5.
10. National Council of Youth and Children's Associations of Russia. (n.d.) *Rossiysko-Germanskiiy forum* [Russian-German Youth Forum]. [Online] Available from: <http://youth-russia.ru/meropriyatiya-i-proekty/proekty/rossijsko-germanskij-molodyozhnyy-forum> (Accessed: 04.06.2020).
11. German-Russian Forum. (n.d.) *Potsdamskie vstrechi* [Potsdam Meetings]. [Online] Available from: <https://www.deutsch-russisches-forum.de/ru/o-nas/sfery-deyatelnosti/potsdamskie-vstrechi> (Accessed: 04.06.2020).
12. *Russkiy mir* [Russian World]. [Online] Available from: <https://russkiymir.ru/rucenter/catalogue.php> (Accessed: 04.06.2020).
13. Russkiy vek. (2013) *Dlya vseh, kto khochet byt' blizhe k Germanii: Gete-Institut* [For everyone who wants to be closer to Germany: Goethe-Institut]. [Online] Available from: <http://www.ruvek.ru/?module=articles&action=view&id=8587> (Accessed: 04.06.2020).
14. Schmid, V.Yu. (n.d.) *Mezhdunarodnyy dialog kul'tur: Rossiya i Germaniya* [International Dialogue of Cultures: Russia and Germany]. [Online] Available from: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/Dip_Programma/005_Valter_Schmid_lek.pdf (Accessed: 05.06.2020).
15. Representative offices of Germany in Russia. (n.d.) *Otdel kul'tury* [Department of Culture]. [Online] Available from: <https://germania.diplo.de/ru-ru/vertretungen/botschaft/arbeitsinheiten/kultur/1288974?openAccordionId=item-1224596-0-panel> (Accessed: 05.06.2020).
16. DWIH Moskau. (2020) *Rossiysko-Germanskiiy god nauchno-obrazovatel'nykh partnerstv 2018–2020* [Russian-German Year of Scientific and Educational Partnerships 2018–2020]. [Online] Available from: <https://www.dwih-moskau.org/ru/temy/ru-deutsch-russisches-kreuzjahr/ru-deutsch-russisches-jahr-der-hochschulkoooperation-und-wissenschaft-2018-2020/> (Accessed: 05.06.2020).
17. Representative offices of Germany in Russia. (n.d.) *Obrazovanie i nauka* [Education and Science]. [Online] Available from: <https://germania.diplo.de/ru-ru/themen/05-Wiss> (Accessed: 05.06.2020).
18. BFRO. (2019) *Russkiy mir v Germanii – eto unikal'naya i ne imeyushchaya analogov obshchnost' sootechestvennikov* [The Russian world in Germany is a unique and unparalleled community of compatriots]. [Online] Available from: https://www.bfro.be/ru/russkij-mir-v-germanii-eto-unikal-naya-i-ne-imeyushchaya-analogov-obshchnost-sootechestvennikov.html?cmp_id=108&news_id=28362 (Accessed: 05.06.2020).
19. TASS. (2015) *Merkel' ne poedet v Moskvu na parad Pobedy 9 maya* [Merkel will not go to Moscow for the Victory Parade on May 9]. [Online] Available from: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1820046> (Accessed: 05.06.2020).
20. Lebedeva, O. (2016) Kul'turnaya diplomatiya kak instrument vneshney politiki Rossii na sovremennom etape [Cultural diplomacy as an instrument of Russian foreign policy at the present stage]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 9. [Online] Available from: <https://interaffairs.ru/author/material/1734> (Accessed: 05.06.2020).
21. Vayts, V. (2011) *Kak zhivetsya pravoslavnym v Germanii* [How Orthodox Christians Live in Germany]. [Online] Available from: <https://www.dw.com/ru/%D0%BA%D0%B0%D0%BA-%D0%B6%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D1%8F-%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%BC-%D0%B2-%D0%B3%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8/a-15289967> (Accessed: 05.06.2020).
22. Representative offices of Germany in Russia. (n.d.) *Dni Germanii v rossiyskikh regionakh* [Days of Germany in Russian regions]. [Online] Available from: <https://germania.diplo.de/ru-ru/themen/kultur/-/1614274> (Accessed: 05.06.2020).
23. Egorov, A.I. (2013) Cultural Aspects of Foreign Policy of the State in the Post-bipolar Epoch: German Experience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 370. pp. 83–86. (In Russian).
24. TV Kul'tura. (2016) *Most druzhby mezhdu Rossiei i Germaniei* [Bridge of friendship between Russia and Germany]. [Online] Available from: https://tvkultura.ru/article/show/article_id/112649/ (Accessed: 06.06.2020).
25. Ibragimova, E. (2017) *Muzykanty iz Rossii i Germanii sygrali vmeste bez dirigera* [Musicians from Russia and Germany played together without a conductor]. Deutsche Welle. [Online] Available from: <https://www.dw.com/ru/muzykanty-iz-rossii-i-germanii-sygrali-vmeste-bez-dirigera/a-41813767> (Accessed: 06.06.2020).

26. Embassy of Russia in the Federal Republic of Germany. (n.d.) *Sotrudnichestvo v oblasti kul'tury* [Cooperation in the field of culture]. [Online] Available from: <https://russische-botschaft.ru/ru/information/dvustoronnie-otnosheniya/sotrudnichestvo-v-oblasti-kultury/> (Accessed: 06.06.2020).
27. Russkiy mir. (2018) *V Germanii otkrylas' vystavka k 200-letiyu Ivana Turgeneva s peyzazhnymi tsitatami na chetyrekh yazykakh* [In Germany, there opened an exhibition dedicated to the 200th anniversary of Ivan Turgenev with landscape quotes in four languages]. [Online] Available from: <https://russkiymir.ru/news/248372/> (Accessed: 06.06.2020).
28. Vremya N. (2018) *Vystavka "Maksim Gor'kiy i fotografiya" otkrylas' v Berline* [Maxim Gorky and Photography exhibition opened in Berlin]. [Online] Available from: http://www.vremyan.ru/news/vystavka_maksim_gorkij_i_fotografija_otkrylas_v_berline.html (Accessed: 06.06.2020).
29. Kinoart.ru. (2020) *XVIII festival' nemetskogo kino. Moskva* [XVIII German Film Festival. Moscow]. [Online] Available from: <https://kinoart.ru/events/festival-nemetskogo-kino-moskva> (Accessed: 06.06.2020).
30. *Festival' kino stran Evropeyskogo Soyuza v Tomske* [European Union Film Festival in Tomsk]. [Online] Available from: <http://2019tomsk.euilmfest.ru> (Accessed: 06.06.2020).
31. Rustamova, L.R. (2016) Osobennosti "myagkoy sily" vo vneshney politike FRG [Features of "soft power" in foreign policy of the Federal Republic of Germany]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Journal*. 1 (46). pp. 118–128.
32. RBK. (2020) Lavrov otmenil vizit v Berlin [Lavrov canceled his visit to Berlin]. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/politics/14/09/2020/5f5f76709a7947e9cac0dd56> (Accessed: 30.10.2020).
33. Dudina, G. (2020) *Russkomu yazyku nashli mesto v Germanii* [Russian language found a place in Germany]. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/4221475> (Accessed: 06.06.2020).
34. Trenin, D. (2018) *Rossiya i Germaniya: ot otchuzhdeniya k novomu sosedstvu* [Russia and Germany: from alienation to a new vicinity]. [Online] Available from: https://carnegie.ru/2018/05/31/ru-pub-76473#_edn3 (Accessed: 07.06.2020).

Received: 18 July 2021

Г.Ю. Колева

ИСТОРИЯ НЕФТЯНОЙ И ГАЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ХМАО-ЮГРЫ (1964–2020 гг.): 90-ЛЕТИЮ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА ПОСВЯЩАЕТСЯ

Рассматривается история развития нефтегазовой отрасли ХМАО-Югры в период от формирования первых структур управления нефтегазодобычей округа до современного состояния. Выделены четыре основных периода развития отрасли, определены важнейшие черты в ее развитии в рамках каждого периода. Подчеркивается, что на всем времени существования автономного округа его индустриальная сфера была подчинена обеспечению внешнеэкономических и политических устремлений государства.

Ключевые слова: округ; нефть; газ; добыча; индустриальное развитие.

Ханты-Мансийскому автономному округу в 2020 г. исполнилось 90 лет. Созданный в 1930 г. как Остяко-Вогульский национальный округ, с 1978 г. получивший наименование «Ханты-Мансийский автономный округ», весь этот период он являлся важной составной частью экономики страны. Удивительное совпадение, но в 2020 г. исполнилось и 60 лет со времени открытия первого нефтяного месторождения на территории Ханты-Мансийского округа. Произошло это 21 июня 1960 г., когда скважина Р-6 на Мудымьинской площади фонтанировала с дебитом 350–400 т в сутки [1. С. 26]. По запасам открытое месторождение Шаимское было небольшим, но начало было положено.

При огромных пространствах нашего государства многие территории с существенным разрывом во времени включались в процесс индустриального развития. Территория ХМАО-Югры, географически – как северо-западная часть Западной Сибири, административно – в 1920–1930-е гг. – часть Уральской, затем Омской области, на путь индустриального развития вступила в 1930-е гг., с первых шагов оказавшись связана с внешнеэкономической стратегией страны. Северо-западная часть Западной Сибири в 1920–1930-е гг. шаги по пути индустриального развития делала в рамках развития лесной отрасли. В 1920-е гг. начались лесозаготовки силами Тобольского леспромхоза треста «Иртышураллес» [2. С. 128], в 1930-е гг. на территории Остяко-Вогульского округа были созданы первые пять леспромхозов и Самаровский лесозавод. В рождающейся индустриальной сфере лесозаготовительная отрасль вскоре заняла ведущее место [3. С. 47]. Темпы промышленного развития возросли в 1940–1960-е гг., когда объем промышленного производства к уровню предшествующего периода увеличился в 20 раз. Однако удельный вес округа в объеме валовой промышленной продукции области составлял лишь 11,4% [3. С. 47]. В 1960-е гг. действовали 20 леспромхозов и сплавконтор, лесная промышленность в экономике округа имела удельный вес в 64% [2. С. 143]. Второе место среди отраслей промышленности округа занимала рыбная промышленность, она давала 61,7% рыбодобычи области и 57,8% рыбных консервов. Сдерживающим фактором в экономическом развитии была слабая электроэнергетическая база.

Значение лесозаготовительной отрасли Ханты-Мансийского округа с первых шагов оказалось связа-

но с обслуживанием экспорта СССР. В предвоенный период в советском экспорте три первые позиции занимали «нефть», при преобладании в ней нефтепродуктов, лес и «хлеб». С утратой с начала 1930-х гг. лидерства нефтью, сокращением зерна в период коллективизации, возрастало значение леса. В этих условиях один за другим на севере бывшей Тобольской губернии и создавались леспромхозы. Богатые лесные ресурсы северных территорий Западной Сибири были подчинены обеспечению экспортной политики страны [4. С. 45]. Последующий период индустриального развития округа, связанный с нефтегазовой промышленностью, сохранил округ в ряду стратегических регионов страны.

Путь к открытию нефти на севере Тюменской области был длительным. Еще в начале XX в. северо-западная часть Западной Сибири стала объектом внимания поисковиков нефти, информация о которых очень скудна, и относится к 1903 и 1911 гг. [5. С. 17, 38], при этом «причин появления в начале века заявок на разведку нефти в Западной Сибири не найдено» [6. С. 43]. В 1920-е гг. о нефтегазоносности Среднего Приобья высказывался Р.С. Ильин. В 1930-е гг. последовали заявления И.М. Губкина о необходимости поисков нефти в Западной Сибири, после чего в 1934 г. на территории Остяко-Вогульского округа появилась экспедиция треста «Востокнефть», ее руководитель В.Г. Васильев делал смелые заявления о наличии нефти. Ни в предвоенный период, ни в годы войны открытий углеводородных ресурсов в регионе не последовало. Но вскоре после окончания войны поисковые работы в Западной Сибири были возобновлены.

В это время значение нефти в мировой цивилизации возросло. Нефть во Второй мировой войне продемонстрировала свои преимущества в функционировании военных технологий. США в 1943 г. сформировали новую стратегию по отношению к нефти, в которой нефть стала рассматриваться основным стратегическим продуктом во время войны и средством международного влияния в мирное время [4. С. 45]. Престиж и свое влияние в послевоенном мире США связали «с богатством нефтяными ресурсами» [7. С. 439]. СССР в 1946 г. начал экспорт нефти и газа в Европу, США в 1947 г. развернули сооружение трансаравийского нефтепровода. Реализация плана Дж. Маршалла повлекла переход мировой экономики, основанной на угле, к экономике, базирующейся на нефти. Началось

введение в мировую экономику нефти Ближнего Востока. При этом крупнейшим нефтедобытчиком в мире, с долей почти в 50%, оставались США [4. С. 45].

СССР в годы Великой Отечественной войны понес огромные потери, в том числе в нефтяной сфере, нефтедобыча в стране снизилась, основному добывающему району был нанесен существенный урон. Но уже к 1950 г. добыча нефти в стране увеличилась к уровню 1945 г. почти в два раза. Советский Союз стал расширять экспорт углеводородов в Европу. В 1959 г. СССР приступил к строительству магистрального нефтепровода «Дружба», ввод в эксплуатацию планировался в 1963–1964 гг. Нужно было укреплять базу нефтедобычи.

В Тюменской области на территории Ханты-Мансийского национального округа первое месторождение углеводородного сырья было открыто еще 21 сентября 1953 г. Это было Березовское газовое месторождение. На протяжении 1950-х гг. в западной части округа открывали месторождения природного газа, и только 21 июня 1960 г. было открыто первое нефтяное месторождение. В 1961 г. Мегионским и Усть-Балыкским месторождениями была открыта нефть Среднего Приобья. Открытия новых ресурсов нефти имели важное значение в условиях, когда анализ, проведенный к 1963 г. Госпланом СССР, указывал на отставание в подготовке запасов нефти в стране, что, как отмечалось, «не давало возможности развивать эту отрасль до размеров, принятых в Генеральном плане (1970 г. – 350–390 млн т)». При этом планы добычи нефти только возрастали [8. С. 12]. Перспективы нефтедобычи в стране связывались с Уралом-Поволжьем, которое должно было дать к 1970 г. 67,3% союзной нефтедобычи, далее назывались Оренбургская и Пермская области.

Пермская область определялась одним из наиболее перспективных районов СССР. На последнем месте в планах Госплана стояли Сибирь и Казахстан. Однако весной 1963 г. представители Тюменской области – первый секретарь Тюменского промышленного обкома партии А. Протозанов, председатель Тюменского облисполкома И. Шуляков, начальник Тюменского геологического управления Ю. Эрвье – перед высшим руководством страны выдвинули проблему организации нефтегазодобычи в регионе, определяя прогнозные запасы в 45 млрд т нефти, газа – в 5 трлн м³. Инициатива «тюменцев» получила поддержку председателя ВСНХ Д.Ф. Устинова.

Ситуация в отношении Западной Сибири стала меняться. В руководящих структурах страны укреплялись идеи, что «район западно-сибирской низменности является наиболее богатым по запасам нефти и газа»; и «целесообразно принять решение правительства по развитию добычи нефти и газа в этом районе». На личном приеме А.К. Протозанова Н.С. Хрущевым 4 декабря 1963 г. проект постановления Совета министров СССР «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области» был подписан. Этот документ и положил начало рождению нефтегазовой промышленности Тюменской области, как и ХМАО-Югры.

При этом первые структуры управления нефтегазовой сферой округа связаны с созданием еще 26 января 1961 г. Березовского укрупненного газонефтедобывающего промысла, с подчинением отделу нефтяной и газовой промышленности Средне-Уральского совнархоза. В 1961–1963 гг. промысел занимался подготовкой к добыче Березовского газа. Была подготовлена только одна скважина, от нее газ подавался на предприятия пос. Березово. В ведении Средне-Уральского совнархоза 30 мая 1963 г. была создана новая структура: нефтепромысловое управление (НПУ) «Тюменнефтегаз», в него включены вновь созданная Игримская контора бурения, Березовский газонефтедобывающий промысел, с задачами разработки предложений по организации нефтедобычи.

С принятием постановления от 4 декабря 1963 г. управление «Тюменнефтегаз» было ликвидировано, создано объединение «Тюменнефтегаз». Ему ставилась уже более сложная задача – организация пробной эксплуатации нефтяных месторождений, определялись три месторождения: Шаимское, Усть-Балыкское, Мегионское. В 1964 г. началось формирование структуры объединения «Тюменнефтегаз», начальником которого стал А.М. Слепян. На территории ХМАО были организованы первые нефтепромысловые управления (НПУ): Шаимский укрупненный нефтепромысел (январь 1964 г.), в августе преобразованный в НПУ «Шаимнефть», в марте организовано НПУ «Сургутнефть», в июле 1964 г. – НПУ «Мегионнефть». Началось создание контор бурения: Усть-Балыкской, Мегионской, Шаимской. Шло создание первых строительно-монтажных управлений. Привлекались кадры, осуществлялись поставки оборудования, велся завоз грузов, строились резервуарные парки, сепарационные установки, выкидные линии. 25 мая 1964 г. первый танкер с нефтью был отправлен с Трехозерного (Шаимского) месторождения, 26 мая – с Усть-Балыкского, 5 июня – с Мегионского. Нефть стали вывозить нефтеналивными баржами, причальными сооружениями стали дебаркадерные баржи. Нефть пошла на Омский нефтеперерабатывающий завод. Добыча нефти определялась сроками навигации. Но уже 18 июня 1964 г. начались сварочные работы на нефтепроводе Шаим-Тюмень. В летнюю навигацию 1964 г. было добыто и транспортировано 208,9 тыс. т нефти, что превысило плановые показатели в 2 раза. Так началось становление нефтяной промышленности Югры. Первый этап в ее развитии мы датируем 1964–1969 гг. Он характеризовался:

1. Началом в 1964 г. пробной эксплуатации месторождений, с 1 декабря 1965 г., после завершения строительства нефтепровода Шаим-Тюмень, началом промышленной добычи нефти.

2. Созданием в июне 1965 г. головной структуры управления нефтяной отраслью Западной Сибири – Главного Тюменского производственного управления по нефтяной и газовой промышленности – Главтюменнефтегаза; объединение «Тюменнефтегаз» вошло в структуру Главтюменнефтегаза, было переведено в г. Сургут, и продолжало действовать до 1969 г.; структура управления нефтяной промышленностью округа формировалась через создание нефтепромысловых управлений, контор бурения и т.д.

3. Преобладанием в этот период сезонного характера нефтедобычи, т.е. добычи нефти только в период летней навигации. Сезонная добыча нефти постепенно сокращалась: к действовавшему с 1965 г. нефтепроводу Шаим – Тюмень в 1967 г. добавился нефтепровод Усть-Балык–Омск, в 1969 г. – Александровское – Нижневартовск. Нефтепроводы были объединены в единое кольцо: Александровское–Нижневартовск–Сургут–Усть-Балык–Омск, что позволило практически прекратить сезонную добычу.

4. Основным способом добычи являлась фонтанная. В 1960-е гг. она составляла в среднем 99,9–99,3%. Объемы добычи нефти росли высокими темпами: в 1965 г. было добыто 953,4 тыс. т нефти, в 1968 г. – 12,1 млн т, в 1969 г. – 21,3 млн т. Увеличение добычи с 1965 по 1969 г. составило 22,3 раза, за 1964–1969 гг. – 101,9 раза [9. С. 127].

5. В апреле 1969 г. в эксплуатацию было введено крупнейшее на тот период и по настоящее время Самотлорское месторождение.

6. Западная Сибирь (ХМНО) в 1969 г. вышла на 4-е место в стране по добыче нефти после Татарии, Башкирии, Азербайджана.

В этот же период началась промышленная добыча газа. Произошло это также на территории ХМАО. Отсчет промышленной добычи газа связан с опытно-промышленной эксплуатацией Пунгинского месторождения, начатой с 1 января 1966 г. В ноябре 1966 г. приступили к разработке Северо-Игримского месторождения. 9 июля 1966 г. в г. Тюмени было создано самостоятельное подразделение по руководству газовой промышленностью – управление «Тюменгазпром», в него вошли ГПУ «Игримгаз», Якутское ГПУ, созданная Дирекция строящихся газопроводов в пос. Лабитнанги. В марте 1966 г. в строй вступил первый газопровод на территории Тюменской области и ХМНО «Игрим–Серов», строительство которого велось с 1962 г. Этому газопроводу ставилась цель обеспечить металлургические заводы Урала газовым топливом, с запланированным продлением до Нижнего Тагила, соединением там с газопроводом из Средней Азии «Бухара–Урал». В сентябре 1966 г. завершено строительство участка «Серов–Нижний Тагил». В октябре 1966 г. был введен в строй Пунгинский сборный пункт.

В первый год добыча природного газа на территории Западной Сибири в ХМНО составила 565,5 млн м³. Ввод Южно-Игримского и Похромского месторождений позволил обеспечить добычу в 1969 г. в объеме 9,08 млрд м³ [9. С. 128], что однако было меньше запланированных показателей. Но это был начальный период газовой отрасли региона. Газовая промышленность округа не имела ресурсной базы для наращивания добычи в больших объемах. С 1969 г. акцент в Тюменской области был перенесен на месторождения, располагавшиеся на территории ЯННО.

Второй период в развитии нефтегазовой промышленности ХМНО датирован 1969–1977 гг. Он отличался небольшими объемами добычи природного газа на месторождениях Березово-Игримской группы, незначительными объемами утилизации попутного нефтяного газа (ПНГ). Утилизация ПНГ стала расти с

1973 г., развернулось строительство газоперерабатывающих заводов (ГПЗ): Правдинского, Нижневартовского, Южно-Балыкского. Отбензиненный газ с заводов стал подаваться с 1974 г. на Сургутскую ГРЭС, начало строительства которой было положено в 1968 г.

Нефтедобыча в ХМАО, имевшая в этот период невероятно высокие темпы, осуществлялась с 20 месторождений. К 1977 г. добыча в Западной Сибири была доведена до 211 млн т, что составило 39% от общего объема в СССР и 100% прироста нефтедобычи в стране. Увеличение добычи в 1977 г. к уровню 1969 г. составило 9,57 раза [9. С. 129, 133]. Основным объемом нефти Западной Сибири давала нефтяная промышленность ХМНО. Томская область, подчиненная через НПУ «Томскнефть» Главтюменнефтегазу, добывала только 7,133 млн т нефти. По-прежнему преобладал фонтанный способ нефтедобычи, обеспечиваемый через поддержание пластового давления (ППД). Росту темпов нефтедобычи содействовало расширение трубопроводной сети, которая в этот период ориентировалась на западные границы СССР для развития экспорта нефти в Европу и на восток в условиях намечавшихся договоренностей со странами Северо-Восточной Азии. Однако изменение позиций Японии, ухудшение отношений с Китаем отодвинули на длительный период это направление советского нефтяного экспорта.

Западная Сибирь, а значит и ХМНО, в 1974 г. по объемам годовой добычи вышли на первое место в стране, обогнав Татарию. Это обстоятельство, на наш взгляд, составляет главную отличительную черту данного периода – выход на первое место в стране, превращение нефтяной промышленности региона в базовую сферу нефтедобычи СССР.

СССР в 1974 г. вышел на первое место в мире. Мечтания догнать и перегнать США в деле нефтедобычи стали реальностью. До этого первенство по нефтедобыче у России было с 1898 по 1901 г. Самый значимый вклад в наращивание добычи в ХМАО и в стране вносило Самотлорское месторождение. Бурное развитие нефтегазовой сферы ХМАО поставило топливные отрасли в центр экономического развития округа, вызвало к жизни интенсивное развитие электроэнергетической сферы, производства строительных материалов и конструкций, рост масштабов строительных работ, основание все новых городов и поселков.

Третий период в развитии нефтегазовой сферы ХМАО охватывает 1978–1990 гг. В этот период нефтяная промышленность страны, как и ХМАО, оказалась под влиянием растущих внутренних потребностей в нефти, падения добычи в ведущих добывающих районах страны, увеличения спроса на нефть на мировом рынке, повышения мировых цен на нефть, увеличения нефтяного экспорта из СССР. С середины 1970-х гг., в 1980-е гг. СССР, наряду с США и Саудовской Аравией, входил в тройку мировых лидеров по добыче нефти, занимая первую строчку. Объемы добычи нефти в мире активно росли и приблизились к уровню 3 млрд т. Нефть в мире стала самым торгуемым товаром, цены на нее в 1970-е гг. выросли в 16,6 раза. Цены на нефть стимулировали ее добычу, вели к повышению доходов от торговли этим сырьем. В топливно-энергетическом балансе страны удельный

вес нефти и газа возрос до 2/3. Однако важнейшим обстоятельством являлось то, что с 1960 г. по середине 1970-х гг. удельный вес углеводородных ресурсов в экспорте вырос почти в 2 раза. Нефть и нефтепродукты стали обеспечивать почти половину валютных поступлений страны [9. С. 138]. Вопрос увеличения добычи нефти в стране в этот период оказался связан с совокупностью внешнеполитических факторов, как укрепление позиций на мировом нефтяном рынке, в мировой нефтедобыче, поддержке стран социалистического блока. Нефть являлась важным ресурсом получения валюты.

В рамках этого периода структура управления нефтяной отраслью Западной Сибири, ХМАО в том числе, совершенствуется, но головным органом управления остается Главтюменнефтегаз. Основные добывающие подразделения, подчиненные Главку, находились на территории ХМАО. Их число за этот период значительно увеличилось. Влияние оказывала расширявшаяся география нефтедобычи, ввод почти трех десятков новых месторождений. Число объединений, как главных структурных единиц управления нефтяной промышленностью ХМАО, в рассматриваемый период увеличилось с четырех в 1977 г. до десяти в 1987 г. В 1977 г. на территории ХМАО действовали четыре нефтедобывающих объединения: «Нижневартовскнефтегаз», «Юганскнефтегаз», «Сургутнефтегаз», «Урайнефтегаз». Самым крупным объединением был «Нижневартовскнефтегаз». В его состав входило шесть НГДУ: «Нижневартовскнефть», «Варьеганнефть», «Белозернефть», «Повхнефть», «Пакачевнефть», «Заполярье-нефть». «Юганскнефтегаз» включал три НГДУ: «Правдинскнефть», «Мамонтовнефть», «Юганскнефть». «Сургутнефтегаз» в своем составе также имел три НГДУ – «Сургутнефть», «Федоровскнефть», «Холмогорнефть», «Урайнефтегаз» – только одно НГДУ «Урайнефть». В 1987 г. к четырем имевшимся объединениям: «Нижневартовскнефтегаз», «Юганскнефтегаз», «Сургутнефтегаз», «Урайнефтегаз», были созданы шесть новых – «Пурнефтегаз», «Вынгапурнефтегаз», «Красноленинскнефтегаз», «Ноябрьскнефтегаз», «Лангепаснефтегаз», «Когалымнефтегаз» [10. С. 87].

Следует обратить внимание на два объединения: «Когалымнефтегаз», «Лангепаснефтегаз». Рассматриваемый период характеризовался переходом от фонтанной добычи к механизированной, расширением зон освоения территории, включением в нефтедобычу округа все новых месторождений, вовлечением в нефтяную сферу Югры других нефтяных районов СССР, прежде всего специалистов объединений «Татнефть», «Башнефть», «Куйбышевнефть», «Саратовнефтегаз». В 1985 г. объединения «Татнефть», «Башнефть», где добыча падала, а в ХМАО вводились в разработку все новые месторождения, переданы группы месторождений. Центром расположения подразделений «Татнефть» в ХМАО становится г. Когалым, а подразделения «Башнефть» стали базироваться в г. Лангепас. Сначала эти вновь созданные структуры подчинялись своим объединениям, в 1988 г. вошли в состав Главтюменнефтегаза. Осуществлялась переброска сил на территорию ХМАО буровых предприятий, буровых бригад, бригад по капитальному и по-

земному ремонту скважин. Вахтовым методом на предприятиях нефтяной промышленности ХМАО в этот период стали работать специалисты 11 производственных объединений Миннефтепрома СССР: «Укрнефть», «Белорусснефть», «Краснодарнефтегаз», «Саратовнефтегаз», «Грознефть», «Узбекнефть», «Ставропольнефтегаз», «Таджикнефть», «Куйбышевнефть», и уже названные производственные объединения «Татнефть», «Башнефть», получившие наиболее благоприятные условия для функционирования [10. С. 80–81].

Нельзя не учитывать такое новое явление в управлении нефтяной промышленностью региона с начала 1980-х гг., как фактическое выведение руководства Главтюменнефтегазом на Совет министров СССР через Комиссию Президиума Совета министров СССР. До 1984 г. вопросы ЗСНГК в Совете министров СССР курировал В.Э. Дымшиц, с 1984 г. – Б.Е. Щербина. Второй структурой, под контролем которой оказалась нефтяная промышленность Западной Сибири, был отдел тяжелой промышленности ЦК КПСС, возглавляемый длительное время В.И. Долгих. С учетом того, что В.И. Долгих входил в Политбюро ЦК партии, как высший партийно-политический руководящий орган страны, можно говорить о замыкании руководства нефтяной сферой Западной Сибири на высшем органе в политической системе страны. Все это отражало то значение, которое приобрела нефтяная промышленность Тюменской области, а значит и ХМАО, не только во внутреннем развитии страны, но и прежде всего во внешнеполитической стратегии государства.

Планы добычи нефти, несмотря на нараставшие трудности в отрасли, постоянно возрастали. Отрасль была поставлена на путь форсированного развития. При этом «легкая нефть» фонтанной добычи предшествующего периода ушла в прошлое. Стало проявляться снижение годовых приростов добычи, среднесуточного дебита скважин, началось падение фонтанной добычи, раньше намеченного срока на максимальный уровень добычи вышел Самотлор. Проблема осложнялась падением добычи с конца 1970-х гг. по многим нефтедобывающим предприятиям страны, таким как «Татнефть», «Пермнефть», «Оренбургнефть», «Эмбанефть», «Куйбышевнефть», Каспморнефть, затем прибавились «Коминнефть», «Томскнефть». В ХМАО первыми в 1978 г. показали себя не способными справляться с плановыми заданиями «Сургутнефтегаз», «Юганскнефтегаз». Стала расти обводненность скважин, падать добыча на самых крупных месторождениях начального периода нефтедобычи, с начала 1980-х гг. началось снижение добычи на Самотлоре. Механизированная добыча потребовала роста энергетических мощностей ХМАО, проблема решалась через строительство Сургутских ГРЭС и новых ЛЭП для передачи электроэнергии на вновь вводимые месторождения.

Достижимые показатели нефтедобычи в стране поражали воображение. Если еще в 1946 г. добыча составляла 21,7 млн т, то в 1980 г. – 603,2 млн т, к 1988 г. добыча достигла своего исторического максимума – 624,3 млн т, не превзойденного в последующий период (табл. 1).

Добыча нефти в СССР и Западной Сибири (1964–1990 гг.)*

Показатель	Год								
	1964	1966	1970	1977	1980	1985	1988	1989	1990
	Нефть, млн т								
СССР	224,0	265,0	352,6	546,0	603,2	582,9	624,3	624,0	552,5
Западная Сибирь	0,208	2,8	28,5	211,8	313,7	365,8	409,0	387,9	367,9
Удельный вес, %	0,09	1,05	8,08	38,6	52,0	61,4	65,6	62,1	66,5

* Составлено на основании [9. С. 143; 11. Д. 3046. Л. 3–4 об.; Д. 3039. Л. 1–4].

В рамках рассматриваемого периода в нефтяную промышленность региона было направлено 61,711 млрд руб. [11. Д. 1613. Л. 19–20; 12]. (Подсчеты). Было введено 75 212 новых скважин. Себестоимость добычи нефти за тонну увеличилась на 7,6 руб. и достигла 11,38 руб. При этом добыча нефти выросла практически в 2 раза. Ее доля в союзной добыче с 38,6% в 1977 г. увеличилась до 65,6% в 1988 г. и 66,5% в 1990 г. [10. С. 143, 157].

Газодобыча в округе в этот период осуществлялась двумя структурами в составе «Тюменгазпрома» Мингазпрома СССР: «Сургуттрансгазом» и «Тюментрансгазом». «Сургуттрансгаз» добычу газа осуществлял силами предприятия «Ноябрьское управление», «Тюментрансгаз» – Игримским управлением. Название структур отразило их основное назначение – обеспечивать транспортировку газа, идущего от северных газовых гигантов ЯНАО по территории округа. Газопроводы шли до Пунги, где сформировался мощный газосборный пункт, и далее – параллельно сложившимся транспортным артериям Березово–Игрим–Серов. Основной объем газа в газодобыче ХМАО–Югры все более стал составлять ПНГ. «Сургуттрансгаз» давал в общий объем газодобычи Западной Сибири в этот период 20,3–18,1 млрд м³ ПНГ, Тюментрансгаз вел добычу природного газа на Березово–Игримской группе, объемы добычи сокращались, колебались на протяжении 1980-х гг. в пределах 1,2–0,4 млрд м³. Период отличался низким уровнем утилизации попутного нефтяного газа, на округ приходилось 4/5 общесоюзных потерь ПНГ.

С 1990-х гг. нефтяная и газовая отрасли ХМАО, как и Тюменской области, и страны в целом, вступили в новый период, характеризовавшийся сложнейшими процессами, на первое место среди которых следует поставить утверждение как в нефтяной отрасли, так и в газовой частной собственности. Нефтегазовая промышленность ХМАО длительный период переживала процессы сложной борьбы за производственный фонды отрасли, как и за нефтегазовые ресурсы.

Советская эпоха в нефтегазовой сфере страны оставила мировое лидерство по добыче нефти (с 1974 г.) и газа (с 1984 г.), второе место в экспорте нефти и нефтепродуктов, первенство в экспорте природного газа, прочные позиции на европейском нефтегазовом рынке, побочным продуктом являлась зависимость экономики и не только от нефтегазовых доходов. СССР занимал первое место по запасам газа, шестое место по запасам нефти. Значительный резерв нефтегазодобычи представляли и месторождения, открытые в районах Крайнего Севера. В 1959 г. на территории ХМАО была открыта нефть баженовской свиты. За годы советской власти были созданы мощ-

ные производственные фонды нефтяной и газовой отраслей, сформировалась разветвленная сеть нефтегазопроводных систем, идущих к государственным границам. Овладение нефтегазовой сферой сулило наиболее выгодные позиции нарождающемуся слою российских предпринимателей. Наиболее лакомые куски нефтегазового пирога находились в Тюменской области.

Первоначально стала меняться система отраслевого управления. Изменения в системе отраслевого управления, дополненные процессами разделения единой Тюменской области, предоставление самостоятельности округам, содействовали упрощению приватизации в нефтяной и газовой сфере.

В газовой отрасли еще в августе 1989 г. Совет министров СССР преобразовал Министерство газовой промышленности СССР в государственный газодобывающий концерн «Газпром». Главой концерна стал действовавший на момент реорганизации министр газовой отрасли В.С. Черномырдин. Крупнейшим предприятием министерства было объединение «Тюменгазпром», находившееся в Тюмени. В 1991 г. объединение «Тюменгазпром», имевшее в союзной добыче удельный вес добываемого газа в 66%, перестало существовать. Все подразделения «Тюменгазпрома» перешли в непосредственное подчинение концерна. До 1992 г., когда в стране началась приватизация, доля государства в концерне «Газпром» равнялась 100%. В условиях приватизации Газовый концерн был преобразован в Российское акционерное общество (РАО) «Газпром»; «Газпром» выпустил акции, часть акций была реализована через приватизационные чеки. Доля государства в собственности концерна стала уменьшаться, составив на начало 2000-х гг. 38,7% [13. С. 49]. Численность газовых компаний стала увеличиться. Второй по объемам добычи газовой компанией России является компания «Новатэк», ведущая свое основание с 1994 г., от российской газовой компании, возникшей в Новокуйбышевске Самарской области, именовавшаяся до 2003 г. ОАО «Новафининвест». Отслеживая приобретения компании «Новатэк», можно видеть, что в основном они осуществлялись у компаний Г. Тимченко, Ф. Ахмедова. На середину второго десятилетия 2000-х гг. добычу газа (природного и нефтяного попутного) в России вели 257 добывающих предприятий, в том числе 81 предприятие в структуре нефтяных компаний. На территории ХМАО в основном стала осуществляться добыча ПНГ в рамках функционирования нефтяных компаний (табл. 2).

На протяжении 1990–2000-х гг. добыча и сбор газа в ХМАО менялись незначительно. Добыча природного газа почти постоянно была на уровне ниже 1 млрд м³,

основной объем в показателях добычи газа составлял попутный нефтяной газ. Со второй половины второго десятилетия 2000-х гг. прослеживается некоторое увеличение объемов сбора ПНГ. В 2019 г. в объеме 36,6 млрд м³ газа ХМАО 0,8 млрд м³ составлял природный газ, что равнялось 2,18%, остальной объем составлял газ попутный нефтяной [15].

Таблица 2

**Динамика добычи газа (природного + ПНГ)
в ХМАО в 1990–2000-е гг., млрд м³***

Регион добычи	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2018 г.	2019 г.
ХМАО-Югра	28,9	20,1	27,5	31,4	32,0	34,2	36,6

* Составлено на основании [14, 15].

Доля округа в настоящее время в поставке газа в общий объем газа, добываемого в России, по данным Департамента экономического развития Правительства ХМАО-Югры, составляет 4,9% [15]. В округе действуют девять заводов по переработке ПНГ, шесть нефтеперерабатывающих предприятий. Крупным потребителем ПНГ выступают ГРЭС региона. В ХМАО, который занимает первое место по производству электроэнергии, действуют две Сургутские ГРЭС, Нижневартовская ГРЭС, Няганской ГЭС, 81 ГТЭС и газопоршневые электростанции. Так, 87,1% вырабатываемой электроэнергии поставляется в добычу полезных ископаемых [15]. ХМАО-Югра занимает второе место в России по добыче и получению газа.

Процессы в нефтяной сфере ХМАО-Югры, развернувшиеся в 1990–2000-е гг., были несколько более сложными, чем в газовой. На союзном уровне также шли реорганизации системы отраслевого управления. Вместо Министерства нефтяной промышленности СССР, приказом которого от 9 июля 1990 г. за № 294 была ликвидирована головная структура управления нефтяной промышленностью Западной Сибири – Главтюменнефтегаз. С 1 октября 1990 г. все организации Главка были переданы в непосредственное подчинение Миннефтегазпрома СССР. В Тюмени была образована ассоциация «Тюменнефтегаз» [16]. 31 августа 1991 г. министерство – Миннефтегазпром – само было ликвидировано, вместо него создано Министерство топлива и энергетики СССР. Следующий шаг в системе изменений управления нефтяной отраслью создавал видимость сохранения единства отрасли. 24 сентября 1991 г. была образована Российская государственная нефтегазовая корпорация «Роснефтегаз», вскоре переименованная в «Роснефть».

На основании этой корпорации и Минтопэнерго предполагалось создать национальную нефтяную компанию. В то же время получила распространение идея осуществления монополизации отрасли через создание нефтяных компаний, которые должны были строиться по принципу вертикально интегрированных компаний (ВИНК). ВИНК должны были включать разведку, разработку, добычу, переработку, распределение получаемых нефтепродуктов, их продажу потребителям на бензоколонках. С осени 1991 г.

началось создание нефтяных компаний на принципах вертикальной интеграции. Первая компания, под названием «ЛУКОЙЛ», была организована в ноябре 1991 г. В названии был отражен состав предприятий компании. В нее вошли три нефтедобывающих объединения ХМАО: «Лангепаснефтегаз», «Урайнефтегаз», «Когалымнефтегаз». Возглавил компанию В.Ю. Алекперов. В биографии В.Ю. Алекперова с конца 1970-х гг. по конец 1980-х гг. – работа на руководящих должностях в нефтедобывающих предприятиях ХМАО: в управлениях «Федоровскнефть», «Холмогорнефть», «Лянторнефть» объединения «Сургутнефтегаз», в 1983–1985 гг. – руководство НГДУ «Похвнефть» ПО «Башнефть» в пос. Когалым, затем с 1985 г. – зам. генерального директора в ПО «Башнефть» по Западной Сибири, с 1987 г. – генеральный директор «Когалымнефтегаз». В 1989 г. В. Алекперов стал заместителем министра нефтяной и газовой промышленности СССР, а в 1992 г. создал первую ВИНК в России, с базой нефтедобычи на территории ХМАО. В 1992 г. образуется нефтяная компания «Сургутнефтегаз», ядром которой стало одноименное объединение, в 1993 г. возникает компания «ЮКОС», основным ее предприятием становится «Юганскнефтегаз». В 1995 г. была создана Тюменская нефтяная компания, в которую вошли «Нижневартовскнефтегаз», «Тюменнефтегаз», «Обьнефтегазгеология». В последующий период борьба за активы нефтяной сферы ХМАО-Югры продолжилась. В 1995 г. государственное предприятие «Роснефть» было преобразовано в акционерное общество открытого типа «НК «Роснефть»», с доставшимися ей небольшими по добывающим возможностям предприятиями. Борьбу за АО «Ноябрьскнефтегаз» она проиграла в тот период «Сибнефти», а за «Пурнефтегаз» продолжала бороться до 1997 г. [9. С. 153].

Уже в первой половине 1990-х гг. государство встало на путь отказа от руководства нефтяной отраслью. Во второй половине 1990-х г. в нефтяной промышленности России утвердилась частная собственность. Однако борьба за обладание наиболее выгодными предприятиями, производственными фондами, территориями, месторождениями продолжилась не только в 1990-е гг., но и в 2000-е гг.

С конца 1980-х гг. добыча нефти в стране начала падать. В Западной Сибири устойчивое падение добычи началось с 1989 г. На протяжении 1990-х гг. добыча нефти сократилась в 2 раза. Ко второй половине 1990-х гг. относятся наиболее низкие показатели добычи в 301–305 млн т. Самый низкий уровень добычи нефти в 1990-е гг. относится к 1997 г. Начавшийся с 1999 г. рост мировых цен на нефть подтолкнул компании к наращиванию добычи. Добыча нефти с 2000 г. стала постепенно расти (табл. 3).

Таблица 3

Добыча нефти в 1990–2000-е гг. в ХМАО, млн т*

Регион добычи	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2019 г.
ХМАО	305,9	169,1	180,8	268,8	266,0	242,8	236,1

* Составлено на основании [15; 17. С. 279].

В настоящее время из 467 месторождений на территории ХМАО в разработке находятся 255. Накоп-

ленная добыча превысила 11 млрд т нефти. Месторождения, дающие 35% добычи округа, находятся в завершающей стадии разработки, 73% их не извлеченных запасов относятся к трудноизвлекаемым, что требует новых технологических подходов, значительных финансовых и материальных затрат, новых методов разработки [18. С. 64]. Наибольшие объемы нефти извлечены в Сургутском, Нижневартовском, Нефтеюганском, Ханты-Мансийском районах [18. С. 70].

С 2008 г. в ХМАО началось падение добычи нефти, которое удалось остановить в 2018 г. Однако прирост добычи оказался небольшим. В 2017 г. добыча нефти составляла 234,7 млн т, в 2018 г. поднялась до 236,5 млн т, однако уже в 2019 г. вновь снизилась до 236,1 млн т [15]. При этом в 2019 г. в эксплуатацию было введено пять новых месторождений. Вводимые в разработку месторождения являются незначительными по запасам. Падает и доля ХМАО в объеме российской нефтедобычи: если в 2015 г. ХМАО давал 53% российской нефтедобычи, то в 2019 г. – только 42,1% [15].

Перспективы нефтедобычи ХМАО связываются с извлечением нефти баженовской свиты, впервые открытой в 1959 г. Ф.Г. Гурари. Баженовская свита охватывает до 1 млн км² территории Западной Сибири. В ней залегают горючие сланцы, в которых содержится твердое органическое вещество кероген и жидкая легкая нефть низкопроницаемых коллекторов. Нефть находится в пропластках между керогенными пластами. Стоит задача найти способы извлечения нефти из таких пород. Предпринимаемые попытки пока оказывались безуспешны. В 2018 г. компания «Газпромнефть» создала технологический центр «Бажен» с проектным офисом «Бажен» в г. Ханты-Мансийске. Полигоном для апробации технологических решений определена Пальяновская площадь Краснотинского месторождения в ХМАО. Прорабатываются идеи использования метода гидроразрыва пласта, бурения горизонтальных скважин. Пробурено 20 опытных скважин.

В свой четвертый период развития нефтяная отрасль Ханты-Мансийского округа сохраняет лидерство в стране, ХМАО остается ведущим нефтедобывающим районом России, на 2019 г. поставляя 42,1% нефти страны. Округ занимает второе место по добыче (природного), производству (попутного нефтяного) газа. Добыча полезных ископаемых в объемах вывозимой продукции составляет 84,7%, в объеме промышленного производства округа – 80,3% [15]. 80,2%

нефти на территории округа добывается тремя нефтяными компаниями: «Роснефть», «Сургутнефтегаз», «ЛУКОЙЛ». Доля нефтегазодобывающей промышленности в отраслевой структуре промышленности равна 81,1%, удельный вес электроэнергетики – 6,5%, нефте- и газоперерабатывающей промышленности – 12,9%.

В то же время доля лесной и деревообрабатывающей продукции в объеме промышленного производства существенно сократилась, составляет менее 1%. Крупнейшим предприятием этой сферы является АО «Югорский лесопромышленный холдинг». Если нефтедобыча в структуре промышленного производства округа занимает первое место, то второе место – производство нефтепродуктов, на которые приходится 12,96% производимой продукции округа. В округе действуют девять заводов по переработке ПНГ, шесть нефтеперерабатывающих предприятий, Сургутский завод стабилизации газового конденсата, вырабатывающий автобензин. Важную роль в экономике ХМАО-Югры заняла электроэнергетика, представленная двумя Сургутскими ГРЭС, Нижневартовской ГРЭС, Няганской ГЭС, 81 ГТЭС и газопоршневыми электростанциями. В добычу полезных ископаемых поставляется 87,1% вырабатываемой электроэнергии. По производству нефти и электроэнергии ХМАО-Югра занимает первую позицию в России [15].

С 1974 г. ХМАО – главный центр нефтегазового комплекса страны. Развитие нефтегазовой отрасли ХМАО-Югры оказало существенное влияние на все сферы жизнедеятельности территории. Со времени начала нефтегазодобычи высокими темпами росло население округа [19. С. 132]. Возникли города: в 1965 г. – Сургут и Урай, в 1972 г. – Нижневартовск, в 1980 г. городом стал Мегион, в 1985 г. статус городов получили Когалым, Лангепас, Нягань, Радужный, в 1988 г. – Белоярский, в 1990 г. – Пыть-Ях, в 1992 г. – Покачи, Югорск, Лянтор, в 1996 г. – Советский [20]. Практически все города, кроме Белоярского, имеют нефтяной профиль. Основная часть населения округа связана с работой в нефтегазовой и нефтегазоперерабатывающей сферах. Округ, в котором живут и работают его жители, обеспечивает России второе место в мире по добыче нефти, во многом обслуживает российский нефтяной экспорт. За годы развития нефтегазодобычи ХМАО из территории с аграрно-индустриальным характером экономики стал одним из ведущих индустриальных районов страны [21. С. 94].

ЛИТЕРАТУРА

1. Они были первыми / ред.-сост. Ю. Переpletкин. Тюмень : Эпоха, 2014. 208 с.
2. Колева Г.Ю. Создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в практике хозяйственного освоения Западной Сибири : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2007. Т. 1. 349 с.
3. Колева Г.Ю., Колев Ж.М. Промышленное развитие Тюменской области в 1940–1960-е гг. // Тюменская область: исторический опыт экономического и социального развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию Тюменской области (21–23 мая 2009 г.) / под ред. Г.Ю. Колевой. Тюмень : ТюмГНГУ, 2009. С. 46–51.
4. Колева Г.Ю., Колев М.Ж. Советский нефтяной экспорт 1950–1960-х гг. на фоне изменений на международной арене и деятельности СЭВ // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 66. С. 44–58.
5. Нефть и газ Тюмени в документах. 1901–1965 гг. / сост. В.Н. Клепиков, М.М. Никифорова, Н.Д. Ражченко и др. ; отв. ред. Д.А. Смородинов. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1971. Т. 1. 479 с.
6. 70 лет Тюменской геологии: Служа Отечеству : в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. А.М. Брехунцова и В.Н. Битюкова. Тюмень : Сиб. научно-аналит. центр, 2018. 384 с.
7. Ергин Д. Добыча: всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть : пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2011. 944 с.
8. Колева Г.Ю. Нефтегазовый фактор: планы Госплана начала 1960-х гг. и инициативы «тюменцев» (К 55-годовщине с начала добычи нефти в Тюменской области и 45-летию ее выхода на лидирующие позиции в стране) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 60. С. 11–17.

9. Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960–2000-е гг.). Тюмень : Изд-во «Вектор бук», 2010. 258 с.
10. Колева Г.Ю. Добывающие отрасли Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1977–1989 гг.). Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2006. 184 с.
11. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 1112 (Тюменское областное статистическое управление). Оп. 2.
12. ГАТО. Ф. 1112 (Тюменское областное статистическое управление). Оп. 1. Д. 9588. Л. 198–198 об.
13. Колева Г.Ю. История нефтяной и газовой промышленности России. Тюмень : ТИУ, 2007. 72 с.
14. Нефтегазодобывающая и перерабатывающая отрасли России (Документы, аналитика, статистика). Данные 2005 г. Вып. 8, ч. III. Аналитика. М. : ВНИИОЭНГ, 2006. 556 с.
15. Распоряжение Правительства ХМАО-Югры от 27 июня 2020 г. «Об итогах социально-экономического развития ХМАО-Югры за 2019 г.» // Департамент экономического развития Правительства ХМАО-Югра. URL: <https://depeconom.admhmao.ru/deyatelnost/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitiye/> (дата обращения: 03.09.2020).
16. ГАТО. Ф. 2146 (Главное управление по добыче нефти и газа в Западной Сибири – Главтюменнефтегаз). Оп. 1. Д. 1898. Л. 190.
17. Тюменская область: прошлое и настоящее в цифрах (к 70-летию образования) : стат. сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2014. Т. 1. 560 с.
18. Саранча А.В. Перспективы нефтяных месторождений ХМАО-Югры // Территория Нефтегаз. 2015. № 2. С. 64–72.
19. Колева Г.Ю., Стась И.Н., Шорохова И.И. Становление индустриально-урбанистического общества на территории Тюменской области. Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2013. 238 с.
20. Колева Г.Ю. Строительство городов в районах нового промышленного освоения // Вестник Томского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2007. № 1. С. 237–243.
21. Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления и развития // Вестник Томского университета. 2007. № 302. С. 90–95.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 ноября 2020 г.

The History of the Oil and Gas Industry of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra (1964–2020)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 162–170.

DOI: 10.17223/15617793/470/19

Galina Yu. Koleva, Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: gukoleva@gmail.com

Keywords: okrug; oil; gas; production; industrial development.

The initial idea of the article is based on the fact that the industrial development of the territory of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug (KHMAO) in the 1930s–1950s was associated with the forestry and timber industry, and later with oil and gas. The article aims to characterize the development of the oil and gas industry of the region from 1964 to 2020 by highlighting the main periods in the evolution of the industries. In the course of the research, the main body of historical sources was made up of various statistical materials extracted both from the collections of state archives and from published collections of statistical materials. Materials of the current archives of the Territorial Body of the Federal State Statistics Service in Tyumen Oblast, the sites of the Government of the KHMAO–Yugra and the Department of Economic Development of the Government of KHMAO. In this research, the author relied on the principle of historicism, which aims to consider the phenomenon in its conditionality, development, taking into account the changes taking place in it. The application of the historical research method made it possible to carry out a periodization of the process, with the ordering of available factual data, to identify the most significant features in the development of industries on their basis. The historical-genetic method helped to identify the reasons for the transition from one period in the evolution of these two industries to another. The historical-typological method, using an inductive approach, helped to identify the criteria for periodization, time boundaries of periods, taking into account their qualitative differences. Tracing the historical conditionality of the development of the oil and gas sector of KHMAO, the conclusion has been drawn that these two industries, as well as the previously developed forestry industry, were brought to life by the need to ensure Soviet exports. The oil and gas industry went through four periods in its development from 1964 to 2020. During the second period, in 1974, KHMAO's oil industry took a leading position in the country. It maintains leadership at the present time. KHMAO became the birthplace of the gas industry in Western Siberia. In modern conditions, this branch of KHMAO occupies the second place in gas production in Russia. KHMAO provides the country with associated petroleum gas. The oil and gas industry has an absolute predominance in the economic structure of the region. Oil and gas production led to the creation of a powerful construction industry, the country's largest electric power base, and the oil refining industry. For a considerable period of time, the region had very high rates of population growth and construction of a network of cities and towns. While working on this article, the author referred to the previous developments on the problem of the formation and development of the oil and gas industry in Western Siberia in her doctoral thesis, numerous monographs, and articles.

REFERENCES

1. Perepletkin, Yu. (ed.) (2014) *Oni byli pervymi* [They were the first]. Tyumen: Epokha.
2. Koleva, G.Yu. (2007) *Sozdanie Zapadno-Sibirskogo neftegazovogo kompleksa v praktike khozyaystvennogo osvoeniya Zapadnoy Sibiri* [Creation of the West Siberian oil and gas complex in the practice of economic development of Western Siberia]. Vol. 1. History Dr. Diss. Tomsk.
3. Koleva, G.Yu. & Kolev, M.Zh. (2009) [Industrial development of Tyumen Oblast in the 1940s–1960s]. *Tyumenskaya oblast': istoricheskiy opyt ekonomicheskogo i sotsial'nogo razvitiya* [Tyumen Oblast: historical experience of economic and social development]. Conference Proceedings. Tyumen: Tyumen State Oil and Gas University. pp. 46–51. (In Russian).
4. Koleva, G.Yu. & Kolev, M.Zh. (2020) Soviet oil exports in the 1950s and 1960s alongside the changes in the international arena and COMECON activities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 66. pp. 44–58. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/66/6
5. Smorodinskoy, D.A. (ed.) (1971) *Neft' i gaz Tyumeni v dokumentakh. 1901–1965 gg.* [Oil and gas of Tyumen in the documents of 1901–1965]. Vol. 1. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo.
6. Brekhuntsov, A.M. & Bitukov, V.N. (eds) (2018) *70 let Tyumenskoy geologii: Sluzha Otechestvu: v 2 t.* [70 years of Tyumen geology: Serving the Homeland: in 2 vols] Vol. 1. Tyumen: Sib. nauchno-analit. tsentr.
7. Yergin, D. (2011) *Dobycha: vsemirnaya istoriya bor'by za nef't', den'gi i vlast'* [The Epic Quest for Oil, Money, & Power]. Translated from English. Moscow: Al'pina Publisher.

8. Koleva, G.Yu. (2019) Oil and gas factor: plans of the State Planning Committee of the early 1960s and the initiatives of “Tyumenians” (to the 55th anniversary of oil production in the Tyumen Region and the 45th anniversary of its leading position in the country). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 60. pp. 11–17. (In Russian). 10.17223/19988613/60/2
9. Koleva, G.Yu. (2010) *Zapadno-Sibirskiy neftegazodobyvayushchiy rayon: ekonomicheskoe i sotsial'noe razvitiye (1960–2000-e gg.)* [West Siberian oil and gas producing region: economic and social development (1960s–2000s)]. Tyumen: Izd-vo “Vektor buk”.
10. Koleva, G.Yu. (2006) *Dobyvayushchie otrasli Zapadno-Sibirskogo neftegazovogo kompleksa (1977–1989 gg.)* [Extractive industries of the West Siberian oil and gas complex (1977–1989)]. Tyumen: Izd-vo Tyumen State Oil and Gas University.
11. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 1112. *Tyumenskoe oblastnoe statisticheskoe upravlenie* [Tyumen Regional Statistics Office]. List 2.
12. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 1112. *Tyumenskoe oblastnoe statisticheskoe upravlenie* [Tyumen Regional Statistics Office]. List 1. File 9588. Pages 198–198 rev.
13. Koleva, G.Yu. (2007) *Istoriya neftyanoy i gazovoy promyshlennosti Rossii* [The history of the oil and gas industry in Russia]. Tyumen: Industrial University of Tyumen.
14. VNIIOENG. (2006) *Neftegazodobyvayushchaya i pererabatyvayushchaya otrasli Rossii (Dokumenty, analiza, statistika). Dannye 2005 g.* [Oil and gas production and processing industries in Russia (Documents, analytics, statistics). Data for 2005]. Vol. 8 (III). Moscow: VNIIOENG.
15. Department of Economic Development of the Government of Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra. (2020) *Order of the Government of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra of June 27, 2020: On the results of the socio-economic development of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra for 2019*. [Online] Available from: <https://depeconom.admhmao.ru/deyatelnost/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitiye/> (Accessed: 03.09.2020). (In Russian).
16. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 2146. *Glavnoe upravlenie po dobyche nefi i gaza v Zapadnoy Sibiri – Glavtyumenneftegaz* [Glavtyumenneftegaz: The Main Directorate for Oil and Gas Production in Western Siberia]. List 1. File 1898. Page 190.
17. Territorial Body of the Federal State Statistics Service in Tyumen Oblast. (2014) *Tyumenskaya oblast': proshloe i nastoyashchee v tsifrakh (k 70-letiyu obrazovaniya): stat. sbornik* [Tyumen Oblast: past and present in figures (to the 70th anniversary of formation): Statistics]. Vol. 1. Tyumen: Tyumstat.
18. Sarancha, A.V. (2015) Perspektivy neftyanykh mestorozhdeniy KhMAO-Yugry [Prospects for oil fields in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra]. *Territoriya Neftegaz*. 2. pp. 64–72.
19. Koleva, G.Yu., Stas', I.N. & Shorokhova, I.I. (2013) *Stanovlenie industrial'no-urbanisticheskogo obshchestva na territorii Tyumenskoy oblasti* [Formation of an industrial-urbanistic society on the territory of Tyumen Oblast]. Tyumen: Tyumen State Oil and Gas University.
20. Koleva, G.Yu. (2007) Stroitel'stvo gorodov v rayonakh novogo promyshlennogo osvoeniya [Construction of cities in areas of new industrial development]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanities*. 1. pp. 237–243.
21. Koleva, G.Yu. (2007) The West-Siberian Oil-And-Gas Complex: The History of Becoming and Development (1960–1980). *Vestnik Tomskogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 302. pp. 90–95. (In Russian).

Received: 16 November 2020

Р.Ю. Почекаев

ТУРКМЕНЫ АХАЛ-ТЕКЕ И МЕРВА В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ ПОГРАНИЧНЫХ АДМИНИСТРАЦИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1870–1880-е гг.)

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162),
реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого*

Рассматривается проблема взаимодействия пограничных администраций Российской империи в процессе присоединения Средней Азии. На примере конфликта руководства Кавказского наместничества и Туркестанского края в отношении туркменских племен Восточного Прикаспия в 1870–1880-е гг. автор прослеживает, насколько подобные противоречия снижали эффективность среднеазиатской политики Российской империи в отдельные периоды времени.

Ключевые слова: Российская империя; присоединение Средней Азии; Туркмения; Хивинское ханство; протекторат; региональное управление.

В процессе присоединения Средней Азии к Российской империи в XIX в., как неоднократно обращали внимание исследователи, непосредственные его участники, т.е. руководители пограничных регионов и военачальники, нередко действовали по собственному усмотрению и вопреки политике центральных властей. Порой это имело положительные последствия, поскольку позволяло более оперативно принимать решения и учитывать среднеазиатские реалии, поэтому центральные власти нередко смотрели сквозь пальцы на самовольные действия региональных администраций. Но, с другой стороны, подобная позиция влекла неопределенность в статусе региональных администраторов и военачальников, причем не только в отношении центральных имперских властей, но и в отношении соседних регионов, также участвовавших в присоединении Средней Азии к России. В результате между региональными властями возникали конфликты, взаимные претензии по поводу вторжения в сферы влияния и пр., а следствием этих противоречий порой становилось ослабление российских позиций в том или ином среднеазиатском регионе. И если проблема противоречий между региональными администрациями и центральными властями Российской империи по поводу среднеазиатской политики исследуется специалистами, то противоречия региональных властей до сих пор не привлекали их внимания, что делает настоящее исследование актуальным. Эта тематика в последнее время находит отражение в специальных исследованиях, базирующихся на изучении правовых и актовых материалов об особенностях взаимоотношений региональных администраций, попытках центральных властей их разграничения и упорядочения [1–3]. Однако далеко не всегда эти попытки увенчались успехом – во многом из-за того, что столичные власти не всегда могли оперативно контролировать деятельность региональных и главным образом пограничных администраций, особенно если последние возглавляли статусные и амбициозные руководители.

Целью настоящей статьи является анализ этой проблемы на конкретном примере – конфликте администраций Кавказского наместничества и Туркестанского края по поводу контроля над туркменскими родами и племенами, проживавшими в оазисах Ахал-

Теке и Мерв, в середине 1870-х – начале 1880-х гг. Для достижения этой цели предполагается решить несколько задач. Первая из них – характеристика специфики политико-правового положения этих оазисов: юридически независимые от России туркменские племена в рассматриваемый период признавали сюзеренитет Хивинского ханства, являвшегося протекторатом Российской империи. Несмотря на то что история вхождения Туркмении в состав Российской империи достаточно широко изучена и имеет обширную историографию и факты пребывания хивинских наместников в Ахал-Теке и Мерве достаточно подробно описаны, в частности в трудах А.Н. Куропаткина, А.А. Семенова и М.Н. Тихомирова, этот политико-правовой казус, насколько нам известно, до сих пор специально не рассматривался, тем более в связи с проблемой противоречий российских региональных властей в Средней Азии. Второй задачей является выявление роли личностного фактора в формировании российской политики по отношению к туркменским оазисам, характеристика особенностей позиций и взаимоотношений Кавказского наместника вел. кн. Михаила Николаевича, туркестанских генерал-губернаторов К.П. фон Кауфмана и М.Г. Черняева, начальников Амударьинского и Закаспийского военных отделов, Закаспийской области. Наконец, третья задача – это анализ эффективности российской политики в отношении туркмен Ахал-Теке и Мерва в связи с вышеупомянутыми факторами.

Сведения о конфликте Кавказа и Туркестана, положениях самих туркмен Мерва и Ахал-Теке, отношения к ситуации центральных властей Российской империи и ханов Хивы содержатся в материалах официальной переписки руководителей имперских центральных и региональных органов власти и управления, посланиях хивинских монархов и туркменских родоплеменных предводителей российским властям, записки русских чиновников, побывавших в туркменских оазисах (в частности инженера и дипломата П.М. Лессара и военного чиновника М. Алиханова-Аварского), материалы аналитиков¹, а также иностранных путешественников и дипломатов, которые внимательно отслеживали ситуацию в регионе, стараясь выработать планы по укреплению в нем, соответственно, российского или британского влияния.

Конфликт между Кавказским наместничеством и Туркестанским генерал-губернаторством берет начало после Хивинского похода 1873 г., следствием которого и стало установление российского протектората над Хивой, фактически превратившее ханство в вассала Российской империи. В результате племена так называемой вольной Туркмении попали в сферу влияния Российской империи, причем как со стороны Кавказского наместничества, так и Туркестанского края. Ни один «раздел сфер влияния» не был официально закреплён какими-либо нормативными актами, обязательными для исполнения региональными администрациями, кроме того, во главе обоих регионов стояли весьма властные и энергичные руководители, которые в силу особого административного статуса и личных амбиций намеревались играть ведущую роль в интеграции Туркмении в состав Российской империи, не собираясь делиться славой друг с другом.

Кавказское наместничество с 1862 по 1881 г. возглавлял вел. кн. Михаил Николаевич, родной брат царствовавшего императора Александра II. Не только близкое родство с монархом, но и особые полномочия наместника, соединявшего всю полноту военной и гражданской власти на Кавказе, обусловили его активное участие в среднеазиатской политике, в том числе в Хивинском походе 1873 г. и последующем присоединении Туркмении². Туркестанский же край с 1867 по 1882 г. находился под управлением Константина Петровича фон Кауфмана, который хотя и не принадлежал к императорской фамилии, но пользовался покровительством Александра II и к тому же был наделен весьма широкими полномочиями как в самом Туркестане, так и в отношениях с соседними народами и государствами – неслучайно современные исследователи характеризуют его как «первого в истории российского “вице-короля”». С точки зрения личных качеств и наместник Кавказа, и туркестанский генерал-губернатор отличались решительностью и амбициозностью. Естественно, имея интерес к Туркмении, они не могли не вступить в конфликт, который привел к противоречивости российской политики в этом регионе и в конечном счете к снижению в нем российского влияния, тогда как хивинские власти и туркменские родоплеменные предводители, напротив, укрепили свои позиции.

Главным поводом для конфликта между Кавказом и Туркестаном стало вмешательство в туркменские дела Хивинского ханства, которое, как уже отмечалось, с 1873 г. стало протекторатом Российской империи, и контроль над ним относился к компетенции именно туркестанских властей в лице начальника Амударьинского военного отдела – новой административной единицы Туркестанского края, созданного на отторгнутых у Хивинского ханства территориях. Однако связи с туркменами Ахал-Теке и Мерва оказались в ведении появившегося тогда же Закаспийского военного отдела – административной единицы Кавказского наместничества. Несмотря на свой высокий статус и амбиции, К.П. фон Кауфман благоразумно не стал прибегать к прямому противостоянию с братом императора или пытаться воздействовать на центральные власти с целью пересмотра «сфер влияния»

Кавказа и Туркестана в регионе, а решил разыграть «хивинскую карту», тем более что участие Хивы в туркменских делах являлось давней традицией.

Ахалтекинские туркмены имели давние связи с Хивинским ханством и в середине XIX в. официально считались его подданными. В течение многих десятилетий и вплоть до российского похода на Хиву 1873 г. они являлись верными подданными и военными соратниками хивинских монархов, участвуя в походах даже против других туркменских родов и племен. Их предводители носили хивинские титулы и почетные звания на основании ханских ярлыков, получали регулярное жалование от ханов, вместе с собственными подданными спокойно перекочевывали в хивинские владения и обратно [4. С. 196, 200, 321, 337; 5. С. 17, 24]. Неудивительно, что именно в Ахал-Теке имел место первый из рассматриваемых нами казусов признания власти хивинского хана в середине 1870-х гг.

Что касается Мерва, его история отношений с Хивой была более сложной. В течение веков Мерв представлял собой весьма развитый в социально-экономическом отношении оазис с оседлым населением, которое лишь в последней четверти XVIII в. подверглось нападению бухарского эмира Шах-Мурада, разорившего и практически сравнявшего с землей древний город, уничтожившего всю хозяйственную инфраструктуру и переселившего почти всех местных в бухарские владения. На опустевшее место пришли кочевники-туркмены с племенем сарыков во главе, фактически основавшие новое поселение, в отличие от которого развалины прежнего получили название Старого Мерва [6. С. 11; 7. С. 83–84; 8. С. 279]. С начала XIX в. хивинские ханы стали совершать регулярные рейды на Мерв, стремясь подчинить его своей власти, и на короткое время им это удалось: в 1822–1827 гг. Мерв признавал власть Хивы, затем сарыки восстали, убили ханского наместника и около года успешно отражали карательные рейды хивинцев [8. С. 89, 97, 118]. Однако в этой борьбе сарыки ослабели, и в 1832–1834 гг. Мервский оазис был подчинен более сильным племенем текинцев, вскоре, в свою очередь, признавших власть Хивы и согласившихся даже принять хивинского наместника [3. С. 12–13; 7. С. 3; 8. С. 3–4, 10; 9. Р. 47, 264]. В 1846 г. бухарский эмир Насрулла подбил туркмен Мерва на очередное восстание против Хивы, но и оно было подавлено, и в течение нескольких лет мервцы находились под властью Хивы, даже прибегая к ее военной помощи против Персии [9. Р. 185; 10. С. 57; 11. Р. 10]. Зато в 1855 г. текинцам удалось разгромить войско Хивы в битве при Серахсе, причем в сражении был убит даже хивинский хан Мухаммад-Амин II. С этого времени Мерв уже не платил Хиве дань или налоги, фактически став независимым владением [5. С. 17; 6. С. 13; 11. Р. 11; 12; 13. С. 85; 14. С. 101–102].

Однако в силу политических причин (в частности чтобы противостоять попыткам захвата со стороны Персии) туркмены Мерва формально признавали власть хивинских ханов – хотя бы потому, что хивинцы, как и туркмены, придерживались суннитского варианта ислама, а не шиитского, как персы. Время от времени эта лояльность Хиве получала и материаль-

ное подтверждение – например, после победы над персами в 1860 г. текинцы передали хану Хивы пятую часть своей добычи [10. С. 9]. Впрочем, к рассматриваемому нами периоду эта зависимость была чисто номинальной. Туркменский вождь и военачальник Тыкмасардар в переговорах с русскими упоминал, что текинцы находились у хивинского хана, «хотя и фиктивно, в вассальном подчинении» [15. С. 167]. Сами хивинские ханы, ссылаясь на прежнее владычество над Мервом, также считали его частью своих владений. Британский путешественник Г. Лансделл, побывавший при дворе хана Мухаммад-Рахима II в 1882 г., вспоминал, что хан подтверждал, что даже после вмешательства русских в дела Хивы Мерв, захваченный его предшественниками 60 лет назад, до сих пор является его владением и платит ему дань [16. Р. 486].

Неудивительно, что после похода русских войск 1873 г., в результате которого Хива потерпела поражение и была вынуждена признать российский протекторат, туркмены Ахал-Теке и Мерва оказались в ситуации крайней неопределенности [17. С. 328]. Часть племен и родов решила перейти в непосредственное подданство Российской империи, другая – признать власть Персии. Однако значительное количество туркмен, населявших Ахалтекинский и Мервский оазисы, предпочли сохранить статус кво, продолжая провозглашать себя подданными хивинских монархов, которым все равно не платили налогов [8. С. 279].

В переговорах с начальником Закаспийского отдела ахалтекинцы заявляли, что «более ста лет тому назад предки хивинских ханов покорили текинцев, а как теперешний хивинский хан покорный и преданный слуга Ак-падишаха, то и текинцы, желая быть отныне верными слугами Великого Ак-падишаха, желают оставаться в прежних подвластных отношениях к хивинскому хану» [17. С. 330]. Это не могло не устроить туркестанские власти, и когда в 1875 г. хивинский хан Мухаммад-Рахим II обратился к начальнику Амударьинского отдела полковнику Н.А. Иванову с сообщением, что ахалтекинские туркмены просят прислать к ним его наместника, российский администратор одобрил его действия (тут же сообщив о них К.П. фон Кауфману), и осенью 1875 г. в Ахал-Теке появился ханский чиновник Мусамутаваали в сопровождении помощника – Ваис-Нияз-юзбаши [17. С. 332; 18. № 81. С. 196]. Любопытно, что сами текинцы тут же уведомили об этом начальника Закаспийского отдела генерал-майора Н.П. Ломакина, причем в их интерпретации именно «полковник Иванов приказал Мухаммед Рахим-хану выбрать из хивинцев одного хорошего, почетного человека и послать в Теке: хан назначил Муса Мутаваали».

Безусловно, такие действия представителя туркестанской администрации стали своего рода вызовом представителям Кавказского наместничества, однако Н.П. Ломакин в отчете своему руководителю – начальнику Кавказского горского управления – от 21 февраля 1876 г. постарался представить дело так, что контролирует ситуацию, сообщив, что посланцы хивинского хана действуют в согласии с Нур-Верды-ханом (наиболее влиятельным ахалтекинским вождем, которого за прорусские симпатии и поддерживали власти Закаспийского отдела), вместе с которым

занимается освобождением пленников из туркменского племени йомудов и возвращением их в Хиву для восстановления мира между йомудами и текинцами.

Однако в переписке с начальником Амударьинского отдела Н.П. Ломакин явно выражал беспокойство по поводу ситуации в Ахалтекинском оазисе. Как он писал Н.А. Иванову 25 февраля 1876 г., до него стали доходить слухи, что текинцы во главе с верным подданным Хивы Хан-Мамед-аталыком намереваются провозгласить своим ханом Мусу-мутаваали, который «держал себя величайшим святошей и, проводя дни и ночи в беспрестанной молитве и строгом посте, едва ли удостоил кого единым взглядом и словом, – без сомнения, с целью привлечь внимание народа и возбудить наивысшее к своей особе сочувствие и почтение». Сторонники России сообщали Н.П. Ломакину, что сам Муса в ответ на просьбы о принятии им ханского титула заявлял, что он «раб хана» и согласится стать ханом у туркмен лишь по его прямому приказанию, предложив, впрочем, своим сторонникам написать о своей просьбе хивинскому монарху и выразив готовность также направить ему письмо. Начальник Закаспийского отдела подчеркивал, что до вмешательства хивинцев в дела Ахал-Теке там наибольшей поддержкой пользовался Нур-Верды-хан – сторонник России и наиболее вероятный кандидат в старшие ханы всех туркмен оазиса [18. № 81. С. 197]. Теперь же его противники стараются расколоть единство населения и предлагают выбрать либо четырех ханов от всех племен, либо же Мусу – как компромиссного кандидата, поскольку он, будучи узбеком, не является представителем ни одного из племен; Нур-Верды-хан подливал масла в огонь, заявляя, что не допустит избрания в ханы никого, кроме себя. Соответственно, в своем послании Н.П. Ломакин прямо винил Н.А. Иванова, заявляя, что хан прислал своего ставленника к туркменам по его прямой рекомендации. А поскольку власть хивинского хана и в собственных владениях не отличается стабильностью, то его вмешательство в дела ахалтекинских туркмен лишь еще больше дестабилизирует ситуацию, и восстановить спокойствие в оазисе удастся только при прямом вмешательстве русских войск, т.е. собственно Закаспийского отдела [18. № 86. С. 208; № 90. С. 215–217].

Вероятно, начальник Амударьинского отдела понял, что зашел слишком далеко в попытках распространить свой контроль на туркмен, формально подведомственных кавказской администрации, поэтому в ответном послании Н.П. Ломакину от 19 марта 1876 г. постарался убедить его, что беспокоиться не о чем и что «дела между ахал-теке с выбором в ханы хивинца Мусы Мутаваали не улучшатся и не ухудшатся; Муса, личность бесцветная и немедленно подпадет влиянию какой-либо партии; сам он очень бедный человек и своей партии не соберет; хан хивинский деньгами его не поддерживает потому, что у самого ничего нет». Последний довод был связан с тем, что туркмены, предлагая ханский титул Мусе-мутаваали, готовы были выделить ему резиденцию в крепости Анау и 200 воинов-феррашей – при условии, что жалование им будет платить хивинский хан. Соответственно, Н.А. Иванов считал, что именно эти затраты, которые

исчислялись в 30 тыс. руб. в год (по 150 руб. на каждого ферраша), и заставят хивинского хана отказаться от намерения установить контроль над Ахал-Теке через посредство «хана» Мусы. Допуская вероятность избрания последнего в ханы, Н.А. Иванов при этом всячески подчеркивал, что в таком статусе он долго продержаться не сможет и на дела туркмен никак не повлияет. В заключение же начальник Амударьинского отдела, видимо, желая опровергнуть обвинения Н.П. Ломакина в том, что именно с его подачи возникли беспорядки Ахал-Теке, писал, что согласился на прибытие хивинского представителя в оазис исключительно с целью восстановить мир между туркменскими племенами текинцев и йомудов, освободить пленников и компенсировать потери от грабежа торговых караванов – чем, собственно, и пытался поначалу заниматься сам Муса-мутаваля вместе со своим помощником Ваис-Ниязом-юзбаши при поддержке также и местных ханов. Сюзеренитет же Хивы над ахалтекинскими туркменами – «дело очень старое и всем известное» и существовал лишь «на словах» [18. № 91. С. 219–220].

Чтобы окончательно восстановить отношения с Закаспийским отделом, Н.А. Иванов даже выразил готовность пойти на некоторые уступки в вопросе разграничения компетенций двух администраций в Восточном Прикаспии. В настоящее время, писал он Н.П. Ломакину, он опирается на инструкции, данные ему туркестанским генерал-губернатором, но «если администрация Кавказа выработала какой-либо новый путь, более рациональный к достижению этих желанных результатов, то, вероятно, Ваше превосходительство не откажите мне его сообщить». При этом, однако, он отказывался сам писать хану Хивы, чтобы тот отозвал Мусу-мутаваля и был готов «внушить» это Мухаммад-Рахиму, если тот сам обратится к нему «по этому поводу за советом». На наш взгляд, именно эта оговорка подтверждает справедливость обвинения Н.П. Ломакина в том, что Н.А. Иванов рекомендовал хану прислать своего представителя к ахалтекинским туркменам: теперь начальник Амударьинского отдела не хотел отменять своих же прежних рекомендаций [18. № 91. С. 221].

В начале апреля Муса-мутаваля вернулся обратно в Хиву – «без успеха», как отмечал А.Н. Куропаткин. Начальник Закаспийского отдела, ссылаясь на послания своих туркменских осведомителей, писал начальству в Тифлис, что незадолго перед этим текинцы разделились на три группы, одна из которых стояла за Нур-Верды-хана, другая – за Мусу, третья не признавала ни одного из претендентов на ханский трон. Поэтому отъезд Мусы должен был способствовать восстановлению спокойствия в оазисе [17. С. 332; 18. № 93. С. 222–223].

Со своей стороны начальник Амударьинского отдела 13 апреля 1876 г. писал К.П. фон Кауфману, что Муса уже 2 апреля выехал в Хиву, напоследок посоветовав своим сторонникам поддержать именно Нур-Верды-хана. В этом же послании он сообщил генерал-губернатору, что на Кавказе вырабатывается новая стратегия по выстраиванию отношений с туркменами, поэтому сам он не хочет давать никаких рекоменда-

ций хивинскому хану по ахалтекинским делам [18. № 95. С. 225–226]. Тем самым Н.А. Иванов, по сути, давал понять своему начальнику, что необходимо его личное вмешательство, чтобы более-менее четко определить полномочия кавказских и туркестанских властей в Восточном Прикаспии.

Однако такое демонстративное «самоустранение» представителя туркестанской администрации в регионе от отношений с туркменами, по-видимому, тоже не слишком устраивало Н.П. Ломакина, не желавшего брать на себя всю полноту ответственности за положение в регионе. Вероятно, именно поэтому в рапорте начальнику Кавказского горского управления от 6 мая 1876 г. он предложил рекомендовать хивинскому хану «обновить» ярлык хану Нур-Верды, которого в статусе верховного хана Ахал-Теке следует поддержать Закаспийскому и Амударьинскому отделам [18. № 97. С. 229].

Весьма любопытно, как повел себя хивинский хан Мухаммад-Рахим II, надеявшийся, что разногласия двух имперских пограничных администраций позволят ему укрепить свой сюзеренитет над ахалтекинскими туркменами. Он направил к Н.А. Иванову своего сановника Полван-Мирзу-баши с заверениями, что у него и в мыслях не было считать себя «ханом Ахала» и тем более возводить там на трон Мусу-мутаваля [18. № 102. С. 234–235]. Это сообщение немедленно было переслано в Закаспийский отдел, а оттуда – в Тифлис, и кавказские власти сделали вид, что верят заверениям хана, и предписали Н.П. Ломакину взаимодействовать с туркменами так, как было «до возникновения последних недоразумений» [18. № 110. С. 244]. Последняя точка в этой истории была поставлена 2 марта 1877 г., когда начальник Закаспийского отдела в своем рапорте начальнику Кавказского горского управления сообщил, что выдвижение Мусы в ханы было исключительно личной инициативой вышеупомянутого Хан-Мамед-аталыка, который якобы таким образом надеялся вернуть себе милость и покровительство хивинского хана [18. № 145. С. 294].

Как бы то ни было, ситуация в Ахалтекинском оазисе продолжала оставаться нестабильной, и туркмены по-прежнему оставляли себе некоторую свободу выбора, продолжая номинально признавать верховенство хивинского хана, тем самым не подчиняясь предписаниям российских властей в регионе. В результате, как известно, последовали две Ахалтекинские экспедиции – первая, неудачная, под командованием Н.П. Ломакина в 1879 г., вторая – под командованием М.Д. Скобелева, завершившаяся присоединением Ахал-Теке к России, в 1880–1881 гг. При этом даже во время второй из них, как вспоминали ее участники, на предложение сдаться туркмены отвечали, что «они подчинены Хивинскому хану и переговоры нужно вести с ним» [19. С. 156]. Неудивительно, что имперские власти сочли целесообразным не просто включить оазис в состав России, но и преобразовать его в Закаспийскую область, которая официально была передана под контроль кавказской администрации.

Правда, при этом нельзя не отметить, что такое решение относительно подведомственности Восточного Прикаспия было принято уже после ухода с политической сцены двух руководителей пограничных

администраций, при которых оно, скорее всего, не было бы реализовано. В марте 1881 г. К.П. фон Кауфман был разбит параличом из-за потрясения по поводу убийства императора Александра II и, формально продолжая считаться генерал-губернатором Туркестанского края до своей смерти в мае 1882 г., фактически не мог выполнять обязанности, которые перешли к Г.А. Колпаковскому, военному губернатору Семиреченской области, и ранее замещавшему Кауфмана во время его отсутствия в крае. Что касается вел. кн. Михаила Николаевича, то по решению нового императора Александра III он с июля 1881 г. был назначен председателем Государственного совета, соответственно, сложив с себя руководство Кавказским наместничеством, которое сразу же было упразднено, а руководство регионом перешло к «главноначальствующим гражданской частью на Кавказе» с гораздо менее широкими полномочиями.

С присоединением Ахалтекинского оазиса «туркменский вопрос» так и не был решен окончательно, и две администрации повторно вступили в конфликт по поводу Мерва, который, как уже отмечалось выше, подобно Ахал-Теке, номинально признавал власть хивинского хана, мотивируя тем самым отказ следовать исключительно в русле российской политики. Соответственно, хивинский хан Мухаммад-Рахим II в начале 1880-х гг. попытался сделать Мерв своим вассальным владением, а российские власти, столкнувшись с подобными его действиями в Ахал-Теке, тем не менее, не сделали никаких выводов и совершили, по сути, те же ошибки, что и в середине 1870-х гг.

Как и в Ахал-Теке, в Мерве проживали представители нескольких туркменских племен, имевших давние разногласия, причем доминирующее племя текинцев разделялось на ряд противоборствующих родов, предводители которых не желали признавать главенство одного из них в ущерб другим. Большое количество туркмен-текинцев тяготело к России, поскольку по итогам похода на Хиву 1873 г. русские освободили немало текинских пленников и отправили их домой [20. Р. 152; 21. Р. 236]. Наиболее выгодным для России претендентом на власть в Мерве являлся Махтум-Кули-хан, сын вышеупомянутого Нур-Верды (ставшего, кажется, единственным туркменским ханом, верховенство которого признавали и Ахал-Теке, и Мерв, но скончавшегося в 1880 г.), однако не все его поддерживали в силу его молодости, кроме того, он происходил не из мервских, а из ахалтекинских туркмен [22. С. 128]. Его главным конкурентом был Кара-Кули-хан, который пользовался большим влиянием в текинском роду тохтамыш, однако, в отличие от Махтум-Кули, не был высокого происхождения³ и, соответственно, не пользовался поддержкой туркменской знати [23. С. 63]. Поскольку Махтум-Кули был сторонником российских властей, Кара-Кули решил сделать ставку на поддержку Хивы⁴.

Ему удалось убедить предводителей текинских родов отамыш и тохтамыш, а также племени сарыков послать в августе 1881 г. представительную делегацию из 24 человек в Хиву с просьбой прислать к ним «справедливого начальника, знающего все правила мусульманской религии и шариата» [22. С. 125; 24. С. 97–98].

Вероятно, Мухаммад-Рахим II все же испытывал некоторые сомнения по поводу целесообразности отправки наместника в Мерв. А еще больше эта идея не нравилась его приближенным, которые один за другим отклоняли предложение монарха отправиться к вольнолюбивым и воинственным туркменам. Наконец, выбор пал на некоего Юсуф-бая, который сам рассказал об обстоятельствах своего назначения русскому инженеру П.М. Лессару, побывавшему в Мерве в августе 1882 г.: «Все отказывались ехать, я так же, как и другие. Но хан стал уговаривать; говорит, ты старый человек, убьют, так и не жаль. Я и поехал» [23. С. 63].

Любопытно отметить, что инициаторы приглашения хивинского наместника старались показать, что их действия не носят антироссийского характера. В состав делегации, отправившейся в Хиву, был включен русский артиллерист Кидяев, находившийся в то время в Мерве в плену [24. С. 97]⁵. А когда Юсуф-бай осенью 1881 г. прибыл в Мерв, Кара-Кули-хан стал уверять, что он приехал с одобрения российских властей, что поначалу обеспечило ему признание со стороны туркмен. Однако когда Юсуф-бай под нажимом Кара-Кули-хана попытался ввести в Мерве налог с урожая в размере 10%, туркмены просто-напросто стали его игнорировать. Более того, пожаловавшись на его действия администрации Закаспийской области, они выяснили, что с имперскими властями его кандидатуру никто не согласовывал [20. Р. 64; 21. № 2. С. 211; 22. С. 157].

Воспользовавшись ситуацией, еще один туркменский предводитель – Майлы-хан из рода отамыш обратился к закаспийским властям, чтобы они отозвали Юсуфа и назначили старшим ханом Мерва его самого, однако администрация Ашхабада на это не пошла. Во-первых, Майлы-хан не обладал значительным влиянием, и его поддержка российскими властями могла повлечь ослабление влияния империи в оазисе, поэтому ему было предложено добиться официального избрания и после этого прибегнуть к российскому покровительству [23. С. 65]. Во-вторых, обращаться к хану Хивы с требованием отозвать Юсуф-бая закаспийские власти также не могли – ведь контакты с Хивинским ханством находились в ведении начальника Амударьинского отдела, подчинявшегося не кавказским, а туркестанским властям⁶, и в условиях снижения статуса руководства кавказской администрации губернатор Закаспийской области не рисковал выходить за рамки своих четко определенных полномочий.

В октябре 1882 г. Юсуф-бай скончался [23. С. 66; 25. С. 160] (ср.: [24. С. 98]), и, казалось бы, проблема была решена, поскольку главном начальствующим на Кавказе кн. А.М. Дондуков-Корсаков снесся по поводу ситуации в Мерве с новым туркестанским генерал-губернатором М.Г. Черняевым, который написал хану Мухаммад-Рахиму II, чтобы тот не присылал больше своих наместников в Мерв [25. С. 161]. Однако, несмотря на такое четкое и прямое распоряжение, хивинский монарх в ноябре того же года направил в оазис нового наместника Абдурахман-бия, который, как и его предшественник, мог осуществлять свои полномочия лишь при поддержке Кара-Кули-хана и к тому же

постарался привлечь на свою сторону местную знать денежными раздачами [24. С. 99; 25. С. 162, 165]. По прибытии в Мерв новый наместник тут же направил в Ашхабад копию ханского ярлыка о назначении его на должность. Этот документ был составлен весьма корректно, не давая, по сути, российской администрации никаких поводов для обвинения хана Хивы в превышении полномочий: Мухаммад-Рахим II в нем ссылался как на просьбу самих мервцев о присылке хивинского наместника, так и на свою дружбу с Россией. В результате военный губернатор Закаспийской области генерал-лейтенант П.Ф. Рерберг проявил нерешительность и лишь просил своего начальника кн. Дондукова-Корсакова «настоять, чтобы хивинский хан отозвал Рахман-бека». Даже тому факту, что хивинский хан практически проигнорировал указание туркестанского генерал-губернатора, П.Ф. Рерберг постарался найти оправдание: по его мнению, Мухаммад-Рахим II отправил наместника в Мерв до получения послания М.Г. Черняева [25. С. 164–165].

Увидев нерешительность российских властей, Абдурахман-бий и Кара-Кули-хан активизировали свою деятельность, начав собирать налоги (тот же десятипроцентный сбор с урожая под названием «ушур-закет», который пытался собирать и Юсуф-бай, а также торговый налог «бадж») и усилив роль шариатского суда казия в ущерб традиционному кочевому суду туркмен [24. С. 98]. Это вызвало недовольство местного населения, и Абдурахману в начале 1883 г. пришлось срочно вернуться в Хиву, спасая свою жизнь. Тем не менее его краткое пребывание в оазисе повлияло на политическую ситуацию: столкнувшись со столь пассивной позицией имперской администрации, даже пророссийски настроенные туркмены перестали активно поддерживать политику имперских властей в регионе.

Кроме того, этот эпизод показал туркестанскому генерал-губернатору М.Г. Черняеву, насколько нерешительно действует в Мерве администрация Закаспийской области, и он решил расширить собственное влияние в оазисе. Именно поэтому уже в конце 1882 г. он пересмотрел свою позицию по поводу хивинских наместников в Мерве и стал настоятельно рекомендовать туркменам признать власть Хивы, поскольку через нее надеялся контролировать Мерв⁷. Вероятно, сам того не осознавая, в этом отношении он продолжил политику своего предшественника К.П. фона Кауфмана, хотя, имея к нему личную неприязнь, обычно старался отменять и переиначивать все его решения. Узнав о такой радикальной перемене его позиции, Кара-Кули-хан в апреле 1883 г. отправился в Петро-Александровск, где в то время находился М.Г. Черняев, и попросил у него одобрения на присылку в Мерв еще одного хивинского наместника, каковое ему и было дано [18. № 373. С. 675; 22. С. 127; 24. № 2. С. 215].

В результате в мае 1883 г. в Мерве появился уже третий по счету представитель хана Хивы, который в разных источниках фигурирует как Атаджан-бий либо Бабаджан-бий. Апеллируя к поддержке туркестанских властей, он гораздо более решительно, чем его предшественники стал проводить политику подчинения

Хиве Мерва, который рассматривал как часть Хивинского ханства и в котором, соответственно, должны были действовать принятые в Хиве принципы и институты управления, правоотношения, налоги, сборы и пр. [24. С. 138; № 3. С. 215]. Многие ханы и родоплеменные вожди даже отказались знакомиться с наместником, большинство населения Мерва игнорировало его требования об уплате налогов [13. С. 108]. Согласно рапорту начальника Закаспийской области генерал-лейтенанта А.В. Комарова кн. Дондукову-Корсакову от 7 февраля 1884 г., действия хивинского сановника восставили против него даже родственников самого Кара-Кули-хана, в результате чего сторонников у него поубавилось вдвое [24. № 3. С. 216].

Между тем Кара-Кули-хан, которого французский путешественник Б. Мешэн, побывавший в Мерве в 1883 г., характеризовал как самого могущественного человека в оазисе, продолжал изыскивать разные пути для укрепления своего влияния. Ради этого он готов был пойти на сотрудничество не только с русскими и хивинскими властями, но и их противниками – англичанами и персами, о чем доверительно советовался, в частности, с тем же бароном Мешэном (который, по его же словам, постарался его убедить, что раз уж он получил поддержку туркестанских властей, следует продолжать сотрудничать с ними) [22. С. 128]. Такая политическая неразборчивость Кара-Кули-хана давала немало оснований противникам обвинять его перед российскими властями в союзе с иностранными врагами России и получении денег от англичан, в поддержке радикального мусульманского движения среди туркмен (естественно, враждебно настроенного в отношении «неверных» русских) и даже в том, что он «проедает» жалование своего же соратника Бабаджан-бия [13. С. 104; 24. № 3. С. 218].

В результате в Мерве сложилось крайне противоречивое положение: официально находясь в сфере влияния Кавказа (через подчиненную ему Закаспийскую область), он управлялся наместником, которого назначил хан Хивы, контролировавшийся властями Туркестанского края. При этом местные родоплеменные предводители, как оказалось, проводили политику, идущую вразрез с интересами России, что влекло опасность перехода Мерва под контроль Персии либо даже Британской империи. Как и в Ахал-Теке, из-за противоречий региональных имперских властей ситуация зашла в тупик, и только решительные меры могли позволить найти выход из него. Правда, на этот раз России не пришлось начинать боевые действия: Мерв в 1884 г. вошел в ее состав мирным путем, на основании решения, принятого съездом туркменских племен, – «генгеша».

Любопытно, что даже на этой завершающей стадии вхождения Туркмении в состав Российской империи противники России пытались сыграть на противоречиях между кавказской и туркестанской администрациями. Поскольку процесс присоединения Мерва к России был инициирован Кавказом, они решили апеллировать к туркестанским властям, надеясь, что они, как и прежде, не позволят «конкуренту» расширить свое влияние в регионе. М. Алиханов-Аварский, кавказский военный чиновник, зимой 1883/84 г. осуществивший дипломатическую поездку в Мерв для

обсуждения предварительных условий его вхождения в состав России, вспоминал о своей встрече с «правителем Мерва» Атаджан(Бабаджан)-бием, которого встретил в ауле Кара-Кули-хана и поинтересовался, кто он такой:

«— Я хаким (правитель) Мерва, — отвечал сам Атаджан, — назначенный хивинским ханом и утвержденный русскими.

— Откуда же взялось у хивинского хана право назначать правителя в Мерв, и что значит выражение: “утвержденный русскими”?»

В ответ на это хививец достал из лежавшей недалеко от него шкатулки бумагу, развернул ее и, передавая мне, произнес лаконически: “Прочти”.

Бумага эта меня поразила. На первой ее странице было написано на джагатайском языке, что, “склоняясь на поступившую во мне просьбу всего Мервского народа, и в видах водворения в этой стране спокойствия и порядка, я, повелитель Хивы, Магомед-Рагим-хан, назначаю хакимом Мерва испытанного сановника моего, Атаджан-бая, в уверенности, что Мервский народ последует его разумным указаниям”, и т.д. На следующей странице русский текст, за печатью и подписью тогдашнего туркестанского генерал-губернатора, генерал-лейтенанта Черняева, гласил кратко: “Одобряю выбор его светлости, хивинского хана, и утверждаю Атаджан-бая правителем Мерва”» [13. С. 106–107] (см. также: [24. № 3. С. 218]).

И в то время, когда туркменская знать собралась на генеш для обсуждения предложенных М. Алихановым условий, Атаджан-бий и Кара-Кули-хан попытались провести собственный съезд, на котором должны были принять решение не признавать российского подданства. «Но эти господа ошиблись в своих ожиданиях, — пишет Алиханов. — На их призыв отозвалось только десятка три их сторонников, и результат ограничился несколькими съеденными баранами» [13. С. 117–118]. Тем не менее, ссылаясь на утверждение его М.Г. Черняевым, хивинский наместник продолжал оставаться в Мерве, поскольку даже на особом совещании в Петербурге еще в августе 1883 г. высказывалось мнение, «что немедленное отозвание Бабаджан-бека из Мерва могло бы умалить значение туркестанского генерал-губернатора в глазах среднеазиатских населений», хотя и признавалось, что он находится в крайне невыгодном положении и вскоре «без всякого сомнения, Бабаджан-бек или вы-

нужден будет покинуть Мургабский оазис, или же будет убит текинцами» [18. № 373. С. 678]. Он вместе с Кара-Кули-ханом покинул оазис непосредственно перед его присоединением его к России [13. С. 445].

Ситуация с Мервом, имеющая немало сходств с ситуацией с Ахал-Теке, тем не менее, имела и существенные отличия от нее. Как можно увидеть, снижение статуса главных начальников Кавказа и Туркестана существенно повлияло на политику, проводимую по отношению к Мервскому оазису местными представителями обеих администраций. Военные губернаторы вновь созданной Закаспийской области вели себя довольно нерешительно, поскольку не знали, в какой степени их непосредственный руководитель, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, сможет уладить проблемы с туркестанским генерал-губернатором. Начальники же Амударьинского отдела вообще устранились от связей с Мервом: как мы видели, ими напрямую занялся новый глава Туркестанского края М.Г. Черняев, отличавшийся экстравагантностью и противоречивостью решений. В результате туркмены не знали, с кем им взаимодействовать, это побуждало их обращаться к «третьей стороне» в лице Хивы, Персии и даже Англии, что прямо противоречило интересам России в регионе [29. С. 298–299].

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод, что руководители пограничных администраций Российской империи — Кавказа и Туркестана — в своих политических действиях в Средней Азии (и в частности в Туркмении) исходили из собственных амбиций и стремились утвердить свое первенство в установлении контроля над теми или иными регионами, что находило прямое отражение и в деятельности их представителей — начальников Амударьинского и Закаспийского отделов. Несогласованные, а порой и прямо противоречащие друг другу решения пограничных властей в отношении туркмен привели к ослаблению контроля России над туркменскими оазисами в целом, побудили туркмен искать покровительства у соседних государств. В результате, чтобы исправить сложившуюся ситуацию, российским властям не оставалось ничего другого, как напрямую присоединить Ахал-Теке и Мерв к империи, при этом официально подчинив вновь образованную на их территории Закаспийскую область Кавказу — во избежание дальнейших противоречий кавказской и туркестанской администрации в этом регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Особенность ряда привлекаемых в рамках исследования заключается в том, что их авторы являлись одновременно и участниками событий, и их историками — как, например, М.А. Терентьев или А.Н. Куропаткин, который принимал участие в «туркестанских походах», в том числе и в боевых действиях в Туркмении, готовил аналитические материалы о регионе как офицер Главного штаба, а впоследствии опубликовал также ряд научно-исследовательских работ. Таким образом, сочинения таких авторов могут одновременно считаться и источниками и исследовательскими трудами.

² Следует отметить, впрочем, что участие руководителей кавказской администрации в российском продвижении в Среднюю Азию началось задолго до наместничества вел. кн. Михаила Николаевича: уже А.П. Ермолов на рубеже 1810–1820-х гг. отправлял в Туркмению и Хиву дипломатические миссии и научные экспедиции, а кн. А.И. Барятинский в конце 1850-х гг. предлагал целую программу по присоединению Туркмении к России силами Кавказского наместничества.

³ Как неоднократно подчеркивали российские исследователи традиционного социально-политического устройства туркмен, их ханы вовсе не были монархами, и принять этот титул мог любой деятель, пользующийся влиянием вне зависимости от своего происхождения и материального положения. Но и власти над другими туркменами у таких ханов, как правило, не было.

⁴ В результате в историографии получило распространение мнение о том, что Кара-Кули-хан проводил антироссийскую политику в Мерве, однако, как обоснованно отмечал М.Н. Тихомиров, он всего лишь старался противостоять своему сопернику Махтум-Кули [24. С. 99]. Кроме того, он также прибегал к поддержке российской администрации.

⁵ История Кидяева (его имя в источниках не упоминается) весьма любопытна: рядовой артиллерист (канонир), он попал в плен к туркменам во время Хивинского похода 1873 г. и, чтобы избежать жестокого обращения, выдал себя за офицера и генеральского сына. Однако в ре-

зультате, когда русские власти начали переговоры с туркменами о его освобождении, его хозяин затребовал за него выкуп в 8 тыс. туманов (24 тыс. руб.), который, конечно, не был выплачен. В результате Кидяева постоянно подвергали разного рода мучениям, чтобы он писал письма о присылке выкупа, а затем он был перепродан другому владельцу. Соответственно, хотя российские власти и отслеживали его судьбу, но и в начале 1880-х гг. он по-прежнему оставался пленником в Мерве [26. С. 110; 27. С. 99, 106–108].

⁶ В связи с этим власти Кавказа неоднократно поднимали вопрос о переподчинении им Амударьинского отдела, однако поскольку в Главном штабе и Военном министерстве в целом преобладали «туркестанцы», это предложение постоянно отклонялось [18. № 373. С. 675].

⁷ Действия М.Г. Черняева дали повод английским дипломатам обвинить Россию во вмешательстве в дела Мерва, который номинально признавался независимым владением по итогам ранее заключенных русско-английских соглашений [28. № 2. С. 47] (см. также: [24. С. 99–100]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аминов И.И. Организационно-правовые особенности управления в Закаспийской области Российской империи // *Lex Rossica*. 2017. № 11 (132). С. 139–152.
2. Васильев Д.В. Цели и задачи Российской империи в Закаспийском крае при создании новой системы управления // *Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.* : сб. науч. тр. междунар. семинара. Алма-Ата, 19–23 августа 2019 г. / науч. ред. Д.В. Васильев. М. : ОнтоПринт, 2019. С. 282–290.
3. Васильев Д.В. Дуализм российской администрации на восточном берегу Каспийского моря // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2020. Т. 65, вып. 1. С. 85–107.
4. Брегель Ю.Э. Хорезмские туркмены в XIX в. М. : Изд-во восточ. лит., 1961.
5. [Сполатбог Н.Н.] Покорение Ахал-Теке (из записок полковника Сполатбога). Тифлис : Б.и., 1884.
6. Алиханов М. Мервский оазис и дороги ведущие к нему. СПб. : Типография и хромолитография А. Траншеля, 1883.
7. Жуковский В.А. Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва. СПб. : Типография Главного управления уделов, 1894.
8. Попович-Липовач И. Ахал-Текинцы // *Русский вестник*. 1882. № 3. С. 278–299.
9. Wood W.A. The Sariq Turkmens of Merv and the Khanate of Khiva in the early Nineteenth century : Ph. D. Diss. Bloomington : Indiana University, 1998.
10. Сапаров М. «Дженг-е-Мерв» как персидский источник по изучению истории Южного Туркменистана середины XIX в. Ашхабад : Ылым, 1990.
11. Eptome of Correspondence relating to Merv, with Historical and Geographical Accounts of the Place and Itineraries. Calcutta : India Office, 1875.
12. Marvin Ch. Merv, the Queen of the World and the Scourge of the Man-Stealing Turcomans. London : W.H. Allen & Co., 1881.
13. Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания. 1881–1885 // *Вестник Европы*. Т. CCXXIX. 1904. Т. V, № 9. С. 73–125.
14. [Григорьев В.В.] О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре. Записки Мирзы-Шемса Бухари // *Ученые записки Императорского Казанского университета*. 1861. Кн. I. С. 1–169.
15. Туган-Мирза-Барановский В.А. Русские в Ахал-Теке. СПб. : Типография В.В. Комарова, 1881.
16. Lansdell H. Russian Central Asia. New York : Arno Press, 1885. Vol. II.
17. Куропаткин А. Туркмены и туркмены. СПб. : Типография В.А. Политики, 1879.
18. Присоединение Туркмении к России (сборник архивных документов) / под ред. А. Ильясова. Ашхабад : Изд-во Академии наук Туркменской ССР, 1960.
19. [Щербак А.В.] Ахал-Тэкинская экспедиция генерала Скобелева в 1880–1881 гг. Из воспоминаний д-ра А.В. Щербака. СПб. : Типография В.В. Комарова, 1884.
20. Horak S. The Battle of Gökdepe in the Turkmen post-Soviet historical discourse // *Central Asian Survey*. Vol. 34, № 2. 2015. P. 149–161.
21. Marvin Ch. The Russians at Merv and Herat, and their Power of Invading India. London : W.H. Allen & Co., 1883.
22. [Мешэн Б.] Записка барона Бенуа Мешэн о мервских туркменах 1883 г. // *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*. СПб. : Военная типография, 1883. Вып. VI. С. 122–131.
23. Лессар П.М. Мервские ханы. Положение Мерва и Атека в конце 1882 г. // *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*. СПб. : Военная типография, 1883. Вып. VI. С. 62–82.
24. Тихомиров М.Н. Присоединение Мерва к России. М. : Изд-во иностранной литературы, 1960.
25. А.С. [Семенов А.А.] Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881–1885 гг.). По архивным данным // *Туркестанский сборник*. Ташкент : Б.и., [1907]. Т. 506. С. 133–167.
26. Лессар П.М. О’Донован – хан мервский // *Туркестанский сборник*. СПб. : Б.и., 1883. Т. 359. С. 105–115.
27. Плен у текинцев // *Туркестанский сборник*. СПб. : Б.и., [1880]. Т. 277. С. 99–108.
28. Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией. СПб. : Типография А.С. Суворина, 1886.
29. Васильев С.Д. Британское влияние на политику шахского правительства в отношении туркменских племен. Превращение Ирана в театр политического противостояния России и Великобритании // *Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.* : сб. науч. тр. междунар. семинара. Алма-Ата, 19–23 августа 2019 г. / науч. ред. Д.В. Васильев. М. : ОнтоПринт, 2019. С. 290–300.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 июня 2021 г.

Turkmens of Akhal-Teke and Merv Within the Context or Relations Between Frontier Administrations of the Russian Empire (1870s–1880s)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 171–179.

DOI: 10.17223/15617793/470/20

Roman Yu. Pochekaev, Higher School of Economics, St. Petersburg Branch (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: rpochekaev@hse.ru

Keywords: Russian Empire; Central Asia’s accession to Russia; Turkmenistan; Khanate of Khiva; protectorate; regional administration.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00162.

The article analyzes specific features in relations of Russian imperial frontier regions that participated in the conquest of Central Asia. By the example of the conflict of the authorities of Caucasus and Turkestan towards Turkmen tribes of the Eastern Caspian region in the 1870s–1880s, the author clarified the influence of such conflicts on the effectiveness of the Russian imperial policy in Central Asia. The sources the author used are correspondence of Caucasian and Turkestan authorities and their representatives in Turkmenistan, notes of contemporaries – Russian officials who visited Turkmen Akhal-Teke and Merv oases during the analyzed

period, and works of Russian and British analytics who observed the situation in the Eastern Caspian region. In 1873 the Russian Empire established protectorate over the Khanate of Khiva and took control over Turkmen tribes of Akhal-Teke and Merv. These territories were in the sphere of influence of two regional administrations – Caucasus and Turkestan. Since their powers in Turkmenistan were not clearly distributed, Caucasian deputy Grand Prince Mikhail Nikolaevich and Turkestan Governor-General K.P. Von Kaufman both tried to strengthen their positions over Turkmen oases, and a conflict between them began. Turkmen and Khivan ruling elites tried to use this conflict to achieve their own goals, and, as a result, the Khanate of Khiva (a protectorate of Russia) established its own suzerainty over Turkmen who were independent de jure: over Akhal-Teke in the mid-1870s and over Merv at the beginning of the 1880s, and sent their deputies there. The presence of a Khivan deputy in Akhal-Teke was a personal initiative of the khan of Khiva and was disapproved by both Russian regional authorities. Similar actions of Khiva towards Merv the khan were approved by Turkestan administration: they believed that they could strengthen their own control over Turkmen through their vassal. As a result, Khivan deputies in Merv with credential letters from Turkestan administration realized the policy which contradicted the plans of Russian authorities in the region. As it became clear for Turkestan, its administration requested the khan of Khiva to recall his deputies from Merv. However, the new Governor-General M.G. Chernyaev soon approved the continuation of this practice and began a new stage of conflict with Caucasian administration. That caused a substantial decrease of Russian influence in Turkmenistan. The author finds that the reasons of the conflict were connected with the uncertainty of the powers of regional imperial authorities in Central Asia, as well as with personal ambitions of regional administrators who intended to play the key role in this policy. Only the central imperial authorities' interference in the situation along with the simultaneous resignation of regional administrators with discretionary power and claims to leadership allowed regulating the relations in the region.

REFERENCES

1. Aminov, I.I. (2017) Organizatsionno-pravovye osobennosti upravleniya v Zakaspiyskoy oblasti Rossiyskoy imperii [Legal management features in the Trans-Caspian Region of the Russian Empire]. *Lex Rossica*. 11. pp. 139–152.
2. Vasil'ev, D.V. (2019) [Goals and objectives of the Russian Empire in the Trans-Caspian Region during the organizing of the new system of administration]. *Tsentral'naya Aziya na perekrestke evropeyskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII–XIX vv.* [Central Asia on the crossroads of European and Asian interests: 18th–19th cc.]. Proceedings of the International Seminar. Almaty. 19–23 August 2019. Moscow: OntoPrint. pp. 282–290. (In Russian).
3. Vasil'ev, D.V. (2020) Dualizm rossiyskoy administratsii na vostochnom beregu Kaspiyskogo morya [The Dualism of the Russian Administration on the Eastern Caspian Coast]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65 (1). pp. 85–107.
4. Bregel', Yu.E. (1961) *Khorezmskie turkmeny v XIX v.* [Turkmen of Khorezm in the 19th c.]. Moscow: Vostochnaya literatura.
5. Spolabog, N.N. (1884) *Pokorenie Akhal-Teke (iz zapisok polkovnika Spolaboga)* [Subjugation of Akhal-Teke (From notes of Colonel Spolabog)]. Tiflis.
6. Alikhanov, M. (1883) *Mervskiy oazis i dorogi vedushchie k nemu* [Merv oasis and ways to it]. St. Petersburg: A. Transhel.
7. Zhukovsky, V.A. (1894) *Drevnosti Zakaspiyskogo kraia. Razvaliny Starogo Merva* [Antiquities of the Trans-Caspian region. The ruins of Old Merv]. St. Petersburg: Central Administration of Appanages.
8. Popovich-Lipovats, I. (1882) Akhal-Tekintsy [Akhal-Teke Turkmen]. *Russkiy vestnik*. 3. pp. 278–299.
9. Wood, W.A. (1998) *The Sarii Turkmen of Merv and the Khanate of Khiva in the early Nineteenth century*. Ph.D. Diss. Bloomington: Indiana University.
10. Saparov, M. (1990) "Dzheng-e-Merv" kak persidskiy istochnik po izucheniyu istorii Yuzhnogo Turkmenistana serediny XIX v. ["Dzheng-e-Merv" as a Persian source on the study of the history of Southern Turkmenistan of the mid 19th c.]. Ashkhabad: Ylym.
11. Anon. (1875) *Epitome of Correspondence relating to Merv, with Historical and Geographical Accounts of the Place and Itineraries*. Calcutta: India Office.
12. Marvin, C. (1881) *Merv, the Queen of the World and the Scourge of the Man-Stealing Turcomans*. London: W.H. Allen & Co.
13. Alikhanov-Avarskiy, M. (1904) Zakaspiyskie vospominaniya. 1881–1885 [Trans-Caspian memoirs, 1881–1885]. *Vestnik Evropy*. 229:V (9). pp. 73–125.
14. Grigor'ev, V.V. (1861) O nekotorykh sobytiyakh v Bukhare, Khokande i Kashgare. Zapiski Mirzy-Shemsa Bukhari [On some events in Bukhara, Khoqand and Kashgar. Notes by Mirza Shems Bukhari]. *Uchenye zapiski Imperatorskogo Kazanskogo universiteta*. 1. pp. 1–169.
15. Tugan-Mirza-Baranovskiy, V.A. (1881) *Russkie v Akhal-Teke* [Russians in Akhal-Teke]. St. Petersburg: V.V. Komarov.
16. Lansdell, H. (1885) *Russian Central Asia*. Vol. II. New York: Arno Press.
17. Kuropatkin, A. (1879) *Turkmeniya i turkmeny* [Turkmenistan and Turkmen]. St. Petersburg: V.A. Politika.
18. Il'yasov, A. (ed.) (1960) *Prisoedinenie Turkmenii k Rossii (sbornik arkhivnykh dokumentov)* [Turkmenistan's Accession to Russia (Collection of archival documents)]. Ashkhabad: Academy of Science of Turkmen SSR.
19. Shcherbak, A.V. (1884) *Akhal-Tekinskaya ekspeditsiya generala Skobeleva v 1880–1881 gg. Iz vospominaniy d-ra A. V. Shcherbaka* [General Skobelev's Expedition to Akhal-Teke in 1880–1881. From Memoirs of Dr. A.V. Scherbak]. St. Petersburg: V.V. Komarov.
20. Horak, S. (2015) The Battle of Gökdepe in the Turkmen post-Soviet historical discourse. *Central Asian Survey*. 34 (2). pp. 149–161.
21. Marvin, C. (1883) *The Russians at Merv and Herat, and their Power of Invading India*. London: W.H. Allen & Co.
22. Meshen, B. (1883) Zapiska barona Benua Meshen o mervskikh turkmenakh 1883 g. [Notice of Baron Benois Mechen on Merv Turkmen of 1883]. In: *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* [Collection of geographical, topographic and statistical information on Asia]. Vol. 6. St. Petersburg: Voennoe izdatel'stvo. pp. 122–131.
23. Lessar, P.M. (1883) Mervskie khany. Polozhenie Merva i Ateka v kontse 1882 g. [Khans of Merv. State of Merv and Atek at the end of 1882]. In: *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* [Collection of geographical, topographic and statistical information on Asia]. Vol. 6. St. Petersburg: Military Press. pp. 62–82.
24. Tikhomirov, M.N. (1960) *Prisoedinenie Merva k Rossii* [Joining Merv to Russia]. Moscow: Publishing house of foreign literature.
25. A.S. [Semyonov, A.A.] (1907) Ocherki iz istorii prisoedineniya vol'noy Turkmenii (1881–1885 gg.). Po arkhivnym dannym [Essays on the history of free Turkmenistan's accession (1881–1885). Based on archival data]. In: *Turkestanskiy sbornik* [Turkestan Collection]. Vol. 506. Tashkent. pp. 133–167.
26. Lessar, P.M. (1883) O'Donovan – khan mervskiy [O'Donovan, a khan of Merv]. In: *Turkestanskiy sbornik* [Turkestan Collection]. Vol. 359. St. Petersburg. pp. 105–115.
27. Anon. (1880) Plen u tekintsev [In the captivity of Teke Turkmen]. In: *Turkestanskiy sbornik* [Turkestan Collection]. Vol. 277. St. Petersburg. pp. 99–108.
28. Anon. (1886) *Afganskoe razgranichenie. Peregovory mezhdru Rossiei i Velikobritaniy* [Afghan delimitation. Negotiations between Russia and Great Britain]. St. Petersburg: A.S. Suvarin.
29. Vasil'ev, S.D. (2019) [British influence on the policy of the Shah's government towards the Turkmen tribes. Transformation of Iran into the theater of political confrontation of Russia and Great Britain]. *Tsentral'naya Aziya na perekrestke evropeyskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII–XIX vv.* [Central Asia on the crossroads of European and Asian interests: 18th–19th cc.]. Proceedings of the International Seminar. Almaty. 19–23 August 2019. Moscow: OntoPrint. pp. 290–300. (In Russian).

Received: 09 June 2021

Н.С. Розов

ЗАКОНЫ БИОСОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ И ГЛАВНЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ В АНТРОПОГЕНЕЗЕ

В качестве морфологических новаций рассматриваются бипедализм (прямохождение), утрата мощных челюстей с большими клыками, развитие мозга, анатомические изменения черепа и кистей рук, лишение волосяного покрова на теле. Теоретическая реконструкция, направленная на осмысление этих феноменов, выстраивается на основе ряда эксплицитно сформулированных принципов биосоциальной эволюции и через концептуальный синтез наиболее правдоподобных версий, объясняющих данные изменения.

Ключевые слова: антропогенез; биологическая эволюция; социальная эволюция; морфологические изменения; принципы эволюции; сапиентация.

Памяти моего деда
Николая Сергеевича Розова (старшего) –
томского антрополога (1896–1987).

Заботы и структуры, вызовы и ответы: синтез базовых схем

Полноценное научное объяснение любых феноменов предполагает опору на общие законы, или принципы [1]. Поскольку антропогенез означает, в первую очередь, появление нового вида *Homo sapiens*, в качестве основных постулатов необходимо учитывать общие принципы биологической эволюции, относительно которых достигнут базовый научный консенсус. Таковым представляется синтез неодарвинизма с современной генетикой и эпигенетическими концепциями (А. Северцов, Р. Фишер, Дж. Даймонд, Н. Иорданский, С. Пэбо, Ч. Ламсен, Э. Уилсон, А. Раутман).

Общим местом является тезис о неуклонном росте значимости в антропогенезе *социальной (культурной) эволюции*, которая чуть ли не полностью замещает в конце антропогенеза биологическую эволюцию. Известны любопытные аналогии между механизмами этих типов эволюции при уподоблении отношений между биологическими видами и отношений между популяциями гоминид, а также между группами, народами уже сформировавшегося человечества [2].

Механическое соединение положений из разных парадигм и научных языков является эклектичным и редко бывает продуктивным. Корректная интеграция разнородных идей предполагает некое приведение к «общему знаменателю» базовых концептов. В качестве таковых возьмем известную схему Арнольда Тойнби «вызов–ответ» а также конструкцию Артура Стинчкомба «гомеостатическая переменная (функция, потребность, забота) – обеспечивающая структура (адаптация, приспособительная черта) – издержки и напряжения, порождающие новые потребности и заботы» [3, 4].

Под *функцией* в эволюционной биологии обычно понимают однотипные переходы организма из менее благоприятного состояния в более благоприятное в плане комфорта, выживания, размножения. *Потребность* – объективное, как правило, возобновляющееся состояние нужды, готовности организма или субъекта (индивида, группы) к таким переходам, к осуществлению функции. Под *заботой* будем понимать не

психологическое состояние (как в обыденной речи), а направленность организма или субъекта на регулярное выполнение функции (в том числе на удовлетворение потребности) через изменение состояния некой переменной. Это и есть *гомеостатическая переменная* в модели А. Стинчкомба, которую также удобно называть *предметом заботы*. Разные *обеспечивающие структуры* по-разному приводят предмет заботы в благоприятное состояние для организма или субъекта, тем самым выполняют функцию и удовлетворяют потребность.

Так, жажда является потребностью организма при нехватке в нем влаги. Функцией является восполнение влаги, неважно, каким способом. Забота может состоять, например, в том, чтобы питье было в постоянном доступе. Разными обеспечивающими структурами тогда являются ношение с собой каких-то сосудов с питьем, либо запасание ее в самом организме (как это делают верблюды), либо контроль передвижения (слишком далеко не удаляться от источников воды).

Здесь жажда как потребность имеет ментальное представительство в психике животного, а человеком еще и осознается. Однако множество забот организма осуществляется «напрямую» выполнением функций без задействования психики, тем более без участия сознания. Так в ходе эволюции строились сложнейшие внутренние системы дыхания, кровотока, пищеварения, гормонального баланса, размножения и т.д. Все эти системы и их элементы являются обеспечивающими структурами для соответствующих функций и объективных забот организмов. Предположительно тот же принцип действует и для морфологических изменений, например, для роста мозга, черепа, изменения формы кисти или лишения волос на теле.

Толчками, или драйверами, эволюционных изменений служат *вызовы*, среди которых выделяем два главных типа. *Вызовы-угрозы* порождаются издержками и напряжениями, препятствуют выполнению функций и забот, снижают значения гомеостатических переменных, что ведет к росту активности обеспечивающих структур или поиску, складыванию, конструированию новых. *Вызовы-возможности* представляют привлекательные

перспективы лучшего выполнения функций, удовлетворения потребностей и забот, как правило, посредством обретенных структур (морфологических, поведенческих или иных изменений).

Органические структуры и инстинкты складываются через мутации, половой отбор и групповой отбор (дарвиновская эволюция). Структуры поведения, включающие психику, формируются гораздо быстрее, могут гибко изменяться или даже целенаправленно конструироваться на основе образцов. Такие структуры и образцы передаются по культурным (а не генным) каналам, но также подвержены отбору (ламарковская эволюция [5. С. 171]). Модели генно-культурной коэволюции и многоуровневого отбора [6, 7] объединяют две эти линии в биосоциальное целое.

Принципы биосоциальной эволюции

На основе представленной выше весьма абстрактной концептуализации, а также обобщений биологической и социальной эволюции [2, 5–10] сформулируем более конкретные принципы как основу объяснения важнейших морфологических сдвигов в антропогенезе:

– *трансформации через ответы на вызовы*; существенные, радикальные эволюционные изменения происходят только при регулярно поступающих вызовах-угрозах и/или вызовах-возможностях, а также при жестком отборе («пряник» и «кнут»);

– *отсутствие полных разрывов* между начальным и конечным пунктами эволюционного периода, соответствующая правомерность экстраполяции известных сходных черт этих точек на неизвестную середину;

– *преимущество сталкивающихся разнообразий*; чем больше столкновений, метисации и обмена между носителями разных генотипов и практик, тем шире арсенал альтернатив и тем больше вероятность нахождения адекватного ответа на вызовы;

– *преимущество разнообразия наличных структур*; чем больше доступных альтернативных структур (от анатомических признаков до социальных практик), обеспечивающих разные предметы заботы, тем больше вероятность обнаружения, получения такого сочетания структур, которое станет адекватным ответом на вызов;

– *спираль отбора* – порождение новых забот и вызовов; каждая новая обеспечивающая структура имеет свои издержки, требует новых, нередко специфических ресурсов и условий; соответственно, получение таких ресурсов, доступ к ним, установление требуемых условий, сокращение издержек, нейтрализация вызываемых напряжений становятся новыми предметами заботы, которые иногда обеспечиваются уже имеющимися структурами, но нередко требуют новых, что становится еще одним вызовом и вновь активизирует поиск;

– *принцип «волшебных палочек»*; использование, действие некоторых найденных (сложившихся, сконструированных) структур обнаруживает столь высокую эффективность, что их пробуют использовать для разных других предметов заботы; при этом включаются механизм положительных подкреплений в онто-

генезе и позитивный отбор в филогенезе; если структуры вновь приводят к успеху, то получают статус «волшебных палочек»; тогда наращивается интенсивность последующих попыток, модификаций этих структур для разных целей, совмещения их с другими структурами, ведется поиск для них ресурсов и создания условий; эти структуры активно распространяются через половой отбор и/или межпоколенную трансляцию;

– *принцип генно-культурной коэволюции*; чем больше найдено разнообразных поведенческих практик, чем больше появляется предметов заботы, вызовов, требующих ответа, тем менее успешны в половом отборе ригидные наследуемые структуры, например инстинкты, и тем более успешны наследуемые максимально гибкие способности к обучению, поиску и конструированию;

– *принцип многоуровневого отбора*; в процессах эволюции изменяются и отбираются не только морфологические, анатомические, физиологические характеристики, но также типовые поведенческие практики, транслируемые в поколениях ментальные установки и культурные образцы, социальные отношения, нормы и институты, мировоззренческие ценности, картины мира, научные и философские идеи; как правило, черты базовых уровней (например, анатомия или психофизиологические потребности) задают рамки или даже направленность для высших структур; но отчасти возможны эволюционные процессы и с обратным вектором;

– *принцип канализированности эволюции*; ранее появившиеся обеспечивающие структуры, особенно анатомические, полифункциональные и составляющие основу множества последующих структур и модификаций, являются весьма ригидными, они могут меняться только под большим давлением и в течение очень длительных периодов (таковы, например, системы размножения, пищеварения, дыхания, кровоснабжения);

– *прекращение поиска при успехе*; при нахождении адекватного ответа на вызов-угрозу (достигнут приемлемый уровень предмета заботы) или вызов-возможность (достигаются привлекательные цели в аспекте предмета заботы) соответствующая обеспечивающая структура сохраняется либо в наследственности (через половой отбор), либо в поведении (через положительное подкрепление и последующую трансляцию в поколениях).

Бипедализм и вызовы-угрозы наземной жизни

Наиболее правдоподобная версия генезиса прямохождения состоит в том, что уже на деревьях (на нижнем ярусе с толстыми ветвями) наши далекие предки стали использовать нижние конечности больше для опоры, чем для хватания (так называемое вертикальное лазание). Потом вследствие очередного изменения климата около 7 млн лет назад тропические леса Африки стали редеть, а межвидовая конкуренция обезьян привела к выигрышу более мелких и легких видов (возможно, типа макака или марьшеского), тогда как для крупных не оставалось пищи и они вы-

нуждены были (уже будучи двуногими) спуститься на землю, вначале для перебежек, а потом и окончательно [11]. На основе изучения костных остатков антропологи выяснили, что двигались они плоховато, грубо говоря, ковыляли. Таким образом, они поначалу проигрывали в скорости и ловкости тем обезьянам, которые передвигались на четырех конечностях [12]. Кроме того, гоминиды стали уязвимыми для наземных крупных хищников и должны были находить пропитание какими-то новыми способами. Основными обеспечивающими структурами соответствующих забот стали внутригрупповая солидарность и скоординированность поведения, особая изобретательность и научаемость.

Почему прегоминиды пошли по этому пути, а другие животные, родственные группы приматов остались в основном с прежними способностями? Наиболее естественная гипотеза – это сочетание следующих внутренних и внешних условий:

1) недостаточная анатомическая, физиологическая приспособленность к травоядному (нет такого развитого пищеварительного тракта, как у парнокопытных) или к хищническому (явный проигрыш в сравнении с леопардами, львами, саблезубыми тиграми, медведями и т.д.) образу жизни;

2) уже достигнутый уровень развития мозга, психики, включая сообразительность, вариативность, активность поиска, зачатки конструктивных способностей, зачатки языка, которые наблюдаем у других приматов и которые уже, конечно же, имелись у прегоминид, спустившихся на землю;

3) смена прежнего обилия пищи на ее нехватку, трудность нахождения и добычи; разнообразие и удаленность источников пищи;

4) обретенная крепкая внутригрупповая солидарность, привычка собираться вместе на ночь (в период охоты крупных хищников);

5) относительно частая смена климата, ландшафтов, типов опасностей и источников пищи, вынужденные миграции.

Именно при совокупности вышеуказанных условий появились специфические обеспечивающие структуры: кому-то расходиться в разные далекие места для поиска пищи, приносить ее и делиться с членами группы; кому-то оставаться с малыми детьми и обрабатывать ранее добытое; всем запоминать места добычи, что и как добывается, а также места опасностей; сообщать об этом членам группы; при смене ландшафтов, при вынужденной миграции вновь заниматься поисками и сообщать соплеменникам о новых угрозах и новых возможностях пропитания; передавать подрастающим поколениям сложную, разнообразную и изменчивую информацию, для которой генные механизмы наследования инстинктов уже не приспособлены.

Таким образом, здесь действуют следующие принципы:

1) *трансформация через ответы на вызовы и жесткий отбор* – вынужденный спуск на землю, к чему не было высокой приспособленности, ни хищнической, ни травоядной;

2) *принцип канализированности эволюции*, если уж мозг, его научаемость и ловкие руки были развиты

раньше, то данные обеспечивающие структуры и дальше стали всюду использоваться для самых разных забот;

– *порождение новых забот и вызовов* – безопасность и пропитание в новой среде; новые практики, порождающие новые заботы;

– *принцип «волшебных палочек»*, таковыми и стали способы обеспечения солидарности (в том числе регулярный дележ добытой в дальних местах пищи), напоминание ситуаций, опасностей и возможностей, приемов защиты и добычи, способы коммуникации через членораздельные звуки, изобретение орудий для любых новых задач, передача опыта поколениям.

Развитие и сочетание этих структур – социальных взаимодействий, памяти и языка, фиксации внимания и коммуникации на ситуациях вне здесь-и-сейчас, орудий и прочих рукотворных приспособлений, передаваемого от поколения к поколению огромного опыта – породили такие заботы, для обеспечения которых в процессах генно-культурной коэволюции стали формироваться новые структуры, в том числе морфологические.

Потери, ведущие к обретениям: уменьшение размера челюстей и клыков

Хвостов наши предки и их ближайшие родственники (австралопитеки и проч.) лишились, вероятно, еще раньше – при жизни на деревьях, где на нижнем ярусе вертикальное лазание с опорой на нижние конечности сделало хвосты ненужными. У тех же горилл, шимпанзе, орангутангов уже нет хвостов.

Иначе обстоит дело с мощными челюстями, устрашающими клыками. Переход в мясной пище, особенно ее тепловая обработка сделали ненужными большие жевательные зубы с сильной мускулатурой для перетирания грубой растительной пищи. Пища, приготовленная на огне, открыла путь изменениям челюстей, зубов и вообще всего пищеварительного аппарата. Дубины и каменные орудия стали лучшим оружием, чем клыки.

Клыки также играют важную роль в стычках как средство отпугивания, заявления о своей силе и агрессивном настрое. Это характерно для многих хищников, а также для «низших» обезьян типа макак (туристам обычно советуют не улыбаться при посещении обезьяньих питомников, поскольку наши улыбки воспринимаются макаками именно как выражение угрозы). Однако у шимпанзе и некоторых других крупных обезьян есть некое подобие улыбки, когда обнажение зубов, в том числе взаимное, уже означает примирение и солидарность. Наконец, у современных людей открытая улыбка, смех обычно выражают эмоции, противоположные агрессии.

Проведем аналогию с играми детенышей хищников, только не тех, которые друг друга убивают (например, гиены), а которые дружат, а иногда и сохраняют дружбу до зрелого возраста (например, как братья-львы, вырастающие и сообща ищущие себе новый прайд). Главные элементы в игре таких львят, волчат, медвежат являются набрасывание друг на друга и легкое покусывание, причем целятся они, как

правило, в шею, холку – ровно те действия, которые потом будут применяться на охоте.

Переход от устрашающего оскала к смеху и улыбкам как знакам приятия и солидарности мог происходить по тому же сценарию. «Будто бы я тебя устрашаю, но на самом деле это игра и я вовсе не намерен тебя загрызть». Такая поведенческая структура не могла появиться просто так, но явно обеспечивала некий жизненно важный для группы *предмет заботы* – установление и поддержание прочной солидарности между членами. Такие отношения солидарности особенно важны как для совместной воинственной сплоченности при встрече с внешней угрозой (крупным хищником, агрессивными чужаками), так и для дележа добычи.

По мере того как обнажение зубов меняло функцию с устрашения на знак солидарности, крупные клыки стали помехой. Вероятно, здесь большую, если не основную, роль сыграл уже половой отбор. Совокупиться, тем более, составить пару с особо клыкастым кавалером или клыкастой дамой страшно, тогда как улыбчивые обладатели менее страшных челюстей обретают большие шансы.

В магистральной линии антропогенеза, как правило, потери сопровождались обретениями. Утрата больших челюстей, зубов и клыков сделала ненужной соответствовавшую им мускулатуру, а значит, и гребни, валики, толстые стенки черепа, что позволило мозгу существенно увеличиться [11, 12].

От теплых шкур – к нагим телам

Причина потери нашими предками волосяного покрова – одна из наиболее популярных тем в теории антропогенеза. Существуют десятки версий, многие из которых отвергнуты, но ни одна до сих пор не доказана. Есть концепция *неотении* – сходство с детенышами не только в особо длительном росте мозга – до 22–25 лет, но и в сохранении голого тела. Была выдвинута весьма экзотическая *эвацическая* теория лишения волос в период прибрежной жизни наших предков, когда они, проводя много времени в воде, лишились шерсти подобно дельфинам и китам. Утрату волос объясняют также потребностью избавиться от блох и прочих паразитов, которые мучили (пре)гоминид, когда те обзавелись стойбищами. Причину этого также связывают с овладением огнем, что позволяло греться у очага, с одеждой, сделавшей шерсть ненужной и т.д. Проведено множество исследований с моделированием и сложными расчетами для проверки гипотез о роли волос и голого тела при разных температурах, с разным уровнем солнечного излучения, в разное время суток и т.д.

Все это детально описано в занимательной книге А. Соколова [13]. Мы же рассмотрим наиболее убедительные версии и попытаемся объединить их на основе эволюционных принципов и с привлечением дополнительных теоретических схем и соображений.

Модель «эстафета наготы» – синтез концепций

Наиболее правдоподобные концепции оказываются логически связанными. Покажем, что голое тело

последовательно меняло функции, иными словами, эта волшебная палочка как бы передавалась новым заботам, как в эстафете.

Самая зыбкая гипотеза – неотения, согласно которой взрослые особи получают некоторые детские черты. Детеныши некоторых приматов, например шимпанзе, рождаются почти голыми. Если тот же признак был у древних гоминид, то лишение волос можно трактовать как неотению. Есть некоторые доводы в пользу этой версии. Известная грациализация черепа, который стал более вытянутым, гладким, лишенный гребней и валиков, явно сближает черепа более поздних форм с детскими черепами. Опять же устранение огромных челюстей со страшными клыками (см. выше) – это тоже эволюционный сдвиг.

Сопоставим археологические наблюдения с этологическими трактовками генезиса особо доброжелательного и неагрессивного поведения, характерного для наших ближайших родственников (наряду с шимпанзе) – бонобо. Этот эволюционный процесс был назван самоодмашиванием (*self-domestication*), поскольку имеет любопытное сходство с искусственным отбором, благодаря которому появились наши любимые питомцы: собаки, кошки и лошади. Главная задача этого отбора – отсеивание агрессивных, диких, непослушных особей и максимальное разведение мирных, ласковых, поддающихся дрессировке. Согласно такой трактовке в сообществах бонобо происходили следующие процессы [14]:

- 1) самки составляли крепкие коалиции друг с другом;
- 2) усилия самцов в доминировании или принуждении самок наталкивались на сопротивление коалиций самок;
- 3) агрессия самцов по отношению к самкам и другим самцам наносила ущерб уровню адаптации группы;
- 4) менее агрессивные самцы, объединенные с родственными самками, получали больший репродуктивный успех.

Поскольку в группах древнейших охотников-собирателей женские особи оставались на стойбищах или в пещерах с детьми, совместно занимались сбором пищи, то резонно предположить складывание их коалиций, которые защищали каждую от агрессии, насилия, а также поощряли неагрессивных кавалеров. Опять же заметим, что добрый нрав, готовность дружить, играть, заниматься вместе приятными делами – вполне детская черта. Так что половой отбор здесь шел по линии неотении.

Теперь вновь вообразим первые долгие тысячелетия стресса, когда прегоминиды вынужденно спустились с деревьев, толком не умели ходить (не то что бегать за добычей), еле-еле мастерили первые примитивные орудия и ввели, вероятно, полуголодное существование. Не исключено, что верховенствовали в тот период было также женские коалиции, поскольку основное количество еды добывалось собирательством, первенство в котором всегда принадлежало женскому полу.

Однако и без гипотезы «исконного матриархата» посредством какого-то жесткого негативного отбора отсеивались агрессивные драчливые самцы с устра-

шающими клыками, черепными гребнями и валиками. Перманентная *групповая забота* поддержания внутреннего мира и солидарности в полном угроз и опасностей окружении представляется наиболее правдоподобным стимулом для такого отбора.

Если принять во внимание и то, что у шимпанзе и бонобо младенцы рождаются почти голыми, то изменения черепа и поверхности кожи оказываются сопряжены в общем сдвиге к неотении. В тот период (7–1 млн лет назад) шерсть могла только начать редеть или же продолжать редеть, поскольку у всех крупных обезьян сегодня шерсть более редкая, чем у их малолетних предков [13].

Архантропы и палеоантропы, переселившиеся в Евразию, скорее всего, были достаточно мохнатыми. Специальные скребла для обработки шкур и иголки еще не появились [11], поэтому считается, что шить одежду палеоантропы не умели, также не осталось от них и свидетельств строительства надежных жилищ. При этом они как-то выживали в холодном климате, тем более при наступлении ледников.

Радикальный переход от шерстяного покрова к голой коже логично отнести к эпохе бурной сапиентации в Африке, прежде всего, Восточной (примерно 800–200 тыс. лет назад). Тогда мужские коалиции овладели эффективным оружием, научились охотиться, вероятно, стали доминировать во многих группах.

Среди множества версий лишения волос на теле наиболее правдоподобно объяснение через потребности выживания при вынужденной необходимости дневной охоты на жаре [13]. Трудность, связанная с сохранением шерсти у других видов, в том числе хищников, преодолевается следующим образом. Чтобы догнать добычу или хотя бы вымотать ее долгим преследованием (как до сих пор охотятся бушмены), нужно было при этом не стать жертвой перегрева. Это обстоятельство было исключительно сильным селективным давлением. Радикальность трансформации указывает на суровость отбора, что означает гибель тех, кто не приспособился. Решением – комплексной *обеспечивающей структурой* – стало сочетание исчезновения шерсти, появление гораздо более частых и развитых потовых желез и слоя подкожного жира, который в какой-то мере защищал от переохлаждения в темное время суток.

Внутри каждой группы древних гоминид наиболее выносливыми и удачливыми охотниками оказывались мужчины, которые меньше перегревались благодаря тому, что «опережали» соперников в «гонке» лишения волосного покрова. Предполагается вынужденная сплоченность каждой группы, где члены ее научились делиться едой, а значит, отбор внутри группы не мог быть слишком жестким.

Иное дело – групповой отбор. Резонно предполагать большое разнообразие адаптаций – приспособительных структур в ответ на трудности вынужденного наземного существования. Далеко не все группы пошли по пути через лишение волосного покрова и усиленное потоотделение для преодоления перегрева. Многие группы архантропов, палеоантропов или их предков перебирались в Евразию с более умеренным климатом.

Однако оставшиеся в Африке группы покрытых шерстью гоминид были вытеснены или истреблены

теми, чье развитие пошло по пути лишения волосного покрова. Здесь действовал принцип геополитической динамики: более многочисленные и богатые ресурсами группы мирным путем посредством борьбы занимают территории меньших и более бедных ресурсами групп [15. С. 78–130]. Группы с более выносливыми охотниками лучше кормились, были гораздо многочисленнее, шире расселялись, получали доступ к сырью для изготовления каменных орудий – ведь пища и орудия в ту эпоху и составляли главные ресурсы.

Здесь может возникнуть следующее возражение: плотность населения была еще очень невелика, столкновения поэтому были редкими, а значит, о борьбе за территорию, о геополитике говорить некорректно.

Будем опираться на *принцип отсутствия полных эволюционных разрывов*. Все социальные животные, включая наиболее близких нам шимпанзе и горилл, защищают свою территорию от соперников, борются за нее. Если они не способны выстоять – мигрируют, вытесняются. Также поступают и все известные нам человеческие сообщества. Исчезновение этого поведенческого паттерна в эпоху антропогенеза представляется невероятным не только в теоретическом плане, но и учитывая исчезновения всех (!) боковых линий, кроме ведущих к нашему виду.

Что же касается малонаселенности, то данная характеристика не абсолютная, она всегда привязана к количеству ресурсов на территории и технологиям их добычи. При скудости ресурсов и слабых технологиях только очень большая территория может прокормить отдельную группу, причем эту территорию также приходится защищать. При обилии ресурсов и/или прогрессе технологий добычи идет рост населения, тогда группы разделяются и борьба за территорию обостряется. Поскольку внутри нашего вида не известно ни одной шерстистой популяции, то резонно предполагать весьма высокую плотность столкновений, конфликтов и метисаций в критический период анатомической сапиентации.

Не исключено, что происходила также ассимиляция. Брутальный принцип известных в истории войн состоит в том, что победители истребляют мужчин из проигравшего вражеского сообщества (нередко также подростков и мальчиков), а девушек и женщин захватывают, превращая в жен или наложниц. Тот же принцип действует среди многих видов животных (например, у львов), а также у тех видов обезьян, в которых случаются «войны» между группами, или «бандами» (шимпанзе, бабуины). Согласно тому же *принципу отсутствия полных эволюционных разрывов* следует предполагать подобные практики и у наших далеких предков. Поэтому конфликты между группами не исключали обмен генами (с теми же неандертальцами и денисовцами, как показали палеогенетические исследования [16, 17]).

Главная проблема голых тел (слишком холодно при низкой температуре, в том числе по ночам в африканских саваннах) создавала новые предметы заботы и согласно *принципу спиралей* требовала новых – вторичных – обеспечивающих структур. В разных группах вполне могли приспособиться к условиям следующим образом: лись друг к другу по ночам, ис-

пользовали огонь для обогрева, накапливали подкожный жир, использовали шкуры, чтобы укрываться от холода, селились в пещерах, а позже – изготавливали одежду и строили жилища.

Согласно *принципу преимущества разнообразия наличных структур* выигрывали и выживали те группы, которые больше сталкивались и заимствовали как гены, так и поведенческие практики друг у друга. Когда были обретены эти структуры, в соответствии с принципами *канализированности эволюции* и *прекращения поиска при успехе* голое тело сапиенсов уже не могло быть подвергнуто отрицательному отбору даже при перемещении в холодные области Евразии, поэтому и сохранилось до наших дней.

Голое тело как структура, вначале обеспечивавшая одну заботу (предохраняться от перегрева во время погони), приобрело несколько новых важных функций и стало, наряду с мозгом, умелой кистью, языком и сознанием, значимой волшебной палочкой.

Эффект фишеровского «убегания» [8] в половом отборе, вероятно, действовал, но отнюдь не вследствие «случайной мутации», а ровно потому, что голое тело стало маркером престижа, победительности и надежд на сытую жизнь. Родительский отбор в практиках инфантицида (кого из детей оставлять жить, а кого уже не прокормить), как обычно, следовал за половым, т.е. использовались те же критерии голого тела как маркера красоты и потенциального жизненного успеха [13].

Среди новых функций голого тела важнейшими представляются зрительная привлекательность и чувствительность кожи [9, 13, 18].

Покрывистость отдельных участков тела волосами, эротическая призывность волос на голове, особенно у женщин, сигнальное значение волос подмышками, в паху, на груди у мужчин объясняются *принципом контрастности*. В зрительном восприятии (и не только) сигнальным значением для инстинктивных реакций зачастую обладает не сама однотонная характеристика, а контраст, четкая различимость зрительных пятен, в частности цветов, светлого и темного, белого и цветного.

Со всей вероятностью действовал также отрицательный половой отбор: чрезмерная волосатость кавалеров и особенно дам вызывала отторжение, тормозила или даже блокировала сексуальное влечение (впрочем, так происходит и сегодня).

Что касается причин лишения волос женскими телами, то здесь гипотеза «жаркой африканской охоты» не релевантна. Поэтому остается предположить, что в конкуренции за мужское внимание побеждали те дамы, кто с большим успехом демонстрировал грудь и ягодицы.

Нередко указывают на значимость объема женских бедер при деторождении, развитость молочных желез – для вскармливания. Однако следует различать биологическую функцию сигнала и его психофизиологическое воздействие на реципиента. В половом отборе первостепенное значение нередко имеет второй элемент, тогда как первый может вовсе отсутствовать или даже стать дисфункциональным, как, например, величина и яркость хвоста у самцов-

павлинов. В любом случае женская фигура является сексуально привлекательной на любой стадии антропогенеза. Что касается, предположительно, более утилитарных (направленных на гарантии репродуктивности) мотивов выбора невест или невесток при брачной политике, то эти практики относятся к гораздо более поздним эпохам, чем главные морфологические преобразования, о которых идет речь в статье.

Эти главные притягательные формы, вероятно, появились после обретения двуногой вертикальной походки [18] в сопряжении с лишением волос на теле и задолго до появления одежды. Выигрывали в состязании за мужское внимание те дамы, чьи соблазнительные формы не были скрыты сплошным волосным покровом. В пользу этого предположения говорит неизбежная сигнальная мощь обнаженного женского тела для мужской психики и сексуального возбуждения и в наши дни, что свидетельствует о глубинной, инстинктивной, а значит, весьма и весьма древней природе этой пары «сигнал – реакция».

Общий для всех обезьян, вероятно, и для самых ранних гоминид груминг (выискивание друг у друга насекомых в шерсти) не мог бесследно пропасть. Согласно *принципу отсутствия полных эволюционных разрывов*, для той же социальной заботы (получения расположения партнера, укрепления солидарности) должна была появиться новая обеспечивающая структура. Понятно, что речь идет о чувствительности голой кожи и эмоциональной значимости прикосновений, ласк как между родителем и ребенком, так и между сексуальными партнерами [9, 12, 13]. Объятия, выражающие родственную и дружескую солидарность, перешли от самых древних приматов к людям практически без изменений, разве что их значимость еще более выросла в эротическом и сексуальном взаимодействии.

Здесь, вероятно, действовали механизмы *генно-культурной коэволюции* и *многоуровневого отбора* с обратными положительными связями, поскольку лишение волос на теле увеличивало чувствительность к ласкам, что меняло поведенческие практики в сексуальном общении, эротические эмоции и отношения между партнерами. При этом действовал и обратный эволюционный вектор неуклонно растущего в поколениях предпочтения партнеров с голыми чувствительными телами.

Не будем полностью отвергать «паразитарную гипотезу», согласно которой мы избавились от шерсти для того, чтобы освободиться от вшей и блох, подобно тому как принято (что вполне эффективно) наголо брить голову при такой напасти. В качестве единственного или главного объяснения данная версия не годится, поскольку остальные приматы, также страдающие от паразитов, обошлись без утери шерсти. Но в качестве третьестепенного, дополнительного фактора эта гипотеза вполне приемлема. Наша волшебная палочка и здесь оказалась полезной. Как только мы свяжем наличие/отсутствие нательных паразитов с групповым и половым отбором, так сразу можем представить разительный контраст между нервными, раздраженными, постоянно чешущимися завшивленными субъектами обоих полов (более волосатыми) и

избавленными от паразитов, спокойными, гордыми, уверенными в себе, доброжелательными кавалерами и дамами (более голыми).

Мужские бороды и двушаговый отбор

Говоря о волосах, нельзя обойти тему облысения, седины и бороды у мужчин. Версии о приспособительном значении первых двух представляются сомнительными. Склонность к облысению явно наследуется, причем генные основания этого признака, вероятно, жестко скреплены с какими-то другими участками генома, но особо не меняются, поскольку это явление наблюдается обычно в старшем возрасте и не подвергается отбору. Иными словами, облысение (наиболее частое у европейцев) является побочным эффектом каких-то сохранившихся мутаций, полезных или нейтральных [13].

Сомнительно также приспособительное значение седины; вероятно, данном случае волосы просто деградируют с возрастом, как кожа и внутренние органы, что «Природу» никак не волнует, поскольку репродуктивный возраст обычно уже позади. Мужская седина не особо отталкивает дам. Женская седина сигнализирует о снижении или даже прекращении фертильности, но сама седина вряд ли является адаптацией.

С бородой вопрос интереснее. Сложно сказать, верна ли идея замены бородой прежней крупной клыкастой челюсти, но однозначно обладатели больших густых бород выглядят более устаревшими, мужественными и даже грозными. Существенным моментом является разная густота бороды и усов в между представителями разных рас и более мелких этнических групп. Бороды, весьма контрастные по отношению к голым участкам лица и тела, вероятно, начинают свою историю с той же эпохи лишения волос на теле. В некоторых популяциях некие процессы вели к бурному развитию бородатости, а в других популяциях (например, заселивших позже самые восточные части Евразии) таких процессов не происходило.

Большие густые бороды, честно говоря, не обладают особо полезными функциями – укрывать подбородок от холода можно так же, как и остальные части головы. Поэтому бородатость мужчин наталкивает на мысль об эффекте фишеровского «убегания». Трудность простейшей версии полового отбора состоит в том, что многочисленные исследования женских предпочтений так и не выявили надежных преимуществ обладателей густой бороды в плане сексуальной привлекательности [13].

Решение, на мой взгляд, состоит, в выходе за обычные рамки эволюционного мышления. Отбор может осуществляться не за один шаг (какие характеристики привлекают потенциальных партнеров другого пола), а за два. Некоторые черты индивида на *первом шаге* способствуют повышению его социального престижа, занятию определенной позиции в однополой группе, а уже это положение дает на *втором шаге* существенное преимущество в доступе к другому полу, а значит, и выигрыш в половом отборе.

Сопоставим эту схему с известными ритуалами инициации – суровыми испытаниями юношей для

обретения ими статуса взрослых мужчин. Учтем, что в трудных и опасных предприятиях, таких как охота, набег или участие в войне, взрослые вооруженные мужчины всегда сплачивались, укрепляли доверие друг к другу, поскольку уверенность в умелости и стойкости соратника в таких делах совершенно необходима.

Такая сплоченная коалиция зрелых кавалеров вполне была способна монополизировать сексуальный доступ к дамам и отгонять от них юнцов, пусть уже вполне готовых к соитию и даже пользовавшихся дамскими симпатиями. В таких сообществах наличие бороды было «входным билетом» во взрослый клан или, по крайней мере, заявкой на готовность к прохождению испытания.

Чем жестче был такой фильтр для включения и чем строже безбородые отстранялись от сексуального общения, тем вернее густая борода способствовала доступу ее носителя к дамам и распространению своих генов – к пущей бородатости потомков. И наоборот, если такие сплоченные группы взрослых мужчин по каким-то причинам не складывались, использовали другие фильтры приема в свой круг или же не монополизировали сексуальный доступ к дамам, тогда густота волос в нижней части лица кавалера уже никак не влияла на социальное положение, сексуальный успех и распространение генов. В таких группах и популяциях бороды оставались жидкими, несерьезными.

Гипотеза эстафеты: направления проверки

Остается только наметить пути операционализации основных положений комплексной гипотезы, способы ее проверки, которые приведут либо к ее подкреплению, либо к отвержению (фальсификации), либо к существенному уточнению. Поскольку о самой волосатости или наготы кожи предковых форм никаких данных нет и не ожидается, придется довольствоваться только косвенными приемами, обращаясь к другим эпохам и даже к другим видам. Направления поиска удобнее всего сформулировать в виде вопросов:

Действительно ли в случаях эволюционного развития в направлении неотении среди других видов, грациальным изменениям черепа сопутствует лишение волосаного покрова?

Верно ли, что народы с большей краниологической грациальностью имеют и меньшее количество волос на теле?

Верно ли, что племена, в которых охотники в жаркой местности ведут днем долгую охоту, преследуя и загоняя дичь, более безволосы, чем те, кто охотится в более прохладной местности и другими способами?

Являются ли маркеры мужского престижа среди охотников и воинов сексуально привлекательными для женщин?

Выражается ли эта зависимость в большем репродуктивном успехе успешных охотников и воинов?

Действительно ли родительская любовь, забота больше в отношении детей с признаками, которые являются в данном сообществе сексуально привлекательными на «брачном рынке»?

С учетом довольно широкого разнообразия отсутствия/густоты волосаного покрова на теле представителей разных этнических групп, верно ли, что продолжительность ласк через прикосновения к телу, поглаживания и проч., их положительное эмоциональное воздействие больше среди этнических групп с более голой кожей, чем с более волосатой?

Верно ли, что в сообществах, где доминируют сплоченные и воинственные мужские коалиции, чаще имеет место культ густой бороды, реже бреются, чаще высмеивают обладателей щуплых бород, выигрывают у них в брачной конкуренции?

И наоборот, там, где сильны женские коалиции, действительно ли бóльшим успехом и спросом на

брачном рынке пользуются бритые, похожие на юношей, неагрессивные мужчины?

Итак, сформулированные принципы биосоциальной эволюции позволяют реконструировать достаточно логичные и осмысленные механизмы формирования главных морфологических новаций в антропогенезе, причем, как и следовало ожидать, теснейшим образом сопряженные с развитием поведенческих практик, ментальных установок и социальных отношений. Признание гипотетического статуса приведенных рассуждений не лишает их научного характера, тем более что основные положения фальсифицируемы, поскольку показаны возможности и пути их операционализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гемпель К. Функция общих законов в истории (Первоначально опубликовано в 1942 г.) // *Время мира*. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. Новосибирск, 2000. С. 16–31.
2. Гринин Л.Е., Марков А.В., Коротаев А.В. Ароморфозы в живой природе и обществе: опыт сравнения биологической и социальной форм макроэволюции // *Эволюция: космическая, биологическая, социальная* / под ред. Л.Е. Гринина, А.В. Маркова, А.В. Коротаева. М.: URSS, 2009. С. 176–225.
3. Тойнби А. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.
4. Stinchcombe A. *Constructing Social Theories*. Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1987
5. Иорданский Н.Н. Факторы эволюционного прогресса // *Эволюция: космическая, биологическая, социальная* / под ред. Л.Е. Гринина, А.В. Маркова, А.В. Коротаева. М.: URSS, 2009. С. 153–175.
6. Ламсен Ч.Дж., Уилсон Э. Прометеев огонь. Размышления о происхождении разума. М.: УРСС : ЛЕНЛАНД, 2017. 304 с.
7. Richerson P.J., Boyd R. Cultural inheritance and evolutionary ecology // *Evolutionary Ecology and Human Behavior* / eds. by E.A. Smith, B. Winterhalder. New York : Aldine de Gruyter, 1992. P. 61–92.
8. Фишер Р. Генетическая теория естественного отбора / пер. с англ. Л.С. Ванаг, Е.И. Фукаловой. М.: Ижевск : Институт компьютерных исследований – R&C Dynamics, 2011.
9. Даймонд Дж. Третий шимпанзе. М.: АСТ, 2013.
10. Раутиан А.С. Букет законов эволюции // *Эволюция биосферы и биоразнообразия*. К 70-летию А.Ю. Розанова / под ред. С.В. Рожнова. М.: КМК, 2006. С. 20–38.
11. Вишняцкий Л.Б. Как Homo стали sapiens. Происхождение и ранняя история нашего вида. М.: Российский гуманитарный научный фонд, 2014.
12. Дробышевский С.В. Достающее звено. Книга вторая : Люди. М.: АСТ ; CORPUS, 2017.
13. Соколов А.Б. Странная обезьяна. Куда делась шерсть и почему люди разного цвета. М.: Альпина нон-фикшн, 2020.
14. Hare B., Wobber V., Wrangham R. The self-domestication hypothesis: evolution of bonobo psychology is due to selection against aggression // *Animal Behaviour*. 2012. Vol. 83. P. 573–585.
15. Коллинз Р. Макроистория: опыты социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015.
16. Пзабо С. Неандерталец : в поисках исчезнувших геномов. М.: Corpus (ACT), 2018.
17. Марков А. Эволюция человека. Кн. 2 : Обезьяны, нейроны и душа. М.: Corpus (ACT), 2011.
18. Моррис Д. Голая обезьяна. СПб.: Амфора ; Эврика, 2001.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 сентября 2020 г.

The Principles of Biosocial Evolution and the Main Morphological Innovations in Anthropogenesis

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 180–188.

DOI: 10.17223/15617793/470/21

Nikolay S. Rozov, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: nrozov@gmail.com

Keywords: anthropogenesis; biological evolution; social evolution; morphological changes; principles of evolution; sapientation.

The theoretical reconstruction of the mechanisms of the main morphological changes in anthropogenesis is carried out on the basis of combining the principles of biological and social evolution. A. Toynbee’s “challenge–response” scheme and A. Stinchcombe’s “homeostatic variable – providing structure – costs and tensions that generate new needs and concerns” construction provide a “common denominator” for the integration of these principles. Organic structures and instincts are formed through mutations, sexual and group selection (Darwinian evolution), while structures of behavior including the psyche are formed much faster, they can be flexibly changed or even purposefully constructed on the basis of patterns transmitted through cultural channels (Lamarckian evolution). The principles of biosocial evolution formulated on this basis include the following ideas and provisions: the occurrence of radical transformations through responses to challenges with rigid group and sexual selection; the absence of complete gaps between the starting and ending points of an evolutionary period; the advantage of clashing varieties; the advantage of a variety of available structures in the body and behavior; the spiral of selection i.e. the generation of new concerns and challenges due to the costs of operating structures; the predominant use of “magic wands” as potentially multifunctional structures; the principle of genetic-cultural co-evolution; the principle of multilevel selection; the principle of canalized evolution; the termination of search for new structures due to the success of the previous ones. The initial long-term driver of radical changes was the stress of the transition of ancient hominids to terrestrial life and upright walking, when they became vulnerable to large terrestrial predators and had to find food in some new ways. Intra-group solidarity and coordination of behavior, special ingenuity and learning ability became the main supporting structures of the corresponding concerns. New concerns and practices coupled with changing environmental conditions

have led to selection pressures and radical morphological innovations. On the basis of the formulated principles of evolution, the mechanisms of such changes as the loss of powerful jaws with large canines, brain development, anatomical changes in the skull and hands, deprivation of hair on the body were reconstructed.

REFERENCES

1. Hempel, C.G. (2000) Funktsiya obshchikh zakonov v istorii [The function of general laws in history]. Translated from English. *Vremya mira*. 1. pp. 16–31.
2. Grinin, L.E., Markov, A.V. & Korotaev, A.V. (2009) Aromorfozy v zhivoy prirode i obshchestve: opyt sravneniya biologicheskoy i sotsial'noy form makroevolyutsii [Aromorphoses in living nature and society: the experience of comparing biological and social forms of macroevolution]. In: Grinin, L.E. et al. (eds) *Evolutsiya: kosmicheskaya, biologicheskaya, sotsial'naya* [Evolution: cosmic, biological, social]. Moscow: URSS. pp. 176–225.
3. Toynbee, A. (1991) *Postizhenie istorii* [A study of history]. Translated from English. Moscow: Progress.
4. Stinchcombe, A. (1987) *Constructing Social Theories*. Chicago; London: The University of Chicago Press.
5. Iordanskiy, N.N. (2009) Faktory evolyutsionnogo progressa [Factors of evolutionary progress]. In: Grinin, L.E. et al. (eds) *Evolutsiya: kosmicheskaya, biologicheskaya, sotsial'naya* [Evolution: cosmic, biological, social]. Moscow: URSS. pp. 153–175.
6. Lumsden, C.J. & Wilson, E.O. (2017) *Prometeev ogon'*. *Razmyshleniya o proiskhozhdenii razuma* [Promethean Fire: Reflections on the Origin of Mind]. Translated from English. Moscow: URSS: LENLAND.
7. Richerson, P.J. & Boyd, R. (1992) Cultural inheritance and evolutionary ecology. In: Smith, E.A. & Winterhalder, B. (eds) *Evolutionary Ecology and Human Behavior*. New York: Aldine de Gruyter. pp. 61–92.
8. Fisher, R. (2011) *Geneticheskaya teoriya estestvennogo otbora* [The genetical theory of natural selection]. Translated from English by L.S. Vanag, E.I. Fukalova. Miroslav; Izhevsk: Institut komp'yuternykh issledovaniy – R&C Dynamics.
9. Diamond, J. (2013) *Tretiy shimpanze* [The third chimpanzee]. Translated from English. Moscow: AST.
10. Rautian, A.S. (2006) Buket zakonov evolyutsii [A bouquet of laws of evolution]. In: Rozhnov, S.V. (ed.) *Evolutsiya biosfery i bioraznoobraziya. K 70-letiyu A.Yu. Rozanova* [Evolution of the biosphere and biodiversity. To the 70th anniversary of A.Yu. Rozanov]. Moscow: KMK. pp. 20–38.
11. Vishnyatskiy, L.B. (2014) *Kak Homo stali sapiens. Proiskhozhdenie i rannaya istoriya nashego vida* [How Homo Became Sapiens. Origin and Early History of Our Species]. Moscow: Rossiyskiy gumanitarnyy nauchnyy fond.
12. Drobyshevskiy, S.V. (2017) *Dostayushchee zveno* [The reaching link]. Book 2. Moscow: AST; CORPUS.
13. Sokolov, A.B. (2020) *Strannaya obez'yana. Kuda delas' sherst' i pochemu lyudi raznogo tsveta* [The strange monkey. Where did the wool go and why people are of different colors]. Moscow: Al'pina non-fikshn.
14. Hare, B., Wobber, V. & Wrangham, R. (2012) The self-domestication hypothesis: evolution of bonobo psychology is due to selection against aggression. *Animal Behaviour*. 83. pp. 573–585.
15. Collins, R. (2015) *Makroistoriya: opyty sotsiologii bol'shoy dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run]. Translated from English. Moscow: URSS.
16. Pääbo, S. (2018) *Neandertalets: v poiskakh ischeznuvshikh genomov* [Neanderthal Man: In Search of Lost Genomes]. Translated from English. Moscow: Corpus (AST).
17. Markov, A. (2011) *Evolutsiya cheloveka* [Human evolution]. Book 2. Moscow: Corpus (AST).
18. Morris, D. (2001) *Golaya obez'yana* [The Naked Ape]. Translated from English. St. Petersburg: Amfora; Evrika.

Received: 23 September 2020

ПЕДАГОГИКА

УДК 373.3

В.А. Захарова, К.Э. Безукладников, Б.А. Крузе

ОЦЕНКА ИНОЯЗЫЧНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства просвещения Российской Федерации рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации на реализацию прикладного научно-исследовательского проекта «Условия развития функциональной грамотности среди обучающихся в рамках реализации образовательных программ начального общего образования».

Актуализирована проблема оценки коммуникативных умений младших школьников как аспекта функциональной грамотности. Рассмотрены представленные в научной литературе подходы к структуре и классификации коммуникативных умений. Проведен сравнительный анализ структуры коммуникативных умений в действующем федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования и в проекте новой редакции стандарта. Приведены результаты эмпирического исследования сформированности коммуникативных умений младших школьников.

Ключевые слова: коммуникативные умения; функциональная грамотность; начальное общее образование; младший школьник; оценка коммуникативных умений.

Введение

Формирование функциональной грамотности у учащихся общеобразовательных учреждений – одна из актуальных проблем современной науки и практики. Национальный проект «Образование» ставит целью обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, вхождение России в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования. Соответствующий целевой показатель рассчитывается по итогам участия российских школьников в международных исследованиях качества образования PIRLS, TIMSS, PISA, одним из аспектов которых выступает функциональная грамотность [1].

В научной отечественной и зарубежной литературе понятие функциональной грамотности определяется по-разному, но все дефиниции содержат общий признак – соотношение приобретаемых в школе знаний и умений с возможностью использовать их для решения жизненных задач. Так, в современной психологии (А.А. Леонтьев) приводится следующая дефиниция: функциональная грамотность – умение использовать приобретаемые знания, умения и навыки для решения широкого диапазона жизненных задач в различных сферах человеческой деятельности [2]. В документах международного исследования качества образования PISA исследуется достаточность школьных знаний и умений для функционирования в современном обществе, для решения задач в различных сферах человеческой деятельности, общения и социальных отношений [3].

В глоссарии ЮНЕСКО функциональная грамотность характеризуется как способность человека участвовать во всех тех видах деятельности, в которых требуется грамотность для эффективного функционирования самого человека или группы, сообщества, а также для того, чтобы позволить ему или ей продолжать использовать чтение, письмо и вычисле-

ния для его или ее собственного (и сообщества) развития [4].

Как аспект функциональной грамотности коммуникативные умения рассматриваются в том или ином виде: как речевые умения (структура оценки функциональной грамотности в Великобритании) [5], смысловое чтение (Международные исследования качества образования PISA [6], PIRLS [7]). В контексте функциональной грамотности коммуникативные умения связаны с решением жизненных, практических задач.

Необходимость и возможность формирования функциональной грамотности младших школьников трактуется неоднозначно. Большая часть ученых указывают на приоритетную задачу начальной школы в части формирования элементарной грамотности (умения чтения, письма, счета и т.п.) [8]. Акцент в части формирования функциональной грамотности присутствует в контексте уровня основного общего образования, что отражает международное исследование качества образования PISA, проводимое на выборке 15-летних учащихся.

Анализ научной литературы и практики показал, что выделяются различные составляющие функциональной грамотности.

На наш взгляд, данная проблема требует осмысления и исследования в плане преемственности уровней начального и основного общего образования. Попытка такого осмысления в аспекте коммуникативной составляющей функциональной грамотности сделана в настоящей статье. Материалы статьи опираются на логику развертывания ключевых понятий через их соотношение в следующих дефинициях: *элементарная грамотность* как умение решать учебные задачи, *функциональная грамотность* как умение решать практические задачи с использованием полученных знаний, *компетентность* как умение решать профессиональные задачи [8].

Методология и методы исследования

Методологическими основаниями настоящей публикации выступили идеи научной школы «Антропоцентрические исследования современной парадигмы международного образования» [9] коммуникативный подход в обучении [10].

В процессе подготовки статьи использованы следующие исследовательские методы. Изучение психологической и педагогической литературы проведено методом мета-анализа в поисковой системе e-library и контент-анализа, где в качестве маркеров были выбраны сочетания «коммуникативные умения» и «коммуникативные действия». Контент-анализ также использован при сравнении структуры коммуникативных универсальных учебных действий в действующем ФГОС НОО и проекте новой редакции ФГОС НОО. В качестве методов теоретического исследования использовалась классификация, анализ и синтез, сопоставление. Эмпирическое исследование проводилось на основе разработанной критериально-ориентированной диагностики коммуникативных умений младших школьников в аспекте функциональной грамотности.

Основная часть

Анализ психологической и педагогической литературы. Рассмотрим различные точки зрения ученых на классификацию и формирование коммуникативных умений в фокусе формирования функциональной грамотности.

Проблема формирования коммуникативных учебных действий у младших школьников рассматривается значительным количеством авторов. В электронной библиотеке e-library обнаружено более 100 публикаций по теме.

Коммуникативные умения рассматриваются как предметные и как метапредметные умения (универсальные учебные действия).

В частности, коммуникативные умения относят к предметным умениям в методике преподавания иностранного языка и русского языка. О.А. Обдалова раскрывает коммуникативно-нарративную технологию с использованием на занятиях иностранного языка аутентичных ситуаций (соответствующих подлинным жизненным ситуациям) [11] и когнитивно-дискурсивную технологию обучения иноязычной коммуникации с учетом контекстуальной составляющей межкультурного общения [12]. С.К. Гураль подчеркивает, что в процессе оценки коммуникативной компетенции важно умение применять изучаемые иностранные языки на практике [13]. Обучение чтению младших школьников на уроках английского языка как составляющую коммуникативно-общественной деятельности, письменную форму общения, рассматривает И.В. Губанова [14]. Мы также исходим из понимания необходимости решения коммуникативных задач в ситуациях повседневного общения, приближенных к жизненным ситуациям в процессе преподавания иностранного языка [15].

Ряд авторов рассматривают коммуникативные умения как метапредметные умения. Е.Ю. Панина и

А.С. Данилова отражают взаимосвязь формирования коммуникативных умений как метапредметного результата с преподаванием иностранного языка в начальной школе как учебного предмета, выделяя в качестве эффективного приема коммуникативную задачу [16].

Е.А. Блохина, опираясь на работы А.Г. Асмолова, выделяет группы коммуникативных способностей, действий и умений:

- способность сознательно ориентироваться на позиции других людей (партнёра по общению или других детей);
- способность регулировать речевыми средствами собственную деятельность.

По мнению Е.А. Блохиной, способность сознательно ориентироваться на позиции других людей включает в себя следующие умения:

- общение и взаимодействие с партнёрами по совместной деятельности или обмену информацией, умение действовать с учётом позиции другого и умение согласовывать свои действия;
- организация и планирование учебного сотрудничества с учителем и сверстниками;
- работа в группе, включая ситуации учебного сотрудничества и проектные формы работы;
- следование морально-этическим и психологическим принципам общения и сотрудничества.

Способность регулировать речевыми средствами собственную деятельность включает следующие умения:

- использование адекватных языковых средств для выражения своих чувств, мыслей, побуждений и иных составляющих внутреннего мира в форме речевых высказываний;
- речевое отображение учеником содержания совершаемых действий в форме речевых значений с целью ориентировки предметно-практической или иной деятельности путем описания или объяснения [17].

Различны подходы авторов в классификации коммуникативных умений. Так, давая психолого-педагогическую характеристику коммуникативным универсальным учебным действиям, Г.Ш. Якупова выделяет умения: слушать и передавать информацию, принимая ее с нужным смыслом; понять другого; сопереживать, сочувствовать; адекватно оценить себя и других; принять мнение другого; решать конфликты; умение взаимодействовать с членами коллектива [18].

Л.Я. Лозолван выделяет следующие структурные элементы коммуникативных умений: эмпатийный (умение установить эмоциональный контакт в процессе общения, умение почувствовать эмоциональное состояние собеседника), деятельностный (использование коммуникативных знаний, умений, навыков в процессе общения, обогащение личного коммуникативного опыта), оценочный (самооценка личностных качеств, в том числе коммуникативных, оценка личностных качеств и коммуникативной деятельности сверстников). Соответственно, в качестве критериев оценки сформированности коммуникативных умений Л.Я. Лозолван выделены эмпатийный, креативно-деятельностный, оценочно-рефлексивный [19].

Отдельные группы исследуемых нами умений различными авторами рассматриваются не только в группе коммуникативных умений, но и в других

группах результатов обучения. В частности, Л.И. Ягодко относит навык смыслового чтения к информационным умениям [20].

Психолог О.Н. Мостова соотносит уровень сформированности тех или иных коммуникативных умений с типологией младших школьников как субъектов общения: эгоцентричный тип (слабо развиты умения вежливо обращаться к сверстникам, просить о помощи, помогать, благодарить, договариваться, подчиняться, слушать на уроке и в свободном общении), неуверенный тип (дефицитны умения командовать, отказывать, говорить перед классом и в свободном общении), дружелюбный тип (имеют определенные индивидуальные барьеры общения, которые влияют на развитие отдельных коммуникативных умений). О.Н. Мостова предлагает модель развития коммуникативных умений с учетом индивидуально-типологических особенностей младших школьников как субъектов общения в классе [21].

Особый интерес для нас представляет диагностика коммуникативных умений младших школьников и ее результаты. Данный вопрос рассматривает незначительное количество авторов. Так, диагностике и формированию смысловой стороны чтения в начальных классах посвящена статья О.В. Шабалиной, соотносящей умения элементарного чтения и смыслового чтения [22].

Таким образом, отметим, что в современной научной литературе не представлена единая точка зрения на объем и содержание исследуемого понятия. На наш взгляд, стоит более четко обозначить психологические и педагогические аспекты понятия *коммуникативные умения*. Психологические аспекты коммуникации: эмпатийный, оценочный, креативный можно отнести либо к предпосылкам формирования коммуникативных умений в аспекте функциональной грамотности, либо к результатам коммуникации.

С педагогической точки зрения целесообразно рассмотреть коммуникативные действия, которые применительно к образовательному процессу могут рассматриваться как умения или как навыки, в зависимости от степени автоматизации. Как коммуникативные умения можно рассмотреть: смысловое чтение, умение использовать языковые средства в коммуникативной ситуации, умение аргументировать свою точку зрения и др. Учителю начальных классов, как и учителю иностранного языка, работающему с младшими школьниками, важно понимать, какие коммуникативные умения необходимо формировать в начальной школе. Обратимся к структуре коммуникативных умений, представленных в Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования (ФГОС НОО).

Сопоставительный анализ структуры коммуникативных УУД в действующем ФГОС НОО и проекте новой редакции ФГОС НОО. В действующем ФГОС НОО коммуникативные учебные действия представлены как группа метапредметных результатов наряду с такими группами метапредметных результатов, как познавательные УУД и регулятивные УУД. В указанном документе метапредметные умения не разделены на группы, а даны общим блоком. Анализ структуры УУД в действующем ФГОС НОО показал, что к коммуникативным умениям могут быть отнесены такие умения:

- активное использование речевых средств и средств информационных и коммуникационных технологий для решения коммуникативных и познавательных задач;

- овладение навыками смыслового чтения текстов различных стилей и жанров в соответствии с целями и задачами;

- осознанно строить речевое высказывание в соответствии с задачами коммуникации и составлять тексты в устной и письменной формах;

- готовность слушать собеседника и вести диалог; готовность признавать возможность существования различных точек зрения и права каждого иметь свою;

- излагать свое мнение и аргументировать свою точку зрения и оценку событий;

- готовность конструктивно разрешать конфликты посредством учета интересов сторон и сотрудничества [23].

Проект новой редакции ФГОС НОО, предложенный для обсуждения в 2019 г. [24], был доработан по итогам десятилетней деятельности начальной школы в условиях реализации ФГОС НОО. В проекте новой редакции ФГОС НОО представлены, наряду с тремя группами метапредметных результатов, которые выделялись в действующем ФГОС НОО (коммуникативные, регулятивные и познавательные УУД), дополнительно две группы результатов, такие как умение участвовать в совместной деятельности и умение работать с информацией. Соответственно, изменилась структура коммуникативных УУД. В частности, к коммуникативным УУД в новой редакции ФГОС НОО отнесены следующие умения:

- осуществлять смысловое чтение текстов различного вида, жанра, стиля – определять тему, главную мысль, назначение текста (в пределах изученного);

- использовать языковые средства, соответствующие учебной познавательной задаче, ситуации повседневного общения;

- участвовать в диалоге, соблюдать правила ведения диалога (слушать собеседника, признавать возможность существования разных точек зрения, корректно и аргументированно высказывать свое мнение);

- осознанно строить в соответствии с поставленной задачей речевое высказывание; составлять устные и письменные тексты (описание, рассуждение, повествование) на темы, доступные младшему школьнику;

- готовить небольшие публичные выступления.

Сопоставление структуры коммуникативных УУД в действующем ФГОС НОО и проекте ФГОС НОО позволяет отметить, что отдельные умения, которые в действующем ФГОС НОО были отнесены к коммуникативным УУД, перенесены в другие группы метапредметных результатов в новой редакции стандарта. В частности, активное использование речевых средств и средств информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) для решения коммуникативных и познавательных задач в новой редакции ФГОС НОО отнесено к новой группе результатов – умению работать с информацией. Такой компонент, как готовность конструктивно разрешать конфликты посредством

учета интересов сторон и сотрудничества, перенесен также в новую группу метапредметных результатов – умение участвовать в совместной деятельности.

В проекте новой редакции ФГОС НОО исключены понятия, не относящиеся к умениям: формулировка «право иметь свою точку зрения», звучит как умение «корректно и аргументированно высказывать свое мнение».

Отдельные коммуникативные умения в новой редакции ФГОС НОО сформулированы с учетом возрастных особенностей младших школьников. Из этой же подгруппы исключено умение аргументировать оценку событий. Здесь можно согласиться с авторами новой редакции ФГОС НОО, указав два аспекта: во-первых, умение давать оценку событий относится скорее к регулятивным УУД, чем к коммуникативным, во-вторых, выходит за пределы возрастной нормы.

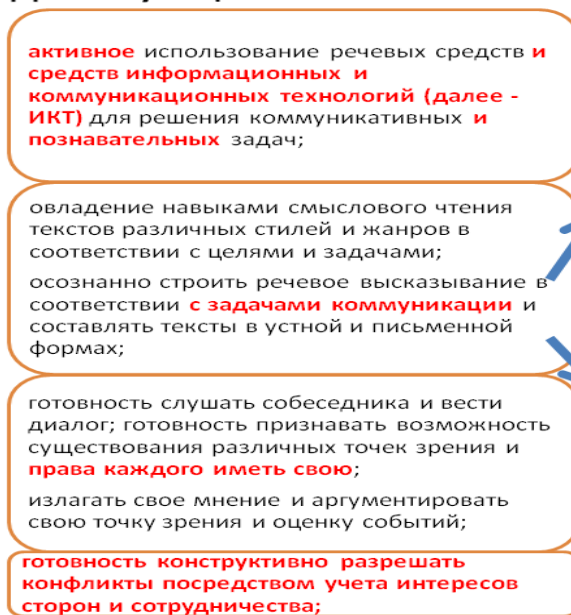
Так, более конкретное наполнение получила формулировка «овладение навыками смыслового чтения текстов различных стилей и жанров в соответствии с целями и задачами», в новой редакции ФГОС НОО отмечено, что выпускник начальной школы должен уметь «осуществлять смысловое чтение текстов различного вида, жанра, стиля – определять тему, главную мысль, назначение текста (в пределах изученного)».

Также конкретизирована формулировка первой подгруппы умений «активное использование речевых средств... для решения коммуникативных и познавательных задач», с учетом возможностей учащихся начальной школы из коммуникативных задач выделены ситуации повседневного общения. Соответственно, в новой редакции ФГОС НОО представлено умение «использовать языковые средства, соответствующие учебной познавательной задаче, ситуации повседневного общения».

В отдельную подгруппу коммуникативных умений выделено и конкретизировано умение «осознанно строить речевое высказывание в соответствии с задачами коммуникации и составлять тексты в устной и письменной формах», соответственно, в новой редакции ФГОС НОО определено, что выпускник начальной школы должен уметь «осознанно строить в соответствии с поставленной задачей речевое высказывание; составлять устные и письменные тексты (описание, рассуждение, повествование) на темы, доступные младшему школьнику».

Сравнение структуры коммуникативных универсальных учебных действий в действующем ФГОС НОО и проекте новой редакции ФГОС НОО можно представить графически (рис. 1).

Действующий ФГОС

Новый ФГОС (проект)

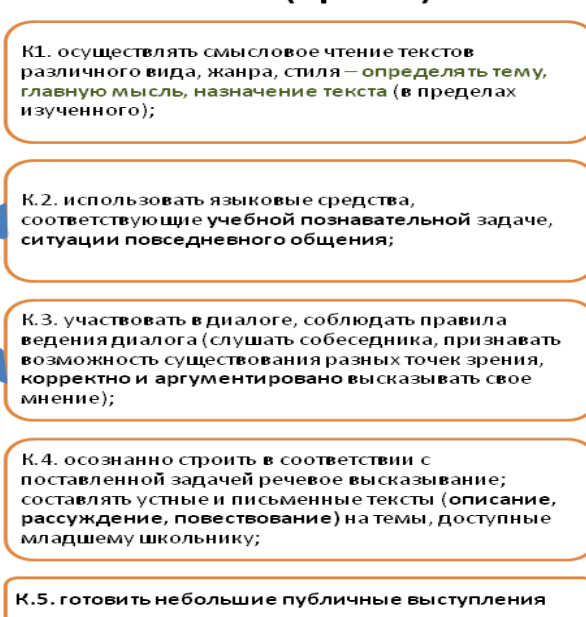

Рис. 1. Сравнение структуры коммуникативных универсальных учебных действий в действующем ФГОС НОО и проекте новой редакции ФГОС НОО

Эмпирическое исследование сформированности коммуникативных умений у младших школьников. Реализация ФГОС НОО предполагает наличие инструментария оценки соответствующих групп умений. В рамках проекта «Кластер качества ПГТПУ» в 2018/19 и 2019/20 учебном году проведено эмпирическое исследование, направленное на диагностику коммуникативных УУД у учеников начальной школы. Центром независимой оценки качества образования ПГТПУ разработан инструментарий – контрольно-измерительные материалы (КИМ). КИМ носил критериальный характер и со-

держал в качестве критериев оценки новые группы коммуникативных умений, выделенные в проекте новой редакции ФГОС НОО. Оценка коммуникативных УУД у учеников начальных классов проводилась на русском языке.

Отметим, что диагностические материалы подготовлены в контексте формирования функциональной грамотности: в основе КИМ лежит жизненная ситуация, требующая определенных коммуникативных умений. Структура заданий КИМ, предложенная в 2018/19, 2019/20, 2020/21 учебных годах, в целом

близка, отличие состоит в тематике коммуникативных ситуаций.

В эмпирическом исследовании приняли участие учащиеся 2, 3, 4-х классов общеобразовательных организаций Пермского края, добровольно участвующих в проекте «Кластер качества ПГГПУ» в количестве от 159

до 894 человек в каждой возрастной группе ежегодно. Выборка сформирована случайным образом.

Рассмотрим результаты исследования и опишем основные группы выявленных преимуществ и дефицитных коммуникативных умений у младших школьников (таблица).

Результаты диагностики коммуникативных УУД, %

Коммуникативные УД / класс	Учебный год								
	2018/19			2019/20			2020/21		
	2 кл.	3 кл.	4 кл.	2 кл.	3 кл.	4 кл.	2 кл.	3 кл.	4 кл.
Осуществляет смысловое чтение, определяет тему, главную мысль, назначение текста	60	64	53	57	65	76	75	61	27
Использует языковые средства, соответствующие учебной познавательной ситуации, ситуации повседневного общения	31	52	91	57	–	74	80	86	66
Участвует в диалоге, соблюдает правила ведения диалога (слушает собеседника, признавая возможность существования разных точек зрения, корректно и аргументированно высказывает свое мнение)	60	89	86	57	76	84	82	47	90
Осознанно строит в соответствии с поставленной задачей речевое высказывание; составляет устные и письменные тексты (описание, рассуждение, повествование) на темы, доступные младшему школьнику	31	42	60	42	25	39	32	40	29
Готовит небольшие публичные выступления	–	–	71	–	–	55	–	–	–
Всего	52	68	72	53	55	56	67	65	61

В 2018/19 учебном году результаты выполнения заданий составили во 2-м классе 52%, в 3-м классе – 68%, в 4-м классе – 72%. В качестве основы КИМ были использованы коммуникативные ситуации, объединенные общими темами: посещение кафе и приготовления пищи дома. Из всех проверяемых групп умений наибольший процент выполнения показали задания, проверяющие умение участвовать в диалоге, соблюдать правила ведения диалога (признавая возможность существования разных точек зрения, корректно и аргументированно высказывает свое мнение): во 2-м классе справились 60%, в 3-м – 89%, в 4-м – 86%.

Можно указать два умения, которые оказались недостаточно сформированными у учеников начальных классов:

– умение осуществлять смысловое чтение, определять тему, главную мысль, назначение текста (2-й класс – 60%, 3-й – 64%, 4-й – 53%);

– умение осознанно строить в соответствии с поставленной задачей речевое высказывание (2-й класс – 31%, 3-й – 42%, 4-й – 60%).

Задания, проверяющие умение использовать языковые средства, соответствующие учебной познавательной ситуации, ситуации повседневного общения, были выполнены с разным уровнем успешности: 2-й класс – 31%, 3-й – 52%, 4-й – 91%.

Задание, связанное с подготовкой публичного выступления, которое было предложено ученикам 4-х классов, выполнили 71% учеников.

В 2019/20 учебном году в качестве основы КИМ использованы коммуникативные ситуации, связанные единой темой «Театр» (в связи с международным годом театра): посещение театра и постановка школьного театрального спектакля.

Результаты выполнения заданий составили во 2-м классе 53% (больше, чем в 2018/19 учебном году, на

1%), в 3-м классе – 55% (меньше, чем в 2018/19 учебном году, на 13%), в 4-м классе – 56% (меньше, чем в 2018/19 учебном году, на 16%).

Из всех проверяемых групп умений наибольший процент выполнения, как и в 2018/19 учебном году, показали задания, проверяющие умение участвовать в диалоге, соблюдать правила ведения диалога (признавая возможность существования разных точек зрения, корректно и аргументированно высказывает свое мнение). С указанными заданиями во 2-м классе справились 57% (ранее 60%), в 3-м – 76% (ранее 89%), в 4-м – 84% (ранее 86%).

Некоторую положительную динамику у учеников 3-х и 4-х классов, в сравнении с 2019/20 учебным годом, показало задание, направленное на оценку умения осуществлять смысловое чтение, определять тему, главную мысль, назначение текста: 2-й класс – 57% (ранее 60%), 3-й – 65% (ранее 64%), 4-й – 76% (ранее 53%).

Отрицательную динамику в 3-х и 4-х классах показало задание, направленное на оценку умения осознанно строить в соответствии с поставленной задачей речевое высказывание: 2-й класс – 42% (ранее 31%), 3-й – 25% (ранее 42%), 4-й – 39% (ранее 60%). Отметим, что ученики 2-х классов справились с заданием лучше, чем их сверстники в 2018/19 учебном году.

Задания, проверяющие умение использовать языковые средства, соответствующие учебной познавательной ситуации, ситуации повседневного общения, оказались выполнены с разным уровнем успешности: 2-й класс – 57% (ранее 31%), 4-й – 74% (ранее 91%).

Задание, связанное с подготовкой публичного выступления, которое было предложено ученикам 4-х классов, выполнили 55% учеников (ранее 71%).

Сравнение результатов оценки коммуникативных умений в 2018/19 и 2019/20 учебных годах показало в целом прирост:

– у учеников 3-х и 4-х классов по подгруппе умений осуществлять смысловое чтение, определять тему, главную мысль, назначение текста: 3-й класс – 65% (больше на 1%), 4-й – 76% (больше на 23%);

– у учеников 2-х классов по подгруппам коммуникативных результатов: умение осознанно строить в соответствии с поставленной задачей речевое высказывание: 42% (больше на 11%); умение использовать языковые средства, соответствующие учебной познавательной ситуации, ситуации повседневного общения: 57% (больше на 26%).

Отмечена отрицательная динамика по отдельным группам умений:

– умение участвовать в диалоге, соблюдать правила ведения диалога (признавая возможность существования разных точек зрения, корректно и аргументированно высказывает свое мнение): 2-й класс – 57% (меньше на 3%), 3-й – 76% (меньше на 13%), 4-й – 84% (меньше на 2%);

– умение осознанно строить в соответствии с поставленной задачей речевое высказывание: 3-й класс – 25% (меньше на 17%), 4-й – 39% (меньше на 21%);

– подготовка публичного выступления: 4-й класс – 55% (меньше на 16%).

Снижение доли детей, выполнивших указанные задания, в сравнении с 2018/19 учебным годом, может быть связано с тем, что предложенная в 2019/20 учебном году коммуникативная ситуация «Театр» была незнакома учащимся, проживающим в отдаленных населенных пунктах, не посещавших театр.

Анализ результатов оценки коммуникативных УУД в первой половине 2020/21 учебного года позволил в некоторой степени оценить эффект дистанционного обучения в период пандемии. Для диагностики, как и в 2018/19 учебном году, использовалась коммуникативная ситуация, связанная с посещением кафе и приготовлением пищи дома.

В целом результаты выполнения заданий составили: во 2-м классе 67%, в 3-м – 65%, в 4-м классе – 61%.

Сравнение данных о результатах оценки показало, что умения второклассников оказались сформированными на более высоком уровне по трем позициям:

– осуществляет смысловое чтение, определяет тему, главную мысль, назначение текста (75%, в 2018–2019 гг. – 60%, в 2010–2020-х гг. – 57%);

– использует языковые средства, соответствующие учебной познавательной ситуации, ситуации повседневного общения (80%, в 2018–2019 гг. – 31%, в 2010–2020 гг. – 57%);

– участвует в диалоге, соблюдает правила ведения диалога (слушает собеседника, признавая возможность существования разных точек зрения, корректно и аргументированно высказывает свое мнение) (82%, в 2018–2019 гг. – 60%, в 2019–2020-х гг. – 57%).

Более низкие результаты у второклассников выявлены при оценке умения осознанно строить в соответствии с поставленной задачей речевое высказывание, составлять устные и письменные тексты (описание, рассуждение, повествование) на темы, доступные младшему школьнику (32%, в 2018–2019 гг. – 31%, в 2019–2020-х гг. – 42%).

Результаты учеников 3-х классов стали выше по двум позициям:

– использует языковые средства, соответствующие учебной познавательной ситуации, ситуации повседневного общения (86%, в 2018–2019 гг. – 52%, в 2019–2020-х гг. – не оценивалось);

– осознанно строит в соответствии с поставленной задачей речевое высказывание; составляет устные и письменные тексты (описание, рассуждение, повествование) на темы, доступные младшему школьнику (40%, в 2018–2019 гг. – 42%, в 2019–2020-х гг. – 25%).

Результаты незначительно ухудшились по умению осуществлять смысловое чтение, определять тему, главную мысль, назначение текста (61%, в 2018–2019 гг. – 64%, в 2019–2020 гг. – 65%) и значительно снизились в части умения участвовать в диалоге, соблюдать правила ведения диалога: слушать собеседника, признавая возможность существования разных точек зрения, корректно и аргументированно высказывать свое мнение (47%, в 2018–2019 гг. – 89%, в 2019–2020-х гг. – 76%).

Результаты учащихся 4-х классов оказались значительно хуже по трем группам умений:

– осуществляет смысловое чтение, определяет тему, главную мысль, назначение текста (27%, в 2018–2019 гг. – 53%, в 2010–2020-х гг. – 76%);

– использует языковые средства, соответствующие учебной познавательной ситуации, ситуации повседневного общения (66%, в 2018–2019 гг. – 91%, в 2019–2020-х гг. – 74%);

– осознанно строит в соответствии с поставленной задачей речевое высказывание; составляет устные и письменные тексты (описание, рассуждение, повествование) на темы, доступные младшему школьнику (29%, в 2018–2019 гг. – 60%, в 2019–2020 гг. – 39%).

Некоторое повышение результатов учащихся 4-х классов отмечено в части умения участвовать в диалоге, соблюдать правила ведения диалога: слушать собеседника, признавая возможность существования разных точек зрения, корректно и аргументированно высказывать свое мнение (90%, в 2018–2019 гг. – 86%, в 2019–2020-х гг. – 84%).

Предположим, что результаты оценки во 2–3-м классах повысились за счет приобретенного учащимися в период дистанционного обучения опыта работы с письменными текстами. Результаты учащихся 4-х классов, на наш взгляд, стали хуже по причине большего внимания к предметным результатам, в сравнении с метапредметным, в классе, который завершает уровень образования. Подобный комментарий также давали учителя начальных классов, участвовавшие в нашем опросе о трудностях дистанционного обучения.

Заключение

Таким образом, результаты исследования, представленные в настоящей публикации, позволяют признать следующее:

По результатам теоретического исследования:

– коммуникативные умения применительно к практическим, жизненным ситуациям и задачам можно рассматривать как составляющую функциональной грамотности;

- структура коммуникативных умений, представленная в научной литературе, различна;
- проект новой редакции ФГОС НОО в части коммуникативных умений в большей степени, чем действующий ФГОС НОО, отражает аспект формирования функциональной грамотности, направленность на решение жизненных задач, ситуаций повседневного общения;
- с общепедагогической и методической точки зрения объем и содержание понятия «коммуникативные умения» применительно к аспектам функциональной грамотности требует дальнейшего исследования и конкретизации.

По результатам эмпирического исследования:

- коммуникативные задания, отражающие коммуникативные ситуации повседневной жизни, для младших школьников представляются не совсем привычными, вызывают сложности, так как отличаются от речевых умений, осваиваемых на уроках родного и иностранного языков;

– влияние на результаты диагностики коммуникативных умений также оказывают факторы наличия или отсутствия в жизни учеников начальных классов опыта участия в подобных коммуникативных ситуациях (так, коммуникативная ситуация «Театр» оказалась более сложной для учеников, чем коммуникативная ситуация, связанная с приготовлением пищи и посещением кафе);

– внимание к формированию функциональной грамотности не всегда присутствует в фокусе работы учителей начальных классов. В 4-х классах в рамках учебных дисциплин приоритет отдается предметным результатам.

Вышеизложенное позволяет отметить актуальность проблемы формирования и диагностики функциональной грамотности младших школьников. Дальнейшего исследования требуют возможности корректировки содержания образования в начальной школе и подготовки учителя к формированию функциональной грамотности младших школьников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный проект «Образование». Раздел официального сайта Министерства просвещения Российской Федерации. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/> (дата обращения: 05.03.2021).
2. «Образовательная система «Школа – 2100». Педагогика здравого смысла : сборник материалов / под ред. А.А. Леонтьева. М. : Баласс, 2003. 368 с.
3. Басюк В.С., Ковалева Г.С. Инновационный проект Министерства просвещения «Мониторинг формирования функциональной грамотности»: основные направления и первые результаты // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 1, № 4 (61). С. 13–33.
4. UNESCO Institute for Statistics. URL: <http://tcg.uis.unesco.org/wp-content/uploads/sites/4/2020/08/Metadata-4> (дата обращения: 05.03.2021).
5. Developing functional language skills for Cambridge English: Key for Schools. URL: <https://www.cambridgeenglish.org/teaching-english/resources-for-teachers/webinars/exams/young-learners/developing-functional-language-skills-for-cambridge-english-key-for-schools/17-june-2015/> (дата обращения: 05.03.2021).
6. Проведение исследования PISA-2018 в России. URL: http://centeroko.ru/pisa18/pisa2018_pub.html (дата обращения: 05.03.2021).
7. Международный проект «Изучение качества чтения и понимания текста» (PIRLS). URL: http://centeroko.ru/pirls21/pirls2021_info.html (дата обращения: 05.03.2021).
8. Гинецинский В.И. Основы теоретической педагогики. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1992. 152 с.
9. Безукладников К.Э., Крузе Б.А., Романов А.А., Вахрушева О.В. Самостоятельная работа по овладению иностранным языком как основа самоорганизации будущего офицера // Язык и культура. 2019. № 47. С. 131–153.
10. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М. : Просвещение, 1991. 223 с.
11. Обдалова О.А., Левашкина З.Н. Нарративно-коммуникативная технология обучения иностранному языку: определение сущности и особенностей // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 458. С. 223–232.
12. Обдалова О.А. Когнитивно-дискурсивная технология в обучении иноязычной межкультурной коммуникации // Язык и культура. 2018. № 44. С. 279–305.
13. Обдалова О.А., Гураль С.К. Концептуальные основы разработки образовательной среды для обучения межкультурной коммуникации // Язык и культура. 2012. № 4 (20). С. 83–96.
14. Губанова И.В. Формирование и развитие навыков чтения при обучении английскому языку младших школьников // Современные проблемы социально-гуманитарных наук : материалы IV Междунар. науч.-практ. заоч. конф. М. : Знание, 2016. С. 114–119.
15. Безукладников К.Э., Крузе Б.А., Жигалев Б.А., Шелякин А.В. Обучение иностранному языку в школах ФРГ // Язык и культура. 2020. № 50. С. 170–195.
16. Безукладников К.Э., Крузе Б.А., Мелехина Е.С. Учебное исследование как средство формирования учебно-познавательной компетентности обучающихся младшего подросткового возраста на уроках английского языка // Язык и культура. 2019. № 48. С. 259–276.
17. Блохина Е.А. Преемственность в развитии коммуникативных умений старших дошкольников и младших школьников // Начальная школа плюс До и После. 2012. № 2. С. 67–70.
18. Якупова Г.Ш. Психолого-педагогические условия формирования коммуникативных умений младших школьников // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование, здравоохранение, физическая культура. 2006. № 7-2. С. 146–147.
19. Лозован Л.Я. Формирование коммуникативных умений младших школьников : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Кемерово, 2005. 20 с.
20. Ягодко Л.И. Навык смыслового чтения как средство ориентации в большом потоке информации // Актуальные проблемы начального общего образования: теория и практика : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н.В. Васильева. Чита : Забайкал. гос. ун-т, 2019. С. 266–270.
21. Мостова О.Н. Один из подходов к развитию коммуникативных умений младших школьников // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 16, № 40. С. 469–473.
22. Шабалина О.В. Особенности формирования чтения у современного младшего школьника // Организация развивающей образовательной среды в начальной школе : электрон. сб. ст. по матер. IX Всерос. науч.-практ. конф. (Педагогические чтения памяти профессора А.А. Огородникова) (7 февраля 2018 г., г. Пермь, Россия) / под общ. ред Л.В. Селькиной. Пермь, 2018. 408 с.
23. Приказ Минобрнауки России от 06.10.2009 № 373 (ред. от 31.12.2015) «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования» // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96801/ea5d7777caea0f829ef088881c72c46bf592482c/ (дата обращения: 05.03.2021).
24. Проект новой редакции ФГОС НОО // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=94553> (дата обращения: 05.03.2021).

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 25 марта 2021 г.

The aim of the article is to consider the problem of assessing the communication skills of primary school students as an aspect of functional literacy. The authors consider functional literacy as the ability to solve practical everyday problems using the gained knowledge. The necessity and possibility of the formation of primary school students' functional literacy in education is interpreted ambiguously. Most scholars point to the goal of the primary school, which is to form elementary literacy (reading, writing and numeracy, etc.). The results of PISA, PIRLS, TIMSS international studies of the quality of education allow recognizing the urgency of the problem of assessing schoolchildren's functional literacy. This article is an attempt to comprehend and study this problem in terms of the continuity of education of primary and secondary schools. Communication skills are an aspect of functional literacy. As a result of a meta-analysis of sources in Russian, more than 100 publications related to communication skills or communicative actions were found. The approaches to the structure and classification of communicative skills presented in the literature are reviewed in the article using content analysis. The authors state that various authors attribute communicative skills either to subject learning outcomes or to metasubject results. The groups of skills that are included in the structure of communication skills indicated in various scientific sources do not coincide. It is possible to single out psychological prerequisites for communicative skills (empathy, assessment, creative component) and actual skills (meaningful reading, argumentation, the use of appropriate linguistic means, etc.). A comparative analysis of the structure of communication skills in the current federal state educational standard of primary education (Russia, 2009) and in the draft of the new edition of the standard (2019) showed that the new edition of the standard to a greater extent reflects the aspect of the formation of functional literacy, the focus on solving life problems, communication in everyday situations. The results of an empirical study of the formation of the communicative skills of primary school students among the participants of the Quality Cluster project are presented in the article. The data of criterion-related diagnostics, carried out over three years, allow stating the following. Communicative tasks reflecting the situations of everyday life are unusual for younger students. In addition, students' experience in such communicative situations has an impact on the results of diagnostics. According to the results of the study, it can be assumed that primary school teachers do not know how to form functional literacy. The problem under consideration requires further research in the aspects of adjusting the content of education in primary school and training a teacher for the formation of functional literacy of primary school students.

REFERENCES

1. Ministry of Education of the Russian Federation. (n.d.) *Natsional'nyy proekt "Obrazovanie"* [National project "Education"]. [Online] Available from: <https://edu.gov.ru/national-project/> (Accessed: 05.03.2021).
2. Leont'ev, A.A. (ed.) (2003) *"Obrazovatel'naya sistema "Shkola – 2100". Pedagogika zdavogo smysla: sbornik materialov* ["Educational system" School–2100". Pedagogy of common sense: collection of materials]. Moscow: Balass.
3. Basyuk, V.S. & Kovaleva, G.S. (2019) Innovatsionnyy proekt Ministerstva prosveshcheniya "Monitoring formirovaniya funktsional'noy gramotnosti": osnovnye napravleniya i pervye rezul'taty [Innovative project of the Ministry of Education – Functional Literacy Formation Monitoring: main directions and first results]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 1:4 (61). pp. 13–33.
4. UNESCO Institute for Statistics. (2020) [Online] Available from: <http://tcg.uis.unesco.org/wp-content/uploads/sites/4/2020/08/Metadata-4> (Accessed: 05.03.2021).
5. Cambridge English. (2015) *Developing functional language skills for Cambridge English: Key for Schools*. [Online] Available from: <https://www.cambridgeenglish.org/teaching-english/resources-for-teachers/webinars/exams/young-learners/developing-functional-language-skills-for-cambridge-english-key-for-schools/17-june-2015/> (Accessed: 05.03.2021).
6. Centeroko.ru. (2018) *Provedenie issledovaniya PISA-2018 v Rossii* [Conducting the PISA-2018 study in Russia]. [Online] Available from: http://centeroko.ru/pisa18/pisa2018_pub.html (Accessed: 05.03.2021).
7. Centeroko.ru. (2021) *Mezhdunarodnyy proekt "Izucheniye kachestva chteniya i ponimaniya teksta" (PIRLS)* [Progress in International Reading Literacy Study (PIRLS) International Project]. [Online] Available from: http://centeroko.ru/pirls21/pirls2021_info.html (Accessed: 05.03.2021).
8. Ginetsinskiy, V.I. (1992) *Osnovy teoreticheskoy pedagogiki* [Foundations of theoretical pedagogy]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
9. Bezukladnikov, K.E. et al. (2019) Autonomous foreign language learning as the basis of a pre-service officer self-organization. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 47. pp. 131–153. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/47/8
10. Passov, E.I. (1991) *Kommunikativnyy metod obucheniya inoyazychnomu govoreniyu* [A communicative method of teaching foreign language speaking]. Moscow: Prosveshchenie.
11. Obdalova, O.A. & Levashkina, Z.N. (2020) The narrative-communicative technology of foreign language teaching: definition and peculiarities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 458. pp. 223–232. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/458/27
12. Obdalova, O.A. (2018) Cognitive-Discursive Technology in Teaching Foreign Language Intercultural Communication. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 44. pp. 279–305. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/44/18
13. Obdalova, O.A. & Gural', S.K. (2012) Conceptual Foundations for Educational Environment Development When Teaching Intercultural Communication. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 4 (20). pp. 83–96. (In Russian).
14. Gubanova, I.V. (2016) [Formation and development of reading skills in teaching English to primary school students]. *Sovremennye problemy sotsial'no-gumanitarnykh nauk* [Modern problems of social and humanitarian sciences]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Znanie. pp. 114–119. (In Russian).
15. Bezukladnikov, K.E. et al. (2020) Eaching a Foreign Language at FRG Schools. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 50. pp. 170–195. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/50/12
16. Bezukladnikov, K.E., Kruze, B.A. & Melekhina, E.S. (2019) Educational Research as a Means of Formation of Educational and Cognitive Competence of Students. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 48. pp. 259–276. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/48/17
17. Blokhina, E.A. (2012) Preemstvennost' v razvitiy kommunikativnykh umeniy starshikh doshkol'nikov i mladshikh shkol'nikov [Continuity in the development of communication skills of senior preschoolers and younger school students]. *Nachal'naya shkola plyus Do i Posle*. 2. pp. 67–70.

18. Yakupova, G.Sh. (2006) Psikhologo-pedagogicheskie usloviya formirovaniya kommunikativnykh umeniy mladshikh shkol'nikov [Psychological and pedagogical conditions for the formation of communicative skills of primary school students]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie, zdravookhraneniye, fizicheskaya kul'tura*. 7-2. pp. 146–147.
19. Lozovan, L.Ya. (2005) *Formirovaniye kommunikativnykh umeniy mladshikh shkol'nikov* [Formation of communication skills of primary school students]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Kemerovo.
20. Yagodko, L.I. (2019) [The skill of meaningful reading as a means of orientation in a large flow of information]. *Aktual'nye problemy nachal'nogo obshchego obrazovaniya: teoriya i praktika* [Topical issues of primary general education: theory and practice]. Proceedings of the III International Conference. Chita: Transbaikalskaya gosudarstvennaya universitet. pp. 266–270. (In Russian).
21. Mostova, O.N. (2007) Odin iz podkhodov k razvitiyu kommunikativnykh umeniy mladshikh shkol'nikov [One of the approaches to the development of the communicative skills of primary school students]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*. 16 (40). pp. 469–473.
22. Shabalina, O.V. (2018) Osobennosti formirovaniya chteniya u sovremennogo mladshogo shkol'nika [Features of the formation of reading in a modern primary school student]. In: Sel'kina, L.V. (ed.) *Organizatsiya razvivayushchey obrazovatel'noy sredy v nachal'noy shkole* [Organization of a developing educational environment in primary school]. Perm: PSPU.
23. Consultant Plus. (2015) *Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated 06.10.2009 No. 373 (as amended on 31.12.2015): On the approval and implementation of the Federal State Educational Standard of Primary General Education*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96801/ea5d7777caea0f829ef088881c72c46bf592482c/ (Accessed: 05.03.2021). (In Russian).
24. Federal'nyy portal proektov normativnykh pravovykh aktov [Federal portal of draft normative legal acts]. (n.d.) *Proekt novoy redaktsii FGOS NOO* [Draft of the new edition of the Federal State Educational Standard of Primary General Education]. [Online] Available from: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=94553> (Accessed: 05.03.2021).

Received: 25 March 2021

С.В. Сафоненко

ФОРМИРОВАНИЕ СПОСОБНОСТИ К РАВНОВЕСИЮ У ДЕВОЧЕК 8–9 ЛЕТ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГИМНАСТИКОЙ НА ЭТАПЕ НАЧАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Представлена разработанная и внедрённая в учебно-тренировочный процесс девочек 8–9 лет, занимающихся художественной гимнастикой, методика по формированию чувства равновесия с использованием гимнастической подушки для равновесия (балансир). Экспериментально доказана и подтверждена эффективность данной методики, обеспечивающей повышение уровня развития чувства равновесия у гимнасток на начальном этапе подготовки.

Ключевые слова: художественная гимнастика; координация; равновесие; балансир; вращение.

Художественная гимнастика – сложнокоординационный вид спорта. К числу основных координационных способностей относится способность к равновесию. Способность к сохранению статического и динамического равновесия является важным фактором, определяющим уровень работы и успешность гимнастки. Развитое чувство равновесия позволяет гимнастке выполнять сложные равновесия, делать большое число вращений в различных формах поворотов, что очень ценится судьями и приводит зрителей в восторг.

В соответствии с правилами соревнований по художественной гимнастике FIG 2017-2020 в упражнении без предмета должна быть минимум одна трудность каждой группы тела (прыжки, равновесия, вращения) на правую ногу и минимум одна трудность каждой группы тела на левую ногу. Следовательно, гимнасткам необходимо осваивать все трудности каждой группы тела на две ноги в одинаковой степени. Так же стоит отметить, что равновесия и вращения на релее ценятся выше, чем равновесия и вращения на полной стопе [1].

Сенситивным периодом развития способности к равновесию у девочек является возраст 9 лет. Следовательно, возраст 8–9 лет следует плодотворно использовать для формирования и развития способности к равновесию у девочек, занимающихся художественной гимнастикой на этапе начальной подготовки [2].

В настоящее время актуален поиск новых средств и методов повышения эффективности тренировочного процесса. Одним из таких средств является гимнастическая подушка для равновесия (балансир), предназначенная для развития чувства равновесия и соответствующих мышц, обеспечивающих устойчивость тела. А одним из таких методов является представленная методика, направленная на развитие способности к равновесию гимнасток 8–9 лет с использованием балансира.

Цель исследования – совершенствование чувства равновесия у девочек 8–9 лет, занимающихся художественной гимнастикой на этапе начальной подготовки, с помощью специализированного комплекса упражнений на гимнастической подушке для равновесия (балансире).

Задачи исследования:

1. Выявить уровень развития чувства равновесия у девочек 8–9 лет, занимающихся художественной гим-

настикой на этапе начальной подготовки. Провести сравнительный анализ устойчивости в элементах тела на опорной правой и опорной левой ногах.

2. Разработать комплекс упражнений на гимнастической подушке для равновесия (балансире), направленный на развитие чувства равновесия.

3. Оценить эффективность разработанной методики по формированию чувства равновесия у девочек 8–9 лет, занимающихся художественной гимнастикой на этапе начальной подготовки.

Исследование проходило на базе спортивного комплекса «Орбита» в зале художественной гимнастики с 10.08.2020 г. по 12.10.2020 г. В исследовании приняли участие 22 девочки 8–9 лет, занимающиеся художественной гимнастикой на этапе начальной подготовки. Из них были сформированы контрольная (КГ) и экспериментальная (ЭГ) группы по 11 человек в каждой.

Контрольные тесты для оценки чувства равновесия девочек 8–9 лет, занимающихся художественной гимнастикой на этапе начальной подготовки, проводились в начале и в конце исследования. В качестве контрольных тестов гимнасткам были предложены упражнения: «Проба Бирюк», «Равновесие на релее в шпагат в сторону с помощью руки», «Равновесие в кольцо с помощью руки» – для определения способности к сохранению статического равновесия и «Поворот с ногой вперед», «Поворот в кольцо с помощью руки» – для определения способности к сохранению динамического равновесия.

Для обработки результатов исследования использовались методы математической статистики.

В начале исследования 10.08.2020 г. были проведены контрольные тесты для оценки чувства равновесия у девочек 8–9 лет, занимающихся художественной гимнастикой на этапе начальной подготовки. Результаты первого эксперимента были обработаны с помощью методов математической статистики и структурированы в табл. 1.

Во всех контрольных тестах рассчитанное значение t-критерия Стьюдента оказалось меньше критического значения, поэтому делаем вывод, что наблюдаемые значения статистически не значимы. Значит, на начало эксперимента у девочек контрольной и экспериментальной групп не наблюдалось значительного различия в развитии способности к равновесию.

Исходные показатели развития чувства равновесия у девочек 8–9 лет, занимающихся художественной гимнастикой на этапе начальной подготовки*

Контрольное испытание		КГ			ЭГ		
		$\bar{X}$	$\pm\sigma$	$\pm m$	$\bar{X}$	$\pm\sigma$	$\pm m$
Проба Бирюк, с		9,95	$\pm 1,39$	$\pm 0,44$	9,96	$\pm 2,10$	$\pm 0,67$
Равновесие на релее в шпагат в сторону с помощью руки, с	Опорная правая	3,85	$\pm 1,02$	$\pm 0,32$	4,09	$\pm 0,92$	$\pm 0,29$
	Опорная левая	4,45	$\pm 1,11$	$\pm 0,35$	4,71	$\pm 0,97$	$\pm 0,31$
Равновесие в кольцо с помощью руки, с	Опорная правая	5,44	$\pm 1,17$	$\pm 0,37$	5,65	$\pm 1,16$	$\pm 0,37$
	Опорная левая	3,35	$\pm 0,82$	$\pm 0,26$	3,48	$\pm 1,04$	$\pm 0,33$
Поворот с ногой вперед, кол-во поворотов	Опорная правая	1,14	$\pm 0,45$	$\pm 0,14$	1,18	$\pm 0,51$	$\pm 0,16$
	Опорная левая	1,45	$\pm 0,52$	$\pm 0,17$	1,55	$\pm 0,57$	$\pm 0,18$
Поворот в кольцо с помощью руки, кол-во оборотов	Опорная правая	1,32	$\pm 0,46$	$\pm 0,15$	1,27	$\pm 0,56$	$\pm 0,18$
	Опорная левая	0,64	$\pm 0,39$	$\pm 0,12$	0,68	$\pm 0,40$	$\pm 0,13$

* $p > 0,05$.

Сравнение результатов контрольных испытаний показало, что наибольшее затруднение у гимнасток обеих групп вызвали тесты: «Равновесие в кольцо с помощью руки на опорной правой ноге» (КГ – $5,44 \pm 0,37$ с, ЭГ – $5,65 \pm 0,37$ с), «Поворот в кольцо с помощью руки на опорной левой ноге» (КГ – $0,64 \pm 0,12$ об., ЭГ – $0,68 \pm 0,13$ об.). Трудности также возникли и при выполнении данного теста на опорной правой ноге (КГ – $1,32 \pm 0,15$ об., ЭГ – $1,27 \pm 0,18$ об.). Это объясняется повышенной трудностью и сложной координацией элементов данных групп тела.

В контрольном тесте «Проба Бирюк» гимнастки показали одинаково неплохие результаты (КГ – $9,95 \pm 0,44$ с, ЭГ – $9,96 \pm 0,67$ с), отражающие средний уровень развития способности к сохранению статического равновесия.

«Равновесие на релее в шпагат в сторону с помощью руки» гимнастки обеих групп выполнили довольно неплохо на опорной левой ноге (КГ – $4,45 \pm 0,35$ с, ЭГ – $4,71 \pm 0,31$ с). Сложнее девочкам далось это равновесие на опорной правой ноге (КГ – $3,85 \pm 0,32$ с, ЭГ – $4,09 \pm 0,29$ с).

«Поворот с ногой вперед» на опорной левой ноге девочки обеих групп выполнили следующим образом: КГ – $1,45 \pm 0,17$ об., ЭГ – $1,55 \pm 0,18$ об. Этот же пово-

рот на опорной правой ноге гимнастки выполнили в среднем на один оборот (КГ – $1,14 \pm 0,14$ об., ЭГ – $1,18 \pm 0,16$ об.).

Данные различия в результатах контрольных тестов, выполненных на правую и на левую ногу, можно объяснить тем, что все гимнастки, участвующие в эксперименте, – правши. Следовательно, элементы, предполагающие удержание ноги вперед и в сторону, исполняются гимнастками в композициях преимущественно на левой опорной ноге, а элементы, предполагающие удержание ноги назад, – на правой опорной ноге.

Для развития чувства равновесия гимнасткам экспериментальной группы был предложен специализированный комплекс упражнений на гимнастической подушке для равновесия (балансире) (табл. 2). Данный комплекс включался в разминку экспериментальной группы девочек 2 раза в неделю на протяжении всего эксперимента (9 недель). Контрольная группа девочек занималась по традиционной методике.

По окончании эксперимента 10.10.2020 г. было проведено повторное тестирование для оценки способности к равновесию девочек 8–9 лет, занимающихся художественной гимнастикой на этапе начальной подготовки.

Таблица 2

Комплекс упражнений на гимнастической подушке для равновесия (балансире), направленный на развитие способности к равновесию у девочек 8–9 лет, занимающихся художественной гимнастикой на этапе начальной подготовки

Описание упражнения	Кол-во повторений, раз	Методические указания
И.п. – стоя на балансира, руки вверх. 1 – релее; 2 – и.п.	16	Пятки вместе, корпус ровный, спина прямая, колени не сгибать
И.п. – стоя на балансира на полупальцах, руки вверх. 1–4 – сесть в присед; 5–8 – встать в и.п.	4	Пятки вместе, корпус ровный, спина прямая, руки вперед не опускать
И.п. – стоя на балансира, левая вперед на носок, руки в стороны. 1–2 – поднять левую вперед; 3–6 – удержание равновесия; 7–8 – опустить левую в и.п. То же с другой ноги	4	Руки точно в сторону, спина прямая, таз ровный, колени не сгибать, носки тянуть, поднимать ногу до уровня 90°
И.п. – левая вперед, руки в стороны. 1 – релее; 2 – и.п.; 3–8 – то же; 9–16 – турляк с левой ногой вперед. То же с другой ноги	1	Руки точно в сторону, спина прямая, таз ровный, колени не сгибать, носки тянуть, поднимать ногу до уровня 90°
Поворот с ногой вперед чередуя на правую и левую ногу	По 4	Руки точно в сторону, спина прямая, таз ровный, колени не сгибать, носки тянуть, поднимать ногу до уровня 90° , поворот выполнять на высоком полупальце, не менее чем на 360°
И.п. – стоя на балансира, левая в сторону на носок, руки в стороны. 1–2 – поднять левую в сторону; 3–6 – удержание равновесия; 7–8 – опустить левую в и.п. То же с другой ноги	4	Руки точно в сторону, корпус ровный, спина прямая, колени не сгибать, носки тянуть, поднимать ногу до уровня 90°
Поворот с ногой на «пассе» чередуя на правую и левую ногу. Поворот «фуэте»	4	Поворот выполнять на высоком полупальце, спина ровная, плечи и бедра ровные
И.п. – стоя на балансира, левая назад на носок, руки в стороны. 1–2 – поднять левую назад; 3–6 – удержание равновесия; 7–8 – опустить левую в и.п. То же с другой ноги	4	Руки точно в сторону, спина прямая, таз ровный, колени не сгибать, носки тянуть, поднимать ногу до уровня 90°
И.п. – левая назад, руки в стороны. 1 – релее; 2 – и.п.; 3–8 – то же; 9–16 – турляк с левой ногой назад. То же с другой ноги	1	Руки точно в сторону, спина прямая, таз ровный, колени не сгибать, носки тянуть, поднимать ногу до уровня 90°

Описание упражнения	Кол-во повторений, раз	Методические указания
Поворот с ногой назад чередуя на правую и левую ногу	4	Руки точно в сторону, спина прямая, таз ровный, колени не сгибать, носки тянуть, поднимать ногу до уровня 90°, поворот выполнять на высоком полупальце, не менее чем на 360°
И.п. – стоя на балансирах, руки вверх. 1–2 – наклон назад; 3–4 – встать в и.п.	4	Колени не сгибать, ягодичные подтянуть, наклон выполнять на максимальной амплитуде
И.п. – стоя на балансирах, руки вверх. 1–4 – «волна» вперед; 5–8 – «волна» назад	4	«Волну» выполнять на максимальной амплитуде
И.п. – стоя на балансирах, левая вперед на носок, руки вверх. 1–4 – поднять левую вперед – кверху; 5–8 – взять ногу руками, держать равновесие; 9–12 – держать левую вперед – кверху; 13–16 – опустить левую в и.п.	2	Колени не сгибать, спина прямая, ногу держать на максимальной амплитуде, плечи и бедра держать ровно
И.п. – стоя на балансирах, левая вперед на носок, руки вверх. 1 – мах левой; 2 – и.п.	8	Колени не сгибать, спина прямая, мах выполнять на максимальной амплитуде, плечи и бедра держать ровно
И.п. – левая вперед – кверху с помощью рук. 1 – релее; 2 – и.п.; 3–8 – то же; 9–16 – турлянь	1	Колени не сгибать, спина прямая, ногу держать на максимальной амплитуде, плечи и бедра держать ровно
Поворот с ногой вперед – кверху с помощью рук чередуя на правую и на левую ногу	4	Колени не сгибать, спина прямая, мах выполнять на максимальной амплитуде, плечи и бедра держать ровно, поворот выполнять на высоком полупальце, не менее чем на 360°
И.п. – стоя на балансирах, левая в сторону на носок, руки вверх. 1–4 – поднять левую в сторону – кверху; 5–8 – взять ногу левой рукой, держать равновесие; 9–12 – держать левую в сторону – кверху; 13–16 – опустить левую в и.п.	2	Колени не сгибать, спина прямая, ногу держать на максимальной амплитуде, плечи и бедра держать ровно
И.п. – стоя на балансирах, левая в сторону на носок, руки вверх. 1 – мах левой; 2 – и.п.	8	Колени не сгибать, спина прямая, мах выполнять на максимальной амплитуде, плечи и бедра держать ровно
И.п. – левая в сторону – кверху с помощью рук. 1 – релее; 2 – и.п.; 3–8 – то же; 9–16 – турлянь	1	Колени не сгибать, спина прямая, ногу держать на максимальной амплитуде, плечи и бедра держать ровно
Поворот с ногой в сторону – кверху с помощью руки чередуя на правую и на левую ногу	4	Колени не сгибать, спина прямая, мах выполнять на максимальной амплитуде, плечи и бедра держать ровно, поворот выполнять на высоком полупальце, не менее чем на 360°
И.п. – стоя на балансирах, левая назад на носок, руки вверх. 1–4 – поднять левую назад – кверху; 5–8 – взять ногу руками, держать равновесие; 9–12 – держать левую назад – кверху; 13–16 – опустить левую в и.п.	2	Колени не сгибать, спина прямая, ногу держать на максимальной амплитуде, плечи и бедра держать ровно
И.п. – стоя на балансирах, левая назад на носок, руки вверх. 1 – мах левой; 2 – и.п.	8	Колени не сгибать, спина прямая, мах выполнять на максимальной амплитуде, плечи и бедра держать ровно
И.п. – левая в «кольцо» с помощью рук. 1 – релее; 2 – и.п.; 3–8 – то же; 9–16 – турлянь	1	Колени не сгибать, спина прямая, ногу держать на максимальной амплитуде, плечи и бедра держать ровно
Поворот в «кольцо» с помощью рук чередуя на правую и на левую ногу	4	Мах выполнять на максимальной амплитуде, плечи и бедра держать ровно, поворот выполнять на высоком полупальце, не менее чем на 360°
И.п. – стоя на балансирах, правая вперед на носок, руки вверх. 1–2 – наклон назад; 3–4 – встать в и.п. То же с другой ноги	4	Колени не сгибать, ягодичные подтянуть, наклон выполнять на максимальной амплитуде, плечи и бедра держать ровно

В таблице 3 представлены сравнительные результаты контрольных тестов обеих групп гимнасток до и

после эксперимента, а также прирост результата в процентах.

Т а б л и ц а 3

Сравнительные результаты контрольных тестов контрольной и экспериментальной групп гимнасток до и после эксперимента

Тест	Группа	До эксперимента	После эксперимента	W, %
Проба Бирюк, с	КГ	9,95	10,12	1,63
	ЭГ	9,96	15,30	42,25
Равновесие на релее в шпагат в сторону с помощью руки (опорная правая), с	КГ	3,85	4,10	6,41
	ЭГ	4,09	5,84	35,16
Равновесие на релее в шпагат в сторону с помощью руки (опорная левая), с	КГ	4,45	4,65	4,40
	ЭГ	4,71	6,57	33,04
Равновесие в кольцо с помощью руки (опорная правая), с	КГ	5,44	5,65	3,93
	ЭГ	5,65	7,90	33,29
Равновесие в кольцо с помощью руки (опорная левая), с	КГ	3,35	3,48	3,99
	ЭГ	3,57	5,15	36,25
Поворот с ногой вперед (опорная правая), кол-во оборотов	КГ	1,14	1,32	14,81
	ЭГ	1,18	1,91	47,06
Поворот с ногой вперед (опорная левая), кол-во оборотов	КГ	1,45	1,68	14,49
	ЭГ	1,55	2,36	41,86
Поворот в кольцо с помощью руки (опорная правая), кол-во оборотов	КГ	1,32	1,55	15,87
	ЭГ	1,27	2,27	56,41
Поворот в кольцо с помощью руки (опорная левая), кол-во оборотов	КГ	0,64	0,82	25,00
	ЭГ	0,68	1,45	72,34

У девочек контрольной группы за период эксперимента произошло незначительное улучшение в развитии способности к равновесию. Однако статистически значимых изменений не наблюдалось. У девочек экспериментальной группы произошел статистически значимый прирост результата во всех контрольных тестах.

Значительный прирост результата у экспериментальной группы девочек наблюдался в контрольном тесте «Проба Бирюк» и составил 42,25%. Результат данной группы девочек после проведения повторного тестирования составил 15,30 с, что соответствует значению нормы и предполагает высокий уровень развития способности к сохранению статического равновесия [3].

В контрольном тесте «Равновесие на релеве в шпагат в сторону с помощью руки» на опорной правой ноге прирост результата экспериментальной группы девочек составил 35,16% и приблизился к показателю 6 с. В этом же тесте на опорной левой ноге прирост результата составил 33,04% и составил 6,5 с. Учитывая возраст и физическую подготовленность гимнасток на начальном этапе тренировочного процесса, данные результаты являются хорошим показателем развития способности к сохранению статического равновесия.

«Равновесие в кольцо с помощью руки» на опорной правой ноге гимнастки экспериментальной группы смогли удержать в среднем 8 с, а прирост результата в данном тесте составил 33,29%. Результат данного теста на опорной правой ноге составил в среднем 5 с, прирост результата – 36,25%. Данные результаты характеризуют средний уровень развития способности к сохранению статического равновесия.

Значительный прирост результата у девочек экспериментальной группы наблюдался в тестах, определяющих способность к сохранению динамического равновесия. «Поворот с ногой вперед» на правой опорной ноге девочки выполнили в среднем на 2 оборота, и прирост результата составил 47,06%. Результат этого же теста на опорной левой ноге приблизился к значению 2,5 оборота, прирост результата – 41,86%. Данные результаты показывают высокий уровень развития способности к сохранению динамического равновесия.

Самый сложный в координационном плане тест «Поворот в кольцо с помощью руки» гимнастки экспериментальной группы выполнили на уровне выше среднего. На опорной правой ноге девочки выполнили вращение в среднем на 2 оборота, на опорной левой ноге – на 1,5 оборота. Прирост результата составил, соответственно, 56,41 и 72,34%.

Использование комплекса упражнений на гимнастической подушке позволило девочкам экспериментальной группы развивать способность к сохранению динамического равновесия после сложных вращательных движений под броском предмета, что положительно влияет на оценку соревновательной композиции.

На основании полученных результатов можно сделать следующие выводы:

1. Уровень развития способности к равновесию у гимнасток соответствует среднему.

2. В контрольных тестах, предполагающих удержание ноги вперед или в сторону, результаты обеих групп девочек были выше, когда элемент выполнялся на опорной левой ноге. Напротив, в контрольных тестах, предполагающих удержание ноги назад, результаты гимнасток были лучше при выполнении этой группы элементов на опорной правой ноге. Причем данная статистика сохранилась и после проведения эксперимента.

3. Разработанный комплекс упражнений на гимнастической подушке для равновесия (балансире), направленный на развитие способности к равновесию у девочек 8–9 лет, занимающихся художественной гимнастикой на этапе начальной подготовки, позволил улучшить способность к сохранению статического и динамического равновесия у девочек экспериментальной группы в среднем на 44%. Причем результаты девочек улучшились не только в исполнении элементов тела, гимнастки стали лучше выполнять вращательные движения под броском предмета.

4. В разработанный комплекс были включены базовые элементы тела, которые выполнялись в одинаковой степени как на правую, так и на левую ногу. Это способствует правильной работе всех групп мышц, позволяет избежать травм.

5. В результате проведенного эксперимента уровень развития способности к равновесию повысился у испытуемых контрольной и экспериментальной групп. У девочек контрольной группы статистически значимых изменений не наблюдалось, в то время как у девочек экспериментальной группы произошел статистически значимый прирост результата во всех контрольных тестах.

Анализируя данные, полученные в ходе эксперимента, можно сделать вывод об эффективности применения разработанной методики, основу которой составил комплекс упражнений на гимнастической подушке для равновесия (балансире), направленный на развитие способности к равновесию у девочек 8–9 лет, занимающихся художественной гимнастикой на этапе начальной подготовки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Правила соревнований по художественной гимнастике. М. : Технический комитет FIG, 2017–2020. С. 3–7.
2. Кудинов С.И., Поваляева В.В. Гимнастика в школе : учеб. пособие для учителей физической культуры, студентов вузов физической культуры. Самара : СГСПУ, 2019. 172 с.
3. Бирюк Е.В. Исследование функции равновесия тела и пути ее совершенствования при занятиях художественной гимнастикой : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1992. 29 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 4 мая 2021 г.

Formation of the Ability to Balance in 8- and 9-Year-Old Girls Engaged in Rhythmic Gymnastics at the Stage of Initial Training

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 198–202.

DOI: 10.17223/15617793/470/23

Svetlana V. Safonenko, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation). E-mail: sve21547052@yandex.ru

Keywords: rhythmic gymnastics; coordination; balance; balancer; rotation.

The article presents a study of the problem of finding an effective method of forming the ability to balance in 8- and 9-year-old girls engaged in rhythmic gymnastics at the stage of initial training. The aim of the article is to present the developed and experimentally justified special exercises for improving the sense of balance in 8- and 9-year-old girls engaged in rhythmic gymnastics at the stage of initial training with the help of a specialized set of exercises on a gymnastic balance cushion (balancer). The research is based on the methods of analysis of scientific and methodological literature; pedagogical observation; testing; pedagogical experiment; methods of mathematical statistics. The author conducted a pedagogical experiment to test the effectiveness of special exercises using a specialized set of exercises on a balancer, aimed at improving the sense of balance in 8- and 9-year-old girls engaged in rhythmic gymnastics at the stage of initial training. The experiment involved the introduction into the training process of a technique based on a set of exercises in balance on a balance beam (gymnastic pillow), (releve, tour lent, turns to the right and left in the toe stand, turns in balance, “fouette” and “wave” turns back and forth, ring pivots), to improve the sense of balance in the girls. The article confirms the effectiveness of the developed methodology, as evidenced by a comparative analysis of the results of the study. As a result of the experiment, the level of development of the ability to balance increased in the control and experimental groups: in the control group there were no statistically significant changes, in the experimental group there was a statistically significant increase in all control tests. In the Biryuk sample test, the increase was 42.25%, which corresponds to a high level of development of the ability to maintain static balance. In the Balance on Releve with Side *Split* with Hand Support test, the increase was 35.16% on the right leg and 33.04% on the left leg. In the Balance in the Ring with Hand Support test, the increase was 33.29% on the right leg and 36.25% on the left leg. These results characterize the average level of development of the ability to maintain static balance. A significant increase was observed in tests that determine the ability to maintain dynamic equilibrium. “Turn with the foot forward” on the right supporting leg, the increase was 47.06%, on the supporting left leg, the increase was 41.86%. These results show a high level of development of the ability to maintain dynamic balance. The ring pivot with hand support was performed at an above-average level: the increase was 56.41% on the right leg and 72.34% on the left leg. Thus, the results of the study presented in the article confirm the effectiveness of the author’s methodology aimed at developing the ability to balance in girls in 8- and 9-year-old girls engaged in rhythmic gymnastics at the stage of initial training.

REFERENCES

1. International Gymnastics Federation. (2017–2020) *Pravila sorevnovaniy po khudozhestvennoy gimnastike* [Rules for Rhythmic Gymnastics Competitions]. Moscow: Tekhnicheskii komitet FIG. pp. 3–7.
2. Kudinov, S.I. & Povalyaeva, V.V. (2019) *Gimnastika v shkole* [Gymnastics at school]. Samara: SSSPU.
3. Biryuk, E.V. (1992) *Issledovanie funktsii ravnovesiya tela i puti ee sovershenstvovaniya pri zanyatiyakh khudozhestvennoy gimnastikoy* [The study of the body balance function and the ways of its improvement in the course of rhythmic gymnastics]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Moscow.

Received: 04 May 2021

В.Б. Цыренова, Н.Б. Лумбунова

УПРАВЛЕНИЕ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИЕЙ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Рассматривается проблема повышения учебной мотивации современных студентов – представителей цифрового поколения – в условиях цифровизации образования. Выявлены особенности развития их познавательных процессов: наглядно-образное мышление, преобладание кратковременной памяти с признаками транзактивной памяти, увеличение скорости восприятия информации при рассеянном внимании, способность к работе в режиме многозадачности. Сформулированы видоизмененные взаимосвязи между структурными элементами дидактики «преподавание», «учение», «содержание», «метод» в цифровой образовательной среде.

Ключевые слова: повышение мотивации; учебная мотивация; цифровая дидактика; цифровая образовательная среда; смешанное обучение.

В современных условиях построения цифровой экономики и цифровизации образования интеграция цифровых и педагогических технологий становится необходимым условием подготовки специалистов, свободно владеющих информационными технологиями, а также ориентированных на непрерывное обучение с помощью электронных средств. В современном мире цифровые технологии являются не только инструментом образовательного процесса, но и средой существования, открывающей новые образовательные возможности. Одной из тенденций развития профессионального образования на современном этапе является функционирование цифровой образовательной среды. Согласно Постановлению Правительства РФ № 2040 от 07.12.2020 г. «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды» цифровая образовательная среда представляет собой «совокупность условий для реализации образовательных программ с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий, обеспечивающих освоение обучающимися образовательных программ независимо от места их нахождения» [1].

Новые образовательные стандарты, интеграция различных образовательных процессов обуславливают внедрение и развитие электронного обучения. Под электронным обучением понимается организация учебной деятельности в цифровой образовательной среде с использованием цифровых учебных материалов. Электронное обучение может быть реализовано как для очной, так и дистанционной формы обучения.

Система «цифрового» образования предъявляет к обучающимся определенные требования, главными из которых являются самоорганизация и самомотивация учебной деятельности. Цифровая образовательная среда имеет разнообразные возможности, и при правильной организации образовательного процесса может стать условием его педагогической эффективности. Но она может потерять свою эффективность при низкой учебной самостоятельности обучающихся. Для решения данной проблемы необходимо понимание механизмов функционирования мотивационных составляющих учебного процесса в цифровой образовательной среде. Повышение учебной мотивации обучающихся остается актуальным в условиях цифрового обучения. «Чтобы найти способ обеспечить успешную учебную деятельность и эффективный ре-

зультат, преподавателю необходимо знать, как мотивировать и поддерживать обучающихся» [2. Р. 508].

В научной литературе используются понятия-синонимы «учебная мотивация», «мотивация учения», которые определяются как система побудителей, обуславливающих направленную, устойчивую, динамичную учебную деятельность. Учебная мотивация относится к числу важнейших проблем в методологическом, теоретическом и практическом аспектах. Проблему учебной мотивации рассматривали многие отечественные (А.Н. Леонтьев, Л.И. Божович, А.К. Маркова, Е.П. Ильин и др.) и зарубежные (К. Роджерс, А. Маслоу, Г. Клаус и др.) ученые.

С «учебной мотивацией» тесно связано понятие «мотив», которое рассматривается как потребность, побуждение, намерение, личностные диспозиции, состояние, удовлетворенность, определяющие человеческое поведение [3]. Понимание мотива заключается в одновременном ответе на вопросы «зачем осуществляется деятельность?» или «почему осуществляется деятельность?». Многие ученые (А.К. Маркова, Е.П. Ильин и др.) выделяют внутренние и внешние мотивы. Внутренние мотивы возникают самостоятельно в ходе учебной деятельности, и их источники представлены познавательной, социальной потребностью. Они являются основой самообразования. Формирование внутренних мотивов невозможно без внешних, поскольку только благодаря внешним воздействиям появляется внутренняя потребность, которая в зависимости от личности обучающегося, способа обучения может стать «своей» [4]. Внешние мотивы возникают также при создании соответствующих условий жизнедеятельности обучающегося. Когда содержание и освоение учебного материала удовлетворяют кругу интересов обучающегося, его возможностям, являются средством достижения других целей, возникает внешне мотивированная учебная деятельность. В качестве внешнего мотива у студентов могут быть получение стипендии, награды, грамоты. Однако при такой мотивации получаемые компетенции не выступают самой целью обучения и учебная деятельность не является внутренне принятой и мотивированной [5]. Необходимо отметить, что в высшем и среднем профессиональном образовании внешние мотивы действуют эффективнее, чем в общем образовании, поскольку отношения студентов и школьников

к учебе отличаются. В настоящее время более важными становятся гибкие навыки или общие, универсальные компетенции, что требует от студентов определенных умственных усилий, самостоятельности, самоорганизации. В этом случае внешние мотивы оказывают воздействие на учебную деятельность в меньшей степени, чем внутренние. Действительно, методологической основой федеральных государственных образовательных стандартов является деятельностный подход, и особое место занимает самостоятельность обучающихся как участников образовательного процесса. Наблюдается трансформация традиционной классно-урочной системы, многие образовательные практики приспособляются к новым реалиям в условиях цифровой среды.

Мы живем в эпоху, когда дети и подростки не выпускают из рук технологичные гаджеты, делают выводы на основе информации, полученной из интернета, они кардинально отличаются от предыдущего поколения установками, ресурсными возможностями и восприятием мира в целом. Для работы с такими детьми необходимо изучить психолого-педагогические закономерности их общего развития. Согласно теории поколений Н. Хоува и В. Штрауса, ценности целых поколений складываются у детей до 12–14 лет, в последующем определяя формирование их личности в целом и оказывая влияние на их жизнь, деятельность и поведение [6].

Психолог Ш. Постник-Гудвин описывает представителей «цифрового поколения» следующим образом: «Они предпочитают разговору текстовое сообщение. Они очень много общаются в сети с друзьями, с которыми никогда не виделись. Они редко бывают на улице, если только родители не организуют их досуг. Они не представляют себе жизни без мобильных телефонов. Они никогда не видели мира, в котором не было высоких технологий или терроризма. Компьютеры они предпочитают книгам и во всем стремятся к немедленным результатам. Они выросли в эпоху экономической депрессии, и от них всеми ожидается лишь одно – быть успешными. Большинство из них очень быстро взрослеют, ведя себя значительно старше своих лет» [7].

Рассматривая особенности развития познавательных процессов у современных детей и подростков, можно отметить некоторые характерные черты.

Основной отличительной особенностью современной молодежи является наглядно-образное мышление, когда человек воспринимает информацию через короткие яркие образы с минимальным количеством текста. Такое мышление в современной психолого-педагогической литературе называют клиповым, оно выступает в роли защитного механизма сознания вследствие наплыва огромного количества совершенно разной информации на человека, как правило, представленной в графической форме. По определению К.Г. Фрумкина, «клиповое мышление является вектором развития нового уровня отношения человека с информацией, характеризуемого способностью быстро переключаться между разрозненными семантическими фрагментами, а также его неспособностью воспринимать длинную линейную последователь-

ность однородной информации» [8]. Клиповое мышление уже стало массовым явлением в современном обществе, поэтому педагогам необходимо интегрировать основные функции клипового мышления в учебную среду. Цифровые технологии позволяют создавать образы в виде слайдов, коротких анимированных картинок, видео, т.е. изменить формат подачи информации, сделав их яркими, четкими и наглядными с понятными и запоминающимися формулировками. Применение в образовательной деятельности традиционных педагогических технологий, методов обучения совместно с технологиями электронного обучения может привести к повышению эффективности обучающего процесса и, соответственно, уровня профессиональной подготовки будущих специалистов.

Неотъемлемой частью учебного процесса является память, и у представителей «цифрового» поколения более развита кратковременная механическая память с признаками транзактивной памяти, когда человек лучше запоминает местонахождение информации, а не саму информацию. По мнению М. Шпитцер, из всех когнитивных механизмов цифровизация оказывает большее влияние на память, в частности процессы сохранения, воспроизведения, запечатления, запоминания и внимания, снижение которых ведет к ограничению объема долговременной памяти [9]. В таком случае, возможно, необходимо уделять больше учебного времени регулярному систематическому многократному повторению материала.

Зарубежные исследования показывают, что у современных подростков удержание фокуса внимания на предмете или какой-либо деятельности значительно затруднено, но при этом увеличена скорость восприятия информации.

Подростки, воспитанные в эпоху цифровых технологий, способны к работе в режиме многозадачности. Анализ публикаций по проблеме многозадачности показывает, что термин «многозадачность» имеет два значения:

- 1) способность человека одновременно выполнять несколько заданий, при этом быстро переключаясь между простыми и часто повторяющимися, не требующими большой концентрации внимания действиями;
- 2) ситуация, обуславливающая необходимость выполнения задания в обстановке со множеством отвлекающих внимание факторов (режим многозадачности).

Режим многозадачности в образовательном процессе, когда студент обучается, при этом слушает музыку, общается в чате, редактирует фотографии и другое, не стимулирует формирование личностных знаний, тормозит развитие осмысляющего мышления, следовательно, необходимо позаботиться о правильном формировании когнитивного контроля и устойчивости внимания студентов.

Цифровизация образовательного процесса представляет собой не только функционирование цифровой образовательной среды, адаптированной под современные условия и технические средства, но и организацию процесса обучения в данных условиях. Сегодня преподаватель, владеющий цифровыми инструментами, является конкурентоспособным в профессиональном сообществе и интересен современным обучающимся.

А.А. Вербицкий включает в цифровое обучение «закономерности, принципы и механизмы усвоения обучающимися знаний, умений, навыков, компетенций с использованием компьютера. Компьютер в качестве тренажера используется для закрепления и систематизации приобретённых умений и навыков, в качестве репетитора выполняет определённые функции за преподавателя. В этих случаях функции преподавателя улучшаются в количественном аспекте, поскольку за счет компьютера повышается скорость взаимодействия преподавателя со студентами, оперативность принятия решения и др. В ходе цифровизации образовательного процесса, как правило, используются именно эти возможности и, по мнению А.А. Вербицкого, они не могут дать более качественного изменения образовательного результата [10]. Возможно, проблема заключается в мотивации электронного обучения.

Мотивацией электронного обучения занимались такие зарубежные ученые, как Дж. Келлер, Т. Гао, Дж. Леман, Б. Такман, Ч. Шлоссер и др. Наиболее известно и чаще показано в работах отечественных и зарубежных исследователей применение модели повышения учебной мотивации ARCS, разработанной Дж. Келлером. Данная модель состоит из следующих компонентов и последовательности действий по их формированию:

- внимание (Attention) – вызвать интерес у учащихся;
- значимость (Relevance) – учебный материал должен иметь практико-ориентированный характер, удовлетворять интересам и потребностям учащегося;
- уверенность (Confidence) – вселить в учащегося уверенность в собственных силах и возможностях для решения поставленных задач;
- удовлетворение (Satisfaction) – добиться от учащегося удовлетворения процессом обучения или его результатом.

В связи с тем, что многие цифровые технологии обладают дидактическими свойствами, в современной педагогике появилось новое понятие «цифровая дидактика», под которой В.И. Блинов понимает «целую отрасль педагогики по организации процесса обучения в цифровой образовательной среде» [11. С. 9]. На основе цифровой дидактики появляются новые методики, модели и стратегии обучения. Основные понятия и классические для дидактики принципы остаются в условиях цифрового образовательного пространства, но в трансформированном или дополненном виде. Однако есть и ряд новых принципов:

- принцип целесообразности предполагает использование только таких цифровых технологий и средств обучения, которые обеспечивают достижение поставленных целей образовательного процесса;
- принцип адаптивности представляет собой построение цифрового образовательного процесса с учетом индивидуальных возможностей каждого обучающегося;
- принцип интерактивности требует наличия в обучающем процессе активной реальной, виртуально-сетевой коммуникации между обучающимися и преподавателями;
- принцип практико-ориентированности предполагает постановку целей, содержания, технологий, методов и средств обучения, подчиненных актуальным и перспек-

тивным требованиям экономики, рынка труда, перспективным производственным технологиям;

– принцип включенного оценивания требует трансформацию контролирующего оценивания в диагностико-формирующую оценку учебной деятельности. Цифровые технологии обеспечивают мгновенную связь, общая обучающемуся, педагогу о ходе и результатах выполнения задания, сильных и слабых сторонах, наличии пробелов в предыдущем материале, выдавая персонализированные рекомендации по устранению выявленных проблем.

В своем исследовании мы взяли за основу элементы дидактики, сформулированные Л. Клиenberg. В традиционной дидактике рассматриваются категории, являющиеся неизменными в системе обучения: «преподавание», «учение», «содержание», «метод», которые связаны между собой дидактическими отношениями (рис. 1, таблица). Цифровую дидактику нельзя рассматривать в отрыве от традиционной дидактики и современных концепций обучения.

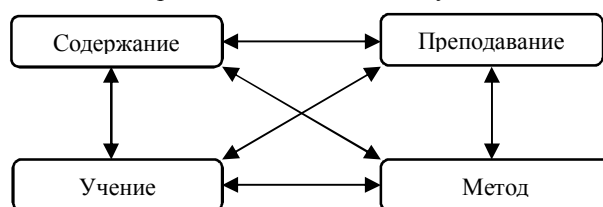

Рис. 1. Элементы дидактики (по Л. Клиenberg)

Сравнение взаимосвязей элементов дидактики в традиционной и цифровой дидактиках

Взаимосвязь	Традиционная дидактика	Цифровая дидактика
Содержание–преподавание	Транслирование информации студенту	Новая роль преподавателя (модератор, тьютор, коучер и т.д.)
Содержание–учение	Деятельность студента по программе преподавателя	Организация студентом своей учебной деятельности, выработка индивидуальной траектории обучения, выбор форм и методов учебной деятельности
Содержание–методы	Традиционные формы обучения и оценивания (урок, семинар, лекция, практическое занятие, коллоквиум и др.)	Интерактивные формы обучения и оценивания (смешанное обучение, цифровая платформа, виртуальные тренажеры, вебинары, видеолекции, совместные занятия и пр.)
Преподавание–методы		
Преподавание–учение	Фронтальная, групповая, индивидуальная формы обучения	Коллаборативное обучение (студенты–программа–студенты, студенты–программа–преподаватель)
Учение–методы	Фронтальные методы обучения	Интерактивные методы (коллаборация, сторителлинг, геймификация, метод проектов и пр.)

Если структурные элементы учебного процесса остаются неизменными, взаимосвязи между ними видоизменяются в результате цифровизации.

Рассмотрим их в контексте нашего исследования на основе эксперимента, проведенного на базе Института математики и информатики Бурятского государственного университета, а также Бурятского аграрного колледжа. В исследовании приняли участие 76 студентов, 8 преподавателей ИМИ БГУ и 140 студентов и 6 преподавателей Бурятского аграрного колледжа.

Как сделать так, чтобы содержание учебного материала мотивировало студентов к его усвоению? Содержание обучения для студентов является той информацией, которую они получают от преподавателя или из других источников. Однако доступный и высококачественный образовательный контент вне потребностей студента не имеет для него какого-либо значения и, соответственно, не решает проблем с мотивацией. Поэтому материал предлагался в определенной форме, в определенном формате с учетом потребностей студента таким образом, чтобы он вызывал эмоциональный отклик (оценка материала) и вовлекал в активные познавательные процессы. В результате студент получает импульс к последующей деятельности. В связи с этим преподавателю необходимо знать потребности студентов, форму этих потребностей в настоящее время, будущие потребности, которые могут возникнуть у них при их нормальном развитии и при наличии соответствующих условий. «Цифровая образовательная среда, в которую входит обучающийся, должна быть красивая и на первых порах динамично развивающаяся. Первые шаги в ней должны быть увлекательны, просты и быстро приводить к осязаемому эффекту, успеху... Учебная среда должна решить вопрос первичной мотивации и похвалиться ученику». Это сложно и требует огромных усилий со стороны преподавателя. Наши преподаватели размещали контент в цифровую образовательную среду таким образом, чтобы он носил интересные визуальные образы; использовались различные сервисы, позволяющие создавать интерактивное содержание, текст, видео, анимацию и т.д. Также в Бурятском аграрном колледже использовалась платформа «Цифровой колледж», содержащая виртуальный практикум и позволяющая моделировать реальные ситуации в виртуальном пространстве.

Правильная организация образовательного процесса преподавателем играет важную роль в формировании положительной учебной мотивации. С учетом психологических особенностей представителей «цифрового поколения» преподавателю необходимо в цифровой образовательной среде формулировать задачи, используя разные сервисы, программы; менять инструменты, задействуя как можно больше технологий, не упуская возможность использования соцсетей; учить играя и развивая.

Для выработки содержательной мотивации учебной деятельности необходимо построить ее в несколько этапов. На мотивационном этапе у учащегося должна быть цель, достижение которой реально и интересно. В качестве мотивационных инструментов преподавателями использовалась квест-комната, где были созданы учебные веб-квесты, викторины и интеллектуальные онлайн-игры, онлайн-конструктор учебных тренажеров. За счет игровых технологий

повышается мотивация на начальном этапе учебной деятельности, студенты получают положительные эмоции от учебной деятельности и восприятия результата. На операционно-познавательном этапе инструментом погружения в учебную деятельность также может служить представление информации студентами в виде инфографики. Цифровая среда дает большую возможность проводить рефлексивно-оценочный этап в различных вариантах (оценка работы с облаками слов, визуальный акцент на важных терминах, популярных словах и др.). Таким образом, важной задачей преподавателя является организация учебной деятельности студентов, создание условий для этой деятельности, формирование потребностей и мотивов для ее поддержания.

В цифровой образовательной среде большое значение имеет педагогический дизайн. В период дистанционного обучения, связанного с COVID-19, среди педагогов был проведен опрос. На один из вопросов «В какой форме дистанционного обучения вы проводили занятия (синхронное или асинхронное)?», были получены следующие ответы:

– 38% преподавателей выбрали синхронную форму обучения, когда студенты получают информацию сразу же, имея возможность задать вопрос, выполнить задание. Занятия проходили в виде лекций, вебинаров, прямого эфира в соцсетях, конференций в Zoom и т.д. Этот вариант выбирали, как правило, преподаватели более старшего возраста;

– 62% опрошенных выбрали асинхронную форму, когда преподаватель заранее готовит и структурирует материал для изучения, студенты получают доступ к заданиям и обучаются в собственном темпе и в удобное для них время. Задания были в форме чтения учебников, статей, информации с сайтов, прохождения e-курсов, тестов, заданий и т.д. Также преподаватели организовывали онлайн-занятия для разбора и обсуждения непонятных моментов. Данный вариант выбрали более молодые преподаватели.

В Институте математики и информатики и Бурятском аграрном колледже было организовано также инверсное обучение («перевернутый класс»), где в качестве домашнего задания студентам необходимо было изучать учебный материал в виде видеоуроков, а в урочное время обсуждались непонятные моменты и выполнялись практико-ориентированные задания. Такая форма обучения является разновидностью смешанного обучения, которая совмещает в себе преимущества традиционной и дистанционной систем обучения. Нам кажется, именно инверсное обучение дает возможность разумно сочетать внешнее воздействие на процесс обучения студента и его личную инициативу. Учащиеся в ходе инверсного обучения реализовывали собственные интересы, сформировалась ответственность, ими были получены навыки участия в групповой онлайн-работе с практико-ориентированными задачами и др. [12].

В образовательном процессе активно используется социальная сеть. В Бурятском аграрном колледже созданы несколько предметных страниц, позволяющих размещать централизованно информацию в новостной ленте, загружать документы, видео-, аудио-,

фотоинформацию. В целях обучения эти ресурсы были использованы следующим образом:

1. В разделе «Документы» студенты получали информацию о самостоятельных, контрольных и иных формах работ, темах рефератов, докладов, разъяснениях по их выполнению.

2. В основном разделе размещена информация о времени и сроках пересдачи контрольных работ, зачетов.

3. Видеофайлы – это видеолекции или тематические фильмы, которые необходимо проанализировать, чтобы не тратить время на их просмотр во время уроков.

4. Аудиофайлы – лекции или музыка, которую можно использовать в образовательных целях.

Самостоятельные работы студенты могли присылать в личных сообщениях, что позволяло работать с отправленными документами в режиме рецензирования.

В становлении учебной мотивации значительную роль играют различные формы коллаборативной деятельности, включение студентов в эту деятельность. Совместная групповая работа, направленная на достижение единой цели, придает ей эмоциональную привлекательность. В цифровой образовательной среде учащиеся размещали продукты, созданные с помощью цифровых инструментов, ведь студентам, особенно младших курсов, очень важно было показать себя с наилучшей стороны. При совместной работе усиливается мотивация учения, поскольку сказывается эффект социальной фасилитации, когда в присутствии других людей у человека наблюдается активизация деятельности. При дистанционном обучении коллаборативная учебная деятельность также удовлетворяла потребностям студентов в общении со сверстниками, ведь данная потребность в подростковом и юношеском возрасте возрастает, при этом максимально используются возможности современных интернет-технологий.

В настоящее время в интернете существует множество сервисов для совместной деятельности (padlet.com, linoit.com и др.), социальные сети для выполнения групповых проектов, виртуальные доски для совместного пользования и т.д. Нами использовались различные сервисы для организации совместной деятельности: Moodle, Zoom, Viber, ВКонтакте, YouTube (размещение видео проведенных лекций, комментарии к ним), gitlab.com (как хостинг для размещения студентами решений), Dropbox (размещение материалов по курсу), IDroo (виртуальная доска с возможностью совместного пользования), сервисы Google (таблицы, документы, презентации, диск). Благодаря коллаборативному обучению студенты учатся слушать и слышать друг друга в диалоге, развивать, корректировать и обогащать свою и чужую точку зрения.

Оценка работы студентов играет огромную мотивирующую роль в их образовательной деятельности, поэтому важен качественный анализ выполненной работы с указанием положительных сторон и динамики в освоении учебного материала. Все это обеспечивает адекватную самооценку студента, формирование устойчивой учебной мотивации. Платформа «Цифровой колледж», позволяющая обеспечить пошаговый контроль по визуализации результатов, содержит интерактивные практические задания по имитации операций профессиональной деятельности.

«В процессе обучения наиболее качественное восприятие и усвоение учебного материала происходит в результате межличностного познавательного общения и взаимодействия всех субъектов. Методы группового взаимодействия принято называть интерактивными» [13]. Ученые, изучающие процессы, происходящие в сети, советуют в образовательной деятельности применять элементы геймификации и сторителлинга. Образовательный курс с данными элементами направлен на вовлечение студентов в учебную деятельность, удержание их внимания во время занятия, представление информации в более доступной форме, а также на проверочную работу. Это достаточно новые методы обучения, позволяющие активизировать учебную деятельность на новом уровне, который «является первопричиной, источником деятельности учащегося, имеющей творческий, преобразующий характер» [14].

Для управления мотивацией учебной деятельности также важны личность преподавателя и стиль педагогического общения [15]. Из трех основных стилей педагогического общения (авторитарный, попустительский, демократический) наиболее эффективным по влиянию на развитие мотивации учащихся считается демократический.

Таким образом, можно выделить особенности и пути повышения учебной мотивации студентов в условиях цифровой образовательной среды:

- преподавателям приходится меняться для того, чтобы учить «новых» детей. «Пришло время трансформации, время саморазвития, нельзя идти вперед с головой, повернутой назад, иначе мы проиграем целые поколения и окажемся ненужными тем, кто сегодня приходят нам на смену»;

- в цифровой образовательной среде студенты самостоятельно организуют учебную деятельность, вырабатывают индивидуальную траекторию обучения, выбирают формы и методы учебной деятельности;

- применение интерактивных форм обучения и оценивания (смешанное обучение, цифровая платформа, виртуальные тренажеры, вебинары, видеолекции, совместные занятия и пр.);

- групповое взаимодействие в виде коллаборативного обучения с наличием отношений студенты–программа–студенты, студенты–программа–преподаватель;

- применение интерактивных методов обучения, характерных для групповой и командной форм работы (коллаборация, сторителлинг, геймификация, метод проектов и пр.).

Действительно, полученные результаты не противоречат сформулированным Е.П. Ильиным и А.К. Марковой факторам, влияющим на формирование устойчивой мотивации к учебной деятельности: содержание учебного материала, организация учебной деятельности, коллективные формы учебной деятельности, оценка учебной деятельности, стиль педагогической деятельности.

Также проведенный среди студентов опрос о возникновении интереса к учебной деятельности в результате применения цифровых технологий говорит о верности полученных результатов исследования. Преподаватели отметили, что создание условий для

организации учебной деятельности в целях повышения мотивации является трудоемким процессом.

Таким образом, проведенное исследование позволяет выделить особенности управления учебной мотивацией студентов в условиях современной цифровой образовательной среды: учет специфики развития познавательных процессов современного студенчества (преобладание у молодежи наглядного образного мышления, кратковременной памяти с признаками транзактивной памяти, увеличение скорости восприятия информации при рассеянном внимании, способности к работе в режиме многозадачности и др.); повышение уровня самоорганизации, персонификации проектирования и реализации процессов учения и преподавания; использование интерактивных форм

обучения и оценивания (смешанное обучение, цифровая платформа, виртуальные тренажеры, вебинары, видеолекции, совместные занятия и пр.); применение интерактивных методов обучения, характерных для групповой и командной форм работ (коллаборация, сторителлинг, геймификация, метод проектов и пр.); оптимальное сочетание индивидуальных, групповых, командных онлайн и офлайн форм взаимодействия и др. Здесь мы лишь обозначили отдельные возможности управления учебной мотивацией студентов в новых условиях. Дальнейшее изучение процессов активизации познавательной деятельности учащихся может быть связано с систематизацией уже имеющихся и обоснованием новых методов и средств современной цифровой дидактики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Правительства РФ № 2040 от 07.12.2020 г. «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74922819/>
2. Wlodkowski R.J. Enhancing adult motivation to learn : A comprehensive guide for teaching all adults. San Francisco : Jossey-Bass, 1999.
3. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2002. 512 с.
4. Мешков Н.Н., Мешков Д.Н. Мотивация личности как ключевая проблема психологии // Интеграция образования. 2015. № 1 (78). С. 37–43.
5. Гордеева Т.О. Мотивация: новые подходы, диагностика, практические рекомендации // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 38–53.
6. Howe N., Strauss W. Generations : The History of America's Future 1584–2069. New York : William Morrow and Company, 1991. URL: <https://www.goodreads.com/book/show/183651.Generations>
7. Posnick-Goodwin S. Generation Z : A New Cohort Comes of Age. 2019. URL: <https://californiaeducator.org/2019/06/20/generation-z-a-new-cohort-comes-of-age/#:~:text=We're%20talking%20about%20Generation,last%20letter%20of%20the%20alphabet>
8. Фрумкин К.Г. Клиповое мышление и судьба линейного текста // Топос : литературно-философский журнал. 2010. № 9. URL: <http://www.topos.ru/article/7371>
9. Шпитцер М. Антимозг : цифровые технологии и мозг. М. : АСТ, 2014. 284 с.
10. Вербицкий А.А. Цифровое обучение: проблемы, риски и перспективы // Электронный научно-публицистический журнал «Номо Cyberus». 2019. № 1 (6). URL: http://journal.homocyberus.ru/Verbitskiy_AA_1_2019
11. Дидактическая концепция цифрового профессионального образования и обучения / П.Н. Биленко, В.И. Блинов, М.В. Дулинов, Е.Ю. Есенина, А.М. Кондаков, И.С. Сергеев ; под науч. ред. В.И. Блинова. М. : Перо, 2019. 98 с.
12. Тимкин С. Мотивация студента в модели смешанного обучения // Высшее образование в России. 2008. № 9. С. 116–119.
13. Шевченко Н.И. Интерактивные методы как условие интерактивного образования // Интерактивное образование. 2018. № 1. С. 15–21.
14. Добычина Н.В. «Компьютерные игры – театр активных действий» // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2013. № 1. С. 149–158.
15. Тэн Ю. Мотивация учебной деятельности // Сибирский психологический журнал. 2008. № 30. С. 75–76.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 12 сентября 2021 г.

Managing Students' Learning Motivation in the Digitalization Context

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 203–209.

DOI: 10.17223/15617793/470/24

Valentina B. Tsyrenova, Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: v.ts@mail.ru

Natalya B. Lumbunova, Buryat Agricultural College named after M.N. Erbanov (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: gmat6856mk@gmail.com

Keywords: motivation enhancement; learning motivation; digital didactics; digital educational environment; blended learning.

In the modern world, digital technologies are not only a tool of the educational process, but also a living environment that opens up new educational opportunities. The system of “digital” education imposes certain requirements on students, the main ones of which are self-organization and self-motivation of educational activities. The article aims to solve the problem of increasing students’ educational motivation in the modern conditions of total digitization. The authors conclude that the basis of self-education is internal motives, but they cannot be formed without external ones since internal needs appear only thanks to external influences. The creation of an external environment requires consideration of the peculiarities of young people’s cognitive development. Modern students have a primarily visual thinking, a short-term memory with signs of transactional memory, an increased speed of receiving information under distracted attention, and an ability to study in a multitasking mode. When organizing education in a digital educational environment, taking into account the characteristics of representatives of the digital generation, one should turn to the structural elements of didactics: “teaching”, “learning”, “content”, “method”. In modern conditions, the elements themselves remain unchanged, but the relationships between them are modified. In the context of increasing educational motivation, the elements include change of the teacher’s role; self-organization by a student of their educational activities, choice of their individual trajectory of study, forms and methods of educational activities; the use of interactive forms of teaching and assessment (blended learning, digital platform, virtual simulators, webinars, video lectures, joint sessions, etc.); group interaction in the form of collaborative learning with student–program–student, student–program–teacher relationships; the use of interactive teaching methods, typical group and team forms of work (collaborations, storytelling, gamification, project method, etc.). The results do not contradict the

factors influencing the formation of sustainable motivation for learning activities stated by E.P. Ilyin and A.K. Markova, and are also confirmed by the answers to the survey among students.

REFERENCES

1. Garant.ru. (2020) *Decree of the Government of the Russian Federation No. 2040 of 07.12.2020: On conducting an experiment to introduce a digital educational environment*. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74922819/> (In Russian).
2. Wlodkowski, R.J. (1999) *Enhancing adult motivation to learn: A comprehensive guide for teaching all adults*. San Francisco: Jossey-Bass.
3. I'in, E.P. (2002) *Motivatsiya i motivy* [Motivation and motives]. St. Petersburg: Piter.
4. Meshkov, N.N. & Meshkov, D.N. (2015) Motivatsiya lichnosti kak klyuchevaya problema psikhologii [Personal motivation as a key problem of psychology]. *Integratsiya obrazovaniya*. 1 (78). pp. 37–43.
5. Gordeeva, T.O. (2016) Motivation: New Theoretical Approaches, Diagnostics and Practical Recommendations. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 62. pp. 38–53. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/62/4
6. Howe, N. & Strauss, W. (1991) *Generations: The History of America's Future 1584–2069*. New York: William Morrow and Company, [Online] Available from: <https://www.goodreads.com/book/show/183651.Generations>
7. Posnick-Goodwin, S. (2019) *Generation Z: A New Cohort Comes of Age*. [Online] Available from: <https://californiaeducator.org/2019/06/20/generation-z-a-new-cohort-comes-of-age/#:~:text=We're%20talking%20about%20Generation,last%20letter%20of%20the%20alphabet>
8. Frumkin, K.G. (2010) Klipovoe myshlenie i sud'ba lineynogo teksta [Clip thinking and the fate of linear text]. *Topos: literaturno-filosofskiy zhurnal*. 9. [Online] Available from: <http://www.topos.ru/article/7371>
9. Shpittser, M. (2014) *Antimozg: tsifrovye tekhnologii i mozg* [Antibrain: digital technologies and the brain]. Moscow: AST.
10. Verbitskiy, A.A. (2019) Digital learning: problems, risks and prospects. *Homo Cyberus*. 1 (6). [Online] Available from: http://journal.homocyberus.ru/Verbitskiy_AA_1_2019 (In Russian).
11. Bilenko, P.N. et al. (2019) *Didakticheskaya kontseptsiya tsifrovogo professional'nogo obrazovaniya i obucheniya* [Didactic concept of digital vocational education and training]. Moscow: Pero.
12. Timkin, S. (2008) Motivatsiya studenta v modeli smeshannogo obucheniya [Student motivation in the blended learning model]. *Vyshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 9. pp. 116–119.
13. Shevchenko, N.I. (2018) Interaktivnye metody kak uslovie interaktivnogo obrazovaniya [Interactive methods as a condition for interactive education]. *Interaktivnoe obrazovanie*. 1. pp. 15–21.
14. Dobychina, N.V. (2013) Computer games – a theater of active action. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva*. 1. pp. 149–158. (In Russian).
15. Ten, Yu. (2008) The Stimulation of Learning Motivation. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 30. pp. 75–76. (In Russian).

Received: 12 September 2021

В.В. Черкасов, И.И. Черкасова, Н.Н. Пестряков

АНАЛИЗ ДВИГАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ И ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ ЮНЫХ ФУТБОЛИСТОВ ПРИ ДИСТАНЦИОННОМ РЕЖИМЕ ТРЕНИРОВОЧНЫХ ЗАНЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Определено влияние самостоятельных форм занятий в условиях пандемии COVID-19 на двигательную активность и физическую подготовленность футболистов 9–10 лет. Рассмотрены вопросы организации самостоятельных занятий физическими упражнениями в ограниченных условиях жилища. Представлена динамика изменений показателей двигательной активности и физической подготовленности за период самоизоляции. Даны рекомендации по совершенствованию самостоятельных форм занятий физическими упражнениями.

Ключевые слова: двигательная активность; футболисты 9–10 лет; физическая подготовка; самоизоляция; показатели физических качеств.

Введение. Привлечение детей к регулярным занятиям физическими упражнениями входит в число стратегических задач физической культуры и спорта [1]. Двигательная активность является ведущим фактором развития психофизических качеств, формирования опорно-двигательного аппарата и функциональных систем организма. Включение в активную двигательную деятельность способствует повышению качества жизни, эмоциональному и психологическому благополучию, положительно воздействует на развитие интеллектуальных способностей [2–4]. В то же время гипокинезия приводит к обратному эффекту, вследствие чего в последнее время отмечается рост числа детей, страдающих различными отклонениями в состоянии здоровья и избыточной массой тела [5, 6].

Проявление двигательной активности в значительной степени зависит от климатических условий проживания. Данная проблема особенно актуальна для нашей страны, где регионы Крайнего Севера и приравненные к нему территории занимают более 60% всей площади Российской Федерации. Экстремальные природно-климатические условия не только негативного воздействуют на функциональные системы организма [7], но и значительно ограничивают повседневную двигательную активность школьников, увеличивая риск детской заболеваемости [8], что обуславливает необходимость активного вовлечения детей, проживающих в данной местности, к регулярным занятиям физическими упражнениями.

В системе физического воспитания обеспечение высоких показателей двигательной активности достигается на основе системного использования различных форм занятий физическими упражнениями, ведущую роль в которых занимают урочные формы. Известно, что в школе урок физической культуры является основной организационной формой. Между тем, в связи со строго регламентированной продолжительностью занятия, основной ресурс урочного времени отводится на решение образовательных задач, направленных на освоение двигательных умений и навыков. Оздоровительные и развивающие задачи при этом решаются опосредованным путем в процессе выполнения физических упражнений, суммарный объем нагрузки которых, в силу своей непродолжительности, в развитии физических качеств не обеспечивает формирование кумулятивного эффекта.

Наиболее существенное воздействие физических нагрузок, вызывающее адаптационные изменения в организме, происходит в рамках секционных занятий [9, 10]. Так, регулярные занятия футболом с различной направленностью способствуют развитию основных физических качеств; воздействуют на снижение жировой и увеличению мышечной массы, нормализацию артериального давления и частоту сердечных сокращений (ЧСС) в состоянии покоя; оказывают положительное влияние на минерализацию костей и повышение функциональных способностей [11, 12]. Также определенным потенциалом для повышения физических кондиций школьников обладают самостоятельные формы занятий физическими упражнениями [13].

В рамках школьного физического воспитания выполнение домашних заданий по физической культуре и самостоятельные занятия с тренировочной направленностью являются основным средством решения задач физической подготовки, включая предусмотренную требованиями образовательных стандартов подготовку к выполнению норм комплекса ГТО. В процессе спортивной подготовки самостоятельные занятия традиционно используются в качестве дополнительных форм для развития и поддержания отдельных компонентов общей физической подготовки, не относящихся в спортивной специализации к ведущим физическим качествам.

Проблемы организации самостоятельных занятий физическими упражнениями актуализировались в период пандемии COVID-19, когда вследствие локдауна все образовательные и физкультурно-спортивные организации были переведены на дистанционный режим работы. Смена формата режима работы потребовала разработки дополнительных методических материалов: индивидуальных программ физической подготовки, планов-конспектов и индивидуальных домашних заданий, видеоматериалов с комплексами упражнений для онлайн-уроков и тренировочных занятий. В организации учебно-тренировочного процесса возникла необходимость в изменении параметров нагрузки с развивающего на поддерживающий режим и замены средств специальной спортивной подготовки на упражнения общеразвивающего характера. В образовательном процессе физического воспитания произошло замещение средств технической подготовки и игровых видов деятельности на упражнения общефизической направленности, выпол-

няемых методами строго регламентированного упражнения [14, 15].

Основными средствами для самостоятельных форм занятий выступили упражнения, направленные на развитие гибкости и различных проявлений силовых способностей, выполнение которых в ограниченных условиях жилища не требует сложного оборудования и специальных мест для занятий. Так, в качестве средств физической подготовки футболистов было предложено использовать программу, состоящую из упражнений для развития силы верхних и нижних конечностей; стабилизационных упражнений для мышц кора; упражнений на гибкость [16]; для спортсменов-ориентировщиков разработан комплекс йоги для развития статической силы, гибкости, совершенствование координационных способностей и дыхательной системы [17]; для волейболистов предложены комплексы круговой тренировки, включающие прыжковые упражнения и упражнения статического и динамического характера для развития силовой выносливости [18].

Таким образом, в сфере физического воспитания и спортивной подготовки накоплен определенный опыт по организации самостоятельных форм занятий в режиме самоизоляции. Между тем в публикациях пока недостаточно представлено объективных данных, подтверждающих эффективность предлагаемых программ самостоятельных занятий и их влияние на развитие двигательных кондиций.

С целью определения эффективности самостоятельных занятий физическими упражнениями на двигательную активность и физическую подготовленность юных футболистов было проведено исследование.

Материалы и методы исследования. В исследовании приняли участие 18 мальчиков 9–10 лет, занимающихся в школьной секции футбола на базе МАОУ «Средняя общеобразовательная школа им. И.Ф. Пермякова», с. Полноват Белоярского района ХМАО-Югра. Средний возраст детей на момент исследования составил 9,5 лет; стаж занятий в спортивной секции – 3 мес. До начала пандемии занятия проводились

в соответствии с программным материалом по футболу для группы начальной подготовки первого года обучения 3 раза в неделю по 90 мин. В период с 20.03.2020 г. по 20.04.2020 г. тренировочный процесс осуществлялся по разработанной методике физической подготовки в форме самостоятельных занятий. Исходное тестирование физической подготовленности было проведено в феврале 2020 г., итоговое – в апреле 2020 г., после возобновления очной формы обучения в Белоярском районе ХМАО-Югры [19].

В качестве критериев физической подготовленности использовались нормативы второй ступени ВФСК ГТО. Уровень двигательной активности определялся на основании краткой международной анкеты для определения физической активности (IPAQ) [20]. В соответствии с максимальным значением оценочной шкалы IPAQ (49 баллов), показатели двигательной активности были дифференцированы на пять уровней: «низкий» – 20 баллов и ниже; «ниже среднего» – 21–28 баллов; «средний» – 29–36 баллов; «выше среднего» – 37–42 балла; «высокий» – 43–49 баллов.

В качестве методов исследования использовались анализ научных статей, анкетирование, анализ дневников самоконтроля, методы математической статистики: для обработки результатов анкетирования применялся *U*-критерий Манна – Уитни, достоверность различий показателей физической подготовленности определялась с помощью *t*-критерия Стьюдента; для определения взаимосвязи между показателями был выбран метод ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования. Анкетирование уровня двигательной активности проводилось на второй неделе исследования. Испытуемому было предложено по шкале IPAQ сравнить показатели активности в обычном режиме жизнедеятельности и в режиме самоизоляции (табл. 1).

Для объективизации ответов до респондентов были доведены параметры ЧСС при умеренной и интенсивной нагрузках; представлены варианты форм занятий и виды двигательной деятельности, характерные для данных режимов.

Т а б л и ц а 1

Изменение двигательной активности юных футболистов до и после введения режима самоизоляции

Показатель двигательной активности	Период	Средний объем	Средний балл	Δ , %
Занятия с интенсивной физической нагрузкой, кол-во дней в неделю	До	5,2	5,2+0,43	– 42,3
	После	3	3	
Объем интенсивной физической нагрузки в течение занятия, мин	До	41,3	3,5+0,92	– 39
	После	25	3	
Занятия с умеренной физической нагрузкой, кол-во дней в неделю	До	6,7	6,7+0,42	– 6
	После	6,3	6,3+0,5	
Объем умеренной физической нагрузки в течение дня, мин	До	92,7	5,4+0,85	– 24,5
	После	70	3,6+0,97	
Пешие прогулки, кол-во дней в неделю	До	7	7	0
	После	7	7	
Продолжительность пеших прогулок, мин	До	90	7	– 33,3
	После	60	5,0+2,0	
Продолжительность нахождения в неподвижном (сидячем) положении в течение дня, ч	До	6,5	2,3+0,69	– 12,3
	После	7,3	1,6+0,5	
Суммарный объем двигательной активности, баллы	До	–	37,1	– 20,5
	После	–	29,5	

С учетом того, что участвующие в исследовании дети на регулярной основе занимаются спортивной деятельностью, к средствам умеренной нагрузки были

отнесены физические упражнения, выполняемые в аэробном режиме с режимом энергообеспечения при ЧСС до 130 уд/мин. Все остальные упражнения,

нагрузка в которых соответствовала средней (ЧСС – 131–155 уд/мин) и большой интенсивности (ЧСС – 156–175 уд/мин), включались в раздел «интенсивная нагрузка».

Обработка полученных данных показала, что в стандартных условиях продолжительность интенсивной нагрузки у 13 (72,2%) респондентов составляет 30 мин, у 5 (27,8%) – от 40 до 60 мин. Суточный объем умеренной нагрузки у большинства футболистов (77,8%) занимает от 60 до 90 мин; 4 (22,2%) человека указали, что их нагрузка превышает 1,5 ч. На ежедневную прогулку 9 (50%) респондентов затрачивают до 60 мин; остальные 9 человек – свыше 1,5 ч. Продолжительность нахождения в неподвижном (сидячем) положении (школьный урок, выполнение домашнего задания, видеоигры и т.п.) варьируется в пределах восьми часов: у 9 (50%) испытуемых – до 6 ч; у 7 (38,9%) – до 7 ч; у 2 (11,1%) – более 7 ч. В целом значения 6 (33,3%) респондентов соответствуют «среднему» уровню; уровень «выше среднего» у 12 (66,7%) испытуемых.

После введения дистанционной формы обучения понижение параметров двигательной активности было отмечено в большинстве исследуемых показателях. Объем умеренной нагрузки уменьшился на 22 мин, а нагрузки в интенсивном режиме – на 16 мин. Время, проведенное испытуемыми в сидячем положении, увеличилось в среднем на 48 мин. Продолжительность пеших прогулок сократилась на 30 мин. При этом количество дней в неделе, используемых на прогулку, осталось на прежнем уровне. Отрицательная динамика отдельных показателей за время изоляции показала негативное влияние на общий уровень двигательной активности: количество респондентов с уровнем «выше среднего» сократилось до 8 (44,4%) человек, число испытуемых со средним уровнем со-

ставляло 10 (55,6%) человек. Общее снижение показателя двигательной активности составило 7,6 балла (20,5%) при достоверном уровне значимости различий ($p < 0,01$).

Для поддержания уровня двигательной активности и физической подготовленности на период изоляции были разработаны комплексы: общеразвивающих упражнений для утренней гимнастики; для развития силовых способностей и гибкости; упражнений на координационной лестнице. По каждому комплексу был подготовлен видеоматериал, включающий демонстрацию с методическими указаниями. В связи с отсутствием в личном пользовании спортивных тренажеров, в качестве основных средств физической подготовки использовались: гимнастические упражнения, силовые упражнения с собственным весом, плиометрические упражнения, упражнения на координационной лестнице. Выполнение физических упражнений в режиме дня планировались в форме ежедневной утренней гимнастики и самостоятельных занятий общей физической подготовкой. Также детям рекомендовалось периодически включать физкультминутки из 3–4 упражнений для глаз и мышц спины при выполнении теоретических заданий школьной программы.

Занятие утренней гимнастикой, продолжительностью до 15 мин, включало 10–12 упражнений на основные группы мышц. Гимнастика завершалась выполнением силовых упражнений на мышцы рук и брюшного пресса (один подход методом «до отказа»). Средства для утренней гимнастики и подготовительной части тренировочного занятия каждый испытуемый подбирал индивидуально, используя упражнения из предоставленного комплекса или свой вариант, с еженедельным обновлением состава упражнений.

Основная нагрузка планировалась на самостоятельные тренировочные занятия (табл. 2).

Таблица 2

Планирование средств физической подготовки в недельном микроцикле

Упражнение	Продолжительность	Дни недели					
		Пн.	Вт.	Ср.	Чт.	Пт.	Сб.
Упражнения на гибкость	10 мин	+	+	+	+	+	+
Бег на месте с высоким подниманием бедра	3 × 15 с	+		+		+	
Быстрая смена положения ног в выпаде (разножка)	3 × 15 с	+		+		+	+
Упражнения с координационной лестницей	3 × 8 раз	+		+		+	
Джампин Джекс	3 × 20 раз		+		+		
Берпи	3 × 10 раз	+		+	+	+	
Прыжки в планке вперед назад	3 × 10 раз		+		+		
Приседания с выпрыгиванием	3 × 10 раз		+				
Прыжки на возвышенность	3 × 10 раз		+		+		
Прыжки со скакалкой	3 × 40 раз	+		+		+	
Сгибание и разгибание рук в упоре лежа	3 × 10 раз		+		+		+
Подъем туловища и ног из положения лежа	3 × 25 раз		+		+		+
Лежа на животе подъем вверх рук и ног	3 × 25 раз		+		+		

Нагрузка с высокой интенсивностью включалась три раза в неделю. Все упражнения выполнялись с использованием повторного метода. Пауза отдыха между подходами одного упражнения составляла 30–45 с (восстановление до ЧСС – 115 уд/мин). В содержание разработанного комплекса на координационной лестнице входило 40 беговых и прыжковых упражнений, выполняемых в максимальном темпе. Каждую неделю комплекс обновлялся. Прыжки со скакалкой включали поочеред-

ные прыжки на одной ноге, на двух, на двух с высоким подниманием колен. Также, при наличии условий, испытуемым предлагались упражнения на перекладине – подтягивание и подъем ног в висе. Комплекс силовых упражнений выполнялся дважды в неделю в форме круговой тренировки методом экстенсивного интервального упражнения.

План тренировочного занятия строился по следующей схеме: циклические упражнения в аэробном режиме

энергообеспечения (ЧСС – до 120 уд/мин) с целью общего разогрева организма – упражнения на гибкость (6–8 упражнений в динамическом режиме) – упражнения на скорость – упражнения на координационные/скоростно-силовые способности – упражнения на силовую выносливость – упражнения на гибкость (2–3 упражнения).

В конце недели проводилось контрольное занятие. Упражнения выполнялись с одним подходом; результаты заносились в электронный дневник самоконтроля. После завершения занятия с испытуемыми по видеосвязи проводилось общее собрание с обсуждением результатов прошедшего микроцикла, формулировались задачи на следующую неделю.

Управление и контроль над выполнением тренировочных заданий были организованы по видеосвязи с использованием платформы Discord. Дополнительный контроль и, в случае необходимости, помощь при выполнении упражнений осуществлялись со стороны родителей, контакты с которыми поддерживались через общение в группе Viber.

В течение исследования каждый испытуемый вел дневник самоконтроля, в котором отмечались: содержание двигательной активности в течение дня; изменения динамики показателей силовой выносливости; показатели ЧСС в покое и после нагрузки.

Требование к наличию дневника самоконтроля позволило решить ряд задач. Во-первых, это дало возможность в момент превышения испытуемым исходных показателей силовой выносливости индивидуально корректировать в сторону увеличения тренировочную нагрузку в одном подходе. Во-вторых, ежедневное заполнение дневника способствовало формированию у испытуемых регулятивных универсальных учебных действий: умению планировать содержание утренней гимнастики и подготовительной части тренировочного занятия, регулировать по показателям ЧСС состояние организма, осуществлять самоконтроль и самооценку физической подготовленности. В-третьих, наблюдение за динамикой изменения собственных показателей и возможность их сравнения с результатами товарищей по команде оказывали косвенное влияние на поддержание мотивации к занятиям физическими упражнениями для достижения более высоких результатов. Кроме того, отслеживание записей показателей ЧСС после сна позволило контролировать степень восстановления организма испытуемых после предшествующей нагрузки.

Результаты мониторинга уровня физической подготовленности футболистов на этапах исследования представлены в табл. 3.

Таблица 3

Результаты физической подготовленности в соответствии с нормами 2-й ступени комплекса ГТО до и после исследования, $n = 18$

Контрольное упражнение	Этап	$M \pm m$	Выполнение норм комплекса ГТО, %			
			«Золото»	«Серебро»	«Бронза»	Ниже нормы
Бег на 30 м, с	До	6,04±0,1	0	50	22,2	27,8
	После	6,22±0,08	0	38,9	0	61,1
Челночный бег 3 × 10 м, с	До	9,14±0,15	0	66,7	11,1	22,2
	После	9,23±0,13	0	44,4	27,8	27,8
Бег на 1 000 м, с	До	368,5±7,40	0	16,6	38,9	38,9
	После	386,8±7,36	0	0	38,9	61,1
Прыжок в длину с места, см	До	130,9±1,14	0	0	61,1	38,9
	После	132,7±1,07	0	11,1	88,9	0
Сгибание и разгибание рук в упоре лежа, кол-во	До	11,5±1,80	0	22,2	66,6	11,1
	После	14,1±1,66	0	77,8	22,2	0
Поднимание туловища из положения лежа на спине за 1 мин, кол-во	До	30±1,06	0	38,9	50	11,1
	После	30,8±1,2	0	38,9	61,1	0
Наклон вперед из положения стоя на гимнастической скамье, см	До	2,5±0,27	0	11,1	77,8	11,1
	После	3,0±0,22	0	22,2	77,8	0

На начальном этапе исследования по совокупности всех тестов с установленными нормативами комплекса успешно справились 11 (61,1%) испытуемых. В контрольных упражнениях «Бег на 30 м» и «Челночный бег 3 × 10 м» от 50 до 66,7% результатов соответствовали нормам серебряного знака ГТО. В остальных тестах преобладали результаты уровня бронзового знака ГТО. Низкий уровень в проявлении отдельных физических способностей отмечен в результатах 7 (38,9%) испытуемых, среди которых количество показателей ниже нормативных варьировалось от 2 (11,1%) – в тестах на гибкость и силовую выносливость до 7 (38,9%) – в прыжке в длину и беге на 1 000 м. Значений, соответствующих уровню золотого знака отличия, за время исследования не выявлено.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что несмотря на достаточный объем двигательной активности, значительное количество показателей физических

кондиций юных футболистов не соответствуют требованиям комплекса ГТО. Проблемы выполнения отдельных нормативных требований комплекса фиксируются во всех возрастных категориях воспитанников учреждений с физкультурно-спортивной направленностью [21], обуславливая массовый характер данного явления.

При повторном тестировании, проведенном после выхода из режима самоизоляции, количество выполнивших нормативы комплекса ГТО составило 7 (38,9%) человек. Положительные изменения отмечены в показателях, характеризующих силовые способности и гибкость, в которых на завершающем этапе исследования все результаты соответствовали установленным нормам комплекса ГТО. В тестах «Поднимание туловища из положения лежа на спине» и «Прыжок в длину с места» результаты улучшились у 88,9% (16) испытуемых; в тесте «Наклон вперед из положения стоя» – у 61,1% (11) футболистов. В целом

показатели силовой выносливости мышц пресса повысились на 2,6%; скоростно-силовых качеств – на 1,3%; гибкости – на 20%. Самый значительный прирост зафиксирован в тесте «Сгибание и разгибание рук в упоре лежа», где все испытуемые улучшили свои первоначальные показатели, а 77,8% (14) – продемонстрировали результат, соответствующий нормам серебряного знака ГТО. Средние значения теста увеличились на 22,6% при 1%-м уровне значимости.

Наиболее проблемными для испытуемых оказались контрольные упражнения в беговых дистанциях. Основное падение показателей зафиксировано в беге на 1 000 м, где снижение результата в среднем на 5% отмечено у всех участников исследования. В беге на 30 м подтвердить результат исходного тестирования удалось одному (5,5%) испытуемому; в челночном беге – трем (16,7%) при общем снижении показателей на 3 и 1% соответственно. При этом количество результатов, не соответствующих нормативным требованиям, в беге на 30 м увеличилось на 27%, а в челночном беге – на 5,6%.

Такое различие в показателях вызвало ряд вопросов. В соответствии с размещенной на интернет-портале ВФСК ГТО [22] программой испытаний первой ступени комплекса для оценки скоростных способностей в качестве альтернативных вариантов предлагаются два теста – бег на 30 м и челночный бег 3×10 м. Исходя из этого, можно предположить, что использование однотипной нагрузки должно приводить к одинаковой динамике изменения результатов в обоих тестах. Между тем анализ полученных результатов показал, что несмотря на идентичную длину дистанции и высокий достоверный ($p < 0,01$) уровень, наличие корреляционной взаимосвязи между тестами ($r_s = 0,894$), испытуемые в челночном беге продемонстрировали более высокий уровень подготовленности и более низкие (на 2%) темпы снижения показателей за время изоляции. Это может свидетельствовать о том, что челночный бег 3×10 м как критерий скорости менее валиден, чем бег на 30 м, что ставит под сомнение практику использования челночного бега в качестве альтернативы при оценке скоростных способностей и подтверждает обоснованность использования его в качестве показателя координационных способностей [23. С. 147].

Возвращаясь к результатам мониторинга физической подготовленности, необходимо отметить отсутствие на заключительном этапе исследования достоверных различий ($p > 0,05$) во всех показателях, кроме уже указанного теста «Сгибание и разгибание рук в упоре лежа». Данное обстоятельство может быть связано как с объективными причинами – непродолжительным сроком исследования, недостаточным для формирования кумулятивного адаптационного эффекта и ограниченными возможностями в использовании соответствующих средств развития общей выносливости и скоростных способностей, так и с субъективными – невыполнением в полном объеме плана тренировочной программы отдельными испытуемыми.

Полученные данные в целом соотносятся с результатами аналогичных исследований, в которых у юных спортсменов при самостоятельных занятиях также

был зафиксирован рост силовой выносливости с одновременным снижением показателей скоростных способностей [24] и отмечены факты частичного невыполнения запланированной нагрузки [25].

Заключение. По результатам исследования установлено, что введение режима самоизоляции привело к снижению на 20,5% ($p < 0,01$) общего уровня двигательной активности; продолжительность нахождения детей в неподвижном положении в течение дня увеличилась на 12,3%; отдельные показатели двигательной активности, характеризующие объем и интенсивность, снизились в среднем на 32,2%.

Самостоятельные занятия физическими упражнениями в ограниченных условиях жилища позволили успешно поддерживать и развивать силовые способности и гибкость. В то же время недостаточный объем высокоинтенсивной нагрузки в анаэробном режиме энергообеспечения, длительной нагрузки в зоне большой мощности привел к снижению в среднем на 3% показателей общей выносливости, скоростных и координационных способностей.

Решение проблемы дисбаланса в уровне развития физических способностей видится во включении в самостоятельные занятия циклических упражнений, выполняемых на кардиотренажере, велоэргометре или аналогичном устройстве. На момент исследования испытуемые были лишены возможности воспользоваться тренажерным устройством по причине его отсутствия, что обуславливает необходимость проведения разъяснительной работы с их родителями по данному вопросу. В качестве аргумента можно указать, что в экстремальных условиях Крайнего Севера регулярная физическая нагрузка с помощью домашних тренажеров является важным фактором развития общей выносливости, поддержания здоровья и физической работоспособности не только для юных спортсменов, но и для всех членов семьи.

К положительным моментам самостоятельных занятий можно отнести опосредованный эффект по формированию у испытуемых регулятивных умений по планированию содержания средств двигательной активности в режиме дня, регулированию состояния организма по показаниям ЧСС, овладение навыками самоконтроля и самооценки физической подготовленности.

В числе негативных факторов, проявившихся на третьей недели режима самоизоляции, стало снижение у отдельных испытуемых показателей двигательной активности вследствие невыполнения в полном объеме плана тренировочного занятия и случаев пропуска занятий в структуре тренировочного микроцикла. Представляется, что основная причина снижения мотивации к занятиям вызвана достаточно монотонным характером упражнений на силовую выносливость и гибкость. Такой тип нагрузки, с одной стороны, способствует формированию волевых качеств, но, с другой стороны, у детей младшего школьного возраста воздействие монотонных раздражений способно вызвать запредельное торможение, в связи с чем основу двигательной активизации в занятиях физическими упражнениями с данным контингентом должны составлять частая смена видов деятельности и выполнение заданий игровым методом.

Выявленные проблемы обуславливают необходимость дальнейшей исследовательской деятельности по совершенствованию самостоятельных форм организации занятий физическими упражнениями, которая видится в следующих направлениях: разработка комплексов силовых упражнений, имеющих вариативный харак-

тер; подбор средств физической подготовки, выполняемых на основе соревновательно-игрового метода; разработка методических материалов на основе информационных технологий; использование в качестве средств тренажерных устройств, способствующих развитию общей выносливости и скоростных способностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года. URL: <https://minsport.gov.ru/activities/proekt-strategii-2030/> (дата обращения: 10.02.2021).
2. Воробьева И.Н., Годжиев Г.Т. Влияние физической культуры на умственное развитие школьников // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7, № 4 (25). С. 65–67.
3. Suárez-Manzano S. La actividad física en jóvenes con dificultades de aprendizaje // International Journal of Developmental and Educational Psychology. 2017. Vol. 1 (2). P. 469–476.
4. Eddolls W.T.B., McNarry M.A., Lester L. et al. The association between physical activity, fitness and body mass index on mental well-being and quality of life in adolescents // International Journal of Quality of Life Aspects of Treatment, Care and Rehabilitation. 2018. Vol. 27 (9). P. 2313–2320.
5. Kim T.K. State of health and impellent activity of children and youth as a socially -pedagogical problem // Наука и школа. 2012. № 3. С. 13–16.
6. Herrich H., Thompson H., Kinder J., Madsen K.A. Use of SPARK to promote afterschool physical activity // Journal of School Health. 2012. Vol. 10. P. 457–461.
7. Башкатова Ю.В., Карпин В.А. Общая характеристика функциональных систем организма человека в условиях Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Экология человека. 2014. № 5. С. 9–16.
8. Шерстюк С.А., Шерстюк М.А., Асеева А.Ю. О нормативных и реальных суточных объемах двигательной активности школьников 11–16 лет, проживающих в регионе Крайнего Севера // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 4 (58). С. 73–75.
9. Фролов Д.В., Викулов А.Д. Эффективность занятий подростков в школьной спортивной секции // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 2 (59). С. 43–46.
10. Madsen K., Thompson H., Adkins A., Crawford Y. School-Community Partnerships : A Cluster-Randomized Trial of an After-School Soccer Program JAMA // Pediatr. 2013. Vol. 167 (4). P. 321–326.
11. Hellin M., Garcia-Jimenez J.V., Garcia-Pellicer J.J. Intensity of Physical Education lessons in children according to the type of activity : soccer, badminton, aerobics and motor skills // Journal of Physical Education and Sport. 2019. Vol. 19 (1). P. 603–610.
12. Krstrup P., Bangsbo J. Recreational football is effective in the treatment of non-communicable diseases // British Journal of Sports Medicine. 2015. Vol. 49 (22). P. 1426–1427.
13. Филимонова Н.И., Трищина Т.И. Влияние самостоятельных занятий физической культурой на физическую подготовленность старших школьников // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2017. Т. 2, № 3. С. 79–82.
14. Jeong H.-C., So W.-Y. Difficulties of Online Physical Education Classes in Middle and High School and an Efficient Operation Plan to Address Them // Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. Vol. 17 (19). Art. № 7279.
15. Танцикужин Н.О., Найн А.А. Педагогическое сопровождение занятий по физической культуре младших школьников в режиме дистанционного обучения // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2020. № 7 (185). С. 389–394.
16. Губа В.П., Антипов А.В., Безуглов Э.Н. Программирование физической подготовки футболистов в режиме самоизоляции // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2020. № 4. С. 5–7.
17. Яблонских А.М. Анализ средств и методов контроля и дистанционной подготовки спортсменов-ориентировщиков в период самоизоляции // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2020. № 4 (182). С. 535–540.
18. Лукина А.С., Глухарева М.Р. Организация и проведение дистанционных тренировочных занятий в условиях пандемии // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2020. № 11 (189). С. 313–316.
19. Постановление Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 18.04.2020 № 34 «О дополнительных мерах по предотвращению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции, вызванной COVID-19, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре». URL: <https://rg.ru/2020/04/21/hmao-post34-reg-dok.html> (дата обращения: 10.02.2021).
20. International Physical Activity Questionnaire – Short Form. URL: www.ipaq.ki.se (дата обращения: 10.02.2021).
21. Официальный интернет-портал Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО). URL: <https://www.gto.ru/> (дата обращения: 10.02.2021).
22. Черкасов В.В. Физическая подготовленность воспитанников спортивных школ в аспекте выполнения норм комплекса «Готов к труду и обороне» // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2020. Т. 5, № 3. С. 14–19.
23. Лях В.И. Координационные способности: диагностика и развитие. М. : ТБТ Дивизион, 2006. 290 с.
24. Баранова М.В. Анализ самостоятельных тренировочных занятий гребцов байдарочников начального этапа с использованием дистанционных технологий // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2020. № 8 (186). С. 33–40.
25. Чесноков Н.Н., Морозов А.П., Тарасов А.Ю. Дистанционный контроль физической подготовки юных футболистов 15–16 лет в условиях карантинных мер // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2020. № 3. С. 35–39.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 25 марта 2021 г.

An Analysis of Young Footballers' Motor Activity and Physical Fitness During Remote Training Sessions During the Pandemic

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 210–216.

DOI: 10.17223/15617793/470/25

Vladimir V. Cherkasov, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: v.v.cherkasov@utmn.ru

Irina I. Cherkasova, D.I. Mendeleev Tobolsk Pedagogical Institute, Branch of the University of Tyumen (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: i.i.cherkasova@utmn.ru

Nikolay N. Pestryakov, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: nikolay2686rus@mail.ru

Keywords: physical activity; 9- and 10-year-old footballers; physical fitness; self-isolation; indicators of physical qualities.

This article deals with the problems of performing physical exercises by young footballers under pandemic conditions. The restrictions imposed due to COVID-19 led to a decrease in all forms of motor activity, which negatively affected physical conditions and required search for new means, methods and forms of the training process organization under a self-isolation regime. To

determine the impact of independent forms of performing physical exercises on motor activity and physical fitness, a study was carried out, in which 18 boys aged 9 and 10, members of a football club, took part. For independent forms of young footballers' exercising, sets of exercises were designed to improve flexibility, strength and coordination abilities; accompanying video footage with methodological guidelines was prepared. An analysis of scientific papers, a questionnaire, a review of self-monitoring diaries, methods of mathematical statistics were used as research methods. Based on the research findings, it was established that the introduction of the self-isolation regime caused a 20.5% ($p < 0.01$) drop in the general level of motor activity; duration of children's stay in motionless position throughout the day rose by 12.3%; specific indicators of motor activity characterizing its amount and intensity declined on average by 32.2%. The analysis of the test subjects' physical fitness at research stages identified an increase in physical strength and flexibility indicators. The result of the flexibility test improved by 20% ($p > 0.05$); the growth in the test of muscular endurance and strength of the arms was 22.6% ($p < 0.01$); of sit-ups and standing jumps 2.6% and 1.3% ($p > 0.05$) respectively. Negative trends of indicators on average by 3% ($p > 0.05$) were found in the tests of general endurance, speed and coordination abilities. To eliminate the imbalance in the level of physical skills development with independent exercising under a self-isolation regime, means of physical fitness should include exercises performed with the use of exercise devices (cardiovascular equipment, bicycle ergometers and other similar technical devices) that promote the development of general endurance and speed abilities. The design of sets of strength training exercises in various forms and the use of tasks based on competitive gaming method in the mode of remote contact with team members can encourage an increase in motivation for independent physical exercising.

REFERENCES

1. Ministry of Sports of the Russian Federation. (2020) *Strategiya razvitiya fizicheskoy kul'tury i sporta v Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda* [Strategy for the development of physical culture and sports in the Russian Federation for the period up to 2030]. [Online] Available from: <https://minsport.gov.ru/activities/proekt-strategii-2030/> (Accessed: 10.02.2021).
2. Vorobieva, I.N. & Godzhiev, G.T. (2018) Influence of physical culture on mental development of schoolboys. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya*. 7 (4). pp. 65–67. (In Russian).
3. Suárez-Manzano, S. (2017) La actividad física en jóvenes con dificultades de aprendizaje. *International Journal of Developmental and Educational Psychology*. 1 (2). pp. 469–476.
4. Eddolls, W.T.B. et al. (2018) The association between physical activity, fitness and body mass index on mental well-being and quality of life in adolescents. *International Journal of Quality of Life Aspects of Treatment, Care and Rehabilitation*. 27 (9). pp. 2313–2320.
5. Kim, T.K. (2012) State of health and impellent activity of children and youth as a social-pedagogical problem. *Nauka i shkola*. 3. pp. 13–16. (In Russian).
6. Herrich, H., Thompson, H., Kinder, J. & Madsen, K.A. (2012) Use of SPARK to promote afterschool physical activity. *Journal of School Health*. 10. pp. 457–461.
7. Bashkatova, Yu.V. & Karpin, V.A. (2014) General characteristic of human body functional systems in conditions of Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Ugra. *Ekologiya cheloveka*. 5. pp. 9–16. (In Russian).
8. Sherstyuk, S.A., Sherstyuk, A.A. & Aseeva, A.Yu. (2017) On norms and real psysical activity during the day of schoolchildren aged 11–16 living in the Far North region. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 4 (58). pp. 73–75. (In Russian).
9. Frolov, D.V. & Vikulov, A.D. (2009) Efficiency of work of teenagers at school sport classes. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2 (59). pp. 43–46. (In Russian).
10. Madsen, K., Thompson, H., Adkins, A. & Crawford, Y. (2013) School-Community Partnerships: A Cluster-Randomized Trial of an After-School Soccer Program JAMA. *Pediatr.* 167 (4). pp. 321–326.
11. Hellin, M., Garcia-Jimenez, J.V. & Garcia-Pellicer, J.J. (2019) Intensity of Physical Education lessons in children according to the type of activity: soccer, badminton, aerobics and motor skills. *Journal of Physical Education and Sport*. 19 (1). pp. 603–610.
12. Krstrup, P. & Bangsbo, J. (2015) Recreational football is effective in the treatment of non-communicable diseases. *British Journal of Sports Medicine*. 49 (22). pp. 1426–1427.
13. Filimonova, N.I. & Trishchina, T.I. (2017) The Impact of Self-employment by Physical Culture, for Physical Training of Senior Pupils. *Fizicheskaya kul'tura. Sport. Turizm. Dvigatel' naya rekreatsiya*. 2. (3). pp. 79–82. (In Russian).
14. Jeong, H.-C. & So, W.-Y. (2020) Difficulties of Online Physical Education Classes in Middle and High School and an Efficient Operation Plan to Address Them. *Journal of Environmental Research and Public Health*. 17 (19):7279.
15. Tantsikuzhin, N.O. & Nayn, A.A. (2020) Pedagogical support of classes on physical culture of primary school children in distance learning mode. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 7 (185). pp. 389–394. (In Russian).
16. Guba, V.P., Antipov, A.V. & Bezuglov, E.N. (2020) Self-isolation physical training plan for football players. *Fizicheskaya kul'tura: vospitaniye, obrazovaniye, trenirovka*. 4. pp. 5–7. (In Russian).
17. Yablonskykh, A.M. (2020) Analysis of means and methods of control and remote preparation of athletes in orienteering in self-insulation. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 4 (182). pp. 535–540. (In Russian).
18. Lukina, A.S. & Glukhareva, M.R. (2020) Organization and conducting of remote classes in the conditions of the pandemic. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 11 (189). pp. 313–316. (In Russian).
19. *Rossiyskaya Gazeta* (2020) Postanovleniye Gubernatora Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry ot 18.04. 2020 № 34 “O dopolnitel'nykh merakh po predotvrashcheniyu zavoza i rasprostraneniya novoy koronavirusnoy infektsii, vyzvannoy COVID-19, v Khanty-Mansiyskom avtonomnom okruge – Yugre” [Resolution of the Governor of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug–Yugra of 18 April 2020 No. 34 “On additional measures to prevent the import and spread of a new coronavirus infection caused by COVID-19 in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug–Yugra”]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2020/04/21/hmao-post34-reg-dok.html> (Accessed: 10.02.2021).
20. *International Physical Activity Questionnaire – Short Form*. [Online] Available from: www.ipaq.ki.se (Accessed: 10.02.2021)
21. Ministry of Sports of the Russian Federation. (2020) *Ofitsial'nyy internet-portal Vserossiyskogo fizkul'turno-sportivnogo kompleksa “Gotov k trudu i oborone” (GTO)* [The official internet portal of the All-Russian Physical Culture and Sports Complex “Ready for Labor and Defense” (TRP)]. [Online] Available from: <https://www.gto.ru/> (Accessed: 10.02.2021)
22. Cherkasov, V.V. (2020) Physical training of pupils of sports schools in the aspect of compliance with the standards of the complex “Ready for work and defense”. *Fizicheskaya kul'tura. Sport. Turizm. Dvigatel' naya rekreatsiya*. 5 (3). pp. 14–19. (In Russian).
23. Lyakh, V.I. (2006) *Koordinatsionnyye sposobnosti: diagnostika i razvitiye* [Coordination abilities: diagnosis and development]. Moscow: TVT Divizion publ.
24. Baranova, M.V. (2020) Analysis of independent training sessions of young kayakers using remote technologies. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 8 (186). pp. 33–40. (In Russian).
25. Chesnokov, N.N., Morozov, A.P. & Tarasov, A.Yu. (2020) Remote control of physical training of young 15- and 16-year-old football players under the conditions of quarantine measures. *Fizicheskaya kul'tura, sport – nauka i praktika*. 3. pp. 35–39. (In Russian).

Received: 25 March 2021

ПРАВО

УДК 343.131.2

Н.В. Азарёнок

НЕОБХОДИМО ЛИ ВОССТАНОВЛЕНИЕ ВОСПИТАТЕЛЬНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УПК РФ?

Отмечается, что УПК РСФСР 1960 г. в ст. 2 содержал воспитательно-профилактические задачи уголовного судопроизводства, однако, действующий УПК РФ отказался от их определения. Вместе с тем в целом ряде его статей, а также в правоприменительной практике они продолжают действовать, поскольку праву в целом присуща воспитательная функция. Предлагается авторское определение воспитательно-профилактических задач отечественного уголовного судопроизводства

Ключевые слова: задачи; функции; профилактика; уголовный процесс; суд; следователь.

Социальное назначение уголовного судопроизводства, состоящее помимо прочего в морально-нравственной ответственности перед обществом, обусловливает выделение в нем также воспитательно-профилактической стороны. Так, государственные органы работают в интересах всего общества, которому не безразлично, почему произошло то или иное преступное деяние и как в будущем можно его предотвратить. Преступление в данном случае является не предметом спора, а объектом пристального внимания со стороны государства, которое не может самоустраниться от выяснения причин произошедшего. Становится важным не только своевременное реагирование правоохранительных органов на каждый факт совершения преступления, но и принятие эффективных предупредительных мер. О значении этого положения писал в свое время выдающийся немецкий ученый Франц фон Лист. Автор утверждал, что «на первом плане в деле борьбы с преступностью должно стоять не наказание, а меры воздействия на общественную среду, на политико-общественную почву... Наказание есть не единственное и даже не самое совершенное средство борьбы с преступлением. Наряду с наказанием мы имеем средство более совершенное для борьбы с преступлением – предупреждение его» [1. С. 80].

УПК РСФСР 1960 г. в ст. 2 указывал на то, что «уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, охране интересов общества, прав и свобод граждан, воспитанию граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции СССР, Конституции РСФСР и советских законов, уважения правил социалистического общежития». Так были сформулированы воспитательно-профилактические задачи советского уголовного процесса, состоящие в привитии гражданам уважения к закону, их правовом воспитании и обеспечении нормального функционирования основных общественно-правовых институтов. С учетом участия в уголовном судопроизводстве большого количества так называемых непрофессиональных участников такой подход был вполне оправдан.

В юридической литературе того времени указанное требование было общепризнанным. По мнению

Л.Д. Кокорева, воспитательные задачи являются первостепенными задачами правосудия, даже если их решение осложнит познание истины. Поиск истины будет затруднен, однако правосудие не пострадает [2. С. 57]. Указывалось на специфические психологические факторы воспитательного влияния уголовного судопроизводства [3. С. 49], «необходимость дальнейшего повышения предупредительной роли правосудия диктуется условиями социального развития, возрастанием роли нравственных начал во всех сферах государственной и общественной жизни, и в частности в области правоохранительной деятельности» [4. С. 53].

В соответствии со ст. 2 УПК РСФСР за органами дознания, следователем, прокурором и судом была закреплена обязанность при производстве дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступления (ст. 21 УПК РСФСР 1960 г.). Установив указанные обстоятельства, данные органы должны были вынести представление о принятии мер по их устранению (ст. 21.1 УПК РСФСР 1960 г.), а суд – частное определение (постановление) (ст. 21.2 УПК РСФСР 1960 г.).

По мнению А.В. Победкина, «сильный воспитательный заряд несли нормы, позволяющие суду частным определением (постановлением) обратить внимание общественных организаций, трудовых коллективов на неправильное поведение отдельных граждан на производстве или в быту, на нарушение ими общественного долга или довести до сведения соответствующего предприятия, учреждения или организации о проявленных гражданином высокой сознательности, мужественности при выполнении общественного долга» [5. С. 104].

Положительная оценка рассматриваемых положений, предусмотренных ст. 2 УПК РСФСР, со стороны юридической общественности и востребованность на практике объясняются их социально-правовой обусловленностью. В то время было общепризнанным, что правоохранительные органы и суды помимо прочего несут моральную ответственность перед обществом за состояние законности и правопорядка. Поэтому каждый их работник должен был внести свою

лепту в общее дело борьбы с преступностью. Очевидно, что это имело совершенно определенный конструктивный эффект.

Таким образом, советский законодатель верно уловил общественно-правовую потребность в профилактике совершения преступлений со стороны органов уголовного судопроизводства. В соответствии с этим была выстроена дееспособная законодательная конструкция, включающая в себя наряду с общими положениями, содержащимися в ст. 2 УПК РСФСР, также конкретные правовые требования, обеспечивающие ее реализацию. За более чем сорокалетний период действия УПК РСФСР 1960 г. она продемонстрировала свою жизнеспособность. Более того, в свете принятия новой Конституции РФ в 1993 г., закрепившей приоритет прав и свобод человека и гражданина (ст. 2), рассматриваемая законодательная система подлежала дальнейшему совершенствованию и определению уже в УПК РФ.

Несмотря на это принятый в 2001 г. УПК РФ отказался от закрепления как задач вообще, так и воспитательно-предупредительных требований в частности. Вместо этого в ст. 6 УПК РФ речь идет назначении уголовного судопроизводства, а именно:

1) о защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;

2) о защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Кроме этого, в ч. 2 ст. 6 УПК РФ указано, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

В то же время другие отечественные процессуальные кодексы содержат воспитательно-предупредительные задачи. Так, согласно ст. 2 Арбитражного процессуального кодекса РФ, одними из задач судопроизводства в арбитражных судах являются: укрепление законности и предупреждение правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; формирование уважительного отношения к закону и суду; содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, формированию обычаев и этики делового оборота. В ст. 2 Гражданского процессуального кодекса РФ также закреплено, что гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду.

Данные требования включены и в ст. 3 Кодекса административного судопроизводства РФ, где указано, что задачами административного судопроизводства являются:

1) обеспечение доступности правосудия в сфере административных и иных публичных правоотношений;

2) защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций в сфере административных и иных публичных правоотношений;

3) правильное и своевременное рассмотрение и разрешение административных дел;

4) укрепление законности и предупреждение нарушений в сфере административных и иных публичных правоотношений.

Ситуацию, при которой воспитательно-предупредительные задачи есть в основных процессуальных законах, кроме уголовно-процессуального закона, трудно объяснить. Тем более, что последний регулирует уголовно-процессуальную деятельность, где публичный интерес всегда был доминирующим [6. С. 6]. Между тем задача предупреждения преступлений есть также в Уголовном кодексе РФ (ст. 2) и Уголовно-исполнительном кодексе РФ (ст. 1).

Обращение к зарубежному уголовно-процессуальному законодательству позволяет обнаружить повсеместное применение в нем данных требований. Согласно ст. 1.03 УПК штата Техас, первой его задачей является принятие мер к предупреждению совершения преступления [7. С. 166]. УПК Польши 1997 г. в ст. 2 закрепляет одной из задач уголовного процесса выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления [8].

УПК Беларуси 1999 г. в ст. 2 определяет, что уголовно-процессуальный закон призван способствовать формированию в обществе уважения к правам и свободам человека и гражданина, утверждению справедливости [9]. Кроме этого, в ч. 2 ст. 7 сказано, что установленный настоящим Кодексом порядок производства по материалам и уголовному делу призван обеспечить законность и правопорядок, предупреждение преступлений. В соответствии с ч. 2 ст. 8 УПК Казахстана установленный законом порядок производства по уголовным делам должен способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению уголовных правонарушений, формированию уважительного отношения к праву [10]. Согласно ст. 2 УПК Китайской Народной Республики, уголовный процесс призван укреплять социалистическую правовую систему, защищать личные права граждан, а именно, их право собственности, демократические права и другие права, гарантировать поступательное развитие социалистического общества [11].

Данное направление уголовно-процессуальной деятельности поддерживается и зарубежными учеными. В частности, в юридической литературе ФРГ отмечается, что приписываемые материальному уголовному праву функции общей профилактики и удовлетворения правосознания в значительной степени выполняются уголовными процессами [12. С. 5].

Кроме традиционных воспитательно-профилактических установок, ряд УПК указывают на необходимость принятия мер по обеспечению возмещения потерпевшему и иным лицам, причиненного преступлением ущерба. Так, УПК Беларуси 1999 г. в ч. 2 ст. 7 предусматривает возмещение физического, имущественного и морального вреда, восстановление нарушенных трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав [9]. УПК Киргизии 2017 г. в ст. 6 задачами уголовного судопроизводства считает обеспечение возмещения материального ущерба и морального вреда [13].

Представляется, что отсутствие данной задачи в УПК РФ является одним из существенных его методологических упущений. Вот что по этому поводу пишет И.И. Иванов: «...этот законодательный акт, по нашему мнению, имеет целый ряд серьезных недостатков, связанных с исключительно слабой проработкой профилактической направленности норм уголовно-процессуального закона» [14. С. 70]. «Все направления государственной и общественной деятельности должны иметь задачу нравственного воспитания. Воспитательное воздействие уголовного судопроизводства может быть эффективным только в случае сочетания правовых и нравственно-этических факторов. Заметим, что действующий УПК значительно обеднил воспитательные возможности частных определений (постановлений) и представлений по сравнению с УПК РСФСР 1960 г.» [5. С. 104].

Убрав указанные требования из ст. 6 УПК РФ, законодатель, тем не менее, в целом ряде других статей сохранил связанные с ними положения. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 73 УПК РФ при производстве по уголовному делу подлежат выявлению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. Поэтому ч. 4 ст. 29 УПК РФ устанавливает, что если при судебном рассмотрении уголовного дела будут выявлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, нарушения прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом, то суд вправе вынести частное определение или постановление, в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер.

Согласно ч. 2 ст. 158 УПК РФ, «установив в ходе досудебного производства по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь вправе внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона. Данное представление подлежит рассмотрению с обязательным уведомлением о принятых мерах не позднее одного месяца со дня его вынесения».

Кроме этого, на практике по-прежнему, еще с советских времен, продолжают применяться так называемые выездные судебные заседания, проводимые по месту работы и проживания обвиняемого, потерпевшего или нахождения большинства свидетелей и т.д. Воспитательный и профилактический эффект данных разбирательств трудно переоценить.

Таким образом, несмотря на отсутствие воспитательно-предупредительных задач в ст. 6 УПК РФ, в других положениях кодекса, а также в практике его применения они продолжают действовать. Одним из объяснений этому может служить то, что праву в целом присуща воспитательная функция. В настоящее время этот факт не вызывает сомнений среди теоретиков [15. С. 50], цивилистов [16. С. 20], а также

представителей уголовного [17. С. 3], трудового [18. С. 26] и административного права [19. С. 31].

При этом среди ученых нет единства относительно соотношения функций права и его задач. С.Ю. Тимохин, рассуждая о гносеологической (познавательной) и онтологической (сущностной) природе функций уголовного права, соглашается с утверждением В.В. Мальцева о том, что в познавательном значении содержание функций и задач уголовного права совпадает» [20. С. 131]. Среди процессуалистов была распространена позиция, согласно которой задачи определяют функции [21. С. 5]. Так, Ф.Н. Фаткуллин утверждал, что функциями являются «те главные направления всей уголовно-процессуальной деятельности, которые определяются основными задачами советского уголовного судопроизводства и выражают его демократическую сущность» [22. С. 62].

По-другому на этот вопрос смотрит Ю.И. Ляпунов, полагающий, что хотя ст. 2 УК РФ говорит не о функциях Уголовного кодекса, а о его задачах, между этими терминами нет принципиального различия [23. С. 31]. По мнению С.У. Дикаева и Р.С. Гасанова, «действительно, всякая функция связана с той или иной задачей, а всякой задаче соответствует определенная функция. Однако полагаем, что на сущностном уровне функции и задачи уголовного права различны, причем функции первичны по отношению к задачам, так как в практическом решении задач уголовного права реализуются функции уголовного права» [24. С. 31].

В связи с изложенным закономерно возникает ряд вопросов: каково соотношение между задачами и функциями? Должна ли воспитательная функция права быть выраженной на уровне задач?

Термин «задача» означает «то, что требует исполнения, разрешения» [25. С. 324]. В философской литературе он трактуется как «непосредственная цель» [26. С. 73]. «Разрешая задачи, человек движется в направлении достижения цели либо достигает ее. Поэтому понятие задач относится к сфере целеполагания» [27. С. 80]. Из этого следует, что задачи являются конкретизацией цели, образуя вместе с ней целеполагание, составляющее «стержень» любой человеческой деятельности, на который «нанизываются» все действия, совершаемые субъектом. Повсеместное использование данных категорий объясняется тем, что одних их достаточно для организации текущей жизнедеятельности.

При этом редко кто из нас задается вопросом о том, какую функцию он выполняет, поскольку в ответе на него нет никакого практического смысла. Речь об этом заходит только тогда, когда необходимо со стороны определить роль отдельно взятого человека по отношению к другим индивидам и установить его место среди них. Например, функции родителей по воспитанию детей, функции руководителя предприятия в отношении подчиненных и т.д. Такова этимология данного понятия, один из аспектов которого состоит в значении, назначении или роли какого-либо элемента, входящего в состав более сложного целого [28. С. 1124]. Очевидно, что функция не возникает сама по себе, а производна от назначения всей систе-

мы, частью которой она и является. В литературе по этому поводу отмечается, что если назначение определяет то, для чего данный объект был создан, то функция – какие действия он должен выполнять [29. С. 578].

Вместе с тем применение указанных категорий к неодухотворенным объектам и людям имеет определенную специфику. По мнению филологов, «синоним функция, так же, как и назначение, может употребляться применительно к людям. Но и в этом случае он указывает не на главный смысл существования человека, а лишь на его место в определенной ситуации, например, на ту часть коллективной работы, которую он должен выполнить, на его должностные обязанности или на его отношение к каким-то другим людям с точки зрения того, зачем он им нужен» [29. С. 579]. Получается, что функции позволяют четко структурировать общественную практику путем разделения ее на отдельные направления, группировки исполнителей, установления их полномочий и определения характера взаимоотношений между ними.

В результате многосубъектные сферы практики подлежат упорядочиванию как с помощью назначения – функций, так и цели – задач. Вначале согласно назначению объекта выделяются его функции, т.е. отдельные виды работ, с помощью которых планируется получение ожидаемого результата. Затем формируются объединения ответственных лиц, наделенных соответствующими должностными обязанностями. Такова внешняя (нормативная) сторона структурирования деятельности.

Однако одной ее недостаточно для эффективного производственного процесса, поскольку когда в дело вступают люди, их необходимо гармонично «встраивать» в обезличенную конструкцию функционального назначения организации. Для этого следует использовать иные категории, позволяющие, с одной стороны, довести до работников ожидаемый результат и заинтересовать в его достижении, а с другой – поставить конкретные требования, ограничивающие произвольное использование предоставленных им полномочий. Ими являются цель и задачи, образующие «сердцевину» любой деятельности.

Таким образом, с помощью назначения, функций, цели и задач подлежит упорядочиванию любой общественно значимый вид человеческой практики. При этом, если первые два понятия образуют внешнюю сторону деятельности, то последние составляют ее внутреннюю основу.

Из изложенного следует несколько важных для настоящего исследования выводов. Во-первых, функции и задачи явления разного рода, и их нельзя отождествлять. Функции производны от назначения, тогда

как задачи – от цели. Поэтому данные категории не находятся в прямой зависимости друг от друга. Во-вторых, функции определяют конкретные виды работ, группы исполнителей и их полномочия. Задачи же ограничивают произвольное использование работником предоставленных ему прав конкретными требованиями, к разрешению которых он должен стремиться. Получается, что, используя предоставленные ему полномочия только для решения поставленных перед ним задач, исполнитель выполняет свою функцию. Задачи в таком случае – это то, что обеспечивает правильное функционирование человека, а именно выполнение им своей части работы.

Вместе с тем это не означает, что каждая функция должна быть подкреплена той или иной задачей. В ряде случаев субъекту достаточно определения его полномочий, которыми он будет пользоваться в соответствии с отведенной ему ролью. Очевидно, что перед судьей можно не ставить задачу отправления правосудия, поскольку это и так следует из его функционального назначения, как и требовать от государственного обвинителя и защитника, обвинять и защищать соответственно. Вместе с тем установление причин и условий, способствовавших совершению преступления, и принятие мер по их устранению непосредственно не вытекают из функционального назначения государственных органов в сфере уголовного судопроизводства, а потому это положение следует определить именно как задачу, стоящую перед ними. При этом если в частноправовых отраслях права законодатель вправе это сделать, то в публичных – обязан. Это обусловлено тем, что в последних, во-первых, компетентные должностные лица обладают соответствующими полномочиями и, во-вторых, они представляют общественный интерес, состоящий помимо прочего в предупреждении преступлений.

Таким образом, ответ на вопрос, вынесенный в заглавие настоящей статьи, является положительным, а именно: в УПК РФ следует восстановить воспитательно-профилактические задачи уголовного судопроизводства в следующей редакции:

- 1) принятие мер по обеспечению возмещения потерпевшему и иным лицам, причиненного преступлением ущерба;
- 2) установление причин и условий, способствовавших совершению преступления и принятие мер по их устранению;
- 3) воспитание граждан в духе соблюдения Конституции РФ и законов, а также принятие мер по профилактике совершения ими преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-политическое явление / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М., 2004. 110 с.
2. Кокорев Л.Д., Котов П.С. Этика уголовного процесса : учеб. пособие. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1993. 222 с.
3. Лившиц Ю.Д. Воспитательная функция советского уголовного судопроизводства. Караганда, 1974. 138 с.
4. Мартинович И.И. Формы уголовного судопроизводства и воспитательная задача суда // Правоведение. 1978. № 3. С. 52–58.
5. Победкин А.В. Вернуть уголовному судопроизводству России воспитательные задачи // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 100–104.
6. Андреева О.И., Лось С.Л., Рукавишников А.А., Трубникова Т.В. Вектор направления дальнейшего развития уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2017. № 4. С. 5–9.
7. Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. 2-е изд., доп. и испр. М. : Зерцало-М, 2002. 528 с.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Польши. URL: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19970890555/U/D19970555Lj.pdf> (дата обращения: 20.03.2020).
9. Уголовно-процессуальный кодекс Белоруссии. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900295> (дата обращения: 20.03.2020).
10. Уголовно-процессуальный кодекс Казахстана. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 20.03.2020).
11. Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики. URL: <https://law.moj.gov.tw/LawClass/LawAll.aspx?pcode=C0010001> (дата обращения: 20.03.2020).
12. Уголовно-процессуальное право Германии = Strafprozessrecht: пер. с нем. / Фридрих-Кристиан Шредер [и др.]. 5-е изд. М.: Инфотропик Медиа, 2016. 304 с.
13. Уголовно-процессуальный кодекс Киргизии. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111530> (дата обращения: 20.03.2020).
14. Иванов И.И. Оптимизация профилактической функции уголовного судопроизводства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 4. С. 70–77.
15. Реутов В.П. Функциональная природа и система права. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2002. 183 с.
16. Гражданское право / под ред. А.Г. Колпина, А.И. Масляева. М., 1997. Ч. 1. 472 с.
17. Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть. М., 1996. 560 с.
18. Гусев К.Н., Толкунова В.Н. Трудовое право России. М., 1999. 410 с.
19. Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации. М., 1997. 608 с.
20. Мальцев В.В. Введение в уголовное право. Волгоград: ВЮИ МВД России, 2000. 204 с.
21. Ларин А.М. Расследование преступлений: процессуальные функции. М.: Юрид. лит., 1986. 160 с.
22. Фаткуллин Ф.Н. Обвинение и судебный приговор. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1965. 532 с.
23. Уголовное право: Общая часть / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М.: Новый Юрист, 1997. 592 с.
24. Дикаев С.У., Гасанов Р.С. Предупреждение преступлений как функция и задача уголовного закона // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 3 (17). С. 30–33.
25. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1987. 750 с.
26. Федоров А.Г. Материалистическая диалектика о категории цели // Вопросы философии. 1956. № 1. С. 63–78.
27. Названова Л.А. О соотношении принципов социалистической законности и публичности в советском уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1990. № 2. С. 79–83.
28. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / сост. В.В. Виноградов [и др.]; под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1994. Т. 4. Ст. 1124–1503.
29. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. 1488 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 мая 2021 г.

Is It Necessary to Restore the Educational and Preventive Tasks of Criminal Justice in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation?

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 217–222.

DOI: 10.17223/15617793/470/26

Nikolay V. Azarenok, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: Azarenok_96@mail.ru

Keywords: tasks; functions; prevention; criminal procedure; trial; investigator.

The aim of the article is to resolve the issue of the need to restore the educational and preventive tasks of criminal justice in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. In accordance with this aim, using the comparative legal method, the author considers the normative legal regulation of the designated provisions in the previous Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1960, which contained these requirements in Article 2. Based on the legal analysis, the author states that the Soviet legislator managed to create an effective criminal procedure mechanism that ensures the implementation of the provisions of Article 2 of the 1960 Criminal Procedure Code of the RSFSR in terms of educational and preventive requirements. Therefore, later, it should have been taken as a basis for the development of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The formal legal analysis of the current Code of Criminal Procedure allows concluding that the legislator refused to define the requirements, fixing the purpose of criminal proceedings in Article 6. However, in other provisions of the Code (Part 4 of Article 29, Part 2 of Article 73, Part 2 of Article 158), as well as in the practice of its application, they are still valid. In addition, the analysis of other domestic procedural codes indicates the presence of educational and preventive tasks in them. The author notes that the absence of these requirements in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is one of its significant methodological omissions. Moreover, the Code regulates criminal procedure activities, in which the public interest has always been dominant. Meanwhile, the task of preventing crimes is also included in the Criminal Code of the Russian Federation (Article 2) and the Penal Code of the Russian Federation (Article 1). Based on the comparative legal and formal legal analysis of criminal procedure and other legislation, the author proposes the following solution. The law in general has an educational function; therefore, with the help of the functions of the law and its tasks, any socially significant form of human practice is regulated. The author argues that functions and tasks are different phenomena and they cannot be identified; thus, these categories are not directly dependent on each other. Functions define specific types of work, groups of performers, and their responsibilities. Tasks, on the other hand, limit the employee's arbitrary use of the rights granted to them to specific requirements that the employee should strive to meet. As a result of the study, the author comes to the conclusion that the establishment of the causes and conditions that contributed to the commission of the crime and the adoption of measures to eliminate them do not directly follow from the functional purpose of state bodies in the field of criminal justice. In this connection, these provisions should be separately defined as the tasks these bodies face. On the basis of the above, the author's definition of educational and preventive tasks of domestic criminal justice is proposed.

REFERENCES

1. List, F. (2004) *Zadachi ugovolnoy politiki. Prestuplenie kak sotsial'no-politicheskoe yavlenie* [Tasks of criminal policy. Crime as a socio-political phenomenon]. Moscow: INFRA-M.
2. Kokorev, L.D. & Kotov, P.S. (1993) *Etika ugovolnogo protsesssa: ucheb. posobie* [Ethics of the criminal procedure: textbook]. Voronezh: Voronezh State University.
3. Livshits, Yu.D. (1974) *Vospitatel'naya funktsiya sovetskogo ugovolnogo sudoproizvodstva* [Educational function of the Soviet criminal proceedings]. Karaganda: Karaganda Higher School of the Ministry of Internal Affairs.

4. Martinovich, I.I. (1978) Formy ugolovnogo sudoproizvodstva i vospitatel'naya zadacha suda [Forms of criminal proceedings and the educational task of the court]. *Pravovedenie*. 3. pp. 52–58.
5. Pobedkin, A.V. (2016) Vernut' ugolovnomu sudoproizvodstvu Rossii vospitatel'nye zadachi [Return educational tasks to criminal proceedings in Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 4. pp. 100–104.
6. Andreeva, O.I. et al. (2017) Vector of the Direction of Further Development of Criminal Legal Proceedings. *Ugolovnoe pravo*. 4. pp. 5–9. (In Russian).
7. Gutsenko, K.F., Golovko, L.V. & Filimonov, B.A. (2002) *Ugolovnyy protsess zapadnykh gosudarstv* [Criminal procedure of Western states]. 2nd ed. Moscow: Zertsalo-M.
8. Poland. (1997) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Pol'shi* [Criminal Procedure Code of Poland]. [Online] Available from: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19970890555/U/D19970555Lj.pdf> (Accessed: 20.03.2020).
9. Belarus. (2020) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Belorussii* [Criminal Procedure Code of Belarus]. [Online] Available from: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900295> (Accessed: 20.03.2020).
10. Kazakhstan. (2020) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Kazakhstana* [Criminal Procedure Code of Kazakhstan]. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852 (Accessed: 20.03.2020).
11. People's Republic of China. (2020) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Kitayskoy Narodnoy Respubliki* [Criminal Procedure Code of the People's Republic of China]. [Online] Available from: <https://law.moj.gov.tw/LawClass/LawAll.aspx?pcode=C0010001> (Accessed: 20.03.2020).
12. Schroeder, F.-C. et al. (2016) *Ugolovno-protsessual'noe pravo Germanii = Strafprozessrecht* [German Criminal Procedure Law]. Translated from German. 5th ed. Moscow: Infotropik Media.
13. Kyrgyzstan. (2020) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Kirgizii* [Criminal Procedure Code of Kyrgyzstan]. [Online] Available from: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111530> (Accessed: 20.03.2020).
14. Ivanov, I.I. (2002) Optimizatsiya profilakticheskoy funktsii ugolovnogo sudoproizvodstva [Optimization of the preventive function of criminal proceedings]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. 4. pp. 70–77.
15. Reutov, V.P. (2002) *Funktsional'naya priroda i sistema prava* [The functional nature and system of law]. Perm: Perm State University.
16. Kolpin, A.G. & Maslyev, A.I. (eds) (1997) *Grazhdanskoe pravo* [Civil law]. Part 1. Moscow: Yurist".
17. Naumov, A.V. (1996) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal law. General part]. Moscow: Bek.
18. Gusev, K.N. & Tolkunova, V.N. (1999) *Trudovoe pravo Rossii* [Labor law of Russia]. Moscow: [s.n.].
19. Alekhin, A.P., Karmolitskiy, A.A. & Kozlov, Yu.M. (1997) *Administrativnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Administrative law of the Russian Federation]. Moscow: Bek.
20. Mal'tsev, V.V. (2000) *Vvedenie v ugolovnoe pravo* [Introduction to criminal law]. Volgograd: All-Russian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
21. Larin, A.M. (1986) *Rassledovanie prestupleniy: protsessual'nye funktsii* [Investigation of crimes: procedural functions]. Moscow: Yurid. lit.
22. Fatkullin, F.N. (1965) *Obvinenie i sudebnyy prigovor* [Prosecution and judgment]. Kazan: Kazan State University.
23. Vetrov, N.I. & Lyapunov, Yu.I. (eds) (1997) *Ugolovnoe pravo: Obshchaya chast'* [Criminal law: General part]. Moscow: Novyy Yurist.
24. Dikaev, S.U. & Gasanov, R.S. (2015) Preduprezhdenie prestupleniy kak funktsiya i zadacha ugolovnogo zakona [Crime prevention as a function and task of criminal law]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 3 (17). pp. 30–33.
25. Ozhegov, S.I. (1987) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk.
26. Fedorov, A.G. (1956) Materialisticheskaya dialektika o kategorii tseli [Materialistic dialectic of the category of goals]. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 63–78.
27. Nazvanova, L.A. (1990) O sootnoshenii printsipov sotsialisticheskoy zakonnosti i publichnosti v sovetskom ugolovnom sudoproizvodstve [On the relationship between the principles of socialist legality and publicity in Soviet criminal proceedings]. *Pravovedenie*. 2. pp. 79–83.
28. Ushakov, D.N. (ed.) (1994) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Vol. 4. Moscow: Russkie slovari. Col. 1124–1503.
29. Apresyan, Yu.D. (ed.) (2004) *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. 2nd ed. Moscow; Vienna: Yazyki slavyanskoy kul'tury; Vienna Slavic Almanac.

Received: 17 May 2021

О.В. Гладышева, В.Г. Ульянов

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ПРИ НАЛОЖЕНИИ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Рассматриваются вопросы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства при наложении ареста на имущество. Приводятся результаты исследования процессуального статуса так называемых третьих лиц в уголовном судопроизводстве, а также правовых последствий его применения для широкого круга хозяйствующих субъектов и т.д. Сделаны выводы об оптимизации наложения ареста на отдельные виды имущества, о совершенствовании процессуального статуса лиц.

Ключевые слова: арест; имущество; преступление; участники уголовного судопроизводства; процессуальные права; обеспечение.

Права и свободы человека и гражданина в соответствии с Конституцией Российской Федерации (далее – Конституция РФ) являются высшей ценностью. Соответственно, их соблюдение и защита являются обязанностью государства (ст. 2 Конституции РФ). На этих концептуальных положениях основываются и правовые стандарты различных отраслей права, включая и уголовно-процессуальную. В соответствии с принятой концепцией ныне действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) в ст. 6 декларирует защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Ключевая проблема повышения уровня и ответственности обеспечения прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве лежит в плоскости содержательного наполнения конкретных правил уголовного судопроизводства в свете провозглашенных Конституцией РФ и развиваемых уголовно-процессуальным законом идей.

Уголовно-процессуальная деятельность уполномоченных государством должностных лиц часто сопряжена с существенным ограничением конституционных прав граждан, и это происходит на всех стадиях уголовного процесса. Речь идет о применении мер процессуального принуждения, избрании мер пресечения, ограничении прав граждан на неприкосновенность жилища, тайну телефонных переговоров и почтовой корреспонденции и так далее при производстве следственных и иных процессуальных действий и многом другом. Конечно же, уголовно-процессуальный кодекс предусматривает для этого определенные процедуры, включая и принятие судебных решений, обеспечивающие проверку законности действий и решений, ограничивающих права граждан. Однако реализация этих процедур основывается на не всегда четко и понятно сформулированных, не исключающих неоднозначное толкование правовых положений.

В рамках одной работы невозможно рассмотреть весь комплекс возникающих при этом проблем. Поэтому обратимся к теме, которая в настоящее время является не только интересной с теоретической, но и весьма значимой с практической точки зрения – это наложение ареста на имущество. Обращение к этой тематике обусловлено рядом причин, включая повышенное внимание к этим вопросам со стороны выс-

шего руководства страны (см., напр. [1]), наличием масштабных теоретических и правоприменительных проблем. Еще одним поводом выступает ограничение конституционного права собственности, а также наступающих нежелательных правовых последствий не только для собственника, но и для иных лиц, круг которых законодательно не определяется.

Начнем с одного из многочисленных примеров. Следователь обратился в суд с ходатайством о наложении ареста на недвижимое имущество, принадлежащее ООО, с ограничением права на распоряжение, мотивируя необходимостью обеспечения исполнения приговора в части имущественных взысканий в пользу потерпевших, а также для пресечения перепродажи земельных участков иным лицам, учитывая, что земельные участки использовались в качестве орудия, оборудования и средств совершения преступления. Ходатайство следователя удовлетворено.

Рассматривая апелляционную жалобу на судебное решение, вышестоящая судебная инстанция констатировала:

– суд в постановлении не мотивировал и не указал, на основании каких фактических обстоятельств он пришел к выводу о необходимости наложения ареста на земельные участки;

– установив принадлежность земельных участков лицам, не являющимся подозреваемыми, обвиняемыми или лицам, несущими по закону материальную ответственность за их действия, суд не исследовал условия предусмотренные ч. 3 ст. 115 УПК РФ, при которых может быть наложен на них арест;

– из материалов ходатайства не следует, что имеются достаточные основания полагать, что земельные участки использовались или предназначались для использования в качестве средства совершения преступления, т.е. не приводятся доказательства об их использовании с целью совершения вменяемого обвиняемой преступления. Апелляционная жалоба удовлетворена, постановление суда – отменено [2].

Приведенный пример однозначно свидетельствует о непонимании сущности выдвинутых законодателем условий применения ареста имущества в случаях, когда речь идет о лицах, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми по уголовному делу или лицами, несущими за их действия материальную ответственность.

Этот же пример дает повод обратиться с более пристальным вниманием к формулировке ч. 3 ст. 115

УПК РФ. Отметим и такой факт: за истекшее время с момента принятия УПК РФ нормы ст. 115 УПК РФ неоднократно становились предметом исследования и рассмотрения Конституционным судом РФ с признанием их в определенной части не соответствующими Конституции РФ [3].

Правовые основания, установленные в ч. 3 ст. 115 УПК РФ, позволяют налагать арест на имущество не только подозреваемых и обвиняемых, но и на имущество, находящееся у других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия (здесь и далее – «третьи лица»). Законодатель при формулировании положений ч. 3 ст. 115 УПК РФ, к сожалению, вновь использовал пресловутые «если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого». Нам представляется, что это не совсем удачная конструкция, так как допускает субъективное усмотрение лица, производящего предварительное расследование на понятие «достаточности» этих оснований. Законодатель не требует от следствия каких-либо веских доказательств, почему имущество «третьих лиц» должно быть арестовано, какими преступными действиями подозреваемого (обвиняемого) это имущество получено и какими процессуальными доказательствами на этот счет располагают органы предварительного расследования.

Также отсутствуют уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и гражданско-правовые гарантии обеспечения обоснованности ее применения. По существу, это свидетельствует о возложении бремени *доказывания законности обладания имуществом* на других лиц, отличных от подозреваемых, обвиняемых, т.е. на лиц, являющихся обладателями такого имущества. Как следствие, это существенно нарушает всеобщий принцип презумпции невиновности.

На сегодняшний день типичная процедура наложения ареста на имущество выглядит следующим образом. С даты возбуждения уголовного дела до момента заявления ходатайства в суд о наложении ареста на имущество «третьих лиц» в порядке ст. 115 ч. 1, 3, 165 УПК РФ проходит всего несколько суток. И в этот короткий промежуток времени следователь получает не только «достаточные» (которые затем оказываются вовсе не достаточными) доказательства для предъявления обвинения лицу, но и успевает одновременно установить имущество и круг «третьих лиц» – правообладателей имущества, полученного в результате преступных действий подозреваемого (обвиняемого), а также установить его предназначение.

Как представляется, даже если возбуждению уголовного дела предшествовали тщательно и качественно проведенные оперативно-розыскные мероприятия, трансформировать полученные в их результате сведения в полноценные процессуальные доказательства на первоначальном этапе расследования уголовных дел крайне затруднительно.

Кроме того, не совсем понятно, кто и на основании какого процессуального решения может квалифицировать действия подозреваемого (обвиняемого), получившего это имущество, *как преступные*? В данном

случае будет совершенно недостаточно просто сопоставить декларации о доходах физических лиц и многократно превышающую эти доходы стоимость имущества, которым завладели как бы «*преступным*» путем подозреваемые (обвиняемые) лица.

Нам представляется, что для заявления ходатайства о наложении ареста на имущество в порядке ч. 3 ст. 115 и ст. 165 УПК РФ необходимо *установить факты* совершения подозреваемыми (обвиняемыми) именно преступных действий, в результате которых они незаконно завладели определенным имуществом и передали его «третьим лицам». То есть событиям и действиям по завладению подозреваемым (обвиняемым) имуществом должна быть дана объективная правовая оценка на основании соответствующих процессуальных доказательств.

В связи с проблемой обоснованности наложения ареста на имущество, полагаем, будет не лишним позаимствовать определенный зарубежный опыт, только не из уголовно-процессуального, а из налогового законодательства ряда стран (ФРГ, Швеция, Норвегия), которое предусматривает так называемое всеобщее декларирование для граждан, т.е. декларирование не только своих доходов, но и своих расходов. Конечно же, речь идет о крупных расходах (в каждой стране законодатель определил различную величину декларируемых расходов). Прозрачными становятся не только доходы граждан от всех источников в течение календарного года, но и размер произведенных ими трат, который, безусловно, должен корреспондировать величине доходов. Обнаружение «расхождений» влечет за собой финансовую проверку. В случае установления фактов сокрытия от налоговых органов своих доходов и расходов, виновные граждане привлекаются к серьезной финансовой или к уголовной ответственности.

Нам представляется, что культура (а точнее – ее отсутствие) налично-денежного обращения в России достигла такого уровня, когда настала пора вводить поэтапно аналогичную систему всеобщего декларирования гражданами России как своих доходов, так и расходов. Указом Президента РФ № 378 от 29 июня 2018 г. «О национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» утвержден национальный план, предусматривающий целый комплекс мероприятий и законодательных инициатив, направленных на повышение эффективности борьбы с коррупцией» [4]. Однако положений по совершенствованию налогового законодательства в части регулирования расходов не только должностных лиц, но и всех граждан России утвержденный план, к сожалению, не предусматривает.

Высказанное предложение напрямую будет связано как с повышением эффективности противодействия коррупции, так и расширению доказательственной базы в уголовно-процессуальной деятельности (включение в перечень возможных доказательств указанных видов деклараций).

В соответствии с УПК РФ наложение ареста на имущество ученые-процессуалисты чаще всего рассматривают как самостоятельную меру процессуального принуждения [5], преследующую цель обеспечить гражданский иск и другие возможные имуще-

ственные взыскания по уголовному делу. Например, В.С. Чистяков так характеризует этот процессуальный инструмент: «...наложение ареста на имущество не имеет поискового характера и доказательственного значения, не направлено на получение доказательств, а значит, следственным действием не является» [6].

Полагаем, что указанный вывод является поводом для дискуссии по следующим причинам. Процедура наложения ареста на имущество предполагает, прежде всего, вынесение постановления, подготовку мотивированного, основанного на имеющихся в уголовном деле доказательствах, ходатайства в суд в соответствии со ст. 29, 165 УПК РФ, согласование ходатайства с руководителем следственного органа, с прокурором.

При удовлетворении ходатайства судом о наложении ареста на имущество следователем (дознавателем) производится, собственно, сам арест имущества, о чем составляется протокол согласно ст. 166 УПК РФ. Протоколы относятся к одному из наиболее часто встречающихся доказательств по уголовному делу. Это наиболее распространенное средство фиксации хода содержания и результатов следственного действия. Во многих случаях следователем, дознавателем после наложения ареста на имущество производится его осмотр и выносится постановление о приобщении указанного имущества в качестве вещественного доказательства по уголовному делу. Таким образом, полагаем, что нет оснований отказываться от трактовки наложения ареста на имущество как следственного действия. Тем более, что наложение ареста на имущество обладает и другими признаками следственного действия, в частности, процедурой своей реализации, установленным кругом участников, принудительным характером и т.д. [7. С. 20].

Если рассматривать исследуемый вопрос с практической точки зрения, то совершенно очевидны складывающиеся при расследовании уголовных дел следующие ситуации. Наложение ареста на имущество, в частности на имущество «третьих лиц», подлежит отнесению к неотложным (в тактическом отношении) следственным действиям. Промедление с его производством чревато сокрытием имущества.

В то же время, на наш взгляд, производить арест имущества можно только после появления в уголовном деле фигуры подозреваемого или обвиняемого, что, на наш взгляд, составляет одно из условий обоснованности, а следовательно, и законности ареста имущества «третьих лиц».

Из анализа ч. 3 ст. 115 УПК РФ нам представляется, что процессуальный статус «третьих лиц» произведен от статуса подозреваемого, обвиняемого. В случаях, когда судебным постановлением наложен арест на имущество других лиц при отсутствии еще к этому моменту лиц подозреваемых или обвиняемых по уголовному делу, нарушается правило как буквальное, так и систематического толкования норм, предусмотренных ч. 1 и 3 ст. 115 УПК РФ. Противоречивость и неопределенность норм ст. 115 УПК РФ позволяет трактовать основание, указанное в ч. 3 ст. 115 УПК РФ, как самостоятельное для третьих лиц, а не производное от ч. 1 ст. 115 УПК РФ.

Отметим и еще одно обстоятельство. В ст. 5 УПК РФ приведены основные понятия, используемые в кодексе, где в п. 58 указано, что участниками уголовного процесса являются лица, принимающие участие в уголовном процессе. В гл. 5–8 УПК РФ содержится исчерпывающий перечень участников уголовного процесса, как со стороны обвинения, так и со стороны защиты. Других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, уголовно-процессуальный закон не содержит.

Как лицо, не имеющее процессуального статуса, фактический собственник имущества (из числа «третьих лиц») не может отслеживать движение дела, а значит, может и не знать о существовании тех или иных ограничений его прав в отношении принадлежащего ему имущества. Лицо, имущество которого подвергнуто аресту в соответствии с ч. 3 ст. 115 УПК РФ, не привлекается к рассмотрению уголовного дела в части гражданского иска по той простой причине, что его правовой статус не определен законом, не определены его права и обязанности. Если сформулировать коротко, то эти «третьи лица», чье имущество может быть арестовано, являются *бесправными в процессуальном отношении лицами*. Они не вправе знакомиться с материалами уголовного дела (даже в части гражданского иска), заявлять ходатайства, участвовать в предварительном следствии, в судебных заседаниях, заявлять встречный иск, давать пояснения, требовать проведения экспертиз, пользоваться иными правами, предусмотренными УПК РФ. Представляется, что такой подход существенно ограничивает право собственности (владения), декларируемое Конституцией РФ, на арестованное в ходе предварительного следствия имущество еще не признано судом незаконным.

В постановлении Конституционного Суда РФ № 25-П от 21 октября 2014 г. (п. 1) были признаны не соответствующими Конституции РФ положения ч. 3 и 9 ст. 115 УПК РФ в той мере, «в какой этими положениями в системе действующего правового регулирования не предусматривается надлежащий правовой механизм, применение которого – при сохранении баланса между публично-правовыми и частноправовыми интересами – позволяло бы эффективно защищать в судебном порядке права и законные интересы лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или гражданскими ответчиками по уголовному делу, право собственности которых ограничено чрезмерно длительным наложением ареста на принадлежащее им имущество, предположительно полученное в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого» [8].

Но до сих пор «третьи лица» не наделены законодателем процессуальными правами и обязанностями, а отсутствие полномочий не позволяет им эффективно защищать свое конституционное право на имущество.

Арест может быть наложен на самое разное имущество. Налагаемые при этом ограничения должны учитывать особенности и характер этого имущества. Если суд не примет во внимание данный фактор, то правовые последствия ареста могут привести к

непредвиденным последствиям, включая и такие, как утрата имущества.

В современных условиях актуальность приобретает арест ценных бумаг – акций, в связи с их все большим распространением в экономической сфере. Акция – это ценная бумага, которая дает своему владельцу право на долю прибыли в виде дивидендов, обеспечивает получение в собственность части имущества предприятия при его ликвидации; право на участие в управлении организацией, т.е. «право голоса», которое прямо зависит от количества акций. При наличии так называемого контрольного пакета акций предприятия (50% + 1 акция) собственник получает широкие возможности и в управлении, и в распоряжении имуществом предприятия.

Отметим еще один фактор: акции обеспечиваются имуществом предприятия.

Итак, если арест налагается на акции, то в соответствии с ранее выясненной интерпретацией понятия «запрет распоряжаться», который имеет исключительно имущественное содержание, получается, что собственник (владелец) акций *утрачивает право распоряжаться ими в части отчуждения*, но при этом сохраняет право на получение дивидендов и «право голоса» в органах управления компанией (ст. 116 УПК РФ). Гипотетически нетрудно предположить следующую ситуацию: собственник арестованных акций проводит через органы управления предприятием решения, которые приводят к убыткам и в дальнейшем – банкротству предприятия, неизбежным последствием выступает обесценивание акций и утрата ими своего обеспечительного свойства в уголовном судопроизводстве. Разорение предприятия ведет к негативным последствиям для его работников (увольнение), для контрагентов (потеря и невыполнение контрактов), для государства (утрата налогоплательщика).

При этом в современном российском законодательстве отсутствуют какие-либо механизмы, которые могли бы воспрепятствовать такому поведению собственника акций, поскольку в нем (поведении) отсутствует элемент имущественного распоряжения или использования в том смысле, как его понимает законодатель и правоприменитель.

О сходных проблемах, касающихся обладателей акций, пишут и другие ученые. Например, Н.С. Каштанова справедливо поднимает вопрос о соотношении двух мер принуждения – наложении ареста на имущество и отстранения подозреваемого, обвиняемого от должности, указывая, что только отстранение от должности не может воспрепятствовать подозреваемому, обвиняемому в продолжении преступной деятельности, при отсутствии ареста имущества [9. С. 27].

Ученые отмечают примеры, когда реализация прав владельцев акций, связанных с их участием в собраниях акционеров, возможностью голосования, приводила к получению подозреваемым, обвиняемым дополнительных полномочий в управлении акционерного общества, в том числе в финансовой сфере [10. С. 58–59].

За введение ограничений, связанных с возможностью не только распоряжения, но и пользования имуществом (в том числе реализации неимущественных

прав владельца ценных бумаг), выступают Б.Б. Булатов и А.С. Дежнев [11. С. 8], указывающие, что соответствующие возможности законодатель предусмотрел в ч. 2 ст. 115 УПК РФ.

Мы солидарны с авторами высказанных позиций в части необходимости введения правоограничений (соответственно, наступления правовых последствий) не только в отношении имущественных, но и неимущественных прав лиц, чье имущество арестовано.

Однако, есть и основания для дискуссии. *Во-первых*, в настоящее время при усилении преференций для предпринимателей и их иммунитетов при уголовном преследовании, вхождение в состав органов управления предприятием может означать для подозреваемого, обвиняемого переход в новое качество – приобретение статуса предпринимателя. Это ведет к созданию условий, в том числе для прекращения его уголовного преследования или существенного смягчения уголовно-процессуальной репрессии (например, в части применения мер пресечения). Поэтому манипуляции с акциями и стремление войти в органы управления предприятием могут быть вызваны желанием обвиняемого (подозреваемого) добыть себе бонусы как предпринимателю.

Во-вторых, в ч. 2 ст. 115 УПК РФ действительно упоминается о запрете не только распоряжения, но и использования. Но как уже отмечалось ранее, использование правоприменителями трактуется исключительно как реализация полезных свойств материального объекта, для акции такое понимание малоприменимо. Поэтому на практике не реализуется ограничение нематериальных прав в этой части.

В-третьих, существует еще одна возможность повысить эффективность ареста имущества. Не вдаваясь в подробности, эта схема может выглядеть следующим образом:

- акции – это ценные бумаги, которые в отличие от денежных знаков не являются эквивалентом иных материальных ценностей и имеют значение только как свидетельство обладания определенной долей в имуществе конкретного предприятия;

- акции обеспечиваются имуществом предприятия;
- акция без этого имущества не имеет никакой ценности;

- следовательно, наложение ареста на ценные бумаги должно означать арест соответствующей доли в имуществе и прибыли этого предприятия. Фактически речь может идти об отказе от ареста акций, как не позволяющего достичь поставленных целей (например, в силу злонамеренных действий руководителя, чьи акции были арестованы, обанкротилось предприятие. Акции потеряли свою ценность и не могут выступать средством обеспечения имущественного взыскания в уголовном судопроизводстве. Или собственник акций стал руководителем предприятия и, как предприниматель, был освобожден от уголовной ответственности).

Дополнительным правовым последствием для обладателя акций, на которые наложен арест, должно стать отстранение от управления предприятием.

Затронутые в настоящем изложении проблемы соблюдения права собственности относятся к основополагающим правам человека и гражданина, находятся

в неразрывной связи с исполнением Российской Федерации взятых на себя обязательств по соблюдению международных договоров и правовых актов.

Уместным будет здесь напомнить незыблемые положения Конвенции «О защите прав человека и основных свобод». Государство в случае причинения вреда в сфере уголовного судопроизводства в целом, как гражданам, непосредственно подвергавшимся уголовному преследованию, так и гражданам, которым вред причинен в результате уголовного преследования других лиц, должно обеспечить скорейшее восстановление в правах, возмещение причиненного вреда в полном объеме и в процедурах, максимально отвечающих интересам пострадавших [12].

При совершенствовании института наложения ареста на имущество законодательно всегда важно соблюсти баланс между интересами конкретного человека и общества в целом. Об этом гласит и положения Протокола № 1 «Защита собственности» к Конвенции «О защите прав человека и основных свобод», подписанной странами участницами Совета Европы о 4 ноября 1950 в Риме. Так, в преамбуле Протокола № 1 провозглашается, что «каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов» (См.: «Защита собственности» [12]).

Подводя итог, сформулируем основные выводы.

1. Наложение ареста на имущество представляется комплексным уголовно-процессуальным институтом, предназначенным для решения сразу двух существенных задач уголовно-процессуальной деятельности:

- обеспечение имущественных взысканий, в том числе возможных (мера процессуального принуждения);
- получение процессуальных доказательств (следственное действие).

Обе задачи могут быть успешно решены при соблюдении законности, обоснованности наложения

ареста на имущество. Для обеспечения обоснованности наложения ареста на имущество считаем необходимым рассматривать ходатайство о наложении ареста на имущество только при обосновании его процессуальными доказательствами.

2. В современном уголовном судопроизводстве производство следственных действий, а также применение мер процессуального принуждения невозможны без правил, обеспечивающих их законность, а также защиту ограниченных ими прав участников – это меры правообеспечения. Взаимосвязь принуждения и правообеспечения является объективной, закономерной, носит характер причины и следствия. Это обстоятельство обуславливает обязательность формирования правовых предписаний комплексного характера, включающих как порядок введения, отмены и изменения правоограничений, так и средства правообеспечения на каждом этапе. Предлагаем в уголовно-процессуальном законе предусмотреть урегулировать процессуальный статус «третьих лиц», имущество которых может быть арестовано по основанию ч. 3 ст. 115 УПК РФ.

3. Для усиления степени обоснованности принимаемых решений о наложении ареста на имущество предлагаем установить дополнительные гарантии в виде использования в качестве средств обоснования такого решения исключительно доказательств. Для этой цели ч. 1 ст. 115 УПК РФ необходимо изложить в новой редакции: «1. Для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возмездной конфискации имущества, указанного в части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, следователь при наличии достаточных доказательств свидетельствующих о необходимости наложения ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого либо лица, несущего по закону материальную ответственность за его действия...» далее по тексту.

Часть 3 этой же статьи полагаем необходимым скорректировать следующим образом: «3. Арест может быть наложен на имущество, находящееся у других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, если есть достаточные доказательства полагать...» далее по тексту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Перечень поручений Президента Российской Федерации от 15 августа 2017 г. // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/55368>
2. Верховный Суд Республики Саха (Якутия). 2019. Апелляционное постановление по уголовному делу № 22К-1216.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобами закрытого акционерного общества “Недвижимость-М”, общества с ограниченной ответственностью “Соломатинское хлебоприемное предприятие” и гражданки Л.И. Костаревой» // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317562
4. Указ Президента РФ № 378 от 29 июня 2018 года «О национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Аршба Г.В. Наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2004. 185 с.
6. Чистяков В.С. Меры уголовно-процессуального принуждения // Уголовно-процессуальное право России / под. ред. П.А. Лупинской. М., 2004. 800 с.
7. Семенцов В.А. Следственные действия в досудебном производстве. М. : Юрлитинформ, 2017. 256 с.
8. Постановление Конституционного суда РФ №25-П от 21 октября 2014 г. «По делу о проверке конституционности положений части 3 и части 9 ст. 115 УПК РФ в связи с жалобами ООО “Аврора малоэтажное строительство” и гр-н В.А. Шевченко и М.П. Эйдман» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Каштанова Н.С. К вопросу о допустимости ограничения неимущественных прав владельцев ценных бумаг при наложении ареста на имущество в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: теория, законодательство, практика // Российский следователь. 2017. № 5. С. 26–30.
10. Колоколов Н.А., Потапова А.В. Наложение ареста на акции // Уголовный процесс. 2011. № 4. С. 58–63.
11. Булатов Б.Б., Дежнев А.С. Особенности наложения ареста на ценные бумаги при производстве по уголовным делам // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3 (53). С. 7–11.
12. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 13 мая 2004 г.). URL: <https://european-court.ru/uploads/konvenciya-o-zashchite-prav-cheloveka-i-osnovnyx-svobod.pdf>

Статья представлена научной редакцией «Право» 8 июля 2021 г.

Ensuring Property Rights of Participants in Criminal Proceedings in the Imposition of Arrest on Property: Problems and Solutions

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 223–228.

DOI: 10.17223/15617793/470/27

Olga V. Gladysheva, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: volkolup@yandex.ru

Vladimir G. Ulyanov, Kuban State University (Krasnodar Russian Federation). E-mail: vladimir.ulyanov-sochi@yandex.ru

Keywords: arrest; property; crime; participants in criminal proceedings; procedural rights; security.

The object of the study is the modern theoretical and legal problems of ensuring the rights of “third parties” in criminal proceedings in the case of the application of the seizure of property. The author aims to: 1) identify problems of legal regulation of the procedural status of persons whose property may be seized; 2) determine the criteria for the validity of the seizure of property in general and its individual types, in particular (for example, the seizure of shares); 3) propose ways to solve the problems of protecting the rights of persons who are not official participants in criminal proceedings, whose property has been seized. The research is based on the study of scientific sources, the legislative basis of criminal proceedings, subordinate and related official documents (resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, statistical data, published judicial practice). Generalization, synthesis, abstraction, various types of analysis (systems, structural-functional, formal-logical, formal-legal and comparative-legal), legal modeling, legal-sociological and legal statistics methods were used. The authors make the following conclusions: (1) the coincidence in the main parameters of the procedure for the imposition of arrest on property and investigative actions testifies to the complex nature of the former, its fulfillment of a double task: the formation of evidence and the provision of possible property penalties; (2) the restriction of the constitutional right of ownership when seizing the property of one person affects (directly, indirectly, impliedly, potentially) the rights and legitimate interests of a wider range of persons, including legal ones. Economic relations in such conditions become unstable, and economic entities suffer excessive (and unjustified) losses. The authors propose to draw the legislator’s attention to the need to regulate the procedural potential of persons (so-called “third parties”) whose rights and legitimate interests may be affected by the seizure of the property of other persons; (3) the procedure for the imposition of arrest on property presupposes the existence of sufficient grounds. The category is evaluative, it acquires a large share of subjectivity, which allows suggesting the expediency of changing it to the “presence of sufficient evidence confirming the fact of obtaining property by criminal means”.

REFERENCES

1. Kremlin.ru. (2017) *The list of assignments of the President of the Russian Federation of August 15, 2017*. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/55368> (In Russian).
2. Supreme Court of the Republic of Sakha (Yakutia). (2019) *Decision of appeal in criminal case No. 22K-1216*. (In Russian).
3. Consultant Plus. (2011) *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 31, 2011, No. 1-P: On verifying the constitutionality of the provisions of Parts One, Three and Nine of Article 115, Item Two of Part One of Article 208 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Paragraph Nine of Item One of Article 126 of the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” in connection with the complaints of the Nedvizhimost-M closed joint-stock company, the Solomatinskoe Grain-Receiving Enterprise limited liability company, and citizen L.I. Kostareva*. [Online] Available from: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317562 (In Russian).
4. Consultant Plus. (2018) *Decree of the President of the Russian Federation No. 378 of June 29, 2018, “On the national plan for combating corruption for 2018–2020”*. Moscow: SPS “Konsul’tantPlyus”. (In Russian).
5. Arshba, G.V. (2004) *Nalozhenie aresta na imushchestvo v уголовном судопроизводстве* [Seizure of property in criminal proceedings]. Law Cand. Diss. Omsk.
6. Chistyakov, V.S. (2004) *Mery уголовno-protsessual’nogo prinuzhdeniya* [Measures of criminal procedural coercion]. In: Lupinskaya, P.A. (ed.) *Ugolovno-protsessual’noe pravo Rossii* [Criminal procedural law of Russia]. Moscow: Norma; INFRA-M.
7. Sementsov, V.A. (2017) *Sledstvennye deystviya v dosudebnom proizvodstve* [Investigative actions in pre-trial proceedings]. Moscow: YurLitinform.
8. Consultant Plus. (2014) *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 25-P of October 21, 2014: On verifying the constitutionality of the provisions of Part 3 and Part 9 of Art. 115 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaints of Aurora Low-Rise Construction LLC and citizens V.A. Shevchenko and M.P. Eydman*. Moscow: SPS “Konsul’tantPlyus”. (In Russian).
9. Kashtanova, N.S. (2017) *K voprosu o dopustimosti ogranicheniya neimushchestvennykh prav vladel'tsev tsennyykh bumag pri nalozhenii aresta na imushchestvo v уголовном судопроизводстве Rossiyskoy Federatsii: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika* [On the admissibility of limiting the non-property rights of securities holders when seizing property in the criminal proceedings of the Russian Federation: theory, legislation, practice]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 5. pp. 26–30.
10. Kolokolov, N.A. & Potapova, A.V. (2011) *Nalozhenie aresta na aktsii* [Seizure of shares]. *Ugolovnyy protsess*. 4. pp. 58–63.
11. Bulatov, B.B. & Dezhnev, A.S. (2018) *Osobennosti nalozheniya aresta na tsennyye bumagi pri proizvodstve po уголовным делам* [Features of the seizure of securities in criminal proceedings]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 3 (53). pp. 7–11.
12. ECHR. (2004) *Konventsia o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod (Zaklyuchena v g. Rime 4 noyabrya 1950 g.) (s izm. ot 13 maya 2004 g.)* [Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (signed in Rome on November 4, 1950) (as amended on May 13, 2004)]. [Online] Available from: <https://european-court.ru/uploads/konvenciya-o-zashchite-prav-cheloveka-i-osnovnyx-svobod.pdf>

Received: 08 July 2021

Ю.А. Головастова

АЛЬТЕРНАТИВНО-ПЕНИТЕНЦИАРНОЕ ПРАВО КАК ФОРМИРУЮЩАЯСЯ ПОДОТРАСЛЬ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Обсуждается вопрос о возможности выделения в рамках уголовно-исполнительного права отдельной, достаточно независимой нормативной подсистемы, образованной совокупностью правовых норм, регулирующих процесс исполнения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы. Анализируются институты будущей общей и особенной части альтернативно-пенитенциарного права, где подчеркивается существующая институциональная недостаточность норм уголовно-исполнительного права, регулирующих правовой статус осужденных, отбывающих уголовные наказания, не связанные с изоляцией от общества.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное право; подотрасль права; альтернативно-пенитенциарное право; институт права; система уголовно-исполнительного права; исполнение уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

Российское уголовно-исполнительное право переживает период изменения и развития, вследствие чего уточняется его предмет, реформируются институты, выявляется платформа для формирования новых подотраслей. Исследуя данную тематику, важно найти ответ на вопрос о том, существует ли в уголовно-исполнительном праве такая подотрасль, как право исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества (альтернативно-пенитенциарное)?

В научных источниках, касающихся уголовно-исполнительного права, проблема формирования альтернативно-пенитенциарного права и определения его места в системе уголовно-исполнительного права четко не сформулирована. Объяснить это можно тем, что нормативная подсистема с неустоявшимся названием «альтернативно-пенитенциарное право» не получила ни достаточного теоретического обоснования, ни надлежащей, законодательной дифференциации и интеграции норм уголовно-исполнительного права, а термин «альтернативно-пенитенциарное право» в научной сфере пока не использовался [1. С. 453–457]. На наш взгляд, сущность и назначение альтернативно-пенитенциарного права могут быть обусловлены толкованием таких понятий, как «уголовные наказания, не связанные с изоляцией от общества», «наказания, альтернативные лишению свободы».

В отношении наказаний, не связанных с лишением свободы, применяются различные понятия, а именно: «наказания, не связанные с изоляцией от общества», «наказания, альтернативные лишению свободы», «альтернативные наказания» [2. С. 4–6]. Как видим, в равной степени используются два термина: так называемая антиизоляция, поскольку довольно широкий перечень уголовных наказаний не предусматривает лишение свободы для осужденного, и «альтернатива», допускающая возможность применения к лицам, совершившим преступление, уголовных наказаний с наименьшим репрессивным началом по сравнению с лишением свободы. Довольно часто определение «альтернативное наказание» используется в tandem с понятием «изоляция» [3. С. 10–15].

В научной литературе присутствуют позиции широкого и узкого понимания рассматриваемых терминов. В частности, Е.В. Хромых трактует понятие «аль-

тернативные лишению свободы уголовные наказания» в широком смысле, так как распространяет его на различные уголовно-правовые формы реагирования государства на преступления [4. С. 5–9]. Сторонники узкого подхода под альтернативными лишению свободы наказаниями понимают как раз всю систему уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества (штраф, исправительные работы, обязательные работы, ограничение свободы, принудительные работы) [5. С. 217–220], оставляя за границами обсуждения иные меры уголовно-правового воздействия. По нашему мнению, узкое понимание рассматриваемого термина логично и оправданно, так как при широкой трактовке исследуемого понятия смешиваются две различные видовые группы общественных отношений: часть из них зарождается при исполнении уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, остальные обусловлены исполнением иных мер уголовно-правового характера. Оценивая с позиции права замену неотбытой части наказания более мягким наказанием, подчеркнем, что при этом происходит трансформация уголовно-исполнительных правоотношений, т.е. изменяются порядок и условия отбывания уголовных наказаний, поэтому в такой ситуации речь идет не об альтернативе.

На наш взгляд, прежде всего этимология понятия «альтернативно-пенитенциарное право» имеет прочную связь с правом исполнения уголовных наказаний, не предусматривающих изоляцию преступника от общества. Учитывая изложенное, можем заключить, что понятие «альтернативно-пенитенциарное право» имеет право на существование, так как указывает на то, что в соответствии с гносеологическим и лингвистическим смыслом термины «право исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества» или «право исполнения альтернативных лишению свободы наказаний» равнозначны термину «альтернативно-пенитенциарное право».

Следует признать, что правовое регулирование рассматриваемых видов наказаний нередко выпадало из фокуса предмета уголовно-исполнительного права. Это объяснимо, поскольку основной акцент ставился на исследовании наказаний, связанных с лишением свободы.

Чтобы выделить какую-либо подотрасль права в качестве самостоятельной, надо принимать во внима-

ние такие наиболее важные критерии, как предмет и метод правового регулирования, цели и задачи указанной подотрасли, специфические принципы, особый субъектный состав, сложная двухуровневая система, структурообразующий фактор.

Для определения понятия «альтернативно-пенитенциарное право» и его места в системе уголовно-исполнительного права, необходимо установить предмет и метод правового регулирования выявленных отношений. Понятие предмета правового регулирования мы не должны смешивать с понятием сферы правового регулирования.

Характеризуя предмет любой подотрасли, необходимо выявить однородные и однопорядковые общественные отношения, регулируемые специфическим методом. Альтернативно-пенитенциарное право как нормативная подсистема обладает своим назначением и содержанием. Главным определяющим критерием дифференциации уголовно-исполнительных отношений выступает форма реализации уголовной ответственности – виды уголовных наказаний, не предусматривающих изоляцию лиц, совершивших преступление. В разделе II Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) «Исполнение наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества» содержатся нормы, регулирующие часть предмета уголовно-исполнительного права и отличающиеся однородностью и однопорядковостью. Они объединены общими целями, задачами, принципами, субъектным составом и общей некарательной направленностью. Точно так же в альтернативно-пенитенциарном праве есть совокупность родственных институтов уголовно-исполнительного права, нормы которого регламентируют процесс исполнения уголовных наказаний, не предусматривающих лишения свободы (гл. 4–9 УИК РФ). Таким образом, речь идет об отдельной стороне общественных отношений, в рамках всей сферы уголовно-исполнительных отношений, связанных с исполнением уголовных наказаний без лишения свободы, что обуславливает их однопорядковость.

Вместе с тем в разделе II УИК РФ «Исполнение наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества» наблюдается некая рассогласованность норм. Например, следует признать, что институт исполнения принудительных работ достаточно неоднороден по отношению к остальным институтам исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, а значит, не вписывается в целостную систему альтернативно-пенитенциарного права. Как нам представляется, содержание данного наказания имеет карательную сущность, так как по своей правовой природе близко к наказаниям, связанным с лишением свободы, что, в свою очередь, свидетельствует о неоднородности альтернативно-пенитенциарной сферы в части регулирования данного наказания. Так, при их исполнении действует режим карательных правоограничений, который по содержанию кары практически совпадает с пенитенциарным режимом при лишении свободы, которое подлежит отбытию в колониях-поселениях. В связи с этим справедливо будет отметить, что расположение института испол-

нения принудительных работ в нормативной подсистеме «альтернативно-пенитенциарное право» нарушает системность, что свидетельствует о непродуманности в позиции законодателя. В результате расположение института исполнения наказания в виде лишения свободы, по нашему мнению, не вписывается в систему уголовно-исполнительного права в рамках подсистемы «Альтернативно-пенитенциарное право», ибо его размещение не совсем соответствует природе норм, регламентирующих данную область права [6. С. 256–258].

Альтернативно-пенитенциарное право не ограничивается регулированием отношений, возникающих в процессе исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, его предмет, как нам представляется, шире. Альтернативно-пенитенциарное право включает нормы уголовно-исполнительного права, регулирующие применение разнообразных средств исправления к лицам, отбывающим наказания, альтернативные лишению свободы.

Несмотря на разноликий набор наказаний, альтернативных лишению свободы, существует общий признак, объединяющий особенности правового регулирования их исполнения, – осужденные не лишаются свободы передвижения и не ограничиваются в социально полезных связях с обществом.

В процессе исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, формируются отношения, которые объединены общими целями возникновения, одинаковой исправительно-воспитательной направленностью и таким особым признаком, как сведение к минимуму уголовной репрессии. Субъекты рассматриваемых отношений довольно однородны: специализированные органы и учреждения наделены функцией контроля за поведением осужденного, а субъекты отбывания указанных видов наказания испытывают правоограничения.

Ввиду того, что альтернативно-пенитенциарное право рассматривается в качестве элемента уголовно-исполнительного права, то его метод во многом схож с методом уголовно-исполнительного права. При определении метода правового регулирования альтернативно-пенитенциарного права следует сказать о преимуществе определенных отраслевых способов правового регулирования. С учетом минимизации репрессивного воздействия на осужденных в альтернативно-пенитенциарном праве используются в большей части такие способы, как исправительный, предупредительно-обеспечительный, восстановительный, правового стимулирования. Кстати, сказанное не означает, что вообще не применяются карательный и санкционный методы, хотя, действительно, они наличествуют в меньшинстве.

Каждый институт исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, должен иметь особенности, заключающиеся в порядке и условиях исполнения альтернативных лишению свободы наказаний. Вместе с тем их должен объединять единый метод регулирования, общие нормы, отсутствующие в уголовно-исполнительном законодательстве: нормы-цели и нормы-задачи, нормы-принципы альтернативно-пенитенциарного права. В общих поло-

жениях для дифференцированных институтов альтернативно-пенитенциарного права в концентрированном виде необходимо предусмотреть специфику исполнения рассматриваемых видов уголовных наказаний, а также применения средств исправления к осужденным. Учитывая то, что в процессе отбывания уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, осужденные подвергаются минимальным репрессиям, то для них можно выделить особый собственный режим правового регулирования. Поясним свою мысль. Дело в том, что осужденные не изолируются от общества, а лишь испытывают ограничения в ряде прав, обусловленных фактом исполнения обвинительного приговора суда, вступившего в законную силу. В зависимости от вида уголовного наказания, не связанного с изоляцией от общества, они поражаются в имущественных, трудовых, должностных правах, ограничиваются в некоторой степени в свободе передвижения.

Особую значимость для любой отрасли права представляет то, что она характеризуется двухуровневой структурой, состоящей из институтов и субинститутов. Профессор В.А. Уткин, рассматривая вопросы правоприменения в области наказаний без лишения свободы, высказывает предложение о создании специальной Общей части УИК РФ для правового регулирования данных наказаний [7. С. 233–234]. Мы полностью солидарны с мнением ученого и полагаем, что в рамках такого регулирования важно выделить и Общую, и Особенную части.

По-видимому, общий институт альтернативно-пенитенциарного права должен содержать собственные специфические нормы-цели, нормы-задачи, подотраслевые принципы. Целесообразно в общезакрепительном институте нормативной подсистемы «альтернативно-пенитенциарное право» предусмотреть нормы уголовно-исполнительного права:

- определяющие категорию осужденных, которые должны отбывать уголовные наказания, не связанные с изоляцией от общества;
- регламентирующие имущественные, трудовые, должностные, личные правоограничения в период отбывания осужденными указанных видов уголовных наказаний;
- характеризующие дисциплинарную ответственность осужденных, и прежде всего изменяющие правовое положение субъектов, злостно уклоняющихся от отбывания наказания;
- регламентирующие применение средств исправления к видовым категориям осужденных.

Каковы же цели исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества? Учитывая то, что уголовно-исполнительное право и альтернативно-пенитенциарное право соотносятся как целое и часть, то для него в общем плане характерны все отраслевые цели. Вместе с тем в результате действия непенитенциарного режима при исполнении рассматриваемых наказаний задаются автономно-ведущие цели альтернативно-пенитенциарного права.

Думается, что общей главной, долгосрочной целью уголовно-исполнительного права надо считать исправление осужденного. Кроме того, при исполнении уголовных наказаний, не предусматривающих

лишения свободы, нельзя в полном объеме отрицать существование цели социальной адаптации осужденного (ресоциализации). В то же время осужденный при отбывании указанных видов наказаний не теряет социально полезные связи, поэтому данная цель не может претендовать на статус основной.

В юридической литературе довольно часто можно встретить научную позицию, согласно которой в какой-то степени говорят о совпадении достижения цели исправления и частного предупреждения [8. С. 103–104]. В рамках альтернативно-пенитенциарных отношений удержание осужденного от совершения повторного преступления обеспечивается посредством применения к нему средств исправления. Нам представляется, что цели исправления и частного предупреждения реализуются за счет одних и тех же средств, вместе с тем предупреждение совершения новых преступлений осужденными – «среднесрочная цель» альтернативно-пенитенциарного права, тогда как исправление осужденного – «долгосрочная» цель.

Вероятно, автономно-ведущей целью альтернативно-пенитенциарного права может быть предупреждение совершения новых преступлений (частная превенция). Цель частного предупреждения как цель альтернативно-пенитенциарного права достигается путем создания условий-правоограничений, затрудняющих совершение новых преступлений осужденным, и осуществления в отношении данного лица необходимого контроля.

Цели альтернативно-пенитенциарного права реализуются через конкретные задачи. В качестве первой задачи нормативной подсистемы «альтернативно-пенитенциарное право» можно обозначить регулирование порядка и условий исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Для этого полагаем оправданным обратиться к понятию «непенитенциарный режим» [9. С. 25–28]. Указанный режим предполагает соблюдение осужденным установленных правил поведения и соответствующих ограничений, отражающих порядок деятельности соответствующих специализированных государственных органов [10. С. 75–81]. По сути дела, речь идет о карательной и превентивной функциях непенитенциарного режима. При реализации карательной функции осужденный, отбывающий альтернативное лишению свободы наказание, претерпевает систему правоограничений, свойственных уголовному наказанию, не связанному с изоляцией от общества. Например, лицо, отбывающее наказание в виде обязательных работ, ограничивается в личной свободе, лишается свободного времени, при исправительных работах – ограничивается в трудовых правах, а именно в возможности получить вознаграждение за выполненную работу. При штрафе он ограничивается в праве на личную собственность, при ограничении свободы карательное свойство рассматриваемого режима состоит в правоограничениях сферы личной свободы. Кстати, специфичность «непенитенциарного режима» прослеживается и при исполнении конфискации имущества, при условии возвращения ей статуса уголовного наказания. В этом случае осужденный-собственник или осужденный – законный владелец

будет ощущать на себе карательную функцию этого режима, претерпевая правоограничения имущественного характера.

Общий институт любой подотрасли составляют ее подотраслевые принципы. Учитывая меньший карательный потенциал уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, полагаем, что объединяющим началом всех норм уголовно-исполнительного права, регулирующих общественные отношения, возникающие при их исполнении в отношении осужденных, является принцип минимального репрессивного воздействия на осужденного. Выделенный нами принцип мы рассматриваем в качестве общего подотраслевого институционального принципа. Юридическими основаниями минимизирования репрессии является выстроенная система, предусматривающая порядок и условия исполнения данных наказаний. Этот принцип можно рассматривать как частный случай принципа экономии принуждения или репрессии [11. С. 24–37], который пока легально в УИК РФ не закреплён [12. С. 83–85], но обладает системообразующим характером для всех общих и дифференцированных институтов альтернативно-пенитенциарного права. В связи с изложенным предлагаем дополнить систему принципов уголовно-исполнительного права принципом минимального репрессивного воздействия на осужденных.

В совершенствовании нуждается общезакрепительный институт уголовно-исполнительной правосубъектности осужденных, который является общим относительно института правового положения осужденных, отбывающих уголовные наказания без лишения свободы. В субъектном составе альтернативно-пенитенциарного права прослеживается своеобразие. На наш взгляд, действуют различные группы норм уголовно-исполнительного права, регулирующих правовое положение субъектов альтернативно-пенитенциарного права, определяющие статус: 1) лиц, осужденных к штрафу; обязательным и исправительным работам, ограничению свободы; ограничению по военной службе; лишению права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью; конфискации; 2) специализированных государственных органов, осуществляющих уголовно-исполнительный контроль за осужденными (уголовно-исполнительные инспекции, судебные приставы); 3) представителей общественности, трудовых коллективов, участвующих в процессе исправительно-воспитательного воздействия на осужденных указанных видовых категорий.

В альтернативно-пенитенциарном праве пока нет института применения средств исправления к осужденным, отбывающим уголовные наказания без изоляции от общества. Общеизвестно, что институт состоит из однородных и однопорядковых норм права по сфере действия. На сегодняшний день существуют разбросанные нормы, регулирующие применение средств исправления к обозначенным категориям осужденных. Это означает, что правовой институт применения средств исправления должен обладать полной системой норм уголовно-исполнительного права, раскрывающих специфику каждого из них:

непенитенциарного режима, воспитательной, социальной, психологической работы с осужденными, общественно полезного труда, получения ими образования, оказания на них общественного воздействия.

Полагаем возможным ввести в систему альтернативно-пенитенциарного права охранительный институт дисциплинарной ответственности осужденных, отбывающих альтернативные лишения свободы наказания. Если проанализировать дифференцированные институты исполнения всех видов уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, то можно обнаружить, что в каждой главе УИК РФ находятся нормы уголовно-исполнительного права, закрепляющие ответственность осужденных за нарушение порядка и условий их отбывания. Мы полагаем, что в этой связи необходимо в Общей части альтернативно-пенитенциарного права предусмотреть ассоциации нормативных предписаний, раскрывающих: 1) понятие дисциплинарной ответственности; 2) понятие злостного нарушителя непенитенциарного режима отбывания уголовных наказаний; 3) закрепление перечня видов нарушений, совершаемых осужденными, отбывающими уголовные наказания без лишения свободы; 4) общий процессуально-процедурный порядок применения взысканий к таким осужденным.

Принимая во внимание изложенное, по нашему мнению, нужно выделить общие нормы уголовно-исполнительного права, регулирующие порядок и условия исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы. Это будет способствовать системно-целостному характеру альтернативно-пенитенциарного права. Любое уголовное наказание, не связанное с изоляцией от общества, имеет не только общие, но и специфические свойства. Общие черты устанавливаются за счет системообразующих признаков – автономно-ведущей цели, задач и принципов правового регулирования альтернативно-пенитенциарного права.

Итак, Общая часть альтернативно-пенитенциарного права может включать: общий институт исполнения рассматриваемых видов наказаний (цели, задачи, принципы альтернативно-пенитенциарного права); общезакрепительные институты (институт правосубъектности осужденных, отбывающих уголовные наказания, не связанные с изоляцией от общества; администрации специализированных государственных органов; иных лиц, участвующих в альтернативно-пенитенциарных правоотношениях; институт возникновения, изменения и прекращения данных правоотношений; институт применения к осужденным, отбывающим рассматриваемые наказания, средств исправления; институт дисциплинарной ответственности указанных осужденных).

В структуре Особенной части альтернативно-пенитенциарного права стоит обратить внимание на следующие предметные и функциональные институты: исполнения штрафа; исполнения обязательных работ; исполнения исправительных работ; исполнения ограничения свободы; исполнения лишения права занимать определенную должность или заниматься определенным видом деятельности; исполнения конфискации имущества; исполнения ограничения по

военной службе; исполнения альтернативных наказаний в отношении несовершеннолетних; исполнения альтернативных наказаний в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства; изменения условий отбывания уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества; социальной помощи осужденным к освобождению от отбывания уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

Видимая однородность перечисленных институтов непременно приводит к интеграции правового регулирования. Их архитекторам не отличается четкой последовательностью, ведь более верным было бы объединить все институты в одном разделе уголовно-исполнительного права. Считаем, что их появление в уголовно-исполнительном праве свидетельствует об обособлении сферы альтернативно-пенитенциарных отношений, хотя процесс дифференциации продолжается.

Нормы законодательства, регулирующие вопросы исполнения и отбывания уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, не отличаются необходимой полнотой объема. Например, не раскрыта специфика применения средств исправления к осужденным, которым назначено наказание, не связанное с лишением свободы. При этом можно отметить отсутствие систематизации рассматриваемых норм уголовно-исполнительного права, они не сгруппированы по главам, а в отдельных случаях упускаются законодателем. Все это не повышает эффективность правового регулирования в целом, не способствует преодолению неразвитости сферы альтернативно-пенитенциарного права и еще раз показывает наличие пробелов в уголовно-исполнительном законодательстве, слабую научную разработку категории «альтернативно-пенитенциарное право».

Следует признать, что концепция альтернативно-пенитенциарного права пока не нашла окончательного признания в науке уголовно-исполнительного права. В чем причина неизученности нормативной подсистемы «альтернативно-пенитенциарное право»?

Ответ на поставленный вопрос, видимо, кроется в институциональной недостаточности уголовно-исполнительного права.

Внутри уголовно-исполнительного права отчетливо действует особая совокупность правовых норм, предназначенная для регулирования общественных отношений, возникающих при исполнении уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Она характеризуется специальным предметом правового регулирования, особым принципом, специальной автономно-ведущей целью. Подчеркнем: пока нельзя утверждать, что нормативная подсистема «альтернативно-пенитенциарное право» полностью сформирована и процесс ее образования завершен.

Аргументом в пользу самостоятельности выделяемой видовой категории норм служит существование особого предмета правового регулирования, т.е. комплекса обособленных видовых общественных отношений, представляющего собой достаточно важное основание для выделения соответствующих норм в самостоятельный раздел УИК РФ. К обособлению альтернативно-пенитенциарной сферы в самостоятельный видовой подотраслевой предмет уголовно-исполнительных отношений привела произошедшая дифференциация юридического режима регулирования этих отношений с учетом специфики исполняемых наказаний, обусловленных минимальным репрессивным воздействием на осужденных. Пытаться в этих условиях не замечать существующего критерия – режима исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, объединяющего, казалось бы, в значительной степени не совпадающие уголовные наказания, невозможно, ведь это все равно что плыть против течения.

Подводя итог изложенному, отметим, что альтернативно-пенитенциарное право – составная часть системы отрасли уголовно-исполнительного права, которая на сегодняшний день претендует лишь на статус формирующейся подотрасли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головастова Ю.А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: предмет, метод, источники, система / под науч. ред. В.И. Селиверстова. М., 2019. 560 с.
2. Лядов Э.В., Грушин Ф.В. Наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества: вопросы назначения и исполнения. Рязань, 2020. 174 с.
3. Дворянсков И.В., Сергеева В.В., Баталин Д.Е. Применение альтернативных наказаний в Западной Европе, США и России: сравнительно-правовое исследование. М., 2004. 90 с.
4. Хромых Е.В. Альтернативные лишения свободы уголовные наказания: теория и практика назначения и исполнения : автореф. дис ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. 27 с.
5. Непомнящая Т.В. Альтернативные виды наказаний: проблемы развития и совершенствования // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2012. № 3 (32). С. 217–220.
6. Головастова Ю.А. Альтернативно-наказательное и постпенитенциарное право: миф или реальность // Евразийский юридический журнал. 2018. № 5 (120). С. 256–258.
7. Уткин В.А. К вопросу об Общей части УИК РФ для альтернативных наказаний // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием : в 2 ч. Самара, 2020. С. 233–235.
8. Мицкевич А.Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизм действия. СПб., 2005. 329 с.
9. Ольховик Н.В. О содержании непенитенциарного режима // Человек: преступление и наказание. 2013. № 4 (83). С. 25–28.
10. Ольховик Н.В. Принцип установления непенитенциарного режима и механизма его обеспечения // Сибирский юридический вестник. 2013. № 2 (61). С. 75–81.
11. Степашин В.М. Содержание принципа экономии репрессии // Lex Russica. 2017. № 11 (132). С. 24–37.
12. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. В.И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2017. 328 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 мая 2021 г.

Alternative Penal Law as an Emerging Sub-Branch of Penal Law

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 229–234.

DOI: 10.17223/15617793/470/28

Yulia A. Golovastova, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: UGolovastova@yandex.ru.

Keywords: penal law; sub-branch of law; alternative penal law; institution of law; system of criminal executive law; execution of criminal penalties not related to isolation from society

In the article, the author discusses the possibility of distinguishing within the framework of penal law a relatively separate regulatory subsystem, which is a set of legal norms regulating the execution of criminal penalties against convicted persons that are not related to isolation from society, and separating them into a new self-sufficient sub-branch of penal law. The study aims to understand the processes of differentiation and integration present in penal law, and to assess the prospects for the allocation of a new sub-branch in the matter of penal law – alternative penal law. The objectives of the study are to define the concept of alternative penal law and its place in the system of penal law; to analyze the system-forming factors in penal law; to identify the criteria for distinguishing general, subject-based and functional institutions within the framework of alternative penal law; to formulate proposals for improving the separate normative subsystem “alternative penal law” that affect the structure and content of the Penal Code of the Russian Federation. In the course of the research, general and specific methods of scientific cognition were used: dialectical, formal-logical, functional, system-structural, comparative-legal, as well as the method of legal modeling. The author presents arguments in favor of the separation of the norms of penal law that regulate the part of the subject of penal law. As a structure-forming factor that unites institutions in alternative penal law, the author notes the form of criminal liability implementation – criminal penalties that are not related to isolation from society. The author analyzes the institutions of the future general and special parts of alternative penal law, which emphasize the existing institutional insufficiency of penal law norms regulating the legal status of convicts serving criminal sentences that are not related to isolation from society. To assess the current state of the regulatory subsystem of alternative penal law and its ability to grow to a higher level, the following criteria are used: its own object and method of legal regulation; special subject-based composition of alternative penal relations; the presence of an autonomous leading goal; its own principles; complex intra-structural differentiation represented by homogeneous and single-order institutions of penal law; legislative isolation of the alternative penal sphere. The author formulates the conclusion that today only the rudiments of alternative penal law have been formed as an integral part of the system of the branch of penal law, a part that only claims the status of an emerging sub-branch.

REFERENCES

1. Golovastova, Yu.A. (2019) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo kak otrasl' rossiyskogo prava: predmet, metod, istochniki, sistema* [Penal law as a branch of Russian law: object, method, sources, system]. Moscow: [s.n.].
2. Lyadov, E.V. & Grushin, F.V. (2020) *Nakazaniya, ne svyazannye s izolyatsiyey osuzhdennogo ot obshchestva: voprosy naznacheniya i ispolneniya* [Punishments not related to the isolation of the convicted person from society: issues of appointment and execution]. Ryazan: [s.n.].
3. Dvoryankov, I.V., Sergeeva, V.V. & Batalin, D.E. (2004) *Primenenie al'ternativnykh nakazaniy v Zapadnoy Evrope, SShA i Rossii: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [The use of alternative punishments in Western Europe, the United States and Russia: a comparative legal study]. Moscow: [s.n.].
4. Khromykh, E.V. (2005) *Al'ternativnye lisheniya svobody ugovolnye nakazaniya: teoriya i praktika naznacheniya i ispolneniya* [Criminal punishments alternative to imprisonment: theory and practice of appointment and execution]. Abstract of Law Cand. Diss. Rostov-on-Don.
5. Nepomnyashchaya, T.V. (2012) *Al'ternativnye vidy nakazaniy: problemy razvitiya i sovershenstvovaniya* [Alternative types of punishment: problems of development and improvement]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*. 3 (32). pp. 217–220.
6. Golovastova, Yu.A. (2018) Alternative-punitive and post-penitentiary law: myth or reality. *Evrayskiy yuridicheskiy zhurnal – Eurasian Law Journal*. 5 (120). pp. 256–258. (In Russian).
7. Utkin, V.A. (2020) [On the general part of the RF Penal Code for alternative punishments]. *Penitentsiarnaya bezopasnost': natsional'nye traditsii i zarubezhnyy opyt* [Penal security: national traditions and foreign experience]. Conference Proceedings. Samara. pp. 233–235.
8. Mitskevich, A.F. (2005) *Ugolovnoe nakazanie: ponyatie, tseli i mekhanizm deystviya* [Criminal punishment: concept, goals and mechanism of action]. St. Petersburg: Aslanov; Yurid. Tsentr Press.
9. Ol'khovik, N.V. (2013) O soderzhanii nepenitentsiarnogo rezhima [On the content of the non-penal regime]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 4 (83). pp. 25–28.
10. Ol'khovik, N.V. (2013) Printsip ustanovleniya nepenitentsiarnogo rezhima i mekhanizma ego obespecheniya [The principle of establishing a non-penal regime and the mechanism for ensuring it]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*. 2 (61). pp. 75–81.
11. Stepashin, V.M. (2017) The Content of the Principle of Economy of Repression. *Lex Russica*. 11 (132). pp. 24–37. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2017.132.11.024-037
12. Seliverstov, V.I. (ed.) (2017) *Obshchaya chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya* [General part of the new Penal Code of the Russian Federation: results and substantiations of theoretical modeling]. Moscow: Yurisprudentsiya.

Received: 17 May 2021

И.А. Косицин, А.Д. Майле, Ю.П. Шевченко

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ОБЛАДАЮЩИХ ОСОБЫМ ПРАВОВЫМ СТАТУСОМ

Подвергается критике юридическая регламентация российским законодательством особых условий применения мер принуждения, в том числе юридической ответственности, к лицам, обладающим неприкосновенностью. Высказывается мысль о нежелательности сохранения в российском законодательстве института неприкосновенности и его отмене для большинства субъектов. Прекрасно осознавая нереалистичность комплексного воплощения в жизнь этой концепции в современной социально-политической ситуации, авторы, в качестве компромисса, предлагают разработку единого порядка особых условий применения мер принуждения, в том числе административной ответственности, к указанным лицам.

Ключевые слова: административная ответственность; меры принуждения; неприкосновенность; задержание; полиция; унификация мер принуждения.

Конституция Российской Федерации и нормативные правовые акты, регламентирующие правовое положение лиц, замещающих государственные должности и должности государственной службы, предоставляют отдельным категориям указанных лиц особый статус, защищающий их от постороннего властного вмешательства в их деятельность. Этот статус связан с их личной, имущественной, физической неприкосновенностью. В его рамках значительно отличается от ординарного порядок привлечения этих лиц к юридической ответственности. Подобные юридические «льготы» Конституция Российской Федерации и иные нормативные правовые акты именуют неприкосновенностью. Данные защитные меры имеют целью обезопасить лиц, обладающих властными государственными полномочиями, от элементов произвола со стороны других должностных лиц, имеющих право применять меры принуждения.

Конституция Российской Федерации предусматривает особую защиту от властного вмешательства в их права следующим лицам, занимающим государственные должности: Президент Российской Федерации (ч. 1 ст. 91), члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы (ч. 1 ст. 98), судьи (ч. 1 ст. 122). Лица, пользующиеся дипломатическим иммунитетом, неприкосновенны. Они не подлежат аресту или задержанию в какой бы то ни было форме (ст. 29 Венской конвенции о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г.). Аналогичную защиту на основе федеральных законов имеют и другие категории лиц: Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации – ч. 1, 2 ст. 12 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»; Президент Российской Федерации, прекративший свои полномочия, – ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 12 февраля 2001 г. № 12-ФЗ «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи»; присяжные заседатели – ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»; арбитражные заседатели – ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 30 мая

2001 г. № 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации»; Председатель Счетной палаты, заместитель Председателя Счетной палаты, аудиторы Счетной палаты – ч. 1 ст. 39 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации»; прокуроры – ч. 2 ст. 42 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»; сотрудники следственного комитета – ч. 3 ст. 29 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»; депутаты законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации – ст. 13 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»; депутаты, члены выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления – ч. 8 ст. 40 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»; зарегистрированный кандидат в депутаты представительных органов местного самоуправления и в выборные должностные лица местного самоуправления в субъектах Российской Федерации – ст. 24 Временного положения о проведении выборов депутатов представительных органов местного самоуправления и выборных должностных лиц местного самоуправления в субъектах Российской Федерации, не обеспечивших реализацию конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления – приложения к Федеральному закону от 26 ноября 1996 г. № 138-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления».

Отдельные элементы такой защиты предусмотрены для некоторых категорий должностных лиц, находящихся при исполнении служебных обязанностей: сотрудников ФСБ России – ст. 17 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности», ФСО России – ч. 1 ст. 20 Фе-

дерального закона от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране», Росгвардии – ч. 6 ст. 26 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации».

В качестве защиты от властного вмешательства в деятельность указанных лиц, как правило, предусматривается особый порядок задержания (либо его запрет), доставления, привода, досмотра и т.п., а также особый порядок привлечения к административной и уголовной ответственности. К сожалению, регламентация так называемого особого порядка не является единообразной. Для каждой отдельной категории лиц законодатель формирует отличающуюся от других конструкцию применения мер принуждения. Эти правовые конструкции характеризуются фрагментарностью, отсутствием единой логически завершенной системы производства по таким категориям дел.

Одной из основных мер государственно-властного принуждения, от которой защищают гарантии неприкосновенности, является задержание лица. По нашему мнению, понятие «задержание» включает в себя любые меры ограничения свободы, применяемые в рамках действующего законодательства. Действующее законодательство не содержит однозначного толкования этого понятия, и, как следствие, часто неясно, о каком виде задержания ведет речь законодатель, предоставляя защиту от задержания той или иной категории лиц:

- о доставлении в связи с наличием признаков административного правонарушения (ст. 27.2 КоАП РФ);

- об административном задержании (ст. 27.3 КоАП РФ, п. 5 ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – закона «О полиции»));

- о задержании лица по подозрению в совершении преступления (ст. 91 УПК РФ, п. 1 ч. 2 ст. 14 закона «О полиции»);

- о доставлении граждан, в целях решения вопроса о задержании гражданина (при невозможности решения данного вопроса на месте); установления личности гражданина, если имеются основания полагать, что он находится в розыске как скрывшийся от органов дознания, следствия или суда, либо как уклоняющийся от исполнения уголовного наказания, либо как пропавший без вести; защиты гражданина от непосредственной угрозы его жизни и здоровью в случае, если он не способен позаботиться о себе либо если опасности невозможно избежать иным способом, а также в других случаях, предусмотренных федеральным законом (п. 13 ч. 1 ст. 13 закона «О полиции»);

- о доставлении граждан, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, в медицинские организации; доставлении по письменному заявлению граждан в медицинские организации либо в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции находящихся совместно с ними в жилище граждан в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьяне-

ния, если есть основания полагать, что они могут причинить вред жизни и здоровью граждан, нанести ущерб имуществу; о доставлении на медицинское освидетельствование в соответствующие медицинские организации граждан для определения наличия в организме алкоголя или наркотических средств, если результат освидетельствования необходим для подтверждения либо опровержения факта совершения преступления или административного правонарушения, для расследования по уголовному делу, для объективного рассмотрения дела об административном правонарушении (п. 14 ч. 1 ст. 13 закона «О полиции»);

- о фактическом задержании (п. 15 ст. 5 УПК РФ);
- о приводе (п. 2 ч. 1 ст. 111 УПК РФ; ст. 27.15 КоАП РФ; ч. 2 ст. 168 ГПК РФ; ст. 120 КАС РФ);

- о доставлении подозреваемого в орган дознания или следователю (ч. 1 ст. 92 УПК РФ);

- об иных видах полицейского задержания (пп. 2–4, 6 ст. 13 закона «О полиции»);

- об иных аналогичных видах задержания, осуществляемого правоохранительными органами (например, пп. ж, к ст. 13 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности», ст. 10 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»).

Зачастую задержание является важнейшей мерой обеспечения производства по делу, а, иногда, без задержания невозможно объективно оценить обстоятельства происшедшего. Обязанность полиции незамедлительно отпустить лицо, обладающее иммунитетом, без какого-то ни было разбирательства, получения объяснений, досмотра влечет за собой следующие неблагоприятные последствия:

1. Могут быть утрачены доказательства.

2. Резко ограничиваются возможности правоприменителя по установлению обстоятельств дела и возможности доказывания по нему (невозможно определить состояние опьянения, изъять предметы, являющиеся необходимыми доказательствами по делу, и пр.).

3. Уменьшаются шансы потерпевших на справедливое разбирательство по делу, возмещение причиненного вреда.

4. Не определен уровень защищенности таких лиц от иных мер административного принуждения (1. Доставление. 2. Изъятие вещей и документов. 3. Отстранение от управления транспортным средством. 4. Задержание транспортного средства. 5. Вызов в полицию (п. 3 ч. 1 ст. 13 закона «О полиции»). 6. Привод. 7. Арест товаров, транспортных средств, вещей. 8. Доставление граждан, находящихся в общественных местах либо в жилищах в состоянии опьянения, которые могут причинить вред себе, окружающим или имуществу (п. 14 ч. 1 ст. 13 закона «О полиции»).

5. В общественном мнении укрепляется осознание безнаказанности облеченных властью правонарушителей, что подрывает веру в справедливое государство. Во многом это происходит также по причине частого злоупотребления иммунитетом.

При введении режимов военного положения, чрезвычайного положения, контртеррористической операции и других режимов, в которых предусмотрены различные ограничения прав, лица, обладающие иммунитетами (за исключением использования дипломатических транспортных средств), справедливо и обоснованно не защищены от таких ограничений.

Другой мерой государственно-властного принуждения, от которой защищают гарантии неприкосновенности, является привлечение к административной ответственности. Статья 1.4 КоАП РФ предусматривает, что особые условия применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции, устанавливаются другими федеральными законами. Анализ действующего российского законодательства в рассматриваемой сфере позволяет сделать вывод, что понятного, логически увязанного, последовательного, стройного, комплексного, процессуально выверенного, особого порядка в этих нормативных актах нет. Лишь в некоторых из них имеются отдельные фрагменты юридических процедур, связанных с таким производством.

Особые условия привлечения к административной ответственности депутатов заключаются в сообщении Генеральному прокурору о факте возбуждения (начала) дела об административном правонарушении в отношении члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы, предусматривающем административную ответственность, налагаемую в судебном порядке. Требуется получение согласия Федерального Собрания на передачу в суд дела об административном правонарушении. Буквальное понимание текста этой нормы говорит о том, что привлечение таких лиц к административной ответственности, налагаемой в несудебном (административном) порядке, осуществляется в ординарном порядке. Часть 2 ст. 13 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и ч. 8 ст. 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления», регламентирующие гарантии депутатской деятельности и неприкосновенности депутатов, декларируют наличие особого порядка производства по делам об административных правонарушениях, установленного иными федеральными законами, до настоящего времени не принятыми. Отсутствие такого порядка подтверждено Постановлением Верховного Суда РФ от 25 декабря 2013 г. № 13-АД13-10, которым депутату органа местного самоуправления было отказано в применении особых условий привлечения к административной ответственности, предусмотренных ст. 1.4 КоАП РФ и ч. 8 ст. 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления», так как такие условия в федеральном законодательстве отсутствуют.

Особенности привлечения к административной ответственности судей заключаются в том, что решение по вопросу привлечения к административной от-

ветственности судей разных категорий принимается судебной коллегией по представлению Генерального прокурора.

Особый порядок привлечения к административной ответственности прокуроров заключается лишь в проверке сообщения о факте административного правонарушения, совершенного прокурором, которая является исключительной компетенцией органов прокуратуры. На наш взгляд, прокурорская проверка фактов правонарушений и производство по делу об административном правонарушении – разнопорядковые явления, исключение составляет производство по делам об административных правонарушениях, по которым прокурор, в соответствии со ст. 28.4 КоАП РФ, возбуждает дела об административных правонарушениях путем вынесения постановления.

Приведенные правовые коллизии представляют научный интерес в первую очередь потому, что являются причиной столкновения не только норм права, но и людей. В средствах массовой информации имеется множество публикаций, вызывающих серьезный общественный резонанс и связанных с конфликтами между представителями власти. Значительная часть подобных инцидентов приходится на сферу дорожного движения [1; 2. С. 163; 3. С. 50]. Хотя и в иных сферах подобных конфликтов тоже немало. Такие публикации показывают лишь вершину айсберга «войны амбиций».

Фактически каждое из названных положений законодательства можно рассматривать как «скрытое основание освобождения от административной ответственности». Мы понимаем возмущение В.В. Денисенко по этому поводу: «Но чем как не освобождением от административной ответственности являются иммунитет отдельных категорий иностранных граждан (ч. 3 ст. 2.6 КоАП), статусы депутатов, судей, прокуроров?» [4. С. 73].

В данном контексте, конечно, недопустимо расширение таких иммунитетов на законодательном и, тем более, ведомственном уровне.

Ярким примером заискивающего отношения полиции к «властным» участникам дорожного движения, причем вне связи с исполнением последними служебных обязанностей, является Административный регламент исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения, утвержденный приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 23 августа 2017 г. № 664 (далее – Регламент).

Представляется странным сужение полномочий полиции по применению мер пресечения и процессуального обеспечения к лицам, в отношении которых имеются основания привлечения к административной ответственности, и в связи с этим – отстранения их от управления транспортным средством, при наличии признаков их опьянения и направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, предусмотренные ст. 27.12 КоАП РФ. Отказ МВД РФ

от включения в Административный регламент нормы, наделяющей сотрудников полиции правом отстранения **любого** (выделено авторами) лица с признаками опьянения, в том числе при невозможности его освидетельствования на состояние опьянения, представляется нелегальным и общественно опасным. Таких исключений (привилегий) не предусматривает ни один закон, но Министр внутренних дел Российской Федерации взял на себя такие полномочия. В соответствии с п. 304 данного Регламента сотрудник должен каким-то образом, совершая никому не понятные «ритуальные» действия, принять меры к прекращению дальнейшего движения транспортного средства до устранения условий, препятствующих дальнейшему движению транспортного средства.

На наш взгляд, в действующем законодательстве должен быть предусмотрен общий единообразный порядок привлечения к различным видам юридической ответственности, в том числе административной, лиц, обладающих особым правовым статусом (правовым иммунитетом). В частности, при подготовке нового Кодекса об административных правонарушениях следует включить в КоАП РФ в виде самостоятельной главы особый порядок производства по делам об административных правонарушениях в отношении лиц, обладающих особым правовым статусом. Этот порядок не должен устранять возможность сбора и закрепления доказательств.

Так, запрет на доставление и задержание делает невозможным совершение ряда процессуальных действий, а стало быть, установление объективной истины по делу. Запрет на личный досмотр не позволит закрепить в качестве доказательств имеющиеся у задержанного наркотики, оружие и другие предметы. Запрет на проведение медицинского освидетельствования не позволит зафиксировать состояние задержанного (алкогольное, наркотическое и иное опьянение либо отсутствие такового). Аналогом такого порядка может выступить гл. 52 УПК РФ «Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц». Особенности производства по делам об административных правонарушениях в отношении отдельных категорий лиц, устанавливаемые КоАП РФ, должны являться основой, а иные нормативные акты, устанавливающие особый правовой статус отдельных категорий лиц, при наличии такой необходимости, должны ссылаться на нормы КоАП РФ.

Примером такого особого порядка применения мер принуждения в связи с совершением административного правонарушения может служить гл. 49 КоАП Республики Казахстан.

Особый интерес представляет административно-деликтное законодательство ФРГ. Каких-либо положений о неприкосновенности или особом порядке привлечения к ответственности прокуроров, полицейских, военнослужащих или иных государственных служащих Конституция – Основной закон Германии не содержит. Нормативное регулирование ответственности указанных выше категорий государственных служащих регулируется дисциплинарным правом, которое является составной частью служебного права.

Согласно действующему германскому праву, абсолютным иммунитетом в ФРГ при совершении преступлений или административных правонарушений обладают только дипломатические и консульские работники, согласно Венской конвенцией о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. и Венской конвенцией о консульских сношениях от 24 апреля 1963 г.

Несмотря на то, что депутаты различных уровней в ФРГ обладают неприкосновенностью, последняя отличается от неприкосновенности российских парламентариев. В ст. 46 Конституции ФРГ сказано, что депутат ни в коем случае не может быть подвергнут преследованию в судебном или административном порядке либо привлечен к какой-либо иной ответственности вне Бундестага за свое голосование или мнение, высказанное в Бундестаге или в одной из его комиссий. Это правило не относится к случаям оскорблений клеветнического характера. Депутат может быть привлечен к ответственности или арестован за уголовно наказуемое деяние лишь с согласия Бундестага, за исключением случаев **задержания на месте преступления или в течение дня, следующего за его совершением** (выделено – нами). Согласие Бундестага требуется также и на любое иное ограничение личной свободы депутата или на возбуждение против него дела согласно ст. 18 Конституции. Любое уголовное дело, применение ареста или любого иного ограничения личной свободы депутата должны быть приостановлены по требованию Бундестага.

Аналогичные правила, за редким исключением, действуют и в отношении земельных депутатов и депутатов других законодательных органов. К примеру, депутаты бранденбургского ландтага при преследовании за совершение преступления или административного правонарушения могут получить депутатскую неприкосновенность только после подачи соответствующего прошения о приостановлении или прекращении уголовного либо административного преследования, приостановлении ареста или другого ограничения личной свободы депутата, согласно ст. 58 Конституции земли Бранденбург, президентом ландтага, одним из депутатов или фракцией. До принятия решения по уголовному или административному правонарушению уголовное преследование осуществляется на общих началах в соответствии с УПК ФРГ¹. Согласно § 152а «Уголовное преследование депутатов», положения земельного законодательства о предпосылках возбуждения и продолжения уголовного преследования членов законодательного органа действуют также в других федеральных землях и на уровне федерации.

Согласно § 50 УПК ФРГ, допрос депутатов Бундестага, Бундесрата, верхней или нижней палаты парламента федеральной земли во время сессии проводится в месте заседаний парламента. Относительно ответственности судей Основной закон Германии содержит лишь общее положение. Согласно ст. 98 Основного закона, если федеральный судья при исполнении должностных обязанностей или вне службы нарушит принципы Основного закона или посягнет на конституционный строй какой-либо земли, то по ходатай-

ству Бундестага Федеральный конституционный суд может большинством в две трети голосов своих членов распорядиться о переводе такого судьи на другую должность или об уходе его в отставку. В случае умышленного совершения судьей правонарушения может быть принято решение о его увольнении. Федеральные земли могут вводить для судей земель аналогичные правила ответственности, применяемые к федеральным судьям. Вынесение решения по обвинению судьи принадлежит исключительно Федеральному конституционному суду.

В целом же анализ действующего законодательства ФРГ показал, что хотя судьи, депутаты и чиновники определенного ранга и обладают статусом неприкосновенности, он далеко не абсолютен и имеет своей целью, в первую очередь, защиту указанной выше категории лиц при выполнении ими своих «служебных» обязанностей.

При совершении лицами, обладающими служебным иммунитетом, преступлений или административных правонарушений, они могут быть задержаны полицией в момент совершения преступления или административного правонарушения, а также в течение последующего дня. При этом закон исходит из того, что участие данных лиц в противоправных действиях слишком очевидно, чтобы оправдывать защиту от преследования.

Особый статус не препятствует проведению предварительной проверки и последующему возбуждению дела об уголовном или административном правонарушении, а также проведению расследования в отношении причастных к преступлению лиц (зачинщиков, сообщников, помощников, укрывателей имущества, добытого преступным путем, и т.д.), если они сами не обладают статусом неприкосновенности. Наличие иммунитета не препятствует допросу того же депутата в качестве свидетеля.

В соответствии со ст. 103 и 104 УПК ФРГ возможно проведение обыска в помещениях, занимаемых лицами, имеющими иммунитет, с целью задержания обвиняемого или нахождения следов преступного деяния, или для выемки определенных предметов, если имеются факты, на основании которых можно сделать вывод о том, что разыскиваемое лицо, следы преступного деяния или предмет находятся в помещении, в котором должен быть произведен обыск.

С целью задержания обвиняемого, в отношении которого существует подозрение в совершении преступного деяния, согласно § 89а «Подготовка тяжкого, угрожающего государству насильственного преступления», § 129а «Создание террористических сообществ» или § 129b абз. 1 «Криминальные и террористические объединения за границей» при наличии достаточных фактов разрешено проведение обыска любых жилищных и иных помещений. В ночное время обыск в жилище, офисах и на отграниченных земельных участках может производиться только при преследовании по горячим следам² или в случаях, не терпящих отлагательства, а также для задержания осужденного, совершившего побег.

В целом при расследовании преступлений и административных правонарушений полиция ФРГ в случае

дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) с участием лиц, имеющих иммунитет, имеет право:

- принять все необходимые меры для установления причины и характера (хода) ДТП;
- принять все необходимые меры для установления личных данных виновного лица и свидетелей, состояния транспортного средства, регистрационного номера транспортного средства,
- потребовать предъявить водительское удостоверение и регистрационные документы транспортного средства;
- в целях сохранения улик и обеспечении доказательств делать осмотр места происшествия с использованием технических средств;
- доставлять (в том числе с применением мер принуждения) лиц, обладающих особым статусом, в полицейский участок или к врачу с целью взятия образцов крови в связи с совершением преступления или административного правонарушения (ст. 46 Закона ФРГ от 19 февраля 1987 г. Об административных правонарушениях³ и ст. § 81a Уголовно-процессуального кодекса ФРГ);
- назначать лицам, обладающим иммунитетом, за совершение мелких административных правонарушений предупреждение или наложение предупредительного штрафа (§ 56 Закона ФРГ об административных правонарушениях).

По законодательству Германии для предотвращения опасности, исходя из обстоятельств происшествия и по усмотрению полиции, к привилегированным лицам могут быть применены меры ограничения свободы (полицейское задержание), например для защиты самого привилегированного лица или защиты других лиц от него, если он представляет для них опасность.

Российскому законодателю целесообразно изучить опыт приведенных и других стран, в которых вопросы привлечения к ответственности лиц, обладающих иммунитетами, детально регламентированы. Следует принять во внимание, что указанные вопросы необходимо решать в комплексе с вопросами привлечения рассматриваемых категорий лиц и к уголовной ответственности. Ученые в области уголовного права также полагают, что «круг лиц, на которых распространяется особый порядок производства по уголовным делам, уже сейчас может быть сужен до минимально оправданного в правовом государстве» [5. С. 131]. Считаем необходимым совершенствование законодательства именно в направлении сокращения числа категорий лиц, обладающих иммунитетами, а не простого формирования в КоАП РФ «позиции законодателя по вопросу о круге лиц, обладающих иммунитетом от административного задержания» [6. С. 48]. Некоторое время назад авторы тоже предлагали «полювинчатое» решение – «четко установить подробный алгоритм действий должностного лица полиции по таким правонарушениям, а правовые иммунитеты различных категорий должностных лиц предусмотреть в одном федеральном конституционном законе» [1. С. 131].

Полагаем, что российское законодательство нуждается в максимальном сокращении количества носи-

телей таких иммунитетов до установленных Конституцией Российской Федерации категорий лиц.

Предлагая существенное сокращение круга лиц, обладающих правом неприкосновенности, осознаем нереалистичность комплексного воплощения в жизнь этой концепции в современной социально-политической ситуации. Представляется более доступной для реализации разработка единого порядка

применения мер принуждения в отношении лиц, обладающих правом неприкосновенности, и привлечения их к административной ответственности. Особенности применения этих мер должны быть отражены в нормативных актах, регламентирующих порядок их применения (в КоАП РФ, Федеральных законах «О полиции», «О Федеральной службе безопасности» и др.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Strafprozeßordnung in der Fassung der Bekanntmachung vom 7. April 1987 (BGBl. I S. 1074, 1319), die zuletzt durch Artikel 49 des Gesetzes vom 21. Dezember 2020 (BGBl. I S. 3096) geändert worden ist. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/BJNR006290950.html> (дата обращения: 20.02.2021).

² Дословный перевод: преследование свежего деяния (Verfolgungsauffrischer Tat). Этот положение не ограничивается задержанием на месте преступления и преследованием непосредственно после совершения преступного деяния; достаточно того, что преследование осуществляется сразу после установления факта совершения преступного деяния.

³ Gesetz über Ordnungswidrigkeiten in der Fassung der Bekanntmachung vom 19. Februar 1987 (BGBl. I S. 602), das zuletzt durch Artikel 3 des Gesetzes vom 30. November 2020 (BGBl. I S. 2600) geändert worden ist. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/owig_1968/BJNR004810968.html (дата обращения: 20.02.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. Шевченко Ю.П., Косицин И.А. Полицейские меры, применяемые в сфере безопасности дорожного движения в отношении лиц, обладающих иммунитетом // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 1 (4). С. 127–131.
2. Конджакулян К.М. Административная ответственность специальных субъектов за нарушения в сфере правил дорожного движения и вопросы малозначительности правонарушения // Известия Юго-Западного государственного университета. 2015. № 6 (63). С. 163–168.
3. Конджакулян К.М. Особенности привлечения к административной ответственности специальных субъектов за нарушения в сфере правил дорожного движения: проблемные аспекты // Экономика. Право. Общество. 2016. № 1 (5). С. 50–54.
4. Денисенко В.В. Административная ответственность военнослужащих и лиц, имеющих специальные звания: особенности и погрешности законодательной регламентации // Полицейское право. 2008. № 1. С. 72–75.
5. Шаталов А.С. Специальные субъекты в уголовном судопроизводстве России: порядок уголовного преследования // Журнал российского права. 2016. № 1 (229). С. 128–138.
6. Хорьков В.Н. К вопросу о круге лиц, обладающих иммунитетом от административного задержания // Современное право. 2014. № 3. С. 45–49.

Статья представлена научной редакцией «Право» 6 июня 2021 г.

Features of the Application of Measures of Public Coercion in Relation to Persons With Special Legal Status

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 235–241.

DOI: 10.17223/15617793/470/29

Igor A. Kositsin, Omsk State Transport University (Omsk, Russian Federation). E-mail: ikosicin@yandex.ru

Alex Maile, Federal Office for Migration and Refugees of the Ministry of the Interior (Schleswig-Holstein, Germany). E-mail: alex.majle@mail.ru

Yurii P. Shevchenko, Siberian Institute of Business and Information Technologies (Omsk, Russian Federation). E-mail: chief3.56@mail.ru

In the Russian Federation, there are categories of public and civil service positions that provide officials with certain legal immunities. These immunities protect their bearers from interference in their activities by external authorities. The President of the Russian Federation, members of the Federation Council, deputies of the State Duma, and judges are protected on the basis of the Constitution of the Russian Federation. Federal laws grant immunities to a significantly larger number of government officials and public servants. These include: the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, the President of the Russian Federation, who has terminated his powers, jurors, arbitrators, the Chair of the Court of Accounts, the Deputy Chair of the Court of Auditors, the auditors of the Accounts Chamber, prosecutors, the Investigative Committee staff, legislative (representative) deputies of the government bodies of the constituent entities of the Russian Federation, deputies, members of elected local government bodies, elected local government officials, registered candidates for the representative bodies of local self-government, and elected officials of local self-government in the Russian Federation. Separate elements of such protection are provided for certain categories of officials who are on duty: employees of the Federal Security Service of Russia, the Federal Guard Service of Russia, Rosgvardiya. The declared special procedure for detention (or its prohibition), bringing, record, search, etc., as well as the special procedure for bringing to administrative and criminal liability, is either absent at all or is incomplete, fragmented, and specific, without any reason, for each of the listed categories of persons. The obligation of the police to immediately release these persons without any proceedings, explanations, or searches entails serious adverse and, most importantly, irreparable consequences. Particular attention should be paid to departmental rulemaking. The by-law must not be contrary to the law. Nevertheless, some administrative regulations, approved by orders of federal ministers, restrict the rights granted by laws. It is proposed to develop a unified procedure for special conditions for the application of coercive measures and administrative responsibility to these persons and its inclusion in the form of an independent chapter in the new code on administrative offenses. Based on a study of foreign legislation, the idea is expressed that it is undesirable to preserve the institution of immunity in Russian legislation, and it should be abolished for most entities.

REFERENCES

1. Shevchenko, Yu.P. & Kositsin, I.A. (2015) Politseyskie mery, primenyaemye v sfere bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v otnoshenii lits, obladayushchikh immunitetom [Police measures applied in the field of road safety in relation to persons with immunity]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. 1 (4). pp. 127–131.
2. Kondzhakulyan, K.M. (2015) Administrativnaya otvetstvennost' spetsial'nykh sub'ektov za narusheniya v sfere pravil dorozhnogo dvizheniya i voprosy maloznachitel'nosti pravonarusheniya [Administrative responsibility of special subjects for violations in the field of traffic rules and issues of insignificance of the offense]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. 6 (63). pp. 163–168.
3. Kondzhakulyan, K.M. (2016) Osobennosti privlecheniya k administrativnoy otvetstvennosti spetsial'nykh sub'ektov za narusheniya v sfere pravil dorozhnogo dvizheniya: problemnye aspekty [Features of bringing special subjects to administrative responsibility for violations in the field of traffic rules: problematic aspects]. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo*. 1 (5). pp. 50–54.
4. Denisenko, V.V. (2008) Administrativnaya otvetstvennost' voennosluzhashchikh i lits, imeyushchikh spetsial'nye zvaniya: osobennosti i pogreshnosti zakonodatel'noy reglamentatsii [Administrative responsibility of military personnel and persons with special ranks: features and errors of legislative regulation]. *Politseyskoe pravo*. 1. pp. 72–75.
5. Shatalov, A.S. (2016) Spetsial'nye sub'ekty v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: poryadok ugolovnogho presledovaniya [Special subjects in criminal proceedings in Russia: the procedure for criminal prosecution]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 1 (229). pp. 128–138.
6. Khor'kov, V.N. (2014) K voprosu o kruge lits, obladayushchikh immunitetom ot administrativnogo zaderzhaniya [On the circle of persons with immunity from administrative detention]. *Sovremennoe pravo*. 3. pp. 45–49.

Received: 06 June 2021

Е.А. Певцова, В.М. Сапогов

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Представлены характеристики правовой культуры несовершеннолетних как совокупности проявлений свойств их правосознания и правовой солидарности преимущественно в виртуальном пространстве. Выявлены особенности формирования правосознания несовершеннолетних, использующих киберпространство как источник информации о праве и среду для правовой коммуникации. Определены признаки виртуально-игрового уровня правосознания несовершеннолетнего.

Ключевые слова: несовершеннолетние; правовая культура; правовое сознание; правовое воспитание; уровни правосознания; информационное право; цифровизация.

Введение

Цифровизация общественных отношений как новый фактор развития социума порождает неизвестные до настоящего времени социально-культурные и правовые явления и процессы.

Из-за активного изменения сути общественных отношений, их проникновения в виртуальную среду происходят неизбежные изменения в сфере правового регулирования и процессы цифровизации права. Правовая реальность начинает адаптироваться к новым условиям и новой модели социального развития. Отечественные и зарубежные правоведы уже активно оперируют понятиями «цифровое право», «цифровые правоотношения» [1. С. 93], «информатизация права» [2. С. 17]. Как отмечают исследователи, в результате развития права в цифровом пространстве может поменяться не только регулятивная роль, границы и пределы действия прав, но и сам образ права [3. С. 6]. Все эти обстоятельства не могут не оказывать влияние на правовое сознание подрастающего поколения.

В условиях неопределенности современного мира возникли такие вопросы развития права: идея права в условиях изменения генетической структуры человека, создания искусственного интеллекта и киберчеловека, правовая защита от информационного насилия, электронная система фиксации юридических фактов, разрешение правовых споров с контрагентом через онлайн-платформу, допустимость использования электронных доказательств, участие в судебном процессе исключительно посредством видео-конференц-связи, цифровизация демократических процедур и правотворчества [4]. Новые вызовы (глобализации, цифровизации, пандемии, инфодемии и др.) позволили некоторым ученым сформулировать вывод о том, что «еще не найдены точки роста новых ценностей, необходимых для преодоления цивилизационного кризиса, с которым столкнулось человечество» [5. С. 77]. Однако подобный вывод, с нашей точки зрения, можно опровергнуть, заявив, что именно в последние годы Россия стала уделять большое внимание реализации ценностного подхода в ведущих направлениях работы с несовершеннолетними и молодежью. Достаточно подчеркнуть, что именно в 2021 г. стали активно использоваться в юридической практике и образовательной деятельности вузов, колледжей, школ новые нормы права о воспитании. Наконец-то

нормы образовательного права наполняются верным содержанием о приоритетности воспитания подрастающего поколения. Однако воспитание, в котором должны доминировать субъект-субъектные отношения, характеризуемые активностью воспитуемого, сталкивается с другой проблемой – новой сущностью правового сознания несовершеннолетнего, который проводит достаточно много времени в цифровой виртуальной среде, получая подчас именно из нее свои правовые знания, а также сталкиваясь с теми новыми субъектами, о которых человечество и не могло мечтать даже десяток лет назад. Что это за субъекты, с которыми взаимодействует несовершеннолетний и правила новых форм поведения?

В современных юридических публикациях представлены результаты исследований, в которых обосновывается необходимость институционализации новых субъектов права – роботов в статусе «цифровой личности» [6. С. 9], «юридического лица, объективированного в пространстве» [7. С. 20]. По мнению В.А. Вайпана «... нет и особых правовых препятствий для законодательного наделения роботов правами и обязанностями субъектов различных правоотношений». Автор аргументирует данную позицию тем, что в 2017 г. робот, которому дали имя Фрэн Пеппер, стал первым в мире субъектом-гуманоидом, официально включенным в бельгийский реестр населения, а человекоподобный робот с именем София получил в Саудовской Аравии гражданство [8. С. 29].

Изучая современные тенденции цифровизации права многие юристы указывают на возникновение специальных разделов цифрового права (право цифровых денег, споров, доступа к данным и защиты при доступе и т.п.) и нового вида прав человека – цифровые права [9. С. 66]. Согласимся с указанной позицией в том, что такие права, как право на доступ и распространение информации в сети Интернет, на уважение чести и достоинства, в виртуальной среде стали широко реализовываться сравнительно недавно.

Как нам представляется, в результате активного формирования цифрового пространства и изменений системы его правового регулирования может сформироваться правовое цифровое пространство, основой которого является Интернет. В настоящее время именно в этой глобальной электронной сети или с ее помощью выстраиваются отношения с определением «цифровые».

Процессы расширения направлений регулирующего воздействия права, возникновения новых форм такого воздействия, изменения содержания и формы права не могут не повлечь за собой появление новых граней восприятия трансформирующегося права как отдельно взятыми индивидами, социально-демографическими группами, так и обществом в целом. Мы можем говорить о существенных изменениях, которые будут происходить в общественном правовом сознании и правовой культуре общества под воздействием трансформирующегося права, которое по-прежнему является ведущим регулятором общественных отношений в условиях цифровизации.

Органы внутренних дел ежегодно фиксируют рост зарегистрированных преступлений с использованием сети Интернет, мобильной связи, в сфере высоких технологий. Статистические данные МВД России свидетельствуют о значительном удельном весе криминальных деяний с применением ИТ-технологий, которое за последний год увеличилось на 32,2% [10].

Острой проблемой в Генеральной прокуратуре Российской Федерации признают «передачу негативной информации через Интернет при отсутствии эффективного контроля за транслируемым контентом. С его помощью дети не только вовлекаются в преступную деятельность, деструктивные молодежные движения, но и сами становятся жертвами преступлений» [11]. Считаем актуальными и обоснованными предложения надзорного ведомства по внесению изменений в действующее законодательство, позволяющих пресекать распространение запрещенной к обороту на территории Российской Федерации и приносящей ущерб здоровью и развитию несовершеннолетних информации в киберпространстве, а также закрепить на законодательном уровне понятие «криминальная субкультура», которое при вовлечении несовершеннолетних в совершение преступлений можно было бы квалифицировать отягчающим наказанием обстоятельством. Ожидаемым от прокуратуры стало обращение к субъектам профилактики правонарушений несовершеннолетних активнее использовать в профилактических целях ресурсы интернет-сайтов, социальных сетей и популярных среди детей и молодежи средств массовой информации.

Трудно спрогнозировать все результаты влияния указанных процессов в правовой сфере на формирование правовой культуры и развитие правового сознания несовершеннолетних, тем не менее, представляется возможным обозначить главные векторы такого воздействия, предложить возможные варианты решения возникающих проблем, определить методологические основы исследования новообразований в структуре правосознания несовершеннолетнего.

Участие несовершеннолетних в правоотношениях, возникающих в цифровом пространстве

В последние годы в связи с эпидемиологическим неблагополучием стали происходить существенные изменения в отечественном образовательном пространстве. Благодаря цифровизации образовательной среды у обучающегося появилась возможность фор-

мировать свою индивидуальную образовательную траекторию, свободно выбирать наставника из многочисленного числа педагогов и электронные образовательные ресурсы, которые становятся общедоступными.

Неопределенность, нестабильность, неоднозначность и сложность социальных отношений, проявившиеся особенно отчетливо в период действия санитарно-эпидемиологических мер последних лет, определяют черты современных образовательных отношений. Молодой человек как участник образовательного процесса в рамках использования дистанционных технологий стал генерировать в среднем от 500 мегабайт данных в день, таким образом оставляя в цифровом пространстве большой информационный след.

Современное образовательное пространство приобрело черты прозрачности для пользователей, а обучающиеся оказались вовлеченными в процессы автоматизации, игрофикации и цифровизации вне зависимости от места своего пребывания.

По обоснованным прогнозам специалистов в области образования к 2030 г. обучаемым не нужно будет тратить время на специальное (предметное) образование. По мере необходимости каждый будет подключен в режиме реального времени к информационной системе, где и получит требуемые знания и умения.

С 2020 г. в 15 российских общеобразовательных организациях тестируется новая образовательная платформа от Сбербанка. С помощью данной персонализированной системы каждый сможет выстраивать индивидуальную траекторию обучения, а также благодаря технологиям искусственного интеллекта осуществлять мониторинг сформированных компетенций, отслеживать свои успехи и трудности.

Проект «Цифровая школа», реализация которого предполагается к завершению в 2025 г., в числе основных задач провозглашает обеспечение равного доступа к качественному образованию всех вне зависимости от их территориальной принадлежности. Цифровая экосистема, создаваемая в ходе реализации данного проекта, предоставит каждому обучаемому возможности взаимодействия с педагогами и сверстниками в режиме реального времени, а цифровой формат обеспечит перемещение информации по соответствующим образовательным запросам.

К позитивным результатам цифровизации образовательных отношений следует отнести: стимулирование формирования у обучаемых новых компетенций и информационной культуры, предполагающих развитие умений получать требуемую информацию из электронных сервисов, осуществлять самостоятельный поиск, отбор необходимой информации.

Удовлетворяя свои потребности в решении образовательных задач, несовершеннолетние с ранних лет становятся активными участниками правоотношений в киберпространстве, связанных с использованием авторских и иных прав из сферы правового регулирования интеллектуальной собственности (создание и распространение фото, видео, подкастов, лонгридов, сноуфолов и т.п.), права на доступ к данным и защиты при доступе, на конфиденциальность и анонимность персональной информации. Как показывает практика,

эти права все чаще становятся предметом нарушений (ущемления) со стороны злоумышленников, недобропорядочных пользователей киберпространства, выражающиеся в атаках на мобильные устройства и приложения, смарт-контракты, аккаунты в социальных сетях и др. [12. С. 54–55].

Несовершеннолетние как участники многообразных отношений в киберпространстве попадают в сферу повседневной виртуальной деятельности человека, которая становится объектом, например, нейромаркетинговых исследований, проводимых с целью изучения запросов потребителей и оперативного получения скрытой информации о предпочтениях своих клиентов [13. С. 78].

Переход образования в электронную среду повлек за собой активное развитие маркетинга образовательных услуг. Специалисты в области образования разрабатывают подходы и инструменты, позволяющие выявлять архетипы целевой аудитории обучающихся и их потребности, построить путь клиента образовательной организации, применять технологии нейромаркетинга и нейровизуализации.

Поскольку нейромаркетинг ориентирован на изучение воздействия различных стимулов на подсознание потребителя, ряд исследователей предполагают, что визуализация мозга может использоваться таким образом, что не будет гарантироваться личная неприкосновенность частной жизни, а развитие нейромаркетинга приведет к ущемлению свободы воли и злонамеренному использованию информации. В пример приводится использование визуализации мозга для исследования воздействия политической рекламы в период выборов [14. С. 21–22].

Вместе с тем исследования в данной области, по мнению ученых, позволяют эффективно выявлять неотчетливо выраженные (завуалированные) асоциальные проявления (игромания, наркомания, алкоголизм, делинкветное поведение) [15. С. 142], что может помочь своевременной диагностике и устранению данных проблем у детей и подростков.

Любопытным подросткам открыта информация об ошибках в проектировании и обучении искусственного интеллекта, отсутствии механизмов юридической ответственности в этой сфере, системы базовых понятий и правового регулирования. Информационная среда ежедневно наполняется разнообразными правовыми и смежными с ними понятиями, в результате чего «юридический язык обогащается, раздвигаются его рамки, но он же еще и засоряется... происходит кодирование правовых норм в форму машинных и электронных документов и в гибкие режимы онлайн-общения» [16. С. 39].

Трудно предположить, какие последствия проявления познавательного интереса могут наступить в результате использования несовершеннолетними подобной рода информации в целях самоутверждения, например, при создании хакерских атак. Как известно, когда не работает принцип неотвратимости наказания или ответственность не установлена, повышается риск деформации правосознания и вероятность совершения противоправных деяний.

Обычным явлением для несовершеннолетних становится посещение порталов государственных и не-

государственных услуг. Известный всем портал государственных услуг «Госуслуги» дает широкий спектр услуг, предоставляемых государственными органами и учреждениями: получение документов, выписок, запись в медицинские учреждения и прочее, а негосударственные предлагают услуги в различных формах и видах. Сопутствуют данным сервисам проблемы качества оказанных услуг. При возникновении претензий к исполнителю несовершеннолетнему трудно доказать причинно-следственную связь между полученной в интернете услугой и результатом, повлекшим ущерб: отсутствует договор, нет объективной информации о лице – исполнителе услуги.

Таким образом, современные несовершеннолетние «встраиваются» в жизнь в условиях цифровизации общественных отношений и правоотношений, в частности у них формируются адаптационные способности к новым видам одновременного существования в обычной и электронной среде, приоритет смещается в сторону бесконтактных взаимоотношений.

Формирование правовых представлений и образа права у несовершеннолетних в условиях цифровизации правовой жизни общества

Исследователи-социологи определяют современную эпоху развития общества эпохой разобщенности, в которой масштабно и многообразно развивается информационное общество, создающее колоссальный разрыв между социумом прошлым и будущим [17].

Уже в начале XXI в. международное сообщество сформулировало принципы и подходы создания информационного общества в следующих документах: Хартия глобального информационного общества, подписана лидерами стран «Группы восьми» (Окинава, 22 июля 2000 г.), Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» (Женева, 12 декабря 2003 г.), План действий Тунисского обязательства (Тунис, 18 ноября 2005 г.), подписанных в ходе проведения Всемирных встреч на высшем уровне по вопросам информационного общества.

Информационное общество создает условия для вовлечения большого объема людей в деятельность по производству, хранению, переработке и реализации информации и стимулирует возрастание значимости культурного досуга по отношению к материальным ценностям, изменяется система ценностей.

Называемая эпохой «больших данных» (Bigdata) современная действительность предполагает максимально систематизированную и содержательную подачу знаний (потока информации) потребителю.

Т. Черниговская характеризует современный цифровой мир признаками текучести, прозрачности, неустойчивости, сверхбыстроты, гибридности и указывает на формирование автономности его жизни, в том числе благодаря Интернету и самоорганизации социальных сетей [18].

Исследуя с философской точки зрения особенности реальности современного общества, Н.С. Рыбаков выражает схожую позицию и полагает, что «наступает эпоха тотальных фальсификаций, двойников, си-

муляций и имитаций, где стираются грани между подлинным и неподлинным. Разворачиваются тотальная торговля впечатлениями, массовое продуцирование эмоций и впечатлений не при помощи алкоголя и наркотиков, а через легальную виртуализацию восприятий, перемещение в виртуальное пространство – для этого достаточно надеть соответствующие очки» [19. С. 4]. Особую озабоченность автора и его исследовательский интерес вызывает возникновение сращенной (смешанной) реальности, которую люди начинают воспринимать как норму жизни.

В связи с огромным объемом и скоростью растущего потока информации для несовершеннолетних актуальным становится формирование навыков верификации достоверной информации, в частности правового содержания. Многочисленные «информационные подделки» порождают недоверие к любой поступающей информации, а потребности социального развития диктуют необходимость учиться ориентироваться, разбираться и обращаться с информацией.

Вне зависимости от изменений, происходящих в социально-правовой сфере в связи с цифровизацией, государство и общество ожидают от несовершеннолетних прогрессивно-правового развития и правообразного поведения.

Юридически значимые знания, умения и навыки несовершеннолетние приобретают в результате обучения праву, участия в правопросветительских и правовоспитательных мероприятиях.

Осуществляемые в современных отечественных образовательных и иных организациях правовое обучение, воспитание и просвещение характеризуются общностью целей: повышение уровня правовой культуры, правосознания несовершеннолетних, формирование их активной гражданской позиции, навыков правообразного (правомерного) поведения и уважительного отношения к праву.

Знакомство детей и подростков с правом в основном происходит в процессе изучения ими предметов правовой направленности (обществознание, право и др.). Повышение правовой компетентности несовершеннолетних благодаря правовому обучению стимулирует позитивное развитие их правовой культуры, а основной ее результат, как отмечают ученые, «состоит в итоговом формировании правовой активности личности» [20. С. 1–3].

Правовое просвещение, в процессе которого у несовершеннолетнего развивается уважение к праву, формируются личностные убеждения на основе ценностных правовых ориентаций, можно определить как «интегративное направление социально-педагогической деятельности, включающее воспитательный потенциал не только учебных (в том числе элективные и факультативные) предметов (модули/темы), решающее задачи повышения уровня правосознания и правовой культуры участников образовательных отношений, но и проведение специальных мероприятий по повышению уровня правосознания и правовой культуры участников образовательных отношений с привлечением специалистов микросоциума, создание новых институтов решения проблем подростков (службы медиации, введение специалистов ювеналь-

ной юстиции, уполномоченных по правам ребенка в образовательных организациях и др.)» [21. С. 33–34].

Правовое воспитание в условиях цифровой среды должно быть направлено в том числе на повышение правовой активности несовершеннолетнего. Правовоспитательная деятельность позволяет формировать осознанное отношение к явлениям социально-правовой действительности. Достижение обозначенной задачи возможно путем организации последовательной и систематической работы, результатом чего является правовая воспитанность как совокупность у несовершеннолетнего следующих характерных признаков: проявление уважения к праву, правопорядку и законности, постановка правомерных целей, наличие в поступках устойчивых правовых мотивов, стремление к правообразным способам и средствам разрешения проблемных ситуаций, социально-правовая активность и др.

Все три рассмотренные направления организации воздействия на сознание несовершеннолетнего, реализующие механизмы воспитательного действия права, предполагают не только трансляцию правовых нормативов, установок, убеждений, сконцентрированных в правовом опыте предыдущих поколений, но и позволяют стимулировать адекватное отражение правовой действительности в правовом сознании взрослеющей личности, которое учеными определяется как «отражающее состояние понимания роли права в обществе, оценки реальных и возможных правовых явлений, потенциальной способности действовать или тем или иным образом отражать интересы людей, их волю и действия» [16. С. 39].

В современных исследованиях вызывают интерес следующие научные представления, раскрывающие сущность правовой культуры несовершеннолетних:

– «обусловленные правовой культурой общества степень и характер прогрессивно-правового развития личности, обеспечивающие ее правомерную деятельность» [22. С. 6]. Составляющими правовой культуры несовершеннолетнего В.А. Медведев называет правосознание, правовое мышление, правомерное поведение, а также результаты правомерного поведения и правового мышления;

– «один из видов социальной культуры личности, результат целенаправленного социального воспитания подростка, содержанием которого выступают ценности, знания, правомерное поведение, готовность руководствоваться правом в различных видах социально-полезной деятельности на практике» [21. С. 34];

– «личностное образование <...> содержанием которого выступают правовые знания и сформированные на их основе правовые компетенции, правомерное поведение и готовность личности руководствоваться правовыми убеждениями в различных видах социальной деятельности» [23. С. 31];

– «совокупность знаний, идей, ценностей, обеспечивающая взаимную интерпретацию и понимание всех субъектов правоотношений и возможность их правового поведения» [24. С. 70–71].

Мы исходим из понимания правовой культуры несовершеннолетнего как персональной характеристики, определяющей его готовность осознанно действовать в повседневной жизнедеятельности в соот-

ветствии с правовыми предписаниями, ориентирами и установками, генерировать персональную траекторию участия в правовой жизни, позволяющую двигаться в направлении повышения уровня индивидуального правового сознания.

Рассмотрение правовой культуры несовершеннолетнего в динамике его развития предполагает получение ответов на следующие вопросы: почему в одних случаях несовершеннолетний соблюдает правовые ограничения, а в других игнорирует или оказывает сопротивление установленным требованиям, и что при этом доминирует – внутренняя психологическая ситуация или давление социального окружения; каков характер индивидуальных и групповых реакций несовершеннолетних на правила и нормы, которые ограничивают их поведение по мере взросления; каким образом матрица правового мышления несовершеннолетнего определяет его поведение в конкретных жизненных ситуациях, и в особенности имеющих правовое значение.

Формирование сущностных характеристик правового сознания и правовой культуры несовершеннолетних происходит в информационном пространстве, характеризующемся сосуществованием разнообразных социально-культурных сред. Погружаясь в глобальные телекоммуникационные каналы производства и распространения информации, несовершеннолетний перестает идентифицировать себя с определенным местом, культурой, государством и становится участником «развития кросс-культурного гражданского общества, дающего возможность каждому человеку участвовать в государственном управлении, контроле за этим управлением, содействовать привлечению нарушителей к ответственности, распределять общественные ресурсы и управлять ими» [25. С. 106].

Институты медиапространства конкурируют с традиционными (международными, государственными, социальными), теряющими былой авторитет, что оказывает существенное влияние на развитие права и правового регулирования. Соответственно и правовое сознание несовершеннолетних, активно использующих электронные технологии и глобальные информационные системы, наполняется многообразным содержанием образов права, мнений и позиций, новым юридическим языком, отличным от содержания правовых актов.

В условиях информационного противоборства несовершеннолетний принимает информацию, содержащую противоречивые, нередко ложные и даже вредные для него оценки и взгляды относительно правовой реальности.

Нередко при возникновении внутреннего и внешнего конфликта между индивидуальными потребностями несовершеннолетнего и юридическими императивами уход от реальности в сеть Интернет может приводить к дефективному развитию его правосознания.

Ожидая от пребывания в информационной сети свободы от социально-правовых регуляторов, несовершеннолетний попадает в сетевую несвободу, которая притупляет чувство ответственности за совершаемые действия, стимулирует трансформацию мировоззрения и изменяет его восприятие самого себя,

предлагает идентифицировать себя в разнообразии идентичностей и, прежде всего, в интернетовской, стирающей границы между виртуальной и подлинной идентичностью [19. С. 12].

Интернетовская идентификация может как способствовать, так и препятствовать формированию правовой идентичности, которую можно определить частным случаем социальной идентичности, составным элементом правовой культуры, предпосылкой юридического самоопределения и формирования правосознания субъекта права, важным аспектом процесса правовой социализации, «состоянием осознанной включенности в социальную группу, обладающую юридически значимыми качествами» [26. С. 14].

Многогранность социальных ролей, проявляющихся в современном обществе, существенно затрудняет ориентацию несовершеннолетнего в социально-правовом пространстве, усложняет выбор приоритетности проявления себя в той или иной социальной роли. В этом аспекте особую актуальность приобретает проблема формирования правовой идентичности несовершеннолетних, разрешение которой, на наш взгляд, увязывается с вопросом осуществления несовершеннолетним для каждого этапа своего развития осознанного выбора оптимального сочетания социальных ролей (правовых статусов).

Говоря о несовершеннолетних, проявляющих признаки противоправного поведения, обратим внимание на их прямую или косвенную идентификацию с делинквентным (криминальным) сообществом, участники которого, как правило, вступали во взаимодействие с правоохранительными органами [27. С. 223].

В результате широкого социального взаимодействия в киберпространстве асоциально ориентированные несовершеннолетние соотносят свое поведение с теми ориентирами и установками, которые вызывают их сопричастность и могут быть по своему содержанию противоправными. Именно поэтому актуальной становится проблема формирования в интернет-пространстве групповой идентичности несовершеннолетних, склонных к противоправной деятельности, на основе, не имеющей правового содержания.

Противоправные ориентации у несовершеннолетних, активных пользователей цифровой среды, являются продуктом соприкосновения несовершеннолетних с информацией и действиями правоохранительных структур, повлекшим негативный для них результат, а также возникают по причине небольшого опыта реализации своих прав и законных интересов и имеющихся дефектов правового сознания, возникающих, по нашему мнению, по следующим причинам: выборочное восприятие потока правовой информации и отсутствие навыков правовой коммуникации в информационном пространстве; наличие физиологической (социальной) патологии; особенности личностного развития в подростковом возрасте; неадекватная потребностям развития несовершеннолетнего окружающая среда.

Логико-нормативная (когнитивная) сфера правосознания несовершеннолетнего находится еще в стадии количественного насыщения и качественного развития, а правовой опыт, как правило, минимален.

Достигнутый уровень правосознания побуждает несовершеннолетнего к усвоению только такой правовой информации, которая касается его жизнедеятельности, и к совершению тех юридически значимых действий, которые, по его мнению, применимы в окружающей социальной среде и ведут к изменению правового статуса в выгодном для него ключе.

Общепризнанным фактом считается увеличение у несовершеннолетнего в процессе взросления объема знаний о праве вне зависимости от того, каким образом осуществляется его правовое осведомление: посредством целенаправленного обучения и предоставления правовой информации или стихийно-эмпирическим путем.

Нередко количественное увеличение правовых знаний не ведет к развитию правовой грамотности несовершеннолетнего, и изученная им система правовых регуляторов хотя и становится ему известной, однако остается недостаточно понятной для использования в правовой жизни.

Обыденные способы поведения и эмоционально-чувственное восприятие выступают базисом оценки права и его полезности, а результативность самостоятельного освоения несовершеннолетним правовой информации в интернет-пространстве зависит от адекватности восприятия существующей правовой действительности.

Следует признать тот факт, что правовое обучение современных несовершеннолетних, которых называют «цифровые дети», должно быть организационно иным, нежели существует сейчас, что предполагает развитие педагогико-правовой дидактики (педагогической юриспруденции) информационного пространства. На наш взгляд, игровые формы могут быть в числе основных обучающих методов и средств, формирующих правовую компетентность несовершеннолетних в цифровой среде.

Ключевые позиции правового обучения, просвещения и воспитания в киберпространстве, на которые следует обратить внимание, это формирование у несовершеннолетнего способности принимать решения и действовать в постоянно изменяющихся условиях социально-правовой жизни общества; навыков проверки полученной правовой информации и способности к суждению; правового опыта в цифровой среде на основе освоения содержания требуемых в данной ситуации правовых обязанностей и правомочий.

Вне всякого сомнения, современному несовершеннолетнему необходимо понимать содержание права на цифровую справедливость, знать, какие данные о нем и кем собираются, а какие сведения принадлежат только ему, какие данные могут быть переданы цифровому забвению. Кроме того, процессы цифровизации и роботизации изменяют характер взаимоотношений человека с техническими средствами (роботами), влекут возникновение новых статусов помимо правового статуса человека и правил принятия решений и ответственности в области участия искусственного интеллекта в социальном общении. Обозначенные новеллы ориентируют несовершеннолетних на формирование соответствующих технико-правовых компетенций.

Содержание и уровни сформированности правовой культуры и правосознания несовершеннолетних в цифровом пространстве

Активное присутствие несовершеннолетнего в праве или его правовую жизнь мы рассматриваем как сферу правового бытия несовершеннолетнего, включающую совокупность позитивных и негативных проявлений, возникающих из его сопряженной с правом деятельности: освоение права теоретически и практически, совершение правообразных или противоречащих праву действий, бездействие в юридически значимых ситуациях, участие в нарушении или реализации права, выражение оценочных суждений о праве и размышление о нем.

Иначе говоря, правовая жизнь несовершеннолетнего образована исходными данностями его правосознания, выражающимися в виде очевидных и доступных представлений о правовой реальности. Ее можно представить и в виде процесса накопления, интерпретации и интериоризации правовых смыслов, которые ориентируют несовершеннолетнего в его повседневной жизнедеятельности. Воспринятые правовые смыслы могут выражаться у несовершеннолетнего в виде разнообразных масштабов поведения: дозволений и поощрений, запретов и ограничений и др.

Для поступательного развития индивидуального правового сознания и правовой культуры присутствие несовершеннолетнего в правовой среде должно стать привычным. Привычность правовых данностей и их доступность для понимания несовершеннолетнего становятся предпосылкой для определения из них стандартов в виде нормативных установок и убеждений, устойчивых реакций, образцов поведения и т.п. Само по себе устойчивое состояние правового присутствия у несовершеннолетнего не возникает, а предполагает формирующее воздействие извне, учитывающее его интересы.

Полученные в ходе исследований, проведенных в регионах Центрального и Северо-Западного федеральных округов, эмпирические данные о количественных и качественных характеристиках правосознания несовершеннолетних, являющихся активными пользователями сети Интернет, свидетельствуют о том, что у большинства испытуемых отсутствуют целостные представления о праве как особом социальном институте. У значительной части несовершеннолетних старшего возраста право ассоциируется с действиями и возможностями их совершения, с собственными индивидуальными (личными) правами. При этом ответственности, обязанностям и правам третьих лиц исследуемые несовершеннолетние более чем в 50% отводят второстепенную роль, что соответствует невысокому уровню развития их правосознания. Относительно защищенности своих прав более половины опрошенных заявили отрицательно, и только десятая часть несовершеннолетних считают свои права полностью защищенными.

Результаты проведенных нами опросов указывают на существование немалого числа несовершеннолетних, которые при наличии правовой грамотности не склонны соблюдать правовые предписания в виртуальном пространстве, что так или иначе приводит к

деформации компонентов принципиально(поведенческо)-волевой сферы их правосознания. При анализе логико-нормативной и эмоционально-образной сфер правосознания исследуемой категории несовершеннолетних были выявлены следующие характеристики: незрелость правового мышления, неустойчивость правообразных убеждений и установок, несоответствие имеющихся теоретико-правовых представлений и потребностей их реализации в повседневной жизни. Подтверждением этому являются события января 2021 г., в ходе которых на митинги, которые не были согласованы с органами власти, вышли несовершеннолетние разных возрастов, получившие приглашение участвовать в протестах через TikTok (одну из самых популярных у детей соцсетей). Уровень понимания правовой основы своего участия у значительного числа митинговавших несовершеннолетних был минимальным.

Не подлежит оспариванию тот факт, что для активного и результативного участия в правовой жизни требуется определенный объем соответствующих знаний, умений и навыков, а в ряде случаев – наличие специальной компетентности (профессионализма) в юридической сфере, представляющей сложное образование со своей системой понятий и языком, историко-культурными условиями возникновения. Правовая жизнь несовершеннолетнего состоит не только из позитивных юридических начал (степени правовой подготовки, уровня развития его правосознания и социально-правовой активности), но и из проявлений негативной направленности: совершение правонарушений в цифровой среде, таких как фишинг, хакерские атаки, буллинг, участие в различного рода злоупотреблениях, попадание в ситуации бесправия, формирование деформаций правового сознания.

Что же происходит с содержанием компонентов правосознания и правовой культуры несовершеннолетнего, когда его правовая жизнь протекает преимущественно в цифровом пространстве? На наш взгляд, чтобы ответить на это вопрос, необходимо определить преобладающий контент, формирующий познавательные и смысловые образы (идеалы) несовершеннолетнего.

Информационное наполнение виртуальных сетевых ресурсов, которым преимущественно пользуется несовершеннолетний, может как содержать, так и не иметь в составе информации правового содержания, а также может включать сведения противоправной направленности. При этом несовершеннолетний из данного массива сведений отбирает те, которые затем признает в качестве критериев правомерности своего поведения. Выбор ориентиров для поведения несовершеннолетний может не соотносить с теми мерилami правомерности, которые применяются в окружающей его правовой реальности.

Несовершеннолетние, вне всяких сомнений, не в силах осознавать всю совокупность позитивных и негативных проявлений бытия права, выступающих составными частями юридической среды. Если в реальной действительности могут быть продемонстрированы различные полюсы жизненных процессов и противоположные юридические реальности правовой

жизни, то в виртуальном пространстве, помимо указанного, она может быть представлена в искаженном, гипертрофированном виде, наполненной фейковыми, игровыми и фантазийными смыслами.

Для понимания процесса формирования несовершеннолетнего как правового существа необходимо остановиться на свойствах, присущих «правовому человеку». В философско-правовом контексте дисциплинированность понимается как интегральное правовое свойство, означающее способность индивида «строго и точно выполнять установленные в обществе правовые (писанные и неписанные) правила, нормы и требования» [28. С. 147].

С появлением нормативности в поведении ребенка (примерно к 3 годам жизни) можно говорить о его развитии как правового человека (существа). Проблема формирования дисциплинированности несовершеннолетних в киберпространстве не является, по всей видимости, простой для разрешения.

Правовую культуру несовершеннолетнего следует рассматривать через призму его жизнедеятельности. Каков ребенок в проявлении свойств своего правового сознания, такова в совокупности таких проявлений и правовая культура несовершеннолетних как социально-демографической группы общества.

Как система ценностного восприятия права правовая культура несовершеннолетних, использующих виртуальное пространства как источник сведений о праве, находится в стадии формирования, и пока мы не обладаем полнотой достоверных данных, позволяющих говорить о ее содержательном наполнении.

Компоненты правовой культуры (когнитивный, мотивационно-оценочный, деятельностный) несовершеннолетних могут быть сформированы в киберпространстве на высоком, среднем и низком уровнях, а показателями уровней сформированности могут послужить предложенные А.С. Саламаткиным критерии: объем и глубина правовых знаний и владения правовой лексикой, потребность в повышении уровня правовой информированности, социально-правовая активность, мотивы участия в правовой деятельности, правовое поведение в процессе коммуникации [29. С. 123].

На наш взгляд, процесс формирования правовой культуры несовершеннолетних в цифровом пространстве не может быть хаотичным. Систематизация знаний о праве, ориентирование несовершеннолетних на ответственное отношение к выполнению предусмотренных законом обязанностей и активное неприятие нарушений правопорядка, активизация осознанного правообразного поведения, готовность в различных жизненных ситуациях действовать, ориентируясь на действующие правовые предписания, предполагают включение несовершеннолетних в образовательное правовое пространство, в управляемый процесс, обеспечивающий усвоение правовых знаний, ценности правообразного поведения, проявление нормативно-правовой позиции в социально-полезной деятельности.

Когда несовершеннолетний как правовой субъект утверждает в правовой жизни свое существование, он предстает как правовой деятель. В правовой реальности он конкретизируется еще одной деятельностной характеристикой – носителем правосознания.

Несовершеннолетние старших возрастов являются наиболее мобильной и восприимчивой по отношению ко всему новому в массовой культуре общественной группой. Формирование их правосознания идет постепенно и может проявиться не сразу, а спустя многие годы.

Одним из критериев структурирования правового сознания несовершеннолетних в гносеологическом аспекте выступает уровень отражения окружающей действительности.

Уровень сознания как показатель меры практической деятельности индивида, глубины познания общества связан со специфическим характером, степенью отражения окружающей действительности, а также с особенностями социальной функции.

В юридической науке устоявшимся считается выделение обыденного (эмпирического) и научного (теоретического) уровней общественного сознания. Д.А. Керимов рассматривает правосознание в диалектическом соединении в нем трех уровней сознания: обыденного (отражает правовые отношения в повседневной жизни), практического (основывается на опыте правового созидания); научного (опирается на исследование явлений для решения правовых проблем) [30. С. 42].

В правовом сознании несовершеннолетних не только возможно, но и необходимо выделять научный уровень. Вместе с тем правосознание несовершеннолетнего нельзя признать теоретическим в полном смысле слова, однако в рамках такого уровня можно выделить учебно-познавательный уровень, ориентированный на познание права в рамках образовательной деятельности. Он свойствен несовершеннолетним, являющимся субъектами образовательных отношений.

В условиях продвижения электронных форм образования широко используемым методом обучения выступает игра. Игровое обучение в современном образовательном пространстве называют эдьютейментом (англ. edutainment). Оно представлено разнообразными формами образования посредством развлечения (без принуждения). В условных ситуациях участникам игры создаются условия для усвоения социального опыта во всех его проявлениях (знания, навыки, умения, эмоционально-оценочная деятельность).

Процессы геймификации методов обучения праву, вовлекающие несовершеннолетнего в электронную образовательную среду, будут способствовать моделированию цифровой правовой реальности, включать несовершеннолетнего в проживание процессов и явлений виртуальной правовой жизни и формировать у него виртуально-игровой уровень правосознания. Для последующих исследований остается открытым вопрос влияния сформированности виртуально-игрового уровня правосознания на процессы правовой социализации несовершеннолетнего в реальной жизни.

Отметим один из проблемных аспектов данного влияния — эмоционально-чувственное отражение несовершеннолетним правовых явлений.

Как известно, игровое обучение сопряжено с эмоциональной напряженностью и стимулирует эмоциональную окрашенность поведения игроков. Эмоции

как кратковременные переживания отражают правовые явления, значимые для несовершеннолетнего, и изначально формируют грубые оценки правовой информации (полезно — вредно, опасно — безопасно), а в последующем могут войти в индивидуальную шкалу ценностей (значений), пригодную для социально-правовой адаптации. Правовые эмоции постоянно сопровождают деятельность несовершеннолетнего, в какой бы области или форме она ни осуществлялась. Результативность восприятия правовой информации достигается именно с опорой на положительные эмоции несовершеннолетних.

Заметную роль в структуре правосознания несовершеннолетних играют настроения и чувства. Социальное поощрение и справедливая оценка достигнутого, преодоление трудностей при разрешении правовой проблемы создают у несовершеннолетнего уверенность в собственных силах и оптимистическое настроение. Правовые чувства (раскаяния, осуждения, вины, законности и др.) органично генерируют в себе эмоции, идеи, знания, касающиеся правовой действительности.

Правовую психологию несовершеннолетнего не следует сводить только к чувствам, настроениям, эмоциям и переживаниям. Она включает в себя идеи и мысли, которые не нашли у несовершеннолетнего более точного и четкого идеолого-правового оформления и научно-теоретических способов отражения.

Основанное на психологии индивида обыденное сознание включает в себя возникающие стихийно мнения, представления, восприятия в результате воздействия на несовершеннолетнего непосредственных условий его жизни и повседневного опыта. Базовую основу формирования обыденного правосознания несовершеннолетнего составляют его ближайшие неформальные связи и межличностные коммуникации. Обыденное правосознание несовершеннолетнего следует признать и результатом первоначальной стадии его правовой социализации.

На наш взгляд, в структуре правового сознания несовершеннолетнего наряду с обыденным целесообразно выделить промежуточный практический уровень, поскольку правосознание несовершеннолетних, в первую очередь ориентировано на использование ими права, исходя из встающих перед ними социально-правовых потребностей текущего периода жизни.

В отличие от обыденного уровень практического правосознания несовершеннолетнего связан с опытом непосредственного взаимодействия в правовой жизни общества и имеет большую четкость и организованность, опирается хотя бы и на незначительный, однако, вполне определенный социально-правовой опыт.

В процессе формирования практического правового сознания несовершеннолетнего его обыденное правосознание может укрепляться, углубляться и расширяться. При этом не исключается разрушение ранее устоявшихся иллюзорных или искаженных представлений о праве, сопровождающееся эмоционально-чувственными переживаниями.

Формированию практического правосознания несовершеннолетних во многом может способствовать овладение несовершеннолетними правовыми

знаниями, пониманием сущности правовых явлений, соприкосновение с юридической практикой, развитие правового самосознания.

Правовое самосознание несовершеннолетнего как осознание им своего социально-правового статуса, той роли, которую он играет в правовой жизни общества, в условиях цифровизации общественных отношений является, по нашему убеждению, наиболее сложным для исследования явлением. Исследовательский интерес представляет свойственная сетевой коммуникации социально-правовая солидарность несовершеннолетних, выражаемая в виде лайков, репостов, комментариев относительно событий государственно-правовой жизни общества, вызвавших их сочувствие и поддержку. Уровень сформированности правового самосознания несовершеннолетнего при этом может быть таковым, что он не в состоянии установить, что этика солидарности вызвавшей сочувствие группы лиц основана на противной праву основе.

К проявлениям правовой солидарности несовершеннолетних непосредственно относятся их действия, основанные на выражении чести, достоинства, ответственности. Появление у несовершеннолетних чувства достоинства и ответственности за принимаемые решения и поведение в сети Интернет и иных информационных ресурсах имеют исключительное значение как для формирования индивидуального правосознания, так и правовой культуры несовершеннолетних в целом.

Содержательно характеризуя уровни правового сознания несовершеннолетних, мы обошли стороной вопрос формирования деформаций правосознания несовершеннолетних – активных пользователей виртуального пространства. Правовым нездоровьем можно именовать возникновение у несовершеннолетнего признаков правового квиетизма, правового нигилизма и правового цинизма

Охарактеризовать правовое сознание несовершеннолетнего как здоровое считаем возможным при наличии следующих признаков: устойчивое признание несовершеннолетним правовых предписаний личной нормой и добровольный характер их реализации в повседневной жизнедеятельности; готовность совершать в правовой жизни целенаправленные и осознанные действия, основанные на началах самоуправления, самообязывания и саморазвития; устремление проявить в поведении самоуважение и уважение к социальному окружению.

Для формирования правосознания несовершеннолетнего и высокого уровня его правовой культуры методологическая и юридико-техническая стороны правовоспитательного процесса в цифровом пространстве должны создавать условия для осмысления несовершеннолетним правовой реальности, перспектив и целей своего социально-правового развития.

Заключение

Несовершеннолетние как субъекты правовой жизни общества, активно используя ресурсы виртуального пространства в своей повседневности, могут оказать как позитивное влияние на состояние правовой

культуры общества, так и способствовать возникновению негативных сущностных изменений в общественном правосознании как важной составляющей правовой культуры.

Кроме того, несовершеннолетние в силу объективных возрастных причин и недостаточного социально-правового опыта могут стать жертвами своего неблагоразумного поведения в сфере применения цифровых технологий, не обеспеченных надлежащими средствами правового регулирования. Знакомство с правовой сферой в негативном ключе повышает риск деформации их правосознания и вероятности совершения ими противоправных деяний.

Правовую культуру несовершеннолетнего следует рассматривать через призму его жизнедеятельности. Каков ребенок в проявлении свойств своего правосознания, такова и совокупность таких проявлений и правовая культура несовершеннолетних как социально-демографической группы общества.

Содержание, структура и основы формирования правовой культуры несовершеннолетних, использующих киберпространство как источник информации о праве и среду для правовой коммуникации, требуют в настоящее время всестороннего изучения.

Процесс формирования когнитивного, мотивационно-оценочного и деятельностного компонентов высокого уровня правовой культуры несовершеннолетнего в цифровом пространстве не может быть хаотичным. Образовательное правовое киберпространство должно обеспечивать усвоение несовершеннолетними содержания правовых предписаний, ценностное восприятие права и правособразное поведение.

Формирование правового сознания несовершеннолетних идет по направлению от обыденного к практическому и далее – к теоретическому уровню правосознания, и этот путь преодолевается во многом благодаря правовому обучению и воспитанию.

В современных условиях цифровизации социально-правовой жизни общества и активного включения несовершеннолетних в использование информационного пространства формируется новый, так называемый виртуально-игровой уровень правосознания несовершеннолетнего, который может стать как разновидностью обыденного уровня, так и оставаться таковым на всем протяжении несовершеннолетия, заменяя иные уровни правового сознания.

Оценивая уровень сформированности правосознания несовершеннолетнего, можно говорить о степени его готовности придерживаться регулирующих начал правовых норм.

По мере взросления правовое развитие ребенка постепенно переходит в правовое саморазвитие за счет развития самосознания и самоуправления. Правовое самосознание несовершеннолетнего является не чем иным, как постоянно развивающимся приспособлением сформированных элементов его правосознания к условиям нахождения в той или иной правовой реальности. В этой связи актуальным исследовательским направлением считаем изучение правовой солидарности несовершеннолетних в киберпространстве, характеризующей уровень развития их правового самосознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хлебников П. Цифровизация права как следствие цифровизации жизни // *Жилищное право*. 2017. № 9. С. 93–102.
2. Шабаетова О.А. Право в условиях цифровой реальности: постановка проблемы // *Сибирский юридический вестник*. 2019. № 1 (84). С. 16–20.
3. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // *Журнал российского права*. 2018. № 9. С. 5–15.
4. Катанян К. Правовые аспекты внедрения цифровой реальности // *Новая Адвокатская Газета*. 08 июня 2018 г. URL: <http://minjust.gov.ru/ru/print/362681> (дата обращения: 30.01.2021).
5. Полякова Т.А., Минбалева А.В., Короткова Н.В. Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // *Государство и право*. 2020. № 5. С. 75–87.
6. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // *Журнал российского права*. 2018. № 2. С. 9. С. 5–17.
7. Архипов В.В., Наумов В.Б. Информационно-правовые аспекты формирования законодательства о робототехнике // *Информационное право*. 2017. № 1. С. 19–27.
8. Вайпан В.А. Основы правового регулирования цифровой экономики // Библиодосье к парламентским слушаниям на тему «Формирование правовых условий финансирования и развития цифровой экономики». М., 2018. 55 с.
9. Ломакин А. Цифровизация права // *Трудовое право*. 2017. № 9. С. 65–74.
10. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь 2021 г. URL: <https://мвд.рф/reports/item/23163626/> (дата обращения: 06.02.2021).
11. Координационное совещание по вопросам профилактики, выявления, пресечения и расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении них. Генеральная прокуратура Российской Федерации. 23.09.2020. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/events/news-1890336/> (дата обращения: 06.02.2021).
12. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // *Управленческое консультирование*. 2018. № 10. С. 46–63. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-10-46-63
13. Неделько А.Ю. Возможности и ограничения использования методов нейромаркетинга // *Управленческие науки*. 2018. № 8(4). С. 77–83. DOI: 10.26794/2404-022X-2018-8-4-77-83
14. Дершен В. Инструменты нейромаркетинга: проблемы и перспективы // *Наука и инновации*. 2018. № 6 (184) С. 18–22.
15. Чернова М.А., Клепиков О.Е. Нейромаркетинг: к вопросу об этической составляющей // *Национальный психологический журнал*. 2012. № 1(7). С. 139–142
16. Тихомиров Ю.А. Правовое сознание в условиях социальной динамики // *Государство и право*. 2020. № 3. С. 37–47. DOI: 10.31857/S013207690008682-2.
17. Белл Д. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI в. / Д. Белл, В.Л. Иноземцев. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. 304 с.
18. Черниговская Т. Цифровизация и человечность. Нейролингвист рассказала об особенностях жизни в цифровом мире. 2020. 22 апреля. URL: <http://eawfpress.ru/press-tsentr/news/glav/auka/tatyana-cheruigovskaya-tsifrovizatsiya-i-chelovechnost/> (дата обращения: 06.02.2021).
19. Рыбаков Н.С. Текучая реальность – самость – идентичность // *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2019. № 10. С. 3–14.
20. Александрова С.Н. Аспекты и тенденции формирования правовой культуры в образовательных организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // *Теория и практика образования в современном мире: материалы IX Междунар. науч. конф.* (г. Санкт-Петербург, июль 2016 г.). СПб.: Свое издательство, 2016. С. 1–3. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/192/10807/> (дата обращения: 06.12.2021).
21. Харников М.В. Сущность и структура правовой культуры подростка как результат социального воспитания и правового просвещения // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2018. Т. 23, № 175. С. 33–34.
22. Медведев В.А. Правовая культура российского общества: особенности и тенденции развития: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. 213 с.
23. Фабриков М.С. Педагогические условия воспитания правовой культуры старшеклассников. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2017. 159 с.
24. Нижних И.К. Использование игры в формировании правовой культуры старших подростков группы риска в условиях системы дополнительного образования // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. Тамбов, 2014. Вып. 4 (132). С. 70–71.
25. Юрьева Т.В. Проблема кросс-культурных коммуникаций в аспекте практико-ориентированных педагогических технологий // *Ярославский педагогический вестник*. 2015. № 5. С. 104–107.
26. Резников Е.В. Понятие правовой идентичности // *Право и современные государства*. 2014. № 1. С. 14.
27. Воробьев С.М., Лещенко О.В. Деформация правосознания личности в условиях дискредитации власти в Российской Федерации // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 442. С. 217–225. DOI: 10.17223/15617793/442/27
28. Иконникова Г.И. Философия права: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2020. 359 с.
29. Саламаткин С.Н. Правовое воспитание личности. Красноярск: КГПУ, 1990. 123 с.
30. Керимов Д.А. Философские проблемы права // *Советское государство и право*. 1975. № 7. С. 42.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 мая 2021 г.

Formation of the Legal Culture of Minors in the Digitalization of Society's Legal Life

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 242–252.

DOI: 10.17223/15617793/470/30

Elena A. Pevtsova, Moscow State Regional University (Moscow, Russian Federation). E-mail: rektorat@mgou.ru

Vladimir M. Sapogov, Pskov State University (Pskov, Russian Federation). E-mail: dikbul@yandex.ru

Keywords: minors; legal culture; legal consciousness; legal education; levels of legal consciousness; information law; digitalization.

The formation of the legal culture and legal consciousness of minors in modern society has increasingly been influenced by the digital space in which modern teenagers and minors live and study, which can affect the emergence in the near future of essential changes in public legal consciousness. Such changes include, first of all, a new state of the logical-normative, emotional-figurative and behavioral components of legal consciousness. The aim of the study is to identify the characteristics of the formation of the legal culture and legal awareness of minors using cyberspace as a source of information about law and an environment for legal communication. The object of the study is the content, structure and basis for the formation of the legal culture and legal awareness of minors as an independent socio-demographic group. The article used a systematic and comprehensive approach to the study of the problem from the perspective of various sciences: jurisprudence, psychology, pedagogy, sociology, philosophy. The methodological basis of the study was the dialectical method of cognition, the general laws of the emergence, formation and development of legal phenomena, comparative legal and general scientific methods (analysis, synthesis, comparison and generalization). The article

provides an analysis of possible approaches to the organization of the process of formation of cognitive, motivational-evaluative and activity components of the high level of a minor's legal culture in the digital space. The issues of creating an educational electronic space are disclosed. The problem of assessing the level of formation of a minor's legal culture and legal awareness through the lens of their participation in legal life is addressed. The authors believe that the formation of the legal culture and legal consciousness of a minor goes from the usual, practical level to the theoretical one, and in this development the leading role belongs to legal education and upbringing. The allocation of the ordinary virtual-game level of legal consciousness in minors is justified, which begins to dominate, replacing other levels of legal consciousness, in the digital world. In the context of consideration of the characteristics of the legal self-development of a minor, conclusions are drawn on the possibility of presenting the legal culture of minors as a combination of manifestations of the characteristics of their legal consciousness and legal solidarity mainly in the virtual space.

REFERENCES

- Khlebnikov, P. (2017) Digitalization of law as a consequence of digitalization of life. *Zhilishchnoe pravo – Housing Law*. 9. pp. 93–102. (In Russian).
- Shabaeva, O.A. (2019) Law in the context of digital reality: problem statement. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*. 1 (84). pp. 16–20. (In Russian).
- Khabrieva, T.Ya. (2018) Law Facing the Challenges of Digital Reality. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 9. pp. 5–15. (In Russian).
- Katanyan, K. (2018) Pravovye aspekty vnedreniya tsifrovoy real'nosti [Legal aspects of digital reality implementation]. *Novaya Advokatskaya Gazeta*. 08 June. [Online] Available from: <http://minjust.gov.ru/ru/print/362681> (Accessed: 30.01.2021).
- Polyakova, T.A., Minbaleev, A.V. & Korotkova, N.V. (2020) New vectors of development of information law in the context of a civilizational crisis and digital transformation. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 5. pp. 75–87. (In Russian).
- Talapina, E.V. (2018) Law and Digitalization: New Challenges and Prospects. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 2. pp. 9. pp. 5–17. (In Russian).
- Arhipov, V.V. & Naumov, V.B. (2017) Informatsionno-pravovye aspekty formirovaniya zakonodatel'stva o robototekhnike [Informational and legal aspects of the formation of legislation on robotics]. *Informatsionnoe pravo*. 1. pp. 19–27.
- Vaypan, V.A. (2018) Osnovy pravovogo regulirovaniya tsifrovoy ekonomiki [Fundamentals of legal regulation of the digital economy]. In: *Bibliodos'e k parlamentским slushaniyam na temu "Formirovanie pravovykh usloviy finansirovaniya i razvitiya tsifrovoy ekonomiki"* [Dossier for parliamentary hearings on the topic "Formation of legal conditions for financing and development of the digital economy"]. Moscow: [s.n.].
- Lomakin, A. (2017) Digitalization of law. *Trudovoe pravo – Labor Law*. 9. pp. 65–74.
- RF MIA. (2021) *Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii za yanvar' 2021 g.* [Brief description of the state of crime in the Russian Federation in January 2021]. [Online] Available from: <https://mvd.rf/reports/item/23163626/> (Accessed: 06.02.2021).
- General Prosecutor's Office of the Russian Federation. (2020) *Coordination meeting on prevention, detection, suppression and investigation of crimes committed by minors and in relation to them*. 23.09.2020. [Online] Available from: <https://genproc.gov.ru/smi/events/news-1890336/> (Accessed: 06.02.2021). (In Russian).
- Khalin, V.G. & Chernova, G.V. (2018) Digitalization and Its Impact on the Russian Economy and Society: Advantages, Challenges, Threats and Risks. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie – Administrative Consulting*. 10. pp. 46–63. (In Russian). DOI: 10.22394/1726-1139-2018-10-46-63
- Nedel'ko, A.Yu. (2018) Perspectives and Limitations of Neuromarketing Research Methods. *Upravlencheskie nauki – Management Science*. 8 (4). pp. 77–83. (In Russian). DOI: 10.26794/2404-022X-2018-8-4-77-83
- Dershen', V. (2018) Instrumenty neyromarketinga: problemy i perspektivy [Neuromarketing tools: problems and prospects]. *Nauka i innovatsii*. 6 (184) pp. 18–22.
- Chernova, M.A. & Klepikov, O.E. (2012) Neyromarketing: k voprosu ob eticheskoy sostavlyayushchey [Neuromarketing: on the ethical component]. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal – National Psychological Journal*. 1(7). pp. 139–142
- Tikhomirov, Yu.A. (2020) Legal Consciousness in the Conditions of Social Dynamics. *Gosudarstvo i pravo State and Law*. 3. pp. 37–47. (In Russian). DOI: 10.31857/S013207690008682-2
- Bell, D. & Inozemtsev, V.L. (2007) *Epokha razobshchennosti: Razmyshleniya o mire XXI v.* [The Age of Disunity: Reflections on the 21st Century World]. Moscow: Tsentr issledovaniy postindustrial'nogo obshchestva.
- Chernigovskaya, T. (2020) *Tsifrovizatsiya i chelovechnost'* [Digitalisation and humanity]. 22 April. [Online] Available from: <http://eawfpress.ru/press-tsentr/news/glav/nauka/tatyana-chernigovskaya-tsfrovizatsiya-i-chelovechnost/> (Accessed: 06.02.2021).
- Rybakov, N.S. (2019) Tekuchaya real'nost' – samost' – identichnost' [Fluid reality – self – identity]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 10. pp. 3–14.
- Aleksandrova, S.N. (2016) [Aspects and trends in the formation of legal culture in educational organizations for orphans and children left without parental care]. *Teoriya i praktika obrazovaniya v sovremennom mire* [Theory and practice of education in the modern world]. Proceedings of the IX International Conference. Saint Petersburg. July 2016. St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo. pp. 1–3. [Online] Available from: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/192/10807/> (Accessed: 06.12.2021).
- Kharnikov, M.V. (2018) The essence and structure of a teenager's legal culture as a result of social education and legal education. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*. 23 (175). pp. 33–34. (In Russian).
- Medvedev, V.A. (2004) *Pravovaya kul'tura rossiyskogo obshchestva: osobennosti i tendentsii razvitiya* [Legal culture of Russian society: features and development trends]. Law Cand. Diss. Kazan.
- Fabrikov, M.S. (2017) *Pedagogicheskie usloviya vospitaniya pravovoy kul'tury starsheklassnikov* [Pedagogical conditions for the upbringing of the legal culture of senior pupils]. Vladimir: Vladimir State University.
- Nizhnikh, I.K. (2014) Ispol'zovanie igry v formirovanii pravovoy kul'tury starshikh podrostkov gruppy riska v usloviyakh sistemy dopolnitel'nogo obrazovaniya [The use of game in the formation of legal culture of senior adolescents at risk in the context of the system of additional education]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*. 4 (132). pp. 70–71.
- Yur'eva, T.V. (2015) The problem of cross-cultural communications in the aspect of practice-oriented pedagogical technologies. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 5. pp. 104–107. (In Russian).
- Reznikov, E.V. (2014) Ponyatie pravovoy identichnosti [The concept of legal identity]. *Pravo i sovremennye gosudarstva*. 1. p. 14.
- Vorob'ev, S.M. & Leshchenko, O.V. (2019) Deformation of a Person's Legal Consciousness Under Bringing Discredit Upon the Authorities in the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 442. pp. 217–225. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/442/27
- Ikonnikova, G.I. (2020) *Filosofiya prava: uchebnik dlya vuzov* [Philosophy of law: textbook for universities]. Moscow: Yurayt.
- Salamatkin, S.N. (1990) *Pravovoe vospitanie lichnosti* [Legal education of the individual]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
- Kerimov, D.A. (1975) *Filosofskie problemy prava* [Philosophical problems of law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 7. p. 42.

Received: 17 May 2021

Сун Лэй

ВЕХИ СТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КИТАЯ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ СО ДНЯ СОЗДАНИЯ КПК

Освещается хронология становления китайского конституционного законодательства под руководством Коммунистической партии Китая и на этой основе проводится анализ активной роли КПК в данном процессе. Автор делает вывод о том, что в ходе основания Китайской Народной Республики, в последовавший за тем период реформ и открытости, а также в новую эпоху социализма с китайской спецификой КПК играла ключевую роль в выполнении всех задач, связанных с формированием этих законов.

Ключевые слова: Коммунистическая партия Китая; столетие; Конституционное законодательство; верховенство права; управление государством на правовой основе.

Создание Коммунистической партии Китая (КПК), основание Китайской Народной Республики (КНР), а также провозглашение политики реформ и открытости и социализма с китайской спецификой – три важнейших для Китая исторических события со времен движения 4 мая, три главных столпа осуществления великого возрождения китайской нации с начала Нового времени [1]. Компартия была основана 23 июля 1921 г., что стало грандиозным событием для Китая и мира XX в. Создание партии в корне изменило направление развития страны и оказало глубочайшее влияние на ход мировой истории. За сто лет своего существования КПК прошла извилистый, но внушительный путь. Под ее руководством Китай нащупал собственный путь развития, соответствующий уникальным национальным условиям, – социализм с китайской спецификой. Как показало это непростое столетие, всестороннее управление государством на правовой основе есть ключевая гарантия, сущностно необходимая для приверженности этому пути и для его развития, неотъемлемое условие модернизации системы и потенциала управления государством. Конституция – это основной закон государства, главный свод правил для обеспечения порядка и стабильности, quintessence партийной идеологии и ядро правовой системы социализма с китайской спецификой. Для всесторонней законности в государственном управлении она имеет исключительное и важнейшее значение. За последний век под началом КПК Конституция Китая и сопутствующие законы прошли тернистый путь: зарождение, формирование, застой, дальнейшее развитие и, наконец, совершенствование.

В данной статье автор приводит основные вехи становления китайского конституционного законодательства, освещает ключевые законы и события и на их основе резюмирует опыт, успехи и неудачи Коммунистической партии Китая на пути к верховенству права, а также высказывает свои ожидания и обозначает дальнейшие цели на этом поприще.

Зарождение конституционного законодательства Китая (1927–1949 гг.)

Описываемый период – особое время в истории китайского института права. На этом этапе во главу угла встали упразднение старой правовой системы,

усвоение опыта становления правовой системы народно-демократического режима в годы новодемократической революции и заимствование советской модели, на основе чего начали формироваться Конституция Китая и сопутствующее законодательство. В 1927 г. силами возглавляемых партией народных отрядов в уезде Цзинганшань началось строительство революционной базы: они установили демократическую власть рабочих, крестьян и солдат и занялись созданием местных законов. В ноябре 1931 г. в городе Жуйцзинь состоялся I Всекитайский съезд советов, на котором было провозглашено создание Китайской Советской Республики. Тогда же появились такие законы, как проект Конституции Китайской Советской Республики [2], закон «О земле» Китайской Советской Республики [3], закон «О труде» Китайской Советской республики [4] и др. Новое законодательство отличалось четкой направленностью и высокой функциональностью, а также имело ярко выраженный революционный окрас. Оно сыграло должную роль в формировании революционной базы и помогло КПК приобрести фундаментальный опыт руководства законотворчеством.

В период Народно-освободительной войны в Китае (1946–1949 гг.) с каждой новой военной победой и постоянным преумножением освобожденных районов наблюдалось и становление их политических прав и развитие правовых систем. На освобожденных территориях начали постепенно формироваться выборные собрания народных представителей разных уровней, а также избираемые и формируемые ими народные правительства. В последние годы войны площадь освобожденных земель стремительно возросла, и там, где не хватило времени на организацию всеобщих выборов, были сформированы временные политические организации – военно-контрольные советы, которые назначали членов местных народных правительств и вместе с такими правительствами приглашали представителей различных кругов для проведения народных собраний. В сентябре 1947 г. Центральный Комитет Компартии утвердил проект закона Китая «О земле» [5]. В проекте предлагалось уничтожить старую аграрную систему с ее феодальной и полуфеодальной эксплуатацией и осуществить принцип «поле – пахарю», обеспечить защиту народной промышленности и торговли, а также демократиче-

ских прав народа – документ стал главным итогом формирования сопутствующего конституционного законодательства в этот период.

Накануне образования Китайской Народной Республики Коммунистическая партия начала масштабную «чистку» законов Национальной партии – Гоминьдана. В апреле 1949 г. Народное правительство Северного Китая издало директиву об упразднении «Собрания законов шести отраслей права» и всех остальных постановлений Гоминьдана, тем самым запретив судам при народных правительствах всех уровней ссылаться на них при вынесении судебных решений [6. С. 2].

Формирование конституционного законодательства Китая (1949–1966 гг.)

Основание Китайской Народной Республики в 1949 г. «полностью изменило трагическую судьбу ослабленного, обедневшего, притесняемого другими Китая, тянувшуюся более сотни лет с начала периода Новой истории, и китайская нация вступила на славный и широкий путь осуществления великого возрождения» [7]. В сентябре 1949 г. в Бэйпине состоялась пленарная сессия Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) 1-го созыва. На ней были приняты закон «Об организации сессий НПКСК» [8], закон «Об организации Центрального народного правительства КНР» [9] и по сути своей выступавшая временной Конституцией «Общая программа НПКСК» [10]. Тогда же состоялось и избрание членов Центрального народного правительства. Все это сформировало прочную конституционную основу для создания нового Китая. После образования Китайской Народной Республики в 1949 г. Центральное народное правительство, руководствуясь практикой проведения и законотворческим опытом земельных реформ, опубликовало 30 июня 1950 г. закон КНР «О земельной реформе». Закон требовал: отменить помещичью собственность на землю, основанную на феодальной эксплуатации, установить крестьянскую собственность на землю, чтобы освободить производительные силы в сельском хозяйстве, развивать сельскохозяйственное производство и проложить путь к индустриализации нового Китая [11].

В сентябре 1954 г. прошла сессия Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 1-го созыва, где была утверждена Конституция КНР – первая в новом Китае. Документ устанавливал принципы народной демократии и социализма, базовую институциональную основу для политической деятельности ВСНП, а также основные права и обязанности граждан. Стоит отметить, что шестой абзац предисловия к Конституции 1954 г. гласил: «Китай уже установил отношения нерушимой дружбы с великим Союзом Советских Социалистических Республик и странами народной демократии. Дружба нашего народа с миролюбивыми народами всего мира растет с каждым днем: эта дружба будет и впредь развиваться и укрепляться» [12]. В тот же период были разработаны законы «Об организации ВСНП» [13], «Об организации Госсовета» [14], «Об организации народных судов»

[15] и другие конституционные документы, закрепившие ключевые принципы политической жизни государства. В 1956 г. VIII съезд Коммунистической партии провозгласил:

– главным внутренним противоречием в Китае является расхождение между народной потребностью в ускоренном развитии экономической культуры и тем, что ее текущее состояние не способно удовлетворить такую потребность;

– основной на сегодняшний день задачей партии и всего китайского народа является консолидация усилий для разрешения этого противоречия, скорейшее превращение страны из отсталого аграрного в передовое промышленное государство [16].

Партия также постановила: «Страна должна, соответственно потребностям, постепенно и системно разработать законченное законодательство» [17]. Эта идейная установка и определила цель развития китайской Конституции и сопутствующего законодательства.

Однако начиная с 1957 г., когда сопротивление «правому» крылу набрало силу, в руководящем курсе партии и государства стали возникать серьезные упущения – развитие пошло не в том направлении. В 1958 г. на 2-й сессии VIII съезда КПК была изменена формулировка главного внутреннего противоречия Китая: участники съезда постановили, что таким вечным противоречием является борьба пролетариата с буржуазией, борьба социалистического пути с капиталистическим. Начался подъем около-«левой» идеологии и правового нигилизма. В течение долгих десяти лет, с 1957 по 1966 г., ВСНП не имело возможности нормально функционировать и эффективно осуществлять свои законодательные полномочия, в связи с чем изначально запланированные к разработке ключевые законы так и не были подготовлены. Так, работа по составлению проекта Уголовного кодекса началась еще в 1950 г., и к 1963 г. накопилось целых 33 его редакции, однако удар по всем направлениям деятельности так и не позволил опубликовать документ. В застойном состоянии оказались также проекты Уголовно-процессуального, Гражданского и Гражданско-процессуального кодексов – их подготовка не была завершена.

Застой в развитии конституционного законодательства Китая (1966–1978 гг.)

16 мая 1966 г. Сообщение Центрального комитета Коммунистической партии Китая (так называемое Сообщение от шестнадцатого мая) [18] официально ознаменовало начало Великой пролетарской культурной революции. За восемь долгих лет после 33-й сессии ВСНП 3-го созыва в июне 1966 г. ни всекитайское собрание, ни его Постоянный комитет (ПК) не провели ни единого заседания – законодательная работа полностью остановилась. В январе 1975 г. в условиях строгой секретности и в закрытом формате состоялась 1-я сессия ВСНП 4-го созыва. На ней приняли новую Конституцию КНР [19], в которую вошли и «левая» идейно-политическая линия, уже многие годы формировавшаяся в партии и государстве, и многие ошибки Культурной революции – издание 1975 г. имело много серьезных изъянов. Культурная революция нанесла

серьезный урон строительству правовой демократической системы Китая – работа по становлению конституционного законодательства КНР натолкнулась на непробиваемую стену.

Конец Культурной революции пришелся на октябрь 1976 г. [20]. В течение двух лет после ее завершения партия и государство, хотя и сделали некоторые шаги в формировании Конституции, все же не сумели окончательно и бесповоротно устранить ошибки этого периода на уровне программной политики. Они не смогли осуществить исторический переворот, а лишь закрепили «окололевые» революционные идеи и установку «управлять государством на основе программы», где под «программой» подразумевалась классовая борьба. В результате законодательная деятельность так не сдвинулась с мертвой точки, а в формировании конституционного законодательства не было достигнуто ни малейшего прогресса.

В феврале 1978 г. 1-я сессия ВСНП 5-го созыва утвердила новую Конституцию [21], и хотя в нее вернулись некоторые положения из издания 1954 г., документ все же унаследовал часть неверных идей предыдущей версии. Он сохранил устаревшие теоретические подходы и противоречащие реальной обстановке пункты, из-за чего оказался неспособен отвечать потребностям нового времени [6. С. 6].

Новый виток развития конституционного законодательства Китая (1978–2012 гг.)

III пленум ЦК КПК 11-го созыва, состоявшийся в декабре 1978 г., ознаменовал повторное утверждение марксистского курса в идеологии, политике и организации партии. Этот величайший со времен создания КНР поворот в истории китайской Компартии имел исключительное значение – в Китае начался период реформ и открытости [22]. В феврале 1979 г. на 6-й сессии ПК ВСНП 5-го созыва было принято решение о создании в рамках данного органа Комитета по делам правовой системы. В июле 2-я сессия ВСНП 5-го созыва разработала семь законов, в том числе «О выборах во Всекитайское собрание народных представителей и в местные собрания народных представителей различных ступеней» [23], «Об организации местных собраний народных представителей и народных правительств различных ступеней» [24], «Об организации народных судов» [25] и «Об организации народной прокуратуры» [26]. Это событие стало важнейшим прорывом в законодательной деятельности после двадцатилетнего перерыва и открыло в истории нового Китая эру масштабного законотворчества [27. С. 27].

В декабре 1982 г. на 5-й сессии ВСНП 5-го созыва была принята новая Конституция [28. С. 2]. Она закрепила институциональные основы и ключевые задачи государства, основные принципы его политической жизни, а также выступила фундаментальной гарантией политики реформ и открытости и осуществления модернизации социализма. Конституция от 1982 г. реформировала законодательную систему с конституционных позиций: наделила Госсовет правом разрабатывать административные подзаконные акты,

разрешила министерствам и комитетам Госсовета издавать указы, подтвердила право собраний народных представителей и их постоянных комитетов в провинциях и городах центрального подчинения разрабатывать местные постановления, позволила собраниям народных представителей национальных автономных регионов разрабатывать собственные акты и положения. Публикация издания 1982 г. ознаменовала начало нового исторического этапа в развитии конституционного законодательства.

В начале 1992 г. Дэн Сяопин совершил поездку по югу Китая, посетив в том числе Учан, Шэньчжэнь, Чжухай и Шанхай, и в ходе турне выступил с речью, получившей название «южная». В октябре XIV съезд КПК недвусмысленно заявил, что целью реформ экономической системы Китая является становление социалистической рыночной экономики [29]. В марте 1993 г. на 1-й сессии ВСНП 8-го созыва были приняты поправки к Конституции, в которых значилось: «Государство претворяет в жизнь социалистическую рыночную экономику»; «государство усиливает экономическое законодательство, совершенствует макрорегулирование» [28. С. 35]. В сентябре 1997 г. XV съезд КПК выдвинул цели развития национальной экономики и общества в первое десятилетие XXI в., установил курс на «управление государством на правовой основе и строительство социалистического правового государства» [30], а также постановил к 2010 г. сформировать правовую систему социализма с китайской спецификой. В марте 1999 г. на 2-й сессии ВСНП 9-го созыва были приняты очередные поправки: в текст Конституции вошла формулировка «Китайская Народная Республика управляется на правовой основе и строит социалистическое правовое государство» [28. С. 39].

Благодаря поправкам, утвержденным на 2-й сессии ВСНП 10-го созыва в марте 2004 г., в Конституцию были включены такие статьи, как «государство уважает и гарантирует права человека», «законная частная собственность граждан неприкосновенна» [28. С. 43]. Подобные изменения дали новый стимул прогрессу и развитию Китая в экономической, политической, культурной и социальной сферах [6. С. 9]. Затем, в 2005 г., в целях защиты суверенитета и территориальной целостности, а также содействия мирному объединению Китая ВСНП разработало закон «О противодействии расколу государства» [31]. К концу 2010 г. основной этап формирования правовой системы социализма с китайской спецификой фактически завершился – она состояла из семи отраслей права (конституционное, гражданское и торговое, административное, экономическое, социальное, уголовное, процессуальное и непроцессуальное), имела три источника (законы, административные постановления и локальные акты), а Конституция КНР являлась ее центральным ядром. Отныне законодательство охватывало все сферы жизни государства, включая экономическую, политическую, культурную и социальную [32].

Совершенствование конституционного законодательства Китая (2012 г. – наст. вр.)

XVIII съезд КПК в ноябре 2012 г. ознаменовал начало новой эпохи социализма с китайской спецификой.

кой [33]. В докладе съезда подчеркивалось: правовое управление есть основной способ управления государством, необходимо продвигать научное законодательство, строгое правоприменение, справедливое правосудие и повсеместное соблюдение законов, отстаивать принцип всеобщего равенства перед лицом закона. После 2013 г. ВСНП и его Постоянный комитет активизировали деятельность по разработке законов о государственной безопасности. Один за другим появились законы «О борьбе со шпионажем» [34], «О государственной безопасности» [35], «О борьбе с терроризмом» [36], «О регулировании деятельности иностранных неправительственных организаций на территории Китая» [37], «Об оборонном транспортном сообщении» [38], «О кибербезопасности» [39], «О государственной разведке» [40], «О ядерной безопасности» [41], «О защите государственной безопасности в САР Гонконг» [42] и т.д. Указанные документы обеспечили сильную правовую гарантию для защиты государственной безопасности и национальных интересов.

В октябре 2014 г. на 4-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва было принято «Решение ЦК КПК по некоторым важным вопросам всестороннего содействия управлению государством на правовой основе» [43], где подчеркивалась важность становления правовой системы социализма с китайской спецификой и заявлялось о необходимости устранять пробелы в реализации положений Конституции и повышать интенсивность надзора. В декабре 2015 г. Постоянный комитет ВСНП принял закон «О государственных наградах и государственных почетных званиях» [44], обеспечив внедрение установленного Конституцией государственного института награждения. В сентябре 2017 г. тот же орган принял закон «О государственном гимне» [45], который наряду с уже действовавшими тогда законами «О государственном флаге» [46] и «О государственном гербе» [47] защищал закрепленное в Конституции достоинство важных символов государства [48]. В октябре 2017 г. в докладе XIX съезда КПК было подчеркнуто: «Обеспечение всестороннего верховенства закона в государственном управлении является сущностным требованием и важнейшей гарантией социализма с китайской спецификой. Необходимо обеспечить руководство КПК во всем процессе и во всех аспектах управления государством на основе закона, неуклонно идти по пути утверждения верховенства закона в условиях социализма с китайской спецификой, совершенствовать социалистическую систему законодательства с китайской спецификой, ядро которой составляет Конституция, создавать социалистическую правовую систему с китайской спецификой и социалистическое правовое государство» [49].

В марте 2018 года 1-я сессия ВСНП 13-го созыва приняла поправки к Конституции [28. С. 48] и закон «О контроле» [50], за счет чего обогатила содержание установки «поддерживать и усиливать всестороннее руководство КПК», дополнила провозглашенные Конституцией ключевые государственные задачи, цели борьбы и институт государственного руководства, закрепила институт государственного контроля,

упрочила институциональную основу долгосрочного порядка и стабильности в стране [51]. На Центральном рабочем заседании по всестороннему обеспечению законности в государственном управлении, прошедшем 16 и 17 ноября 2020 г., идеи Си Цзиньпина о правовом управлении были признаны руководящей идеологией всестороннего верховенства права в управлении государством. На заседании Си Цзиньпин выдвинул требования относительно ключевых задач для обеспечения такого верховенства в текущий и будущий периоды. Он указал 11 направлений деятельности, включая следующие: неуклонно обеспечивать руководство партии во всестороннем верховенстве права в государственном управлении, сохранять центральную роль народа, придерживаться пути верховенства закона в условиях социализма с китайской спецификой, неотступно руководствоваться законом в управлении и Конституцией в осуществлении власти [52].

По итогам XVIII съезда КПК Всекитайское собрание народных представителей и его Постоянный комитет провели всестороннее усиление законодательной деятельности в ключевых областях, усовершенствовали правовую систему социализма с китайской спецификой, ядром которой является Конституция. В этот период законодательство, основным направлением которого раньше была экономика, переориентировалось на сбалансированное формирование как экономических, так и социальных законов. Его особенности включали:

- 1) ускорение формирования законодательства о государственной безопасности;
- 2) содействие разработке и принятию Гражданского кодекса;
- 3) продолжение законодательства в отношении рыночной экономики;
- 4) ускорение темпов законодательной деятельности в области экокультурного строительства;
- 5) совершенствование формирования социально-демократического законодательства.

На конец декабря 2018 г. в Китае действовал 271 закон, 119 решений по правовым и иным важным вопросам, 759 административных актов и более 12 тысяч местных положений [6. С. 11].

Какой урок мы можем извлечь?

Успехи в становлении Конституции и сопутствующего законодательства, которых Китай добился за сто лет со дня создания Коммунистической партии Китая, а в особенности за те семьдесят из них, когда уже существовала Китайская Народная Республика, поразили все мировое сообщество. Правовая система социализма с китайской спецификой непрерывно движется по пути совершенствования. Она обеспечивает прочную правовую гарантию продвижения всестороннего управления государством на основе закона и Конституции, становления системы правового управления в условиях социализма с китайской спецификой и правового государства, реализующего социализм с китайской спецификой.

КПК является правящей партией Китая, и ее руководство есть самая естественная черта социализма с

китайской спецификой, закреплённая в Конституции. Партийное руководство, народ как полноправный хозяин своей страны и управление государством на основе права тесно связаны с друг другом и составляют организм, отличающийся внутренней целостностью. Как показывает опыт создания конституционного законодательства, Китаю необходимо придерживаться органического единства трех этих элементов на практике. Устав Коммунистической партии Китая гласит: «Партия обязана действовать в рамках Конституции и других законов» [53]. Действующая Конституция тоже однозначно устанавливает: «Никакие организации или частные лица не должны пользоваться привилегиями, выходящими за рамки Конституции и законов» [28. С. 61]. Эти положения и определили базовый принцип единства указанных элементов.

Необходимо совершенствовать системы реализации, контроля и гарантии правового управления, защищать авторитет конституционного законодательства. В содействии всестороннему управлению государством на правовой основе руководство на основе закона является ключевым звеном, научное законодательство – предпосылкой, строгое правоприменение – основной задачей, судебная справедливость – оборонительным рубежом, а всенародное соблюдение законов – фундаментом. Применение конституционных законов и становление их авторитета неотделимо от реализованных на практике принципов строгого правоприменения, справедливой судебной системы и соблюдения законов всеми людьми. Основополагающая роль закона в осуществлении власти обеспечивает его верховенство в управлении государством, и та же логика справедлива для Конституции. Защищать авторитет конституционного законодательства – значит защищать авторитет общей воли партии и народа. Отстаивать достоинство конституционного законодательства – значит отстаивать достоинство общей воли партии и народа. Обеспечивать применение конституционного законодательства – значит обеспечивать претворение общей воли партии и народа в жизнь.

Важно поддерживать и совершенствовать институциональную основу деятельности Всекитайского

собрания народных представителей, непрерывно модернизировать технику законотворчества и повышать его качество, продолжать углублять и развивать научную и демократическую законодательную работу. Институт ВСНП есть основная политическая система Китая, его форма правления. Для активизации законодательной деятельности и его качественного развития необходимо реализовать руководящую роль Собрании народных представителей в этом процессе. Нельзя допускать рассеяния национальной законодательной власти по отдельным департаментам, превращения права на законотворчество в частный интерес департаментов и легализации такого интереса за счет законодательной деятельности департаментов. В своей законодательной деятельности ВСНП следует сосредоточиться как на фактической выполнимости законов, так и на их ориентированности на будущее; не забывать как подтверждать успехи реформ через законотворчество, так и оставлять пространство и возможности для их углубления. При создании законов важно двигаться в одном направлении с массами, позволять всем социальным слоям принимать активное участие в этом процессе, тем самым повышая прозрачность законодательной деятельности и степень демократизации общества.

Следует также признавать важность собственных условий и национальной специфики Китая, изучать плоды и опыт создания иностранного конституционного законодательства. В создании законов необходимо исходить из национальных условий страны, глубоко понимать и хорошо владеть особенностями развития Китая на каждом этапе, разворачивать законодательную деятельность вокруг сложного развития строительства экономики, политики, культуры, общества и экокультуры. Конституционное законодательство требует глубокого погружения в источники традиционного китайского права, усвоения выдающейся правовой культуры китайской нации одновременно с изучением и заимствованием полезного зарубежного опыта в законодательстве, а также усердным исследованием конституционных теорий других стран, чтобы почерпнуть из них то, что принесет пользу становлению конституционных законов в Китае.

ЛИТЕРАТУРА

1. Си Цзиньпин: Речь на собрании в честь сорокалетия политики реформ и открытости // Жэньминь жибао. 19.12.2018. [习近平. 在庆祝改革开放40周年大会上的讲话, 人民日报, 2018年12月19日] (на китайском языке).
2. Проект Конституции Китайской Советской Республики от 07.11.1931 г. // Китайская сеть: национальные условия Китая. URL: http://guoqing.china.com.cn/2012-08/30/content_26380103.htm (дата обращения: 04.02.2021). [中华苏维埃共和国宪法大纲, 1931年11月7日, 中国网] (на китайском языке).
3. Закон «О земле» Китайской Советской Республики от 01.12.1931 г. // Китайская экономическая сеть. URL: http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/szyw/200705/21/t20070521_11434617.shtml (дата обращения: 04.02.2020). [中华苏维埃土地法, 1931年12月1日, 中国经济网] (на китайском языке).
4. Закон «О труде» Китайской Советской республики от 01.12.1931 г. // Китайская экономическая сеть. URL: http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/szyw/200705/21/t20070521_11434652.shtml (дата обращения: 04.02.2021). [中华苏维埃劳动法, 1931年12月1日, 中国经济网] (на китайском языке).
5. Проект закона Китая «О земле» от 13.09.1947 г. // Сеть земельных ресурсов. URL: <http://www.tdzyw.com/2013/0603/29113.html> (дата обращения: 04.02.2021). [中国土地法大纲, 1947年9月13日, 土地资源网] (на китайском языке).
6. Чжан Шэн: История законодательства Китайской Народной Республики (1949–2019 гг.). Пекин: Право, 2020. 545 с. [张生. 中华人民共和国立法史 (1949-2019), 北京: 法律出版社, 2020年] (на китайском языке).

7. Си Цзиньпин: Речь на заседании в честь семидесятилетия основания Китайской Народной Республики // Жэньминь жибао. 02.10.2019. [习近平. 在庆祝中华人民共和国成立70周年大会上的讲话, 人民日报, 2019年10月2日] (на китайском языке).
8. Закон «Об организации сессий НПКСК» от 27.09.1949 г. // Жэньминь жибао. 30.09.1949. [中国人民政治协商会议组织法, 1949年9月27日, 人民日报] (на китайском языке).
9. Закон «Об организации Центрального народного правительства КНР» от 27.09.1949 г. // Сеть Национального народного конгресса. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/10/content_4237.htm (дата обращения: 04.02.2021). [中华人民共和国中央人民政府组织法, 1949年9月27日, 中国人大网] (на китайском языке).
10. Общая программа НПКСК от 29.09.1949 г. // Юридическая библиотека. URL: http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=283576 (дата обращения: 04.02.2021). [中国人民政治协商会议共同纲领, 1949年9月29日, 法律图书馆] (на китайском языке).
11. Закон КНР «О земельной реформе КНР» от 30.06.1950 г. // Сеть Национального народного конгресса. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/10/content_4246.htm (дата обращения: 04.02.2021). [中华人民共和国土地改革法, 1950年6月30日, 中国人大网] (на китайском языке).
12. Конституция Китайской Народной Республики от 20.09.1954 г. // Сеть Национального народного конгресса. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/26/content_4264.htm (дата обращения: 25.02.2021). [中华人民共和国宪法, 1954年9月20日, 中国人大网] (на китайском языке).
13. Закон «Об организации ВСНП» от 20.09.1954 г. // Сеть Национального народного конгресса. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/10/content_4265.htm (дата обращения: 04.02.2021). [全国人民代表大会组织法, 1954年9月20日, 中国人大网] (на китайском языке).
14. Закон «Об организации Госсовета» от 21.09.1954 г. // Сеть Национального народного конгресса. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/10/content_4266.htm (дата обращения: 04.02.2021). [国务院组织法, 1954年9月21日, 中国人大网] (на китайском языке).
15. Закон «Об организации народных судов» от 21.09.1954 г. // Сеть Национального народного конгресса. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/10/content_4267.htm (дата обращения: 04.02.2021). [人民法院组织法, 1954年9月21日, 中国人大网] (на китайском языке).
16. Хроники в КНР за 1956 г. // Сайт: Центральное народное правительство КНР. URL: http://www.gov.cn/test/2009-10/09/content_1434249.htm (дата обращения: 04.02.2021). [中华人民共和国大事记 (1956年), 中国中央人民政府网站] (на китайском языке).
17. Пресс-служба Госсовета КНР: Белая книга «Правовая система социализма с китайской спецификой» от 27.10.2010 г. // Центральное народное правительство КНР. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2011-10/27/content_2615783.htm (дата обращения: 04.02.2021). [国务院新闻办公室: 中国特色社会主义法律体系白皮书 (2010年10月27日), 中国中央人民政府网站] (на китайском языке).
18. Сообщение Центрального комитета Коммунистической партии Китая от 16.05.1966 г. // Сайт: Образование, литература, история и философия. URL: http://www.yxjedu.com/li_shi_shun_jian_lian_jie_wangye/516_tong_zhi_quanwen/516_tongzhi_quanwen.htm (дата обращения: 04.02.2021). [中国共产党中央委员会通知 (五一六通知), 1966年5月16日, 教育文史哲网] (на китайском языке).
19. Конституция Китайской Народной Республики от 17.01.1975 г. // Сайт: Байду URL: https://dunixiaofa.baidu.com/detail?cid=dc14cc1823e64a4f1d035a854bcce923_law&searchType=statute (дата обращения: 25.02.2021). [中华人民共和国宪法, 1975年1月17日, 度小法] (на китайском языке).
20. Хроники в КНР за 1976 год. // Сайт: Центральное народное правительство КНР. URL: http://www.gov.cn/test/2009-10/09/content_1434288.htm (дата обращения: 25.02.2021). [中华人民共和国大事记 (1976年), 中国中央人民政府网站]
21. Конституция Китайской Народной Республики от 05.03.1978 г. // Сеть Национального народного конгресса. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/06/content_4365.htm (дата обращения: 25.02.2021). [中华人民共和国宪法, 1978年3月5日, 中国人大网] (на китайском языке).
22. Хроники в КНР за 1978 год. // Сайт: Центральное народное правительство КНР. URL: http://www.gov.cn/test/2009-10/09/content_1434288.htm (дата обращения: 25.02.2021). [中华人民共和国大事记 (1978), 中国中央人民政府网站] (на китайском языке).
23. Закон «О выборах во Всекитайское собрание народных представителей и в местные собрания народных представителей различных ступеней» от 01.07.1979 г. // Сеть Национального народного конгресса. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/1982-12/10/content_1478463.htm (дата обращения: 25.02.2021). [全国人民代表大会和地方各级人民代表大会选举法, 1979年7月1日, 中国人大网] (на китайском языке).
24. Закон «Об организации местных собраний народных представителей и народных правительств различных ступеней» от 01.07.1979 г. // Сеть Национального народного конгресса. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/1982-12/10/content_1478474.htm (дата обращения: 25.02.2021). [地方各级人民代表大会和地方各级人民政府组织法, 1979年7月1日, 中国人大网] (на китайском языке).
25. Закон «Об организации народных судов» от 01.07.1979 г. // Сеть Национального народного конгресса. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/06/content_4377.htm (дата обращения: 25.02.2021). [人民法院组织法, 1979年7月1日, 中国人大网] (на китайском языке).
26. Закон «Об организации народной прокуратуры» от 01.07.1979 г. // Юридическая библиотека. URL: http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=1947 (дата обращения: 25.02.2021). [人民检察院组织法, 1979年7月1日, 法律图书馆] (на китайском языке).
27. Научно-исследовательский кабинет Рабочей комиссии по вопросам законодательства ПК ВСНП: Обзор успехов законодательной деятельности Китая за 40 лет политики реформ и открытости. Пекин: Право, 2019. 356 с. [全国人大常委会法制工作委员会研究室: 我国改革开放40年立法成就概述, 北京: 法律出版社, 2019年] (на китайском языке).

28. Конституция Китайской Народной Республики (с текстом присяги). Пекин : Право, 2018. 90 с. [中华人民共和国宪法 (含宣誓词) , 北京: 法律出版社, 2018年] (на китайском языке).
29. Хроники в КНР за 1992 г. // Центральное народное правительство КНР : сайт. URL: http://www.gov.cn/test/2009-10/09/content_1434364.htm (дата обращения: 25.02.2021). [中华人民共和国大事记 (1992) , 中国中央政府网站] (на китайском языке).
30. Хроники в КНР за 1997 г. // Сайт: Центральное народное правительство КНР. URL: http://www.gov.cn/test/2009-10/09/content_1434371.htm (дата обращения: 25.02.2021). [中华人民共和国大事记 (1997) , 中国中央政府网站] (на китайском языке).
31. Закон «О противодействии расколу государства» от 21.06.2005 г. // Центральное народное правительство КНР : сайт. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2005-06/21/content_2602175.htm (дата обращения: 25.02.2021). [反国家分裂法, 2005年6月21日, 中国中央人民政府网] (на китайском языке).
32. У Банго: Рабочий доклад ПК ВСНП на 1-ой сессии ВСНП 12-го созыва 08.03.2013 г. // Жэньминь жибао. 21.03.2013. [吴邦国. 全国人大常委会工作报告-2013年3月8日在第十二届全国人民代表大会第一次会议上, 人民日报] (на китайском языке).
33. Центр теоретических исследований Научно-исследовательского кабинета ЦК КПК по изучению истории партии: Накрепко усвоить основные реалии страны на начальной стадии социализма // Цюши. 2017. № 22. [中共中央党史研究室理论研究中心: 牢牢把握社会主义初级阶段的基本国情, 求是, 2017年, 第22期] (на китайском языке).
34. Закон «О борьбе со шпионажем» от 01.11.2014 г. // Сеть Национального народного конгресса. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c12488/201411/0295b4d987f2418b8137d53f1b9c311e.shtml> (дата обращения: 25.02.2021). [反间谍法, 2014年11月1日, 全国人大网] (на китайском языке).
35. Закон «О государственной безопасности» от 01.07.2015 г. // Министерство обороны КНР. URL: http://www.mod.gov.cn/regulatory/2016-02/19/content_4621258.htm (дата обращения: 25.02.2021). [国家安全法, 2015年7月1日, 中国国防部网站] (на китайском языке).
36. Закон «О борьбе с терроризмом» от 27.12.2015 г. // Сеть Национального народного конгресса. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c12488/201512/294ba4e3865f46318cb0ad7c4d55d1d6.shtml> (дата обращения: 25.02.2021). [反恐怖主义法, 2015年12月27日, 全国人大网] (на китайском языке).
37. Закон «О регулировании деятельности иностранных неправительственных организаций на территории Китая» от 28.04.2016 г. // Сеть Национального народного конгресса. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/201711/80fc41d10c67424e964032426e4c524e.shtml> (дата обращения: 01.03.2021). [境外非政府组织境内活动管理法, 2016年4月28日, 全国人大网] (на китайском языке).
38. Закон «Об оборонном транспортном сообщении» от 03.09.2016 г. // Сеть Национального народного конгресса. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c12488/201609/bc633f929fdd4cfaac65446295a46554.shtml> (дата обращения: 01.03.2021). [国防交通法, 2016年9月3日, 全国人大网] (на китайском языке).
39. Закон «О кибербезопасности» от 07.11.2016 г. // Сеть Национального народного конгресса. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2017-02/20/content_2007531.htm (дата обращения: 01.03.2021). [网络安全法, 2016年11月7日, 全国人大网] (на китайском языке).
40. Закон «О государственной разведке» от 27.06.2017 г. // Сеть Национального народного конгресса. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/201806/483221713dac4f31bda7f9d951108912.shtml> (дата обращения: 01.03.2021). [国家情报法, 2017年6月27日, 全国人大网] (на китайском языке).
41. Закон «О ядерной безопасности» от 01.09.2017 г. // Министерство обороны КНР : сайт. URL: http://www.mod.gov.cn/regulatory/2017-09/02/content_4790613.htm (дата обращения: 01.03.2021). [核安全法, 2017年9月1日, 中国国防部网站] (на китайском языке).
42. Закон «О защите государственной безопасности в САР Гонконг» от 03.06.2020 г. // Сеть Национального народного конгресса. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202007/3ae94fae8aec4468868b32f8cf8e02ad.shtml> (дата обращения: 01.03.2021). [香港特别行政区维护国家安全法, 2020年6月3日, 中国人大网] (на китайском языке).
43. Решение ЦК КПК по некоторым важным вопросам всестороннего содействия управлению государством на правовой основе // Жэньминь жибао. 29.10.2014. [中共中央关于全面推进依法治国若干重大问题的决定, 人民日报, 2014年10月29日] (на китайском языке).
44. Закон «О государственных наградах и государственных почетных званиях» от 27.12.2015 г. // Сеть Национального народного конгресса. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2015-12/28/content_1957464.htm (дата обращения: 01.03.2021). [国家勋章和国家荣誉称号法, 2015年12月27日, 全国人大网] (на китайском языке).
45. Закон «О государственном гимне» от 01.09.2017 г. // Центральное народное правительство КНР : сайт. URL: http://www.gov.cn/guoqing/2017-09/04/content_5222515.htm (дата обращения: 01.03.2021). [国歌法, 2017年9月1日, 中国中央人民政府网站] (на китайском языке).
46. Закон «О государственном флаге» от 01.10.1990 г. // Сеть Национального народного конгресса. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2008-12/15/content_1462082.htm (дата обращения: 01.03.2021). [国旗法, 1990年10月1日, 全国人大网] (на китайском языке).
47. Закон «О государственном гербе» от 01.10.1991 г. // Сеть Национального народного конгресса. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2008-12/15/content_1462081.htm (дата обращения: 01.03.2021). [国徽法, 1991年10月1日, 全国人大网] (на китайском языке).
48. Чжан Дэцзян: Рабочий доклад ПК ВСНП на 1-й сессии ВСНП 13-го созыва 11.03.2018 г. // Жэньминь жибао. 25.03.2018. [张德江: 全国人民代表大会常务委员会工作报告—2018年3月11日在第十三届全国人民代表大会第一次会议上, 人民日报, 2018年3月25日] (на китайском языке).
49. Си Цзиньпин: добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху: доклад на 19-м Всекитайском съезде КПК // Жэньминь жибао. 28.10.2017. [习近平: 决胜全面建成

成小康社会 夺取新时代中国特色社会主义伟大胜利——在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告，人民日报，2017年10月28日] (на китайском языке).

50. Закон «О контроле» от 20.03.2018 г. // Юридическая библиотека. URL: <http://lawdb.cncourt.org/show.php?fid=149433> (дата обращения: 01.03.2021). [監察法，2018年3月20日，法律图书馆] (на китайском языке).
51. Ли Чжаньшу: Рабочий доклад ПК ВСНП на 2-й сессии ВСНП 13-го созыва 08.03.2019 г. // Чжунго жэньда. 2019. № 6. [栗战书. 全国人民代表大会常务委员会工作报告—2019年3月8日在第十三届全国人民代表大会第二次会议上，中国人大，2019年，第6期] (на китайском языке).
52. Си Цзиньпин: неуклонно придерживаться пути верховенства закона в условиях социализма с китайской спецификой, создавать сильную правовую гарантию для всестороннего построения модернизированного социалистического государства // Жэньминь жибао. 18.11.2020. [习近平. 坚持不移走中国特色社会主义法治道路为全面建设社会主义现代化国家提供有力法治保障，人民日报，2020年11月18日] (на китайском языке).
53. Устав Коммунистической партии Китая от 06.09.1982 г. // Член Коммунистической партии : сайт. URL: <http://fuwu.12371.cn/2014/12/24/ART11419388285737423.shtml> (дата обращения: 01.03.2021). [中国共产党党章，1982年9月6日，共产党员网] (на китайском языке).

Статья представлена научной редакцией «Право» 20 июля 2021 г.

Milestones in the Formation of China's Constitutional Legislation: A Look Through One Hundred Years Since the Creation of the CPC

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 253–262.

DOI: 10.17223/15617793/470/31

Song Lei, Beijing Institute of Technology (Beijing, People's Republic of China); Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: 759220970@qq.com

Keywords: Communist Party of China; centenary; constitution; constitutional legislation; rule of law; governance of state on legal basis.

This article highlights the chronology of the formation of Chinese constitutional legislation under the leadership of the Chinese Communist Party and on this basis analyzes the active role of the CCP in this process. The author studied the development of the Chinese Constitution and the related legislation. This process has gone through a thorny path: inception (1927–1949), formation (1949–1966), stagnation (1966–1978), further development (1978–2012), and finally improvement (2012 – present). The main research methods were formal-legal (used to study the texts of the laws of China from 1927 to the present). The author identified the advantages and disadvantages of rule-making activities in the field of public law in China. In the course of the study, the author found that the creation of the CPC was a landmark event in the history of both the country and the whole world in 1921. In 2021, the CPC celebrates its centennial anniversary. As this difficult century has shown, comprehensive governance of the state on a legal basis is a key guarantee, essential for the commitment to this path and for its development, an indispensable condition for the modernization of the system and the potential of state governance. It is established that, under the leadership of the CPC, China tirelessly sought new solutions and invested great efforts in creating a rich and strong state, reviving the Chinese nation, and improving the people's well-being. During the founding of the People's Republic of China, in the period of reform and openness that followed, and in the new era of socialism with Chinese characteristics, the party played a key, decisive role in fulfilling all the tasks associated with the formation of these laws. As a result of the analysis, the author concludes that the party leadership, the people as the rightful owner of their country and the government of the state on the basis of law are closely related to each other and constitute an organism characterized by internal unity. As the experience of creating constitutional legislation shows, China needs to adhere to the organic unity of these three elements in practice. It is necessary to improve the system of implementation, control and guarantee of legal governance, to protect the authority of constitutional legislation. It is necessary to maintain and improve the institutional framework of the National People's Congress, continuously modernize the technique of lawmaking and improve its quality, and continue to deepen and develop scientific and democratic legislative work, recognize the importance of China's own conditions and national specifics, and study the fruits and experience of creating foreign constitutional legislation.

REFERENCES

1. Xi Jinping. (2018) Speech at the meeting in honor of the fortieth anniversary of the policy of reform and openness. *People's Daily*. 19 December. (In Chinese).
2. Chinese Network: National Conditions of China. (2012) *Draft Constitution of the Chinese Soviet Republic of 07.11.1931*. [Online] Available from: http://guoqing.china.com.cn/2012-08/30/content_26380103.htm (Accessed: 04.02.2021). (In Chinese).
3. Chinese Economic Network. (2007) *The Law "On Land" of the Chinese Soviet Republic of 01.12.1931*. [Online] Available from: http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/szyw/200705/21/t20070521_11434617.shtml (Accessed: 04.02.2020). (In Chinese).
4. Chinese Economic Network. (2007) *The Law "On Labor" of the Chinese Soviet Republic of 01.12.1931*. [Online] Available from: http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/szyw/200705/21/t20070521_11434652.shtml (Accessed: 04.02.2021). (In Chinese).
5. Network of Land Resources. (2013) *Draft Law of China "On Land" of 13.09.1947*. [Online] Available from: <http://www.tdzyw.com/2013/0603/29113.html> (Accessed: 04.02.2021). (In Chinese).
6. Zhang Sheng. (2020) *History of the Legislation of the People's Republic of China (1949–2019)*. Beijing: Pravo Publishing House. (In Chinese).
7. Xi Jinping. (2019) Speech at the meeting in honor of the seventieth anniversary of the founding of the People's Republic of China. *People's Daily*. 02 October. (In Chinese).
8. *Newspaper of the People's Daily*. (1949) The Law "On the organization of the sessions of the CPPCC" of 27.09.1949. 30 September. (In Chinese).
9. Network of the National People's Congress. (2000) *The Law "On the organization of the Central People's Government of the People's Republic of China" of 27.09.1949*. [Online] Available from: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/10/content_4237.htm (Accessed: 04.02.2021). (In Chinese).
10. Law-lib.com. (1949) *The general program of the NPKSK of 29.09.1949*. [Online] Available from: http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=283576 (Accessed: 04.02.2021). (In Chinese).

11. Network of the National People's Congress. (2000) *The Law "On Land Reform of the People's Republic of China"* [Online] Available from: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/10/content_4246.htm (Accessed: 04.02.2021). (In Chinese).
12. Network of the National People's Congress. (2000) *Constitution of the People's Republic of China*. 20.09.1954. [Online] Available from: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/26/content_4264.htm (Accessed: 25.02.2021). (In Chinese).
13. Network of the National People's Congress. (2000) *The Law "On the organization of the National People's Congress" of 20.09.1954*. [Online] Available from: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/10/content_4265.htm (Accessed: 04.02.2021). (In Chinese).
14. Network of the National People's Congress. (2000) *The Law "On the organization of the State Council" of 21.09.1954*. [Online] Available from: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/10/content_4266.htm (Accessed: 04.02.2021). (In Chinese).
15. Network of the National People's Congress. (2000) *The Law "On the organization of People's Courts" of 21.09.1954*. [Online] Available from: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/10/content_4267.htm (Accessed: 04.02.2021). (In Chinese).
16. Central People's Government of the People's Republic of China. (2009) *Chronicles in the People's Republic of China for 1956*. [Online] Available from: http://www.gov.cn/test/2009-10/09/content_1434249.htm (Accessed: 04.02.2021). (In Chinese).
17. Central People's Government of the People's Republic of China. (2011) *Press Service of the State Council of the People's Republic of China: White Book "The legal system of Socialism with Chinese specifics" dated 27.10.2010*. [Online] Available from: http://www.gov.cn/zhengce/2011-10/27/content_2615783.htm (Accessed: 04.02.2021). (In Chinese).
18. Yxjedu.com. (1966) *Message of the Central Committee of the Communist Party of China from 16.05.1966*. [Online] Available from: http://www.yxjedu.com/li_shi_shun_jian/lian_jie_wangye/516_tong_zhi_quanwen/516_tongzhi_quanwen.htm (Accessed: 04.02.2021). (In Chinese).
19. Baidu. (1975) *Constitution of the People's Republic of China of 17.01.1975*. [Online] Available from: https://dunixiaofa.baidu.com/detail?cid=dc14cc1823e64a4f1d035a854bcce923_law&searchType=statute (Accessed: 25.02.2021). (In Chinese).
20. Central People's Government of the People's Republic of China. (2009) *Chronicles in China for 1976*. [Online] Available from: http://www.gov.cn/test/2009-10/09/content_1434288.htm (Accessed: 25.02.2021). (In Chinese).
21. Network of the National People's Congress. (2000) *Constitution of the People's Republic of China of 05.03.1978*. [Online] Available from: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/06/content_4365.htm (Accessed: 25.02.2021). (In Chinese).
22. Central People's Government of the People's Republic of China. (2009) *Chronicles in China for 1978*. [Online] Available from: http://www.gov.cn/test/2009-10/09/content_1434288.htm (Accessed: 25.02.2021). (In Chinese).
23. Network of the National People's Congress. (1979) *The Law "On Elections to the National People's Congress and Local Assemblies of People's Representatives of various Levels" of 01.07.1979*. [Online] Available from: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/1982-12/10/content_1478463.htm (Accessed: 25.02.2021). (In Chinese).
24. Network of the National People's Congress. (1979) *The Law "On the organization of local assemblies of people's representatives and people's governments of various levels" of 01.07.1979*. [Online] Available from: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/1982-12/10/content_1478474.htm (Accessed: 25.02.2021). (In Chinese).
25. Network of the National People's Congress. (2000) *The Law "On the organization of People's Courts" of 01.07.1979*. [Online] Available from: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/06/content_4377.htm (Accessed: 25.02.2021). (In Chinese).
26. Law-lib.com. (1979) *The Law "On the organization of the People's Prosecutor's Office" of 01.07.1979*. [Online] Available from: http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=1947 (Accessed: 25.02.2021). (In Chinese).
27. Research Office of the Working Committee on Legislation of the SC NPC. (2019) *Review of China's legislative achievements over 40 years of reform and openness policies*. Beijing: Pravo Publishing House. (In Chinese).
28. PRC. (2018) *Constitution of the People's Republic of China (with the text of the oath)*. Beijing: Pravo Publishing House. (In Chinese).
29. Central People's Government of the People's Republic of China. (2009) *Chronicles in the People's Republic of China for 1992*. [Online] Available from: http://www.gov.cn/test/2009-10/09/content_1434364.htm (Accessed: 25.02.2021). (In Chinese).
30. Central People's Government of the People's Republic of China. (2009) *Chronicles in China for 1997*. [Online] Available from: http://www.gov.cn/test/2009-10/09/content_1434371.htm (Accessed: 25.02.2021). (In Chinese).
31. Central People's Government of the People's Republic of China. (2005) *The Law "On counteraction to split state" dated 21.06.2005*. [Online] Available from: http://www.gov.cn/zhengce/2005-06/21/content_2602175.htm (Accessed: 25.02.2021). (In Chinese).
32. Wu Bango. (2013) Working paper PK NPC in the 1st Session of the National People's Congress of the 12th Convocation, 08.03.2013. *People's Daily*. 21 March. (In Chinese).
33. The Center for Theoretical Research of the Research Cabinet of the CPC Central Committee for the Study of the History of the Party. (2017) Hard to learn the basic realities of the country at the initial stage of socialism. *Journal of Qiushi*. 22. (In Chinese).
34. Network of the National People's Congress. (2014) *The Law "On combating espionage" of 01.11.2014*. [Online] Available from: <http://www.npc.gov.cn/npc/c12488/201411/0295b4d987f2418b8137d53f1b9c311e.shtml> (Accessed: 25.02.2021). (In Chinese).
35. Ministry of Defense of the People's Republic of China. (2016) *The Law "On State Security" of 01.07.2015*. [Online] Available from: http://www.mod.gov.cn/regulatory/2016-02/19/content_4621258.htm (Accessed: 25.02.2021). (In Chinese).
36. Network of the National People's Congress. (2015) *The Law "On combating terrorism" of 27.12.2015*. [Online] Available from: <http://www.npc.gov.cn/npc/c12488/201512/294ba4e3865f46318cb0ad7c4d55d1d6.shtml> (Accessed: 25.02.2021). (In Chinese).
37. Network of the National People's Congress. (2017) *The Law "On the regulation of the activities of foreign Non-governmental organizations in China" of 28.04.2016*. [Online] Available from: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/201711/80fc41d10c67424e964032426e4c524e.shtml> (Accessed: 01.03.2021). (In Chinese).
38. Network of the National People's Congress. (2016) *The Law "On defense transport communication" of 03.09.2016*. [Online] Available from: <http://www.npc.gov.cn/npc/c12488/201609/bc633f929fdd4cfac65446295a46554.shtml> (Accessed: 01.03.2021).
39. Network of the National People's Congress. (2017) *The Law "On cybersecurity" of 07.11.2016*. [Online] Available from: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2017-02/20/content_2007531.htm (Accessed: 01.03.2021). (In Chinese).
40. Network of the National People's Congress. (2018) *The Law "On state intelligence" of 27.06.2017*. [Online] Available from: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/201806/483221713dac4f31bda7f9d951108912.shtml> (Accessed: 01.03.2021). (In Chinese).
41. Ministry of Defense of the People's Republic of China. (2017) *The Law "On nuclear safety" of 01.09.2017*. [Online] Available from: http://www.mod.gov.cn/regulatory/2017-09/02/content_4790613.htm (Accessed: 01.03.2021). (In Chinese).
42. Network of the National People's Congress. (2020) *The Law "On the protection of State security in the Hong Kong SAR" of 03.06.2020*. [Online] Available from: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202007/3ae94fae8aec4468868b32f8cf8e02ad.shtml> (Accessed: 01.03.2021). (In Chinese).
43. *People's Daily*. (2014) The decision of the CPC Central Committee on some important issues of comprehensive assistance to governance of the state on a legal basis. 29 October. (In Chinese).
44. Network of the National People's Congress. (2015) *The Law "On State awards and state honorary titles" of 27.12.2015*. [Online] Available from: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2015-12/28/content_1957464.htm (Accessed: 01.03.2021). (In Chinese).
45. Central People's Government of the People's Republic of China. (2017) *The Law "On the national anthem" of 01.09.2017*. [Online] Available from: http://www.gov.cn/guoqing/2017-09/04/content_5222515.htm (Accessed: 01.03.2021). (In Chinese).
46. Network of the National People's Congress. (2008) *The Law "On the state flag" of 01.10.1990*. [Online] Available from: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2008-12/15/content_1462082.htm (Accessed: 01.03.2021). (In Chinese).
47. Network of the National People's Congress. (2008) *The Law "On the state emblem" of 01.10.1991*. [Online] Available from: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2008-12/15/content_1462081.htm (Accessed: 01.03.2021). (In Chinese).

48. Zhang Dejiang. (2018) Working paper PK NPC in the 1st Session of the National People's Congress of the 13th Convocation, 11.03.2018. *People's Daily*. 25 March. (In Chinese).
49. Xi Jinping. (2017) To achieve a decisive victory to complete building a moderately prosperous society, to win the great victory of socialism with Chinese characteristics for a new era – a report to the 19th national Congress of the CPC. *People's Daily*. 28 October. (In Chinese).
50. Lawdb.cncourt.org. (2018) *The Law "On control" of 20.03.2018*. [Online] Available from: <http://lawdb.cncourt.org/show.php?fid=149433> (Accessed: 01.03.2021). (In Chinese).
51. Li Zhanshu. (2019) Working paper PK NPC in the 2nd Session of the National People's Congress of the 13th Convocation of 08.03.2019. *Zhongguo Janda*. 6. (In Chinese).
52. Xi Jinping. (2020) Firmly adhere to the path of the rule of law in the conditions of socialism with Chinese characteristics, create a strong legal guarantee for the comprehensive construction of a modernized socialist state. *People's Daily*. 18 November. (In Chinese).
53. CPC. (1982) *Charter of the Communist Party of China of 06.09.1982*. [Online] Available from: <http://fuwu.12371.cn/2014/12/24/ARTI1419388285737423.shtml> (Accessed: 01.03.2021). (In Chinese).

Received: 20 July 2021

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЗАРЁНОК Николай Васильевич – канд. юрид. наук, докторант кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург). E-mail: Azarenok_96@mail.ru

АСТАШОВА Надежда Дмитриевна – канд. филос. наук, старший преподаватель кафедры философии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского. E-mail: nadya.astashova@mail.ru

АРХИПОВА Елена Борисовна – канд. социол. наук, доцент кафедры социальной работы Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: e.b.arkhipova@urfu.ru

БАЛДОВА Анастасия Вячеславовна – канд. филол. наук, доцент отделения русского языка Томского политехнического университета. E-mail: nastya-borovkova@mail.ru

БАНКОВА Людмила Львовна – канд. филол. наук, доцент кафедры китайского языка Московского городского педагогического университета. E-mail: lwittsa@yandex.ru

БЕЗУКЛАДНИКОВ Константин Эдуардович – д-р пед. наук, зав. кафедрой методики преподавания иностранных языков Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. E-mail: konstantin.bezukladnikov@gmail.com

БЕСПАЛКО Денис Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории Забайкальского государственного университета (г. Чита). E-mail: bespalkodenis84@mail.ru

БОБКОВА Татьяна Владимировна – канд. экон. наук, руководитель направления повышения экономической эффективности АО «Нижегородский завод 70-летия Победы». E-mail: btv-nmz@mail.ru

БОГОЛЮБОВ Егор Андреевич – аспирант, ассистент кафедры теории и истории государства и права Кемеровского государственного университета. E-mail: bogolubovegor@mail.ru

БУРАВЛЕВ Игорь Юрьевич – канд. хим. наук, научный сотрудник Института химии Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток); доцент кафедры материаловедения и технологии материалов Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, о. Русский). E-mail: buravlev.i@gmail.com / buravlev_igor@yahoo.com

ГЛАДЫШЕВА Ольга Владимировна – д-р юрид. наук, зав. кафедрой уголовного процесса Кубанского государственного университета (г. Краснодар). E-mail: volkolup@yandex.ru

ГОЛОВАСТОВА Юлия Александровна – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России (г. Рязань). E-mail: UGolovastova@yandex.ru

ГОЛУБИНСКАЯ Анастасия Валерьевна – канд. филос. наук, научный сотрудник лаборатории киберпсихологии, ведущий специалист по мониторингу научных проектов Центра развития открытого онлайн-образования Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского. E-mail: golub@unn.ru

ДЕМЕШКИНА Татьяна Алексеевна – д-р филол. наук, зав. кафедрой русского языка Томского государственного университета. E-mail: demeta@rambler.ru

ЖУЩИХОВСКАЯ Ирина Сергеевна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток). E-mail: irinalzh@mail.ru

ЗАХАРОВА Вера Анатольевна – канд. пед. наук, доцент кафедры теории и технологии обучения и воспитания младших школьников Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. E-mail: zaharova_va@pspu.ru

ИЛЬИНА Ольга Викторовна – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета. E-mail: kema-rodina@yandex.ru

КИРИЛОВА Екатерина Алексеевна – студент кафедры российской истории Томского государственного университета. E-mail: iam_kea@mail.ru

КОЛЕВА Галина Юрьевна – д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий Тюменского промышленного университета. E-mail: gukoleva@gmail.com

КОНЫШЕВ Денис Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Киров). E-mail: denis-konyshev@mail.ru

КОСИЦИН Игорь Алексеевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры «Таможенное дело и право» Омского государственного университета путей сообщения. E-mail: ikosicin@yandex.ru

КРУЗЕ Борис Александрович – д-р пед. наук, зав. кафедрой педагогики и психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. E-mail: bkruze@gmail.com

КУЗНЕЦОВА Наталья Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Тюменского государственного университета. E-mail: nvkouznets@gmail.com

ЛУМБУНОВА Наталья Баировна – преподаватель Бурятского аграрного колледжа им. М.Н. Ербанова (г. Улан-Удэ). E-mail: gnat6856mk@gmail.com

ЛЮ Си – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: liu.si644@yandex.ru

МАЙЛЕ Алексей Давидович – канд. юрид. наук, доктор права, магистр административных наук, служащий Министерства внутренних дел федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн (Германия). E-mail: alex.majle@mail.ru

МЕДВЕДЕВ Николай Владимирович – д-р филос. наук, зав. кафедрой философии и методологии науки Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. E-mail: mnv88@mail.ru

ПЕВЦОВА Елена Александровна – д-р юрид. наук, профессор, ректор Московский государственного областного университета. E-mail: rectorat@mgou.ru

ПЕСТРЯКОВ Николай Николаевич – магистрант института физической культуры Тюменского государственного университета. E-mail: nikolay2686rus@mail.ru

ПОЛЯКОВА Анастасия Андреевна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: 3008polyakova@gmail.com

ПОЧЕКАЕВ Роман Юлианович – д-р ист. наук, канд. юрид. наук, зав. кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург). E-mail: prochekaev@hse.ru

ПОЧТАРЁВА Ольга Викторовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Тюменского государственного университета. E-mail: olga2476@mail.ru

РОЗОВ Николай Сергеевич – д-р филос. наук, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск); зав. кафедрой социальной философии и политологии Новосибирского государственного университета; профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета. E-mail: nrozov@gmail.com

САВИНА Татьяна Вячеславовна – канд. филол. наук, доцент кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета. E-mail: tsavina2005@mail.ru

САПОГОВ Владимир Митрофанович – канд. юрид. наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и теории права Псковского государственного университета. E-mail: dikbul@yandex.ru

САФОНЕНКО Светлана Владимировна – канд. пед. наук, доцент кафедры спортивных дисциплин Самарского государственного социально-педагогического университета. E-mail: sve21547052@yandex.ru

СТАРИКОВА Галина Николаевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: gstarikova@yandex.ru

СТАРШИНОВА Алевтина Викторовна – д-р социол. наук, профессор кафедры социальной работы Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: a.v.starshinova@urfu.ru

СУН Лэй – канд. пед. наук, доцент института Марксизма Пекинского политехнического института (университет) (г. Пекин, КНР); докторант юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: 759220970@qq.com

ТОЛСТОВА Мария Анатольевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: tolstova_11@mail.ru

ТРОИЦКИЙ Евгений Флорентьевич – д-р ист. наук, доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: eft@rambler.ru

ТРОФИМОВА Надежда Александровна – аспирант Томского политехнического университета; ст. преподаватель кафедры иностранных языков Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: nadya.a.trofimova@gmail.com

УЛЬЯНОВ Владимир Геннадьевич – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета (г. Краснодар). E-mail: vladimir.ulyanov-sochi@yandex.ru

ХАХАЛОВА Анна Алексеевна – канд. филос. наук, старший научный сотрудник сектора истории российской социологии Социологического института Российской академии наук – филиала Федерального Научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (г. Санкт-Петербург). E-mail: ann86j@gmail.com

ЦЫРЕНОВА Валентина Бабасановна – д-р пед. наук, профессор кафедры геометрии и методики преподавания математики Бурятского государственного университета имени Д. Банзарова (г. Улан-Удэ). E-mail: v.ts@mail.ru

ЧЕРКАСОВ Владимир Валентинович – канд. пед. наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных основ физической культуры и спорта Тюменского государственного университета. E-mail: v.v.cherkasov@utmn.ru

ЧЕРКАСОВА Ирина Ивановна – канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социального образования Тобольского педагогического института имени Д.И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета (г. Тобольск). E-mail: i.i.cherkasova@utmn.ru

ШАРИН Валерий Иванович – д-р экон. наук, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург). E-mail: Sharin_vi@usue.ru

ШЕВЧЕНКО Юрий Павлович – канд. юрид. наук, доцент факультета очного обучения Сибирского института бизнеса и информационных технологий (г. Омск). E-mail: chief3.56@mail.ru

ЩИТОВА Ольга Григорьевна – д-р филол. наук, профессор отделения русского языка Томского политехнического университета. E-mail: shchitova2010@mail.ru

ЮРИНА Елена Андреевна – д-р филол. наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва); профессор кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: yourina2007@yandex.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2021. № 470. Сентябрь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 31.09.2021 г. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 33,2. Усл. печ. л. 30,9. Тираж 50 экз.
Заказ № 4908. Цена свободная.

Дата выхода в свет 17.01.2022 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru